И.М.СИГАУРИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ЧЕЧЕНЦЕВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

И.М.СИГАУРИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ЧЕЧЕНЦЕВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

МОСКВА
издательский дом
"РУССКАЯ ЖИЗНЬ"
1997

РОССИЙСКИЙ ФОНД
СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ESSAY ON THE HISTORY AND STATE SYSTEM OF CHECHENS SINCE THE ANCIENT TIMES

By ILESS M. SIGAURI

Издательский дом "РУССКАЯ ЖИЗНЬ" (Russkaya Zhizn Publishers)

Генеральный директор: **А.Г. Тропкин**
Коммерческий директор: **Л.М. Донских**
Художник: **Г.В. Равинская**
Технический редактор: **Т.Н. Потюхина**
Корректор: **Ю.П. Баклакова**

И.М.СИГАУРИ. "ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА ЧЕЧЕНЦЕВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН".
М. Издательский дом "Русская жизнь"("Russian Life"), 1997. - 250 с.,илл.

В книге И.М. Сигаури впервые на базе новых лингвистических, археологических и архивных документов и материалов исследуется история чеченцев, а также других коренных народов Кавказа, начиная с древней шумерской цивилизации до наших дней.

Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, интересующихся историей чеченцев и кавказских народов в целом.

© И.М.Сигаури."Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен".1997
© Издательский дом "Русская жизнь".1997

ISBN 5-7715-0061-5

ВВЕДЕНИЕ

История любого народа в массовом сознании больше чем на половину состоит из стереотипов и устоявшихся мнений, выйти за рамки которых обычно непросто. Если говорить о чеченцах, то такими стереотипами, закрепившимися в массовом сознании, было мнение, что чеченцы вплоть до Нового времени не знали государственного устройства, что в состав России они вошли будучи на переходной стадии от патриархально-родового общества к раннефеодальному, что тысячелетиями они стояли в стороне не только от мировой цивилизации, но даже от мировой истории. Впрочем, сказанное почти в той же мере относилось и к другим малочисленным кавказским народам. Даже А. Авторханов, который писал о том, что с древнейших времен горцы принимали живейшее участие в исторических событиях, международной торговле и политической жизни Кавказа и Ближнего Востока, считал все же первыми государственными образованиями горцев "... государство Мансура (1780 — 1791, государство Шамиля ("Имамат Шамиля" — 1834 — 1864) *(Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 8).*

Существование указанных стереотипов тем более поразительно, что исторической науке уже давно известны факты, свидетельствующие о великом прошлом кавказских народов и их огромной роли в истории человечества. Правда, до сих пор никто из профессиональных историков не смог увязать воедино разрозненные свидетельства о древней истории кавказцев. Да и сами эти факты так и не получили до сих пор широкого распространения и известны в основном профессиональным историкам и небольшому числу энтузиастов-любителей. Данная работа представляет собой попытку отойти от устоявшихся стереотипов и взглянуть на прошлое кавказских народов, прежде всего чеченцев, увязав его с великими кавказскими цивилизациями древности. Несмотря на то, что в глубокой древности кавказский мир занимал обширную территорию далеко за пределами собственно Кавказа как географического понятия и являл собой множество близкородственных народов, зачастую стоявших на разной ступени развития, — такой подход вполне правомочен. Ведь говорят же историки о мире древних германских, славянских или тюркских народов, хотя каждое из этих исторических реалий включало в себя множество племен, объединенных только общностью происхождения и языка.

При этом данная работа не претендует на то, чтобы осветить все вопросы. Еще меньше она претендует на то, чтобы сделать открытие или совершить какой-то переворот в исторической науке. Факты, на которые опирался автор, уже давно известны. Другое дело, что он дал им свою интерпретацию. Автор убежден, что историю любого кавказского народа надо рассматривать в неразрывной связи с историей всего Кавказа, начиная с истоков. Только так можно понять, например, как формировался современный чеченский народ; почему чеченскому менталитету присущи определенные качества; что роднит его с соседними народами.

До сих пор историю великих кавказских народов древности — урартов, хурритов и шумеров — историки рассматривают как часть истории народов Ближнего и Среднего Востока. Великое множество работ посвящено их влиянию на соседние, прежде всего семитские, народы, и лишь единицы поднимали вопрос о роли тех же хурритов или шумеров в исторических судьбах современных кавказских народов. В первой трети XX в. "кавказская тема" отчетливо звучала в работах по большей части немецких исследователей

древнего Междуречья. Можно назвать имена В. Христиана или Ш. М. Оттен. В последующие годы вопрос о кавказских истоках первой великой цивилизации в истории человечества — шумерской практически не получает дальнейшего развития. В представлении большинства историков, не говоря уже о массовом сознании, древний мир отодвигается все дальше от Кавказа,рядом с которым он находился и с которым был связан изначально. А между тем, история древнейших цивилизаций Междуречья — это одновременно и древнейшая история Кавказа.

Заселение собственно Кавказа древнейшими людьми происходило из прилегающих к нему областей Передней Азии (примерно 500 — 200 тысяч лет назад). В Передней Азии и восточном Средиземноморье человек появился еще в эпоху позднего олдувея, приблизительно 700 тысяч лет назад. Во второй половине ашельской эпохи (приблизительно 150 — 80 тысяч лет назад) древние люди уже широко освоили территорию Кавказа. На обширных пространствах восточного Средиземноморья, Передней Азии и Кавказа первобытный человек приспосабливал свое охотничье-собирательское хозяйство к конкретным природно-климатическим условиям. Обитая среди горных массивов, он охотился преимущественно на крупных нестадных хищников — пещерных медведей. В степных районах — преследовал стада травоядных животных: бизонов, лошадей, разных видов антилоп. Главная отличительная черта охотничьего промысла первобытных людей той эпохи — его коллективный характер. Только общими усилиями древних охотников можно было компенсировать их "слабую техническую оснащенность". Их оружие и орудия труда еще крайне примитивны и состоят из заостренных и обожженных на огне палок, различных каменных рубил, скребков и т. д.

Археологические исследования на территории Ближнего Востока и Кавказа выявили общие черты обнаруженных здесь памятников верхнего палеолита (35 — 10 тысяч лет назад). К ним, в частности, относятся: отсутствие традиций двусторонней обработки изделий, ранняя геометризация и микролитизация индустрий, долгое переживание черт мустьерской эпохи, наличие так называемых "промежуточных" стоянок, сравнительная типологическая бедность изделий из кости и ряд других. Таким образом, начиная уже с эпохи позднего палеолита можно говорить о Кавказе и Ближнем Востоке как о районе существования однотипной древней первобытной культуры. Естественно при этом, что ареал расселения древних охотников и собирателей включал районы, наиболее благоприятные по своим природно-климатическим условиям. Например, обширные болота на юге Междуречья долгое время оставались незаселенными.

В эпоху мезолита (среднего каменного века) происходят значительные изменения в образе жизни первобытного человека, меняется и характер материальной культуры. Появляются новые орудия труда, а с изобретением лука и стрел охота приобретает более индивидуальный характер. Важное значение в хозяйственной жизни приобретает рыболовство и появляются предпосылки для перехода от собирательства к земледелию.

В неолите получают широкое распространение новые орудия труда: крупные ножевидные пластины, острия, сверла, клиновидные топоры, двусторонне обработанные пикообразные мотыги, зернотерки в виде плоских камней и т. д. Возникает и новая технология обработки камней — полирование, сверление. Появляется глиняная посуда, а люди живут теперь преимущественно в жилищах, состоящих из плетеного каркаса, обмазанного глиной. Причем длительное соседство архаических и новых орудий труда свидетельствует о том, что неолитические культуры Ближнего Востока и Кавказа развивались из предшествовавших им мезолитических культур. При этом сохраняются и общие черты, позволяющие говорить о продолжающем иметь место близком родстве неолитических культур.

Природно-климатические условия Ближнего Востока и Кавказа были весьма благоприятны для жизнедеятельности человека. Примерно 12 тысяч лет назад начинает возрастать употребление в пищу растений, прежде всего диких злаков. Благоприятные условия, а также возрастающая численность населения способствовали постепенному переходу к производящему хозяйству. Богатый и разнообразный животный мир, наличие здесь муфлонообразных баранов, безоаровых козлов и диких свиней, а также разнообразных съедобных растений позволили раньше, чем в других районах перейти к приручению животных и окультуриванию злаков, что привело к развитию скотоводства и земледелия. То, что именно Кавказ, Юго-Западная Азия и прилегающие к ним территории (то есть зона расселения прокавказских первобытных племен) стали первым местом на земле, где люди начали возделывать хлебные злаки, зерновые, бобовые культуры и лен, — доказал еще академик Н. И. Вавилов *(Вавилов Н. И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культурМ.— Л., 1957. С. 87 — 88, 116).* И хотя переход к земледелию и скотоводству произошел впервые в горных и предгорных районах Ближнего Востока,

все же центрами последующего прогресса стали плодородные долины рек. Именно здесь возникает принципиально новая форма ведения сельскохозяйственного производства — ирригационное земледелие. В свою очередь, орошаемое земледелие приводит не только к получению стабильных и обильных урожаев, но и к необходимости создания, усовершенствования и постоянного поддержания сложной системы каналов, плотин и других гидротехнических сооружений. Не лишено поэтому смысла утверждение, что древнейшие государства Междуречья возникли как аппарат управления все более усложняющимся общественным производством *(Массон В. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 63).*

Выросшие из местных неолитических культур культуры раннего бронзового века по-прежнему сохраняют общие черты. Так, керамика одной из ранних культур южного Междуречья, получившая условное название "Урук" (примерно 4500 лет до н. э.), распространена по всей Месопотамии, северной Сирии и Передней Азии. Сходная керамика встречается в единовременных культурных слоях Малой Азии и западной части южного Закавказья. На рубеже III тысячелетия до н. э. аналогичная керамика распространяется в северном Иране и юго-западном Туркестане, а также на Балканском полуострове и в бассейне Дуная.

Таким образом, первоначальный ареал расселения кавказских (или, если хотите, яфетических) народов включает обширные территории восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, причем собственно Кавказ является лишь северной периферией зоны обитания древних кавказцев. В последующем этот ареал неуклонно сокращается вследствие развития миграционных процессов. Однако древнейшие традиции государственности, достижения культуры и производства, достигнутые ранними кавказскими цивилизациями, не гибнут бесследно, а сохраняются и получают дальнейшее развитие уже в новых государственных образованиях как кавказских, так и некавказских народов. Например, шумерская цивилизация является первым классовым обществом и легла в основу не только семитских держав древности — Аккада, Вавилона, Ассирии, но и хурритских государств. От хурритов эти традиции переходят в урартам и далее к древней Армении и Агвании (Кавказской Албании).

История существования кавказских государств насчитывает в целом более 6 тысяч лет. Несмотря на известную скудность материалов, в книге предпринята попытка рассмотреть проблему с разных точек зрения и с привлечением данных лингвистики, антропологии и археологии. Все это время имели место активные миграционные процессы. Речь идет не только об ассимиляции древних кавказских этносов пришлыми народами, но и о широких переселениях внутри кавказского ареала. Так, многое свидетельствует о том, что по крайней мере какая-то часть современных чеченцев проделала достаточно долгий и длительный путь из Закавказья на Северный Кавказ. Многое говорит о том, что в древности предки современных кавказских народов занимали другие территории. Так, лингвистические данные свидетельствуют о близости урартского языка к архаичным диалектам современного чеченского, а язык кавказских албанцев ближе всего подходил к удинскому и лезгинскому языкам. Да и образование современных кавказских языков произошло сравнительно недавно. Так, аварский и чеченский языки окончательно разделились лишь приблизительно на рубеже нашей эры.

Главная задача, которую ставил перед собой автор, — не простое изложение уже известных исторических фактов, а их новое осмысление. Арена развития событий древнейшей истории кавказских народов находилась далеко от их нынешних границ, но это не означает, что теперь эта история больше им не принадлежит. Вполне вероятно, что отдельные выводы, сделанные в данной работе, вызовут возражения профессиональных историков. Тем не менее, автор оставляет за собой право на собственное мнение, тем более что еще одна задача данной работы как раз в том и заключается, чтобы поставить проблему, которая во многом еще ждет своего решения.

И наконец, третья цель, которую преследовал автор, — это изложить минимум того, что каждый чеченец должен знать о древней истории Кавказа и своего народа. Только так можно отделаться от навязанных нам стереотипов о чеченцах как о народе, не знавшем до Нового времени государственности, классового деления и т. д. Впрочем, можно надеяться, что данная работа окажется полезной для любого читателя, интересующегося историей Кавказа. Кстати, утверждению такого взгляда на чеченцев во многом способствовала акция, предпринятая органами НКВД в конце февраля 1944 года. Тогда в центре Грозного, в скверике перед Дворцом пионеров, было сожжено большое количество книг и рукописных материалов, конфискованных у выселяемых чеченцев. Среди прочего тогда бесследно исчезли чеченские древние родовые хроники и работы, рассказывающие о переселении предков чеченцев из районов Урарту на их современную территорию обитания. Правда, остается еще надежда, что не все бесценные материалы по истории чеченцев были уничтожены, — известно, что самые редкие и древние документы работники

госбезопасности вывезли. Кстати, вплоть до 80-х годов органы госбезопасности в Чечне буквально охотились за любым письменным документом на арабской или латинской графике. Таким образом, вновь подрастающие поколения не имели ни одного материального свидетельства об истории своих предков.

Следовательно, если говорить только о тех государствах, в создании которых принимали участие предки современных чеченцев и в состав которых они входили, то начинать историю придется с древнего Шумера, первого государства, созданного кавказским этносом. Формирование шумерских городов-государств начинается примерно 4500 лет до н. э., а государство в подлинном смысле этого слова появляется на рубеже IV — III тысячелетия до н. э. Окончательная утрата независимости шумерскими городами-государствами на рубеже III — II тысячелетий до н. э. ни в коей мере не означала конец кавказской государственности.

Шумеры еще не утратили своей независимости, когда на севере Междуречья возникли хурритские государства. Позднее самым могущественным из них станет Митанни. При этом довольно много хурритов живет в шумерских городах, прежде всего в Ниппуре, а на севере Месопотамии, в зоне традиционного расселения хурритов, уже с середины III тысячелетия до н. э. появляются очаги шумерской культуры. Так, хурритское государство Мари фигурирует в шумерском царском списке в качестве претендента на общешумерскую гегемонию в XXVI в. до н. э. Поэтому можно говорить о постепенном переносе центров кавказской государственности с семитизирующегося юга Междуречья на север.

Вынужденное воевать на два фронта: против хеттов на западе и ассирийцев на востоке, государство Митанни прекратило свое существование примерно в XII в. до н. э. Значительная часть территории хурритских государств стала местом расселения семитских и фригийских народов. Под их натиском происходит новый перенос центров кавказской государственности дальше на север. Складывается новое государство, ядром которого стали близкородственные хурритам урарты. Вместе с тем продолжают существовать и хурритские государства. Например, царство Ману, чья территория располагалась восточнее Урарту. Манейское царство, как и Урарту, просуществовало примерно до 585 г. до н. э.

Царство Урарту известно как одна из великих держав древности. В период своего расцвета правителям Урарту удалось даже серьезно потеснить Ассирию, бесспорно считавшуюся первой военной державой того времени. Причиной военного разгрома Урарту были не столько столкновения с Ассирией, сколько опустошительные набеги киммерийцев и скифов. Ослабленная кочевниками страна постепенно подпала под ассирийское влияние и подверглась разгрому войсками коалиции новых рабовладельческих государств Древнего Востока — Нововавилонского царства и Мидии.

Гибель государств Урарту и Ману привел к еще большему сокращению ареала расселения кавказских народов. Значительные области Закавказья оказались включены в состав Армянского царства, правители которого фактически переняли государственное устройство Урарту. Западнее озера Урмийе расселяются ираноязычные народы. Какая-то часть урартов мигрирует дальше на север, что отразилось в многочисленных топонимах Закавказья, легко расшифровывающихся с чеченского языка. Вместе с тем в Закавказье возникают кавказские государства на территории Грузии — Иверия, Колхидское царство и другие, а также расположенная восточнее Агвания, или Кавказская Албания.

По крайней мере начиная с этого времени можно говорить о выделении из общекавказского субстрата нахских племен, территория расселения которых простиралась от северных склонов Кавказского хребта далеко в глубь Закавказья. Поэтому часть нахоязычных племен входит в состав государственных образований Закавказья — древней Грузии, Агвании и Армении, а другая часть является фактически автономной частью государственных образований кочевников Предкавказья, как ираноязычных, так и тюркоязычных. Государственным образованием ираноязычных кочевников на Северном Кавказе была Алания, в составе которой нахи занимали видное место. Первоначально антагонистические отношения с кочевниками быстро сменились фактическим союзом, так что Алания представляла собой государство со смешанным населением, а сами аланы, сохранив язык, в культурном отношении подверглись ассимиляции со стороны нахов, полностью переняв местную кавказскую культуру. Поэтому правомочно говорить об Алании, как и о нахском государстве.

Нахская автономия сохраняется и при усилении влияния тюркоязычных кочевых орд. Средневековые источники говорят о тесной связи нахов не только с аланами, но и с хазарами, а также о существовании в горной части фактически независимых государственных образований. Такие государственные образования феодального типа, например царство Симсим, застали здесь войска Тимура (конец XIV в.).

Что касается нахских племен Закавказья, то они подверглись постепенной ассимиляции, которая на территории Грузии, например, завершилась только в эпоху позднего Средневековья. Такая же судьба

постигла нахское население центральной части Северного Кавказа, и в конечном итоге, приблизительно к XVI в., сформировались нынешние границы расселения чеченцев и ингушей.

Сосуществование чеченских феодальных княжеств и "вольных обществ" оказалось непродолжительным. К середине XVIII в. князья, несмотря на активное противодействие России, в основном изгнаны из Чечни, а над "вольными обществами" начинает формироваться общенациональное государство. В условиях военного противостояния с Россией этот процесс часто прерывался и никогда не получал своего логического завершения. Тем не менее можно уверенно говорить о новой форме государственности у чеченцев — имамате, начиная с имамата Шейха Мансура и кончая имаматом Кунта-Хаджи.

В эпоху революционных потрясений и гражданской войны России фактически была восстановлена кавказская государственность в составе северокавказских народов. Это первая Горская Республика, а затем Северо-Кавказский эмират Узун-Хаджи. Создание в СССР тоталитарного режима, естественно, сопровождалось ликвидацией самостоятельности кавказских народов.

Таким образом, можно утверждать, что история тех же чеченцев включает в себя и периоды государственности, как бы ни старались многие доказать обратное.

Часто возникает еще один вопрос: какой из современных кавказских народов является прямым наследником древних цивилизаций, например, Урарту? Может быть, чеченцы, которые ближе других стоят к урартам по языку и которые вобрали в себя большое количество мигрантов из областей Урарту? Или, может быть, армяне, которые хотя и не являются народом собственно кавказским по происхождению, но все же переняли достижения урартов в области материальной культуры? По мнению автора, такая постановка вопроса вообще некорректна. Это все равно, что спрашивать: кому в отдельности принадлежит история Киевской Руси — русским, украинцам, белорусам или, скажем, половцам или другим тюркоязычным кочевникам, которые массами оседали на земле в пределах древнерусских княжеств? Древние кавказские цивилизации — это те истоки, откуда в той или иной степени берут свое начало современные кавказские народы, как ветви дерева, растущие из одного ствола. Но без учета этих корней не понять нравственных и духовных качеств тех же чеченцев. Это генетический код, который живет в крови и определяет огромный духовный потенциал, свойственный чеченцам. Именно поэтому у чеченцев, которые в большинстве своем ничего не знают о шумерах и урартах, начисто отсутствует представление о превосходстве тех наций, которые создали великие государства. Сегодня так, а завтра все будет по-другому. Не потому ли чеченцы считают себя равными друг другу и всегда стремятся быть лидерами среди других, что их предки долгое время были первыми среди окружающих народов, являясь, по сути, гегемоном среди кавказских народов? А о том, что именно чеченцы на протяжении длительного времени были и остаются гегемонами на Кавказе, свидетельствуют сами российские источники, указывавшие на невозможность решения кавказских вопросов минуя Чечню.

INTRODUCTION

In mass consciousness, stereotyped opinions and cliches account for more than half of all views on the history of any people, and it is usually by far not easy for one to go beyond their framework. Speaking of Chechens, among such stereotypes that persisted in mass consciousness was the opinion that the Chechens had known no statehood up to the modern times and become part of Russia while being at the transitional stage from the patriarchal-tribal system to the early feudal one and that they had for millennia kept aside not only from world civilisation but world history as well. Incidentally, the above held in almost similar measure true of the other small Caucasian nations. Even A. Avtorkhanov, who wrote about the fact that mountain-dwellers most actively participated in historical events, international trade and political affairs of the Caucasus and the Near East, still regarded as the first state entities of mountain-dwellers "...the State of Mansur (1780-1791), the State of Shamil (Imamate of Shamil (1834-1864)" *(A. Avtorkhanov. The Killing of the Chechen-Ingush People. (Murder of Peoples in the USSR) /in Russian/. Moscow, 1991. Page 8).*

The existence of the above stereotypes is all the more striking as the science of history has long since known facts that were evidence of the great past of the Caucasian peoples and their enormous role in the history of mankind. True, up to now, none of professional historians had been able to give a unified picture of isolated evidence of the ancient history of the Caucasians. And, indeed, those facts themselves failed to become widely disseminated and are known mainly to professional historians and a small number of enthusiastic amateurs. This work is an attempt at departing from the cliches and looking at the past of the Caucasian peoples, in the first place, the Chechens, to link it to the great Caucasian civilisations of antiquity. Such an approach is perfectly legitimate in spite the fact that the Caucasian world in remote antiquity occupied a vast territory far beyond the borders of the Caucasus proper, as a geographic notion, and represented a multitude of the closely related peoples who quite often were at the different stages of development. For, indeed, historians speak about the world of the ancient German, Slavonic or Turkic peoples, although each of those historical realities comprised a multitude of tribes united only by the community of their origin and language.

At the same time, this work does not claim elucidation of all questions. Even less so does it claim making a discovery or marking some sort of turning-point in the science of history. The facts, on which the writer of these lines relied upon, have long since been known. It's another matter that he has given them his own interpretation. The author of this essay is convinced that the history of any Caucasian people should be viewed in inseparable connection with the history of the whole of the Caucasus, beginning from its sources. Only thus can one understand, for example, the ways of the emergence of the modern Chechen people, why a Chechen mentality has certain qualities inherent in it and what creates a bond between them and the neighbouring peoples.

Historians still view the history of the great Caucasian peoples of antiquity--Chaldini of Urartu, Hurrians and Sumerians--as part of the history of the Near and Middle East. A great variety of works are devoted to their influence on the neighbouring, in the first place, Semitic, peoples, and only a few of them raised the question of the role of those same Hurrians or Sumerians in the historical destinies of the modern Caucasian peoples. In the first third of the 20th century, the "Caucasian theme" could be heard distinctly in works by mostly German researchers of ancient Mesopotamia. One can mention the names of W. Christian and S.M. Otten. In the subsequent years, the question of Caucasian sources of Sumer, the first great civilisation in the history of mankind, was practically not further developed. In the idea of most historians, let alone mass consciousness, the world of antiquity moved ever farther from the Caucasus, which was located next to it and was linked with

it originally. However, the history of the ancient civilisations of Mesopotamia is simultaneously the ancient history of the Caucasus.

In antiquity, people came to settle in the Caucasus proper from the areas of Asia Anterior adjacent to it (approximately 500,000-200,000 years ago). Man appeared in Asia Anterior and the Eastern Mediterranean even in the late Oldway era approximately 700,000 years ago. In the second half of the Ashel era (approximately 150,000-80,000 years ago), people of antiquity had already settled far and wide in the territory of the Caucasus. In the vast expanse of the Eastern Mediterranean, Asia Anterior and the Caucasus, the primitive man adapted his hunting and picking economy to the specific natural and climatic conditions. Living amid the mass of mountains, he hunted large non-gregarious beasts of pray--cave bears. In the steppe areas, he pursued herds of herbivorous animals: bisons, horses and antelopes of various kinds. The main distinctive feature of hunting by primitive people of that period was its collective nature. Only by the joint efforts of ancient hunters was it possible to make up for their "poor technical equipment." Their weapons and instruments of labour were still extremely primitive and comprised sticks sharpened and burnt in fire, stone cutters, scrapers and so on.

Archaeological excavations in the territory of the Near East and the Caucasus revealed the common features of monuments of the upper palaeolithic period (35,000-10,000 years ago). Among them are, for instance, the following: lack of traditions of double-sided processing of articles, early geometrisation and micro-lithisation of industries, a long survival of the features of the Moustiere era, the presence of what is referred to as "intermediate" sites, the comparative typological poorness of articles made of bone and a number of others. Therefore, even beginning from the late palaeolithic period one can speak of the Caucasus and the Near East as a region of the existence of an ancient primitive culture of the same type. It is only natural that the area populated by primitive hunting tribes covered then regions that were the most favourable in their natural and climatic conditions. By contrast, the extensive swampy expanse in South Mesopotamia had remained unpopulated for a long period of time.

The mesolithic period, the Middle Stone Age, witnessed considerable change in the way of life of the primitive man, including change in the character of material culture. New instruments of labour appeared, and with the invention of a bow and arrows hunting assumed a more individual character. Fishing gained great economic importance, and there appeared the prerequisites for the transition from picking fruits of the land to land tilling.

In the New Stone Age, new instruments of labour, large knife-like plates, spikes, borers, wedge-shaped axes, double-sided processed spear-shaped hoes, grain-grinders in the form of flat stones and the like, became widespread. There emerged new technologies of processing stones: polishing and boring. Earthenware appeared, and people started living mainly in dwellings made up of wicker clay-coated frames. At the same time, the protracted existence of the archaic and new instruments of labour side by side shows that the New Stone Age cultures of the Near East and the Caucasus developed from the preceding Mesolithic cultures. Also, the common features persisted, which makes it possible to speak of the continued affinity between cultures of the New Stone Age.

The natural and climatic conditions of the Near East and the Caucasus were very favourable for man's life and activity. Approximately 12,000 years ago, the use of plants, in the first place, wild-growing cereals, begins to increase in proportions. The favourable conditions, as well as the increased size of the population, made for the gradual transition to a producing economy. The rich and varied fauna, the existence of moufflon-like sheep, bezoar goats and wild pigs, as well as the availability of diverse edible plants here made it possible to go over, earlier than elsewhere, to the domestication of animals and the cultivation of cereals, which led to the development of animal husbandry and land working. Even Academician N.I. Vavilov proved the fact that precisely the Caucasus, South-West Asia and the areas adjoining them (that is, the zone populated by pro-Caucasian primitive tribes) were the first place on Earth, where people began to grow cereals, grain and leguminous crops, and flax *(N.I. Vavilov. The Experience in the Agro-Ecological Review of Major Field Crops /in Russian/. Moscow-Leningrad, 1957, pp. 87-88 and 116).* And although the transition to land tilling and animal breeding took place for the first time in the mountainous and foothill areas of the Near East, the fertile river valleys still became the centres of subsequent progress. Precisely here, there emerged the basically new form of running agricultural production--irrigation farming. In its turn, irrigated farming not only led to stable and abundant harvests but also prompted the need to build, perfect and to constantly maintain a complex system of canals, dams and dykes and other hydrotechnical facilities. Therefore, one cannot deny the meaningfulness of a statement that the ancient states in Mesopotamia emerged as an apparatus of management of the process

of social production growing ever more complex. *(V. Masson. The First Civilisations /in Russian/. Leningrad, 1989, p. 63).*

The cultures of the early Bronze Age, which developed from the local New Stone Age cultures, retained their general features, as before. For instance, the ceramics of one of the earlier cultures of South Mesopotamia, which were given the conventional name of Uruk (approximately 4,500 years B.C.), were widespread in the whole of Mesopotamia, in Northern Syria and Asia Anterior. Similar ceramics can be found in the cultural strata of Asia Minor and the Western part of the South Transcaucasia of the same period. At the turn of the third millennium B.C., analogous ceramics spread to Northern Iran and South-Western Turkestan, as well as in the Balkan Peninsula and the Danube basin.

Therefore, the original area populated by the Caucasian (Japhetic, if you like) peoples covered vast territories in the Eastern Mediterranean and the Near East, and the Caucasus proper was only the northern periphery of the zone inhabited by the ancient Caucasians. Subsequently, the said area steadily shrank owing to the development of the processes of migration. However, the ancient traditions of statehood and the achievements in culture and production made by the early Caucasian civilisations did not disappear without leaving a trace; they were preserved and further developed already in the new state entities of both the Caucasian and non-Caucasian peoples. For instance, the Sumerian civilisation was the first classic society to lay the foundation not only for the Semitic powers of antiquity, Akkada, Babylon, Assyria, but also the Hurrian states. From the Hurrians, those traditions passed on to the inhabitants of Urartu and then to ancient Armenia and Agvania (Caucasian Albania).

The history of existence of the Caucasian states runs into more than 6,000 years, in all. Despite certain scantiness of documents, this book attempts to examine the problem from different viewpoints and by drawing on data of linguistics, anthropology and archaeology. The whole of this period was marked by the active processes of migration. This means not only the assimilation of the Caucasian ethnoses by other ethic entities but the extensive migration processes within the Caucasian region as well. For instance, there is a lot of evidence that at least some section of modern Chechens traversed rather a long road, during a certain protracted period of time, from Transcaucasia to the Northern Caucasus. There are lots of things that show that in antiquity ancestors of the modern Caucasian peoples inhabited other territories. For instance, linguistic data show the closeness of the Urartu language to the archaic dialects of the modern Chechen language and that the language of Caucasian Albanians was the closest to the Udic and Lezghian languages. And, indeed, the modern Caucasian languages developed in the comparatively recent period. For instance, Avarish and Chechen finally emerged as separate languages about two thousand years ago.

The main task set by the author of this work is not merely to set forth the well-known historical facts but to give them a new interpretation. Although the arena of the development of events of the ancient history of the Caucasian peoples was far from their present borders, this does not mean that this history no longer belongs to them. Quite probably, some conclusions drawn in this work will cause objections on the part of professional historians. Nevertheless, the writer of these lines reserves the right to his own opinion, all the more so as yet another task of this work lies precisely in raising a problem that is awaiting its solution in many respects.

And lastly the third objective pursued by the author of this work is to say the minimum of what any Chechen must know of the ancient history of the Caucasus and his or her people. Only thus will it be possible to shake off the stereotyped cliches imposed on us about the Chechens as a people who had known no statehood, class division and so on until the modern times. Incidentally, one can hope that this work will prove useful for any reader interested in the history of the Caucasus. Incidentally, the affirmation of such a view on the Chechens was facilitated in many respects by the action taken by NKVD bodies at the end of February 1944. At that time, a large number of books and manuscripts on the history of the Chechens confiscated from Chechens to be exiled was burnt in a public garden in front of the Young Pioneers Palace in downtown Grozny. Among other things, the Chechen ancient tribal chronicles and works treating of the resettlement of ancestors of the Chechens from the areas of Urartu to the territory where they live today vanished without leaving a trace. True, there is still the hope that not all the valuable documents pertaining to the history of the Chechens were destroyed, as it is known that members of state security bodies took away with them the rarest ancient documents. Incidentally, up to the 1980s, state security bodies in Chechnya hunted for any written document in the Arabic or Latin alphabet. Therefore, the rising generations did not have any material evidence concerning the history of their ancestors.

Therefore, if one speaks of only the states in the formation of which ancestors of the modern Chechens had taken part and whose citizens they had been, then a story should be started with ancient Sumer, the first state formed by a Caucasian ethnos. The beginning of the emergence of the Sumerian city-states dates back to approximately 4,500 years B.C., and the state in the true sense of this word appeared at the turn of the fourth millennium B.C. The final loss of independence by the Sumerian city-states at the turn of the third millennium B.C. by no means signified an end to Caucasian statehood.

The Sumerians were still independent, when the Hurrian states emerged in North Mesopotamia. Later, Mitanni would become the most powerful among them. At the same time, rather a large number of Hurrians lived in the Sumerian towns, in the first place, Nippur, and seats of the Sumerian culture appeared in the area traditionally populated by Hurrians in North Mesopotamia even from the middle of the third millennium B.C. For instance, the Hurrian state of Mari figured in the Sumerian king's list as a claimant for general Sumerian hegemony in the 26th century B.C. Therefore, one can speak of the gradual transfer of the centres of Caucasian statehood from South Mesopotamia, which was increasingly turning Semitic, to the North of the region.

The state of Mitanni, which had to fight on two fronts, against the Hittites in the west and the Assyrians in the east, ceased to exists approximately in the 12th century B.C. A considerable part of the territory of the Hurrian states was the area populated by the Semitic and Phrygian peoples. Under the onslaught, the centres of Caucasian statehood had to be transferred anew, further to the North. The new state emerged, the core of which were people of Urartu, closely related to the Hurrians. At the same time, the Hurrian states, like the Kingdom of Manu whose territory was situated to the east of Urartu, continued to exist. The Kingdom of Manu, just as Urartu, existed until approximately the year 585 B.C.

The Kingdom of Urartu is known as one of the great powers of antiquity. In its heyday, the rulers of Urartu succeeded even in seriously restricting Assyria, which was undoubtedly thought to be the first military power of that time. The cause of the military rout of Urartu lay not only in its clashes with Assyria as the devastating raids by Cymmerians and Scythians. Weakened by the nomads, the country gradually found itself under Assyrian influence and was routed by the troops of a coalition of the new slave-owning states of the ancient East, the Kingdom of New Babylon and Midia.

The fall of the states of Urartu and Manu led to a still further decrease in the area populated by the Caucasian peoples. Considerable districts in Transcaucasia found themselves part of the Kingdom of Armenia whose rulers actually copied the state system of Urartu. The Iranian-speaking peoples moved to settle in the area west of Lake Urmia. Some section of people of Urartu migrated further to the North, which found an expression in the numerous toponyms of Transcaucasia easily deciphered from the Chechen language. At the same time, Caucasian states, Iberia, the Kingdom of Colchis and others, emerged in Transcaucasia in the territory of Georgia, as well as Agvania, or Caucasian Albania, which was situated east of Georgian territory.

It is possible to speak, at least from that time, of the emergence of the Nakh tribes from the general Caucasian sub-stratum, with the area populated by them spreading from the northern slopes of the Caucasian Ridge deep into Transcaucasia. Therefore, some of the Nakh-speaking tribes were part of the state entities of Transcaucasia--ancient Georgia, Agvania and Armenia, while the other of them were actually an autonomous part of the state entities of the near-Caucasian area, both Iranian- and Turkic-speaking ones. In the Northern Caucasus, Alania was a state formation of Iranian-speaking nomads, with the Nakhs occupying a prominent place within it. The originally antagonistic relations with the nomads were fast gave way to an actual alliance, and Alania thus represented a state with the mixed population, and the Alanians themselves, having preserved their language, were culturally assimilated by the Nakhs, fully adopting the local Caucasian culture. Therefore, it is legitimate to speak of Alania as a Nakh state.

The Nakh autonomy continued to exist even despite the increased influence of the Turkic-speaking nomadic hordes. Medieval sources speak of close links of the Nakhs not only with the Alanians but also with the Hazaras, as well as of the existence of actually independent state formations in the mountainous section. Such state entities of a feudal type, the Kingdom of Simsim, for example, were encountered there by the Timur-led troops (end of the 14th century).

As far as the Nakh tribes of Transcaucasia were concerned, they were subjected to gradual assimilation, which in the territory of Georgia, for example, concluded only in the late Medieval period. A similar fate befell the Nakh population of the central section of the Northern Caucasus, and the present borders between the areas populated by the Chechens and the Ingushes had emerged eventually approximately by the 16th century.

The co-existence of the Chechen feudal principalities and "free societies" proved short-lived. By the middle of the 18th century, the princes, despite Russia's vigorous counteraction, had mainly been driven out of

Chechnya, and an overall national state began to take shape over the "free societies." In the conditions of military confrontation with Russia, this process was often interrupted and never reached its logical consummation. Nonetheless, one can confidently speak of a new form of Chechen statehood--the imamate, beginning with the Imamate of Sheikh Mansur and ending with the Imamate of Kunta-Khadji.

In the period of revolutionary upheavals and the Civil War in Russia, Caucasian statehood was actually restored in the form of state entities of the peoples of the Northern Caucasus. This was the first Mountain Republic and then the North Caucasian Emirate of Uzun-Khadji. The establishment of a totalitarian regime in the USSR was, naturally, accompanied by the abolition of the independence of the Caucasian peoples.

Therefore, one can state that the history of those same Chechens includes, inter alia, the periods of statehood, no matter how hard many might try to prove the opposite.

Yet another question often arises: which of the modern Caucasian peoples is the direct successor to the ancient civilisations, Urartu, for example? Maybe, the Chechens, who are closer than others to the people of Urartu in their language and who assimilated a large number of migrants from the areas of Urartu? Or, maybe, the Armenians, who, even though they are not a properly Caucasian people by their origin, still adopted achievements made by the people of Urartu in the sphere of material culture? In the opinion of the writer of these lines, that way of putting the question is generally incorrect. It's tantamount to asking who the history of Kiev Rus belongs to in particular--the Russians, Ukrainians, Belorussians or, say, the Polovtsy or the other Turkic-speaking nomads who settled in lands within the borders of the ancient Russian principalities? The ancient Caucasian civilisations were the sources from which the modern Caucasian peoples originated, just like the branches of a tree that grow from the same stem. But without taking into consideration those roots, one cannot comprehend the moral and spiritual qualities of those same Chechens. This is a genetic code that lives in blood and determines the enormous spiritual potential inherent in Chechens. That is precisely why among the Chechens, a majority of whom know nothing about the Sumerians and people of Urartu, there is absolutely no notion of the superiority of those nations who founded the great states. It's this way today, but everything will be different tomorrow. Is it not the reason why the Chechens regard themselves as equal to one another and always strive to be leaders among others that their ancestors were the first among the peoples about them, being, in actual fact, the hegemon among the Caucasian peoples? And the fact that precisely the Chechens were for a long period of time and remain the hegemon in the Caucasus is evidenced by Russian sources themselves as they point out the impossibility of the Caucasian questions resolved by-passing Chechnya.

Глава I

ТАЙНА ДРЕВНЕГО ШУМЕРА

Происхождение, расселение

Возвышение шумерского этноса в Междуречье и поразительный взлет шумерской цивилизации до сих пор волнуют умы ученых-востоковедов. Казалось бы, имея в своем распоряжении большое количество археологического материала, тысячи клинописных табличек, написанных на шумерском языке, — шумерологи уже давно должны были бы найти ответы если не на все, то хотя бы на большинство волнующих их вопросов. Однако, как и сто лет назад, когда мир с изумлением узнал о существовании древнейшей цивилизации на Земле, — споры в ученой среде не только не утихают, но, кажется, становятся все ожесточеннее.

Причин тому множество, но данная работа не предполагает углубление в эту тему. Главное, на взгляд автора, заключается в том, что шумерская цивилизация дошла до нас через семитские государства Древнего Междуречья, перенявших, усвоивших и развивших достижения шумеров. Шумеры как бы затерялись в длинном ряду своих учеников, которые в свою очередь выступали как учителя более поздних цивилизаций, в том числе и античной. Достаточно сказать, что даже само слово "Шумер" пришло из аккадского языка. Сами шумеры называли свою страну "Калам" или "Кананг" ("Страна"), а себя словом "лу" — "люди" *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 5).* В эпоху своего расцветашумерские города-государства продвинулись с берегов Персидского залива почти до нынешнего Багдада (Ирак).

О происхождении древних шумеров существует несколько научных гипотез. Первоначально установившийся в науке взгляд на шумеров как автохтонов Междуречья к концу второго десятилетия нынешнего столетия был пересмотрен. Преобладание получило мнение, что шумеры пришли в Междуречье не позже 4,5 тыс. лет до н.э.

Сами шумеры, насколько можно судить по сохранившимся письменным источникам, считали, что их предки прибыли с юга, с какого-то неведомого "райского" острова в далеком море. В шумерской традиции этот остров носит название Дильмун. Большинство ученых считают, что это Бахрейн.

Гипотеза о том, что шумеры пришли из-за моря, кажется вполне убедительной по целому ряду причин. Во-первых, первым шумерским поселением в Междуречье бесспорно был город Эреду, в то далекое время являвшийся морским портом Персидского залива. Во-вторых, вслед за предполагаемым появлением шумеров вокруг Эреду строится сложная система оросительных и судоходных каналов. Последние широко используются для перевозки грузов. Еще одним доказательством, что шумеры были "мор-

ским" народом, может служить то обстоятельство, что один из главных богов их пантеона — бог мудрости Энки жил в своем божественном доме Абзу на дне океана. Деталь немаловажная. Однако, на взгляд автора, все это говорит только о том, что шумеры в какой-то период своей истории испытали влияние некоего морского народа, прибывшего в глубокой древности в Междуречье.

И правда, неразрешимые сложности возникают при попытках идентификации далекой прародины шумеров. Ее безуспешно искали на пространстве от Эфиопии до Юго-Восточной Азии. Дополнительные сложности создает то обстоятельство, что применявшиеся шумерами методы строительства крупных культовых сооружений — храмов, говорят об опыте подобного строительства в условиях горной местности. Уже первые шумерские храмы возводились на искусственных насыпях или сложенных из обожженного кирпича или глиняных блоков террасах, как это обычно делается при строительстве на неровной местности. К тому же в шумерском языке слово "страна" и слово "гора" пишутся одинаково.

Гипотеза о кавказском происхождении шумеров была выдвинута одной из первых. Так, немецкая исследовательница Шарлотта М. Оттен на основе антропологического материала, собранного во время раскопок древних захоронений в Эреду, относящихся к эпохе "Эль-Обейд", пришла к выводу о кавказском происхождении шумеров. В пользу этой гипотезы говорит и то, что отмечены определенные параллели шумерского и кавказских языков. Позже мы вернемся к этой теории. Но большинство ученых до сих пор склонны искать прародину шумеров к юго-востоку от Междуречья. Например, другой ученый-поляк Ян Браун говорит об их тибето-ассамском происхождении, считая, что шумерский язык имеет много общего с языками тибето-бирманской группы.

Другую гипотезу выдвинул английский ученый С. Гэдд. Последний исходил из факта наличия сходных обычаев и элементов культуры Шумера и Древнего Египта в первые века III тысячелетия до н. э. На основании этого он делает вывод об одновременном появлении шумеров в Междуречье и в Египте. При этом он считает, что приплыть они могли из Индии или другого региона Юго-Восточной Азии. Другие ученые указывают на некоторое сходство шумерского языка с дравидским языком южной Индии. Здесь уместно заметить, что в древних преданиях дравидские народы также помещают свою прародину на какой-то земле, расположенной далеко в Индийском океане. Однако гипотеза С. Гэдда об одновременном возникновении шумерской и египетской цивилизаций немного не точна, потому что в Египте цивилизация развилась намного позже. Хотя при этом не теряет смысл тезис о связях цивилизаций Междуречья и Египта.

Не оставило ученых равнодушными и сходство находок, сделанных в Мохенджо-Даро и Хараппе в нижнем течении Инда, с шумерскими находками в Междуречье. На основании этого американский ученый С. Крамер высказал предположение, что легендарная страна Дильмун, часто упоминающаяся в шумерских источниках, располагалась не на острове Бахрейн, а в бассейне реки Инд.

Еще одна страна, постоянно упоминающаяся в шумерских источниках как легендарная прародина — Меллуха, некоторыми учеными отождествляется с Эфиопией.

И в завершение краткого обзора существующих мнений упомянем еще об одной гипотезе. Некоторые ученые, исходя из того, что в шумерском языке изменение формы слова происходило не при помощи окончаний, а путем прибавки к корням, сделали вывод о его родстве с тюркскими языками.

Чтобы хотя бы приблизительно разобраться в вопросе происхождения шумеров, необходимо извлечь рациональное зерно, содержащееся в большинстве ныне известных гипотез. В принципе, большинство из них содержат общие моменты, которые и надо рассмотреть в первую очередь. При этом неизбежно возникнет вопрос о соотношении местного автохтонного и пришлого элемента в формировании феномена, известного под названием *шумерская цивилизация*. Так или иначе, большинство известных ныне гипотез исходят из того, что шумеры каким-то неведомым нам путем, скорее всего морским, прибыли в Междуречье. Чтобы ясно ответить на вопрос, кто же были шумеры по своему происхождению, прежде всего следует исследовать лингвистический материал и определить семью, в которую входил шумерский язык. В этом плане версия о кавказском происхождении шумерского языка представляется бесспорной.

Ужу говорилось, что исследователи шумерского языка в попытках генеалогической классификации шумерского языка пытались связать его практически со всеми известными языковыми семьями. Этому же способствовала и недостаточная изученность самого шумерского языка. Произношение шумерских ос-

нов, передающихся при письме понятийными знаками, было восстановлено только благодаря наличию шумеро-аккадских силлабариев — списков логограмм, чтение которых раскрыто с помощью знаков в фонетическом чтении, а также шумеро-аккадских словарей. Эти силлабарии и словари развились из шумерских орфографических справочников, составлявшихся еще с конца IV тыс. до н. э. В качестве пособия для аккадоязычных писцов они возникали в II-I тыс. до н. э., в эпоху шумеро-аккадского двуязычия и постепенного вытеснения шумерского языка из сферы живого общения.

Но известные силлабарии и словари не охватывают всего словарного запаса шумерского языка и часто не могут разрешить все сомнения относительно чтения шумерских слов в сложных случаях. Для многозначных логограмм они в лучшем случае дают их различные чтения и значения, но не всегда помогают решить, какое из них следует выбрать в каждом данном контексте. Кроме того, справочные пособия, созданные для аккадоязычных писцов, отражают только языковую норму, принятую в официальных писцовых школах и канцеляриях того периода, когда они создавались, т. е. отражают только позднюю стадию развития шумерского языка. Нет сомнения, что в живых диалектах и старых местных писцовых школах многое отклонялось от принятой за основу нормы.

И наконец, указанные пособия нередко дают противоречивые сведения, отражая самые разные локальные и разновременные писцовые традиции. Поэтому зачастую имеет место неуверенность и колебания при чтении и понимании отдельных шумерских текстов. Транскрипция шумерского текста почти всегда в определенной степени отражает субъективное мнение исследователя по поводу чтения и толкования ряда знаков.

Ввиду всех этих причин дискуссии о бесспорной классификации шумерского языка в научной среде продолжаются до сих пор. Исследователи искали сходство шумерского языка с языками тюрко-монгольскими, угро-финскими, суданскими, тибето - бирманскими, китайским, семито -хамитскими, индоевропейскими, банту, дравидскими, мон-кхмерскими, малайско-полинезийскими и т. д. Для автора очевидно, что наибольшее сходство на сегодня выявлено в отношении кавказских языков. Впрочем, все исследователи шумерского языка признают его большую структурную близость с кавказскими языками. М.М. Дьяконов, являющийся бесспорно купнейшим специалистом в данной области, указывает также на имеющиеся аналогии с хурритским и урартским языками, а их сходство с языками нахско-дагестанской группы уже никем не ставится под сомнение. Так, выявлена очень большая близость реконструируемой схемы согласного состава старошумерского языка первой половины — середины III тыс. до н. э. согласному составу хурритского языка II тыс. до н. э.

Из этого факта М.М. Дьяконов высказывает осторожное предположение, что указанное обстоятельство может быть следствием наличия древнейшего субстрата, общего для шумерского и хурритского языков. При этом он дополняет, что вероятность субстратного происхождения шумерского фонетического состава и весьма обычные в шумерском языке отпадение конечных согласных и ассимилиция гласных внутри основы показывают, что фонетика шумерского языка — результат какого-то значительного изменения более раннего фонологического строя. Из этого делается вывод о маловероятности установления материального родства шумерского языка с каким-либо из современных языков *(Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 51, 83 — 84)*.

Очевидно, что М. М. Дьяконов ввиду общей малоизученности шумерского языка просто не решился сделать вывод об общем происхождении шумерского и хурритского языков. Этому не приходится удивляться. Ученые изучают шумерский язык, взяв за основу аккадскую транскрипцию звучания его фонем, что в ряде случаев не может не дать отклонения от шумерской нормы. Материал, которым располагают ученые в настоящее время, в какой-то мере способствует пониманию шумерских текстов, но не дает полного представления о его звуковом составе. Грубо говоря, современная лингвистика изучает позднешумерский язык приблизительно в том виде, в каком его использовали аккадские жрецы и писцы.

Что касается более ранних шумерских текстов, то о звучании записанных там слов при помощи данных современной науки можно строить только предположения. Тот же М. М. Дьяконов, перечисляя согласные звуки шумерского языка, указывает, что для старошумерского они приведены гипотетически. Что касается гласных звуков, то окончательно не выяснено даже, сколько их было в шумерском языке. Сам М.М. Дьяконов предполагает наличие всего четырех гласных: a, e, i, u (как и в аккадском). А французский исследователь А. Пебель насчитывает шесть гласных

в старошумерском лагашском диалекте *(Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 47 — 49).*

Из сказанного следует, что в поисках ответа на вопрос о происхождении шумеров лингвистический материал необходимо рассматривать в совокупности со всей массой накопленных знаний об этом народе. Только тогда можно будет получить правильный ответ на поставленный вопрос.

К семье иберокавказских языков относятся не только большинство языков собственно Кавказа, но и ряд языков, в силу исторических причин оторванных от Кавказа в географическом плане, например баскский. Известно также, что в глубокой древности ареал распространения этих языков включал обширные районы Малой Азии. Тем не менее, несмотря на различия, существующие между иберокавказскими языками сегодня, — никто из ученых не сомневается в их генетическом родстве. Разность цивилизаций, с которыми соседствовали носители этих языков, нашла свое отражение в синтаксисе и морфологии и обусловила различие этих языков. Однако общность иберокавказских языков носит первичный характер. Определен целый ряд сходных черт, которые являются общими для всех иберокавказских языков с исторической точки зрения. В фонетике это превалирование согласных в фонетическом составе при незначительном развитии гласных, наличие смычных согласных k, t, p, c, g. Для грамматического строя характерно: отсутствие аккузатива между существительным и глаголом, наличие эргатива, служащего для передачи падежных отношений переходных глаголов. При этом эргативная конструкция предложения проявляется в спряжении глаголов. Для грамматического строя иберокавказских языков также характерно отсутствие различия между действительным и страдательным залогом глагола, различие между одушевленными предметами и классом неодушевленных предметов, наличие односложных корней слов *(Чивобава А. С. Введение в языкознание. Ч. 1. М., 1952. С. 223).*

Ряд ученых-лингвистов, например, Н. М. Хольмер, В. Христиан, А. Фалькенштейн и некоторые другие высказывают убеждение, что иберокавказский тип языков в широком спектре отражает также и шумерский язык. С их точки зрения, вопрос о генетическом родстве этих языков рассматривается положительно. Параллели, на которые указывают в своих исследованиях данные авторы, достаточно многочисленны, и нет необходимости приводить их все в данной работе. Остановимся только на некоторых из них.

Известно, что в индогерманских, семитских и хамитских языках мысль в основном передается с помощью действительных глаголов, в то время как в глаголах кавказских языков преобладает штативное значение. В частности, для восточнокавказских языков (чеченского, ингушского, бацбийского, аварского и ряда дагестанских) характерна следующая модель: отправная точка действия заключается в дополнении — эргатив, цель — в назывной форме, а глагол дает ссылку на цель высказывания с помощью определенных показателей. Но именно так передается на уровне грамматики образ мышления в шумерском языке, так как данная "цель высказывания" (в шумерском языке подразумевается "владелец положения") задается с помощью определенных местоименных элементов "n" или "в", при этом первое встречается чаще, чем последнее. Штативное значение шумерского языка, который не различает разницу между "субъектом" в непереходном предложении, и "прямым дополнением" переходного предложения имеет прямые параллели в кабардинском языке. Имеются и другого рода параллели шумерского с кабардинским, абхазским и в меньшей степени с грузинским языками.

Для восточнокавказских языков характерны также коллективные или множественные глаголы. В батском языке присоединенные перед основой глагола элементы направлены на "объект", который помимо этого является грамматическим субъектом. В первом и втором лице личное окончание может добавляться к глаголу, при этом форма третьего лица остается без окончания. В табасаранском языке также для первого и второго лица предусматривается суффикс, при этом суффикс в третьем лице отсутствует. В аварском языке субъект "непереходного" глагола и дополнение (объект в винительном падеже) переходного глагола находятся в именительном падеже, при этом, так же как и в батском языке, находящаяся перед основой "переходного" глагола частица будет указывать на "объект" (грамматический субъект). Подобным же образом в лакском языке частица в "непереходном" глаголе направлена на субъект, а в переходном – на "объект". Параллели между восточнокавказскими и шумерским языками в данном случае очевидны. Удвоение корневого согласного для образования императива характерно для кюринского языка, при этом при удвоении образуется более интенсивное значение. И в этом можно

провести параллель с шумерским языком *(Christian V. Die Herkunft der Sumerer. Wien., 1961. S. 24).*

Для группы восточнокавказских языков характерно наличие тесной связи глагола с конкретизирующими существительными. Среди вербальных словообразующих элементов данных полносложных соединений мы встречаем "говорить", "делать", "быть", "становиться", "идти", среди которых обращает на себя внимание прежде всего употребление глагола "говорить" в смысле "делать", так как подобное использование данного глагола встречается и в шумерском языке. Сходство с шумерским прослеживается также в том, что для нахских и ряда дагестанских языков характерно употребление на месте относительных придаточных предложений причастия.

Перечисленные выше параллели основаны не только на определенном образе мышления, но и, на многих частностях. Образ мышления ставит на главенствующее место повествовательное высказывание. Одинаковое поведение субъекта "непереходного" глагола и прямого дополнения "переходного" глагола (при этом оба могут стоять в именительном падеже) является признаком того, что они выполняют одинаковые функции в предложении. Образу мышления соответствует также способность использовать основу в неопределенной форме и в качестве существительного, и в качестве повествовательного высказывания.

При рассмотрении существительного также можно провести характерную параллель: конкретизирующий вокальный приступ, словообразование, проходящее по типу "огонь + языки = пламя", приставки и суффиксы для обозначения категорий, различение двух классов: с одной стороны — одушевленные существительные (лица), с – стороны неодушевленные существительные (вещи). Для родительного падежа характерно управление-частица. В шумерском языке позднее ситуация поменялась наоборот. Прилагательное образует вместе с определяемым им существительным единство, к которому добавляются форманты. Вместо относительного подчиненного предложения чаще употребляется конструкция с причастными оборотами.

В числительном преобладает вигезимальная система. Образование частей речи в повествовательном высказывании и отношение родительного падежа между определенными частями речи происходит в соответствии с соотношением управление-частица путем постпозиции.

Параллели, касающиеся глагола: основе глагола предшествует частица, характеризующая направленность действия на тот или иной объект, присоединение отличительных элементов к частям предложения перед их основой, особенно ссылка на "аккузативный объект" (= грамматический субъект), передаваемая с помощью определенных элементов; одинаковые личные окончания для первого и второго лица единственного лица, личные окончания для первого и второго лица, при этом отсутствие окончания, невозможность образования конкретизирующего глагола типа su gar, среди которых наиболее обращают на себя внимание глаголы "говорить", которые могут употребляться в смысле "делать"; употребление множественных глаголов; употребление основы глагола в форме множественного лица при наличии нескольких "прямых объектов"; употребление форм именительного и дательного падежа для различных временных форм, удвоение приводит к образованию настоящего времени, начальная форма глагола является абстрактным понятием *(Christian V. Die Herkunft der Sumerer. Wien., 1961. S. 24 — 25).*

Приведенные параллели настолько многочисленны и специфичны, что не может возникнуть сомнения относительно родства шумерского языка с кавказскими, особенно восточнокавказскими языками. Из приведенных выше аргументов следует, что шумерский язык, без сомнения, имел кавказскую основу, основательно размытую более поздними языковыми влияниями. При этом бесспорно, что ранняя шумерская культура "Джемдет-Наср" является логическим развитием более древней культуры "Урук". Таким образом, можно сделать вывод, что и люди этой эпохи пользовались идиомой, принадлежащей к кавказским языкам.

В пользу кавказского происхождения шумеров говорят и данные антропологических исследований. При раскопках в культурных слоях шумерского периода обнаружено значительное количество черепов явно кавказского типа *(Christian V. Die Herkunft der Sumerer. Wien., 1961. S. 48 — 52).* О результатах исследований Ш. М. Оттен уже упоминалось выше.

Следует указать на широкий ареал распространения культуры "Урук". Характерная для этой культуры сглаженная, почти полированная, черная, серая и часто красная керамика распространена по всей Месопотамии, северной Сирии и Киликии. С ней связана сходная керамика Малой Азии и западной Армении. Из этих районов на рубеже III тыс. до н. э. этот

тип керамики распространяется в северный Иран и юго-западный Туркестан (обозначается археологами как культуры "Хиссар 2" и "Анау"). Из Малой Азии этот культурный поток устремляется на Балканский полуостров и в бассейн Дуная. Таким образом, на основе доказанного археологами родства названных культур можно сделать вывод о присущности им одного языка, что в свою очередь позволяет сделать вывод, что люди указанных культур пользовались языками, принадлежащими к кавказской семье.

Широкое распространение кавказских языков в древности подтверждает и Библия. Говоря о расселении по земле потомков Ноя, Ветхий Завет прямо указывает: "Все те, кто заселил Средиземноморье, произошли от этих сыновей Иафета. У каждого сына была своя собственная земля, все семьи разрослись и стали разными народами, каждый со своим наречием" *(Библия. Современный перевод библейских текстов. М., 1997. С. 9)*. Таким образом, вся известная древним евреям часть Средиземноморья были заселена первоначально народами кавказского происхождения.

По данным археологов, оседлые поселения появились в Междуречье уже в VII тысячелетии до н.э. Появившись первоначально на севере этого района, они постепенно распространились на юг (приблизительно середина V тысячелетия до н. э.), т. е. миграция на юг происходит из региона, соседствующего с Кавказом. В это же время с появлением земледелия Междуречье вступает в медно-каменный век. Собственно обейдская культура (условное обозначение первой земледельческой культуры на территории Месопотамии), по мнению большинства ученых, стала распространяться приблизительно в 4400 — 4300 годах до н.э. При этом она охватила довольно большую территорию к востоку от Междуречья. Некоторые ученые даже склонны считать, что первые ирригационные сооружения на юге Междуречья построены именно в эту эпоху.

Несомненно также, что шумеры очень рано испытали влияние пришлых народов. Это отразилось, в частности, на их языке. Вероятнее всего, наиболее сильным оказалось влияние какого-то этноса, прибывшего в Междуречье морским путем и привнесшего "морской" элемент в шумерские предания и верования. Но в целом данные археологов свидетельствуют о постоянном поступательном развитии древнейшей культуры, сложившейся здесь еще в конце каменного века.

Характер взаимоотношений шумеров с пришельцами, как представляется автору, не был антагонистическим. Если бы шумерам пришлось столкнуться с военным вторжением и силой оружия отстаивать свою территорию, — это неизбежно нашло бы отражение в многочисленных письменных источниках, а также легендах и преданиях. Тут можно сослаться на пример Библии, где завоевание евреями Ханаана описывается как жесточайшая война, сопровождавшаяся поголовным истреблением местного населения. Но в шумерских преданиях мы не находим даже намека на крупное кровопролитие в указанную эпоху. Если бы война имела место, победитель (будь то шумеры или пришельцы) вряд ли стал бы умалчивать о собственной победе. Факт удачных военных действий в древнем мире восхвалялся как героическое деяние предков. Лишь более поздние шумерские источники говорят о победоносных войнах, в том числе и далеко за пределами собственно Шумера (например, в эпоху царствования Лугальзагеси).

Конечно, нет оснований думать, что местное население встретило пришельцев "хлебом-солью". Надо думать, что имели место и конфликты. Но в общем шел мирный процесс быстрой ассимиляции нового этноса с местным населением, со сложением культурного и духовного багажа обоих народов. В пользу этой версии говорит факт сохранения в шумерском обиходе нешумерских названий целого ряда крупных городов, появление и закрепление в шумерской мифологии "морского" элемента.

Исходя из вышеизложенного, можно считать версию о кавказском происхождении древних шумеров вполне обоснованной.

Политическая история

Долина Тигра и Евфрата образовалась в четвертичном периоде благодаря речным отложениям. В древности течение рек, насколько можно судить по расположению городищ и остаткам старых русел, отличалось от современного. Реки Тигр и Евфрат, постепенно сближаясь, подходили одна к другой на уровне 33-й широты на расстояние до 50 км и текли почти параллельно до 31-й широты, где впадали несколькими устьями в обширную солоноватую лагуну, соединявшуюся с Персидским заливом. Долина Тигра и Евфрата представляла собой сильно заболоченную местность, подверженную разрушительным

разливам, причем русла рек часто меняли свое направление.

Древнейшая история Шумера восстанавливается на основании двух типов источников: 1) подлинных археологических и письменных памятников, современных событиям; 2) шумерской исторической традиции, отраженной в составленном незадолго до 2000 г. до н. э. каноническом списке царских династий, в шумерском эпосе и других литературных источниках.

В археологическом отношении памятники древнейшего южного Двуречья до появления доступных пониманию письменных памятников относятся к трем периодам *(См. подробнее: Ллойд С. Археология Месопотамии (От древнекаменного века до персидского завоевания) Пер. с англ. М., 1984.; Массон В. Первые цивилизации. Л., 1989).*

Самые древние памятники относятся к неолиту. Это так называемая культура "Эль-Обайд" или "Убайд", современная энеолитическим культурам северной Месопотамии. Она почти не оставила после себя предметов, сделанных из металла. Для культуры "Эль-Обайд" характерны поселения из тростниковых хижин, иногда с глиняной обмазкой, расположенных в местах более сухих или осушенных слоями травы и тростника. К этому периоду относятся костяные и глиняные орудия, керамика — в значительной степени ручная. Население занималось рыболовством и болотным земледелием. К концу рассматриваемого периода появляются культовые сооружения из сырцового кирпича.

Следующий период "Урук" (начинается примерно 4500 лет до н. э.), длившийся несколько сот лет (культурные слои XIV — V вв. Уруке) характеризуется заметным прогрессом в развитии техники — появляются медные орудия труда, улучшается керамическое производство, происходит заметное улучшение ирригационной и земледельческой техники. С южных районов начинается освоение дельты Евфрата для нужд земледелия. Выросли значительные поселения Эреду, Ур, Урук и Лагаш. Здесь строятся архитектурно оформленные монументальные храмы. Появляются цилиндрические печати, означавшие возникновение частной собственности. К этому периоду относится зарождение пиктографической письменности (понятийного письма).

Следующий период "Джемдет-Наср" (включает время, соответствующее IV — II в Уруке) длился 200-300 лет. Основные шумерские поселения в южном Междуречье уже основаны. В центральном и северном Шумере возникли города Шуруппак, Адаб, Ниппур, Эшнуна и Киш. Особое значение получил Ниппур, где располагался культ центрального общешумерского бога Энлиля. Ниппур признавался главной святыней Шумера, но имея большое религиозное и политическое значение, он никогда не был центром государственного объединения.

Период "Джемдет-Наср" характеризуется стремительным развитием производительных сил. Каменные орудия (скребки, рубила, мотыги) еще были в ходу, но медь, а в отдельных случаях и бронза, получают явное преобладание. Появляется правильно организованная ирригация, деревянный серп и плуг типа сохи, медные топоры, лопаты и рыболовные крючки. Известен кузнечный горн.

Основным средством сообщения остается тростниковая лодка, но уже появляются четырехколесные повозки со сплошными деревянными колесами. В ходу тонкие ткани-сетки. Почти вся керамика изготовляется на гончарном круге. Резные из камня и раковин штемпельные и цилиндрические печати достигают высокого художественного уровня исполнения. Появляются оформленные рельефными изображениями и инкрустацией каменные и металлические сосуды.

Коротко охарактеризуем теперь шумерскую историческую традицию. Так называемый "Царский список" был скомпилирован не позднее III тыс. до н. э., скорее всего в эпоху правления так называемой третьей династии Ура и делил историю Месопотамии на два периода: до потопа и после потопа. До потопа страной правили десять царей на протяжении 432 тысяч лет, причем каждый из царей правил по многу тысяч лет. В допотопные времена шумерская традиция насчитывает всего пять городов. Первым в этом списке значится город Эреду. Вот что говорит об этом "Царский список":

"После того как царственность низошла с небес,

Эреду стал местом царственности..." *(цит. по: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М. 1980. С. 57.).*

Далее сообщается, что после того, как были созданы "обряды и высшие божественные законы", бог, имя которого не названо:

"...основал пять городов в ... священных местах,

Он дал им имена и сделал их главными святилищами.

Первый из этих городов, Эреду, он отдал Нудиммуду, вождю,

Второй, Бадтибиру, он отдал ...

Третий, Ларак, он отдал Эндур-биль-хурсаг,

Четвертый, Сиппар, он отдал герою, чье имя — Уту,

Пятый, Шуруппак, он отдал Суду." *(цит. по: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 227 — 228.)*.

Интересно отметить, что согласно данным археологов примерно в середине IV тыс. до н. э. в Междуречье действительно произошла какая-то природная катастрофа. Об этом говорит трехметровый слой чистого песка без каких-либо следов человеческой деятельности, внезапно прерывающий культурные слои Ура. В городах, расположенных севернее, толщина слоя чистых речных отложений не так велика: от полутора метров в Уруке до полуметра в Кише. Тем не менее очевидно, что природный катаклизм охватил обширную территорию — почти весь известный тогда мир.

Шумерская традиция опять-таки приписывает первым послепотопным царям фантастические сроки правления, так что послепотопная история охватывает примерно 30 тысяч лет. Ученые высказали предположение, что шумерские писцы, переписывавшие более ранние царские списки, механически перечисляли одну за другой одновременно царствовавшие династии. В каждом из династических списков, которым они пользовались, древнейшим царям, как реальным, так и вымышленным, легендарным, приписывался сверхъестественный возраст, тогда как время правления более поздних царей, чье существование, с точки зрения переписчика, было исторически доказано, указывалось нормальное, соответствующее действительности. Таким образом, весь период, представленный перечисленными в списке династиями, мог занять приблизительно 500 — 700 лет.

Установлено также, что "Царский список" содержит немало исторических неточностей. Например, основатель первой династии Ура — Месанепада жил не в незапамятные времена, как это указано в "Царском списке", а значительно позднее.

Если верить "Царскому списку", политический центр Шумера периодически перемещался из одного города в другой. Так, после потопа царство было в Кише. После того, как

"Киш был поражен оружием;
Его царство в Эанну
было перенесено".

Эанна — название главного храма в Уруке. Когда и Урук был в свою очередь "поражен оружием" царство переместилось в Ур. Затем власть переходит к городу Аван. После этого на политическую арену вновь выходит Киш (вторая династия Киша). Следующей столицей царства оказывается Хамази — город, располагавшийся, видимо, в горах, недалеко от нынешнего Киркука на территории Ирака. После того, как и Хамази "был поражен оружием", царство переносится в Урук (вторая династия Урука), затем в Ур (вторая династия). После этого на сцену последовательно выходят Адаб, Мари (соседнее с Шумером государство), Киш (третья династия), Акшак, снова Киш (четвертая династия) и в третий раз Урук, где единственным и последним правителем перед завоеванием Шумера Аккадом в течение 25 лет был Лугальзагеси.

В целом анализ "Царского списка" в сочетании с подлинными надписями позволяет разместить данные надписей в историческом контексте, и это вместе с богатыми данными археологических открытий дает возможность более или менее связно восстановить историю древнего Шумера.

По мере развития ирригации и мелиорации, повышения уровня земледелия и ремесел происходит коренная социальная перестройка. Постепенно накапливается индивидуальное богатство, находит применение рабский труд, увеличивается богатство общин, а вместе с ним происходит имущественное расслоение общества. Во всех поселениях строятся монументальные храмы с архивами документов внутреннего учета, что свидетельствует о выделении из общины самостоятельных храмовых хозяйств и возникновении социального института жречества. Происходит и выделение родовой знати, в чьих руках сосредотачивается значительная часть земли. Основной социальной ячейкой становится большая семья, построенная на базисе отцовского родства *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 154 — 158)*.

Военное дело носит еще весьма демократический характер: воины (а ими были скорее всего все свободные общинники) вооружены копьями, луками со стрелами, палицами, каменными булавами. Еще не известно деление на роды оружия. Но появление вокруг городов оборонительных стен говорит о начавшемся периоде войн между городами *(Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье. Автореф. Л., 1957. С. 24)*.

На севере своей области (по-шумерски "ки-Ури") шумеры рано встретили семитские племена — будущих аккадцев, которые мигрировали сюда скорее всего с юго-запада на территории, ранее заселенные кавказскими народностями. Однако до XXIV в. до н. э. на севере Двуречья семитские имена сравнительно редки, а на юге мы не встречаем их вовсе.

Государство в подлинном смысле этого слова появилось у шумеров на рубеже IV — III тыс. до н. э., прежде всего в качестве аппарата управления все более усложнявшимся общественным производством *(Массон В. Первые цивилизации. Л., 1989. С. 63)*. Начиная с этого времени появляются документальные свидетельства о территориальном делении общества, существовании отделенных от народа администрации, войске и о налогах. Процесс образования государств идет независимо от более раннего сплочения шумерских племен вокруг Ниппура и других религиозных центров. Первоначально на территории расселения шумеров возникает до двадцати небольших городов-государств. В первой четверти III тыс. до н. э. их количество возросло почти до сорока *(Матвеев К. и Сазонов А. Земля Древнего Двуречья (Мифы, легенды, находки и открытия). М., 1986. С. 49)*.

На основании археологических данных можно заключить, что первоначально выделились два политических центра — города Киш на севере и Урук на юге. Это подтверждает и шумерская традиция — "Царский список" относит первые "послепотопные" династии к Кишу и Уруку, а одна из эпических песен называет Урук прямым культурным и политическим преемником Эреду.

Гегемония этих двух центров возникла в результате не только борьбы за обладание накопленными богатствами, но и из-за стремления к расширению и упорядочению ирригационной системы. При использовании ирригационными и мелиоративными системами отдельные общины оказывались конкурентами. К тому же их правильная организация невозможна без контроля над реками на большом протяжении русла. Поэтому очень рано возникают конфликты между отдельными шумерскими городами-государствами и претензии некоторых из них на общешумерскую гегемонию.

Шумерская традиция приписывает лугалям (правителям) I династии Киша гегемонию над всем Шумером, включая Урук. Согласно "Царскому списку" эта династия делится на две половины. В первой содержатся имена явно мифические, без указания родства лугалей между собой с указанием фантастических сроков правления (900, 840, 720 лет и т. д.). Вторая половина списка начинается с мифического Этаны, "летавшего на небо и обошедшего все страны". Это и есть фактический основатель династии, так как именно при нем "царственность спустилась с неба". Далее по списку царствовали: Валих, сын Этаны, Энменнуна, Мелам-Киш, Барзальнуна, Дубзах, Тизкар, Ильку, Ильтасадум, Энменбарагеси, который "согнул оружие Элама" и последний царь — Ака *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 165 — 166)*.

Во время правления Аки против гегемонии Киша выступил правитель Урука Гильгамеш. Между двумя городами произошла война, закончившаяся заключением союза *(Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 43)*. Реально существовавший Гильгамеш — правитель Урука, по всей видимости, и послужил прототипом главного героя шумерского эпоса о Гильгамеше-полубоге. Историчность I династии Урука подтверждается многими документами, в том числе текстами из Шуруппака, перечисляющими воинские отряды в ряде городов — Уруке, Адабе, Ниппуре, Лагаше, Шуруппаке, Умме и Кулабе. Отряд Урука стоит во главе списка и наибольший по численности. Есть основания считать, что вокруг Урука сложилось объединение городов, охватывавшее весь юг Междуречья. I династия Урука, согласно "Царскому списку", начинается с царя Мескингашера, жреца храма Эаны. Причем постройка храма предшествовала постройке самого города, который был отстроен сыном Мескингашера – царем Энмеркаром. Энмеркар и два последующих царя Лугальбанду и Думузи явно – мифические фигуры. Затем по списку следует "Гильгамеш — отец его был демон — эн Кулаба, правил 126 лет". Только после Гильгамеша, согласно списку, появляются реальные фигуры правителей Урука — Урнунгаль, Угукалама, Лабашер, Эннуннадана, Урганде, Меламана, Лугалькигуб *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 168 — 170)*.

Считается установленным, что первая династия Урука правила приблизительно в XXVII — XXVI вв. до н. э. Это означает, что первая династия Киша создала первое объединение шумерских городов-государств примерно в XXVIII в. до н. э. Основываясь на этих датах, некоторые ученые относят появление

шумерской письменности приблизительно к XXXIV — XXXIII вв. до н. э.

Политическое объединение вокруг Киша не закончило свое существование на I династии. Ей на смену вскоре пришла II династия этого города. Лугали II династии Киша также обладали значительным могуществом. Некоторые из них оставили свои надписи в Ниппуре. Известен правитель Киша Месилим, овладевший крупными городами Адаб и Лагаш. Месилим известен также как посредник в пограничном споре между городами Умма и Лагаш.

II династия Киша была разгромлена неким Ибинишем, правителем города Хамази, о месторасположении которого ничего не известно. В последствии о победе над Хамази сообщает новый правитель Киша Утуга, однако в тексте он уже не назван титулом "лугаль", а только менее значительным титулом "энси".

В XXVI в. до н. э. гегемония на юге переходит от Урука к I династии города Ур.

Надо сказать, что существовавшие попеременно вокруг Киша, Урука и Ура политические объединения шумерских городов были довольно аморфными. В принципе, существование этого объединения выражалось преимущественно в наличии общего военачальника — лугаля. Нет ни одного документа той эпохи, свидетельствующего, например, об уплате дани рядовыми городами-государствами верховному правителю, как это будет позже, в эпоху господства в Междуречье кутиев *(Шилейко В. К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1916. С. XXIX)*. Имеются только указания на то, что по требованию лугаля выставлялись воинские контингенты. Гегемония в таком союзе была непрочной и чисто формальной в мирное время. Государство развивалось и крепло внутри каждого отдельно взятого города-государства, где существовали свои правители, советы старейшин и народные собрания. Кстати, существование подобных структур является одной из характерных черт общественного устройства для всех кавказских народов.

Изменяется характер военного дела — центральное место в войске переходит к колесницам, в которые запрягали ослов или онагров. Колесницу сопровождал погонщик, а возница был вооружен длинным копьем и метательными дротиками. За колесницами следует пехота с копьями. Оборонительного оружия еще нет — воины носят только короткий передник. Набор оружия остается в общем прежним, но прибавляется еще кинжал и боевая секира. Зато практически исчезает каменная булава и лук со стрелами. В целом, налицо признаки выделения из общего ополчения аристократической дружины *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 173 — 174)*.

Серьезные изменения наблюдаются в культовых сооружениях. На смену храмам, где культовое действо происходило в открытом центральном дворе со множеством входов и доступном для всех, — приходят храмы, где отправление культа переносится в замкнутые помещения, отделенные от двора. В области общественной этому явлению соответствует выделение храмовых хозяйств как особого хозяйственного организма, отделенного от общины.

Весьма характерна для этого периода, обозначаемого часто как первый раннединастический, незначительная роль правителей в мирное время и тот факт, что управление храмовым хозяйством принадлежит не им. Правитель не может принимать важных решений без ведома и согласия совета старейшин и народного собрания. Войско формируется в основном еще из свободных общинников-добровольцев. Всеобщее ополчение выступало в редких случаях.

Однако с укрупнением храмовых хозяйств и сосредоточением все большего количества земли в руках правителей и родовой знати, ситуация начинает меняться. Дружина воинов-добровольцев становится постоянной и содержится правителем на собственные средства. К тому же, лугали постепенно прибирают к рукам и храмовые хозяйства, что еще более усиливает их влияние. Клиентура храма и лугаля являлась убежищем для маломощных общинников — младших сыновей, уходивших из-под власти отца, людей, разорившихся в силу разного рода обстоятельств и других. Именно эта категория населения — клиенты лугаля и храма – стала основой формирующихся постоянных дружин.

Этот процесс в период до XXVI в. до н. э. еще не получил своего завершения. Хотя правители городов-государств уже имели постоянные дружины, продолжала сохранять свои позиции в обществе и родовая знать, включавшая и жреческое сословие. Совет старейшин, орган власти прежде всего знати, продолжал играть важную роль в государстве. Например, именно от него зависело: начинать или не начинать военный поход *(Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 41)*.

Со второй половины XXVI в. до н. э. начинается новый (обозначаемый как второй раннединастический) период в истории Междуречья. Как уже отмечалось, гегемония на юге переходит от Урука к Уру. Однако в целом обстановка в Шумере нестабильна. В качестве претендентов на роль гегемона выступают правители Мари, Киша, Адаба и Лагаша. Начинается продолжительный период войн за гегемонию. Возникают непрочные, соперничающие между собой объединения государств, во главе с лугалем-завоевателем. Таковыми стали на севере династии Мари и Уни-Акшака, а также IV династия Киша; на юге – I династия Ура, сменившаяся кратковременной гегемонией Лагаша при Эанатуме, II династия Урука, династия Адаба и другие. Наряду с ними продолжают существовать в пределах или на периферии этих государственных объединений "номовые" государства прежнего типа — Умма, Уруа, Ниппур, Аз и многие другие.

Последовательность возникновения этих династий и их взаимоотношения остаются не совсем ясными. На юге, до второй половины XXV в. до н. э. гегемония принадлежала I династии Ура, что принесло городу огромные богатства. Основателем этой династии был скорее всего Мескаламдуг (или Месуг-шар). Следующим правителем был Месанепада, согласно традиции потерпевший поражение от неназванных врагов. Третьим правителем этой династии был Аанепада. Могущество и богатство лугалей I династии, принимавших, кстати, кишский титул "лугалей вселенной", основывалось не только на военных успехах, но и на укреплении их позиций внутри своей "номовой" общины. Известно, что жены правителей I династии Ура были верховными жрицами урского храма бога Нанны-Зуэна. Позже подобное имело место в Лагаше. Вообще, Ур занимал особое положение в истории Шумера, как один из крупнейших политических, экономических и культурных центров страны Шумер *(см. подробнее: Дьяконов И. М. Люди города Ура. М,. 1990)*.

О последних лугалях I династии Ура почти ничего не известно. Какие-то обстоятельства вынудили правителей Ура перенести столицу в Урук, где они приняли титул "лугалей Страны, лугалей Ура, жрецов-вождей Урука". Поэтому первый лугаль II династии Урука Эншагдуана был сыном последнего лугаля Ура Элили (или Элулу). Кстати, причиной, заставившей урскую династию перебраться в Урук, могло быть завоевание Ура Эанатумом, правителем Лагаша (около 2450-2425 гг. до н. э.) *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 182 — 183)*.

По неизвестным причинам ни одна из династий Лагаша не была включена в "Царский список", хотя археологические данные свидетельствуют о большом значении этого города в рассматриваемую эпоху. О древнейшей истории Лагаша известно мало, хотя поселение на его месте существовало еще в эпоху культуры "Эль-Обайд". Долгое время лугали Лагаша находились под гегемонией правителей Киша.

Новая династия Лагаша начинается с Ур-Нанше, жившего примерно в одно время с Месанепадой в Уре. При внуке Ур-Нанше — Эанатуме Лагаш превращается в активный фактор в шумерской политике. Происходит конфликт Лагаша с городом Умма из-за пограничного района Гуэден, разграниченного в свое время третейским судом Месилима, лугаля Киша. В битве из-за спорного района погибло, если верить надписи Эанатума, 3600 воинов из ополчения Уммы *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 181)*. В результате этой войны Эанатума восстановил территорию Лагаша, привел к присяге Энакале, нового энси Уммы и обложил уммийцев данью ячменем.

Этим успехи Эанатума не ограничились. В своих надписях он сообщает о новых победах, одержанных над Эламом, Уруа, Уром, Ки-Уту, Азом, Мишиме, Аруа. Некоторые надписи упоминают еще об одной победе: лугаль города Уни-Акшака — Зузу достиг гегемонии на севере и направил свою армию на юг, против Лагаша. Эанатум разгромил противника и, видимо, убил самого Зузу, потому что вскоре он принимает кишский титул "лугаля Вселенной".

Таким образом, Эанатуму удалось достичь гегемонии над довольно значительной территорией от Ура до Уммы. Однако некоторые важные части Шумера не были им завоеваны, в частности, он не овладел Ниппуром. Возможно, отчасти этим объясняется, что его имя не попало в "Царский список". Показательно также отсутствие в надписях Эанатума упоминания Адаба и соседних с ним городов (Шуруппака, Кисуры). Приблизительно в это время в Адабе правит Лугальанемунду, которого "Царский список" выделяет в особую династию Адаба, правившую 90 лет после II династии Урука (а на самом деле, скорее всего, параллельно ей). Традиция приписывает Лугальанемунду громадные завоевания, в том числе и

за пределами Шумера. Точно известно только, что Адаб долго сохранял самостоятельность — его правители сносились с правителями Лагаша на равных началах.

В начале XXIV в. до н. э. на юге Шумера существует по крайней мере три значительных города-государства: Урук, Адаб и Лагаш. Наряду с ними существуют множество более мелких, которые находились под гегемонией более сильных, но при этом правители менее значительных городов зачастую сами претендовали на титул лугаля.

На севере гегемония Киша продлилась, скорее всего, до второй половины XXV в. до н. э., хотя и прерывалась периодами господства Авана, Хамази и возможно, Мари. Затем гегемония примерно на сто лет (приблизительно 2450 — 2350 гг. до н. э.) переходит к династии Уни-Акшака. Современницей династии Акшака была Ку-Бау, основательница новой, IV династии, Киша, единственная известная нам правительница государства в древнем Шумере. Согласно традиции первоначально она была содержательницей кабака. Можно предположить, что образ Ку-Бау отразился в легендах эллинистического времени о вавилонской царице Семирамиде.

В военном деле продолжается сдвиг в сторону небольших, но хорошо вооруженных и дисциплинированных дружин. Происходит разделение общего войска на рода оружия: колесницы, тяжелая и легковооруженная пехота. Изменилась и сама боевая колесница. Теперь рядом с возницей появился воин — метатель дротиков или копьеносец. Тяжелая пехота получает оборонительное вооружение — шлемы и войлочные доспехи с нашитыми бляхами, закрывающими почти все тело. Появляется также большой, закрывающий все тело щит с нашитыми на него бляхами.

Исходя из численности свободного населения шумерских городов-государств (в самых крупных не более 100 тыс. человек) можно предположить, что дружинное войско вряд ли превышало 5-6 тыс. воинов максимум. Обычно же в небольших столкновениях участвовали отряды численностью в несколько сот хорошо вооруженных и обученных воинов. Кстати, исходя из этих же данных можно предположить, что общая численность населения Шумера в период его расцвета достигала 2,5 — 3 млн. человек *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 9).*

Изменился и характер оборонительных сооружений шумерских городов. Так, появляются дворцы-крепости правителей — лугалей. При этом, например, оборонительные сооружения дворца-крепости правителя Киша обращены не только наружу, но и вовнутрь города. Это можно считать косвенным признанием усиления противоречий внутри шумерских государств. Правители, опиравшиеся на свою возросшую экономическую мощь и преданную им дружину, стремились прибрать к рукам и храмовые хозяйства, что вызывало противодействие со стороны жреческо-аристократической олигархии. Так, последний правитель Лагаша из династии Ур-Нанше — Лугальанда был низложен, а на его место избран другой правитель — Урукагина.

Урукагина стал правителем Лагаша около 2319 г. до н. э. в результате переворота. Интересно, что свержение Лугальанды носило сравнительно мирный характер. Из документов того времени следует, что низложенный правитель продолжал жить в одном из поместий близ Лагаша, а его жена даже получала почетные дары в числе прочих знатных женщин первых лет правления Урукагины.

Новый правитель принадлежал к тому же социальному слою, что и прежний, — к родовой знати, хотя и происходил из другого рода. В первый год своего правления Урукагина носит титул энси, но со второго года именуется уже лугалем Лагаша или лугалем Гирсу. Именно Урукагина начал проводить в жизнь реформы, имевшие целью ограничить власть правителя и расширить права родовой аристократии.

В целом реформы Урукагины свелись к следующему:

1). Была упорядочена оплата жрецов и отменены поборы с них.

2). Сокращены поборы с наиболее значительных членов храмового персонала.

3). Держателям служебных наделов — шуб-лугалям были предоставлены следующие права: а) неограниченное право отчуждения движимого имущества и домов с воспрещением их начальникам произвольно отбирать это имущество или принуждать к его продаже; б) неограниченное право владения колодцами и арыками на их наделах с воспрещением рабам и не имеющим земельного надела членам храмового персонала пользоваться ими.

4). Формально восстановлена собственность богов на те храмовые хозяйства, которые были захвачены правителями и их родственниками. Кроме того,

были введены некоторые новые уголовные законы, а город очищен от преступных элементов *(Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье. Л., 1957. С. 28.; Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 59).*

Таким образом, в реформах Урукагины нашло отражение продолжение борьбы между жречеством, связанным с родовой аристократией, с одной стороны, и правителем, опиравшимся на светскую служилую знать, — с другой. Борьба идет за обладание ключевой политической и экономической позицией в шумерском обществе — храмовым хозяйством. Реформы Урукагины явились следствием временной победы первой группировки.

В эту внутреннюю борьбу так или иначе вовлекались и широкие массы населения. Именно с этой целью Урукагина проводил в жизнь мероприятия, призванные улучшить положение многочисленных клиентов храмовых хозяйств. В дальнейшем в результате окончательной победы царя над родовой знатью положение основной массы членов храмового (к тому времени уже царского) персонала резко ухудшится. Постепенно эта категория населения будет фактически низведена до положения, мало отличающегося от рабского.

Однако в целом реформы Урукагины проводились недостаточно последовательно и никого не удовлетворили. Более того, оказавшись в роли правителя, Урукагина, по всей видимости, не очень-то стремился расширять и углублять их. Во всяком случае, система управления храмами изменилась только по названию. Место верховной жрицы, жены бывшего правителя, заняла жена нового правителя. Общая система администрации сохранилась в неизменном виде. Увеличенные было нормы довольствия членам храмового персонала вскоре были урезаны до уровня прежних. К концу правления Урукагины материальное положение этой категории населения даже ухудшилось.

К этому времени резко изменилась ситуация в Шумере. В результате длительной и изнурительной борьбы сложилось своего рода равновесие между двумя центрами гегемонии: Уруком на юге и Кишем на севере. Сохранявшееся какое-то время зыбкое равновесие между двумя претендентами на общешумерскую гегемонию было нарушено присоединением Уммы (одного из буферных городов-государств) к Уруку. Тем самым Урук не только расширил свои границы, но и отрезал Лагаш от Киша.

Правителем Урука в течение 25 лет был Лугальзагеси, бывший энси Уммы. Осталось невыясненным, при каких обстоятельствах правителю малозначительного города Уммы удалось воцариться в Уруке. Вскоре после завоевания Урука Лугальзагеси овладел рядом других городов, в том числе и Ниппуром — религиозным центром всего Шумера. Признание здесь дало ему титул "лугаля Страны".

Точная хронология и последовательность событий последних лет раннединастического периода до сих пор не восстановлена. Скорее всего, уже в первый год правления Урукагины в Лагаше последовал поход Лугальзагеси против своего основного соперника — Киша. Разгром Киша был полный. Победная надпись Лугальзагеси сообщает, что его отряды могли дойти до "Верхнего" (Средиземного) моря: "Когда Энлиль, царь стран, передал Лугальзагеси царство над страной, когда он обратил к нему взоры всей страны, бросил к его стопам земли, отдал ему их с восхода до захода, тогда он открыл ему путь от Нижнего моря по Тигру и Евфрату до Верхнего моря" *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 135).* Впрочем, скорее всего, дело ограничилось тем, что правители и племена Сирии прислали ему посольства с подарками.

Таким образом, Уруку удалось установить общешумерскую гегемонию, однако характер этой гегемонии, как и в прежние времена, был довольно ограничен. Большинство шумерских городов-государств сохранили известную самостоятельность. Даже в поверженном Кише еще долгое время правили потомки Ки-Бау и Ур-Забабы, т. е. представители местной династии. Лагаш и целый ряд других городов (Мари, Сиппак, Акшак, Куту, Марад, Казаллу, Адаб, Кисура, Шуруппак) никогда не упоминаются в текстах Лугальзагеси как непосредственно подвластные ему.

Такое объединение страны не далеко ушло от военных союзов городов-государств, столь характерных для Шумера всей его предыдущей истории. Новое государство Лугальзагеси не было принципиально новым, более прочным централизованным государственным образованием, чем существовавшие ранее военные союзы. Это рыхлое объединение столкнулось с новым противником, неожиданно усилившимся на севере — Аккадским царством, и это столкновение оказалось роковым для всего Шумера.

Личность основателя Аккадского царства — Саргона историческая традиция окружает целым рядом легенд. Точно не установлено даже подлинное

имя Саргона, так как имя "Шуррукин" — "истинен царь", он, по всей видимости, принял только в момент своего воцарения. Неизвестно также его происхождение. Одно из преданий называет его отцом некоего Лаипума, согласно другому — он не знал отца. Вавилонская традиция называет его приемным сыном водоноса, которого богиня Иштар сделала из садовника сразу царем. Сам Саргон в своих записях нигде не называет имя отца, что служит доказательством незнатности его происхождения *(Матвеев К. и Сазонов А. Земля Древнего Двуречья. М., 1986. С. 54 — 55).*

Естественно, что возвышение человека незнатного рода могло произойти только в исключительных условиях. Самое поразительное в истории Саргона то, что дорогу к власти ему открыл правитель Урука Лугальзагеси, когда совершил опустошительный поход на Киш. Шумерский "Царский список" указывает, что Саргон был слугой ("чашеносцем", лицом для личного обслуживания правителя) кишского лугаля Ур-Забабы. Именно после похода Лугальзагеси на Киш началось возвышение Саргона, почти совпавшее во времени с принятием Урукагиной титула лугаля Лагаша *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 201 — 202).*

Во всяком случае, Саргон некоторое время правит в Кише одновременно с Лугальзагези.

Таким образом, разгром Шумера начался с захвата власти в одном из важнейших городов-государств представителем семитской части населения. Шумерский "Царский список" называет и других правителей, носивших семитские имена, но все они правили задолго до Саргона (Семитские имена первых легендарных царей Шумера, на наш взгляд, более поздняя вставка, призванная подтвердить претензии семитских правителей на власть в Шумере.) Но именно ко времени Саргона в корне изменилась демографическая ситуация в стране, особенно на севере. Семитское население начинает преобладать над шумерским, что в конечном итоге позволило новому правителю овладеть вначале Кишем, а затем подчинить своей власти весь Шумер.

В своих надписях Саргон именует себя лугалем Аккада и "лугалем Страны", т. е. принимает старый титул гегемонов северного Шумера. Отрывок шумерской песни о Саргоне говорит, что, выждав подходящий момент, он выступил со своим войском против Урука: "...победил Урук, сокрушил его стены; в битве с жителями Урука одержал победу. Лугальзагеси, царя Урука, взял в плен в этой битве, отправил его в клетке для собак к вратам Энлиля" *(цит. по: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 137).*

Интересно, что даже усиление Саргона не заставило шумерских правителей прекратить внутренние раздоры. Продолжаются столкновения между городами Умма и Лагаш. За год до своего разгрома Саргоном Лугальзагеси совершает военный поход против Лагаша. А через год, после падения Лугальзагеси, и сам Лагаш оказывается захваченным царем Аккада.

Таким образом, толчком к возвышению Аккада стал переход власти на севере Шумера к семитскому правителю — Саргону. Обеспечив гегемонию на севере Саргон, однако, не избрал своей столицей один из традиционных центров северной части Шумера, а построил себе совершенно новый город. Очевидно, Саргон не пожелал связывать себя с шумерской родовой знатью или шумерскими традициями и для этого основывает новый город, где он был полновластным хозяином.

Завоевание Шумера тем не менее оказалось для Аккада нелегким предприятием. Через год после разгрома коалиции Урука Саргону пришлось бороться с новой коалицией лугалей и энси юга. Во главе ее встал некий "человек Ура". Разбив его, Саргон двинулся против сохранявших еще независимость Лагаша и Уммы. Захватив эти города, воины Саргона совершили обряд омовения оружия в "Нижнем море" (Персидский залив). Подводя итоги завоевания Шумера, Саргон пишет о 34 сражениях, которые ему пришлось дать *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 211).*

Для понимания политики Саргона важно знать характер его войска. Здесь, как и во всем остальном, Саргон резко порывает с уже сложившимися шумерскими традициями. Основу его войска составляют легковооруженные пешие воины, действующие рассыпным строем и разделенные на лучников, копьеносцев и секироносцев. Из оборонительного вооружения нашли применение только медные шлемы. Интересен характер отношений между воинами и царем. Так, в эпосе "Царь битвы", созданном скорее всего в окружении Саргона, говорится о том, что тамкары малоазиатской колонии Пуршаханды, чтобы склонить Саргона к походу против их притеснителя Нур-Дагана, вручают взятки не только царю, но

и его воинам. Далее Саргон начинает совещаться с воинами *(Редер Д. Г. Военная демократия на древнем Востоке // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. XIV. Вып. 1. М., 1950. С. 121 — 122).*

Такое войско могло успешно сражаться с боевыми колесницами и фалангой тяжеловооруженных воинов только при условии подавляющего численного превосходства. Это, в свою очередь, могло быть достигнуто только за счет массового привлечения свободных общинников в ополчение. Новое появление лука как боевого оружия, а также большие цифры потерь и пленных в войнах царей династии Аккада, говорят именно о таком наборе войска.

Помимо ополчения Саргон вводит и постоянное войско *(Струве В. В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып. 77. М. — Л., 1934. С. 52).* Одна из его надписей сообщает, что "5400 мужей ежедневно ели перед ним хлеб". Другая надпись говорит о существовании постоянного наемного войска более определенно: "Сыновей дворца своего он поселил на 5 бэру (около 40 км) (вокруг); сильные стояли (перед ним), говорили "куда пойти нам?" *(цит. по:: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 225).*

Историческая традиция очень скупо сообщает о борьбе шумерских городов против аккадского владычества. Это вовсе не означает, что шумеры безропотно приняли новый порядок дел. Скорее дело в том, что аккадские цари создали централизованное государство с разветвленным государственным аппаратом. В условиях жесткого контроля со стороны царя вряд ли могли создаваться записи и хроники, противоречащие официальной версии событий, идущей из царского дворца. Тем не менее, известно о всеобщем возмущении против Саргона в конце его царствования. Во главе восстания стояли "старейшины", вероятнее всего — представители родовой знати.

Примерно двухсотлетнее правление аккадской династии не привело к ассимиляции шумерского населения. В области культуры оно скорее имело прямо противоположный эффект — семитское население Аккада широко использует достижения шумерской цивилизации.

При аккадской династии завершается захват царями обширнейших храмовых хозяйств. Это давало им в руки контроль примерно над половиной всей обрабатываемой земли, а также руководство ирригацией и контроль над жреческим сословием. Аккадские цари таким образом становятся могущественнее любой из противостоящих им группировок знати в лице все еще сохранявшихся советов старейшин. При этом аккадские цари пытаясь всеми способами ослабить могущество родовой аристократии одновременно предоставляют ряд льгот жреческому сословию. Надо при этом помнить, что экономический контроль над последним уже принадлежит царю, поэтому значительная часть жречества должна была поддерживать политику царей. Это видно из того, что именно в храмах создаются и пропагандируются официальные легенды, указывающие на божественную природу царской власти.

При воцарении Римуша, сына Саргона, вновь происходит возмущение в Шумере во главе Каку, принявшего титул "лугаля Ура". Каку подчинились "города Шумера" и ряд энси. Для подавления восстания Римуш собирает многочисленное ополчение. Обращает на себя внимание и такой факт: Римуш не ограничивается карательными мерами против знати, а стремится уничтожить все население мятежных городов. В его победных записях сообщается, что аккадский правитель уничтожил 8040 воинов, захватил 5460 пленных и "5700 мужей из городов Шумера вывел и предал на истребление". Это первый описанный случай массового истребления населения захваченных городов в истории Шумера.

На обратном пути с юга Римуш расправился с городами центрального Шумера — Уммой, Дером, Абадом, Халлабом и Лагашем. Практически полностью был уничтожен еще один шумерский город — Казуллу. Число убитых только в Умме и Дере достигло 9000, еще 3600 "мужей" было казнено, число захваченных в плен достигло двадцати тысяч *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 228 — 229).*

Зверские расправы Римуша свидетельствуют о непрочности его власти в Шумере и стремлении ослабить шумерские города путем массового кровопускания.

Римуш погиб в результате заговора среди его собственных вельмож. Поскольку к особе царя не допускались люди с оружием, вельможи заби
до смерти личными каменными печатями. Р

наследовал его брат Маништусу. Воцарение последнего опять ознаменовалось восстанием: "против него возмутились все страны, которые оставил ему его отец Шуррукин" (Саргон). И это восстание было подавлено.

Практически воцарение каждого нового царя аккадской династии сопровождалось волнениями. Уже при четвертом аккадском царе Нарам-Суэне начинается вторжение кутиев (гутеев), в одной из битв с которыми он и погиб. Его преемнику Шаркалишарри какое-то время удается сдерживать их натиск, однако с его смертью происходит быстрое ослабление Аккадского царства, когда натиск кутиев сопровождался еще и внутренними потрясениями. За три года на аккадском престоле сменилось четыре царя:

"Кто был царем, а кто не был царем?

Был Игги царем?

Был Нанум царем?

Был Ими царем?

Был Элулу[меш] царем?

Эти четверо были царями и царствовали три года..." *(цит. по:: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 138).*

Периоду господства кутиев историческая традиция отводит приблизительно сто лет: с 2228 по 2104 г. до н. э.) *(Матвеев К. и Сазонов А. Земля Древнего Двуречья (Мифы, легенды, находки и открытия). М., 1986. С. 57).* Правда, И. М. Дьяконов считает, что власть кутиев была свергнута в 2109/8 г. до н. э *(Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье. Автореф. Л., 1957. С. 33).* Кутии не разрушили полностью Аккадское царство — оно восстанавливается после сокрушительного разгрома, но уже в качестве государства местного значения, находящегося в зависимости от кутиев. Историческая традиция делает упор на разрушительный характер вторжения кутиев и ненависть, которую они вызвали повсеместно в Двуречье:

"Страна в руках жестоких врагов.

Боги увезены в плен.

Население отягчено повинностями и налогами.

Каналы и арыки запущены.

Тигр перестал быть судоходным.

Поля не орошаются.

Поля не дают урожая" *(цит. по::: Матвеев К. и Сазонов А. Земля Древнего Двуречья. М., 1986. С. 57).*

Нам представляется, что на самом деле ситуация в Двуречье выглядела по — иному. Прежде всего немного о самих кутиях.

Древние источники очень скупо говорят о них. Можно предположить, что это был союз племен, во главе которых стояли вожди, избиравшиеся на определенный срок. Высказывались различные предположения о происхождении кутиев, хотя большая часть ученых все же называет их кавказским народом. Из дошедших до нас источников известны всего несколько десятков кутийских собственных имен. Кроме того, в шумерском языке существуют слова, заимствованные из восточнокавказского языкового субстрата, отличного от хурритского. Скорее всего, это заимствования из кутийского языка. Последний, если сравнивать его с ныне существующими языками, скорее всего оказался бы ближе к удинскому языку. Высказывалось даже предположение, что название "уди" представляет собой рефлекс Quti *(Дьяконов И. М. и Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древние Восточные этнокультурные связи. М., 1988. С. 166).*

Стремительность, с которой кутии, жители гор, разгромили стоявшее на более высокой ступени развития Аккадское царство и отбили нападение на Междуречье эламитов, да и весь дальнейший ход событий, дают основание полагать, что они нашли поддержку у шумерского населения. Об отношении шумеров к завоевавшим их аккадцам можно судить по сохранившемуся тексту, рассказывающему о разрушении Аккада. Шумерский автор повествует, что после того как воины аккадского царя Нарам-Суэна разрушили Экур, храм бога Энлиля в Ниппуре, и увезли его сокровища в Аккад, разгневанный бог обратил свой взор к северным горам и вывел оттуда кутиев. Кутии, по выражению автора поэмы, наводнили страну подобно саранче, от которой нет спасения. Однако восемь главнейших божеств заступились за шумеров и обрекли Аккад на разрушение:

"О ты, который посмел напасть на Экур, который глумился над Энлилем,

Ты, Аккад, который посмел напасть на Экур, который глумился над Энлилем,

Да обратятся твои улицы в прах,

Да превратятся твои глиняные кирпичи в грязь,

Да будут они прокляты богом Энки,

Да вернутся твои деревья в леса,

Да будут они прокляты Нинильдой.

Твои смертоносные топоры — да несут они смерть твоим женщинам,

Твои убойные бараны — да пойдут на убой твои дети,

Твои несчастливцы — да утопят они своих детей...

О Аккад, да обратится твой дворец, с радостным сердцем построенный, в развалины;

Там, где справлялись твои обряды и молитвы,

Пусть лис-охотник сметает хвостом могильные холмы развалин.

Да зарастут твои каналы, подобно тропинкам, на которых растет только сорная трава;

Да зарастут твои дороги, и пусть на них растет одна лишь "трава плача".

И пусть на твоих каналах и пристанях

Не появится ни один человек, испугавший дикого козла, насекомых, змей и скорпионов.

А твои луга, на которых росли полезные растения,

Пусть родят один лишь "тростник слез".

О Аккад, да течет вместо пресной воды горькая;

Сказавший: "Я буду жить в этом городе" — не найдет места для жизни;

Сказавший: "Я буду лежать в Аккаде" — не найдет места для отдыха" *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 141).*

Указанный текст ясно дает понять, что Аккад понес заслуженную кару, но этим его смысл не ограничивается. Здесь явно звучит намек на то, что действия кутиев направленные на уничтожение злейшего врага Шумера, пошли явно на пользу последнему, ибо восемь главных божеств взяли шумеров под свою защиту. Скорее всего, именно в такой неожиданной форме нашел отражение факт совместного выступления кутиев и шумеров против аккадского господства. В пользу этого утверждения говорит и то, что вторжение кутиев практически ограничилось северной частью бывшей территории Шумера. Это как раз те области, которые в результате почти двухсотлетнего аккадского господства были населены уже практически только семитским населением. На юге же Шумера, сразу вслед за разгромом Аккада, местные правители меняют общегосударственные аккадские датировки на свои собственные, т. е. фактически заявляют о своей независимости. Здесь несколько пострадал только Урук, в котором приходит к власти новая, IV династия. Может, именно с появлением новой династии как-то связано нападение кутиев на этот город. Возможно, кутии хотели возвести на престол лояльного правителя, а может быть, кутиев привлекла на свою сторону одна из оспаривавших власть политических группировок.

Таким образом, есть основания предполагать, что кутии получили поддержку со стороны шумерских городов. Большинство ученых осторожно говорят о беспорядках, вызванных жестокой эксплуатацией со стороны аккадской династии. Думается, имели место не просто беспорядки, а совместное выступление шумерских городов и кутиев против Аккадского царства. Мы не знаем, заключили ли обе стороны формальный союз или они просто согласовывали свои действия, но факт взаимодействия может считаться установленным. В этом плане весьма интересен порядок, установившийся в Междуречье после разгрома Аккада.

Кутии возвращаются в свои горы, наложив дань на города Междуречья *(Шилейко В. К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1916. С. XXIX).* Предположительно, центр их страны располагался в Аррапхе (близ современного Киркука). Свою администрацию они не оставляют, но из сбивчивых сообщений, дошедших до нас, можно сделать вывод, что дань для них собирали правители Лагаша. Историческая традиция говорит о разорительном характере кутийских поборов, но данные археологических раскопок, напротив, свидетельствуют об активном строительстве в шумерских городах.

Если следовать исторической традиции, окончательное изгнание кутиев из Междуречья произошло при Утухегале, царе Урука. Но здесь обращает на себя внимание одна деталь. Из десяти последних царей кутиев, которых мы знаем по древним источникам, трое носят аккадские имена, а еще пять — явно семитизированные. Некоторые ученые, в частности И. М. Дьяконов, делают вывод о слиянии верхушки кутиев с шумеро-аккадской знатью *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 238).* При этом упор делается на якобы уже имевшее место фактическое слияние шумерской и аккадской знати. Однако если принять этот тезис за основу, то поход Утухегаля имел целью не освобождение своей страны от иноземного гнета, а носил характер междоусобного столкновения. А последнее явно противоречит той же исторической традиции, которая однозначно указывает, что Утухегаль именно освободил страну от иноземного угнетения.

Объяснение этого противоречия, на наш взгляд, в следующем. После ухода кутиев из страны аккадизированные правители севера (а семитское население уже превосходило по численности шумерское) вновь

навязали югу свою гегемонию. Именно против них и совершает поход Утухегаль. Сам за себя говорит и тот факт, что войско, выступившее против восставшего Утухегаля, не было кутийским по своему составу — оно состояло из воинских контингентов аккадца Наби-Энлиля и его союзника шумерийца Ур-Нинзу. В сражении, которое произошло, скорее всего, в 2109 г. до н. э., Утухегаль одержал легкую победу. Однако он не успел воспользоваться плодами своего успеха. Согласно исторической версии спустя небольшое время после одержанной победы Утухегаль утонул. Власть в Междуречье переходит к правителю Ура Ур-Намму, основателю III династии Ура *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 148).*

Позднешумерское государство имеет целый ряд характерных особенностей, отличающих его от государств предыдущего периода. Подобно аккадским правителям цари III династии Ура являлись безусловными собственниками всей храмовой и царской земли, а местные правители энси были низведены до положения назначаемого и сменяемого царского чиновника. Исключение составляли некоторые окраинные территории и священный Ниппур, где сохранялись подконтрольные царю местные династии. В руках царей сосредотачивается не менее 60 процентов всей обрабатываемой земли. Многое говорит и за то, что существовал запрет на куплю-продажу общинных земель.

Мы не встречаем больше родовую аристократию, возводящую свое происхождение к какому-либо божеству. Вокруг царя стоит исключительно служилая знать: чиновники царской администрации, жрецы, оказавшиеся на положении царских чиновников, и царские военачальники.

Большое количество наемных работников, используемых в царском хозяйстве, многочисленные случаи продажи в рабство детей свидетельствуют о начавшемся массовом разорении мелких земледельцев-общинников. При этом положение наемного работника в царском хозяйстве в экономическом плане практически не отличается от положения раба. Рабство вообще получает широкое распространение в позднем Шумере. Интересно, что положение частного раба зачастую оказывалось лучше положения царского работника. Известны случаи, когда рабу удавалось выкупить себе свободу. Рабов часто отпускали на волю. Кроме того, частный раб имел право в судебном порядке оспаривать законность своего обращения в рабство. В судебных разбирательствах по делам других рабов он мог выступать в качестве свидетеля, причем с правом отводить свидетелей и требовать клятвы у собственного хозяина. Все рабы имели право жениться и обзавестись семьей *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 380–384).* Интересно, что стоимость раба в Шумере оставалась необычайно низкой и резко возросла только в послешумерский период.

Победа Утухегаля, однако, лишь временно ослабила семитское давление на Шумер. О его силе можно судить по тому факту, что только два первых царя III династии Ура носили шумерские имена. Появляются и становятся постоянными официальные царские надписи на двух языках: шумерском и семитском — аккадском.

Росту численности семитского населения в Шумере способствовали и завоевательные походы первых царей III династии Ура. Территориальная экспансия, направленная в первую очередь на северо-восток, раздвинула границы владений этой династии до района современных городов Мосул и Киркук. Рост семитского населения отмечается и в южных районах. Семитские имена появляются в записях священного для шумеров района Ниппура и к югу от него. В дальнейшем резко усиливается давление со стороны семитских кочевых племен Сирийской степи — аморреев. В результате территория, контролируемая царями Ура, начинает стремительно сокращаться.

Уже в самом начале правления последнего урского царя Ибби-Суэна его власть перестает признаваться в Эншуне и Сузах, затем отделяются Лагаш и Умма. Назначенный правителем Исина военачальник Ишби-Эрре вскоре вводит датировку по событиям своего правления и принимает титул "лугаль своей страны". Примерно в это же время аморейский вождь Напланум (амореи издавна привлекались в Междуречье в качестве наемников) провозглашает свое царство на юге Месопотамии, в городе Ларса Ур продержался еще какое-то время, пока очередной набег эламитов и племени су (а) приблизительно в 2007 г. до н. э. не положил конец III династии Ура:

"Город, славу ты имел, ты разрушен,

Город, стены твои высились, — твоя Страна (Шумер) погублена!

Мой город, как у непорочной овцы, отнят твой ягненок!

Ур, как у непорочной козочки, погублен твой козленок!

Город, твои законы, страх и ужас врагов,

Твои уставы — переменены на враждебные!" *(цит. по::: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 269).*

Структура шумерского общества

Шумеры первыми создали в Междуречье государство, причем государство в форме, нехарактерной для государств, возникавших позднее у их соседей. Специфика Шумера — в наличии десятков небольших "городов-государств" или, если использовать терминологию, применяемую к подобным же государствам древнейшего Египта, — "номовых" государств. При этом в наиболее ранний период можно проследить четкую тенденцию, направленную на ограничение власти правителя города-государства. К сожалению, мало данных, раскрывающих социальные институты шумерского общества, но ясно, что власть в шумерских городах не сосредотачивалась в руках одного правителя-деспота. Свою долю власти имело сословие жрецов. Точно так же, правитель города созывал для решения наиболее важных вопросов своеобразный совет старейшин города и собрание свободных граждан. Эти традиции оказались столь сильны в шумерском обществе, что общинные органы сохранялись даже в эпоху позднего Шумера, когда сложилась никем и ничем не ограниченная царская власть. От шумеров традиционные общинные органы перешли к семитскому населению и сохранялись даже во времена царя Хаммурапи.

Во главе шумерских государств стоял правитель, обладавший титулом либо "энси", либо "лугаль". Первый переводится как "жрец, закладывающий храмы", или "староста, закладывающий основание". При этом титул "энси", как правило, не применялся к божествам.

Значение титула "лугаль" переводится как "большой человек", "господин". Интересно, что титул "лугаль" обычно применялся для обозначения божества, часто — главного божества данной общины или города. В наиболее ранних шумерских источниках этот термин отсутствует вообще и появляется лишь к середине III тысячелетия до н. э. для выражения понятия "правитель" *(Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье. Автореф. Л., 1957. С. 17).*

Наличие двух понятий — "энси" и "лугаль" — предполагает обладание разной полнотой власти у носителей этих титулов. Однако, провести какую-то четкую грань между этими понятиями в раннединастический период не удается. Очевидно, характер власти конкретного правителя определялся развитием ситуации в принадлежавшем ему городе-государстве. В любом случае, даже при самых благоприятных обстоятельствах, власть правителя шумерского города раннединастического периода не была абсолютной.

Правители шумерских городов обладали фискальными полномочиями, культовыми функциями, руководили храмовым и ирригационным строительством. Законодательные функции зафиксированы только у "лугалей". Что касается судебной власти, то правитель города-государства, по всей видимости, не обладал ею единолично. Интересно, что все правители шумерских городов, независимо от титулов, даже наиболее поздние из них, обладавшие уже царским титулом, не являлись верховными собственниками всей земли, а за пределами царского хозяйства вынуждены были покупать ее на общих основаниях *(См. также: Якобсен В. А. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на Древнем Востоке. М., 1989. С. 17 — 37).*

Остается отметить, что со временем наряду с "лугалями" того или иного города появились "лугали", носившие титулы "лугаля Страны" или "лугаля Вселенной". Такие правители ставили в зависимость от себя правителей соседних, более слабых городов.

Правители городов сравнительно рано начинают претендовать на единоличное управление храмовым хозяйством (в конце концов сросшимся с хозяйством самого правителя), а также орошением и строительством. Во всех других вопросах управления наряду с правителем долгое время выступают разные органы управления: 1) "старейшины города" (аба-уру или аб-аш уру); 2) "мужи города" (гуруш уру или мес). Оба собрания носили название ункен ("народный круг"). Причем в самый ранний период шумерской истории именно "старейшины города" управляли храмовым хозяйством. Лишь в более поздний период эти функции перешли к правителю города.

Сложно судить достаточно полно о правах и функциях совета старейшин и народного собрания в шумерских городах-государствах. Можно предположить, что они обладали различными административными, полицейскими, судебными и нотариальными функциями. Совершенно определенно можно сказать, что правитель был обязан совещаться с советом старейшин и народным собранием при решении во-

енных вопросов. Скорее всего, совету или народному собранию принадлежало и право принятия новых граждан. В ряде случаев именно народное собрание и совет старейшин становились источником власти правителя *(Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М., 1959. С. 139 — 141).*

Так, "рукой бога" (понимай — народным собранием) из числа свободных мужчин государства были избраны правителями Урукагина, правитель Лагаша и Ипхур-Киш, правитель Киша.

С возникновением государства произошло и окончательное разделение шумерского общества на классы и сословия. Основной хозяйственно-политической единицей в раннешумерском обществе начала III тысячелетия до н. э. была объединенная община "уру" или "ки", состоявшая из нескольких укрепленных поселений. Центром общины был храм главного божества — покровителя общины. Причем храм владел не менее чем половиной всей земли.

Храмовая земля разделялась на три категории 1) ниг-эн-на — земля, выделенная на содержание храма; 2) ган-кур-ра — земля, раздававшаяся в виде строго индивидуальных, ненаследственных и переменных наделов лицам, работавшим на земле ниг-эн-на, т. е. "земля кормления"; 3) ган-уру-лаль — земля, сдававшаяся тем же членам храмового персонала в дополнение к наделам. Это "издольная" земля, за пользование ею полагалась уплата доли урожая *(Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье. Автореф. М., 1957. С. 11).*

Первоначально храмовая земля обрабатывалась лично свободными клиентами храма или верховного жреца. Часто в роли последнего выступал сам правитель города-государства. Из лиц храмового персонала в военное время составлялось войско правителя. Позднее, в познешумерском обществе, когда храмовые хозяйства оказались полностью поглощенными царскими, ранее свободные храмовые работники оказались низведенными до положения рабов *(См. также: Тюменев А. И. Государственное хозяйство Шумера. М. — Л., 1959).*

Остальная земля, не входившая в храмовое или царское хозяйство, находилась в руках свободных общинников, объединенных в патриархальные семьи — "э" (дома). Семьи объединялись в патриархальные роды и сельские общины, которые, в свою очередь, входили в состав объединенных "номовых" общин, бывших первоначальными ячейками, в пределах которых образовывались государства. Община, как коллективный владелец земли, могла владеть и определенным количеством рабов. Земля "домов" могла отчуждаться, но только с ведома общины *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 14).*

Характерная особенность шумерского общества на протяжении всей его истории — параллельное существование двух главных категорий земли: храмовой и царской, с одной стороны и общинной, с другой. Причем члены общины являлись собственниками земли в пределах сельской общины. Лишь на наиболее ранних этапах истории храмовая земля, по всей видимости, являлась частью общинной земли и обрабатывалась не специально выделенными храму людьми, а всеми членами общины.

Для шумерского общества, особенно раннего, характерно ограниченное использование труда рабов, хотя они имелись уже в довольно значительном количестве. В раннединастическом Шумере, например, сельскохозяйственные работы, включая орошение, как в общинах, так и в храмах, велось свободными общинниками и членами храмового персонала. Рабы использовались лишь на подсобных работах и некоторых видах ремесленного производства, например ткачестве *(См. подробнее: Шарашенидзе Дж. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера 2-й половины III тыс. до н. э. Тбилиси., 1986).*

Соответственно делению основного средства производства — земли, свободное население Шумера делилось на две категории: 1) лица, зависимые от храма и царя и получавшие от них землю в условное пользование; 2) полноправные общинники, имевшие долю в общинной собственности на землю или частное земельное владение, ограниченное принадлежностью владельца к той же общине.

Однако в пределах все той же общины имелись еще и крупные земельные владения представителей правящих слоев Шумера — правителей, знати и, по всей видимости, жрецов. Последние не получали существенных наделов из храмового хозяйства. Земля знатных семей, владевших каждая сотнями гектаров, не могла обрабатываться только рабами. К ее обработке широко привлекались лично свободные, но зависимые люди — "суб", "сиг". Положение этой категории населения практически ничем не отличалось от положения эксплуатируемых членов храмового

персонала. Существует также немало свидетельств того, что значительная часть клиентов храма были клиентами не собственно храма, а более крупных членов персонала и храмовой администрации.

Таким образом, население шумерских городов-государств делилось на следующие категории или сословия:

1) Крупная общинно-родовая знать (правитель, жречество, руководство общины), которая владела в порядке семейно-родового и индивидуального владения десятками и сотнями гектаров общинной земли, эксплуатируя на ней клиентов и рабов. Она же фактически владела всей храмовой землей, которая постепенно перешла в личную собственность правителя. По всей видимости, органом этой знати являлся совет старейшин.

2) Свободные общинники, владевшие участками общинной земли в порядке семейно-общинного владения. Это сословие насчитывало более половины всего населения. Органом этой части населения являлось народное собрание.

3) Лично свободная, но зависимая часть населения, — клиенты. Данное сословие не было однородным, а, напротив, разделялось на несколько категорий:

а) зажиточные клиенты храма — члены храмовой администрации, крупные ремесленники и т.д. Интересно, что представители данной категории зачастую имели собственных клиентов и владели рабами;

б) прочие клиенты храма — они получали индивидуальные наделы и небольшие натуральные выдачи за свой труд. Некоторые клиенты обеих категорий получали только натуральное довольствие;

в) клиенты частных лиц. Эта категория включала лиц, утративших связи со своей общиной (беглые, чужеземцы, обедневшие младшие родичи и т.п.).

4) Рабы, которые принадлежали или храмовым (а затем царским) хозяйствам, или частным владельцам. Положение храмовых рабов мало чем отличалось от положения низших категорий клиентов. Что касается количества рабов, то в течение продолжительного времени оно было относительно невелико и начинает возрастать только к концу эпохи шумеров *(Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье. Л., 1957. С. 16)*.

Слабое развитие рабства в раннем Шумере, сохранение общины как коллективного собственника земли — обусловило и меньшую степень классовой и сословной дифференциации шумерского общества. Между государственной и родовой аристократией и лишенными всякой свободы и собственности рабами находилась основная масса лично свободного населения, пребывавшая, однако, в той или иной степени зависимости от правителей, знати и жречества. Кроме того, свободные общинники были также связаны условиями общинной жизни. Позже, когда большая часть земли, включая храмовые земли, была взята в свои руки господствующей верхушкой общества, произошло ослабление общины.

Среди причин, обусловивших длительное существование коллективного владения землей в шумерских городах-государствах, следует указать прежде всего на коллективный характер орошения. Коллективный характер орошения вел к закреплению общины как товарищества по совместному владению и использованию воды. Тем не менее, хотя и медленными темпами, все же происходило разрушение общины.

Хозяйственная жизнь

Особенности экономики древнешумерских городов-государств довольно подробно рассмотрены в ряде работ, таких как: Дьяконов И. М. Люди города Ура. М., 1990; Массон В. Первые цивилизации. Л., 1889; Струве В. В. Очерки социально-экономической истории Древнего Востока. М. — Л., 1934; Тюменев А. И. Государственное хозяйство Шумера. М. — Л., 1959; Шарашенидзе Дж. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера 2-й половины III тыс. до н. э. Тбилиси., 1986, и других. Поэтому в данном случае автор ограничится кратким обзором по указанной теме.

Основу народного хозяйства древнего Шумера составляло земледелие, несмотря на то, что очень рано и быстро получило развитие ремесленное производство. Уже в древнейших документах из Ура, Лагаша и Шуруппака упоминаются представители различных ремесел. В одной из табличек, найденных в самых глубоких культурных слоях Урука, содержится упоминание о плотниках. Позже, в эпоху "Урука — Джемдет-Насра" часто упоминаются плотники и кузнецы. Появившийся в это время термин "симуг галь" — "большой кузнец" свидетельствует скорее всего о возникновении в среде ремесленников какой-то организации, наподобие цеховой. Найденные в Уре таблички первой половины III тыс.

до н. э. говорят о дальнейшем развитии кузнечного и каменотесного дела.

Бурный расцвет шумерской цивилизации, явившийся результатом развития ремесленного производства, требовал, в свою очередь, дальнейшей дифференциации и совершенствования ремесел. Наряду с плотниками, кузнецами, гончарами, каменщиками, пекарями, судостроителями и т.д. — возникают и получают развитие резьба по камню и металлу, ткачество, ювелирное дело.

Изначально ремесленники принадлежат к храмовому, а затем царскому хозяйству. Кроме вознаграждения, которое они получали за свой труд, в отдельных случаях им выделялся участок земли, для обработки которого ремесленники часто использовали клиентов или рабов. Шумерские ремесленники имели собственные мастерские и объединялись в своего рода цеха. Цеховые старейшины следили за справедливым распределением заказов, контролировали качество изделий, отвечали перед храмом или царем за полученное сырье и своевременную доставку готовых изделий.

В эпоху третьей династии Ура царские мастерские представляли собой крупное по тем временам производство. Так, в царствование Ибби-Суэна при дворце существовало не менее восьми крупных мастерских, во главе которых стоял специальный чиновник. Но эти восемь производственных мастерских — камнерезная, золотильная, ювелирная, столярно-плотницкая, кузнечно-металлическая, кожевенная, ткацкая и судостроительная, — составляли только часть производственной базы государства. Наряду с ними существовало большое количество крупных и мелких мастерских, являвшихся собственностью царя, храмов и частных лиц. Одним из таких владельцев и предпринимателей был некий Дада, владевший суконной, ткацкой и судостроительной мастерскими *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 320 — 321).*

Большое развитие получило плетение различных изделий из тростника, пользовавшихся повсеместным и постоянным спросом. Хлеб, муку, документы и множество других вещей хранили в плетеных корзинах, коробках и т.д. Из тростника изготавливались специальные циновки, в которые заворачивали покойников. Из тростника же делали паруса, изделиями из него украшали стены жилищ, застилали полы, вили веревки и строили лодки.

В хозяйственной жизни Шумера большое значение имело судостроение. Густая сеть ирригационных каналов представляла собой прекрасное средство сообщения между различными частями страны. Поэтому повсеместно получило распространение строительство большого количества судов разного тоннажа, предназначенных для разного рода грузовых перевозок. Из расшифрованных табличек следует, что для плавания по каналам строились суда водоизмещением до 15 тонн. Однако не вызывает сомнения, что шумеры строили и гораздо более крупные суда, предназначенные для продолжительного морского каботажного плавания, вплоть до Египта и Индии. Впрочем, плавание Тура Хейердала доказало, что даже на тростниковых судах возможны океанские плавания.

Ткачество получило развитие в Шумере только во второй половине III тыс. до н. э. В ткацких мастерских основную рабочую силу составляли женщины. Для мужчин профессия ткача считалась непристойной. Уже к концу III тыс. до н. э. существовали ткачи разной квалификации. Известно, что в древнейшее время шумерские мужчины носили просто прямоугольный кусок ткани, которым оборачивали бедра. К середине III тыс. костюм несколько изменился, вернее, увеличился размер куска ткани — он не только закрывал бедра, но один конец носили перекинутым через плечо. Женская одежда представляла также прямоугольное полотнище, оборачиваемое вокруг туловища таким образом, что одним его краем прикрывалась левая рука. Сверху надевали плащ-накидку с прорезанными для рук отверстиями.

Мужчины часто брили голову, а иногда и бороду. Голову, как правило, прикрывали головными повязками разной формы. На севере были распространены своего рода береты. Женщины носили волосы распущенными и откинутыми назад, подвязывая их лентой, иногда металлической полоской.

Знать одевалась более изящно и богато. Правители и аристократия носили парики и головные уборы (шлемы), выкованные в форме парика. Знатные женщины носили сложные головные уборы, составленные из металлических венков, булавок, диадем, изображений цветов и т.д. В качестве украшений употребляли разного рода ожерелья из бус и мелких ювелирных поделок. Шумеры почти не пользовались другой обувью, кроме сандалий в виде подвязанной к ноге подошве.

С развитием имущественного неравенства наиболее зажиточная часть шумерского общества повысила свои требования и к одежде. Одежда знати становится все более замысловатой. В связи с этим получает развитие производство льняных и шерстяных тканей, причем в мастерских вырабатываются различные виды тканей: грубые сукна для простолюдинов и тонкие, легкие материи для знати. О масштабах потребления тканей говорит численность ткачей. Так, в городе Эреду при храме бога Энки работало 303 ткачихи. Еще больше было ткачих в четырех мастерских города Лагаш — 816 (причем известно, что в Лагаше имелись и другие ткацкие мастерские). Известно также, что в мастерских царя Ибби-Суэна работало не менее 3000 ткачих *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 322).*

Широко распространены были в Шумере и цилиндрические печати, которыми пользовался практически каждый свободный человек. Эти печати, как и бусы, изготовлялись обычно из лазурита, сердолика, мрамора, жировика, гематита.

Для нужд строительства, которое велось в Шумере с большим размахом, требовалось огромное количество строительных материалов, главным из которых являлся кирпич. Строительный кирпич шумеры изготавливали из глины двумя способами: сушили на солнце или обжигали в специальных печах. Когда спрос на строительный материал возрастал, на помощь мастерам приглашались наемные работники. С производством кирпича в Шумере связана одна интересная деталь — их учет велся не поштучно, а по объему сложности работ. Это свидетельствует о математических познаниях шумеров.

Несмотря на то, что большинство жителей Шумера почти не пользовались обувью, в стране процветало кожевенное производство. Из обработанной кожи изготовлялись не только сандалии, но и стулья, обивка для повозок, упряжь, мешки.

В кузницах и металлических мастерских выделывали, помимо оружия и орудий труда, всевозможную посуду из меди и латуни, кровати, стулья, различные украшения и предметы роскоши. Бижутерия из меди, а также изделия из серебра и золота являлись основной продукцией ювелирных мастерских. В каменотесных мастерских трудились скульпторы, камнерезы, гранильщики.

Хотя большая часть населения выпекали хлеб сами, в Шумере существовали при царских дворах большие пекарни. В царских кухнях, бойнях, коптильнях и "домах помола" трудились сотни пекарей, пивоваров и т.д. В годы правления царя Шульги в одном только Лагаше царю принадлежало три "дома помола". В самом большом из них работало 325 человек. При этом только одна пекарня в том же Лагаше в месяц потребляла примерно 100 тонн муки *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 323).*

Остается добавить, что при царском дворе жили также парикмахеры, музыканты, певцы. Более того, по мере роста богатства знати в Шумере появились мастерские по производству парфюмерных изделий и румян.

Талант шумерских ремесленников, умение создавать полезные и красивые вещи ценились высоко. Об этом говорит изречение, посвященное людям, не сумевшим справиться со своей работой и поэтому вынужденным бросить свою профессию:

"Неумелый писец становится заклинателем;
неумелый певец становится гудошником;
неумелый певчий становится флейтистом;
неумелый купец становится погонщиком;
неумелый столяр становится прядильщиком;
неумелый оружейник становится изготовителем серпов;
неумелый строитель становится подносчиком глины" *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 324).*

Развитие ремесел в шумерских городах-государствах было бы невозможно без широкого развития торговли как между отдельными городами, так и с более отдаленными странами и областями. Сам факт развития ремесел говорит об этом. Ведь в самом Шумере полностью отсутствовали залежи полезных ископаемых, за исключением глины. Поэтому наличие широкого производства из золота, серебра, меди и свинца уже в первой половине III тыс. до н. э. свидетельствует о наличии широкого обмена и торговли. Первоначально основным экспортным товаром шумеров были продукты сельскохозяйственного производства: зерно, шерсть, финики, рыба и ткани. Ввозились металлы, камень, дерево. Позже, с развитием ремесел, увеличился вывоз предметов роскоши, а также изделий ремесленников.

Первоначально всю торговлю монополизировали храмы, причем существовала только внешняя торговля — население внутри отдельных городов-государств получало все необходимое посредством выдач, без каких-либо обменных операций. Торговые агенты храмов, а впоследствии правителя и окружа-

ющей их знати, — тамкары вывозили излишки производства в другие города или страны и ввозили сырье. Торговые операции носили характер больших походов с участием множества людей, в том числе воинов, которым вменялось в обязанность защищать караван. В состав каравана включались и жрецы, заботившиеся об успехе предприятия и оберегавшие путников от козней злых духов. Довольно часто сами караванщики были не прочь просто пограбить местное население, воспользовавшись наличием при караване большого количества воинов.

Со временем изменился характер взаимоотношений тамкаров с храмами. Если первоначально они получали от храма вознаграждение за свой труд, то впоследствии купцы начали просто выплачивать определенный налог с каждой заключенной сделки. Правда, храмы сумели сохранить общий контроль над тамкарами, так как каждая сделка должна была фиксироваться письменным документом, заверенным оттисками печатей обеих сторон и печатью специального чиновника. Затем документы о совершении сделки передавались на хранение в храм.

В связи с социальным расслоением шумерского общества и появлением новых форм собственности наряду с внешней торговлей начинает развиваться торговля внутри городов-государств. Храмы, а позднее цари сохранили контроль и над этим видом торговли. Эти сделки также фиксировались на глиняных табличках.

Обмен и торговля стимулировали зарождение в Шумере денежного обращения. Первоначальный всеобщий эквивалент — зерно уступает место меди и серебру, реже — золоту.

Несмотря на наличие жесткого контроля за торговлей со стороны храмов и правителей, шумерские таблички сообщают о случаях мошенничества и обмана. Те, кто "малый вес выдает за большой вес", вызывали недовольство властей и, как считали шумеры, гнев богов.

Вместе с торговлей возникло и постепенно получило распространение ростовщичество. Из расшифрованных табличек, удостоверявших заключение подобного рода сделок, следует, что ссуда выдавалась обычно на короткий срок. Размер взимаемого с клиента процента колебался в различных сделках в пределах от 20 до 33 процентов *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 327)*. Из сохранившихся документов также можно сделать вывод, что к услугам ростовщиков прибегали иногда купцы, создававшие своего рода товарищества, в которых каждый из участников получал свою долю доходов в соответствии с вложенным капиталом.

Известно также, что объектом купли-продажи служила и земля.

Несмотря на развитие внутренней торговли, главное место в деятельности купцов-тамкаров занимала внешняя торговля. Бурное развитие внешней торговли на протяжении всего III тыс. до н. э. повлекло распространение влияния шумерской цивилизации далеко за пределы собственно Междуречья. Благодаря деятельности купцов оно достигло берегов Африки и Средиземного моря. Шумерские фактории в далеких странах во многом способствовали распространению шумерской клинописи, религии, системы счета, всей суммы знаний.

Из сказанного можно сделать вывод, что древний Шумер вплоть до окончания III тыс. до н. э. являлся центром ремесленного производства и ведущей торговой державой существовавшей тогда цивилизации за исключением далекого Китая. При этом военное влияние Шумера почти никогда за всю его историю не выходило за пределы территории, занимаемой его городами-государствами. Шумерские источники сообщают о многочисленных войнах между шумерскими городами-государствами, о войнах с соседними народами, но мы ничего не знаем о завоевательных походах с целью захвата далеких стран и народов.

Если возникшие позже рядом с Шумером государства проводят активную внешнюю политику, сделав армию ее главным инструментом, то шумерские претензии на гегемонию за пределами Междуречья не подкреплены силой оружия. Шумер богател за счет торговли и привязывал к себе другие страны и народы своими товарами, а не воинскими гарнизонами. При этом благополучие самого Шумера во многом зависело от установления и поддержания если не дружеских, то хотя бы стабильных отношений с соседями, поскольку именно из-за границы поступали в шумерские города почти все виды минерального сырья. Положение Шумера в тогдашнем мире можно с известной долей условности сравнить с положением Англии в первой половине XIX века или Японии конца XX века. "Мастерская мира" — вот наиболее верное определение.

Духовная культура

Говоря о духовной культуре шумеров прежде всего следует остановиться на их религиозных верованиях, так как религия пронизывала собой весь духовный мир древних жителей Междуречья. О рели

гиозных воззрениях шумеров написано немало. Английский исследователь Гордон Чайлд указал на главную особенность отношения шумеров к своим богам: "Культ богов имел своей целью не то, что мы называем очищением, святостью или покоем божьим, он прежде всего призван был обеспечить хороший урожай, дожди в период засух, военные победы, удачу в любви и делах, детей, богатство, здоровье и долгую жизнь" *(Чайльд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 188).*

Шумеры первыми в мире совершили великую "городскую революцию", в результате которой наряду с переменами в экономике произошли и кардинальные изменения в духовной жизни общества. Соответственно с этим происходил и пересмотр пантеона шумерских богов. Серединой III тыс. до н. э. датированы таблички, в которых впервые даются списки шумерских божеств. Самые древние боги воплощали в себе конкретные явления природы. Так, шумеры верили в существование богов неба, моря, пресной воды, луны, солнца, ветра и т. д. Наряду с ними существовало великое множество богов, ответственных за рождение, жизнь и судьбу человека. Были боги, определявшие судьбу урожая в целом или какой-то одной сельскохозяйственной культуры.

От воли богов зависела судьба древнего человека. Весь его жизненный опыт говорил в пользу того, что его жизнь и благополучие в большей степени зависит от благорасположения бога урожая или бога болезни, чем от бога неба. Видимо, поэтому одним из древнейших культов Шумера стал культ Думузи — Инанны. Ученые-лингвисты само имя Думузи связывают с такими понятиями, как "жизнь", "здоровье". Его имя истолковывается так:"Тот, кто дает стимул жизни". Инанна переводится как "госпожа небес".

Посвященные Думузи церемонии связаны с оплакиванием всего умирающего в осенне-зимний период и возрождающегося к жизни весной. Причем, как считали древние шумеры, умирал, а затем возрождался не только Думузи. Так, для южной части Междуречья был характерен аналогичный культ Даму — бога животворных весенних вод. В более поздний срок с именем этого бога стали отождествлять умерших царей третьей династии Ура. Сохранился текст, рассказывающий об отчаянии матери Даму, после исчезновения ее сына:

"Мой плач — это плач о зерне — борозда может его не родить,

Мой плач — это плач о большой реке — она может не дать жизни своим водам,

Мой плач — это плач о поле — оно может не дать жизни ячменным зернам,

Мой плач — это плач о болотах — они могут не дать жизни карпам и форелям, ...

Мой плач — это плач о садах — они могут не дать жизни вину и меду,

Мой плач — это плач об огородах — они могут не дать жизни латуку и кардамону,

Мой плач — это плач о дворце — он может не дать долгой жизни" *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 192).*

Согласно шумерской мифологии сестра Даму находит его в царстве мертвых и спустя какое-то время Даму возвращается к жизни.

Отправление культов Думузи и Даму сопровождалось целым рядом священных церемоний, включавших и обряд "священного бракосочетания". Несмотря на свою древность и последовавший позднее пересмотр "рангов" в шумерском пантеоне, посвященные им обряды и связанный с ними круг верований продолжали играть важную роль в духовной жизни шумеров.

С древнейшими верованиями связан и культ бога Энки. Какое-то время Энки являлся главным божеством шумерского пантеона, но затем перемещается на третье место по своему значению. В шумерской мифологии он выступает как бог водных пространств. Ему приносили жертвы в виде рыбы, за что Энки, по мысли древних шумеров, должен был обеспечивать богатый улов. По мере роста значения земледелия в жизни шумерского общества падало значение Энки, его культ приобретает новые черты. Энки становится добрым, милостивым богом, богом мудрости, помогавшим людям в их делах. Всему, чему научились люди, они обязаны Энки, он упорядочил и организовал жизнь на земле.

Постепенно, с развитием общественной, политической и духовной жизни общества, увеличивалась численность шумерских божеств. Было бы, однако, неверно свести усложнение божественного пантеона только лишь к усложнению социальной жизни и углублению расслоения в шумерском обществе. Есть еще один важный момент, определявший развитие шумерской религии. С момента возникновения абстрактного мышления человек развивал в себе потребность в новых, нематериальных, стимулах для своей деятельности. Без духовного багажа не только целые

общества клонятся к упадку, но и отдельные личности утрачивают жизненные стимулы.

Надо сказать, что религия шумеров развивалась довольно быстро. Основой религиозно-философской концепции шумеров стал постулат о том, что боги сотворили людей, чтобы те им служили. Отсюда следовал вывод — все в мире принадлежит богам, а люди, в том числе и земные владыки, лишь исполнители воли богов. С принятием этой концепции изменилось отношение шумеров к известным им божествам. Боги-покровители, которых имел каждый город, превратились в богов-властелинов. Храмы перестают служить местом пребывания бога, который обязан заботиться о благосостоянии всего общества, но превращаются в житницы бога. Все, что принадлежит храму, является отныне собственностью не общины, а бога-властелина. Войны между шумерскими городами-государствами означали войны между богами, завершавшиеся победой одного из них над другим. В жизни городов-государств это отражалось следующим образом — потерпевший поражение бог объявлялся сыном либо слугой бога-победителя.

С увеличением числа богов до трех тысяч (включая и демонов) возникла необходимость упорядочения, если так можно выразиться, характера их взаимоотношений, выработки общей теологической и космологической концепции. И хотя сохранившиеся письменные источники не передают полной картины теологических воззрений древних шумеров, надо признать что они прекрасно справились с этой задачей. Справились настолько хорошо, что созданная шумерскими богословами и мыслителями система представлений о вселенной оказалась перенятой всеми окружавшими их народами. Шумерское влияние оказалось настолько сильным, что оно прослеживается и в религиях, возникших много позднее. Представления шумеров о возникновении мира, о появлении человека, множество их мифологических сюжетов в переработанном и переосмысленном виде дошли до наших дней, например, в Библии.

Верховными божествами шумерского пантеона были бог неба Ан, олицетворявший мужское начало, и богиня земли Ки, его супруга, олицетворявшая собой женское начало. Оба эти начала возникли из первозданного океана, который породил космическую гору из прочно связанных между собой неба и земли. От союза этих двух богов родился бог Энлиль — бог воздуха, разделивший небо и землю.

Шумерские представления о сотворении мира в чистом виде не дошли до нас, существуют только аккадские версии, основывавшиеся на шумерских источниках. Поэтому о сотворении мира в шумерском варианте можно судить по отрывочным данным из ряда сохранившихся шумерских преданий. Например, вступление к поэме "Гиль-гамеш, Энкиду и подземное царство" так описывает момент мироздания:

"Когда небеса от земли отделились, вот когда,
Когда земля от небес отодвинулась, вот когда,
Когда имя человеков установилось, вот когда,
Когда Ан себе небо унес, вот когда,
А Энлиль себе землю забрал, вот когда..." *(цит. по::: Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 96).*

Так же описывается сотворение мира и в другой поэме: "Гильгамеш и дерево хулуппу":

"После того, как небо было отодвинуто от земли
После того, как земля была отделена от неба,
После того, как было установлено имя человека
После того, как Ан забрал небо,
После того, как Энлиль забрал землю,
После того, как Эрешкигаль была забрана в Кур
как добыча..." *(цит. по::: Дьяконов И. Новые данные о шумерской культуре // Вестник древней истории. Вып. 2 (20). М. — Л., 1947. С. 111).*

Из этих отрывков можно сделать вывод, что на
чалом сотворения мира стало отделение земли о
неба. Уже затем боги сотворили живых существ
установили порядок на земле *(См. также: Крамер С. Две шумерские элегии. М., 1960).*

Верховное божество шумеров — Ан очень быст
ро оказывается как бы оттесненным на задний пла
другими богами, прежде всего Энлилем. По все
видимости, в политически и государственно раз
дробленном Шумере общий бог Ан уступил мест
богам, защищавшим интересы отдельных городов
государств. После акта сотворения мира Ан уже н
вмешивается в ход событий на земле, ограничиваяс
"общим контролем за развитием ситуации". Иници
атором всех созидательных начинаний выступает
как правило, Энлиль.

В задачу данной работы не входит изучение осо
бенностей религиозных представлений шумеров. З
дача автора скорее в том, чтобы попытаться опред
лить, что было заимствовано другими народами и
духовного багажа шумеров. Мы уже указывали на т
обстоятельство, что имеется определенное сходств
между сотворением мира в шумерской версии и би

лейским преданием. Но на этом сходство не заканчивается. Боги создают человека, чтобы он служил им:

"Ануннаки (боги — дети Ана) из дома Дуку съедали, но не утоляли голода.

В своих превосходных овчарнях молоко "шум"

Ануннаки из дома Дуку выпивали, но не утоляли жажды.

И вот, чтобы следить за их превосходными овчарнями,

Человек получил дыхание жизни" *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 201).*

В определении смысла человеческого существования Библия также учит, что человек сотворен для служения Богу, для чего "...и вдунул Господь Бог в ноздри его дыхание жизни...".

Сохранился еще один древнешумерский миф, повествующий о сотворении человека. Это предание начинается с жалоб богов на их горькую и трудную долю. В конце концов боги решили обратиться за помощью к богу Энки. Его мать богиня Намму призвала его сотворить "служителей для богов". В ответ на просьбу матери Энки, собрав множество "превосходных и царственных мастеров", обращается к ней со словами:

"О мать моя, существо, имя коего ты назвала, уже есть —

Запечатлей в нем образ богов;

Замеси сердце глины, что над бездной, —

Превосходные и царственные мастера сделают глину густой.

Ты же дай рождение конечностям,

Нинмах (мать-земля) потрудится перед тобой,

Богини (рождения)... будут стоять подле тебя, пока ты лепишь.

О мать моя, определи судьбу его (новорожденного),

Нинмах запечатлит в нем образ богов,

Это — человек..." *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 211).*

Как видим, Библия и шумерское предание едины: первый человек создан из глины и запечатлел образ божий. О том, что человек создан из глины, говорят многие шумерские предания. В одной из легенд бог Энки создает какое-то живое существо из грязи (праха) под своими ногтями. В другом мифе — о создании мотыги — также утверждается, что Энлиль сделал голову человека из праха и поместил ее в землю.

Интересно завершение мифа о сотворении человека. Во дворце Энки происходит пир богов, собравшихся по поводу удачного завершения акта творения. На радостях Энки и Нинмах выпили слишком много вина. От вина помутился разум богов, и Нинмах, взяв глину, сотворила шесть уродцев, а Энки определил их судьбу и "дал им вкусить хлеба". Установлено, что один из уродцев представлял собой бесплодную женщину, второй — существо "без мужских органов и без женских органов". Идентифицировать четырех других уродцев не удалось. Подобное завершение мифа о сотворении человека скорее всего следует понимать как попытку объяснить причину появления людей с психическими и физическими недостатками.

Не меньший интерес представляет шумерский миф о рае. Шумерский рай предназначен не для людей, а для богов, и находится в стране Дильмун. Это страна, где неизвестны печаль и смерть, жестокость и отчаяние, там ягненок не боится волка и не издает свой скорбный крик птица иттиду — вестник смерти. Здесь нет старости, болезней, здесь живут вечно. В этом мифе нас прежде всего интересует следующий момент: от союза Энки с богиней ткачества Утту появляются восемь новых растений. Новые растения заинтересовали Энки. Пожелав "определить судьбу этих растений", он съедает их одно за другим. Этот поступок вызвал гнев богини Нинхурсаг, которая прокляла имя Энки. Энки заболевает — восемь органов его поражены болезнью. После примирения Нинхурсаг создает восемь божеств-целителей, в частности Нинти, исцелительницу ребра.

Как видим, именно шумеры первыми описали "райский сад", где нет смерти, что соответствует библейским представлениям. Еще один интересный момент в шумерском мифе о рае — безболезненные роды. Из Библии мы знаем, что только из-за непослушания Адама и Евы на них послано проклятие: "со скорбию рожать будешь детей". Вполне сопоставимы проступок Энки и грех людей. Стремление к познанию было причиной жестокой болезни Энки и изгнания из рая Адама и Евы.

Еще больше ассоциаций вызывает шумерское предание о потопе. Сам шумерский текст сохранился в одном экземпляре и имеет сильные повреждения, не позволяющие прояснить ряд моментов. Например, неясно, что именно заставило богов принять решение об истреблении рода человеческого. Но основную последовательность событий можно восстановить довольно точно.

После того, как боги приняли (далеко не единодушно) решение наслать на землю потоп, один из богов (по всей видимости, Энки) заявляет о намерении спасти людской род. Делает это он в уверенности, что уцелевшие после потопа люди воздвигнут храмы богам и будут им ревностно служить. Сыграть роль спасителя человечества избирается правитель Шуруппака Зиусудра. Последний характеризуется как благочестивый правитель, постоянно воздающий хвалу богам и возводящий в их честь храмы. Предупрежденный Зиусудра строит огромный корабль, на котором и обретает спасение жизнь на земле. В награду боги даруют ему бессмертие и помещают "в страну перехода, в страну Дильмун...". Как видим, у библейского Ноя существовал прототип, правда, древние евреи познакомились с ним уже в более поздней, вавилонской редакции *(Емельянов В. В. Мифология потопа и шумерская историография // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб., 1994. С. 232 — 289).*

Среди множества шумерских мифов, в которых тесно переплетаются судьбы богов и людей, обратим внимание еще на один. Это миф о садовнике по имени Шукаллитуда. Однажды в его саду остановилась отдохнуть богиня Инанна. Воспользовавшись тем, что богиня крепко уснула, Шукаллитуда овладел ею. Разгневанная богиня, желая разыскать скрывшегося среди людей обидчика, обрушивает на страну одну за другой три казни. Вначале она превращает в кровь воду в источниках, реках, каналах. В качестве следующей кары на страну обрушиваются опустошительные вихри и бури. К сожалению, в чем состояла третья кара, установить не удалось. Но и без этого параллели с "казнями египетскими" достаточно очевидны.

Еще одно совершенно неожиданное отражение шумерской поэзии в Библии — Песнь песней Соломона. Этот цикл почти не связанных между собой любовных стихов занимает немаловажное место в Ветхом Завете. Упоминание в этой связи имени сидонской богини Астарт дает путь к пониманию, каким образом вошел в предания евреев цикл Соломоновых Песнь песней. Культ ханаанской богини Астарты, в честь которой исполнялись "ритуальные бракосочетания", есть продолжение вавилонского культа Таммуза — Иштар. Но вавилонский культ, в свою очередь, был продолжением шумерских обрядов в честь Думузи — Инанны. Песни, которые в Шумере пели в храмах в честь Думузи и Инанны, послужили источником вдохновения для творцов культовой и любовной поэзии для многих народов.

Именно шумерам принадлежит пальма первенства и в создании предания об Иове. Правда, имя шумерского Иова до сих пор не установлено. На этого безымянного героя — человека, отличавшегося здоровьем и богатством, вдруг обрушиваются бедствия и напасти. Свои жалобы на постигшие его бедствия этот человек обращает к своему богу-покровителю и просит облегчить его участь:

"Пищи вокруг множество, а моя пища — голод,

В день, когда каждому выделяли его долю, на мою долю достались страдания..." *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 273).*

Интересно, что шумерский Иов высказывает мысль, которая затем получит дальнейшее развитие во всех монотеистических религиях. Это мысль о человеке как существе, отмеченном грехом, — то, что названо в христианстве "первородным грехом":

"Не родилось еще от матери дитя беспорочное.

...беспорочного юнца не бывало на свете".

Шумеры создали еще один миф, известный нам в библейском варианте как притча о Каине и Авеле. Решив, что на земле должны произрастать всякие растения и деревья, Энлиль сотворил двух братьев. Одного из них он назвал Эмеш (Лето), другого — Энтен (Зима). Двум братьям было поручено следить за тем, чтобы жизнь на земле шла в соответствии с заведенным порядком. Из дошедших до нашего времени весьма затруднительных для чтения отрывков нельзя полностью определить круг обязанностей каждого из братьев. Ясно только, что Энтен, ставший "земледельцем богов", властвовал над животворной водой, дающей изобилие. Между братьями разгорается спор. Эмеш объявляет, что именно он достоин звания "земледелец богов". Для решения спора оба брата направляются к Энлилю, который, выслушав обоих братьев, объявляет свое решение:

"Воды, приносящие жизнь всем странам, поручены Энтену,

Земледельцу богов, который производит все.

Эмеш, сын мой, как же ты можешь сравнивать себя с твоим братом Энтеном!" *(цит. по::: Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 146).*

В отличие от библейского варианта, шумерское предание о спорящих братьях завершается миром. Эмеш "преклонил колени перед Энтеном", и потом в доме Энтена оба брата вместе веселились. Подробнее о религиозных представлениях шумеров и их влия-

ции на окружающие народы см.: *Редер Д. Г. Мифы и легенды древнего Двуречья. М., 1965; Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии.: Пер. с англ. М., 1995.*

Именно шумерам принадлежит авторство эпоса о Гильгамеше, получившего широкое распространение в послешумерской Месопотамии. К сожалению, и этот шумерский цикл дошел до нас в виде отрывков из разных поэм. Всего можно выделить шесть шумерских поэм, связанных с именем Гильгамеша:

1. Гильгамеш и Страна живых.
2. Гильгамеш и небесный бык.
3. Потоп.
4. Смерть Гильгамеша.
5. Гильгамеш и Ака из Киша.
6. Гильгамеш, Энкиду и подземное царство.

Как и более поздний герой, шумерский Гильгамеш — смертный человек, совершающий великие подвиги. Так, в эпической поэме "Гильгамеш, Энкиду и подземное царство" повествуется о том, как Гильгамеш приходит на помощь к богине Инанне, которой не помог даже ее брат, бог солнца Уту. Надев доспехи весом в 50 мин (примерно 25 кг) и вооружившись топором, Гильгамеш изгоняет с любимого дерева богини гигантскую птицу Имдугуд вместе с жестоким демоном Лилит и убивает страшную змею, обитавшую в корнях дерева.

Благодарная богиня преподносит Гильгамешу пукку (барабан) и микку (барабанную палочку), сделанные из толстых ветвей и корней дерева хулуппу. Значение этого подарка неясно. Далее Гильгамеш, по всей видимости, предался каким-то сумасбродствам и пукку и микку провалились в подземное царство. Все попытки вернуть дар богини не увенчались успехом, и опечаленный Гильгамеш сел у ворот подземного царства, оплакивая свою утрату. Видя печаль своего господина, верный слуга Энкиду решает спуститься в "страну, откуда нет возврата", чтобы принести пукку и микку.

В свою очередь, Гильгамеш дает слуге несколько советов, как вести себя в царстве мертвых "Кур" и вернуться на землю. Энкиду пренебрег каким-то советом и потому не может вернуться назад. Опечаленный Гильгамеш обращается за помощью к Энлилю, который, однако, отказывается помочь. Только добрый Энки приказывает богу Уту проделать отверстие в крыше подземного царства, через которое тень Энкиду (но не он сам) поднимается на землю.

Мечта о достижении человеком бессмертия ясно выражена в поэме "Гильгамеш и Страна живых". Гильгамеша, могучего воина и правителя Урука, охватывает тоска при мысли о неминуемой смерти. Но если ему суждено умереть, то хотя бы имя его должно сохраниться в памяти потомков. Чтобы достичь этой цели, Гильгамеш решает отправиться в Страну живых, именуемую также Страной срубленного кедра. Очевидно, он хочет срубить драгоценные деревья и принести их в родной город Урук, дабы прославить его.

Бог Уту, покровитель Страны срубленного кедра, посылает семь демонов для сопровождения героя. Кроме того, Гильгамеша сопровождают верный друг Энкиду и пятьдесят лучших воинов. Достигнув цели своего путешествия, Гильгамеш побеждает страшное чудовище Хуваву. Отрубленную голову Хуваву Гильгамеш и Энкиду приносят богу Энлилю. Однако Энлиль, разгневанный таким приношением, насылает на них проклятие *(Якобсен В. А. Куда Гильгамеш ходил за кедрами? // Кавказско-Ближневосточный сборник. Вып. 8. Тбилиси., 1988. С. 128 — 132).*

Сохранился короткий отрывок еще одной шумерской поэмы, где рассказывается о смерти Гильгамеша. Этот отрывок рассказывает о богатых приношениях различным богам, которые сделал Гильгамеш за себя и за тех, "кто почил вместе с ним".

Надо сказать, что эпос о Гильгамеше дошел до современных исследователей в основном в более поздней, аккадско-вавилонской редакции. Именно из аккадской версии мы узнаем о далеком путешествии Гильгамеша в поисках бессмертия. Со дна морской пучины достает он "растение жизни", с которым направляется в обратный путь. Однако боги посылают змею, которая похищает у героя "растение жизни", пока тот купался в реке.

Вообще, эпос о Гильгамеше органично вошел в предания большинства народов Междуречья — настолько велика оказалась его притягательность и красота. В мире найдется не много таких примеров, когда предания одного народа настолько органично и полно перенимались другими народами, совсем не родственными по языку. Правда, вавилонские источники основательно переработали разрозненные шумерские предания, связав их в эпос с единым сюжетом *(См. подробнее: Афанасьев В. К. Гильгамеш и Энкиду: Эпические образы в искусстве. М., 1979; Эпос о Гильгамеше. М. — Л., 1961: Емельянов*

В. В. Три этюда о Гильгамеше // Петербургское востоковедение. Вып. 7. СПб., 1995. С. 113 — 146).

Бесспорно, самым выдающимся достижением древних шумеров была их письменность. Причем вместе с самой шумерской письменностью получает широкое распространение и материал, на котором они писали, — глиняные таблички. Вместе с клинописью глиняные таблички широко распространяются за пределы не только Шумера, но и всей Месопотамии. Они применялись для письма в отдаленных районах Передней Азии, Сирии и Малой Азии, в Египте, доисторической Греции и на острове Крит *(Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. Пер. с нем. М., 1961. С. 49).*

Во многих районах мира в памятниках эпохи неолита (новокаменный век) зафиксированы попытки графической фиксации сообщений. Это так называемая пиктография. Пиктографическая запись состоит из рисуночной композиции, отмечающей основные вехи сообщения, или из нескольких отдельных рисунков, которые должны напоминать о важнейших моментах, передаваемой таким образом информации. Пиктография не является письмом, поскольку не передает дословного содержания речи, а является лишь напоминанием передающему или воспринимающему сообщение. Последнее можно выразить в любых словах в любом порядке и на любом языке. Пиктограмма имеет значение вся целиком, а отдельные ее знаки ничему в языке не соответствуют и не составляют системы графической фиксации каких-либо конкретных элементов речи.

Древнейшей засвидетельствованной шумерской записью считается табличка, хранящаяся в коллекции Эрмитажа и датированная примерно 3200 — 3100 гг. до н. э. Обнаружена она вместе с другими табличками более позднего происхождения при раскопках древнего шумерского города Урук (городище Варка). Первоначально обнаруженные рисунки воспринимались именно как пиктограммы, однако крупнейший шумеролог Адам Фалькенштейн пришел к выводу, что обнаруженные таблички несут на себе образцы древнейшей письменности. Важнейшие его выводы сводятся к следующему:

1. В археологическом слое "Урук IV" обнаружено именно письмо в том виде, в каком оно было впервые изобретено.

2. Знаки данной письменности никак не связаны с изобразительным искусством.

3. Им не предшествовало письмо, предназначенное для передачи сразу целых мыслей-предложений комплексным рисунком (текстограммой).

4. Оно само являет собой не понятийное письмо (идеографию), а словесное письмо (логографию).

5. Затем это письмо было дополнено использованием части логографических знаков для передачи звуковых последовательностей соответствовавших звучанию слов, для которых были созданы логограммы. Тем самым стало возможным передавать изобразительно невоспроизводимые понятия, служебные слова и, главное, грамматические элементы слов *(Тайны древнейших письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 37).*

Таким образом, первая клинопись органически развилась из изобретенного шумерами рисуночного письма. В этом отношении, например, развитие египетской письменности шло точно таким же путем — путем развития от рисуночного письма. Разница в том, что в Египте в качестве материала для письма наиболее широкое употребление получил папирус, на котором писали тушью при помощи кисточек. В Шумере же писали на глиняных табличках, выдавливая знаки при помощи специальной палочки. В процессе написания палочкой по мягкой глине отдельные рисуночные знаки быстро приобретают клинописные очертания.

Шумерское письмо очень рано начало использоваться для создания письменности других языков. Причем созданная шумерами система письма легко могла быть приспособлена для самых разных языков, в том числе и не родственных шумерскому. Факт использования шумерской клинописи семитскими народами Междуречья широко известен. Менее известно влияние, оказанное шумерской письменностью на возникновение эламского письма. Наиболее ранние протоэламские тексты датируются началом III тыс. до н. э. Даже поверхностное сличение их с образцами шумерской письменности того же периода обнаруживают сходство. Более глубокое исследование доказало, что первая протоэламская письменность возникла под непосредственным влиянием шумерской. Причем имели место и прямые заимствования. Например, заимствованы из шумерской письменности цифры, способ перехода текста с лицевой стороны на оборотную и т. д *(Вайман А. О связи протоэламской письменности с протошумерской // Вестник древней истории. Вып. 3 (121). М., 1972. С. 124 — 132).*

Вообще, ареал распространения шумерской клинописи достаточно широк. Вызывает удивление и продолжительность ее применения. Клинопись применяется в Эламе, а затем в древнем Иране вплоть до эпохи Александра Македонского. Для народов, расположенных к западу от Междуречья, влияние клинописи оказалось гораздо сильнее. Из несемитских народов она применяется, и это вполне естественно, у хурритов. Хотя многие исследователи считают, что хурриты переняли клинопись от ассирийцев и вавилонян примерно в начале II тыс. до н. э., нам кажется, что произошло это раньше. Если исходить из тезиса о родственном происхождении шумеров и хурритов, то хурритам легче было воспринять шумерскую письменность, чем семитским народам. А то, что между территорией расселения хурритов и шумерскими городами-государствами в известную нам эпоху расселились семитские племена, не означает, что не существовали контакты. Известно, что шумеры хорошо изучили территорию на запад до Средиземного моря.

От хурритов клинопись вскоре перешла к народам Малой Азии, которые были тесно связаны с хурритами в культурном, а отчасти и в религиозном отношении. Здесь клинопись раньше других переняли хетты, народ индоевропейского происхождения, длительное время господствовавший в Малой Азии. Хетты писали клинописью не только на своем родном языке, но и на родственных ему лувийском и палайском языках.

Клинописью пользовались и хатты, или, как их еще называют, протохетты, малоазиатский народ, который еще в III тыс. до н. э. создал в городе Хатти и прилегающих районах собственную культуру. Впоследствии эту культуру переняли индоевропейские завоеватели — хетты. Наконец, от хурритов клинопись перешла еще к одному родственному им народу — урартам, проживавшим в основном в районе Армянского нагорья.

Думается, есть серьезные основания утверждать, что основой для развития египетской письменности также послужила шумерская письменность. В пользу этого утверждения говорят следующие факты:

1. Египетская письменность развилась из рисуночного письма, которое вполне могло быть привнесено в Египет из древнего Шумера, поскольку возникновение шумерского письма произошло значительно раньше. Это утверждение вовсе не покажется таким уж невероятным, если учесть, что шумеры обладали солидным опытом мореплавания. Мы не можем точно определить время установления контактов между Египтом и Шумером по той только причине, что до нас не дошли соответствующие письменные источники. Но мы знаем, что шумеры плавали в Красное море и, по мнению исследователей, хорошо знали этот район.

2. По своей сущности клинопись и египетская письменность очень близки. И та и другая состоят из трех видов знаков: словесных знаков (идеограмм), фонетических знаков и детерминативов.

3. Египетская традиция отдает пальму первенства в области знаний жреческой касте Междуречья, что, вероятнее всего, является своеобразной формой признания факта первоначально имевшего места культурного влияния.

В целом необходимо указать и на то, что вместе с клинописью происходило и распространение шумерских знаний и культуры. Роль шумерского языка как языка науки и культа была столь велика, что его можно смело назвать "латынью" Древнего Востока.

На протяжении тысячелетий своего развития клинопись видоизменялась. Существуют как территориальные, так и временные различия между разными видами клинописи. Так, исследователи выделяют старовавилонский, староассирийский или каппадокийский, средневавилонский, среднеассирийский, нововавилонский и новоассирийский виды клинописи. Что касается шумерского письма, то какой-то общепризнанной периодизации здесь нет. Автору представляется, что периодизация в развитии шумерской письменности должна совпадать с периодизацией истории шумерского языка, предложенной еще М. М. Дьяконовым. Приняв этот принцип за основу мы получим следующую периодизацию:

1. Архаическая форма письма (примерно до 2500 г. до н. э.). В этом письме не все грамматические форманты получили отображение. Порядок знаков при письме далеко не всегда совпадал с порядком слов и формантов.

2. Старошумерская письменность (2500 — 2300 гг. до н. э.). Многие важные форманты все еще не выражены по орфографическим и фонетическим причинам.

3. Письменность переходного периода (2300 — 2200 гг. до н. э.). Развитие шумерской письменности практически остановилось, так как для этого времени (господство аккадской династии) характерно применение аккадского языка.

4. Новошумерский период (2200 — 2000 гг. до н.э.). Период нового развития языка и письменности.

5. Позднешумерский период (от 2000 г. до н. э.). Характерная черта этого периода — все усиливающееся влияние аккадского языка, что нашло отражение и в грамматике. Большинство ученых полагают, что после 1750 г. до н. э. шумерский язык перестал быть живым разговорным языком.

6. Послешумерский период (после 1600 г. до н. э.). Шумерский язык остается языком религии и науки. Используется он и для фиксации царских надписей *(Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 44 — 45).*

Любопытен и такой факт. У шумеров существовал особый "женский" язык, так называемый "язык распри", встречающийся в гимнах богиням и в эпических текстах в речах богинь, женщин и служителей богинь (позднее и в других случаях). От основного шумерского "женский" язык отличался в фонетическом отношении и лишь в незначительной степени в лексическом. Видимо, "мужское" произношение в шумерском языке было табуизировано для женщин. Аналогичные обычаи зафиксированы и у других народов, например, у чукчей и индейцев племени яна в Калифорнии. Чтобы передать "женское" произношение, шумерские тексты пишутся почти без логограмм, т. е. основы слов выписываются слоговыми знаками. Помимо "женского" у шумеров различали также ряд жанровых и профессиональных языков. Они назывались "правильный", "высокий", "избранный", "искаженный", "язык моряков", "язык пастухов" *(Боброва Л. В. Шумерские тексты на языке эмесаль (Историческое бытование женского языка в Шумере). СПб., 1991).*

Насколько удалось установить, в шумерском языке было мало заимствований из других языков. По мнению А. Фалькенштейна, заимствованиями из неизвестного языка-субстрата являлись следующие слова: zabar, ст.-шум. sipar "медь", позже "бронза", ibira "медник". Несколько больше заимствований из семитского — аккадского языка. Они тоже весьма характерны. Это прежде всего старошумерские заимствования, относящиеся к степному быту и отчасти к предметам, чуждым природе Шумера. Это такие слова: "старший пастух", "подпасок", "стоянка", "битва на открытом месте", "торговый агент", "торговец", "раб", "лоза", "чеснок" и некоторые другие.

Имеются также заимствования, сделанные из аккадского языка в период двуязычия. Для этих заимствований характерно, что заимствовались они не в форме чистой основы, а в форме аккадского именительного падежа и нередко дублируют уже имеющиеся в шумерском языке слова *(Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 54).*

Не подлежит сомнению исключительная роль шумерского языка и шумерской письменности в истории развития древнейших цивилизаций. О распространении клинописи мы уже писали. Что касается шумерского языка, то с древнейшей эпохи он играл роль латыни древнего мира. В качестве языка науки он продолжал употребляться еще долгое время после того, как сами шумеры сошли с исторической сцены.

Следует сказать несколько слов и о системе образования, сложившейся в древнем Шумере. Шумерская школа появилась очень рано — вместе с появлением письменности. Среди первых глиняных табличек, найденных при раскопках Урука и датированных по крайней мере 3000 лет до н. э., имеются несколько табличек с учебными текстами *(Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 18).* Они представляют собой списки слов для заучивания наизусть. Это наглядно свидетельствует о том, что уже в то время получили распространение школы, где обучали письму. Постепенно развиваясь, шумерская школа достигла своего расцвета во второй половине III тыс. до н. э *(См. подробнее: Перлов Б. И. Шумеро-вавилонские школы III — II тыс. до н. э. М., 1995).* Обнаружены десятки тысяч глиняных табличек этого периода. Большинство их заполнено записями административного и хозяйственного характера, по которым можно довольно точно воссоздать весь ход хозяйственной жизни Шумера. Из этих же табличек известно, что количество профессиональных писцов в стране достигало нескольких тысяч. Сложилась своеобразная профессиональная иерархия: писцы делились на младших и старших; были писцы царские и храмовые; писцы с узкой специализацией в какой-либо одной области и писцы высокой квалификации, которые занимали важные государственные должности. Это дает основания предполагать, что во всех шумерских городах-государствах существовала довольно значительная сеть школ и им придавалось большое значение.

Судя по сохранившимся текстам, шумерская школа была открыта для всех слоев населения. Не только дети царствующих семей, знати и жрецов могли посещать школы. В школе мог учиться ребенок из любой свободной семьи, чьи родители могли вносить плату за обучение. Правда, многое говорит за то, что в шумерском обществе существовали традиции, по которым сыновья обычно продолжали работать по профессии своих отцов. Однако это не

было обязательным требованием, и, как свидетельствуют источники, нередко высокие должности при дворе правителя занимал человек незнатного происхождения. Но такую карьеру мог сделать только человек, получивший хорошее образование.

Конечно, в реальных условиях того времени, отдать детей в школу могли только состоятельные родители. Подтверждение этому факту нашел немецкий ассиролог Н. Шнейдер. Из содержания опубликованных шумерских табличек он установил имена примерно 500 писцов. Многие из них, во избежание ошибки, ставили рядом со своим именем имя своего отца и указывали его профессию. Несложные подсчеты показали, что отцами всех установленных писцов были зажиточные горожане: правители, "отцы города", управляющие храмами, военноначальники, капитаны судов, подрядчики, писцы, хранители архивов, счетоводы и т. д. Кстати, ни в одном из дошедших до нас документов не встречается имя женщины-писца. Образование в шумерских школах могли получать только мальчики *(Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 20)*.

Для управления четко налаженным государственным аппаратом, а также обширными храмовыми и царскими хозяйствами требовался большой штат чиновников, умеющих читать и писать, сведущих в тех или иных областях административной и хозяйственной жизни, знающих действующие законы. Таким образом, общество было заинтересовано в развитии такой системы образования, которая позволяла бы удовлетворять потребности государства в квалифицированных чиновниках. Кроме того, подготовленные специалисты требовались в различных отраслях хозяйства. Они требовались и в земледелии, и в судостроении, и при строительстве храмов и царских дворцов и т. д.

К сожалению, дошедшие до нашего времени письменные свидетельства, не дают полного представления о шумерских школах, о системе и методах обучения, применявшихся в них. Но в целом можно сделать вывод о том, что первоначально цели обучения в шумерской школе были чисто профессиональными. Самые первые школы готовили исключительно писцов, необходимых в административной и хозяйственной жизни страны, главным образом для дворцов и храмов. Эта задача оставалась центральной на всем протяжении существования шумерских городов-государств.

Но по мере развития сети школ, а также расширения учебных программ, школы постепенно становились очагами шумерской культуры и знания. В них формировался тип универсального ученого — специалиста по всем существовавшим в ту эпоху разделам знания: богословию, ботанике, зоологии, минералогии, географии, математике, грамматике и лингвистике. Причем нередко эти ученые обогащали знания своей эпохи. Наконец, школы были своеобразными литературными центрами. Здесь не только изучали и переписывали литературные памятники прошлого, но и создавали новые произведения.

Есть еще одна интересная особенность шумерской школы. В других государствах Древнего Востока знания постепенно становятся своего рода монополией касты жрецов. Именно в храмах сосредотачивается "высшее знание", а школы действуют при храмах. В Шумере происходит, видимо, все наоборот. Возникнув первоначально при храмах, шумерские школы постепенно отделяются от них и учебные программы приобретают в основном светский характер. И труд учителя оплачивался родителями учеников.

Во главе школы стоял так называемый "уммиа" — "знающий человек", которого называли также "отец школы". Ученики назывались "сыновьями школы", а помощник учителя — "старший брат". Круг обязанностей последнего включал изготовление каллиграфических табличек-образцов, которые потом переписывали ученики. Он же проверял письменные задания и заставлял учеников рассказывать выученные уроки. В штат школы входили также преподаватель рисования, учитель шумерского языка, наставник, следивший за посещаемостью и "владеющий хлыстом" (по всей видимости, надзиратель, отвечавший за дисциплину в школе) *(Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 334)*.

Если судить по дошедшим до наших дней табличкам со школьными заданиями, то курс обучения в шумерских школах шел в основном по двум программам. Первая тяготела к науке и технике, а вторая была литературной и развивала творческие способности.

Первая программа постепенно сложилась в процессе преподавания, основная цель которого сводилась по-прежнему к обучению шумерскому письму. Исходя из своей основной задачи шумерские учителя создали систему обучения, основанную на принципе лингвистической классификации. Лексика шумерского языка разделялась ими на группы, в которых слова и выражения были связаны общим смыслом. Эти группы слов заучивались и переписывались до тех пор, пока ученики не привыкали воспроизводить их самостоятельно. Но к III тыс. до н. э. эти подсобные тексты развились в более или менее стабильные учебные пособия, принятые во всех школах Шумера.

Одни списки содержат названия деревьев и тростников; в других — названия всевозможных живых существ (животных, насекомых, птиц); в третьих — названия стран, городов, селений; в четвертых — названия камней и минералов. Подобные списки свидетельствуют о значительной осведомленности шумеров в соответствующих областях знания. Кроме того, были составлены всевозможные математические таблицы и сборники задач, каждая из которых сопровождалась соответствующим решением и ответом.

Особое внимание уделялось изучению грамматики шумерского языка. Существовали длинные списки сложных существительных, глагольных форм и т. д., что свидетельствует о том, что грамматика шумеров было хорошо разработана.

Обучение по второй программе в основном сводилось к переписыванию и заучиванию литературных произведений второй половины III тыс. до н. э., а также к подражанию им. Таких текстов были сотни, и почти все они представляли собой стихотворные произведения размеров от 50 до 1000 строк. Сами произведения принадлежали к разным жанрам: мифы и эпические сказания в стихах, прославляющие подвиги шумерских богов и героев; хвалебные гимны богам и царям; плачи о разрушенных городах; поучительные произведения, включающие басни, пословицы и назидания *(Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 21 — 22)*. Интересно в этой связи отметить одну деталь: жанр литературных произведений-назиданий возникает примерно в одно и то же время сразу в двух странах: Шумере и Египте. Думается, это может служить еще одним косвенным доказательством существования прямых шумеро-египетских связей в глубокой древности. Надо полагать, что если бы шумеро-египетские культурные связи осуществлялись исключительно через семитоязычные страны, лежавшие между южной Месопотамией и Египтом, то возникновение жанра поучений в литературе этих народов произошло бы гораздо раньше, чем это имело место на самом деле.

Помимо школ, в Шумере существовала своеобразная система "высшего" образования. Это так называемые "эдубба" — "дома табличек". Сведений об "эдубба" сохранилось очень мало, но можно все же предположить, что это были не просто библиотеки — хранилища табличек, со всевозможными текстами, а место, где приобретались знания по тем научным предметам, что были известны шумерам.

Трудно судить об уровне знаний шумеров в различных областях знания — слишком мало дошло до нашего времени соответствующих текстов. Из уже расшифрованных текстов видно, что шумеров интересовала математика, метрология, медицина, найден "календарь земледельца" и лексикографически классификации растений, животных и минералов. И общественных наук шумеры, по всей видимости, заложили основы юриспруденции. Во всяком случае первые зафиксированные при помощи клинописи законы и описания судебных прецедентов принадлежат именно им.

Наиболее значительными были для своего времени достижения шумеров в области ирригации и сельского хозяйства. Создание сложной системы каналов, плотин, запруд и водохранилищ требовало высокого инженерного мастерства и знаний. Для проведения земельной съемки и подготовки планов работ требовались нивелировочные и измерительные инструменты, чертежи и карты. Шумеры превратили земледелие в сложную отрасль хозяйства, требующую предусмотрительности, усердия и умения. Естественно поэтому появление в Шумере "Календаря земледельца", содержащего разнообразные советы, призванные помочь земледельцу в проведении всех полевых работ, начиная с затопления поля в мае — июне и кончая веянием зерна, созревавшего в апреле — мае следующего года. Замечательным достижением шумерских земледельцев были защитные насаждения, высаживавшиеся ими вдоль каналов, вокруг садов и в других местах для защиты культурных растений от солнца и ветра.

Не смотря на достигнутый ими относительно высокий уровень знаний, шумеры не сумели создать философии в общепринятом смысле этого слова. Тем не менее система их взглядов о происхождении мира и его устройстве, об основных законах мироздания была настолько убедительной, что ее безоговорочно приняло большинство стран Ближнего Востока. В дошедшей до нас литературе шумеров нет философского изложения их космологии и теологии. Все сведения об этих областях их мировоззрения приходится собирать по крохам из отдельных литературных произведений.

Из того, что дошло до нас, можно сделать вывод, что мыслители древнего Шумера не овладели научным методом определения и обобщения, без которого наука не может развиваться дальше определенного предела. Наиболее зрелые и вдумчивые мыслители Шумера, конечно же, могли достаточно логично и последовательно рассуждать о происхождении и устройстве вселенной. Но исходя из дошедшего до нас материала невольно приходишь к мысли, что шумеры совершенно не знали такого понятия, как

эволюция. Они были убеждены, что мир не меняется, он такой, каким его сотворили боги *(См. подробнее: Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага., 1967.; Кьера Э. Они писали на глине.: Пер. с англ. М., 1984.; Мифология древнего мира. М., 1977).*

Для шумерского философа главным элементом мироздания были небо и земля. Поэтому вселенная у них обозначалась словом "ан-ки", что означает "небо-земля". Земля представлялась в виде плоского диска, а небо в виде пустого пространства, опирающегося внизу и наверху на твердую поверхность. Из какого материала была сделана эта поверхность, неясно. Можно только предположить, что материалом для нее послужило олово — "небесный металл". Между землей и небом располагался третий элемент "лиль" (воздух, дуновение, дух). Его главными отличительными чертами считались движение и способность заполнять пространство. Солнце, луна и планеты созданы из того же вещества, что и "лиль", но, кроме того, способны светиться. Вселенная со всех сторон окружена океаном.

Именно эти представления были положены в основу шумерской космогонии. Первоначально существовал первозданный океан. В нем каким-то образом зародились небесный свод и земля, отделенные друг от друга всепроникающей атмосферой. Затем из атмосферы были созданы светящиеся небесные тела. Далее, после отделения земли от неба и появления небесных тел, появились растения, животные и человек.

В поисках ответа на вопрос, кто создал вселенную и поддерживает в ней определенный порядок на протяжении многих веков, — шумеры пришли к выводу о существовании множества самых различных божеств. Помимо богов — творцов вселенной и всего живого существовало множество второстепенных и третьестепенных божеств. В их пантеоне были не только боги, покровители городов, селений, каналов, боги, ведавшие ветрами, ураганами, водами и т. д., но и бог мотыги или бог формы для выработки кирпича.

Верховным божеством, как мы уже говорили, считался Ан. Следующими за ним по рангу шли семь богов, "вершащих судьбы", а следом за ними еще пятьдесят "великих богов". Интересно, что шумерские боги делились еще на богов созидательных и несозидательных. Поскольку главными элементами вселенной были небо, земля, вода и атмосфера, то четыре бога, "ведавшие" небом, землей, морем и воздухом, были созидательными божествами. Именно они непосредственно сотворили все сущее.

Что касается метода созидания, то шумеры первыми выдвинули положение о созидательной силе божественного слова. По их учению, богу-творцу достаточно было что-либо задумать, а затем произнести слово и назвать имя.

Одновременно шумерские богословы создали вполне убедительную (для своего времени) концепцию, объяснявшую, каким образом взаимодействовали, не вступая в противоречие природные и общественные силы. Так, в шумерской натурфилософии появился термин "ме" — божественные законы. Этим словом обозначался комплекс правил и закономерностей, предписанных каждому явлению природы или общества создавшим их божеством, чтобы эти явления всегда подчинялись заранее задуманному плану, божественному предначертанию.

Понятие "ме" восходит к очень ранней эпохе. Исследователи толкуют его поразному. Так, известный шумеролог Д.Р. Кастеллино понимает "ме" как своеобразный прототип всего живого и неживого, в каком-то смысле близкий к платоновской идее. Другой шумеролог — Б. Ландсбергер писал: "Ме" — это одновременно сила и порядок, "ме" отдельных богов, выполнявших различные функции, различны. "Ме" мистически излучаются богами и храмами, они могут приобретать материальную оболочку, могут изображаться материальными средствами в виде символов, одно божество может передавать их другому... " *(цит. по::: Белицкий М. Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 218).*

Понятие "ме" постоянно упоминается в мифах, преданиях и молитвах. В одном из мифов названы более сто "ме". Здесь самые разные понятия: правосудие, героизм, мудрость, справедливость, честность, доброта, мир, победа, вражда, страх, сетование, разрушение городов, усталость, раздоры. Выделялись отдельные "профессиональные" "ме": ремесло строителя, кожевника, кузнеца, корзинщика, искусство обработки металлов. Существовали "ме": царский трон, возвышенная и вечная корона, возвышенное святилище, нисхождение в подземное царство, восхождение из подземного царства. Не забыты в этом перечне искусство и боевое знамя, священное очищение и проституция, музыкальные инструменты и искусство писца. Вероятнее всего, "ме" играли в жизни шумеров такую же роль, как священные заповеди в более поздние времена.

Мифы шумеров, дошедшие до нас, главной своей задачей имели все же не объяснение сути мироздания, а прославление богов, героев и их деяний. Целью творца эпического повествования было объяснить

одно из общепринятых в его время теологических представлений в занимательной и убедительной форме. В этих произведениях нет логических аргументов и доказательств, ибо они обращены не к разуму, а к чувствам. Именно поэтому трудно воссоздать полную картину мироздания, какой она представлялась древним шумерам.

Точно так же шумеры не оставили после себя ясно изложенной, например, в форме заповедей, системы этических взглядов. Человек, как верили древние шумеры, был сотворен из глины только для служения богам. Жизнь полна неопределенности только для самого человека, поскольку он не знает своей судьбы, которой распоряжаются боги. А когда человек умирает, его дух опускается в темное и мрачное подземное царство, где влачит существование, являющееся отображением земной жизни.

Шумеров не волновала проблема свободы воли, потому что, по их верованиям, человек таковой практически не обладал. Божественное предначертание определило земной путь каждого человека, конечный удел которого — смерть. Те же божественные законы "ме" предписывали человеку, как должен он пройти по жизни. Шумеры высоко ценили истину и доброту, закон и порядок, справедливость и свободу, добродетель и откровенность, сочувствие и милосердие. И, естественно, они отвергали ложь и зло, беззаконие и беспорядок, несправедливость и угнетение, порок и извращенность, жестокость и неумолимость. Цари и правители шумерских городов-государств постоянно подчеркивали, что они установили в стране законность и порядок, защитили слабого от сильного, бедного от богатого, положили конец злу и насилию. Так, живший в XXIV в. до н. э. правитель Лагаша Урукагина гордо сообщает, что вернул правосудие и свободу многострадальным гражданам, расправился с ненасытными чиновниками, положил конец несправедливости и угнетению, защитил сирот и вдов.

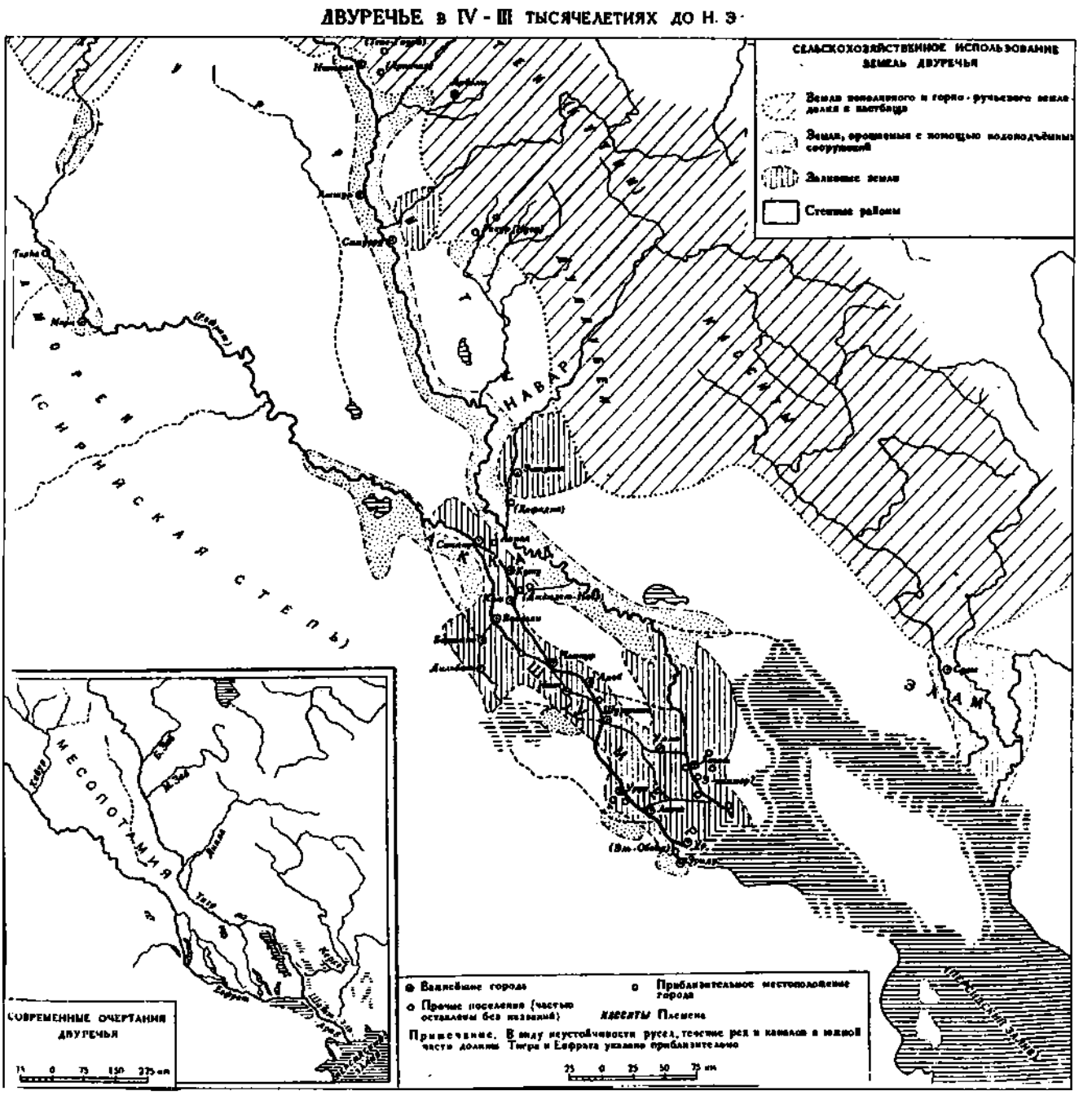
В стремлении утвердить на своей земле законность и порядок шумерские правители раньше других пришли к выводу о необходимости дать стране писаные законы. Поэтому задолго до царя Хаммурапи основатель III династии Ура Ур-Намму (около 2050 г. до н. э.) издал свои законы. Интересно, что сам текст законов предваряется пространным предисловием, рассказывающим о деятельности царя. Особо подчеркивается, что данные законы установлены во имя справедливости и ради блага всех граждан. Царь уверял, что при помощи этих законов он избавил своих подданных от наиболее распространенных злоупотреблений со стороны чиновников, урегулировал систему мер и весов, чтобы торговля шла честно, позаботился о вдовах, сиротах и бедняках. Ур-Намму не был одинок в своем стремлении дать подданным справедливые законы. Лет через двести после него правитель Исина Липит-Иштар издал новый свод законов, в котором похвалялся, что великие боги Ан и Энлиль поставили его на царство, "дабы он установил на земле правосудие, устранил всякий повод для жалоб, изгнал силой оружия всех врагов и бунтовщиков и принес жителям Шумера и Аккада благоденствие" *(Крамер С. История начинается в Шумере. М., 1991. С. 61 — 62).*

Помимо этого, сохранилось множество гимнов, восхваляющих шумерских правителей, которым приписываются высокие моральные и этические качества. По убеждениям шумеров, боги всегда предпочитают высоконравственные поступки аморальным. Да и сами божества восхваляются в шумерских гимнах именно за их приверженность к добру, справедливости, истине и добродетели. Некоторые божества, например бог Солнца Уту, специально наблюдали за соблюдением этических норм.

Мыслители Шумера верили, что все несчастья людей происходят из-за грехов и проступков и что нет на земле ни одного безгрешного человека. Все людские страдания обусловлены той или иной причиной, но в конечном итоге виноваты в этом сами люди.

Еще одна примечательная черта шумерского общества — национальная и религиозная терпимость. Последнюю объяснить легче. Хотя шумерские государства постоянно воевали между собой, победитель никогда не отменял культ бога-покровителя захваченного им города. Наоборот, победитель приносил жертвы этому божеству. Изменялось только одно обстоятельство — проигравший бог объявлялся сыном или младшим братом бога-победителя. Таким образом, из шумерского пантеона не выбывали боги. Но, в конце концов, шумеры, которые практически никогда не совершали далеких походов за пределы собственно Шумера (по крайней мере, мы о таких военных экспедициях ничего не знаем), имели дело, скажем так, с теми же шумерскими божествами.

С национальным вопросом дело обстояло несколько иначе. Неизвестно, с каким народом столкнулись шумеры в глубокой древности. Во всяком случае, исходя из шумерских преданий можно сделать вывод о том, что дело обошлась без больших войн (Об этом автор уже писал.) Но позже шумеры имели дело в основном с семитскими народами на

ДВУРЕЧЬЕ В IV - III тысячелетиях до н. э. (карта)

севере и северо-западе. Семиты рано появляются на территории собственно Шумера. О характере их появления говорит то обстоятельство, что в шумерском языке практически вся терминология, относящаяся к скотоводству, имеет семитское происхождение. То есть шумеры первоначально имели дело с древними скотоводами. Причем эти отношения веками складывались мирно. Кочевники-семиты постепенно оседают в Шумере. Особенно активно этот процесс шел на севере страны, где раньше всего появляется шумеро-аккадское двуязычие.

Вплоть до эпохи Саргона Великого, аккадского царя, захватившего Шумер, нам не известны большие войны между шумерами и аккадцами. Характер отношений шумерских городов-государств с государственными образованиями соседних народов принципиально ничем не отличается от характера их отношений между собой. Причиной военных столк-

новений, а таковые, конечно же, имели место, служили конкретные претензии: спорные территории, споры вокруг распределения водных ресурсов, гарантии безопасности торговых путей и т. д. Нет даже намека на какую-то широкую завоевательную политику шумерских государств. Да что там политика — не чувствуется даже устремленности в этом направлении.

Более того, в шумерских источниках не встречается понятие "варварские народы". Именно отношение к соседним народам, как к варварам, было характерной чертой большинства древних культур. Такое отношение к соседним народам и странам служило официальным оправданием завоевательной политики. В шумерском обществе мы не находим ничего подобного. Семитские подданные шумерских правителей пользуются теми же правами, что и собственно шумерское население. В многочисленных шумерских источниках не обнаружено ни одного случая дискриминации нешумерских жителей страны. Налоговое бремя, военную и государственную службу и т. д. — шумерские правители распределяют тяжесть государственного бремени равномерно среди всех своих подданных. От всего населения требовалось только одно — соблюдение законов и лояльность к существующей власти. Очевидно, божественные законы "ме" требовали равного отношения ко всем подданным и шумерские правители следовали им.

В конечном итоге, можно допустить, что правителям действительно было все равно, кем были их подданные — семитами или шумерами. Лишь бы покорно выполняли свои обязанности. Но такая терпимость характерна для всего шумерского общества в целом. Древняя история полна сообщений о кровавых расправах более сильных народов над более слабыми. Даже факт включения разных народов в одно государство зачастую не спасал от преследований. Известно множество случаев, когда население древних городов и целых областей учиняло погром сограждан другой национальности, обвиняя их в своем бедственном положении.

Ничего такого нет в шумерском обществе. Мы не знаем ни одного случая, когда шумеры пытались помешать росту численности не шумерского населения, нам не известны конфликты на почве национальных противоречий внутри шумерских городов-государств. Означает ли это, что такого рода противоречий не было вообще? Современному человеку трудно в это поверить. Бесконфликтного развития человечество до сих пор не знает. Другое дело, каким путем разрешаются имеющие место конфликты. Судя по всему, в Шумере научились достаточно эффективно разрешать противоречия внутри общества, не прибегая к открытому насилию. Можно также предположить, что немалая заслуга в этом принадлежит все той "нацеленности" шумерского общества на соблюдение "божественных законов". Говоря современным языком, древний Шумер был своего рода "правовым государством" древности. Этот термин следует понимать не так, как его понимают сегодня. Шумер, конечно же, не имел высокоразвитой правовой культуры, не имел совершенного и развитого законодательства, не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминающего институт прав человека, и т. д. Но для шумерского общества характерно стремление следовать духу и букве законов, которые они имели тогда. А если сравнивать шумерское общество с обществами параллельно существовавшими, становится очевидным, что шумерское законодательство было самым развитым и по тем временам гуманным. Именно шумеры первыми отказались от принципа: "Око за око, зуб за зуб". Они первыми ввели денежные компенсации за нанесенные увечья, за нарушение принятых на себя и зафиксированных документально обязательств. Шумерское судопроизводство знало такие понятия, как "алиби", "вещественное доказательство", "самооборона" и т. д. Шумерское брачное законодательство давало примерно равные права обоим супругам. Даже наказание жены за супружескую измену долгое время оставалось мягким. Только в конце III тыс. до н. э. (видимо, под влиянием семитских традиций) неверность жены стала рассматриваться как преступление, за которое полагалась смертная казнь через утопление. Но все время существования шумерского общества женщина пользовалась сравнительно широкими правами. Она распоряжалась собственным имуществом, получала компенсацию в случае развода, имела власть над детьми, после смерти мужа получала свою долю наследства, могла быть при определенных обстоятельствах единственной наследницей отцовского имущества и т. д.

Более того, в Шумере даже раб имел право обращаться в суд с жалобой на хозяина! Сохранилось немало текстов судебных разбирательств, когда раб пытался через суд доказать, незаконность его пребывания в состоянии раба. Известны случаи, когда суд признавал раба свободным человеком. В других странах в таких случаях поступали по-другому. Например, законы царя Хаммурапи предписывали отрезать ухо рабу, посмевшему отказаться от своего хозяина

Глава II

ХУРРИТСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Происхождение и расселение

Научная полемика вокруг хурритов имеет гораздо меньший накал, чем вокруг шумеров. Если кавказское происхождение хурритов ни у кого не вызывает сомнения, то территория их расселения, а так же время пребывания хурритов в той или иной местности служат причиной полемики. Подавляющее большинство ученых согласны в том, что хурриты являются автохтонами Армянского нагорья, северной Сирии и северной Месопотамии, а так же западных предгорий Загросских гор между Двуречьем и Ираном. Именно им принадлежит заслуга создания позднеолитических и энеолитических культур Передней Азии, например культуры "Тель-Халаф" (конец V — начало IV тыс. до н. э.), являющихся родственными аналогичным культурам южного Междуречья. В предыдущей главе автор уже высказал свою точку зрения относительно размеров территории, уже в глубокой древности заселенной народами кавказского происхождения. Таким образом, теория о хурритах как коренном населении указанных территорий логично вписывается в точку зрения автора.

Происхождение термина "хурриты" не совсем ясно. Заслуживает внимания связь "хурриты" с huradi "стражники". В этом случае -(a)di — суффикс, встречающийся и при других обозначениях лиц. Основа hur- со значением, относящимся к военной сфере, вполне может быть самоназванием этноса. В качестве версий происхождения термина "хурриты" можно указать так же на имя Хурри, принадлежащее спутнику хурритского бога Бури, и на название города Хурра в области обитания хурритов *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М.,, 1992. С. 21).*

Область расселения хурритов в шумерских текстах известна под названием Su-bir (bir — шум, степь); у аккадцев она называлась Subartum, Subartu. Этот термин засвидетельствован в живом употреблении до конца II тыс. до н. э., когда он обозначал население крайнего севера Месопотамии и юга Армянского нагорья (слово "субарей" употребляется как синоним слова "хуррит" и встречается преимущественно в аккадских текстах, "хуррит" — в хурритских, в том числе аккадоязычных, а так же хеттских и древнееврейских) *(Дьяконов И. М., Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 26 — 27).*

Существуют довольно многочисленные свидетельства первоначального широкого расселения хурритских племен. Так, в шумерских хозяйственных текстах III династии Ура (ок. 2100 — 2000 гг. до н. э.), преимущественно из Ниппура, встречаются довольно многочисленные хурритские имена. В первой половине и особенно в середине II тыс. до н. э. они встречаются так же в Эламе (Сузы); к востоку от

Тигра в Аррапхе и Нузе; в Месопотамии — в Ашшуре (можно предположить, что сам Ашшур был первоначально хурритским поселением, а некоторые имена первых ашшурских правителей, возможно, хурритские по происхождению) и ряде городов Вавилонии; в Сирии — Алалахе, Катне, Угарите, Тунипе и др.; в Палестине *(Дьяконов И. М., Предыстория армянского народа. Ереван. 1968. С., 13 — 23).*

Египетские источники, начиная с Нового царства (приблизительно с XVI в. до н. э.), называют жителей Палестины и Сирии huru. Существует, правда не доказанная, гипотеза о родстве гиксосов, захвативших Египет, с хурритами.

Библия в числе древнейших, доеврейских, жителей Палестины (в том числе и Эдома, района, расположенного к югу от Мертвого моря) называет hori — закономерная для древнееврейского форма более древнего huru. Возможно, хурритское население попало в Палестину в эпоху передвижения гиксосов в Египет. Племенное обозначение хурритов в Палестине сохранилось вплоть до первых столетий I тыс. до н. э. Впоследствии, эта группа хурритского населения подверглась семитизации — немногочисленные имена "хоритов", приводимые в Библии, являются семитскими.

Одним из районов с очень сильным хурритским влиянием был район юго-восточной и восточной Малой Азии (Киццувадна, область с лувийским населением) и верхнего Евфрата. Здесь даже в период хеттского Нового царства (XIV — XIII вв. до н. э.) были распространены хурритские культы, оказавшие очень сильное влияние на хеттские культы. Вообще, число хурритских заимствований в хеттско-"неситский" язык весьма значительно, особенно в области религии, мифологии и культуры. Это особенно заметно в текстах, составленных писцами хуррито-лувийской области.

Хурритоязычным, по всей видимости, было и население Хайасы-Ацци в верховьях реки Евфрат *(Джаукян Г. Б. Хайский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван., 1964; Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 115).* Хайасцев считают предками армян только на основании созвучия с армянским "хайо" — "армянин", что совершенно не достаточно.

Таким образом, еще в начале II тыс. до н. э. хурриты занимали довольно обширную территорию. Хурритское население или господство хурритского элемента отмечается в это время не только в северной Месопотамии и в районе озера Ван, где существовал крупнейшие государственные образования хурритов, но так же в Ассирии, Сирии и Палестине, хотя некоторых из перечисленных районов хурриты и не создали сплошной зоны расселения. Не вызывает однако, сомнения, что разбросанные на обширной территории хурриты по языку стояли очень близко друг к другу. Хурритские письменные памятники из разных концов ареала расселения хурритов являются памятниками одного единого хурритского языка, одна из древнейших хурритских надписей из Уркеш по языку приближается к урартскому *(Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 119 — 120).*

Северная Месопотамия и район Ванского озер были очагом, из которого уже в III тыс. до н. э. хурритская гегемония и влияние распространялись в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. На рубеже II тыс. до н. э. в северную Месопотамию впервые проникают с юга и запада семитские племена. Семитский натиск ослаб в первой половине II тыс., когда вследствие консолидации хурритских племен образовалось могущественное государство Митанни.

Нельзя исключить и того, что возвышение Митаннийского царства связано с возможным переселением в эти области части родственного хурритам шумерского населения из семитизирующегося южного Междуречья. Полностью отрицать такую возможность нельзя, так как имеются свидетельства контактов между хурритами и шумерами, как родственными народами. Выше уже указывалось, что многочисленные хурритские имена встречаются в Шумере, в частности в районе священного города Ниппур *(Вльхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 32).* Известны так же две надписи, сделанные хурритскими правителями с использованием шумерской клинописи во второй половине III тыс. до н. э. Одна из них оставлена правителем Ариженом (Ари-шен Аталь-шен) из Навара (район самого южного из притоков верхнего течения Тигра) и сделана на аккадском языке; вторая — от имени Тишари, правителя города Уркиша (Уркеша), сделана на хурритском языке *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 33).* Отмечено так же, что аккадский язык документов из Аррапхи и Нузы носит сильнейшие следы хурритоязычности писцов.

После ослабления, а затем разгрома Митаннийского царства процесс семитизации северной Сирии

и северной Месопотамии вновь ускорился — здесь увеличивается ассирийское, а затем и арамейское население. Начинается так же продвижение армено-фригийских племен в Каппадокию, Малую Армению и западную часть долины реки Арацани-Мурадчая. В первой половине I тыс. до н. э. хурритское население к западу и югу от озера Ван сохранилось лишь на ограниченной территории в виде отделенных друг от друга ареалов. Это следующие небольшие государства:

1) Гузана (современный Тель-Халаф) в северной Месопотамии. Это государство было завоевано Ассирией в IX в. до н. э.

2) Хубушкиа, государство, долгое время игравшее роль буфера между Ассирией и Урарту в долине реки Бохтансу.

3) Шубриа или Шуприа, расположенное в Сасунских горах.

4) Диауэхи, небольшое царство в долине реки Чорох и, возможно, верховьев Евфрата.

5) Манна (Мана), государство к югу от озера Урмия (Резайе) *(Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 116; См. также: Саркисян Л. М. Страна Шубриа. Ереван., 1989).*

Расселение хурритов восточнее Загросских гор (западный Иран и южный Азербайджан) некоторыми учеными ставится под сомнение. Горные племена, обитавшие в I тыс. до н. э. на территории современного Курдистана и Армянского Тавра, могли быть по языку хурритами, кутиями, луллубеями или урарту. В любом случае распространение кавказских языков на эту область не подлежит сомнению. Северная граница расселения хурритских племен осталась невыясненной.

Термин "Субарту", который в III тыс. до н. э., как уже указывалось выше, служил для обозначения областей северной Месопотамии, позднее применяется в отношении к царству Митанни и другим хурритским государствам. Только в I тыс. до н. э. он начинает применяться в аккадском языке как синоним высокого стиля к названию "Ассирия". В ассирийских источниках Митанни именуется Ханигальбат или Халигальбат.

Хурриты как отдельный этнос сохраняются в некоторых районах Армянского нагорья по крайней мере до V в. до н. э., а возможно, и много позже. Во всяком случае, Геродот, перечисляя современные ему народы, обитавшие в этом районе, помимо армениев, называет так же саспиров, алародиев и матиенов *(Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 81, 97).* Так как саспиры, по всей видимости, не кто иные, как картвелоязычные племена, а алародии без всякого сомнения соответствуют урартам, то матиены не могут быть никем иным, кроме хурритов. Происхождение названия "матиены" можно проследить от одного из вариантных названий Митанни — Maiteni. К тому же страна матиенов, по Геродоту, приблизительно соответствует Тао и Манне (верховья реки Галиса. Из этого района берут начало реки Аракс и Дияла — восточный приток Тигра). От матиенов получило свое название озеро Матиана или Мантиана — именно так именовали озеро Урмия (Резайе) античные авторы. Таким образом, территория расселения матиенов разорванным полукольцом опоясывала территорию армениев (малая и западная часть Великой Армении) и алародиев-урартов (восточная и северо-восточная часть Армянского нагорья). Это в целом соответствует территории расселения хурритов в I тыс. до н. э. по ассирийским данным.

Армянское нагорье (страна Наири) населяли близкородственные хурритам урарты. Длительное время урарты, во всяком случае часть их, входили в состав Митаннийского царства. С ослаблением последнего, вследствие ассирийского и хеттского давления, центр государственности перемещается на территорию урартов. В начале I тыс. до н. э. возникают государства Муцацир (Ардини) и Урарту (Биаинили). Последнее по-аккадски называлось Urartu, по-древнееврейски — Ararat, хотя в наиболее древних кумранских рукописях оно именуется wrrt, т. е. Urarat. Сами урарты называли свое царство Biainile, что является множественным числом от самоназвания — biaine. Как показали исследования, урартская письменность берет начало от хурритской письменности II тыс. до н. э., хотя впоследствии она испытала сильное влияние ассирийских традиций.

Хуррито-урартские языки

Близкое родство хурритского и урартского языков уже давно считается доказанным. Что касается их места в семье кавказских языков, то этот вопрос был окончательно разрешен сравнительно недавно в совместной работе И. М. Дьяконова и С. А. Старостина — "Хуррито-урартские и восточнокавказские языки", выдержки из которой приводятся ниже *(Дьяконов И. М. и Старостин С. А. Хуррито-урартские и*

восточнокавказские языки // Древние восточные этнокультурные связи. М., 1988. С. 164 — 207).

Северокавказские языки распадаются на две большие группы: западнокавказскую и восточно-кавказскую. К первой относятся адыгейский, кабардинский, убыхский, абазинский и абхазский языки, а так же хеттский — язык древнего населения районов, вошедших затем в состав Хеттского царства.

Восточнокавказские языки, в свою очередь, распадаются на ряд групп:

1) Восточная или лезгинско-даргинская группа, включающая языки, на которых говорят в центральном и южном Дагестане, а так же на севере Азербайджана. Эта группа языков делится на две подгруппы: а) лезгинские языки — лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цархухский, крызский, будухский, арчинский, удинский. К этой же подгруппе языков принадлежал ныне мертвый албанский (агванский) язык; б) даргинские языки — помимо многочисленных диалектов даргинского языка эта подгруппа включает еще и хиналугский язык.

2) Лакский язык.

3) Центральная или авароандо-цезская группа, в свою очередь делящаяся на две подгруппы: а) авароандские языки; б) цезские языки.

4) Западная или нахская группа, включающая в себя три языка: чеченский, ингушский и бацбийский. Нахская группа в настоящее время самая многочисленная.

Хуррито-урартские языки представляли собой еще одну группу восточнокавказских языков. В них встречается целый ряд лексических изоглосс с нахскими языками, несколько меньше — с лезгинскими. Еще меньше изоглосс с центральной группой восточнокавказских языков. Однако с этой группой имеется наибольшее количество грамматических изоглосс. Несмотря на то, что хуррито-урартские языки имеют некоторые особенности, отсутствующие в современных кавказских языках, нет никаких сомнений в принадлежности их именно к восточнокавказским языкам.

Хуррито-урартская группа восточно-кавказских языков кроме хурритского и урартского языков со всеми их диалектами включала в себя еще несколько древних языков Малой Азии (как субстрат для лувийского и других). Кроме того, к этой же группе, скорее всего, нужно отнести древнейшие языки островов Кипр, Лемнос и ряда других. Большое типологическое сходство существует между этрусским и хурритo-урартскими языками. Еще одним восточнокавказским языком древности был, видимо, кутийский язык.

Нужно так же иметь ввиду, что в глубокой древности различия между ныне существующими восточнокавказскими языками были менее значительными. Так, разделение чеченского и аварского языков произошло примерно две тысячи лет назад. Поэтому в описываемую эпоху, видимо, еще только шел процесс разделения некоего провосточнокавказского языка на ряд производных от него. Следует при этом помнить, что фонетические изменения могут происходить очень быстро в условиях тесного контакта с типологически несходными языками. Это имело место при встрече шумерского языка с языком неизвестных нам пришельцев. Подобная ситуация сложилась в Малой Азии в середине II тыс. до н. э. Отметим, что те восточнокавказские языки, которые постоянно и активно контактируют с некавказскими языками, например, лезгинский с азербайджанским или удинский с армянским, всегда имеют гораздо более бедную фонетическую систему, чем родственные им горские языки.

Обычная структура восточнокавказского корня — CV(S)CV, лабиализованные и гаминированные фонемы рассматриваются при этом как единые (C — означает любой согласный, V — любой гласный, — любой сонант). Корневая структура CV характерна только для прономинальных и служебных морфем. В некоторых случаях, однако, в состав корня включаются определенные элементы, представленные в нескольких подгруппах восточнокавказских языков и, возможно, представляющие собой старые словообразовательные аффиксы. Таким образом, для реконструкции имеется определенное количество провосточнокавказских "трехсложных" корней.

Восточнокавказские глагольные корни обладают рядом особенностей. Большинство глагольных и многие адъективные корни в провосточно-кавказском языке начинаются с элемента ?V-, как будто бы не связанного со значением глагола и первоначально являвшегося, вероятно, предикативным показателем. В том случае, если к корню префигируются классные показатели, гортанная смычка исчезает. Таким образом, морфологически эти корни могут рассматриваться как имеющие гласный анлаут. В немногих случаях данный элемент является реальной частью корня, но в большинстве случаев он представляет собой гипотезу.

За очень редкими исключениями в восточно-кавказских языках отсутствуют глагольные корни, содержащие более чем один шумный согласный. Однако в нахских и хуррито-урартских языках такие корни есть. Их можно рассматривать как инновацию, общую для нахских и хуррито-урартских языков.

Поскольку провосточнокавказский язык обладал очень большим количеством фонем, порядок их следования нес на себе меньшую функциональную нагрузку, чем в большинстве других языков. Отсюда частные метатезы, нередко представленные внутри одного и того же диалекта. Некоторые случаи метатез имеются так же в хуррито-урартских языках, но обычно здесь сохранялся фиксированный порядок следования фонем.

В хуррито-урартских языках отсутствуют корни с начальным r-. Аналогичное явление наблюдается в таких восточнокавказских языках, как даргинский, лакский и нахские языки.

За исключением классных префиксов и, возможно, предикативного показателя *?V- в провосточнокавказском языке не было префиксации, хотя впоследствии в разных восточно-кавказских языках развились некоторые новые префиксы. С другой стороны, как для именной, так и для глагольной систем была типична суффиксация. Хуррито-урартские языки утеряли классные префиксы, но сохранили богатую систему суффиксации.

Хотя в современных восточнокавказских языках имеются развитые временные системы в глаголе, провосточнокавказская система основывалась скорее на видовых, а не на временных противопоставлениях. Глагольная система хуррито-урартских языков имеет только виды, но не времена и тем самым является архаичной.

Все восточнокавказские языки относятся к эргативным, т. е. субъект переходного действия в них выражается специальным эргативным или каким-либо другим косвенным падежом, а субъект непереходного действия и объект переходного выражаются "абсолютным" (обычно нулевым) падежом. Та же ситуация представлена и в хуррито-урартских языках.

Опять-таки все восточнокавказские языки, включая хуррито-урартские, обладают общим фондом местоименных, словообразовательных и словоизменительных морфем, хотя существуют так же и определенные расхождения.

Система фонем в урартском и особенно в хурритском языках значительно беднее, чем система провосточнокавказского языка. Урартский язык потерял все сильные, палатализованные дентальные фрикативные и аффрикаты, все латеральные, большинство постувелярных и все фарингальные фонемы, а так же гортанную смычку в качестве отдельной фонемы. Отсутствие всех указанных фонем характерно и для хурритского языка, но сверх того он утерял так же звонкие и глоттализованные согласные (озвончение глухих в интервокальной позиции чисто механическое и несмыслоразличительное). Однако хурритский сохранил сильные фонемы, обозначаемые посредством удвоенных написаний в митаннийской, богазкейской и угаритской орфографии. Поскольку в урартском языке было около 30 фонем, а в хурритском еще меньше, в то время как в провосточнокавказском языке насчитывалось, по всей вероятности, около 80 фонем, — всякая хурритская и урартская фонема должна, как правило, соответствовать нескольким фонемам. Можно ожидать так же различных позиционных изменений рефлексов.

И. М. Дьяконов и С. А. Старостин в цитируемой работе приводят значительное количество примеров этимологизированной хуррито-урартской лексики с фонетическими соответствиями между хуррито-урартскими и восточнокавказскими языками. Автор приводит только часть из них.

1. Хуррито-урарт. *bawr-; хурр. pawr-o "коричневый" провосточнокав. *piHwVrV "серый", "коричневый"; авг. bure-r "серый", дарг. berhe "рыжий", авар. bur-ija-b "коричневый, темный", чеч., инг. bora "коричневый".

2. Хуррито-урарт. *xub-; хурр. xu/oB-idi- "мальчик", "теленок" провосточнокав. *hu(r)pV "сирота"; дарг. ubaj "падчерица", "пасынок", чам. uba-b "троюродный брат", бацб. ba-d, чеч. bo "сирота". Параллель приемлема, если в хурритском исходное значение "мальчик", а не "теленок". Фонетические соответствия регулярны.

3. Хуррито-урарт. *gurbis- *gubirs-. Восточнокавказские формы как будто являются производными: авар. gab-alu "женская одежда", чеч. beg (*geb) "шуба".

4. Хуррито-урарт. *fan-fanV, *fafanV; хурр. favane, урарт. vavane "гора" провосточнокав. *fanV; арч. Xwan "теневой склон горы", дарг. диал. xana, лак. han, цез. hon — во всех языках "теневой склон горы", бацб., чеч. hun "лес".

5. Хуррито-урарт. *wasV; урарт. wase "люди, мужчины" провосточнокав. *werse; арч. bos-or "муж, мужчина", авар. basi "теленок", ахв. busa, тинд. boha "бычок", чеч., бацб. bors "бычок", чеч. bopsa "самец". Соответствия регулярны.

6. Хуррито-урарт. *wa(H)er-; хурр. wairh "семь звезд, семь духов, Плеяды" провосточнокав. *ueHergg "семь": таб. ury-ub, арч. wik, лезг. iri-d, дарг. werhe-l, анд. hoku, бацб. worx, чеч., инг. worh — во всех языках "семь".

7. Хуррито-урарт. *mari-: хурр. mari-(j)-anne "колесничий", урарт. mare "одна из социальных групп"; провосточнокав. *m/a/rgV: арч. mekle, крыз. miy-il "самец", дарг. marga "самец", бацб., инг. mar, чеч. majra "муж", "храбрец".

8. Хуррито-урарт. *nix-: хурр. niy-ari "приданное" провосточнокав. *mixwV: авар. mux "плата", кар. muxu, nixu "плата", чеч. maX (род. maXa-n) "цена, торговля" (ср. так же чеч. maXa "цена крови одного убитого").

9. Хуррито-урарт. *simi-: хурр. simi-ga/-ge (с уменьш. суффиксом) "солнце" (с метатезой) провосточнокав. *mixwV: адн., ахв., тинд. mixi "солнце", бацб. matX, чеч. malX "солнце".

10. Хуррито-урарт. *sim-: X sim-ri "папоротник" провосточнокав. *si imHV "вид пахучей травы": лак. sam (род. sam-ul) "черемша", инх. zu, цез. zu "черемша", авар. sa an "мята", бацб. st'im, чеч. stim-urXa "виды трав". Соответствия регулярны.

11. Хуррито-урарт. *anc'-: хурр. anz-an-uy- (каузатив) "объявлять (?), обещать", anz-anni "обещание"; провосточнокав. *?amc'V: рут. h-ac'a-s, цах. ac'a-xes, крыз. -ac'az "знать", дарг. umc'-es "искать", чам. -ac'-na "видеть", бацб. -apc'-, чеч. -awz- "знать". Соответствия регулярны.

12. Хуррито-урарт. *xinz-ori: хурр. xinz-u/ore "яблоко" (арм. xnzor "яблоко") провосточнокав. * Iamce: ar. hac, арч. aIns, лезг. ic, дарг. inc, хин. mic, лак. hiwc, чам. mici, авар. ec — во всех языках "яблоко", чеч. hamc "мушмула".

Соответствия регулярны. Срав. еще шумерское hashur "яблоко, яблоня" провосточнокав. * IamceqIurV букв. "яблоко-груша". Существует еще пример выпадения *-m- в хуррито-урартских языках в сочетании с последующим фрикативным согласным (ср. аналогичное развитие в большинстве восточнокавказских языков).

13. Хуррито-урарт. *tasgar-: хурр. *taskar-inne (аккад. taskarinnu) "Buxus sempervirens", taskar-xe "буковый". Ср. пронах. *stagar, бацб. stagar, чеч. stajr "Acer platanoides". Соответствия регулярны.

14. Хуррито-урарт. *tes (s)-: X tez-u/o-ye, tes-oxe "староста, старейшина", Y tes "созревать". Ср. пронах. *tis-: бацб. tis-in, чеч., инг. tisa "старый". Соответствия регулярны.

15. Хуррито-урарт. *tal-: хурр. tale "дерево" провосточнокав. *twali (tawli): арч. dali, рут. dal "длинная палка", дарг. диал. tal "шест, столб", вар. talte "дерево", лак. tala "бревно", инг. tal-g (*tal- + уменьшительный суффикс *-ik') "палочка". Соответствия регулярны.

16. Хуррито-урарт. *ard-: хурр. arde "город". У ardi-ne "Город" = Муцацир провосточнокав. *?VrdwV пронах. *?urd: чеч., инг. urd "надел, участок земли".

17. Хуррито-урарт. *sed-: хурр. sed- "ругань, проклинать", sid-arni "проклятие" провосточнокав. *sVrdV пронах. *serd-, инг. serd- "ругать, проклинать", чеч., инг. sard-am "проклятие".

18. Хуррито-урарт. *it't'-: X it- "уходить" провосточнокав. *?it'-(-Vr)- "бежать": авар. t'-ur-ize, тинд. t'e-xa, год. t'-ar-i, бацб. it'-/at'-, чеч. id-/ad-. Не вполне регулярно: неясна причина усиления *t' в хурритском и урартском языках. Все же этимология представляется вероятной.

19. Хуррито-урарт. *sit'-: хурр. sid-u/ori "девушка". Ср. пронах. *zut'-: чеч. zuda "женщина", чеч., инг. zud "сука". Соответствия регулярны. Пронахское *u может восходить к провосточнокавказскому переднему гласному в соседстве с лабиализованным согласным; чеч. и инг. -d- после гласного восходит только к *t'.

20. Хуррито-урарт. *gat'V: хурр. kade "ячмень" (лик. xada, x a) провосточнокав. *gget'V: лезг. gad (эрг. gatu) "зерновые, урожай", лак. cat'i "вид кушанья из льняного семени", тинд. k'et'u "семя, льняное семя", вероятно так же чеч. lod (ген. loda-n), lujdig (*lot'-ik') "листья кукурузного початка". Соответствия регулярны. Приводятся соответствия только инлаутных гласных. Нужно помнить о том, что вокалическая система провосточнокавказского языка подверглась очень сильным изменениям в языках-потомках и поэтому, например, в пронахском *a не обязательно предполагает в провосточнокавказском *a и наоборот. Соответствия

ауслаутных гласных неясны. Что касается провосточнокавказского языка, то более или менее надежная реконструкция их имеется только для именных корней. Для хурритского и урартского языков даже неясно, существовали ли такие гласные вообще, поскольку их обычно рассматривают как "тематические", т. е. не относящиеся к корню.

21. Хуррито-урарт. *alg-: урарт. alg-a "граница, горный хребет" провосточнокав. * erqqwe: дарг. urqi "горы", авар. orqi "межа, граница", чеч. raR (ген. raR-an), инг. arRa "низкий горный хребет".

22. Хуррито-урарт. *sawal-: хурр. sawale, урарт. sale "год" провосточнокав. *swir Но: лезг. sur, авар. -asra-jab, ахв. -asara-xab "старый", чеч. so (ген. sera-n) "год", sira "старый". Некоторые восточнокавказские языки отражают метатезированную форму *riH(i)swo.

Часто наблюдается выпадение *r в срединных сочетаниях гласных. Это всегда происходит перед велярными и латеральными, но никогда не происходит перед или после постувулярных (фарингальных и ларингальных. Напротив, в сочетаниях с -r-, как и в сочетаниях с -l- или -m-, последние сами всегда выпадают). Перед другими согласными г может выпадать либо сохраняться. Такая нестабильность сонантов в срединных сочетаниях согласных характерна для большинства восточнокавказских языков.

23. Хуррито-урарт. *egi, *igi: хурр. egi, igi "внутри" провосточнокав. *jerk'wi "сердце": лезг. rik', рут. jik', цах. jirk'w, дарг. urk'i, лак. dak'w (*rak'w), авар. rak', анд. rok'wo, гин. rok'we, цез. rok'u, бацб. dok' (*rok'), чеч. dog. Соответствия регулярны. Инлаутный -r- закономерно выпал. Необходимо заметить, что хуррито-урартское название "сердца" — *tis-.

24. Хуррито-урарт. *nek-: урарт. nek- "вытекать". Ср. пронах. *nake чеч. neka, инг. nak "плавание".

25. Хуррито-урарт. *gunV: урарт. gune "правый (не левый), правильный". провосточнокав. *?V-kkwVn-(/*?V-nkkwV с метатезой, типичной для прилагательных): дарг. диал. d-uka "правый", авар. kwaran-/*kwan-ar-/, кар. inku- "правый", чеч., инг. d-ikan, бацб. d-ikin "хороший".

26. Хуррито-урарт. *xenne: хурр. xenne, урарт. xene "сейчас" провосточнокав. *hVnV: ар. hin-c (= чеч. hin-ca, инг. Han-z), дарг. hanna — во всех языках "сейчас".

27. Хуррито-урарт. *sV-: хурр. s-uyi "новый" провосточнокав. *c'inHV: лезг. c'ij-i, рут. c'in-di, дарг. диал. c'i-j, лак. c'u-sa, цез. ec'no, гунз. -ic'u, авар. c'-jab, тинд. c'ihu-b, ахв. c'in-da-be, кар. c'ino-b, бацб. c'in-in, чеч. c'ina — во всех языках "новый". Соответствия регулярны. Налицо один из случаев деглоттализации свистящей аффрикаты. В провосточнокавказском языке формой, по-видимому, было *c'in?V хуррито-урарт. *si?-.

28. Хуррито-урарт. *sex-: хурр. sey-(a) le "чистый (ритуально)", seye, siye "чистый (о воде)", урарт. sexa "чистый", провосточнокав. *zzanHV (часто с метатезой *HanzzV, что типично для адъективных корней): гунз. -nce-ru "чистый", авар. -ac'ine "чистить", -ac'a-da-b "чистый", ахв. -ac'an-da-b "чистый", бацб. c'ajn, чеч., инг. c'ena "чистый".

Весьма вероятно, что в хурритском и урартском языках существовало противопоставление s и s, хотя оно и не обозначалось графически. Та же ситуация имела место и с другими свистящими и шипящими. Судя по хуррито-урартским заимствованиям в армянском языке, можно думать, что провосточнокавказские свистящие палатализованные отражались в хурритском и урартском языках как свистящие, а шипящие — как шипящие. Среди восточнокавказских языков такие же рефлексы наблюдаются в даргинском и нахских языках. Так же нужно отметить, что восточнокавказские сильные спиранты ослаблялись в хурритском и урартском языках.

29. Хуррито-урарт. *se/ix-, *sux-: хурр. sey-iri, урарт. sux-uri (/sex-eri) "живой" провосточнокав. *sihIwV: лак. sih "дыхание, пар", бацб., чеч., инг. sa "душа, дыхание".

30. Хуррито-урарт. *sel-: урарт. sel-arde "Луна, божество Луны" провосточнокав. *sVlHV: дарг. sali (диал. sila) "свет", цез. resa (*sera) "луч" (солнца), чеч. sa "свет". Соответствия регулярны.

31. Хуррито-урарт. *ser-: хурр. sera "вечер, запад", провосточнокав. *swVrV: авар. sor-do "ночь", бацб. psara, чеч. sujr-e, инг. sajr- "вечер".

32. Хуррито-урарт. *sin: хурр. sin-, урарт. si-se (* sin-(i)se) "два": Ср. пронах. si: бацб. si, чеч. si? (-? -- показатель абстрактного счета) "два".

33. Хуррито-урарт. *nas-: хурр. naz-arde "наложница" провосточнокавказ. nusV (или newsV) "невеста, невестка": хин. c'i-nas "невеста" (букв. "новая невеста", — бацб. c'i-nus "то же самое"), авар. nus, тинд., кар.,

анд. и др. nusa, бацб., чеч., инг. nus "невестка, сноха". Соответствия регулярны. Корень должен быть как-т связан с -е. *snuso- "сноха".

34. Хуррито-урарт. *as: хурр. as- "сидеть", урарт. as- "сидеть", кауз. "ставить, сажать" провосточнока *V(r)swV: таб. urs-uz, уд. ars-/arc-, кар. k'-us- "сидеть", бацб., чеч. -is- "оставаться". Вокализм не вполне ясе

35. Хуррито-урарт. *sV-: урарт. s-use "первый" провосточнокав. *ce(he): лезг. sa, уд. sa, лак. ca-, авар. с ахв. ce-be, анд. se-b, цез. sis, гин. he-s, бацб. cha, инг. ca, чеч. cha? (-?- суффикс абстрактного счета) — во вс языках "один".

36. Хуррито-урарт. *xus-: хурр. xuz- "связывать, задерживать", урарт. xus- "проводить (воду), аннулирова (службу)" провосточнокав. *HocwV- "развязывать": таб. -uc-uz, арч. olsa-s, авар. ic-ize, тинд. acw-ixa, чеч. -as бацб. -ast- "развязывать". Семантическое соотношение "связывать", "развязывать" нормально.

37. Хуррито-урарт. *azz-: хурр. azz-u/o-z-yi "табуированный, нечистый, греховный, больной" или подобно провосточнокав. *?azzV: арч. ac'i "болезнь", аг. it-al "болезнь", дарг. izz-es "болеть", лак. c'u-n "болеть, ныть бацб. l-ac'-, чеч. l-az- "болеть".

38. Хуррито-урарт. *c(a)l- : хурр. sali, урарт. sel-a "дочь" провосточнокав. *-i-lcwi, дарг. r-ursi (диал. r-ir "девочка", лак. dus "дочь", авар. ruc-abi "женщины", чеч. d-eca "тетя" (r-, d- — классный показатель).

Данное сближение предполагает метатезу, вполне вероятную для корня с префиксальными классны показателями.

39. Хуррито-урарт. *c'i-: урарт. c'i- "течь, идти (о дожде)", провосточнокав. *?e-c'wV-(-r-): лезг. c'ur-a аг. icwas, крыз. ju-c'ur-iz, дарг. -ic'-es, лак. ac'i-n, кар. ic'-axa, чеч. -as-a во всех языках "таять". Соответстви регулярны. Семантическое развитие допустимо.

40. Хуррито-урарт. *c'ic'c'-, *c'uc'c'-: хурр. zizzi "женская грудь, сосок", zizz-u/oxe, zuzz-u/oxe "кувшин носиком" провосточнокав. *c'oc'V или *c'c'oc'c'V: лезг. c'uc' "носик (чайника)", чеч. c'uz-am "носик (чайн ка)", "хобот".

41. Хуррито-урарт. *c'ur-g-: хурр. zurgi "кровь" провосточнокав. *c'agwV: таб. c'iwi, авар. c'ago-, ка c'agu- "живой", бацб. c'ig, чеч., инг. c'ij "кровь". Соответствия регулярны. В хурритском -gi, по-видимом суффикс.

42. Хуррито-урарт. *arc'ib/w-: урарт. Arc'ib/ve (имя лошади, предположительно "Орел") провосточнока * warc'c'im V (/-w V): аг. marc', дарг. диал. arc'ime, лак. barzu (* w-) , авар. c'um (*arc'um), ботл. c'u (*arc'um?i), бацб. arc'jb, чеч. arzu во всех языках "орел". Соответствия регулярны. Индо-иранское rjipya-, п видимому, представляет собой заимствование из провосточнокавказского.

43. Хуррито-урарт. *erc'-: урарт. erc'- "возвращаться" провосточнокав. *i(r)c'wV: таб. u-cv-uz, рут. a-cwa "входить", крыз. q-ac'-az "выходить", авар. -jrc'-ize "выбегать", бацб. -erc'-, чеч. erz- "возвращаться, повор чиваться".

44. Хуррито-урарт. *xas-: хурр. xaz- "слышать", урарт. xas- "слышать, слушать", Ср. пронах. *Xac'- : бац Хасэ-, чеч. Xaz- "слышать".

45. Хуррито-урарт. *sir-: хурр. sir- "быть равным, сходным", провосточнокав. *?a-rxwV: арч. xwa-na "бы похожим", лак. -ax- "подходить, соответствовать", авар. rex-ine, кар. -ахап-ха "быть похожим", хварш. ax, це ixa "похожий", бацб. t-arx-eno, чеч. t-era, инг. t-ara "похожий". Удовлетворительно. В восточнокавказски налицо метатеза, обычная для глагольных и адъективных корней.

46. Хуррито-урарт. *sijV-: хурр. sije "вода, река" провосточнокав. *?a-xV: рут. s-axa-s "мокнуть", цах al-ex-as "таять", аг. d-ixe-f "жидкий", авар. -ix-ize "становиться жидким", редупл. хаха-ze "орошать", кар. -ах-ах "идти (о дожде)", бацб., чеч. -il- "мыть".

Не вполне надежно. Для хуррито-урартской формы ожидался бы двусложный прототип (если отвлечься протетического *?a- в провосточнокавказском языке, остается односложный корень). Возможно, лучше был бы сравнивать хуррито-урарт. sijV (*si?V) с провосточнокав. *xan?i "вода": лезг. jad, таб. sid, цах. xan, арч. ха рут. xad, дарг. sin, хин. xu, лак. sin, инх. xo, гунз. xi, авар. xin, ахв. xeni, кар. xeji, бацб., чеч. Xi. Выпадение -н было бы закономерным, но необходимо было бы предположить палатализацию *x- s- перед передним гласны -i- , что не исключено — в восточнокавказских языках велярные и латеральные спиранты ведут себя очен сходным образом.

47. Хуррито-урарт. *wal-: хурр. ali "червь" провосточнокав. *wVH(V)rkwV-: лак. диал. baIrcalu "улитка", инх. bekol, цез. bikori, бежт. bekela, авар. borox, ахв. berka, тинд. beka, чеч. boXalla, инг. b eXal — во всех языках "змея". (соответствие авар. x, анд. k, нах. X указывает на провосточнокав. *-kw-). Соответствия регулярны. *-r- в хурритском и урартском языках закономерно выпадает.

48. Хуррито-урарт. *all-: хурр. all-ae "госпожа, королева", *all(a)e-ye "домашняя хозяйка", урарт. al-ae "хозяин, господин", al-a-we "великий", al-c-uj — то же самое провосточнокав. *?akkV пронах. *?axi: бацб. ихе, чеч. ela, инг. ala "князь, господин". Соответствия регулярны. Пронахское *-x- может восходить только к провосточнокавказской сильной латеральной аффрикате.

49. Хуррито-урарт. *u/oll-: урарт. u/ol- "идти", кауз. "уносить" провосточнокав. *?/e/rkkV: аг. argi-s, арч. aki-s "приходить", лак. uka-n "выходить", ulu "пойди сюда", гин. -uxa "идти", авар. -ik-ine "идти, ходить", анд. кар. -ok-axa, тинд. -ek-ixa "идти", kwe-xa — то же, ke "пойди сюда", бацб. l-ex-, чеч. l-el- "идти, двигаться". Соответствия регулярны, хотя не вполне ясны соответствия вокализма.

50. Хуррито-урарт. *xill-: хурр. xill "говорить" провосточнокав. *Hik'k'V: гунз. ika "звать", цез. eka "говорить", тинд. hik'-ixa "говорить, сказать", бацб. ax-, чеч. al- "говорить". Для провосточнокавказского языка можно так же восстанавливать *-gg-, но в виду хуррито-урартского *-ll- предпочтительнее *-k'k'-.

51. Хуррито-урарт. -ar-: хурр. ar-, урарт. ar- "давать" провосточнокав. *?i-ggV: цах. h-el-es, арч. ko-s, лак. ulu-n "давать", авар. k'e-ze "давать", -ik-ize "раздавать, распределять", хварш. ika "давать", бацб. -ax-, чеч. -al-a "давать".

52. Хуррито-урарт. *ar(V)n-: урарт. arne, arane "милость" провосточнокав. *?i-ggwVn/*?i-nggwV- (с обычной метатезой): лезг. k'an xun, таб. kun xuz, арч. k'an "любить, хотеть", авар. -ok'-ize "хотеть, желать, любить", чам. -ok'-ila "любить, хотеть", год. r-uk'i "любить", лак. cwa-n "любить, хотеть", бацб. la-?-, чеч. la-?- "хотеть".

В провосточнокавказском языке имелось два латеральных сонанта, *l и *i (оба нормально отражаются как l в восточной и западной группах восточнокавказских языков, но различаются в центральной группе, где *l r, но *lr). Пронахский язык отражает это различие только в некоторых специфических окружениях.

53. Хуррито-урарт. *lel-: хурр. lele "ухо", провосточнокав. lehlV: дарг. lihi, бацб. lar-k', чеч., инг. ler-g "ухо". Здесь можно отметить следующее правило. В некоторых случаях в провосточнокавказском языке происходила нейтрализация *l и *l, а именно, если эта фонема была первым компонентом сочетания согласных или последним согласным глагольного корня. Во всех случаях хурритский и урартский языки имеют -l- (кроме тех случаев, когда соседним согласным в сочетании является латеральный).

54. Хуррито-урарт. *xel-: хурр. xel-di "высокий, величественный" провосточнокав. *//a-XVl- (так же с обычной адъективной метатезой */ /a-lXV): арч. laXa "быть длинным, высоким", дарг. Xala-l "большой", лак. halXa- "длинный, высокий", авар. Xala-ta-b "длинный", бацб. -aXe-n, чеч. -eXa, инг. -aXa "длинный".

55. Хуррито-урарт. *axr-: хурр. ayri "благовоние" провосточнокав. *hVlHV: лезг. jal "дыхание, запах", крыз. al "дыхание", арч. hil "дыхание", авар. hali "кипение", тинд. ha?e, анд. hal "пар", чеч. Sa, инг. Si "пар". Соответствия регулярны, в хурритском и урартском протеза. Аналогичное развитие, по видимому, так же в хуррито-урарт. каузативной морфеме *-ar-.

56. Хуррито-урарт. *k'owr-(?): хурр. xubr-, вероятно, "дым", ср. xubr-u/o-s(i)xe "сосуд для сжигания благовоний". Возможно, родственно чеч., инг. k'ur "дым".

57. Хуррито-урарт. *ag-: хурр. ag-, урарт. ag- "вести, уводить" провосточнокав. *?Vrk'V "гнать": цах. ak'a-n-as "выгонять", арч. ak'a-s "гнать", дарг. диал. -irk'-/-urk'- "гнать", бацб. -ik'- "вести", чеч. -ig- "вести". Выпадение -r- в инлауте регулярно. Сходство с индо-европейским *ag-, по-видимому, случайно.

58. Хуррито-урарт. *aqarq-: урарт. aqarqe "мера емкости" провосточнокав. *q'q'wV-(r)q'V: лак. ququ "кувшин", чеч. pheRa (ph-*q'w-) "сосуд, посуда". Соответствия регулярны, если в провосточнокавказском языке действительно был -r-, который должен был закономерно выпасть в лакском и чеченском языках перед увулярным согласным.

59. Хуррито-урарт. *qarqara-: хурр. karkar-ni, урарт. qarqara- "панцирь" провосточнокав. qqer(i)q'wV: лезг. q'erq' "кольчуга", буд. q'era' "скорлупа", цах. q'arq'w "тулуп", дарг. диал. qarik'w "шуба", чеч., инг. RaR "кольчуга".

60. Хуррито-урарт. qawr-: хурр. k/xawr-, урарт. qewr-a, qir-a "земля" провосточнокав. *qwi?rV: аг., рут. Xuj, дарг., лак. qu, авар. Xur, ахв. quri, тинд. Xuja, чеч., инг. qa — во всех языках "поле".

61. Хуррито-урарт. *qe-: хурр. k/xe-s(i)xe "трон" провосточнокав. *?i-q'wV: аг.iq'wa-s, рут. s-uq'wa-s "сидеть", лак. ik'wa-n "быть", авар. -uk'-ine "быть", чеч. X-a?- (*-aq-) "сидеть". Соответствия регулярны, хотя в хурритском и урартском языках не сохранилась лабиализация.

62. Хуррито-урарт. *gaz: урарт. gaz-uli "красивый". Ср. пронах.: бацб. Raz-en "хороший". Нахская реконструкция, однако, связана с некоторыми трудностями, поскольку в чеченском языке имеем Xaza "красивый" с нерегулярным начальным X-.

63. Хуррито-урарт. *u/qx-: хурр. uyi "свинья" провосточнокав. *HVqIwV (вокализм реконструировать невозможно): пронах. *haqa бацб. qa, чеч., инг. haqa "свинья". Хотя нахские языки не сохраняют фарингализацию, наличие ее в провосточнокавказском языке доказывается абхазо-адыгской параллелью.

64. Хуррито-урарт. *xa-: урарт. xa- "брать, забирать" провосточнокав. *?V-XV-: рут. -iXe-s "нести", арч. Xe-s "уносить, брать с собой", дарг. iXe-s "нести", лак. uXi-n "уносить, уводить", бацб. -ah-, чеч. -ah- "нести, уносить".

65. Хуррито-урарт. *u/or-: хурр. u/or- "становиться, появляться" провосточнокав. *?V-?wVr-: таб. e?-uz, цах. -i?ar-as "быть, оставаться, сидеть", дарг. диал. -u?- "жить, оставаться", чеч. a-n, e-n, инг. e "оставаться". Конечный -r, сохраняющийся в цах., регулярно отпал в других языках -- развитие, характерное для глагольных корней.

66. Хуррито-урарт. xur-adi: хурр. xur-ade, урарт. xur-ade, xur-ade "воин" провосточнокав. *?Iwer?V: лак. aIr-al, гунз. haz (*-r), авар. bo, чеч. b o (*?Iw-, с выпадением -r- в сочетании) "войско".

Существуют так же другие примеры на хуррито-урарт. *x восточнокавказских ларингалов и фарингалов, но во многих случаях для провосточнокавказского языка неясно точное их качество (в таких случаях в приведенных примерах пишется *H).

67. Хуррито-урарт. *awV: хурр. awe, aje "лицо, перед", урарт. aje "перед" провосточнокав. *?i wV "лицо, край, перед": арч. ha-ra-k "спереди", аг. u-ri-h "спереди", дарг. -alh (с префиксальными классными показателями) "лицо", авар. b-e "лицо, вид, форма", чеч. j-uh "лицо", d-uh-ig "край", инг. j-uh "лицо", d-uh "начало".

Сравнительная грамматика восточнокавказских языков еще не до конца разработана. Однако многие грамматические показатели могут быть реконструированы с достаточной степенью уверенности. Для многих из них обнаруживаются параллели в хурритском и урартском языках.

Для целого ряда хуррито-урартских суффиксов могут быть указаны восточнокавказские этимологии:

1) *-V-xe — показатель прилагательных, обозначающих материальный или присущий производящей основе признаки, часто этот суффикс просто придает основе адъективную, т.е. аттрибутивную функцию.

2) *-V-nne — суффикс относительных прилагательных.

3) *-V-zzi — суффикс прилагательных, обозначающих внешний признак.

4) *-aje — суффикс, употребляющийся в адвербиальной, адъективной, герундиальной или причастной функции, один или вместе с другими суффиксами.

5) *-ga — уменьшительный суффикс.

6) *-(a)le — отыменный, отглагольный или отадъективный суффикс.

7) *-(a)ne — данный суффикс можно сравнить с провосточнокавказским суффиксом *-(V)nV — широко распространенным суффиксом отглагольных имен.

8) *-are — суффикс nomina instrumenti и отглагольных имен.

9) *-(i)be — в хурритском и урартском языках данный суффикс утратил продуктивность и превратился в редкий словообразовательный суффикс.

И. М. Дьяконов и С. А. Старостин так же называют морфемы, представленные в разных позициях в хуррито-урартской именной словоформе:

1) Нулевая позиция в хурритском, урартском и во всех восточнокавказских языках корнем вместе со словообразовательными суффиксами.

2) Позиция 1 в хуррито-урартской парадигме занята суффиксальными местоименными морфемами, отсутствующими в восточнокавказских языках, или артиклем *-n-. В восточнокавказских языках существует противопоставление "прямой" и "косвенной" основ существительного. Обычно прямая основа ис-

пользуется в абсолютном падеже, а косвенная — в остальных падежах.

3) Позиция 2 как в восточнокавказских, так и в хурритском и урартском языках занята показателями множественного числа.

4) Позиция 3 в хуррито-урартских и восточнокавказских языках занята падежными суффиксами.

Глагольная структура очень сложна как в хуррито-урартских, так и в современных восточнокавказских языках и обнаруживает чрезвычайное сходство.

1) Финитные глагольные формы. Структура хуррито-урартской финитной глагольной словоформы включает в себе одиннадцать позиций. Десятая и одиннадцатая позиции заняты показателями личного согласования и являются вторичными, но для пяти из оставшихся девяти позиций находятся точные параллели в восточнокавказских языках, как в том, что касается порядка позиций, так и в том, что касается занимающих их морфем.

2) Отрицание. Кроме морфем *-wa- и *-k-, включавшихся в структуру глагольной словоформы, в хуррито-урартских языках существовали и другие средства отрицания. Одна из них, а именно негативная частица *uja, по-видимому, общевосточнокавказская, но ее исходную форму трудно восстановить.

3) Глагольное имя. Из соответствий в этой области нужно особо указать на хуррито-урартский деепричастный и нареченный суффикс *-si. Как в хуррито-урартских, так и в восточнокавказских языках указанный суффикс весьма распространен и полифункционален. Нужно отметить так же хурритский суффикс -umme, служащий для обозначения имен действия и инфинитивов. Его можно сопоставить с пронахским суффиксом имен действия *-m.

Таким образом, на основании вышеприведенных примеров, близкое родство хуррито-урартских и восточнокавказских языков можно считать установленным — хуррито-урартские языки являются одной из групп восточнокавказских языков. Реальное расхождение этих языков, по мнению разных ученых, произошло в период с IV по III тыс. до н. э.

Еще одним косвенным доказательством принадлежности хуррито-урартских языков к восточнокавказским, является отсутствие в них специальных контактов с абхазо-адыгскими языками — другой группой кавказских языков. Конечно, есть значительное количество лексем, общих для хуррито-урартских и абхазо-адыгских языков, но в громадном большинстве случаев это независимые рефлексы просеверокавказских корней, представленных так же в других восточнокавказских языках. Некоторое количество корней, представленных только в хуррито-урартских и абхазо-адыгских языках, являются скорее всего заимствованиями из гораздо менее изученного хаттского языка, прямо родственного абхазо-адыгским.

Политическая история

Древнейшие известные культуры на территории расселения хурритов — это неолитические культуры Кала ат-Ярмо, Хассуны, Тель-Халафа и Самарры. Две последние культуры в общих чертах однотипны, да и территории их распространения в значительной степени перекрывают друг друга. Для этих культур, датируемых началом IV тыс. до н. э., характерны каменные орудия, прекрасная расписная керамика, глинобитные жилища, частично коллективные, со значительным применением камня, например, при закладке фундаментов. К концу периода появилась металлообработка и получили распространение частнособственнические печати. Основное занятие населения — мотыжное земледелие в руслах рек и ручьев. Общий уровень земледелия той эпохи выше, чем в Шумере.

На смену культурам Самарры и Тель-Халафы пришли местные разновидности позднеобейдской, урукской и джемшеднасрской культур. Культурное преобладание юга постепенно приобретает все большую очевидность. С середины III тыс. до н. э. в зоне расселения хурритов появились бесспорные очаги шумерской культуры. Возникают и первые "номовые" государственные объединения, о которых имеются, по большей части, только косвенные и весьма смутные данные. Это государства Мари, Ямхад, Навар, Ашшур, Гасур, Кимаш и другие *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 28—29)*. О государстве Мари мы знаем из шумерского "Царского списка", что его правители приблизительно в XXVI в. до н. э. выступали в качестве одного из гегемонов северной части Шумера и были некоторое время реальными претендентами на общешумерскую гегемонию. Это обстоятельство служит доказательством не только родственного происхождения шумеров и хурритов, но говорит и о взаимном тяготении к единому государственному образованию на ранних этапах существования шумерских и хурритских городов-государств. На более поздних этапах

истории такое взаимное тяготение было прервано возникновением между основной частью шумерских государств юга Месопотамии и хурритскими государствами ее северной части семитских государств, например Аккада.

Во второй половине III тыс. до н. э. часть хурритских территорий, а именно северная Месопотамия, оказалась включенной в состав Аккадского царства. Интересно, что в надписях царей "аккадской" династии, обнаруженных в районе Майафаркина (к северу от истоков Тигра) и Ниневии, а так же документах архива царского хозяйства в Гасуре (близ современного Киркука) наряду с аккадскими встречаются и шумерские имена собственные *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 31)*, что говорит не только об устойчивых экономических и культурных контактах, но и о миграции населения из шумерского юга на еще преимущественно хурритский север.

Сохранившаяся фрагментарно надпись аккадского царя Нарам-Суэна дает несколько топонимов в северной Месопотамии, а так же к востоку от Тигра с хурритскими словообразовательными элементами. В наименовании года, относящегося к правлению указанного царя, упомянуты Субир, город Азухиннум на Нижнем Забе и некий Тахишатили, по всей видимости, правитель или военноначальник. Аккадская хроника о всеобщем восстании против Нарам-Суэна упоминает так же царя страны Симуррум с хурритским именем Путтим-аталь. Таким образом, аккадские источники уже твердо фиксируют наличие хурритских городов-государств на севере и северо-востоке Месопотамии.

В религиозном центре Шумера, — Ниппуре, обнаружена надпись аккадского периода со списком одежд, переданных человеку с хурритским именем Шехрин-эври. Хурриты фиксируются в Шумере и после эпохи Аккадского царства — при правителях третьей династии Ура. Появление хурритов в шумерских областях некоторые ученые пытаются объяснить притоком рабов в результате завоеваний в хурритских территориях. Однако этому утверждению противоречит, например, зафиксированный в документах случай с хурритом по имени Унап-шен, сын которого достиг социально престижного положения писца в Шумере *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 35)*. Как мы знаем, получить образование в Шумере мог только сын состоятельных и свободных родителей. К тому же шумерское слово ta/ibira — "работающий по меди" имеет явно хурритское происхождение. Все это, хотя и не прямо, указывает на совершенно иной характер появления хурритов в Шумере, а именно на миграцию.

На западе в районе Хабура, близ современной турецко-сирийской границы, фиксируется небольшое хурритское государство во главе с Атель-шеном (или Ари-шеном), царем

Уркеша и Навара. Сохранилась надпись этого царя, свидетельствующая о закладке храма бога Не ригала. Позже этот бог займет важное место в вави лонском пантеоне. Из более поздних источников известно, что город Уркеш был культовым центром бога Кумарби, одного из центральных персонажей хурритской мифологии.

Хеттские источники первой половины II тыс. до н. э. так же упоминают хурритские политические объединения в долине Хабура (Тель-Халаф и другие), а на территории к западу от Евфрата появляется ряд городов, которыми правят хурритские по происхождению цари: в Хуссаве правит Анишхурби, в Уршу (на севере Сирии) — Шеннам, в Ма'ме (к юго-востоку от Канеша) — Анум-Хирве *(Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 10; Гиоргадзе Г. Г. Хетты и хурриты по древнехеттским текстам // Вестник древней истории. Вып 1. М., 1969. С. 72, 76 — 77)*. Хотя нет точных сведений о этническом составе населения указанных городов, можно предположить наличие там серьезного хурритского элемента в указанную эпоху. К тому же, например, все боги Хассуве были хурритскими, что так же говорит о наличии хурритского населения..

Таким образом, первоначально хурритские государства занимали обширную территорию — от Хабуру на западе до реки Дияла на востоке, включая северную Ассирию. Северная граница распространения хурритских государств не определена. Во всяком случае, они захватили районы к югу от озера Ван, где и спустя полторы тысячи лет говорили по хурритски *(См., также: Аветисян Г. М., Хурриты на рубеже Малой Азии до установления могущества Митанни // Древний Восток. Вып 3. Ереван., 1978. С. 5 — 24)*.

Упомянутый Аталь-шан называет себя сыном некоего Шатар-мата, других сведений о котором нет. Правление Аталь-шана точной датировке не поддается, но, вероятнее всего, он правил в конце так называемого "периода кутиев" (около 2090 — 204 гг. до н. э.) или в первые десятилетия периода III

Схематическая карта "стран Наири" и прилегающих областей по ассирийским источникам IX-VII вв. до н.э. (карта)

династии Ура (2047 — 1940 гг. до н. э.) *(Вильхельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 33).*

Другой хурритский царь кутийского периода известен по хетто-хурритскому ритуалу из Хаттусы, сохраненному на протяжении многих веков традицией, заслуживающей доверия. Его имя Киклиталь, а его город Тукриш, расположенный где-то восточнее Месопотамии, часто упоминается в старовавилонских источниках.

В эпоху третьей династии Ура значительная часть северной Месопотамии вошла в состав последнего шумерского государства. Известно, что прави-

тели третьей династии Ура вели войны с племенами и государственными образованиями, расположенными восточнее Тигра (Симуррум, Урбиллум, Луллубум и другие). Во время правления Шу-Суэна (1972 — 1964 гг. до н. э.) Ур под натиском амореев переходит к стратегической обороне собственной территории. А при следующем правителе Ура — Ибби-Суэне, один из царей Уркеша, Тиш-аталь, вновь продвинул границы своего царства на восток. В одном из документов Тиш-аталь именуется "человеком из Нинуа (Ниневии)", откуда следует, что он владел северной частью Ассирии, включавшей культовый город хурритской богини Шавушки. Известно так же, что в 1970 г. до н. э. Тиш-аталь со свитой более ста человек нанес "визит вежливости" дяде и полководцу царя Ура.

В своих надписях Тиш-аталь именует себя титулом "эндан Уркеша". Окончание -dan часто встречается в хурритских наименованиях профессий, а основа en-, скорее всего, восходит к шумерскому обозначению правителя "энси". Правда, не исключено, что en- в данном случае может оказаться хурритским eni — "бог". Если последнее предположение верно, то Тиш-амаль таким образом пытался подчеркнуть божественность происхождения своего рода *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 35 — 36)*.

Крушение III династии Ура привело к усилению позиций небольших государств, состоящих из городского центра и прилегающей к ним территории. Об их истории почти ничего не известно из-за недостатка письменных источников.

Начиная со II тыс. до н. э. в северную Месопотамию, вслед за Сирией, начинается проникновение западносемитских племен — амореев. Натиск амореев приводит к власти в Мари, Ямхаде (район современного Халеба и излучины Евфрата) и Ашшуре так называемые "аморейские" династии. В населении этих областей постепенно начинает преобладать семитский элемент. После периода войн между Мари и Ашшуром за овладение важнейшими торговыми путями, в XVIII в. до н. э. большая часть северной Месопотамии оказывается включенной в состав Вавилонского царства Хаммурапи. Однако изучение архива царской резиденции в Мари (среднее течение Евфрата) позволяет идентифицировать целый ряд хурритских государств, охватывавших территорию от северной Сирии через северную оконечность Месопотамии до районов восточнее Тигра и гор Загроса включительно.

Во второй половине XVIII в. до н. э. Шамши-Ад ду, представителю династии, владевшей городо Терке на среднем Евфрате, удалось, вероятно пр активной вавилонской поддержке, овладеть Асси рией. В конце концов он добился контроля над об ширной территорией от Евфрата на западе и юге Загросскими горами на востоке. Владения Шамши Адада делились на три области: область верхне Хабура и его притоков с главным городом Шуба Энлилем, где обычно пребывал сам верховный пр витель; Ассирия, управлявшаяся наследником пр стола; область среднего Евфрата вокруг Мари, по управлением младшего принца. Однако держав Шамши-Адада оказалась недолговечной. После ег смерти наследник престола Ишме-Даган сумел удер жать власть только в Ассирии. Мари возвратилось представителю прежней династии Зимрилиму, а се верная Месопотамия распалась на ряд мелких госу дарств *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М 1992. С. 40 — 41)*.

В северной Сирии на ведущую роль в это врем выдвигается хурритское государство Халаб. Имен при поддержке Халаба произошла реставрация престоле Мари Зимрилиму, зятя правителя Халаба. борьбе за преобладание на севере Сирии хурри рано (в XVII в. до н. э.) столкнулись с Хеттски царством, а впоследствии так же с Ассирией. Страт гическое значение этого района для великих держа древности определялось не только прохождение здесь торговых путей, но и наличием залежей метал лов, в том числе железа.

После падения царства Хаммурапи и ряда новы этнических передвижений в северных областях Ме сопотамии сложилось новое государственное обра зование хурритов — Митаннийское царство (XVI — XIV вв. до н. э.). Обстоятельства возникновения этого государства неясны. Можно, однако, обнару жить взаимосвязь между ожесточенной борьбой древнехеттского царства против хурритов и возник новением Митанни (первоначально Маиттани).

После установления господства хеттов над Ана толийским плоскогорьем и Киликийской равниной их экспансия направляется на города северной Си рии, разбогатевшие благодаря развитию сельского хозяйства и транзитной торговле. Первое столкнове ние хурритов с хеттами засвидетельствовано билин гвой (дву-язычным текстом) хеттского царя Хаттуси ли I (конец XVII в. до н. э.), который с момента своего вступления на престол стремился к завоеванию тер-

ритории северной Сирии. В первом году своего царствования Хаттусили I захватил области Шанахуиттий и Цалпу, а на следующий год вторгся в страну Мукиш (Алалах) в нижнем течение реки Оронт *(Гиоргадзе Г. Г. Борьба хеттов за Северную Сирию в период древнего царства // Вестник древней истории. № 1. 1964. С. 12.)*. Разрушив его, армия хеттов приступила к осаде другого северосирийского города Уршу. Однако при помощи коалиции хурритских государств Уршу выдержал осаду.

Сам Хаттусили I в своей надписи называет причину неудачи под Уршем:

"Однако позади меня враг Хурри в страну пришел и против меня все страны стали враждовать, и лишь один город Хаттуса, единственный город, остался (верным мне)". Интересно, что в аккадской части надписи употреблен термин "Ханигальбат": "Однако позади меня враг Ханигальбат в мою страну вошел..." *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 13)*. Но в аккадских текстах указанный термин применялся исключительно по отношению к государству Митанни. Тождественность Ханигальбата и Митанни видна из писем царя Митанни Тушратты к египетскому фараону, из текста "договора Мурсили II и Талми-Шаррумы, царя Халеба" и ряда других текстов. Это позволяет сделать вывод о том, что Митанни, первоначально как довольно рыхлое объединение ряда хурритских государств, существовало уже в XVII в. до н. э. *(Аветисян Г. М., Государство Митанни и Армянское нагорье. Ереван., 1978. С. 7)*.

В последующие годы Хаттусили I занят восстановлением своей власти на юго-западе и юго-востоке своего царства. Только после этого возобновляется хеттское наступление на города северной Сирии. На этот раз главным объектом атаки стал город Хассува (Хашша), пользовавшийся поддержкой других северосирийских городов, в частности Халаба. В своей надписи Хаттусили I сообщает:

"На город Хашшу я пошел. Перед ним они встали и войско Халаба с ними (было). На горе Адалур я победил их...Хашшу, подобно льву, рукой своей рассыпал и прах сверху на ее месте насыпал, а его имуществом город Хатти наполнил. Его серебро и золото не имели начала и конца" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 22)*.

Однако ситуация оставалась сложной для хеттов. Их "Дворцовая хроника" сообщает, что оставленный наместником в Хашшу правитель Хурмы "испугался хурритов", за что и был наказан *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 51)*. Для установления своего господства над северной Сирией хеттам необходимо было завоевать Халаб. Хеттам Халаб представлялся столицей "великого царства" и овладение им рассматривалось как исполнение божественного предначертания. Только к концу своего правления Хаттусили I приступил к завоеванию Халаба и, по всей видимости, эта попытка стоила ему жизни. Во всяком случае, своему преемнику Мурсили I он завещает завершить завоевание этого города. Последнему удалось захватить не только Халаб, но и Вавилон. Из этих городов Мурсили I вывез статуи главных богов: из Халаба — бога Ташшуба, из Вавилона — бога Мардука.

Завоевание Халаба поставило в трудное положение хурритские государства, расположенные восточнее Евфрата. Известно, что они были союзниками Халаба еще во времена Хаттусили I. Об этом союзе упоминает один из царей Халаба — Идри-Ми, живший в первой половине XV в. до н. э. В тексте Мурсили I сказано, что он одержал победу над хурритами. Однако, успех хеттского царя в борьбе против хурритов, скорее всего, ограничился разорением северосирийских городов. Даже если ему удалось нанести какое-то поражение союзникам Халаба, то как показывают дальнейшие события, не может быть и речи о достижении длительного господства над ними.

По возвращении из вавилонского похода Мурсили I погиб в результате дворцового заговора, во главе которого стоял муж его сестры Хантили. Глава заговорщиков и стал новым царем. Однако вместо новых завоеваний хеттскому царю приходится с большим напряжением сил защищать свою страну от вторжения хурритов. Дошедшие до нас фрагменты хеттских надписей сообщают: "Хурриты, мчащиеся галопом, кричали они ... враг в страну Хатти пришел" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 31)*. На этот раз хурриты добились больших успехов, — им удалось даже захватить хеттскую царицу с сыновьями. Хурриты вывезли их из страны в город Сукцию, где она то ли умерла, то ли была казнена *(Аветисян Г. М. Государство Митанни и Армянское нагорье. Ереван., 1978. С. 9)*.

Действия хурритов помешали хеттским царям воспользоваться победами Мурсили I и установить долговременный контроль над северной Сирией и верхним течением Евфрата. В последующие десятилетия хеттское царство раздирали распри из-за престола, сковавшие его внешнеполитическую активность. Халаб вернул себе независимость. Обрела свободу и страна Киццуватна, включавшая территорию античной Киликии и простиравшаяся вдоль рек Джейхана и Сейхана (греч. Пирамос и Сарос) до Каппадокии. Религиозным центром Киццуватны был город Куманне, который даже в римское время над названием Команы Каппадокийской славился своими культами и количеством жрецов.

К периоду ослабления древнехеттского государства относятся первые прямые письменные упоминания царства Митанни. Примерно в 1497 — 1482 гг. до н. э. фараон Тутмос I завоевал Палестину. Во время дальнейших походов он столкнулся с новым противником, обитавшим в стране, которую египтяне в дальнейшем часто именовали семитским словом Нахрина — "Речная страна", т. е. страна в излучине Евфрата. Происхождение термина Митанни (Маитани) до сих пор неясно. Его основа известна как личное имя Маитта, на основе чего высказывалось предположение, что название страны восходит к имени некогда существовавшего царя, основателя государства. Однако уже первое использование термина "Митанни" в надписях Тутмоса I говорит об употреблении его для обозначения именно государства, а не этноса или социальной группы.

Долгое время не было удовлетворительного объяснения наличию в Митанни заметного индоарийского элемента. Некоторые цари господствовавшей в Митанни династии носят имена индоевропейского происхождения — индийской языковой подгруппы. Имена индоевропейского происхождения носили и некоторые правители других государств Передней Азии. Несколько слов индийского происхождения встречаются в трактате о конских ристаниях, написанном митаннийцем Киккули, и найденном в хеттском государственном архиве. Индийские божества (Индра, Варуна, Насатья) упоминаются и в договоре митаннийского царя Шаттиназза с хеттским правителем Суппилулиумой I.

Возникшая было теория о Митанни как индоарийском государстве была быстро опровергнута — было доказано, что арийские глоссы в тексте Киккули являются не свидетельствами живого индоиранского языка, а лишь окаменелостями, которые хурритские писцы, не знавшие этого языка, передавали чисто механически. Имена индоиранских божеств так же дошли в хурризованном облике, а сам Шаттиназза носил лишь тронное имя с предположительно индоиранской этимологией, а личное имя имел хурритское (Кили-Тешшуб) *(Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории. № 4. 1970. С. 41).*

И. М. Дьяконов по этому поводу писал: "На равнины Передней и Малой Азии коневодство и легкая колесница стали распространяться не позже конца III тыс. до н. э. именно с гор Армении и Ирана; в Иране же с колесничным коневодством должны были познакомиться и арии, просачивавшиеся с начала II тыс. до н. э. из восточноевропейских и среднеазиатских степей; при этом именно в приурмийском районе мог и должен был состояться где-то в первой — второй четверти II тыс. до н. э. митаннийско-индоиранский контакт" *(Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории. № 4. 1970. С. 61 — 62).* Здесь требуется пояснение, что арии познакомились в Иране не с коневодством вообще (коневодство было известно индоевропейцам на много столетий раньше), а конкретно с коневодством, предназначенным для легких переднеазиатских колесниц.

Как бы то ни было, речь не может идти о вторжении и завоеваниях неизвестных нам индоиранских кочевников в землях хурритов. Мощные волны ираноязычных кочевников — киммерийцев и скифов хлынут в этот район много позже. Но мирное проникновение ираноязычного элемента вполне возможно. Известно, что отряды скифов и киммерийцев в более поздние времена активно привлекались древневосточными царями на военную службу в качестве наемников. Часто за службу им выделялась территория для поселения. Можно предположить, что появление первых ираноязычных кочевников на территории хурритов связано именно с практикой привлечения их на военную службу. Став главной военной опорой неизвестного нам правителя, индоиранская военная верхушка слилась с хурритской знатью. Пришельцы быстро ассимилировались в хурритской среде, оставив индоиранский элемент в хурритском языке.

Первый известный царь Митанни — Шуттарна I (конец XVI в. до н. э.). Его имя упоминается в документах из Алалаха: "Шуттарна сын Кирты царь Маиттани". После Шуттарны правил Параттарна. На-

сколько можно судить по сохранившимся источникам, политическая ситуация этого периода нестабильна. Халаб в период правления царей Шарра-Эля, Аббa-Эля и Илимилиммы не только вернул независимость, но и подчинил себе ряд мелких государств на западе: Нию, Ама'у и Алалах (Мукиш), простиравшиеся до самого побережья Средиземного моря. Мощное восстание, возможно поддержанное царем Митанни, вынудило Индри-Ми, сына Илимилиммы, бежать в Эмар, город на берегу Евфрата. Здесь он прожил семь лет в качестве изгнанника. Тем временем Параттарна подчинил Халаб и тем самым расширил границы Митанни до Средиземного моря. В конце концов Индри-Ми, после долгих переговоров, удалось примириться с царем Митанни и при его поддержке получить трон царя Алалаха.

Индрими в качестве зависимого от Митанни царя владел помимо Алалаха областями Ния и Ама'у и, вероятно, должен был выплачивать дань. Что касается непосредственно Халаба, то он оставался в подчинении Параттарны. Известно, что Индри-Ми совершил успешный поход против Кицуватны и навязал ее царю Пилии выгодный для себя мирный договор. В тексте договора содержатся клятвы Индри-Ми в верности царю Митанни, что говорит о его подчиненном положении.

Наибольшего могущества Митанни, по всей видимости, достигло при царе Сауссадаттаре, сыне Парсадаттара (сер. XV в. до н. э.). Сохранился текст письма Сауссадаттара к Итхи-Тешшубу, царю Аррапхи. Это письмо дает право утверждать, что к этому времени Аррапха находилась под митаннийским влиянием *(Аветисян Г. М. Государство Митанни и Армянское нагорье. Ереван., 1978. С. 12)*. Из других документов видно, что и Кицуватна долгое время находилась в зависимости от Митанни. В тексте договора, заключенного между царем Алалаха Никмепой, вторым сыном Индри-Ми, и царем Туниба Ир-Тешшубом, Никмепа называет себя вассалом "царя воинов Хурри". А в договоре митаннийского царя Шаттиваззы с Суппилулиумой I говорится о добыче, захваченной Сауссадаттаром в Ашшуре. Ашшур в то время управлялся советом старейшин и малосостоятельным правителем. Там же были обнаружены стелы митаннийских послов — "сукаллу", наряду со стелами ежегодно сменявшихся глав совета старейшин. Это позволяет утверждать, что митаннийский посол в Ашшуре принимал непосредственное участие в управлении городом. Стела № 63 подтверждает, что под митаннийским влиянием в это время находится и Ниневия. Сам Ашшур, хотя в середине XIV в. до н. э. полуофициально уже называется Ассирией, продолжал быть только городом-государством, выплачивающим дань Митанни *(Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 41)*.

После падения древнехеттского царства влияние Митанни расширяется далеко на север и северо-запад. Документы говорят о присоединении городов-государств Гурталисса, Араванна, Зазса (или Заззиса), Каламасма, Тимна, Халива, Карна, Турмитта, Алха, Хурма, Тегарама, Ардамана и других. В анналах ассирийского царя Тиглатпаласара I Милидия считается "Ханигальбатской", т. е. митаннийской. А в одной из стел Ашшура правитель страны Кадмухи, расположенной между Тигром и горами Кашнари, упоминается в качестве: "... великого посла царя Ханигальбата".

Известно, что при нападении хеттского царя Суппилулиумы I на Исуву исувийцы бежали в Митанни, а митаннийский царь Тушратта не только принял их, но и выступив во главе своего войска, отвоевал Исуву у хеттов. Кроме этого, документы о переговорах Суппилулиумы I с митаннийским царем Шаттаваззой и Сунассурой II, царем Кицуватны, говорят о зависимости Исува и соседнего с ним мелкого государства Алзи от Митанни.

Таким образом, можно считать, что пик могущества Митанни пришелся на период "азиатских" походов XVIII династии египетских фараонов. Влиянию Митанни была подчинена обширная территория от верхнего Евфрата, Киликии, северной Сирии до Ашшура, Ниневии, Аррапхи, Кадмухи, Исувы и Алзи. Это дает основание заключить, что Митанни в тот период играет главную, после Египта, роль в политической жизни Передней Азии. Именно длительные войны с Египтом, в конечном итоге, подорвали мощь Митаннийского царства *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э.) Ереван., 1984. С. 43)*.

Начиная с Тутмоса I египетские фараоны предпринимали завоевательные походы в Палестину и Сирию, где постоянно встречали сопротивление митаннийской армии. В 1458 г. до н. э. Тутмос III при Мегиддо нанес поражение войскам коалиции сирийских городов-государств во главе с царем Кадеша. Сирийская коалиция пользовалась поддержкой Митанни. Из более поздних документов видно, что в

средней и южной Сирии имелась хурритоязычная этническая группа, включавшая прежде всего господствующий слой. Естественно, что этнической и культурной близости соответствовала так же близость политическая. После битвы под Мегиддо правитель Ашшура несколько раз посылает фараону ценные подарки, а некоторое время спустя Ашшурнадинаххе I удостоился ответного подарка.

После падения Кадеша дальнейшие действия Тутмоса III направлены непосредственно против западноевфратских областей Митанни. В 1447 г. до н. э. египетская армия дошла до района Каркемиша и даже перешла Евфрат. Подобно Ассирии, хеттский царь Тутхалия I или Тутхалия II обратился к фараону с подарками и предложением вступить в союз. Вероятно, при поддержке Египта хеттам удалось вновь завоевать Халаб.

Несмотря на военные успехи, Тутмосу III не удалось превратить хотя бы южную Сирию в устойчивую часть своей империи. В 1438 г. до н. э. его последний поход направлен против восставших при поддержке Митанни сирийских городов Тунип и Кадеш.

Только в конце XV в. до н. э. при митаннийском царе Артадаме I происходит сближение Египта и Митанни, закрепленное женитьбой фараона Тутмоса IV на митаннийской царевне. В письме царя Митанни Тушратты фараону Аменхотепу IV говорится: "Когда отец Ниммурии (Ниммурия или Нибмуария — это личное имя Аменхотепа III, его отцом был Тутмос IV) написал моему деду Артадаме, и попросил руки его дочери ... писал пять раз, шесть раз, но он ее не дал ему. Когда седьмой раз он написал, и тогда он еле-еле дал ее ему" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 44).*

Результатом египто-митаннийского сближения стало разграничение сфер влияния в Сирии: северная часть отошла к Митанни, а южная — к Египту. Заключение мира между Митанни и Египтом обычно ставится в связь с возникшей хеттской угрозой интересам обоих государств. Однако достоверных сведений о наличии такой опасности нет. Вряд ли в первые два десятилетия XIV в. до н. э. хетты представляли реальную угрозу для Митанни, а тем более для Египта, основные жизненные центры которого находились далеко на юге. Скорее всего, прекращение египто-митаннийского противостояния в Сирии связано с внутренними трудностями обоих государств, пр пятствовавшими продолжению политики экспанси

Во всяком случае, первоначальные успехи хетт в Сирии (захват Халаба), одержанные ими, скор всего, при поддержке Египта, вскоре сменились не дачами. По сообщениям Суппилулиумы I: "Во вре отца страны Хатти (т. е. во время Тудхалии III — от Суппилулиумы) восстала страна Исува... Люди гор да Курталисса, люди города Араванна, страна Заз (Заззиса), страна Каласма, страна Тимиа (Тиммин горная страна Халива, горная страна Карна, лю города Турмитта, страна Алха, страна Хурма, горн страна Харана, половина страны Тегарама, люди г рода Тебурзия, люди города Хазга и люди стра Ардамана восстали против Хатти во время мое отца" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митан ни (Военно-политическая история в XVII — XIII до н. э). Ереван., 1984. С. 45 — 46).* Страна Ису которая в данном тексте является центром объеди ния против хеттского государства, поддерживала митаннийским царем Шуттарной II.

Северная Сирия (Халаб, Аштата, Нухашша) т же освободилась от хеттского господства и заключ ла союзный договор с правителем Митанни. В это время политические отношения между Митанни Египтом еще более укрепляются благодаря ново династическому союзу: фараон Аменхотеп III ж нился на Келу-Хепе, дочери митаннийского ца Шуттарны II. Это произошло на десятый год прав ния Аменхотепа III, т. е. в 1381 — 1380 г. до н. Дружеский характер отношений между правителя Египта и Митанни этого периода подтверждается таким эпизодом. Получив сообщение о болезни ф раона Шуттарна II послал ему целительное изобр жение богини Шавушки.

Преемником Шуттарны был его сын Арташум ра, который правил недолго. Вообще после смер Шуттарны положение в Митанни осложнилось, всей видимости, не без участия хеттского царя Су пилулиумы I. В качестве претендента на митанни ский престол выступает некий Ардатам II, заключ ший договор с хеттским царем, несомненно, что заручиться его поддержкой в борьбе за престол результате какой-то борьбы внутри митаннийск знати Арташумара был убит, а его убийца по име Утхи (или Пархи), скорее всего не принадлежавш к царской фамилии, посадил на престол в качест марионетки несовершеннолетнего Тушратту, мл шего сына Шуттарны. Дипломатические отношен

с Египтом во время регентства были прерваны и возобновились только после того, как Тушратте удалось расправиться с убийцей своего брата.

В своем первом письме Аменхотепу III Тушратта сообщает: "...А я однако же, из-за этих дел, недобрых, которые делались в моей стране, не был небрежен, и убийц его, Арташумары, брата моего, вместе со всем (имуществом) их я уничтожил.

Так как ты был хорош с моим отцом, то я послал тебе сказать, чтобы мой брат услышал об этом и обрадовался. ... вся Хатти подобно врагу, вторглась в мою страну. Тешшуб, владыка мой передал их в мои руки, и я разбил их. Никого не было среди них, кто бы возвратился в свою страну. Я послал тебе боевую колесницу, двух коней, мальчика и девочку их хеттской добычи, а в подарок для моего брата отправил пять колесниц (и) пять упряжных коней.

...В качестве послов я отправил Келию и Тунибири, да отпустит их мой брат поскорее, чтобы я скорее услышал привет моего брата и возрадовался. Пусть мой брат поддерживает дружбу со мной и направит ко мне своих послов, чтобы те принесли мне привет моего брата и (чтобы) я услышал" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 50 — 51).*

События времени правления Тушратты достаточно хорошо известны благодаря египетскому государственному архиву из Тель-Амарны в Среднем Египте и "Сообщению о деяниях хеттского царя Суппилулиумы". Трудности здесь заключаются в основном в относительном характере хронологии засвидетельствованных фактов.

С момента поражения хеттского царя в ходе ука-занного столкновения с Митанни, как Суппилулиума I, так и Тушратта, пытаются укрепить свои политические отношения с соседними государствами. Суппилулиуме I удалось сделать своим союзником Хукканну, царя области Хайасы, пытается он установить мирные отношения и с Египтом. Известно так же, что Суппилулиума I женился на дочери вавилонского царя Бурнабуриаша II, которая стала его главной женой.

Что касается Тушратты, то он стремился прежде всего войти в дружеские отношения с египетским фараоном. Переговоры завершились сватовством Аменхотепа III, который попросил руки Тату-Хепы, дочери митаннийского царя. Бракосочетание состоялось в 35-м или 36-м году правления Аменхотепа III, т. е. за три или два года до его смерти.

Из Тель-Амарнской переписки видно, что митаннийская царевна впоследствии стала считаться женой следующего фараона — Аменхотепа IV. Однако нужно учитывать, что при египетском дворе (впрочем, как и при большинстве царских дворов того времени) все жены фараона являлись фактически прислужницами главной жены — матери наследника. Новый фараон унаследовал весь придворный штат своего отца, включая и всех его жен, но из египетских источников известно, что единственной главной женой Аменхотепа IV (Эхнатона) была Нефрет (Нефертити). К тому же внутренняя напряженность в Египте, связанная с попытками Аменхотепа IV (Эхнатона) реформировать египетский культ богов, практически полностью свели на нет полезность Египта для Митанни в качестве союзника.

Сложившаяся ситуация позволила Суппилулиуме I активизировать свои действия против Митанни. Ему удается окончательно подчинить своему влиянию страну Исува, а так же восстановить свою власть в областях, восставших в свое время против его отца. Кроме того, он вывел Киццуватну из зоны влияния Митанни и навязал ей выгодный для себя договор. О вмешательстве Суппилулиума I в порядок престолонаследования в Митанни уже говорилось выше. Кроме того, он успел заручиться поддержкой Ассирии, которая в середине XIV в. до н. э. освободилась от митаннийского влияния. Ассирийский царь Ашшурубаллит претендует теперь на равный ранг с "ханигальбатским царем", как он именует своего бывшего властителя Тушратту в письме к египетскому фараону. Аменхотеп IV, учитывая внутреннюю нестабильность в своей стране, с одной стороны, и общее ослабление Митанни — с другой, согласился с провозглашением независимости Ассирии. В довершение всего и царь Вавилона поспешил воспользоваться ослаблением Митанни и предъявил претензии на верховную власть в ее восточных областях, включая Ассирию и Арапху.

Около 1340 г. до н. э. вавилоняне вторглись в Арапху. После битвы при пограничном городе Лубди они разорили территорию до реки Верхний Заб. Одновременно с ними в районы Митанни, находившиеся севернее, вторглись ассирийцы. Ассирия в это же время вступила в союз с расположенной в северной части Митанни страной Алше, направленный против Тушратты и связанный через претендовавшего на

престол Митанни Ардатамом II с хеттским царством на западе *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 67 — 68).*

Суппилулиума I со своим войском перешел Евфрат в верхнем его течении и завоевал территорию до границы с Алше, царю которого Антаратли он передал захваченный им город Кутмар. Далее, пройдя через территорию Митанни, хеттская армия повернула на запад, вновь перешла Евфрат и захватила все земли между излучиной Евфрата и Средиземным морем. После того как номинально принадлежавший Египту Кадеш оказал сопротивление, Суппилулиума I продолжил поход на Ливан и подчинил часть его городов своей власти. Таким образом, оказалась затронутой египетская сфера влияния, что стало причиной долгих хетто-египетских противоречий в Сирии. Урегулирование этих споров произойдет примерно сто лет спустя, после заключения договора между Рамзесом II и Хаттусили III.

Итоги похода Суппилулиумы I через территорию Митанни не совсем ясны. Сам хеттский царь сообщает: "С целью разрушения я дошел до Вашшукканни... Но Тушратта, царь, ушел от меня, он не пришел, чтобы вступить в бой" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 72).* Вашшукканни — столица Митанни, и надо, полагать, что хеттское войско направлялось к ней действительно "с целью разрушения". Однако взять город не удалось. Это тем более вероятно, что в случае захвата столицы своего основного противника, Суппилулиума I вряд ли ушел бы из страны, не довершив ее разгрома. Скорее всего, встретив упорное сопротивление и не сумев овладеть Вашшукканни, хетты направили основной удар против сирийских провинций Митанни.

Таким образом, Суппилулиума I подчинил своему влиянию территорию северной Сирии и верхнего Евфрата, однако ему не удалось победить своего главного соперника — Митаннийское царство. Поэтому на территории Сирии, надо думать не без поддержки Тушратты, вскоре начинается антихеттское восстание, в результате которого освободились Каркемиш, Мурмурига, Арция и ряд других городов.

На подавление восстания сирийских городов была отправлена хеттская армия во главе с Телепину, сыном царя и наследником престола. Он сумел отвоевать Арцию, Мурмуригу и окрестности Каркемиша, однако при осаде самого города встретил упорное сопротивление. Сам царевич вернулся в Хатти, оставив вместо себя военачальника Лупакки. Тем временем митаннийские войска в союзе с Такухли — правителем племени амумикуни вторглись в северную Сирию и осадили город Мурмаригу. Одновременно с юга в Сирию вступила египетская армия фараона Тутанхамона и захватила город Кинзу.

Последние события заставили Суппилулиуму выступить в поход со своими главными силами. По правом берегу верхнеевфратской долины в городе Талпа хеттский царь разделил войско на две части. Часть войск во главе с царевичем Арнуванду и во начальником Циту он направил против Митанни. оставшимися войсками Суппилулиума I двинулся южном направлении, в сторону Каркемиша, где у репились митаннийские войска. Осадив Каркеми часть хеттских войск двинулась против египетск армии в Амку. Здесь им удалось отбить у противни Амку и часть городов области Аддуми. Именно в э время происходит эпизод, описанный в "деяни Суппилулиумы — умирает фараон Египта Тутанх мон, и его вдова просит хеттского царя прислать одного из своих сыновей, чтобы он стал ее мужем царем. После колебаний и обмена посольствами Су пилулиума I направляет в Египет своего сына Ца нанца. Однако по пути в Египет принц погиб, скор всего, в результате заговора египетской знати. Пра да, есть предположения в пользу того, что с просьб прислать сына в качестве претендента на престол хеттскому царю обратилась вдова не Тутанхамона, Аменхотепа IV *(Вильхельм Т. Древний народ хурр ты. М., 1992. С. 69 — 70).*

Между тем хеттские войска взяли Каркемиш, о ладавший как важнейшая крепость на Евфрате, бол шим стратегическим значением. Царем этого горо Суппилулиума I оставил одного из своих сыновей Пияссили, который принимает хурритское тронн имя Шарри-Кушух. Известно так же, что почти в преемники Шарри-Кушуха так же имели хурритск имена. Это свидетельствует, что в Каркемише опр деляющими были хурритские традиции. Другой с хеттского царя — Телепин был посажен царем Халабе.

Именно в это время в Митанни произошел гос дарственный переворот, в результате которого б убит царь Тушратта. Источники сообщают об эт очень скупо: "В то время его сын вместе со свои служителями составил заговор и убил своего от Тушратту, царя. И когда царь Тушратта умер, Те

шуб решил дело Ардатамы (II), и своего сына, Ардатаму, мертвого, оживил (т.е. сделал царем). Но вся страна Митанни погибла. Ашшурцы и алшейцы между собой разделили ее" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 83).*

Указанный текст не совсем ясен. По всей видимости, страной Митанни с ее столицей овладел еще живой, но весьма престарелый претендент на престол Ардатама II. Его сын Шуттарна III был объявлен наследником престола и военачальником митаннийской армии. Сокровища дворца были отправлены в Ашшур, а большое число митаннийских воинов, сражавшихся на колесницах, было выдано Алше и Ашшуру, но их "...вернули, и он (Шуттарна III) казнил их у города Тайда". Один из митаннийских вельмож Аги-Тешшуб, бежал с 200 колесницами в сторону Вавилона. В конце концов Аги-Тешшуб и сопровождавшие его воины попали в руки касситов. Только царевичу Шаттиваззе удалось бежать с тремя колесницами и достичь Хатти. У реки Марассанта (Галис) он пал ниц перед Суппилулиумой I.

Интересны дальнейшие действия хеттского царя. В результате совместного выступления Ассирии, Вавилона, Хеттского царства и Алше Митанни оказалась фактически разделенной между союзниками. Формально ставший преемником царя и главным военачальником, а фактически правивший в Митанни, Шуттарна III был марионеткой в руках резко усилившейся Ассирии. Очевидно, чрезмерное усиление Ассирии, открыто претендовавшей на коренную территорию Митанни, не устраивало Суппилулиуму I. Поэтому хеттский царь сделал митаннийского царевича своим зятем, подчинил ему некоторые воинские отряды и обеспечил ему военную поддержку своего сына Шарри-Кушуха, правителя Каркемиша.

Из Каркемиша Шаттивазза выступил с войском против Шуттарна III, который обратился за помощью к ассирийскому царю Ашшурубаллиту I. Ассирийские войска выступили на север, однако в открытый бой против хеттской армии не вступили. Предоставленный сам себе Шуттарна III потерпел поражение под городом Ирриде. Шаттиваззе удалось захватить важнейшие города Митанни, включая столицу царства Вашшукканни. Насколько далеко простиралось вновь восстановленное Митаннийское царство на восток, неясно, но можно предположить, что большая часть восточных территорий отошла к Ассирии.

Шаттивазза заключил договор с Суппилулиумой I, в соответствии с которым он признавал верховную власть хеттского царя. Интересно, что Шаттивазза был объявлен наследником престола, т. е. Ардатама II (если он был жив) продолжал формально быть царем Митанни. В любом случае, этим договором узаконивалось правление Ардатама II, ставленника хеттского царя на престол Митанни, и верховная власть Суппилулиумы I над Митанни. Помимо всего прочего, договор позволял хеттскому царю претендовать на митаннийские территории, отошедшие к Ассирии.

Однако дальнейший ход событий не позволил хеттскому царю реализовать свои, по-видимому, далеко идущие планы. Неожиданно вспыхнувшая эпидемия, волнения в стране, смерть Суппилулиумы I, а затем и его наследника Арнуванда II — приостановили активную внешнюю политику Хатти.

Таким образом, Митанни с начала правления Шаттивазза оказалась на положении буферного государства между двумя более сильными соседями — Хеттским царством и Ассирией. Соперничество между последними часто выражалось в стремлении установить свой контроль над территориями Митанни. Поэтому, очевидно, внешняя политика последних митаннийских царей сводилась к постоянному лавированию между Хатти и Ассирией.

Как уже указывалось, центральная часть территории Ассирии, а именно города-государства Ашшур и Ниневия, долгое время входили в состав Митаннийского царства. Их объединение и образование единого государства произошло при правлении Ашшурубаллита I (1365 — 1330 гг. до н. э.). В составе широкой антимитаннийской коалиции первый правитель Ассирии захватил большую часть восточных территорий Митанни. О том, как развивалась ситуация при жизни нового митаннийского царя Шаттиваззы, почти ничего не известно. Надо думать, что положение Митанни постепенно упрочилось. Формальная зависимость Шаттивазы от Хатти какое-то время сдерживала агрессивность Ассирии. А постепенное ослабление Хеттского царства, скорее всего, позволили Шаттиваззе или его преемнику отказаться от хеттского покровительства. Во всяком случае, в одном из текстов первых лет правления нового хеттского царя Мурсили II (примерно 1325 г. до н. э.) говорится, что государство Митанни стала "непокорным, безбожным и клятвопреступным" *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 72).*

Преемникам Шаттиваззы пришлось столкнуться со всевозрастающей ассирийской угрозой. На протяжении трех длительных царствований: Ададнерари I (1295 — 1264 гг. до н. э.), Салманасара I (1263 — 1234 гг. до н. э.), Тукульти-Нинурты I (1233 — 1197 гг. до н. э.) — ассирийская внешняя политика направлена прежде всего на завоевание всей северной Месопотамии вплоть до Евфрата. Впрочем, эти ассирийские цари лишь продолжили дело, начатое Ашшурубалитом I. Ассирийские источники сообщают об успешном походе Ашшурубалита I, "...покорившего страну Муцру, разогнавшего войска обширной страны Шубари, расширившего границы и пределы" *(Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 265).*

Страна Муцру локализуется к северу от Ассирии, в верхнем течении Большого Заба. Под термином Шубари подразумевается скорее всего территория северной Месопотамии и часть Армянского нагорья, т. е. территории государства Митанни. Ассирийское название Митанни — Ханигальбат не было употреблено в данном случае, возможно, потому, что против ассирийской армии выступила коалиция Митанни и мелких царств этого региона. Трудно сказать, какие последствия для Митанни имел этот поход ассирийского царя, но можно утверждать, что в данном случае митаннийский царь действует как самостоятельный правитель.

Во время правления Ададнерари I ассирийский натиск на Митанни усиливается. В одной из надписей этого царя называется имя правителя Митанни этого периода — Шаттуары I. "Когда Шаттуара, царь страны Ханигальбат, восстал против меня и совершил враждебное действие против меня, [то] по приказанию Ашшура, моего господина и покровителя, и великих богов, советующих мне на пользу, я захватил его и привел его в свой город Ашшур. Я заставил его дать клятву, а затем позволил ему возвратиться в свою страну, ежегодно, пока он жив, регулярно я получал его дань в моем городе Ашшур" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 94).*

Сын и преемник Шаттуары I — Васашатта попытался освободиться от ассирийской зависимости, прибегнув к поддержке Хеттского царства. Во всяком случае, во время битвы между хеттами и египтянами под Кадешем (1275 г. до н. э.) митаннийский царь упомянут в списке союзников хеттского царя Хаттусили III. Однако когда ассирийский царь Ададнерари I вновь двинул армию против Митанни, Хаттусили III не пришел на помощь своему союзнику. Возможно, что ему помешала неурегулированность отношений с главным противником — Египтом.

О новом наступлении ассирийцев надпись Ададненарари I сообщает: "После него [Васа]-шатта, его сын, восстал, со мной стал враждовать и совершил враждебное действие против меня. Он пошел за помощью в страну Хатти. Хетты его взятку взяли, но помощь ему не оказали. Сильным оружием бога Ашшура, моего господина, с надеждой на богов Ану, Энлиля, Эа, Сина, Шамаша, Адада, Иштар и Нергала, самых сильных богов, грозных богов, моих господ, я победил (и) захватил Тайду, его большой царственный город, Амасаку, Кахат, Шури, Набулу, Хурру, Щудуху и Ушшукани. Я взял себе и доставил в мой город имущество этих городов, накопление его отцов и сокровища его дворца. Город [Тайда] завоевал, сжег и уничтожил и насыпал на него kudimmi (род соли или щелочи, изготовляемой из растений). Великие боги дали мне и я овладел, начиная от Тайды до городов Ирриде, Элухата и всех гор Кашиари вплоть до округа Суда, округа Харрана, до берега Евфрата, остаток людей я обло[жил] [данью]. Что касается его, то из города Ирриде я увел его царицу, его сыновей, его дочерей, его людей, их пленными и связанными, а так же имущество его я доставил в мой город Ашшур. Город Ирриде и города округа Ирриде я захватил, сжег и уничтожил" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 96 — 97).*

Из этого текста следует, что успех ассирийцев был значительным. Так же становится известно, что столица Митанни была перенесена в город Тайд, а прежняя столица - Вашшукканни именуется теперь Ушшукани. Сам Васашатта избегнул плена и, по всей видимости, сохранил контроль над значительной частью своей территории, скорее всего, над ее труднодоступной для ассирийцев частью. Но наиболее плодородные земли восточной части страны оказались включенными в ассирийское царство.

Успехи Ададнерари I активизировали хеттскую внешнюю политику в восточном направлении, тем более что последние захваты продвинули ассирийские территории в направлении к северной Сирии. Возможно, чрезмерное усиление Ассирии в тылу заставило Хаттусили III форсировать заключение мирного договора с Египтом ценой уступки значитель-

ной части Сирии. Попытки ассирийской дипломатии нейтрализовать хеттскую политику успеха не имели. Известно, что Хаттусили III заключил антиассирийский договор с царем области Мехри (локализуется у истоков восточного Хабура, между областями Кумани и Хабхи). В тексте договора говорится так же о двух уже совершенных походах против Ассирии: первый — хетто-мехрийский поход из Нехрии; второй — хеттский поход из города Аладарма, расположенного в области Исуве.

Преемник Васашатты Шаттуара II при поддержке хеттов и арамейских племен ахламу попытался воспрепятствовать дальнейшему продвижению Ассирии на свои земли. Сохранился фрагмент письма некоего митаннийского царя (вероятно, Шаттуары II) хеттскому царю. Признавая себя "сыном" царя Хатти, правитель Митанни одновременно сообщает о претензиях ассирийского царя:

"Солнцу, моему отцу, скажи, — говорит царь страны Ханигальбат, твой сын: Солнцу, моему отцу, большой привет! На Солнце, моего отца, я надеюсь ...теперь же царь Ассирии, враждебный мне, спросил, и даже как бы Тешшубом, моим господином сделался, — но Солнце, отец мой это знает" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э.) Ереван., 1984. С. 99 — 100).*

Из текстов ассирийского царя Салманасара I известно, что ему пришлось воевать против новой коалиции Митанни, хеттов и ахламу: "Когда по приказанию великих богов, благородной силой Ашшура, моего господина на страну Ханигальбат я пошел, то я раскрыл трудные пути [и] тяжелые перевалы. Шаттуара, царь страны Ханигальбат, вместе с войсками Хатти и ахламу окружил перевалы и мой водопой. При жажде и утомлении моего войска с множеством войск своих они грозно надвинулись. Но я ударил и совершил их разгром, учинил бесчисленное избиение их обширного войска. Его самого я преследовал его острием стрел до заката солнца, перебил их лучшие отряды. 14400 (оставшихся) среди них в живых я ослепил. Я разграбил девять его укрепленных mahri (и) его столицу захватил. И 180 его городов я насыпал холмами и развалинами. Войско хеттов и ахламу, его союзников, я поистине зарезал как ягнят. Тогда же от Тайды до Ирриде, область Кашиари, до Элухата, округ Суду, округ Харран, до Каркемиша на берегу Евфрата, — эти их города я захватил, их странами я овладел, и остаток их городов я поистине сжег огнем" *(цит. по: Аветисян Г. М. Государство Митанни (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э). Ереван., 1984. С. 101 — 102).*

Некоторые ученые полагают, что после этого разгрома прекращается самостоятельное существование Митанни. Ассирийские владения продвинулись вплотную к границам Хеттского царства. Однако, приведенный выше текст не может служить абсолютным доказательством того, что царство Митанни прекратило свое существование. Перечисление захваченных Салманасаром I митаннийских областей и городов выглядит заимствованием из текстов его отца. Тем более что надписи предыдущего царя обильно цитируются в надписях Салманасара I. Новый момент содержится в указании на трудности переходов через горные перевалы, т. е. ассирийские войска впервые продвинулись в глубь горной части Митанни. Очевидно, центр Митанни переместился в труднодоступные районы — на запад и северо-запад.

Преемник Салманасара I Тукульти-Нинурта I сообщает не только о восстаниях хурритов против его отца, но и о собственном походе против новой хурритской коалиции, в составе которой перечисляются, в частности, страны Алзе (Алше, Алзи), Амадану и Пурулумзи. Возможно, что название последней области происходит от хурритского слова purli, purul-le — "храм". Хурритским является и имя царя Алзе — Эхли-Тешшуба. Одержав победу и над этой коалицией, ассирийский царь переселяет значительную часть населения захваченных земель, чтобы таким образом подорвать волю хурритских государственных образований к сопротивлению.

Считается, что последние осколки митаннийской государственности были разрушены не столько усилиями ассирийцев, сколько последствиями начавшегося передвижения племен и народов. Под натиском фригийцев пришли в движение многочисленные племена каскоев и лувийцев, двинувшихся в сторону хурритских областей. Более поздние ассирийские источники, например, надписи царя Тиглатпаласара (1114 — 1076 гг. до н. э.), сообщают что он столкнулся в царствах Алзе и Пурулумзи с фригийским населением. В конце II тыс. до н. э. население Сирии и северной Месопотамии составляют уже почти исключительно семитские (арамейские) племена. В X — IX вв. до н. э. ассирийские источники термином Ханигальбат называют уже не Митанни, а союз северомесопотамских арамейских племен.

Как представляется автору, исследователи не обратили должного внимания на то обстоятельство, что уже при Салманасаре I жизненные центры Митанни переместились в более отдаленные от Ассирии районы. Напомним, что северные границы влияния Митанни так и остались неопределенными. Наверное, можно сказать только, что царство Митанни включало области, впоследствии составившие ядро государства Урарту. Давление Ассирии, а затем крупное передвижение соседних народов оттеснило основную часть хурритского населения именно в те районы, которые стали впоследствии очагом урартской государственности. Утверждения же некоторых исследователей, что хурритов и урартов связывает только общность языка при полном отсутствии культурной и государственной общности, кажутся несостоятельными. Последние небольшие государственные образования хурритов в горах Армянского Тавра и верховьях Евфрата с IX в. до н. э. включаются в состав нового государственного образования, созданного родственными им урартами — Урартского царства.

Об организации хурритского войска известно мало. Вряд ли система набора в войско и его организация у хурритов чем-то принципиально отличались от аналогичных систем соседних государств. Наряду с профессиональным войском — дружиной время от времени созывалось ополчение свободных общинников. Армия делилась на рода войск: пехота, кавалерия и колесницы. Обычное вооружение хурритских воинов составляли щиты, медные чешуйчатые панцири, лук со стрелами, длинные копья с листовидными наконечниками и короткие медные мечи.

Социальная структура общества, экономика

На всем известном нам протяжении истории хурритского общества для него, как и для шумерского, характерно наличие общин по типу т. н. "номов". Община играет большую роль, несмотря на появление у хурритов института царей в полном смысле этого слова. Как и в Шумере, хурритский правитель включал в царское хозяйство так же и земли, принадлежащие храмам, однако он не являлся верховным распорядителем всей земли. Значительная ее часть принадлежала общинам.

В целом мы сталкиваемся с устройством общества, где основные социальные слои примерно аналогичны шумерским. О государственном устройстве Митанни известно не много. Во главе государства стоял царь, носивший титул "великий царь". В связи с царем часто упоминаются "люди Хурри" или "сыновья Хурри". Вероятнее всего, это представители знати — старейшины. Роль их в управлении государством так же неясна. Точно известно только, что "сыновья Хурри" совместно с царем участвовали в заключении договоров с союзниками.

Царь выполнял одновременно законодательные, административные и судебные функции. Правитель в течение года постоянно переезжал из одного дворца в другой. Эти переезды были обусловлены нуждами именно судопроизводства и соблюдения культового календаря. В судопроизводстве царь был наивысшей судебной инстанцией и имел право пересмотра или утверждения решений местных судов. Царь мог назначить и сменить любое должностное лицо в государстве. В иерархии государственных чиновников наивысшее место занимали sakir mati и sukkallu. Круг обязанностей лиц, занимавших эти высшие должности в государстве, неясен. Видимо, в каждом конкретном случае царь сам определял круг обязанностей высших должностных лиц государства. Ниже рангом на государственной службе шли так называемые hal zuhli и hazannu. Об этих чиновниках известно только, что они непосредственно управляли крепостями и городами *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 83).*

Управляли цари хурритов посредством разного рода указов, обязательных для исполнения. Так, сохранился ряд указов правителя города Аррапхи. Один из них ограничивает размер выкупа за жителя города, попавшего в рабство на чужбину; другим указом запрещается передача повинностей жителями "царского города" другим лицам; персоналу дворцовых хозяйств запрещалось так же обращать своих дочерей в нищенок или проституток без специального на то царского разрешения. Сохранился указ, требующий от hazannu задерживать беглецов из Аррапхи, а так же проявлять бдительность в отношении шаек разбойников и вражеских лазутчиков *(См. также: Астахишвили Э. К. Самооборона в системе управления хурритского государства Аррапхи. Тбилиси., 1988).* Известно так же, что хурритские правители специальными указами вмешивались в экономические отношения между их подданными. Так, известны указы, отменявшие долги экономически наиболее слабых категорий населения.

Из числа лиц царской фамилии и аристократии образовался слой крупных землевладельцев. Как уже указывалось, почти не сохранилось данных о размерах земельных владений отдельных лиц в хурритских государствах. Только в одном случае удалось установить площадь имения неизвестного крупного землевладельца — она составила не менее 286 гектаров обрабатываемых земель *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М. 1992. С. 83)*. Таким образом, крупные землевладельцы из числа хурритской знати владели большими поместьями.

Сохранилось два значительных архива крупных землевладельческих хозяйств. Это архив некоего Техип-Тилла, который, вероятно, был свояком царя и занимал высокую должность при дворце. Второй архив относится к дворцовому хозяйству принца Шильвы-Тешшуба. Хозяйство принца велось совершенно независимо от царского дворцового хозяйства. Но получено оно было в качестве наследства от царя-отца, а штат рабов в основном состоял из рабов, подаренных царем же.

К высшим слоям хурритского общества относилась категория лиц, обозначаемая в хурритских источниках термином marijanni-na. Лица этой категории являлись владельцами земельных участков, которые обрабатывались в составе большой или малой семьи, часто с привлечением одного или нескольких рабов. Основной обязанностью marijanni-na была военная служба. По требованию царя они обязаны были выступить на боевой колеснице с собственным оружием. Постепенно и в этой социальной группе происходило имущественное расслоение. Часть marijanni-na вошли в число крупных землевладельцев, другие же, наоборот, постепенно разорялись.

Между знатью на вершине социальной пирамиды и бесправными рабами в самом ее низу — наличествуют социальные слои лично свободных общинников. Земельная собственность этой категории населения восходит к земельным наделам, связанным с уплатой повинностей ilku. Эти наделы не могли по закону продаваться, а переходили по наследству от отца к сыну. По принятому в хурритских государствах порядку наследования, старший сын обычно получал две доли наследственного участка земли, остальные сыновья — по одной доле. Эта практика приводила к дроблению участков и очень быстро подводила хозяйственные единицы к той грани, за которой утрачивалась экономическая целесообразность ведения хозяйства. Сокращение посевной площади, приходившейся на семью, ставило значительную часть свободных общинников в тяжелое экономическое положение.

Многочисленные договоры о займах говорят о глубокой имущественной дифференциации в хурритском обществе. Разоренные землевладельцы были вынуждены расставаться со своей самостоятельностью. Но так как наследственные наделы нельзя было продавать, договоры о фактической купле-продаже земли оформлялись в виде актов усыновления покупателя *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 31)*. Так, сохранились документы, по которым крупный замлевладелец Техип-Тилла получает право собственности на поле, которое в документах именуется его "наследственной долей". Продавец, именуемый в документах "приемным отцом", получает от "усыновленного" покупателя "подарок", составлявший от одного до трех урожаев с данного поля. Правда, вместе с землей к новому владельцу переходили и повинности ilku, и поэтому покупка земли в таких условиях имела смысл только в том случае, если покупатель получал долю урожая. В итоге возникали три степени собственности на поле. Право наследника третьей степени, приобретенное путем псевдоусыновления, кажется сомнительным.

Дальнейшее накопление земель в руках крупных землевладельцев велось еще одним способом, а именно за счет передачи земли, связанной с повинностью ilku, в качестве залога за пользование займом.

Наряду с собственно общинниками, владевшими землей в составе общин, имеются различные категории зависимых людей — клиентов царя, представителей знати, жречества и зажиточной части общинников. В сфере крупного землевладения использование зависимого труда, в том числе рабского, приобретает все более широкий характер. Однако область применения рабского труда ограничивается в основном домашними услугами и ремесленной деятельностью. В сельском хозяйстве рабский труд применялся только для пастьбы скота и при пахоте. Рабы были по большей части военнопленными, однако рабами становились и разорившиеся общинники, не способные выплатить долг. Из внешних источников пополнения рабов особо выделяется страна Лулу, расположенная в горах Загроса. С чем это связано, остается неясным. Ряды рабов пополнялись так же за счет их самовоспроизводства, так как дети

рабынь так же становились собственностью рабовладельца.

Фактически в состоянии, близком к положению рабов, были так называемые tidenni. Являясь формально лично свободными, они предоставляли свою рабочую силу в качестве платы за пользование займом. Фактически в данном случае мы имеем дело с замаскированной формой долгового рабства.

Основой экономики хурритских государств было сельское хозяйство, которое носило другой характер, чем в жарких областях южного Междуречья. Хурритские государства существуют в зоне, где ежегодный уровень осадков не опускался ниже 200 мм. На характерных для этих районов красноземных и лессовых почвах хорошо рос ячмень, и искусственное орошение играло здесь ограниченную роль. Его наличие способствовало более высоким урожаям, но не было непременным условием для их получения, как это имело место, например, в Шумере. Это не значит, что хурриты не применяли искусственного орошения. Ирригационные системы Митанни и других хурритских государств в техническом отношении стояли на том же уровне, что и в соседних областях Месопотамии и Сирии. Однако мы не находим здесь ирригационных сооружений, сопоставимых по своему размаху, со сложными ирригационными и мелиоративными системами Междуречья. Впрочем, хурриты жили в других условиях — отличных от условий среды обитания шумеров, и поэтому в строительстве крупных каналов, протяженностью в десятки километров, просто не было необходимости.

Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами были ячмень, эммер и пшеница, а так же просо. Широкое распространение получило овцеводство. Основным рабочим скотом были ослы и волы. Разводили хурриты так же коз и лошадей.

В хурритских государствах сельское население меньше зависело от надрегионального регулирования и разного рода согласований, чем это имело место в Шумере, с его сложными ирригационными системами. Тем не менее у хурритов влияние общины на жизнь сельского населения оказывается, пожалуй, даже сильнее, чем в шумерских областях. Хурритская община обозначалась термином "димту" — "башня" и состояла из больших патриархальных семей. Земля, принадлежащая общине, и наделы отдельных семей были, в принципе, отчуждаемы. При этом обычным способом отчуждения земли служило, как указывалось, фиктивное усыновление покупателя. Возможно, что это давало новому владельцу право не только на землю, но и на некоторую долю труда членов общины, так как все члены общины были связаны взаимопомощью *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический вестник. Вып. 1. М., 1958. С. 31)*. О тенденции к размыванию общины свидетельствуют и известные факты скупки земли, завещание ее какому-то одному наследнику в обход обычного порядка наследования имущества сыновьями по установленным долям. Имела место у хурритов и долговая кабала. Но при этом в хурритских государствах сильна тенденция обращаться с общиной как с целостной хозяйственной и общественной единицей. Поэтому здесь имеют место случаи дарения или обмена земли отдельных общин или больших патриархальных семей.

Тип экономики, сложившейся в Митанни и других хурритских государствах, носит название "дворцовой экономики", для которой характерна ведущая роль царского двора, "дворца", в хозяйственной жизни страны. Дворцу принадлежит монопольное право внешней торговли, дворец является центром разного рода ремесел, в первую очередь металлообработки. Дворец, как верховная государственная инстанция, контролирует сельскохозяйственное производство при помощи налоговой системы, раздачи земель, издания законов.

К сожалению, отсутствие данных не позволяет достаточно точно воссоздать картину распространения дворцовых хозяйств в хурритских государствах. В дошедших до нас текстах почти невозможно различить населенные пункты по размерам, наличию или отсутствию в них дворцовых хозяйств. Известно, что существовали города, например Аррапха и Нуза, с многочисленным населением, не занятым работой непосредственно в дворцовом хозяйстве. Но некоторые города, например Курруханни, на самом деле представляли собой сильно укрепленный дворцовый комплекс, все население которого непосредственно работало в царском хозяйстве. Но и в таких крупных городах, как Нуза, дворцовый комплекс занимает примерно половину городской территории.

Точно так же почти нет сведений о размерах земельных наделов, принадлежавших дворцам. Правда, во многих хозяйственных документах хурритских государств содержатся не только характеристики отдельных земельных участков с указанием владельцев, но и приводятся сведения о владельцах соседних

участков. Благодаря несложным подсчетам удалось установить, что количество частных участков соотносится с количеством участков, принадлежащих дворцу и "царице", как 30:1:1 *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 80).* Но эта пропорция ни в коей мере не отражает соотношение площади дворцовых и частных земель. Можно предположить, что наибольшее значение для дворца имели те населенные пункты, которые считались целиком принадлежащими дворцу.

Многочисленные свободные общинники были связаны повинностью, обозначавшейся в текстах термином ilru. Этот термин имеет старовавилонское происхождение и употребляется в аккадоязычных хурритских текстах. Значение этого термина даже для старовавилонского периода неясно. Скорее всего, повинность ilru распространялась на общинников, получивших земельные наделы от царя за службу без права его продажи. Владельцы таких участков обязаны были сдавать казне часть урожая и нести определенную государственную службу. В хурритских государствах, однако, существовала несколько иная ситуация. Между царем и свободными общинниками, несущими некую повинность, обозначаемую термином ilru, существует слой крупных землевладельцев. Перед кем именно несли повинность общинники, в каждом отдельном случае установить сложно. Хотя нельзя исключить, что для всего сельского населения существовала ежегодная натуральная подать дворцу.

Интересно, что имения, принадлежавшие хурритским царицам, управлялись независимо от дворцовых хозяйств. Чем связана эта хозяйственная самостоятельность царских жен, неясно. Но исходя из того, что имения цариц управлялись самостоятельно, можно предположить, что крупные территориальные единицы, обозначаемые термином dimatu и названные именами царей, были личными владениями правителей.

Натуральные поступления дворцов, прежде всего в виде зерна, принадлежали царю и распределялись среди его приближенных. Среди лиц, получавших содержание от царя, были царицы, принцы (пока они не достигали совершеннолетия), высшие сановники, иностранные послы, дворцовый персонал, а так же женщины, постоянно жившие при дворцах. В надписях они обычно именуются "певицами", хотя скорее всего они были служанками или занимались изготовлением тканей. Содержание от царя получали и дворцовые рабы, занимавшиеся в основном обработкой шерсти. Так, во дворце Зиззы 43 человека получали продовольственный рацион. В их число входили шесть принцесс и пять принцев. Список рабов, получавших продовольствие во дворце Нузы, включал 83 человека. В их числе были изготовители тканей, столяры, кузнецы, горшечники, писцы, корзинщики, повара, пекари, пивовары, пастухи, садовники и другие *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 82).*

Производственная деятельность дворцов не ограничивалась сельскохозяйственным производством. Из ремесел в хурритских государствах наибольшее распространение получили ткачество, гончарное производство и изготовление медных изделий. Почти все орудия труда, не говоря уже об оружии, изготовлялись из меди. Хурритам так же было известно катаное стекло и стеклянная глазурь. Основными производителями ремесленных изделий были дворцы. В дворцовых хозяйствах имелись большие стада мелкого скота, за которым ухаживали по большей части рабы. Обработкой шерсти и изготовлением тканей так же занимались в основном дворцовые рабы. Причем каждому дворцу назначалось определенное количество одежды, которую нужно было изготовить. Шерстяные ткани и одежда из них, наряду с продовольствием и изделиями из металлов, являлись одним из главных товаров, вывозимых из хурритских государств. Имелись в хурритских государствах и свободные ремесленники, объединявшиеся в своеобразные профессиональные группы — так же обозначаемые термином "димту". Однако значительная часть ремесленников входила в число клиентов "дворцовых хозяйств" — это так называемые "запертые".

Внешней торговлей занимались лица, так же назначаемые из числа дворцовых рабов. Кроме обязательств перед дворцом, эти же рабы часто вели торговые операции и для частных лиц. Помимо продовольствия и ремесленных товаров хурритский экспорт включал и рабов, чаще рабынь. Ввозились в основном металлы, растительные эссенции, красители и окрашенная шерсть. Из металлов (кроме золота и серебра) ввозились медь, олово и железо.

Дворцовое хозяйство играло ведущую роль и в военном деле. Поскольку ввозимый металл почти целиком поступал в распоряжение дворцовых ремесленников, именно здесь изготавливалась большая часть оружия и боевого снаряжения. В каждом дворце имелись оружейные склады, на которых храни-

лось самое разнообразное оружие. В случае войны снабжение армии оружием и продовольствием лежало в основном на дворцах. Исключение составляли только воины, выступавшие в поход на собственных боевых колесницах, так называемые marijanni-na. Эта категория военнообязанного свободного населения должна была за свой счет готовить колесницы, лошадей и оружие. Однако продовольственное снабжение их на время похода так же обеспечивалось из дворцовых запасов.

В "дворцовых" хозяйствах, принадлежавших как царю, так и представителям аристократии, широко использовались так же лично свободные, но зависимые в экономическом плане, "люди дома" — "талухлу". Известно, что "талухлу" делились на несколько категорий, но различия между ними не вполне ясны. (О хозяйственной жизни хурритов см. подробнее: *Янковская Н. Б. Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии (по клинописным текстам Каниша и Аррапхи). Проблема специализации общин. Л., 1982; Янковская Н. Б. Хурриты в Канише (Малая Азия XIX в. до н. э.) // Кавказско-Ближневосточный сборник. Вып. 8. Тбилиси, 1988. С. 133 — 139.)*

Для хурритских городов и прочих поселений характерен тип построек, называемых "битхилани". Это строения с открытым портиком на столбах (иногда с балконом над ним), замкнутым между двумя башенными сооружениями. Вообще, для хурритской архитектуры характерно это тяготение к постройкам башенного типа. Достаточно указать, что обычным типом сельского поселения был небольшой поселок с укреплением в виде башни. Дома с башенной надстройкой строятся не только для семейной или соседской общины, но и для определенных профессиональных групп: димту ремесленников, димту сельскохозяйственных работников дворцового хозяйства и т. д. В качестве оборонительных сооружений вокруг поселков возводились глинобитные или сложенные из сырцового кирпича стены *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический вестник. Вып. 1. М., 1958. С. 31).*

Обычной мужской одеждой хурритов была короткая конусообразная, часто полосатая, юбка или препоясание, туго стянутое на талии. На голове носили различной формы шапки. Женщины одевались в длинные одежды в форме обшитого бахромой полотнища. Его закалывали на плече или носили так же, как шумерские женщины. Широкое распространение у хурритов получила так же вавилонская и ассирийская одежда с различными местными особенностями.

Духовная культура, религия

Религиозные верования и духовная культура хурритов несут на себе сильнейший отпечаток родства с шумерскими аналогичными верованиями, хотя и имеют своеобразие. При этом, так и не сложилась единая общехурритская система теологии и мифологии. В принципе, это вполне объяснимо, так как хурриты занимали обширную территорию и на протяжении своей истории взаимодействовали с разными народами. Значительная часть богов хурритского пантеона известна в Шумере, Аккаде и ряде других соседних государств. Благодаря этому в сохранившихся хурритских текстах имена большого числа хурритских богов обозначаются шумерскими, а так же аккадскими, идеограммами. Ряд божеств одинаковы как для хурритов, так и для шумеров. Отмечаются в хурритской религии и более поздние, семито-сирийские наслоения. На русском языке до сих пор не существует специальных работ, посвященных хурритским верованиям и культам. Данные о религиозных представлениях хурритов изложены в ряде более общих работ: *Иванов В. Луна, упавшая с неба. (Древняя литература Малой Азии). М., 1977; Макуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии. Пер. с англ. М., 1983; Мифология древнего мира. М., 1977.*

К древнейшим, исконно хурритским божествам, бесспорно следует отнести те культы богов, которые засвидетельствованы на всей территории проживания хурритов — от Средиземного моря до Загросских гор. Но при этом не следует забывать, что и эти культы могли, с одной стороны, изменяться, под воздействием теологических представлений соседних народов, а с другой — божества соседних народов приобретали черты, заимствованные из хурритских культов. Поскольку подобное взаимопроникновение и взаимовосприятие религиозных представлений хурритов с соседними народами зашли достаточно далеко, а так же учитывая фрагментарность дошедших до наших дней сведений о древней теологии и мифологии переднеазиатских народов, — зачастую чрезвычайно сложно определить национальную принадлежность того или иного культа на раннем этапе возникновения.

К древнейшим общехурритским божествам относится культ Тешшуба — бога бури и царя богов. Под именем Тейшеба культ этого бога был распространен и у урартов. Древним культовым центром Тешшуба был город Кумме (Куммия). Предполагается, что этот город находился в районе современного Заху, близ турецко-иракской границы. В некоторых мифах Тешшуб именуется "царем Куммии". По всей видимости, положение верховного божества в хурритском пантеоне Тешшуб занял не сразу, а лишь в первой половине II тыс. до н. э. Во всяком случае, у урартов Тейшуб не является верховным божеством.

На престоле богов Тешшуб сменяет своего отца Кумарби, бога неба, который, в свою очередь, сменил своего отца, бога Ану, так же являвшегося небесным божеством. Бог Ану, как верховное божество, известен и в шумерском пантеоне. Тешшуб повелевает грозой, дождем, ветрами и молниями. Средством передвижения ему служит боевая четырехколесная колесница, в которую запряжены божественные быки Шериш и Хурриш (Хурвиш, реже — Тилла). Быкоподобные божества известны и в Ассирии. Статуи быкоподобных божеств, помощников бога дождя Адада, были установлены в храме этого божества в Ашшуре. Но аккадский и ассирийский бог Адад никогда не был повелителем богов. Не вызывает сомнения, что в ассирийский пантеон быкоподобные божества были заимствованы у хурритов, тем более что сам Ашшур долгое время являлся хурритским городом. Таким образом, Тешшуб — царь богов, повелевающий молниями, совмещает в себе функции бога бури и бога дождя, способствующего произрастанию на земле растительности и проживанию всего живого. Основным атрибутом Тешшуба был топор, его культ сохранялся в восточной Малой Азии и Сирии вплоть до римских времен, когда Тешшуб был известен под именем Юпитера Долихена.

В эпоху Митанни Тешшуб безусловно стоит во главе многочисленных хурритских богов. Об особом почитании этого божества говорит и то, что очень часто хурритские царские имена включают божественное имя Тешшуб: Кипи-Тешшуб, Итхи-Тешшуб, Хишми-Тешшуб, Муштея — уменьшительная форма Муш-Тешшуб. В старовавилонское время довольно распространенным было имя Тешшуб-эвре — "Тешшуб-господин".

Наиболее распространенной локальной формой культа Тешшуба был культ бога бури из города Халиба. Это божество известное первоначально под семитским именем Адду, затем полностью отождествляется с хурритским Тешшубом. Тешшуб Халабский почитался на обширной территории от Малой Азии и Угарита на сирийском побережье до области Нуза, расположенной северо-восточнее Тигра. Северосирийская богиня Хепа (Хепат) почиталась в этом культе в качестве подруги Тешшуба Халабского. А в более поздние времена юго-восточноанатолийский бог гор Шарумма был присоединен к Тешшубу Халабскому в качестве сына, появившегося в результате брака с богиней Хепа. Интересно, что в хурритском господствующем слое были широко распространены женские личные имена с элементом "хепа". Так, известны имена двух митаннийских принцесс, выданных замуж в Египет — Келу-Хепа и Тату-Хепа. Известны имена еще двух принцесс, но уже из восточной области Нуза — Шувар-Хепа и Шату-Хепа.

Главной общехурритской богиней была Шавушка. На территориях северо-восточнее Тигра и в Ассирии культ Шавушки рано сливается с семитским культом богини Иштар. Иштар была богиней любви и одновременно покровительницей воинов. Наиболее почитаемый храм богини Иштар находился в городе Ниневия, но и здесь еще в конце VIII в. до н. э. употреблялось хурритское имя богини — Шавушка. Известно так же, что во многих городах Ассирии и Аррапхи Шавушка-Иштар являлась верховным божеством.

В Митанни Шавушку так же чтили как верховную богиню. В своих текстах царь Тушратта называет ее "владычицей моей страны" и "владычицей небес". В восточных хурритских областях культ Шавушки переплетается с культом Тешшуба — известны храмы, посвященные этим двум божествам. Только в некоторых западнохурритских районах, например Кицуватне, Шавушка оказывается оттесненной на второй план автохтонной богиней Хепа. Таким образом, здесь во главе пантеона богов оказывается троица Тешшуб — Хепат — Шавушка.

В областях северной Сирии культ Шавушки частично слился с функционально близким ему культом богини Ишхары, а в Угарите Шавушку отождествляли с богиней Астартой. Интересно, что в Малой Азии богине Шавушке приписываются и мужские черты. Так, в хетто-хурритском скальном святилище недалеко от города Хаттуса (вторая половина XIII в. до н.э.) Шавушка помещена в ряду как богов, так и богинь. Известен так же ритуал отдельного жертвоприношения мужским и женским атрибутам Шавуш-

ки. Считалось, что эта богиня могла наказывать врагов и клятвопреступников, меняя характер их сексуального поведения на противоположный. Такими же способностями обладала шумерская богиня Инанна.

В западных районах распространения культа Шавушки, а именно в Анатолии, этой богине придаются в качестве служанок и музыкантш богини Нинатта и Кулитта. Эта же божественная пара была известна в Ашшуре. В текстах Хатуссы Шавушке сопутствуют разные богини-помощницы с хурритскими именами: Шинталь-вури (Семиглазая), Шинталь-ирти (Семигрудая) и Шинан-татукарни (Двойная в любви).

К числу общехурритских богов принадлежит и Кумарби, который, по хурритской мифологии, являлся царем богов до свержения его Тешшубом. Родиной Кумарби (Кумурви) считался древний царский город Уркеш. Культ Кумарби занимал главенствующее положение в городе Азухинну, к востоку от Тигра. В новоассирийскую эпоху этот бог с двумя помощниками Набарби и Саманухой выступал в качестве главного божества города Теди (Таиде). Но в общехурритском пантеоне Кумарби играл второстепенную роль. В Сирии культ Кумарби сливается с культом бога зерна Дагана, с шумерским Энлилем и угаритским Элем. Слияние культов Кумарби и Дагана зашло здесь так далеко, что супругой обоих считалась богиня Шала (Шалуш). Бога Кумарби в хеттских и хурритских мифах сопровождает спутник Мукишану. Имя спутника Кумарби образовано от одного из обозначений царства Алалах.

Культы бога солнца Шимике (Шимика) и бога луны Кушух (Кушах) так же были широко распространены на всех хурритских территориях. Имя хурритского бога солнца созвучно имени аналогичного божества урартов — Шивини, в то время как имя бога луны сопоставимо с хаттским, а затем и хеттским, богом луны Каску. Шимике и Кушух не служили объектом особого почитания. Вместе с тем, бог солнца связывается у хурритов с искусством прорицания, — считалось, что он видит все, что происходит на земле. Бог луны считался оберегателем клятв, что сближало его с подземными богами "проклятия и смерти".

К исконным хурритским божествам относится и богиня Никкаль, супруга Кушуха. Хурритский культ Никкаль, безусловно, аналогичен культу шумерской богини луны Нингаль ("великая госпожа"). Хурритский культ Никкаль был широко распространен у соседних хеттов — до XIV в. до н. э. хеттские царицы носят имена, включающие имя этой богини (Ни-ккаль-мати, Асму-Никкаль и т. д.).

Возможно, что к числу общехурритских древнейших божеств принадлежал и бог Нупатик, функции которого в хурритском пантеоне неясны.

В хурритском пантеоне имелось значительное количество богов, культы которых были заимствованы у соседних народов. Самым первым заимствованием такого рода был культ бога Неригала, пришедший к хурритам из Аккада. Впервые появившись в аккадских царских надписях, имя этого божества со временем получает широкое распространение в хурритских городах. В основание храма Неригаля были заложены дошедшие до наших дней надписи царей Уркеша Аталь-шена и Тиш-аталя. На территориях, расположенных к востоку от Тигра, еще в XV — XV вв. до н. э. Неригал пользуется особым поклонением. В Азухинну вместе с Шавушкой он стоит во главе местного пантеона, а в большинстве других городов-государств он следует сразу же за Тешшубом и Шавушкой. В Аррапхе существовал календарь, в котором совпадающие названия двух месяцев различались путем добавления к ним имен Тешшуба и Неригала. Именем Неригала назывались так же одни из ворот Аррапхи, а в храме города Курруханни Неригалу служила высокопоставленная жрица.

Некоторые исследователи считают заимствованным из шумерского пантеона культ "морского" бога Энки, являвшегося так же богом мудрости. Хурритское название этого божества Эйя (наиболее ранняя форма его имени — А'а). Особым почитанием Эйи (А'а) пользовался в Митанни и Ашшуре, где при написании его имени к нему добавляется эпитет "царь". Возможно, что это является отражением шумерской традиции, согласно которой бог Энки был "царем Абзу" — подводного обиталища этого божества. В списке богов, призываемых в свидетели при даче клятвы, который приводится в договоре митанийского царя Шаттиваззы, Эйя (А'а) назван "владыкой мудрости".

Пришлыми в хурритском пантеоне считаются также культы некоторых других богов: бога войны Ашташаби, богини клятв и болезней Ишхары, богини подземного царства Аллани и ряд других. Однако не всегда можно признать убедительными мотивы, по которым те или иные божества хурритов считаются позаимствованными ими у соседних народов. Например, культ Аллани считается происходящим от культа богини Аллатум, известной с периода III династ

Ура. Но имя богини Аллани легко увязывается с хурритским словом allai — "госпожа, владычица", что открывает еще одну хуррито-шумерскую параллель.

В хурритской теологии особое место занимала группа богов, властелинов подземного царства. Их довольно много, и большинство их имен образуют рифмующиеся пары: Нара — Напшара, Минки — Амунки, Мунтара — Мут-мунтара. Некоторые боги подземного царства имеют постоянные эпитеты, поясняющие их функции:Атунтарри — "жрец-прорицитель", Зульки — "толковательница снов", Ирпитикки — "властитель суда".

Хурриты считали, что в подземном царстве обитают боги старших поколений, которые были свергнуты с престола преемниками. В числе свергнутых богов у хурритов оказались и известные еще в Шумере боги Ану и Энлиль. Часто группу древнейших богов, очутившихся в подземном царстве, называют шумерским словом Anunna(k) — "Ануннаки".

Кроме богов, имевших личные имена и собственные биографии, в хурритском пантеоне известны неперсонифицированные божественные существа, олицетворявшие собой явления окружающего мира и, как правило, объединенные в пары: небо и земля, горы и реки. Точно так же обожествлялись отдельные атрибуты богов — их оружие, предметы культового инвентаря. Им приносились отдельные жертвы. Так, сохранился хурритский ритуал, предписывавший порядок принесения жертв трону богини Хепа в целом и каждой из его частей в отдельности.

В хурритских религиозных текстах часто упоминаются группы демонов, состоящие из семи демонических существ. Такие семерки часто упоминаются в связи с различными великими богами, например Шимике и Тешшубом. Считается, что прототипами хурритских демонов были аналогичные существа из шумерских религиозных верований. Для нас же это еще одно свидетельство развития шумерской и хурритской культур из одного этнического субстрата. Кроме того, широко распространенной была вера в различные фантастические существа — полуптиц — полузверей (обычно крылатых). Существовал у хурритов и культ змеи, связанный с богиней плодородия Ишхарой, почитавшейся так же в Шумере. Распространением пользовались и другие культы женских божеств плодородия, связанные с храмовой проституцией *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 32).*

Существовал у хурритов и культ предков. Об этом говорит постоянно встречающееся в надписях выражение enna attannewena — "боги отца". В пользу существования этого культа говорит и существование в хурритском календаре месяца под названием "месяц отцов". Известно так же, что в хурритских семьях хранились культовые фигуры, называвшиеся "духами мертвых". Погребальные обряды в разных областях, заселенных хурритами, заметно отличались. Так, наряду с захоронением покойников под полом жилищ (встречается и в Шумере), возможно, имели место и другие формы захоронения. Так, Тушратта, царь Митанни, в одном из своих писем египетскому фараону сообщает о намерении построить karask- своему деду. Возможно, речь идет о сооружении мавзолея или храма мертвых.

Судя по всему, хурриты создали обширную литературу, из которой до нас дошли только отдельные фрагменты. Но и в этой области обнаруживаются многочисленные параллели с шумерской литературой. Почти все сохранившиеся записи хурритских мифов дошли до нас в хеттском переводе. На хурритском языке обнаружены лишь разрозненные фрагменты мифологических текстов, прочтение которых весьма затруднено. Многие исследователи склонны считать, что хурриты лишь исполняли роль посредников, которые усвоили достижения месопотамской аккадоязычной культуры и передали ее на своем хурритском языке народам, жившим дальше к западу, в первую очередь хеттам. Нам кажется, что все же нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что шумерская и хурритская культуры берут начало из одного истока. И те и другие были потомками ранней земледельческой культуры, чье существование подтверждается данными археологов в наиболее ранних культурных слоях по всему восточному Средиземноморью и Месопотамии. Конечно, развиваясь самостоятельно, шумеры и хурриты создали две культуры, во многом отличные друг от друга. Вне всякого сомнения, имели место и заимствования на более поздних этапах развития, в том числе и через аккадоязычную культуру семитских государств Междуречья. Но все же главная причина аналогий, часто встречающихся при рассмотрении шумерской и хурритской культур, кроется в общности происхождения этих двух народов.

Составить какую-то полную картину хурритской мифологии чрезвычайно сложно, потому что, как уже указывалось, она дошла до нас в виде отдельных фрагментов на хеттском языке. При этом, как правило, мифы записывались хеттами как составная часть ритуалов, посвященных культам тех или иных божеств. Большое место в хурритской мифологии отводилось обстоятельствам борьбы между разными поколениями богов, завершившейся установлением владычества Тешшуба. Впрочем, нельзя сказать с полной уверенностью, что, по представлениям хурритов, победа этого божества была окончательной.

К сожалению, почти ничего не известно о том, как хурриты представляли себе акт творения мироздания, сотворения человека и т. д. Можно только предполагать, что их представления не сильно отличались от господствовавших тогда по всему Междуречью шумерских воззрений. Зато "Песнь о царстве в небесах" довольно подробно описывает обстоятельство смены трех поколений богов, завершившихся установлением владычества могучего бога бури Тешшуба.

Первым небесным владыкой был бог Алалу:

"Алалу сидел на престоле,
И даже бог Ану могучий,
Что прочих богов превосходит,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно кравчий,
И чашу держал для питья".

Царствование Алалу продолжалось девять веков, по прошествии которых в борьбу за царский престол вступил бог Ану:

"Когда же настал век десятый,
Стал Ану сражаться с Алалу,
И он победил его, Ану."

Побежденный Алалу скрылся от победителя в некой далекой "Темной Земле", а в небесном царстве воссоздается прежний порядок с той лишь разницей, что теперь:

"Бог Ану сидел на престоле.
Сидел на престоле бог Ану,
И даже Кумарби могучий,
Склоняясь у ног его низко,
Стоял перед ним, словно стольник,
Еду он ему подавал".

Опять проходит девять веков, прежде чем происходит очередное возмущение богов. Теперь уже Камарби выступает в качестве претендента на царский трон:

"Кумарби, потомок Алалу,
Стал на небе с Ану сражаться.
Тот взгляда Кумарби не вынес,
Из рук его вырвался Ану,
И он ускользнул от Кумарби."

Ану пытается улететь на небо, однако, ускольз нуть от своего противника ему не удается. Бросив шийся в погоню Кумарби хватает Ану за ноги стаскивает его с неба вниз. Здесь с обоими героям происходит нечто необычное:

"И он (Кумарби) укусил Ану в ногу,
Откусил ему силу мужскую,
И стала, как бронза, литьем
Она у Кумарби во чреве.
Когда проглотил бог Кумарби
Всю силу мужскую врага,
Он радостно захохотал.
Но Ану, к нему повернувшись,
сказал ему речи такие:
"... радуешься ты напрасно!
Я тяжесть в тебе оставляю,
Во-первых, теперь ты чреват
Отважнейшим богом грозы.
Чреват ты теперь, во-вторых,
Рекою огромной Аранцах,
И в третьих, теперь ты чреват
Отважнейшим богом Тасмису.
Родятся три бога ужасных,
Как тяжесть в тебе их оставлю...
Придется тебе головою
Удариться об гору Тассу,
Разбиться о камни придется!"

(цит. по: Иванов В. Луна, упавшая с неба (Древняя литература Малой Азии). М., 1977. С. 114).

О последующих событиях этой поэмы ничего н известно, так как текст не сохранился. Из други надписей известно, что Тешшуб добился в конц концов небесного престола и изгнал всех прежни богов в ту же неведомую "Темную Землю".

Как видим, в этой поэме упоминаются в качеств древнейших божеств боги, известные в Шумер Здесь же встречается упоминание священного город Ниппура, место обитания шумерского бога Энлил Некоторые исследователи отождествляют его с хур ритским Кумарби. Таким образом, явственно видн древние хурритско-шумерские параллели. Мнение заимствовании идеи о преемственности поколени богов хурритами из древневавилонских источнико кажется несостоятельной, потому что собственно в

вилонская поэма о сотворении мира "Энума элиш" датируется лишь концом II тыс. до н. э.

Так же бросаются в глаза заимствования их хурритского мифа, сделанные греческим поэтом Гесиодом, автором "Теогонии" (жил примерно в 700 г. до н. э. в Беотии). Так, в хурритском мифе Кумарби лишает "силы мужской" своего отца Ану, а затем теряет власть над богами в результате борьбы со своим сыном Тешшубом. В "Теогонии" бог Кронос захватывает трон богов, предварительно оскопив своего отца бога неба — Урана. Затем Кронос вынужден уступить власть своему сыну Зевсу, повелевающему молниями. Недовольных своей властью Зевс изгоняет в мрачное подземное царство — Тартар, повторяя таким образом действия Тешшуба, изгнавшего прежних богов в "Темную Землю".

Известны два хурритских мифа, рассказывающих о попытках Кумарби вернуть себе власть над богами. Первый из них, сохранившийся в виде отдельных фрагментов, рассказывает о том, как Кумарби вместе с великаншей Сертапсурухи порождает змееподобное чудовище Хедамму. Только после того, как Хедамму подрос и набрался сил, богиня Шавушка-Иштар обнаруживает его укрытие. С этой вестью она спешит к своему брату Тешшубу, который узнав, о необычайной силе и прожорливости Хедамму, приходит в ужас.

Происходит совет богов, на котором бог мудрости Эйя предупреждает, что Хедамму может уничтожить все человечество и тем самым нанести большой вред всем богам, которые в результате лишатся жертвоприношений и вынуждены будут самостоятельно заботиться о пропитании. В конечном итоге, богам удается одолеть Хедамму лишь прибегнув к хитрости. Обнаженная Шавушка-Иштар выманивает Хедамму из его родной стихии — океана, откуда он черпает силы. После этого боги одерживают победу.

Согласно второму мифу, Кумарни снова вступает в заговор с богом океана для восстановления своей власти на небесном троне. Совокупившись с огромной скалой, он порождает каменного человекообразного великана по имени Улликумми — "Разрушитель Кумми" (Кумми — город бога Тешшуба). Океан укрыл Улликумми в глубине своих вод, где он начинает беспрепятственно расти. Когда Улликумми вырос настолько, что голова его возвышается над водами океана, его замечает бог солнца Шимике, который, чтобы срочно известить о возникшей опасности владыку богов Тешшуба, вынужден изменить свое движение по небосводу. Прибыв во дворец Тешшуба, охваченный ужасом Шимике не способен ни есть, ни пить. Однако Тешшуб настаивает на соблюдении ритуала угощения. В конце концов бог солнца уходит, так и не сообщив хозяину ужасную новость. Между тем Улликумми продолжает расти.

После ухода Шимике Тешшуб, томимый дурными предчувствиями, вместе со своим братом Ташмишу восходит на гору Хаззи, откуда его взору открывается возвышающийся над океаном каменный исполин Улликумми. Потрясенный Тешшуб разражается слезами, а богиня Иштар пытается воздействовать на Улликумми женскими чарами. Однако колосс оказывается глухим и слепым. Сам Тешшуб во главе ближайших богов вступает в бой с Улликумми и терпит жестокое поражение. Его брат в отчаянии восклицает: "Вверху на небесах царя не будет!"

Спасение богов происходит благодаря мудрости бога Эйя. Он обнаруживает, что Улликумми растет из правого плеча бога Упеллури, который подобно греческому Атланту, держит небо и землю. Эйя обращается к древнейшим богам, изгнанным в подземное царство, с просьбой достать серп, которым в начале времен небо и земля были отделены друг от друга. Волшебным серпом Эйя отделяет Улликумми от его опоры. Утратив связь с источником своей силы, Улликумми оказывается низвергнутым в океанскую пучину .

Мотив порождения богами каменного существа встречается и в мифе о богини гор Вашитты. До хурритов подобный мотив не встречается ни у одного из древних народов. Точно так же, не имеет других, более ранних параллелей мотив о попытках свергнутого божества вернуть себе утраченную власть. Интересно, что конфликт между богами разворачивается в районе горы Хаззи, т. е. в северной Сирии. Отсюда следует вывод, что хурритская традиция воспринимает этот регион как свою исконную территорию.

Много веков спустя хурритский миф о борьбе порождения старшего поколения богов против власти богов вновь оживет в греческой мифологии в образе чудовища Тифона, порождения богини земли Геи и Тартара, или Кроноса. Как известно, Тифон так же вступил в борьбу с Зевсом, и лишь с большим напряжением сил небесному владыке удалось отстоять свою власть над небом. Хурритская традиция продолжает жить в древнееврейском предании об

анти-Мессии Армиле — порождении дьявола и мраморной статуи.

Известны так же отрывки преданий о герое Курпаранзахе, об охотнике Кешши, о насилии бога горы Пишаиша над богиней Шавушкой, о герое Аппу, жившем в крепости Шудуль у моря страны Луллу (вероятно, Урмийское озеро), его сыновьях Правде и Кривде и солнечном ребенке, рожденном коровой Правды.

Фигура охотника, по всей видимости, играла большую роль в хурритской мифологии. Охотником был Курпаранзах — во всяком случае, из уцелевших фрагментов мифа о нем видно, что он убивает дикое животное и отличается во время состязаний по стрельбе из лука. В другом мифе охотник Кешши после женитьбы на прекрасной Шинталимени забывает свой долг перед богами — он не приносит им жертвы и перестает ходить на охоту. После многочисленных упреков матери он отправляется на охоту, но разгневанные боги лишают его удачи. Чтобы спастись от голодной смерти, Кешши прибегает к заступничеству "отчего божества".

Сохранился отрывок хеттской редакции хурритского мифа о посещении Тешшубом подземного царства, где обитают изгнанные им с небес боги старших поколений. В честь владыки богов царица подземного царства устраивает роскошный пир. Для приготовления яств режут десять тысяч быков и тридцать тысяч овец.

Из отрывочных текстов хурритов все же можно сделать вывод о том, что на вопрос о том, для чего создан человек, какова его роль в мироздании, — хурриты отвечали так же, как и древние шумеры — человек создан для служения богам. Человек подчинен воле богов, как раб своему господину, и должен делать все необходимое для благополучия богов. Однако, в свою очередь, человек нужен богам, ибо без него им самим придется заботиться о своем пропитании. Из этого двойственного характера отношений богов и человека вытекает необходимость формализовать их во избежание ситуаций, могущих нанести ущерб интересам божества и человека. Отсюда вытекает особое значение, придаваемое в древнем мире разного рода ритуалам, связанным с культом каждого из известных тогда божеств.

Большинство из хурритских ритуалов опять же записаны по-хеттски. Как следует из сохранившихся надписей, божествам приносились регулярные жертвоприношения, в основном в виде еды и питья. Наиболее почитаемым богам приношения делались ежедневно. Однако культ богов не ограничивался регулярными приношениями. Время от времени культовые изображения богов умащали благовониями и ценными маслами. В дни больших празднеств статуям богов приносились очистительные жертвы, способствующие сохранению сакральной чистоты изображения божества. Нередко тексты хурритских ритуалов сопровождались указаниями относительно музыкального сопровождения, что можно считать самыми древними записями музыкальных произведений.

Важнейшим местом культового действия хурритам служили храмы, в которых находились изображения богов. К сожалению, ныне известны только храмы позднехурритского периода, когда влияние соседних народов стало преобладающим в духовной жизни и материальной культуре, в том числе архитектуре. Поэтому трудно составить представление о всех особенностях хурритской архитектуры. Можно указать только на увлечение древних хурритов башенными комплексами. В Месопотамии это нашло отражение в строительстве зиккуратов. Сами хурриты, насколько известно, не возводили культовых сооружений, сопоставимых по своим размерам с вавилонскими зиккуратами, однако не исключено, что именно в хурритской архитектуре следует искать объекты, послужившие прообразами вавилонских башнеобразных храмовых комплексов.

Однако местом отправления религиозного культа мог быть не только храм. В одном из текстов области Нуза упоминается священная роща, в которую выносились изображения богов для совершения определенных ритуалов. Существование подобных священных рощ и в других областях расселения хурритов подтверждается и хеттскими источниками. Святилищем особого рода являлась скалистая местность недалеко от хеттской столицы города Хаттуса. Считается, что окончательный вид это святилище приняло лишь в XIII в. до н. э. Святилище представляет собой комплекс из трех помещений, образованных естественными скальными блоками, кое-где подвергшихся обработке с внутренней стороны. Стены главного святилища покрыты высеченными в виде двух длинных полос рельефными изображениями древних божеств. При этом боги сгруппированы следующим образом: слева располагаются мужские божества, справа — женские. Взгляды богов устремлены на царственную пару — Тешшуба и его подруги. И

обнаруженных здесь же надписей следует, что изображения представляют собой весь пантеон хурритских богов, основанный на киццуватнской версии.

На стенах одного из двух менее значительных помещений изображены божества — покровители подземных сил. В числе этих божеств находится и изображение бога Неригала, считающегося заимствованным хурритами из вавилонского пантеона. Рельефы третьего помещения вновь изображают двенадцать богов, уже отображенных в конце "мужского" списка в главном помещении святилища. Эти изображения считаются изображениями божеств подземного мира, к которым обращаются при необходимости совершить очищение от магической скверны. Поскольку здесь же были найдены тексты очистительных ритуалов, большинство исследователей склонны рассматривать скальный комплекс близ Хаттусы не как храм в полном смысле этого слова, а место совершения специальных очистительных ритуалов.

Когда не выдерживался предписанный ритуалом порядок отправления культа, то, по представлениям хурритов, божественная сила терпит ущерб. Будучи разгневан пренебрежительным отношением к себе, бог начинает гневаться и соответственно карает людей. При этом считалось, что гнев божества вызван именно тем ущербом, который наносится его божественной силе в результате пренебрежения соблюдением всех предписанных его культу ритуалов.

Хурриты внесли свой вклад и в древнее учение о предзнаменованиях и предсказаниях. В числе хурритских текстов, переписанных в Хаттусе, имеются и книги предсказаний, в том числе по внутренностям животных, по выкинутому плоду и по звездам. Некоторые тексты свидетельствуют, что среднеевфратский город Эмара был центром, в котором культивировалось хурритское гадание на внутренностях животных. В Сирии, Палестине и Хаттусе при раскопках часто обнаруживаются глиняные модели овечьей печени, на которые наносились тексты, имевшие отношение к предсказаниям. Иногда на них же фиксируются и сами предсказания. Интересно, что римская практика гадания по внутренностям животных, заимствованная ими у этрусков, своими корнями несомненно уходит в подобную переднеазиатскую практику.

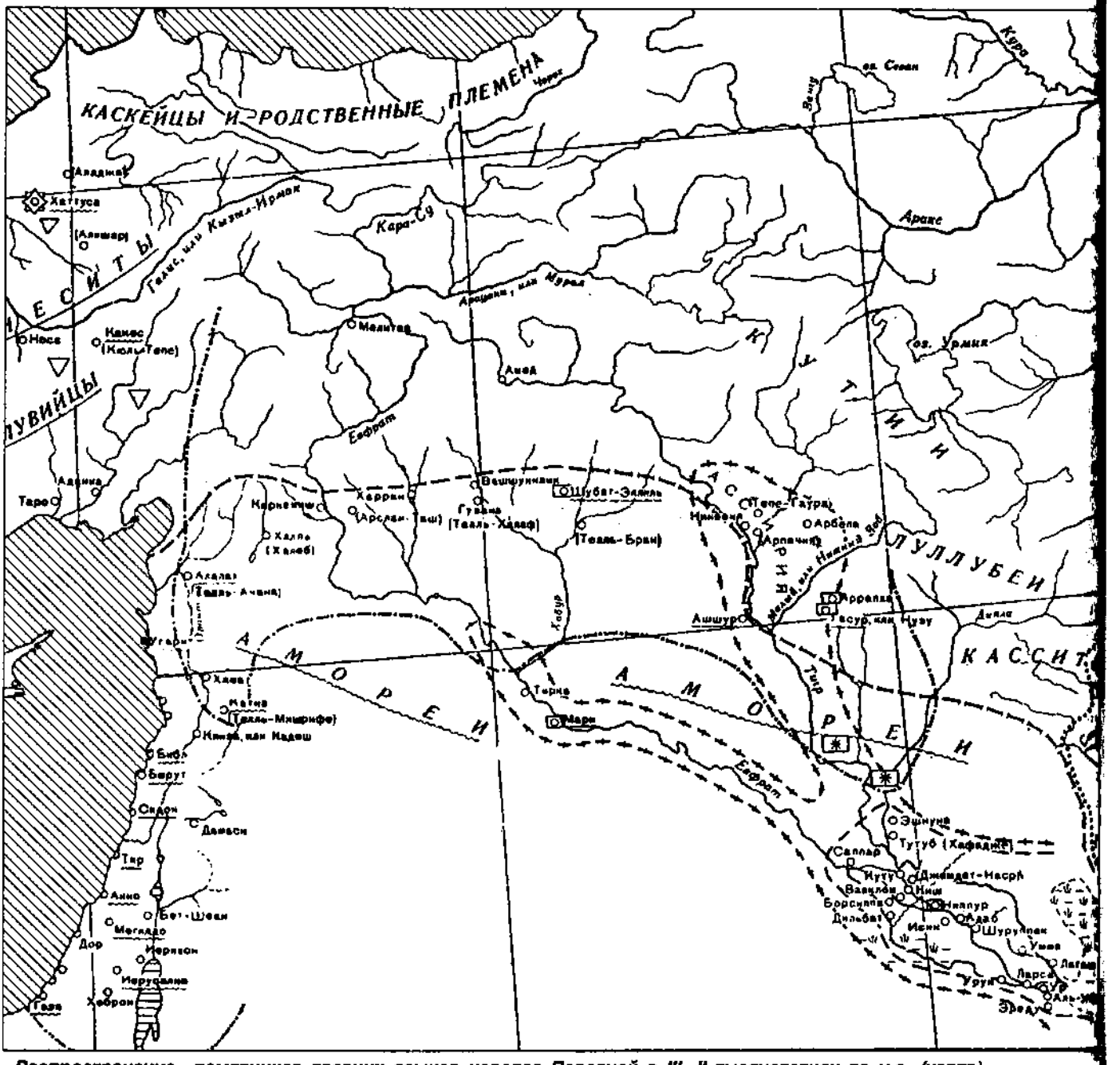
По происхождению хурритским является и практика гадания с использованием птиц, называемых в аккадских списках musen hurri. Обычно это словосочетание переводят как "норная птица" или куропатка кеклик. Но само аккадское название этой птицы созвучно с самоназванием хурритов — hurri.

Высоко ценилось в древнем мире и хурритское искусство заклинаний. На территории Шумера обнаружены таблички, содержащие хурритские заклинания на разные случаи жизни, вплоть до укуса змеи. Из библиотек Хаттусы известны многие магические ритуалы хурритов. Причем если сам ритуал описывается на хеттском языке, то текст заклинаний приводится, как правило, на хурритском. Самые важные из хурритских очистительных ритуалов носят названия itkalzi и itkah(h)i. Оба термина являются производными от хурритского слова itki — "чистый". Но помимо них существовало еще множество очистительных ритуалов, что называется, "на все случаи жизни".

Можно отметить особую группу ритуалов, связанную с переводом божества из одного храма в другой. Так, уцелел текст ритуала по привлечению богини Шавушки в новое культовое сооружение. Ритуал призван побудить божество переселиться в свое новое культовое изображение. Ритуал предписывает, каким образом должны устраиваться "дороги" из жертвенных материалов, как можно побудить божество вступить на эти дороги и какими очистительными обрядами после этого следует смягчить возможный гнев богини. Насколько большое значение придавали хурриты подобного рода ритуалам, видно из того, что существовал специальный ритуал по завлечению богов из враждебного города.

Некоторым хурритским ритуалам присуща особая форма жертвоприношений, почти нигде больше не встречающееся. Речь идет о принесении в жертву птиц путем сожжения или возлияния их крови. Указанные жертвоприношения предназначались для подземных божеств, которые должны были принять скверну и надежно укрыть ее в подземном царстве. В одном из таких ритуалов, предназначенных для очищения от скверны дома, запятнанного кровопролитием или клятвопреступлением, содержится поименное обращение к подземным богам с просьбой передать "злую кровь" дома "божеству крови", чтобы оно унесло ее в подземный мир:

"Затем он берет трех птиц; двух птиц он приносит в жертву Подземным (богам), одну — божеству Ямы. Он говорит следующее: "Смотри, вам, стародавним ... вам не подносятся ни бык, ни овца. Когда бог Бури гнал вас вниз в темный подземный мир, то он установил вам это жертвоприношение" *(Вильхельм Т. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 115).*

Распространение памятников древних языков народов Передней в III- II тысячелетиях до н.э. (карта)

"Божество Ямы", упомянутое в указанном тексте, представляет собой обожествленный вход в подземное царство — "Яму", которую жрец должен вырыть, чтобы принести жертву божествам подземного мира и укрыть в земле скверну. Противоположную роль играют ритуалы-приманки, совершаемые возле ям с целью вызвать обратно из подземного царства исчезнувших богов. Хурритское слово, обозначающее "Яму" как божество, часто употребляется в Библии в повествовании об аэндорской волшебнице, на званной "госпожой ямы". "Яма" здесь понимается как ход в подземный мир.

Есть еще один хурритский очистительный ритуал, имеющий параллель с Ветхим Заветом. Это ритуал очищения от скверны храма, когда жрец возлага руки на голову козла, который затем изгоняется пустыню. В результате этого ритуала происход очищение храма и жреца, а вся скверна перемещает

на животное. Это так называемый "козел отпущения", правда, у хурритов в этом качестве могли выступать и другие животные — быки, овцы, ослы, козы и мыши. Носитель нечистоты обозначался у них словом "отпущенный".

Хурриты оставили после себя довольно обширную литературу, включающую многочисленную учебную литературу — списки знаков, "словари", списки синонимов, а так же сборники предзнаменований, заклинаний, мифы, эпос, басни, поговорки и т. д. Хурритская письменная традиция тесно связана с аналогичными традициями Междуречья, восходящими к древнешумерским истокам. При этом все исследователи подчеркивают роль хурритов в распространении месопотамской литературы и знаний в странах Леванта и Малой Азии. Интересно, что и у хурритов был распространен цикл повествований о герое Гильгамеше. К сожалению, хурритские тексты о Гильгамеше представлены в виде коротких и разрозненных фрагментов, поэтому об их содержании можно судить весьма приблизительно. Ясно только, что до современных исследователей дошли обрывки двух разных рассказов, один из которых рассказывает о Гильгамеше и демоне кедрового леса Хувава.

Изобразительное искусство у хурритов известно в основном по отдельным рельефам и резным печатям. Памятники монументального искусства хурритов практически не сохранились. Более-менее полное представление можно составить только по двум видам прикладного искусства: керамике и цилиндрическим печатям. Для хурритского изобразительного искусства характерны грубо стилизованные вытянутые человеческие фигуры.Стилизованные же изображения разнообразнейших фантастических животных гораздо более выразительны. Из города Уркеш происходят две бронзовые скульптуры львов. Это весьма совершенные работы, созданные, по-видимому, под сильным влиянием традиционных месопотамских изображений львов.

Самой замечательной круглой митаннийской скульптурой XV в. до н. э. считается изображение Идри-Ми, царя города Алалах. Скульптура в целом выдержана в древнесирийских традициях, но лишена свойственного аналогичным древнесирийским скульптурам изящества лепки и элегантности линий.

Известно так же изображение горного божества с двумя козами, сделанное в колодце храма Ашшура в городе Ашшур. Этот рельеф датируется XV в. до н. э. и считается характерным примером хурритского монументального искусства периода царства Митанни.

В XV в. до н. э. в Передней Азии появляется керамика, область распространения которой совпадает с территорией хурритских государственных образований. Для декора данного типа керамики характерны цвета от красно-коричневого до почти черного, нанесенные по темному фону в виде геометрических фигур: спиралей, треугольников, лент. Широко распространен орнамент в виде плетенки, а так же разные мотивы, относящиеся к животному и растительному миру — птицы, козы, пальметки. В науке за этим типом керамики закрепилось название "нузийская керамика". Ее более поздняя разновидность определяется как "атшанская керамика" — она отличается особенно изящным растительным орнаментом.

По сочетанию цветов и некоторым декоративным мотивам и "атшанская", и "нузийская" керамика близка к критской дворцовой керамике. Однако расцвет критского дворцового стиля относится в более ранней эпохе.

Откатанные на глиняных табличках из Аррапхи цилиндрические печати легли в основу названия типа печатей, распространенных не только в государстве Митанни, но и далеко за ее пределами — "киркукская глиптика". Большинство этих печатей изготовлялось из пасты или фаянса и имели лишь бегло нанесенный декор, выполненный при помощи сверла с шаровидной режущей частью. Наряду с такими простыми печатями, доступными даже для беднейших слоев населения, существовали печати из гораздо более твердых материалов — чаще всего используется гематит. Такие печати выполнялись с гораздо большей тщательностью. Прежде всего это относится к царским печатям. *(См. также: Блэк В. Б. К интерпретации сюжетов цилиндрических печатей Передней Азии второй и первой половины I тыс. до н. э. // Проблемы развития зарубежного и русского искусства. СПб., 1995. С. 9 — 12).*

Киркукскую глиптику отличает новизна композиции, выражающаяся в своеобразном размещении фигур на изобразительной плоскости. Для нее характерны следующие мотивы: крылатые мифические существа; так называемое "древо жизни"; крылатый солнечный диск, часто увлекаемый по небу крылатыми существами; так называемая "маска Хатор"; сфинксы. Фигуры обычно не ставятся на какую-либо определенную линию, а располагаются так, чтобы равномерно заполнить всю поверхность цилиндра. Нередко изобразительная площадь при помощи линии разделяется на два поля

Глава III

УРАРТУ

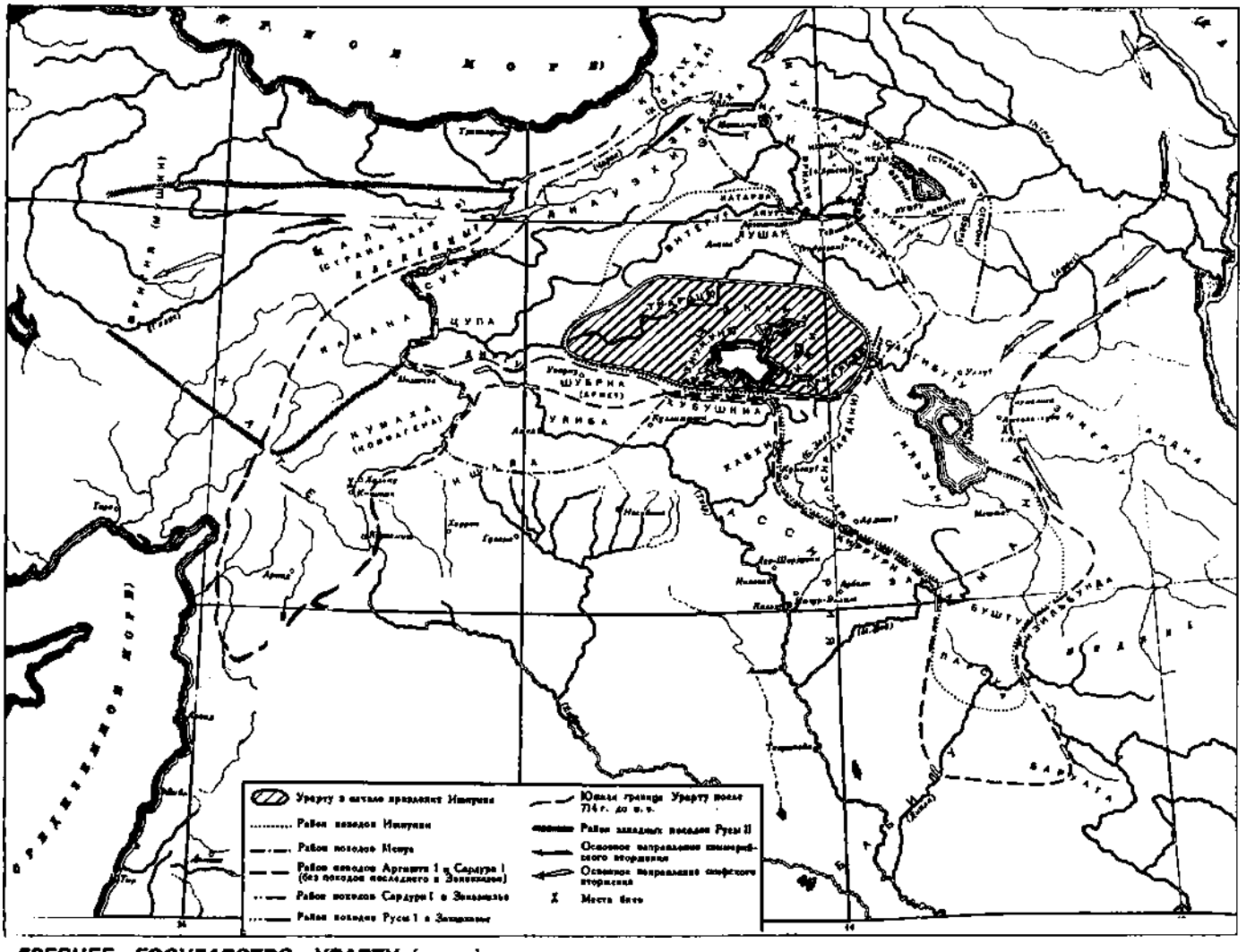
Происхождение, расселение

Урартские племена с древнейших времен жили по соседству с близкородственными им хурритами. В предыдущей главе весьма подробно было рассмотрено родство хурритского и урартского языков группе восточнокавказских или, как ее еще называют, — нахско-дагестанских языков. Поэтому вопрос о происхождении урартов просто не нуждается в специальном рассмотрении в данной главе и автор ограничится одним примером, наглядно иллюстрирующем близость урартского и чеченского языков. В области синтаксиса урартского и чеченского языков наблюдается соответствие специфической эргативной конструкции предложения и образующих ее грамматических и материальных элементов. Так, в качестве примера можно использовать фразу, часто встречающуюся в урартских текстах: Menna-se (т. е. Menua-se) a-il-e — "Менуа говорит". Менуа — имя урартского царя, которое в неоформленном (именительном) падеже — Menua. Menua-se — форма эргативного падежа, где -se- — формант эргативного падежа, совпадающий с показателем эргатива в чеченском языке -с//-са//-се.

В использованной в качестве примера фразе основа глагола al соответствует материально, а также по структуре, значению и синтаксическим функциям основы чеченского глагола *ал* — "говорить, сказать". В целом эта фраза в архаичном чеченском диалекте (чеберлоевском) и некоторых чеченских горных говорах конструируется так: *Менуа-с(а) ало// аше// ал* — "Менуа говорит". В чеченском литературном языке будет соответственно: *Менуа-с ола// олу,* где *ола олу* — глагольная форма вторичного образования, возникшая в результате действия закона вторичного чередования гласных именных и глагольных основ. *Ола//олу ало* — одна из диалектных разновидностей формы настоящего времени. Ее можно сравнить с современной исходной основой в чеченском языке: повелительного наклонения — *ал- (а),* инфинитива — *ал-а-н,* масдара — *ал-а-р (Иберийско-кавказские языки // Языки Древней Передней Азии. Вып. III. М., 1979. С. 95).*

На этом примере общность материальных элементов, синтаксической конструкции предложения в целом, семантики глагола, его функции как сказуемого, значений грамматических элементов, участвующих в данном предложении, нельзя считать случайной. В типологических исследованиях такие совпадения игнорировать невозможно.

Что касается территории расселения урартских племен, то на этом вопросе необходимо остановиться. Для локализации районов проживания урартов на наиболее раннем периоде их истории наибольшее значение имеют ассирийские источники. Это царские надписи Салманасара I (XIII в. до н. э.), Тукуль-

ДРЕВНЕЕ ГОСУДАРСТВО УРАРТУ (карта)

ти-Нинурты I (конец XIII в. до н. э.), Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.), Ашшурбелкалы (XI в. до н. э.), Ададнерари II (X в. до н. э.) и др., содержащие сведения о странах и народах, с которыми пришлось воевать ассирийским правителям. Именно в этих надписях впервые появляются термины "Наири" и "Урарту" (Уратру, Уруатру, Уруатри), под которыми ассирийцы объединяли племена, составившие основу Урартского царства. К урартской территории относятся и ряд других этнонимических и топонимических терминов: Муцру (Мусру), Кумани (Укумани), Кути (Гутиум), Шубару, Мехри и ряд других. *(Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 258).* Урартские племенные образования упоминаются также в хеттских источниках XIV — XIII вв. до н. э. В вавилонских текстах области урартов упоминаются под названием страны Urastu, в Библии упоминается страна "Арарат". Сами урарты называли свою страну Биаинили ("бийанские страны"). В современной литературе кроме термина "Урарту" употребляются также термины "Биайнили" и "Ванское царство".

Урартские племена обитали на обширной территории вокруг озера Ван (в древних источниках оно называется "море Наири") и до верховьев реки Большой Заб. Центральные районы Урарту находились на южном и восточном побережьях "моря Наири". На юг зона расселения урартов простиралась до долины реки Бохтан-су, т. е. примыкала к хурритской области Хубушкиа. На юго-востоке, на значительном удалении от озера Ван, располагался важный культурно-религиозный и политический центр урартов — город Ардини (Мусасир, Муцацир).

На восток от озера Ван урартские племена обитали на территориях вплоть до северного побережья озера Урмийе. Граница их расселения в этом направлении находилась в районе современного города Тавриз. Далее к востоку обитали уже манейские (хурритские) племена.

Западная граница расселения урартов пролегала, скорее всего, вдоль западного побережья Ванского озера, где они также соседствовали с хурритским населением. Обитали урарты и к северу от озера Ван, где располагалась урартская область Зиукуни. По всей видимости, северная граница обитания урартов находилась все же гораздо севернее и доходила по крайней мере до Араратской долины. Здесь, кстати, обитали племена, в этническом отношении стоявшие близко к урартам. Наиболее важными крепостями северной части Урарту были: Менуахинили (основана в IX в. до н. э., локализуется возле современного Ташбуруна), Аргиштихинили (основана в VIII в. до н. э., позднее Армавир), Эрбу (Ирпуни, современный Арин-берд) и Тейшебаини (основана в VII в. до н. э., современный Кармин-Блур). Две последние крепости располагались в районе современного Еревана. Столицей Урартского царства долгое время был город Тушпа (современный Ван) *(Меликишвили Г. А. Урартский язык. М., 1964. С. 7; Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М. — Л., 1963. С. 57)*.

Таким образом, на юге, западе и востоке территория расселения урартов соприкасалась с ареалами хурритского населения. На крайнем юго-востоке в районе озера Урмийя урарты соседствовали с племенами загро-эламской группы: эламитами, касситами, лулубийцами. Наиболее северные племена этой группы — лулубийцы жили непосредственно в районах, примыкающих к юго-восточным областям Урарту. Отношения урартов с этими племенами были традиционно враждебными. Само название лулубийцев превратилось у урартов и хурритов в синоним слов "варвар", "враг". В более позднюю эпоху области лулубиев вошли в состав Манейского царства. Урартским царям подчинялись небольшие государства и союзы племен, упоминаемые древними урартскими и ассирийскими источниками под названиями Хубушкиа (Наири), Дайаэни (Диауэхи) в долине реки Чорох, Арме (Шубриа) в районе Сасунских гор, закавказские племена ига, луша, катарза, велику (у озера Севан) *(Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 11 — 12)* В составе урартского царства, таким образом, были области не только с урартским, но и близкородственным ем хурритским, а также другим кавказским населением

Политическая история

В эпоху расцвета Митаннийского царства в ег состав без сомнения входили значительные террито рии урартов. Военный разгром Митанни и последу ющее передвижение ряда соседних с хурритами на родов изменили этнический состав населения бол шинства хурритских территорий. В начале I тыс. д н. э. значительная часть северной Сирии и Верхне Месопотамии заселяется арамейскими племенами Сильное давление оказали на хурритов и лувийски племена. Таким образом, на значительной террито рии хурритское население было частично ассимили ровано, а частично выдавлено в более северные ра оны — места, населенные близкородственным урартами. Не случайно исчезновение с политическо карты древнего мира Митаннийского царства совп дает с первыми упоминаниями об Урарту. Не долж смущать то обстоятельство, что Урарту в ранню эпоху представляет собой не единое царство, а сою государств. Перемещение центра хурритской гос дарственности на земли урартов не могло произойт без регресса в политической жизни. Предстояло з ново пройти путь от раздробленных небольших гос дарств к созданию крупного централизованного ца ства.

Между прочим, один из крупнейших учены много лет посвятивший изучению истории хурри и урартов, Г. А. Меликишвили указывает на налич двух крупных культурно-политических центров хур ритов: в районе Верхней Месопотамии (центральны районы Митанни) и в районе озера Ван. Ассирийски завоевания, по мнению Г. А. Меликишвили, привел к отпадению от Митанни многих хурритских племе образовавших новые объединения. К таким новы образованиям он относит и Наири-Урарту *(Мелики вили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М 1960. С. 10)*. Нельзя в этой связи не отметить, чт мнение Г. А. Меликишвили как нельзя лучше впис вается в высказанное автором предположение о п ремещении центра хурритской государственности н север, к озеру Ван.

В пользу выдвигаемого автором тезиса свид тельствует и то обстоятельство, что с первым союзо урартов столкнулся уже Салманасар I, совершивш ряд победоносных походов против Митанни. В пре

ыдущей главе указывалось, что Салманасару I, в отличие от его отца, также совершавшего походы против Митанни, пришлось преодолеть горные перевалы, чтобы достичь жизненных центров этой страны., т. е. центр Митанни уже тогда переместился дальше к северу. Что касается отдельного похода против Урарту, то надпись Салманасара I сообщает: "В начале моего первосвященства возмутились против меня страны Уруатри. К Ашшуру и великим богам, моим владыкам, поднял я руки, устроил сбор моих войск. К скалам их гор могучих я поднялся; страны Химме, Уаткун, Баргун, Салуа, Халила, Луха, Нилипахри и Зингун, восемь стран с их воинством покорил я. 51 (или 41) поселение я разрушил, сжег, увел их пленных и имущество. Все страны Уруатри склонил я в три дня к ногам Ашшура, моего владыки. Их детей я выбрал, взял себе для услужения... тяжелую подать тор я навеки возложил на них". *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 43).*

Располагались эти страны в горной местности к юго-востоку от озера Ван, а центром объединения была Химме (Кумме, Кумману) в бассейне среднего течения Большого Заба — область укуманейцев. Район Химме соответствовал древнеармянскому Айтруанк, чье название, возможно, является армянской транскрипцией Уруатри. Конфедерацию племен долины Большого Заба ассирийцы называли Урарту — по названию граничащего с Ассирией района. Определить границы "стран Уруатри" не представляется возможным, поскольку ассирийцы упоминают лишь те районы, через которые проходили их войска. По мнению Г. А. Меликишвили "Уруатри" занимало территорию в верхнем или среднем течении Большого Заба *(Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 150 — 151).* По мнению же Н. В. Арутюняна, территория уруатрийского союза находилась у истоков Тигра и в сопредельных местностях, "начиная с районов гор. Нибур (современный Джудидаг) на юго-востоке вплоть до района Амид-Диарбекира на северо-западе и далее на северо-восток, вплоть до берегов Ванского озера" *(Арутюнян Н. В. Биайнили. Ереван, 1970. С. 17).*

Во всяком случае, "союз Уруатри" еще не представлял из себя единого политического образования. Каждая входившая в него область имела своего "царя" — фактически племенного вождя. Скорее всего, причиной возникновения союза и его целью было объединение усилий для того, чтобы противостоять общей для всех ассирийской угрозе.

Интересно, что в ассирийских текстах той эпохи упоминается еще один союз племен или царств, локализованный примерно в том же районе — страны Наири. (В текстах Салманасара I употребляется термин "Нири".) Так, стела Тукульти-Нинурты I в Ашшуре рассказывает о 43 царях страны Наири, объединившихся против него. Далее сообщается о поражении антиассирийской коалиции, о приношениях, сделанных разгромленными царями Наири и возложении на них дани. Другая стела, обнаруженная также в Ашшуре, дополняет описание разгрома страны Наири сценой привода плененных царей в Ашшур закованными в бронзовые цепи. После одержанных побед Тукульти-Нинурта I дополнил свой титул словами "царь страны Шубари, страны Кути и всех стран Наири" *(Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 44).*

Следующий ассирийский царь — Тиглатпаласар I также совершил немало походов в область урартов. В третий год своего царствования он воюет в хабхийской стране Суги "с 6000 их войск, со странами Химе, Лухи, Арирги, Аламун, Тумни и со всеми многочисленными бабхийцами на горе Хириху, в трудной местности, ... со всеми их странами я сразился пеший, нанес им поражение, ..." *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 44).* Хабхи — хурритская область, расположенная северо-западнее урартского культурно-религиозного центра Ардини (Мусасир). А в следующем году Тиглатпаласар I выступает против страны Наири: "По слову Ашшура, моего владыки, от той стороны Нижнего Заба до Верхнего моря захода солнца — все рука моя завоевала. В третий раз я пошел на страны Наири; обширные страны Наири от страны Тумме до страны Даяни, в том числе Химуа, Паитеру и Хабхи (Кильху) воистину я завоевал, 30 царей стран Наири к ногам моим я склонил, заложников их взял, коней, упряжи, их дань я принял, подать и приношения наложил на них". Победная надпись Тиглатпаласара I обнаружена и в Малазгиртской низменности, находящейся севернее реки Арацани: "Тикулти апалешар (Тиглатпаласар), царь сильный, царь вселенной, царь Ассирии, царь четырех сторон света, покоривший страны Наири от Тумме до Даяни, покоривший страну Хабхи до Великого моря" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 45).*

Из этих отрывков видно, что в составе царств Наири ассирийцы называют и хурритские области —

Хабхи, например. То есть можно говорить о какой-то государственной общности хурритов и урартов. При этом нельзя согласиться с мнением Б. Б. Пиотровского о том, что постоянная ассирийская угроза способствовала консолидации урартских государственных образований в одно мощное государство. Скорее наоборот — грабительские походы ассирийских царей, сопровождавшиеся экономическим разорением областей, угоном жителей и скота, имели для Наири-Урарту негативные последствия — они консервировали политическую раздробленность страны на множество мелких государственных образований.

Вообще, походы ассирийских царей в урартские области происходят регулярно. Практически каждый из ассирийских царей прошел по урартским областям во главе своих войск. Так, поход на страну Уратри в первый год своего правления предпринял второй сын Тиглатпаласара I — Ашшурбелкала (1087 — 1070 гг. до н. э.). В третий год своего правления он совершает поход в страны Химме и Баргун, которые, как это явствует из текста еще Салманасара I, входили в состав союза царств Урарту.

В текстах Ададнирари II (911 — 891 гг. до н. э.) особо выделяется страна Салуа, также входившая в урартский союз государств: "Могучий герой, который прошел с помощью Ашшура, своего владыки, от стороны Нижнего Заба, края стран Лулуме, Хабхи, Замуа, до перевалов Намара, обширную страну Кумани до страны Мехри, а также Салуа и Уратри к ногам своим склонил" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 46)*. Из дошедших до нас текстов трудно составить полное представление о размерах территории, входившей в состав урартских союзов государств. О том, что в ходе военных походов против урартов и их союзников ассирийцам приходилось преодолевать большие расстояния, говорят многие ассирийские хроники. Тиглатпаласар I сообщает о трудностях войны: "Ашшур, владыка, послал меня на страны дальних царей, что на берегу Верхнего моря (Черное море), не знающих подчинения, и я пошел. Трудными тропами, тяжелыми перевалами, чьей середины прежде не знал ни один царь, закрытыми путями, непроложенными стезями я провел мои войска. ...23 царя стран Наири велели собрать в своих странах колесницы и войска и поднялись против меня на войну и на битву. Я надвинулся на них в ярости моего грозного оружия, я, как наводнение Адада, учинил истребление их многочисленного войска. ...60 царей стран Наири, вместе с теми, что пришли к ним на помощь, я прогнал моим копьем до Верхнего моря... Всех царей стран Наири я захватил живыми. Этих царей я помиловал и спас им жизнь перед Шамашем, моим владыкой, я освободил их из плена и уз. Я заставил их присягнуть моим великим богам в службе мне на будущее время, на вечные времена. Сыновей их, царственных отпрысков, я взял в заложники. Я наложил на них дань — 1200 коней, 2000 голов крупного рогатого скота [и] отпустил их в их страны. ... Сени, царя страны Дайани, который не склонялся перед Ашшуром, моим владыкой, пленным и связанным я увел в мой город Ашшур, но помиловал его и отпустил из моего города Ашшура славящим моих богов, чтобы он славил их за спасение жизни. Обширными странами Наири до всех пределов их я овладел и склонил их к моим ногам" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 10 — 11)*. Из указанного отрывка видно, что ассирийская армия последовательно прошла по землям всех стран противостоявшей им коалиции Наири и вышла к Черному морю. Упоминание в списке завоеванных стран и страны "Килхи" (Келхи, Гелхи), расположенной у Верхнего моря, говорит о вхождении древней Колхиды в союз Наири.

В общем, вопрос о размерах "страны Наири" до сих пор остается открытым. Некоторые исследователи склонны считать его объединением большинства племен, обитавших на территории между Черным и Каспийским морями. Сами ассирийцы скорее всего употребляли этот термин для обозначения областей, лежавших к северу от своей страны. "Страна Наири", против которой воевали ассирийцы в XIII — XII вв. до н. э., не представляла собой единого союза племен с одним вождем во главе. Это была "конфедерация" племен, объединявших свои усилия на короткое время для достижения единой цели — будь то совместный набег или совместная оборона. Ассирийские источники постоянно говорят о дани, налагаемой на страны Наири после каждого ассирийского похода и о принятии от царей этих областей заложников. Однако по-настоящему подчинить себе область "стран Наири" ассирийцам так и не удалось. Более того, уже с X в. до н. э. Ассирия переходит к стратегической обороне от набегов из северных районов, совпавших по времени с усилением натиска на Ассирию кочевников Аравии и Сирии.

В начале IX в. до н. э., когда Ассирия покончила с арамейской угрозой и внутренними неурядицами,

ее внешняя политика вновь активизируется. Для завоевания господства над северосирийским регионом ассирийским царям необходимо было обеспечить свой тыл с севера. По этой причине возобновляются ассирийские походы на север, а их столкновения с урартами приняли более упорный и ожесточенный характер. Последнее свидетельствует об укреплении военной мощи наирийского союза племен. Более того — ассирийские источники уже говорят не просто о союзе царей, а о наличии здесь сильного государства. Термин "страна Урарту" вместо старой формы "страна Уруатри" (Уратри) впервые встречается в надписях Ашшурнасирпала II (883 — 859 гг. до н. э.), в которых сообщается о завоевании земель "от истоков реки Субнат (в верхнем течении Тигра) до страны Урарту" *(Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 46)*. Надписи этого царя содержат сведения и о походе против страны Наири, разрушении там большого числа крепостей и переселении части ассирийцев в некоторые из захваченных крепостей, для упрочения господства над завоеванными землями. Вообще, со времени Ашшурнасирпала II резко возрастает количество ассирийских походов против Урарту, сократившееся было при его предшественниках. Это обстоятельство, а также употребление термина "страна Урарту" наряду с термином "страны Наири" говорит выделении из среды мелких государственных образований урартов крупного царства, серьезно препятствующего продвижению Ассирии на север. Таким образом, становление Урарту как централизованного и могущественного государства произошло именно в тот период, когда ослабленная Ассирия временно прекратила опустошительные набеги на урартские области.

Областью, где происходила консолидация наирийских стран, был район Ванского озера. Среди этих стран наиболее крупными были Биайнили, Хубушкиа, Ардини, Куммену, Мана, Уруатри, Этиуни, Арме-Шуприа, Бит-Замани, Энзиту, Цупани, Хайаса и Диауэхи *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 19)*. Уже в момент возникновения единого государства Урарту можно отметить наличие в нем хурритских областей (Хубушкиа, Мана и других), а также двух культурно-религиозных центров. Древнейшим из них был город Ардини (Мусасир), расположенный в верхнем течении Верхнего Заба. В этом городе располагалось святилище верховного бога Халди (Халда). Вторым важнейшим центром, связанным с культом бога Тайшеба, был Куммена — город с давними хурритскими традициями.

Таким образом, в формировании Урартского царства изначально участвовали родственные друг другу племена хурритов, урартов и близких к ним этнических групп, что дало Б. Б. Пиотровскому в свое время сделать вывод о том, что образование Урартского царства представляло собой возобновление хурритской политической традиции *(Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 47)*. К IX в. до н. э. наиболее сильными среди них оказались племена, которые назывались ассирийцы "урартами" (самоназвание "биаинили"). О происхождении термина "биаинили" существуют различные мнения. Н. Адонц полагает, что Биа или Биай — было личным именем одного из династов, которые правили в районе озера Ван до образования там единого царства. "Биаинили" — множественное число от "Биайни". Другие исследователи склонны считать "биа" самоназвание одного из племен, занимавших земли на востоке озера Ван. По имени племени "биа" государство, созданное при лидирующем положении этого племени, получило название "Биаинили" *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 19 — 20)*. Этот же термин лежит в основе названия озера Ван.

Экономические и политические обстоятельства привели к образованию нескольких объединений наирийских племен, крупнейшим из которых было объединение, возглавляемое биаинийцами — урартами. Экономической предпосылкой возникновения Урарту было развитие производительных сил и существенное имущественное расслоение, в результате которого в руках родо-племенной верхушки оказались сосредоточены серьезные богатства. На рубеже II — I тыс. до н. э. урартское общество переживало период "военной демократии". Война превратилась в постоянное занятие, способствующее ускоренному обогащению знати.

"Военная демократия" отражала изменения, произошедшие в общественных отношениях урартов. Появились большие патриархальные семьи, внутри которых выделяются "малые" семьи со своим частным хозяйством и частной собственностью. Место родовой общины занимает сельская или соседская община. Вместо прежних кровных связей у членов общины возникали по преимуществу этнические (языковые, культурные) и территориальные связи.

Наиболее богатые и знатные члены общины стали подчинять себе рядовых общинников, а у племенных вождей появились собственные дружины, при поддержке которых власть вождей превратилась из выборной в постоянную и наследственную, т. е. царскую. Логическим завершением "военной демократии" является возникновение государства.

Первоначально центром политического объединения урартов, возможно, был район к северу от озера Ван со столицей Арзашку. О месторасположении Арзашку также нет единого мнения. Н. Адонц помещает его в районе современного города Манаскерт, на берегу реки Арацани (Арсаниас). По другой гипотезе, Арзушку находился на самом берегу озера Ван на том месте, где позже стоял древнеармянский город Арцке, название которого этимологически возводится к Арзашку *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 19 — 20; Арутюнян Н. В. Биайнили. Ереван, 1970. С. 107 — 109).* Впоследствии столица царства была перенесена в город Тушпа на юго-восточном берегу Ванского озера. Перенос столицы был продиктован, скорее всего, стратегическими соображениями, так как город Тушпа находился в окружении внутренних областей Биаинили.

Появление крупного государственного объединения урартов заставило Ассирию активизировать свою экспансию в северном и северо-западном направлении. Салманасар III (860 — 825 гг. до н. э.) уже в первый год своего правления предпринимает массированное вторжение в области урартов: "Я вышел из Ариду, бронзовыми и медными кирками расчистил трудный путь в крутых горах, которые направлены вершинами к небесам, подобно лезвию железного кинжала, привел мои колесницы и войско и подошел к Хубушкии, сжег в огне Хубушкию вместе с сотней поселений ее области. Какиа, правитель Наири, и остатки его войска испугались горечи моего оружия и поднялись на высокие горы; за ними поднялся и я, устроил я в горах большую битву и нанес им жестокое поражение, колесницы, воинов, коней подъяремных вывел я с гор. Ужас и блеск Ашшура, моего владыки, поразил их, они спустились вниз, обняли мои ноги; подать и дань наложил я на них. Из Хубушкии я ушел к Сугунии, крепости Араму Урарта, я приблизился, город обложил, захватил я, убил много их воинов, увел добычу, кучу из голов сделал я напротив их города, 14 поселений его области сжег я огнем. От Сугунии я ушел, спустился к морю Наири, мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 52. — 53).*

Очевидно, этим походом Салманасару III не удалось добиться окончательной победы над урартами. Поэтому в третий год своего правления (858 г. до н. э.) на обратном пути из Сирии ассирийская армия, пройдя через страну Алзи, вновь вторглась в Урарту. "При возвращении переступил я границы страны Алзи: страны Алзи, Сухни, Даяни, Тумме, Арзашкун, царский город Араму Урартского, страны Гилзан и Хубушкиа (я покорил)" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство. (Урарту). М., 1959. С. 54).*

Далее опять следует пространная реляция о полном разгроме вражеской страны и выражении покорности ее царями. Интересно, что опять упоминаются имена, уже известные нам по хронике похода двухлетней давности, например Араму Урарт. Таким образом, ассирийский царь вынужден вновь завоевывать территории, уже один раз им якобы завоеванные. О том, что успехи ассирийцев в войне против урартов, мягко говоря, ими преувеличивались, видно из того факта, что спустя два года после первого своего похода на Урарту Салманасар III, сообщив о разорении вражеской страны, уже ничего не говорит о ее покорении. К тому же, если восстановить маршрут движения ассирийской армии по урартской территории, можно отметить, что он пролегал по окраинам государства. Ассирийцы не пошли в глубь страны, очевидно, не решившись на это.

Примерно то же повторилось и на 15-й год правления Салманасара III: "В 15-й год правления я пошел на страну Наири. У истока Тигра я высек изображение моей царственности на скалах гор, где выходит вода, записал на нем победу моего могущества в пути моей отваги. Я прошел перевалом Тунибуни, поселения Араму Урартского до истока Евфрата, разрушил, снес, сжег огнем. Я подошел к истоку Евфрата, принес жертву моим богам, оружие Ашшура омыл в нем" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство. (Урарту). М., 1959. С. 57).* Несмотря на общий победный тон надписи, бросается в глаза, что ассирийский рейд опять пришелся на окраины урартской территории. Таким образом, не имея, видимо, сил для решительного удара по усиливающемуся Урартскому государству, Салманасар III стремился ослабить его, опустошая приграничные районы.

Вместе с тем, основным направлением ассирийской экспансии при Салманасаре III было западно

направление. За тридцать шесть лет царствования этого царя только четыре года не было походов на присредиземноморские области. Именно на эти четыре года пришлись походы ассирийцев против Вавилона и Урарту. Продвижение Ассирии на запад было весьма значительным. Разгрому подверглись Мелита (Малатья), Хамата и Дамаск, причем наиболее крупной была победа над коалицией Дамаска и 12-ти хеттских царей. Дань ассирийскому царю выплачивали финикийские города Тир, Сидон и Библ. Армии Салманасара III доходили до Киликии (Тарс), где было захвачено много золота, серебра, железа и скота. Серебром и драгоценными камнями расплачивались с Ассирией правители страны Табал.

Однако в северной Сирии и восточных районах Малой Азии интересы Ассирии противоречили интересам усиливающегося Урартского царства. Надо думать, что противодействие урартского царя ассирийской политике в этом регионе заставило Салманасара III направить усилия на разгром усиливающегося противника. На 27-м году своего правления он направляет против Урарту армию во главе с военачальником Даян-Ашшуром: "Поставил я Даян-Ашшура, туртана, начальником войска, во главе отрядов и послал их в сторону Урарту. Он спустился к Бит-Замани, перешел перевал Амаштуби и реку Арзани. Сидури (Сардури), правитель Урарту, услыхал об этом, понадеялся на силу своего многочисленного войска и выступил ко мне навстречу, чтобы принять битву. Я сразился с ним и победил его" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство. (Урарту). М., 1959. С. 57)*. Однако ассирийская хроника необычно сдержанна в описании торжества над врагом. А если вспомнить, что ассирийская армия и на этот раз повернула назад, не дойдя до внутренних районов Урарту, можно прийти к выводу, что успех ассирийцев был невелик.

Спустя четыре года тот же военачальник, Даян-Ашшур, во главе новой армии вновь выступил против Урарту: "Я направился к Сапарии, укрепленному городу Мусасира, захватил Сапарию вместе с 46 поселениями мусасирцев. Направился я к крепости Урарту, разрушил, опустошил и сжег 50 их поселений" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство. (Урарту). М., 1959. С. 57 — 58)*. Следовательно, войдя на урартскую территорию с юга, через Хабушкию, ассирийская армия направилась в район, расположенный между озерами Ван и Урмийя. Возвращение домой ассирийской армии произошло через районы, прилегающие к Урмийскому озеру, через страны Гилзан и Парсуа, страну Наири и по реке Нижний Заб. Как видим, ассирийцы и на этот раз уклонились от продвижения к центрам Урарту, а их поход вновь принял форму грабительского рейда по окраинам вражеского государства.

Таким образом, в первой половине IX в. до н. э. на месте бывшего объединения небольших государств мы застаем уже царство Урарту, охватывающее значительные территории. На юге оно граничило с областью Хабушкия (долина реки Бохтан-су), на северо-востоке граница Урарту выходила к северным берегам озера Урмийя. На западе граница протянулась от истоков западного Тигра до истока Западного Евфрата. На юго-востоке к территории Урарту примыкал район Ардини (Мусасир), в то время, по-видимому, формально еще не входивший в ее состав. Из-за отсутствия сведений неопределенной остается северная граница, известно только, что районы, прилегающие к горе Арарат, в частности Араратская долина, были присоединены к Урарту позднее.

Второе известное крупное объединение урартов находилось в области Хабушкия и в ассирийских источниках именуется уже как "царство Наири". Длительное самостоятельное существование этого царства между Ассирией и Урарту наводит на мысль, что две сильные державы были в общем-то заинтересованы в наличии "буфера" между собой.

К третьей четверти IX в. до н. э. относится и первая из известных урартских надписей. На камнях цитадели урартской столицы Тушпы сохранились три одинаковые по содержанию надписи, сделанные на ассирийском языке: "Надпись Сардури, сына Лутипри, царя великого, царя могущественного, царя вселенной, царя страны Наири, царя, равного которому нет, удивительного пастыря, не боящегося сражения, царя, подчиняющего непокорных. (Я), Сардури, сын, Лутипри, царь царей, который от всех царей получил дань. Так говорит Сардури: Я эти камни принес из города Алниуну (и) воздвиг эту стену" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 117)*.

Исходя из этой надписи уже можно говорить о наличии в области урартов могущественного централизованного государства. Титул урартского царя почти полностью копирует аналогичную ассирийскую титулатуру. Интересно, что Сардури, сын Лутипри, именует себя не царем Урарту — Биайны, а именно "царем Наири". Сардури I правил предположительно до 825 г. до н. э. Точно та же поступит в

своих надписях и преемник Сардури, его сын Ишпуини (примерно 825 — 764 гг. до н. э.) — он тоже назовет себя "царем Наири". Было ли это связано с претензиями на господство над всеми урартскими племенными объединениями, включая область Хабушкия, — пока неясно. Не исключено, что при составлении надписи на ассирийском языке урартские писцы просто механически использовали наиболее употребляемое ассирийское название областей урартов, не заботясь о его конкретизации.

Обращает на себя внимание и наличие крупного государственного центра города Тушпы (район Вана) уже в IX в. до н. э. Укреплению своей столицы Сардури придавал особое значение, видимо, поэтому для строительства ее оборонительных сооружений был использован привозной камень.

Начальный период Урартского царства очень слабо освещен в письменных источниках. Согласно ассирийским данным в 856 и 845 гг. до н. э. во главе урартов стоит царь Араму. Во время похода, предпринятого двенадцать лет спустя, ассирийцам противостоит урартская коалиция уже во главе с царем Сардури, который согласно Ванской надписи был сыном Лутипри, а не Араму. А в ассирийской надписи, датируемой 823 г. до н. э., на урартском престоле сидит уже Ишпуини, сын Сардури. Таким образом, за период с 845 по 823 г. до н. э. на урартском престоле, скорее всего, сменились три царя и произошла смена династии (хотя и по этому поводу нет единого мнения среди исследователей). Г. А. Меликашвили полагает, что при царе Араму Урарту еще не было прочным государственным объединением, а представляло собой союз племен. После неудачного исхода войны с ассирийцами в союзе могла произойти смена "лидера" — главенствующее положение в союзе заняло племя, вождем которого был Сардури. Опорный пункт последнего, город Тушпа, и стал впоследствии столицей государства *(Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 200)*. О переносе столицы после царствования Араму пишет и М. В. Никольский *(Никольский М. В. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. М., 1893. С. 24)* По Г. А. Меликишвили, значение Тушпы определялось также и тем, что здесь находился третий общеурартский религиозно-культовый центр — храм бога солнца Шивини. Однако почти все обнаруженные урартские надписи из Тушпы обращены к главному богу урартского пантеона — Халди, лишь иногда упоминается Тушпуеа, супруга Шивини. Да и замена "лидера" могла произойти не только в союзе племен. Известно немало случаев из той же древней истории, когда военная неудача многим царям стоила короны, а часто и жизни. В любом случае, об обстоятельствах перехода власти от Араму к Сардури, сыну Лутипри, можно только догадываться.

Археологические данные свидетельствуют об обширном строительстве в районе Тушпы при Ишпуини, сыне Сардури. Правда, сами постройки не сохранились, зато в руки археологов попали отдельные камни с надписями о возведении храмов и других сооружений при правлении этого царя. Такие находки сделаны не только на территории самого Вана, но и в прилегающих к нему районах. Именно ко времени правления Ишпуини следует отнести быстрое возвышение Урартского царства, превратившегося в крупнейшее государство Передней Азии.

Ассирия, завязнувшая в непрерывных войнах в северной Сирии и ослабленная внутренними неурядицами последних лет правления Салманасара III, не могла решительно противодействовать укреплению Урарту. Но уже в первые годы правления следующего царя — Шамшиадада ассирийские армии три года подряд вторгаются в пределы территории урартов. Наиболее крупным считается второй поход, когда армия военачальника Муттарис-Ашшура, по ассирийским источникам, захватила 11 урартских крепостей и более двухсот поселений *(Пиотровский Б. Б. Ванское царство. (Урарту). М., 1959. С. 60)*. Урартские источники ничего не говорят об этих походах ассирийцев, но, как бы то ни было, Шамшиададу не удалось помешать дальнейшему усилению Урарту.

По мере роста могущества Урартского царства активизируется его внешняя политика. В конце IX — первой половине VIII в. до н. э. урартские цари ведут ряд войн, направленных как на расширение своей территории, так и на откровенный грабеж соседних областей. Урартская экспансия шла в основном в трех направлениях: на юго-восток — районы, прилегающие к озеру Урмийя; западное и юго-западное направление — восточные районы Малой Азии, северная Сирия и северная Месопотамия; северное — районы Закавказья.

Прямого военного противостояния Урарту и Ассирии в указанный период почти не наблюдается. Ослабленная Ассирия и еще не набравшее достаточную силу Урартское царство какое-то время избегают решительного столкновения между собой. Борьба между ними идет в основном за овладение находя-

щимися рядом с ними более мелкими и слабыми государствами. Особое внимание при этом обе державы уделяли районам, прилегающим к озеру Урмийя, а также северным областям Месопотамии и северной Сирии.

О начале наступательных войн свидетельствуют появившиеся победные надписи урартских царей. Первая из известных нам надписей принадлежит царю Ишпуини:

"Богу Халди, владыке, Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эту надпись воздвигли.

Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием, победил он племя Уитерухи, победил племя Луша, победил племя Катарза. Халди могуч, оружие бога Халди — могучее.

Могуществом бога Халди отправились (в поход) против Луша Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини; был Ишпуини могуч, Менуа — могуч; в войске (их насчитывалось): 66 боевых колесниц, ...тысяч 460 всадников (и) 15760 (пеших) воинов. Предшествовал бог Халди Ишпуини, сыну Сардури, (и) Менуа, сыну Ишпуини. Отбросили (они) Уитерухи, Луша, Катарза; дошли (они) до городов Анаше и Большое Кукуру..." *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 136).*

При царе Ишпуини Урарту имеет крепкую центральную власть и упорядоченный аппарат управления. Централизация управления отразилась в установлении строгой иерархии богов в урартском пантеоне, во главе которого стали Халди, Тейшеб и Шивини. Усиление царской власти явствует и из принятия Ишпуини пышного титула. Урарту уже прочно закрепилось в основных частях Армянского нагорья. На севере границы Ванского царства подошли к истокам Аракса, до границ племенного объединения Этиуни. На юго-востоке Урарты вышли к территории мидян и стране Парсуа.

При следующем правителе — Менуа (810 — 786 гг. до н. э.) количество победных надписей возрастает. Среди стран, подвергшихся вторжениям урартских войск, перечисляются Улибани, Диргу, Мармани, Хати, Алзини, Диауехи. Менуа удается даже захватить ряд ассирийских областей в районе озера Урмийя и Иранского нагорья. Менуа объявляет себя "царем Шурили и Биаинили", т. е. царем основных политических объединений стран Наири. На северо-западе владения урартов дошли до реки Арацани (район Эрзерума) и до долины Аракса, на западе — до Мелитены, на юго-востоке — до страны Мана *(Сальвини М. Распространение влияния государства Урарту на востоке. Ереван, 1978. С. 8).* В руки урартов перешла вся верхняя часть долины Евфрата, откуда были выбиты ассирийцы. Менуа подчинил себе царство Диауэхи, на которое была возложена тяжелая дань, главным образом серебром, золотом и железом. На севере урартские войска продвинулись до северных склонов Арарата, а на правом берегу Аракса был воздвигнут опорный пункт для дальнейшего продвижения в Закавказье — город Менуахинили. Укрепив свои позиции на севере и северо-западе, Менуа активизировал наступление на западном направлении. Ему подчинились страны Урме (Арме, Шуприа), Улиба, Алзи, Цупани. Из областей, расположенных к западу от Евфрата, под урартское влияние попали Мелитеа (Малатия), Хате и некоторые другие.

Менуа чувствовал себя настолько сильным, что захватил ряд стран, на которые претендовала Ассирия. В результате ряда походов в район между верховьями Тигра и Большого Заба он подчинил Бабанахи, Усусуани (Сасун), Мана и ряд других областей, продвинув границы Урарту до северных границ Ассирии.

Таким образом, при царе Менуа силы Урартского царства уже сопоставимы с мощью Ассирии, первой державы того времени. Менуа закладывает ряд крепостей на востоке, западе и севере Урарту в качестве опорных пунктов для дальнейших завоеваний или защиты границ от вражеских вторжений. Много внимания уделялось развитию хозяйства страны. Так, около Вана был прорыт канал длиной около 80 километров. Именно при царе Менуа закладываются основы могущества Урарту, продлившегося до середины VIII в. до н. э.

При его сыне — Аргишти I (примерно 786 — 764 гг. до н. э.) начинается период наивысшего могущества Урарту. Кроме большого количества разрозненных надписей, Аргишти I оставил после себя летопись, с перечислением наиболее важных событий каждого года своего царствования. Из этой летописи известно, что уже в первый год своего царствования Аргишти I воевал в стране, название которой установить не удалось. В 785 г. до н. э. урартские войска совершают поход в страны Дуауехи, Шериази, Забахае, Эриахи, Апуни, Луша, Катарза, Гулухати, Уитеруху: "19255 отроков, 10140 воинов живыми, 23280 женщин, всего 52675 человек за год, одних я умертвил, других же живыми увел. 1104 коня я угнал, (а

также) 35015 голов крупного рогатого скота, сто тысяч... одна тысяча 829 голов мелкого рогатого скота. Аргишти говорит: Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 212).*

Далее походы происходят практически ежегодно. Урарту подчинило себе страну Хубушкиа, обязав ее царя платить дань. Была завоевана страна Гильзана, расположенная на западном побережье озера Урмийя. Систематические походы предпринимаются на области, лежащие южнее Урмийского озера. Здесь располагалось Манейское царство, против которого неоднократно воевали Аргишти I, Сардури II и Руса I. В конце концов, под ударами урартов Манейское царство распадается. В состав Урарту вошла и область Ардини (Мусасир), еще при Салманасаре III бывшее независимым как от Ассирии, так и от Урарту.

Однако больше всего урартских царей притягивают районы северной Месопотамии, восточные области Малой Азии и северная Сирия. В начале I тыс. до н. э. этот регион переживал период экономического и политического подъема, выразившегося в быстром росте экономического значения сиро-финикийских городов. Докатившаяся до этих мест волна арамеев привела к образованию ряда небольших арамейских государств. В северной Сирии это область Арпада, получившая впоследствии семитское название Бит-Агуси, и государство Я'уди, по-арамейски Сам'ал, у гор Амана. Основными арамейскими княжествами на юге Сирии и верхнем течении Оронта были Арам-Цоба, Бет-Рехоб, Ма'ака, Гешур и Дамаск. Остальные области северной Сирии и юго-восточной Малой Азии были заняты многочисленными хеттскими государствами *(Бацieва С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // естник древней истории. Вып. 2 (44). М., 1953. С. 17).*

Для присредиземноморских районов северной Сирии и юго-восточной Малой Азии уже с XII в. до н. э. характерно широкое распространение железа. Конечно, железо было известно и другим народам. Оно упоминается в переписке митаннийского царя Тушратты с хеттским царем Суппилулиумой I (XIV в. до н. э.) и Хаттусили III — с Рамзесом II (XIII в. до н. э.). Однако в это время железо является еще очень редким металлом. На первых порах монополистом в добыче железной руды было Хеттское государство, на территориях которого были созданы значительные склады железа. С крушением хеттской державы малоазиатское железо распространяется на более южные области. Уже в X в. до н. э. по ассирийским источникам можно проследить широкую торговлю железом.

Ассирийские источники говорят также о добыче железа в горах Lam-mun. Большинство ученых идентифицируют эти горы с хребтом Аман (современный Гявур-даг) на границе Малой Азии и северной Сирии. Подробный анализ письменных источников той эпохи и археологических данных позволили прийти к выводу, что в первой половине I тыс. до н. э. все железо, потреблявшееся на Переднем Востоке, добывалось в Каппадокии, Коммагене и Киликии. При этом вся торговля железом с другими странами оказалась сосредоточенной в руках северосирийских городов.

Не случайно железо становится стратегическим металлом, овладеть которым стремятся все наиболее значительные государства того времени. Ассирийские источники IX — VIII вв. до н. э. особо сообщают о количестве железа, захваченного или полученного в ходе завоевательных походов на северосирийские, малоазиатские и верхнемесопотамские области. Так, Ашшурнасирапал получил в стране Хотти (имеется в виду Каркемиш) 250 талантов железа (семь с половиной тонн). Значительное количество железа другой ассирийский царь Салманасар III захватывает или получает в виде дани от городов-государств Каркемиш, Я'уди, Хаттине и Бит-Халупе. Тиглатпаласар III также сообщает о захвате запасов железа в Кумухе (Коммагена), Куэ, Гургуме, Каркемише. Конечно, не все указанные города сами добывали железо, но именно северосирийские и верхнемесопотамские города держали под контролем транзитную торговлю железом с Междуречьем и другими восточными областями *(Бацieва С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // Вестник древней истории. Вып. 2 (44). М., 1953. С. 20).*

Конечно, богатство этих районов строилось не только на посреднической торговле железом. Через эти области пролегали важнейшие торговые пути древности. Объектами транзитной торговли были также каппадокийское серебро, медь и свинец Табала, ценная древесина, прежде всего кедр, киликийские лошади. Велась и транзитная торговля золотом.

Нельзя забывать, что торговля в странах Древнего Востока находилась под контролем высших должностных лиц государства и являлась для многих небольших государств Сирии, Финикии и некоторых других областей основным источником пополнения

государственной казны. Приблизительное представление о богатствах, попадавших в руки правителей центров транзитной торговли, можно получить по размерам дани, выплачиваемой ими ассирийским царям. Так, Салманасар III получил дань от Сарганы, царя Каркемиша в размере 3 талантов золота, 70 талантов серебра, 30 талантов меди, 100 талантов железа, не считая многочисленных изделий из драгоценных изделий и меди; от Хайи, правителя Сам'ала — 10 талантов серебра, 90 талантов меди, 30 талантов железа; от города Хаттины — 3 таланта золота, 100 талантов серебра, 300 талантов меди, 300 талантов железа *(Бацциева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // Вестник древней истории. Вып. 2 (44). М., 1953. С. 21).*

Политическая жизнь в Сирии X — VIII вв. до н. э. определялась сосуществованием двух военно-политических союзов городов-государств, сложившихся вокруг основных торговых центров: Каркемиша — на севере и Дамаска на юге. К VIII в. до н. э. общесирийская гегемония постепенно перешла к северо-сирийской коалиции, объединенные силы которой могли успешно противостоять даже такому грозному противнику, как Ассирия. Вместе с тем, на развитие ситуации в присредиземноморских регионах Передней Азии в IX — VIII вв. до н. э. существенное влияние оказало Урартское царство.

Конечно, это влияние не было односторонним. Тесное политическое, экономическое и культурное общение с городами восточного Присредиземноморья оказало существенную роль в развитии урартской материальной и духовной культуры. Причем корни этого взаимовлияния уходят в глубь веков. Так, наиболее ранние изображения урартских воинов дают представление об особенностях их вооружения. Наиболее характерным является наличие шлема-каски с высоким гребнем посередине. Дополняет вооружение короткий меч и короткое копье-дротик с массивным треугольным или ромбовидным наконечником и лук, длиной примерно в половину человеческого роста. Оборонительное вооружение представлено только маленьким круглым щитом.

Вооружение урартских воинов раннего периода сходно с комплектом вооружения позднехеттских воинов государств северной Сирии и Малой Азии. В первую очередь это относится к гребенчатому шлему. Аналогией хетто-урартским шлемам являются микенские, а позднее греческие гребенчатые шлемы-каски. Кстати, определенные аналогии обнаруживаются при сопоставлении раннеэллинской храмовой архитектуры с Мусасирским храмом. Лишь позднее облик урартских воинов изменится под ассирийским влиянием. На вооружении урартских воинов появятся лук и стрелы с листовидным железным наконечником, металлический колчан, железный меч, кинжал и длинное копье, с железным, реже — бронзовым наконечником. Оборонительное вооружение будет состоять из железного пластинчатого панциря, конического бронзового или медного ассирийского шлема и щита. Щит мог быть или полностью металлическим, чаще бронзовым, или плетенным из прутьев с центральным бронзовым конусовидным умбоном. Организация войска урартов практически не отличалась от организации армий соседних государств. Помимо постоянного "царского полка" в войско включались отряды наместников и зависимых царей. Войско делилось на боевые колесницы, конницу и пехоту. Первые два рода войск считались привилегированными и служили в них в основном представители знати. Боевые колесницы, система упряжи и даже форма удил также копируют аналогичные ассирийские образцы *(Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Ереван, 1950. С. 38 — 41, 56, 60, 62, 66 — 67).*

Урартские и малоазиатско-сирийские аналогии можно продолжить, если сравнивать сохранившиеся изображения крепостей, которые тождественны в Урарту и Сирии, и значительно отличаются в областях Ассирии и Вавилона. Все ранние традиции урартской архитектуры, как это подчеркивают практически все исследователи, целиком связаны с малоазиатской и сирийской архитектурой и очень далеки от ассирийских памятников того периода. Думается, эта культурная близость не случайна и связана с общим для урартов и малоазиатских и сирийских государств хурритским влиянием.

Однако близость урартской и восточной присредиземноморской культур не может быть объяснена исключительно генетическим родством с хурритским населением. Эта близость была дополнена постоянными экономическими связями урартов с городами Малой Азии и Сирии. Богатые железные рудники Армянского нагорья сразу же после начала разработки привлекли внимание малоазиатских и сирийских городов. Торговля железом, вероятно, сыграла немаловажную роль в почти синхронном росте могущества Урарту с расцветом малоазиатских и сирийских городов.

Именно борьба за преобладание в северной Сирии и прилегающих к ней областях, по которым пролегали маршруты торговых караванов, а также возможность эксплуатировать богатые сирийские и малоазиатские города, — составляли сердцевину ассирийско-урартских противоречий. В IX в. до н. э. усилия ассирийских царей направлены на создание и укрепление системы своих наместничеств на западной границе Урарту, которые долгое время отрезали Урарту от Малой Азии и северной Сирии.

Начало ассирийским наместничествам на территории "стран Наири" положил Ашшурнасирапал. Эта политика продолжается и при его преемниках. В 882 г. до н. э. образуется наместничество в Тушхане (в верхнем течении Тигра). В 856 г. до н. э. при Салманасаре III создается наместничество в Амеде. В 838 году "великий кравчий" Салманасара III — Нинуртакибсиусур является уже наместником Амеда, Маллану, Алзи, Сухме и других областей "стран Наири", расположенных по верхнему течению Евфрата.

Опираясь на свои наместничества, ассирийские цари предпринимают походы дальше на запад, с целью подчинить себе не только торговые города Сирии и Малой Азии, но и установить контроль непосредственно над источниками добычи металлов. Об этом говорит захват ими Куэ, взятие Тарса в Малой Азии и посещение Салманасаром III копей и рудников в горах Тавра, после завоевания им Табала. Продвижение Ассирии на запад означало для урартов утрату политических, экономических, этнических и культурных связей с сирийско-хеттским миром. Генетически связанное с Передней Азией Урартское государство решительно противодействует продвижению в эти области Ассирии.

С началом VIII в. до н. э. ситуация меняется. В 768 г. до н. э. сохранилось только одно ассирийское наместничество в Амеда, что стало результатом резко активизировавшихся походов урартских царей с целью добиться доступа к богатым районам северной Сирии и Малой Азии. Уже указывалось, что урартский царь Менуа совершил поход "в страну Хати; ... 2113 человек за (этот) год — одних умертвил, других (же) живыми увел; мужчин из них отдал я воинам" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 151).* Его преемник Аргишти I продолжает борьбу за расширение урартских границ на запад. В победных надписях вновь упоминается "страна Хати": "Величием бога Халди выступил я (в поход) на страну Хати... Мужчин (и) женщин я (оттуда) увел, крепости разрушил, города сжег. 2539 отроков, 8698 мужчин живыми я увел, 18047 женщин, всего 29284 человека за год, одних я умертвил, других — живыми увел... Аргишти, сын Менуа, говорит: Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил". *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 216).*

Разумеется, ассирийцы пытались противостоять урартскому натиску. Так, Салманасар IV сообщает, что он нанес поражение урартскому царю Аргишти I, "...чье название страшно, как тяжелая буря, чьи силы обширны, кто ни к кому из прежних царей не простирал свою руку..." *(Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 71).* Но даже из самого тона ассирийской надписи видно, что ситуация складывалась явно не в их пользу. В надписях Аргишти I содержатся указания на неудачный для ассирийцев исход противостояния: "Величием бога Халди военачальников я отправил в поход; отбросил я Ассирию..."; "...завоевал я страну Иркиуни, дошел я до гор Ассирии. 6481 человека за год, одних я умертвил, других (же) живыми увел..." *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 223).* Его преемник Сардури II (764—735 гг. до н. э.) также непосредственно сталкивался с ассирийцами: "Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием, победил он Мурину, царя страны Уеликухи, победил Циналиби (из) племени Луеху, царя страны города Тулиху, победил он Ашшурнирари, сына Ададинирари, царя Ассирии, победил страну Арме, победил город Нихириа, царский город (этой) страны, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти. Халди могуч, оружие бога Халди — могучее. Вступил (в поход) Сардури, сын Аргишти" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 300).* Аргишти I и Сардури II предприняли ряд походов с целью завоевания малоазиатских областей, прилегавших к их границам, что позволило бы Урарту выйти непосредственно к сырьевой базе транзитной торговли северосирийских городов. В случае успеха этого предприятия под их контролем оказались бы два основных центра добычи металлов, в частности, железа, на Переднем Востоке. Контроль над центрами добычи металлов позволил бы Ванскому царству выступить в роли монополиста, навязывающего свою волю не только сирийским городам-государствам, но и основному противнику — Ассирии.

Усиление Урарту очень быстро сказалось на ситуации в Сирии. Очевидно, урартские цари принимали меры к тому, чтобы перекрыть для Ассирии торговые пути в Малую Азию и Сирию. Известно, что в период гегемонии Ассирии ведущую роль в коалиции северосирийских городов играл Каркемиш, главный торговый агент в евфратской торговле (фактически главный пункт на торговом пути в Ассирию). С возрастанием влияния ванских царей роль лидера объединения северосирийских городов переходит к городу Арпад. В конце VIII в. до н. э., в связи с упадком Урарту, вновь возрастает роль Каркемиша в Сирии. Каркемишские цари даже предпринимают ряд завоевательных походов в восточную Каппадокию — страну Пала, находившуюся в районе реки Арацани, и некоторые другие области Малой Азии.

Таким образом для Ассирии гегемония любого другого враждебного ей государства в Передней Азии влекла серьезную угрозу ее жизненным интересам. Не случайно период господства Урарту в Передней Азии совпал по времени с упадком Ассирии. Отрезав последней доступ к малоазиатским рудникам и торговле металлами, урартские цари тем самым нанесли сильный удар не только по экономике, но и по армии Ассирии. Таким образом, контроль над северосирийским торговым путем превращался для ассирийских царей в вопрос жизни или смерти их государства. Салманасар IV (782 — 772 гг. до н. э.) предпринял семь походов на север, направленных фактически против Урарту. Борьба велась в основном на территории пограничной страны Мана, полностью овладев которой, каждая из сторон значительно улучшила бы свои позиции для продолжения борьбы. В свою очередь, южные походы урартских царей также направлены фактически против Ассирии.

По урартским и ассирийским источникам можно установить, что прямые военные действия между этими странами происходили в 781 — 776 и 774 гг. до н. э. на территории южнее озера Урмийя. В 781 г. до н. э. урарты захватили ряд приурмийских районов и дошли до среднего течения реки Дияла. В следующем году они отбросили ассирийцев, попытавшихся было вторгнуться в область Хубушкиа. В 779 г. урарты захватывают богатую добычу в странах Мана и Бишту. В конечном итоге Аргишти I установил свой контроль над Манейским царством, а также территориями на востоке и юго-востоке озера Урмийя *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 32).*

Параллельно с борьбой за овладение северными районами Месопотамии, северной Сирии и восточными районами Малой Азии с конца IX в. до н. э. идет экспансия урартских царей в северном направлении. Уже при Менуа часть земель на правом берегу Аракса включается в состав Урарту. Наиболее серьезное сопротивление Урарту оказало царство Диаухи (Дайаэни). При Аргишти I южные районы Диаухи были превращены в урартские провинции. Урартские крепости выносятся также в Араратскую долину, где некоторые ученые локализуют страну Аза. В пятом году своего правления Аргишти I вступает в пределы страны Аза. В том же, 782 г. до н. э., здесь закладывается военно-стратегическая крепость Ирпуни (Эребуни) на холме Арин-берд:

"Бог Халди выступил (в поход) со своим оружием, победил он страну Этиуни, победил он страну города Кихуни, поверг (их) перед Аргишти. Халди могуч, оружие бога Халди — могучее. Величием бога Халди выступил (в поход) Аргишти, сын Менуа, предшествовал (ему) бог Халди. Аргишти говорит: Завоевал я страну города Кихуни, расположенную на берегу озера. Дошел я до города Алишту; мужчин (и) женщин (оттуда) я угнал.

По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: Город Ирпуни я построил для могущества страны Биаинили (и) для усмирения вражеской страны. Земля была пустынной (и) ничего не было там (раньше) построено. Могучие дела я там совершил. 6 тысяч 600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 216).*

Из приведенного отрывка видно, что войска Аргишти I пришли в Араратскую долину после завоевания страны города Кихуни, находившейся, очевидно, на северо-западе озера Севан. Таким образом, крепость Ирпуни (Эребуни) воздвигнута после завоевания страны Кихуни и достижения пределов Иштикуни и Ликиу с целью закрепления урартского влияния не только в стране Аза, но и на территориях, лежащих между северо-западным побережьем озера Севан и страной Аза.

Большая численность размещенного здесь гарнизона (6600 воинов) свидетельствует о том стратегическом значении, которое придавалось новой крепости. Надпись Аргишти I, обнаруженная близ селения Элар (на северо-восток от Еревана), сообщает, что была захвачена еще одна близлежащая страна — Улуани или страна города Дарани.

Через шесть лет после основания Ирпуни — в 776 г. до н. э. тот же царь Аргишти I основывает на левом берегу Аракса новый город Аргиштихинили (Армавир) *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван,. 1966. С. 86)*. Сооружение нового города было вызвано, скорее всего, уже не соображениями военной целесообразности, а требованиями хозяйственного развития новых провинций. Аргиштихинили, вероятно, был экономическим и административным центром плодородной Араратской долины. Причем, если судить по емкости сооруженных здесь хранилищ для продовольствия, этот город не только обслуживал нужды окрестного населения, но и снабжал необходимыми припасами центральные районы страны и царское войско.

В дальнейшем, при правлении преемника Аргишти I — Сардури II (764 — 735 гг. до н. э.), крепость Ирпуни активно используется в качестве опорного пункта для присоединения близлежащих областей. В своих надписях Сардури II сообщает о победах, одержанных в странах, расположенных у южного и юго-западного берегов озера Севан: Лиеху с царским городом Тулиху, Аркукини, Уртехини, Лики, Камани, Луеруни, Уеликуни (Уеликухи), Адахуни, Луипруни, Эшумуа, Камни(у), Ку'албани, Ухуни, Териани и других. Перечисленные территории ранее входили в состав обширного объединения племен, именуемого в источниках Удури-Этиуни.

Следующий урартский царь — Руса I (735 — 713 гг. до н. э.) продолжает активную внешнюю политику в этом регионе. Он не только прочно удерживает присоединенные ранее области, но и подчиняет себе ряд новых:

"По господнему могуществу бога Халди Руса, сын Сардури, говорит: Я эти страны одним походом захватил. Поработил: четырех царей стран Адаху, Уелику, Луеру, Аркукини — с этой стороны озера, (а также) 19 царей стран: Гурмекули, Шанатуа, Териуиша, Ришуа, [ ]зуа, Ариа, Зама, Иркума, Эла, Эриелтуа, Аидаманив, Гуриа, Ализира, Пируа, Шила, Уидуа, Атеза, Эриа, Азамерун — с той стороны озера в горах высоких; всего 23 царя за один год всех я захватил, мужчин (и) женщин угнал с в страну Биаинили. Пришел я в год дани, построил эти крепости, этой стране... величественную крепость бога Тейшеба я построил, установил (для нее) имя — "Город бога Тейшеба": (построил я ее) для могущества страны Биаинили (и) для усмирения вражеских стран" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 329)*.

Таким образом, спустя примерно сто лет после сооружения крепости Ирпуни (Эребуни) закладывается новая крепость — Тейшебаини. С ее появлением Ирпуни, по всей видимости, утратила прежнее значение главной крепости на территории страны Аза. При археологических раскопках в Тейшебаини обнаружено значительное количество бронзовых и медных предметов (шлемов, щитов и т. д.), которые, если судить по сделанным на них надписям, принадлежали многим из прежних царей Урарту (Менуа, Аргишти I, Сардури II) и были посвящены ими городу Ирпуни. Очевидно, по крайней мере, часть арсеналов Ирпуни были перевезены в новую крепость *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966. С. 88)*. Что касается второго опорного пункта урартских царей в присеванском регионе — города Аргиштихинили, то он существовал наряду с Тейшебаини вплоть до падения Урарту.

К новой крепости — Тейшебаини, скорее всего, полностью перешли военно-стратегические функции Ирпуни и отчасти административно-хозяйственные функции Аргиштихинили. Именно этим можно объяснить применение в Тейшебаини царских печатей ряда урартских царей (Сардури III, Руса IV), а также наличие здесь большого числа мастерских по переработке сельскохозяйственной продукции, кладовых для вина, зернохранилищ и т. д.

Ряд ученых полагают, что начиная с Русы I власть урартских царей в районе озера Севан начинает ослабевать. Надписи этого и последующих царей не содержат никакой информации о присеванском регионе. Высказывается даже предположение, что переход военно-стратегических функций к Тейшебаини от Ирпуни связан с потерей последнего. Так ли это — судить сложно. Во всяком случае, Тейшебаини просуществовала до падения Урартского царства и была разгромлена примерно в 590 г. до н. э. мидийско-скифскими отрядами.

Таким образом, конец IX и первая половина VIII в. до н. э. — это период наибольших успехов Урарту, пик ее могущества. Начиная с Аргишти I урартские цари ведут политику, направленную на постепенное окружение своего главного противника — Ассирии и оттеснение ее от источников снабжения металлами и главных торговых путей. На востоке после долгих и кровопролитных войн урартам подчиняется страна Мана, расположенная к югу от озера Урмийя. Обойдя

таким образом Ассирию с востока, урартские цари долинами Загросских гор доходят до границ Вавилона (долина реки Диялы). На западе урарты подчинили себе Мелитену и Коммагену и через территорию зависимых от них северосирийских царств фактически вышли к Средиземному морю. На юге территория Урарту простирается до Тигра и упирается в горные хребты, окаймляющие уже собственно ассирийскую территорию.

Правление ассирийских царей начала VIII в. до н. э. отмечается возрастающим напряжением внутренней борьбы. Тем не менее в конце своего царствования Ашшурдана III (773 — 754 гг. до н. э.) попытался восстановить позиции Ассирии на западе. В 754 г. до н. э., одержав победу над Арпаном, Ашшурдана III на некоторое время восстановил ассирийскую гегемонию над этим городом. Однако уже его преемник Ашшурнирари IV (754 — 745 гг. до н. э.) потерпел поражение от урартского царя Сардури II. Возможно, что в результате этой победы произошло распространение власти урартов на область Куммух. Во всяком случае, правитель Арпана Мати'эль в 743 г. до н. э. упоминается как союзник Урарту.

Сирийские города-государства, оказавшиеся своеобразным "яблоком раздора" между Ассирией и Урарту, в целом проводили политику, направленную на противодействие тому из близлежащих великих государств, которое представляло наибольшую угрозу их независимости и процветанию. Таким противником чаще оказывалась Ассирия, чьи опустошительные походы и разорительные поборы в значительной степени определяли проурартскую ориентацию сирийских государств в VIII в. до н. э. Благодаря этому обстоятельству борьба между Урарту и Ассирией за гегемонию в сирийских и мало-азиатских городах-государствах постепенно принимает характер совместного союза сирийско-малоазиатских государств и Урарту, направленного против ассирийской угрозы.

В 745 г. до н. э. в Ассирии начинается правление нового царя — Тиглатпаласара III (745 — 727 гг. до н. э.). С его воцарением прекращается период внутренних волнений и междоусобиц и начинается новое усиление Ассирии. Ряд успешных реформ позволил ему повысить боеспособность ассирийской армии и довольно быстро перейти к активной внешней политике. В частности, использовав урартский государственный опыт, Тиглатпаласар III ослабил влияние жречества и выдвинул на передний план в управлении государством военное сословие. Также было проведено разукрупнение административно-территориальных единиц и создана постоянная армия, содержавшаяся на средства из государственной казны.

Чтобы восстановить утраченные позиции в северной Сирии и в свою очередь отрезать Урарту от стратегически важного региона, Тиглатпаласар III в 743 г. до н. э. вторгся в Коммагену. Первоначально считалось, что в том же году в битве при Киштане и Халпе ассирийцы нанесли поражение урартскому царю Сардури II и его сирийским союзникам — Арпаду, Куммуху, Гургуму и Мелиде. Сардури II поспешно отступил за Евфрат, оставив ассирийцам свой лагерь *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 19)*. Кроме военной добычи, Тиглатпаласар III получает дань от городов Дамаска, Куммуха, Тира, Куэ, Каркемиша, Гургума. Эта победа позволила Тиглатпаласару III в последующие годы вернуть под свой контроль часть утраченных ранее территорий к северу от верховьев Тигра. И лишь затем, в период до 738 г. до н. э. ассирийцы подчинили себе Арпад. Далее, по этой версии, в 735 г. до н. э. ассирийские войска совершают нападение уже непосредственно в глубь урартской территории и смогли подвергнуть осаде столицу Сардури II — Тушпу. Однако крепость выстояла. Надпись Тиглатпаласара III, сообщающая о его победах над урартами неясна и оставляет место и для другого толкования.

В последние годы большая часть исследователей считают, что в 743 г. до н. э. ассирийцы нанесли поражение урартам под Арпадом, а сражение под Киштаном и Халпой произошло только в 735 г. до н. э. *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 34 — 35; Бациева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // Вестник древней истории. Вып. 2 (44). М., 1953. С. 34)*.

Как бы то ни было, в период с 743 по 735 г. до н. э. Тиглатпаласар III отбросил урартов из бассейна Евфрата и истоков Тигра. Урарту утратило не только свои сирийские и другие заевфратские владения, но и ряд южных и юго-восточных областей. Однако позиции Урарту на севере и юго-востоке оставались достаточно прочными. Более того, Сардури II удержал за собой страну Пулуади (в Иранском Азербайджане), захваченную им в 747 — 745 гг. до н. э. *(Меликишвили Г. А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана // Вестник древней истории. Вып. 3 (73). М., 1960. С. 5)*. Положение правителей

Тушпы в этом регионе было настолько прочным, что внук Сардури II — Аргишти II, подчинив район Ардабила фактически вышел к юго-восточному побережью Каспийского моря *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 35).*

Политика Тиглатпаласара III в отношении завоеванных стран и областей существенно отличалась от политики его предшественников на ассирийском престоле. В предыдущую эпоху ассирийские походы сопровождались страшным опустошением захваченных территорий и физическим истреблением огромных масс населения, которое по ряду причин не могло быть угнано в Ассирию в качестве рабов. Лишь в отдельных стратегически важных районах закладывались опорные пункты — крепости с ассирийскими гарнизонами и населением. При Тиглатпаласаре III начинается переход к планомерной эксплуатации завоеванных территорий. Получают широкое применение масштабные акции по переселению населения завоеванных территорий в глубь Ассирии или на ее далекие окраины. Вместе с тем в областях, которые ассирийцы не могли удержать под своим контролем, ассирийские походы сопровождались повальным грабежом и массовым истреблением населения.

Примерно в 735 г. до н. э. место умершего урартского царя Сардури II занял его сын Руса I. Переход власти к новому царю, по всей видимости, сопровождался какими-то волнениями. Ассирийские источники сообщают о восстании урартских наместников, пытавшихся, скорее всего, стать полностью независимыми по отношению к центральной власти. Тем не менее, молодому царю удалось восстановить контроль над отложившимися было областями. Ассирийские источники сообщают, что подавив волнения в своей стране, Руса I воздвиг свою статую в священном храме Ардини с надписью: "С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской властью Урарту" *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 22).* Укрепив свое положение внутри страны Руса I возобновил активную внешнюю политику, стараясь расширить территорию Урарту и отвоевать ранее утраченные земли. Так, он восстановил свою власть в священной для урартов области города Ардини, на обладание которым претендовала Ассирия:

"Руса, сын Сардури, говорит (так): Урзана, царь города Ардини явился передо мной. Взял я (на себя) заботу о пропитании всего его войска. По причине этой милости, богам по велению бога Халди я воз двиг часовни на высокой дороге, для благоденстви (царя) Руса. Урзана я поставил правителем области посадил я (его) в городе Ардини.

В том же году я, Руса, сын Сардури, пришел город Ардини. Урзана на высокий трон своих пред ков — царей посадил меня... Урзана перед богами, храме богов передо мной совершал жертвоприноше ния. В то время богу Халди, владыке, храм, жилищ его божества, в воротах я построил.

Урзана предоставил (мне) вспомогательные вой ска..., боевые колесницы, какие (только) имелись (него); я повел вспомогательные войска (и) по веле нию бога Халди я, Руса, пошел к горам Ассирии Устроил я (там) резню. Вслед за этим Урзана схвати мою руку, я позаботился о нем... посадил я его н место владыки для царствования. Народ в город Ардини присутствовал (при этом); праздник для жи телей города Ардини я устроил. Тогда в мою стран я возвратился" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урарт ские клинообразные надписи. М., 1960. С. 325).*

Как следует из приведенного выше текста, вос становление власти Русы I над Ардини носило мир ный характер. Более того, оно сопровождалось со вместным походом против какой-то близлежаще области Ассирии, которая, по всей видимости, пыта лась как-то противодействовать возвращению Ард ни под контроль Урарту. Ассирийские источник глухо говорят о реорганизации управления страной проводимой Русой I. Скорее всего, урартский цар предпринял меры по сокращению территории наме стничеств и установлению более жесткого контрол над ними. Из многочисленных донесений ассири ских шпионов следует, что Руса I деятельно занимал ся укреплением своего государства, очевидно, гото вясь к решительному столкновению со своим глав ным противником — Ассирией. То, с каки напряжением ассирийские цари следили за развити ем ситуации в Урарту, свидетельствует о том, что он прекрасно осознавали, какую угрозу представляла для них деятельность урартского царя. Неизвестно как развивались бы события дальше, если бы Урарту не оказалось втянутым в войну с новым противником — кочевым народом киммерийцев.

Киммерийцы были кочевым народом Северного Причерноморья, который в течение VIII в. до н. э постепенно переместился в Малую Азию и Закав казье. По сообщениям Геродота, киммерийцы совер шили свое переселение под натиском многочислен

ных племен скифов, с которыми киммерийцы вели неудачную войну. Спустя некоторое время в Закавказье появятся и сами скифы (по Геродоту, скифы пришли в Азию, преследуя бежавших от них киммерийцев) *(Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 81, 83)*. Переселившись в Закавказье, киммерийцы первоначально обосновались в областях, граничащих со страной Гуриани (Куриани). Эта страна локализуется в западных районах Закавказья. Обосновавшиеся на новом месте киммерийцы совершали опустошительные набеги на окружающие страны, что и побудило Русу I предпринять против них поход, окончившийся тяжелым поражением урартского царя. В ответ киммерийцы вторглись в пределы Урарту, опустошив ряд областей. Однако поскольку киммерийцы еще не умели штурмовать сильно укрепленные города, их вторжение носило характер набегов.

Между тем, в 722 г. до н. э. ассирийский царь Салманасар V был свергнут с престола своим братом, правившим под именем Саргона II. Новый царь уделяет первостепенное внимание всему, что связано с Урарту. Сохранилась часть донесений ассирийских разведчиков, действовавших в Урарту: "Я послал специального гонца, чтобы узнать новости страны Урарту. Он возвратился и сообщил следующее: правитель, который находится против нас в городе Харда, отправился с другим правителем... от города к городу до Турушпы я установил наблюдение...". Из пограничных ассирийских крепостей непрерывно шли сообщения: "Мои гонцы пойдут к Набули, Ашшурбельдану и Ашшуррисуа, которые должны были отправиться. Мы не преминули записать имена всех людей. Каждый выполняет свою работу, нет никакого упущения. Мы многократно слыхали следующее: урартский царь из Турушпы не вышел, и мы будем вести наблюдения, как приказал господин, мой царь" *(Цит по Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 98)*.

Донесения разведки обобщались наследником престола Синахерибом, который составлял письменные сводки донесений непосредственно для царя. О неудачном исходе киммерийского похода Русы I шеф ассирийской разведки сообщал: "Царю, моему господину, — твой раб Синахериб. Привет царю, моему господину. Ассирия благополучна, храмы благополучны, все царские крепости благополучны, пусть сердце царя, моего господина, будет весьма довольно. Мне писали уккийцы: когда царь урартский пошел на страну Гамир, все его войско было побито, сам он, его наместники с их войском были отброшены... Вот сообщение уккийцев... Набули, наместник города Хальсу, писал мне — я писал страже пограничных крепостей относительно вестей об урартском царе. Когда он отправился в страну Гамир, все его войско было побито, трое из его начальников со своими отрядами убиты, сам же он бежал и вступил в собственную землю; его лагерь до сих пор не достигнут. Вот сообщение Набули..." *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 98)*.

Сохранились и другие донесения ассирийской разведки, со слов Урзаны, правителя Ардини, рассказывающие о неудачном киммерийском походе урартов, в ходе которого был убит правитель страны Уаси (локализуется к юго-западу от озера Ван). В этом донесении сообщается, что поражение Русы I вызвало смуту в стране урартов: "Манеи восстали в поселениях урартского царя, в области морского побережья, унесли добычу и поднялись в горы. Аналукуну (Абалукуну), наместник Мусасира (Ардини), и Тунаун, наместник Кар-Сипара, отправились на манейскую границу для охраны". Кстати, это донесение в косвенной форме сообщает о том, что Урартское царство в годы своего расцвета имело выход и к побережью Каспия.

Волнения охватили и собственно урартскую территорию — произошел мятеж наместников областей во главе с военачальником (туртаном) Каккадану: "Пять наместников страны Урарту вошли в страну Уаси. Митину, наместник страны ...тени, Каккадану, который находится против страны Уккая, Сакуата из страны Каниун, Сиплиа из страны Алзи, Туту из страны Армиралиу — вот их имена... в Уаси они вошли, теперь силы свои отдаленные они приблизили, войска усилились. Царь вышел из Турушпы и направился в Каниун". В другом донесении уточняется: "В начале месяца Нисан урартский царь вышел из Турушпы и направился в город Елизаду. Каккадану, его туртан, пошел в страну Уаси, войско всего Урарту схватил, царь спустился в Елизаду".

Русе I все же удалось довольно быстро подавить мятеж наместников. Ассирийская разведка сообщала: "Весть об урартском царе. Прежнее, что я писал, подтвердилось, у них произошла большая резня, теперь страна его успокоилась. Начальники его — каждый в свою страну отправились. Каккадану, его тур-

тан, схвачен. Царь урартский находится в стране Уаси".

Пока Руса I был занят подавлением мятежа в Уаси, произошел новый мятеж, о котором ассирийская разведка тотчас же сообщила своему царю: "По поводу Нарагу, командира, о котором я писал господину моему, царю. Вместе с ним 20 начальников, которые злоумышляли против царя, схвачены. Теперь царь урартский вошел в Турушпу и стеснил их. Остальные, которые следовали за ними ... всего 100 воинов — убиты. Урсине, второй туртан, брат Аплиукну, схвачен в Турушпе" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 99).*

Подавив мятежи, Руса I особое внимание обратил на укрепление северных границ Урарту, где было построено несколько новых крепостей. Только после этого правитель Ванского царства приступил к созданию антиассирийской коалиции. В первую очередь им был заключен союз с Амбарисом, царем Табала, страны, расположенной к западу от Урарту. Аналогичное соглашение вскоре было достигнуто и с Мита, правителем Мушков. На юге Руса I вновь укрепил позиции Урарту в области Ардини, где наряду с местным правителем появился наместник царя. Интересно, что в ассирийских архивах сохранился ответ правителя Ардини на ассирийский запрос о том, ожидается ли прибытие Русы I в эту область. Урзана сообщает, что урартский царь еще не прибыл, но ожидается в скором времени. На напоминание ассирийцев, что никто не может без разрешения ассирийского царя приводить вооруженные отряды в эту область, Урзана отвечает: "Когда царь Ашшура прибыл, мешал ли я ему: то, что он, ассирийский царь, сделал, этот, урартский царь, делает. Поэтому, как я могу ему помешать?".

Первоначально борьба между Урарту и Ассирией разворачивалась в третьих странах, прежде всего в Манейском царстве и других приурмийских областях. Саргон II принял все возможные меры, чтобы вытеснить Урарту из этой области. После смерти манейского царя Иразу ассирийцы возвели на престол его сына Азу. В ответ Руса I выступил со своей армией и разгромил Манейское царство. После гибели Азы урарты содействовали воцарению в Мане своего ставленника Уллусуну. Последний сразу же "подарил" Русе I двадцать два города. Теперь уже Саргон II в 716 г. до н. э. выступил со своей армией против царства Ману, взял приступом и разрушил его столицу город Изирту. Уллусуну, сдавшийся в плен, был восстановлен ассирийцами на престоле при условии признания гегемонии Ассирии.

На следующий год уже Руса I организовал в Манейском царстве новое восстание, во главе которого был поставлен Даиукку. После ухода урартских войск в страну вновь вторглась ассирийская армия. Урартский ставленник был схвачен и уведен в плен.

В 714 г. до н. э. Саргон II предпринял решительные действия по разгрому своего основного противника. Большая ассирийская армия направилась в Манейское царство, где правил союзный Ассирии Уллусуну: "Уллусуну с людьми страны своей в сердечной готовности служить мне поджидал моего подхода к крепости Сирдакка. Подобно моим доверенным, ассирийским наместникам, он устроил склады муки и вина для прокорма моего войска, поручил мне своего старшего сына с подношением и приветственным даром и для укрепления своего царства посвятил мне свою стелу" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 102).*

Дальнейшее продвижение ассирийской армии шло первоначально в восточном направлении. По пути создавались продовольственные склады и опорные пункты, видимо, на случай неудачи в походе против Урарту. Обеспечивая безопасность своих стратегических тылов, Саргон II захватил два царства — Зикирту и Анди, союзные с Урарту. Только после этого, ассирийская армия, резко изменив направление, направилась навстречу войскам Русы I, который со своими союзниками укрепился на горе Уауш (Сохенд):

"После прежних своих грехов он совершил великое безрассудство на разгром своей страны и истребление своим людям: на Уауше, большой горе, чья глава воздвигнута посреди небес, наравне с облаками, где от века не проходила ни одна живая душа, чьих путей не видывал путник, да и крылатые птицы небес не летали над нею, не выводили птенцов, не вили гнезд на высокой горе, что торчит словно острие кинжала, и где зияют пропасти и далекие горные ущелья... Здесь он собрал свое многочисленное войско и своих союзников и для отмщения за Метатти зикиртца выстроил боевые силы, бойцов своих, опытных в битве... построил, посадил их на верховых быстрых коней и вручил оружие. ...В ущелье этой горы он построил войско; о сближении и умножении боевых сил меня известил мой гонец". Из ассирийских источников известно также, что ассирийская разведка информировала Саргона II о всех оборони

тельных мероприятиях его противника. Один из ассирийских разведчиков сообщал: "Гонец андийского правителя и гонец правителя Зикирту прибыли в Уиси и сказали ему: царь Ассирии против нас. Как только он повидался с гонцами, он вступил в страну Зикирту. Он был со своими войсками и хубхийским правителем в 5 переходах, но вернулся. Среди своих вельмож он сказал: собирайте ваши воинские силы для истребления царя Ассирии обходом..." *(цит по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 102 — 103).*

Прекрасно информированный своей разведкой о передвижениях урартов, Саргон II неожиданно среди ночи напал на лагерь Русы I. "Войскам Урарту, злого врага, и его союзникам нанес поражение, на горе Ауш обратил их в бегство; их конями я наполнил горные пропасти и ущелья, а сами они, как муравьи в беде, отправились трудными путями".

После победы, одержанной на горе Ауш ассирийская армия двинулась в глубь Урарту по восточному побережью озера Урмийя. "Уишдиш, область страны манеев, которую отнял и взял себе Урса (Руса), ее многие поселения, что как звезды небесные, не имели числа, покорил я, их укрепленные стены вместе с насыпью их основания я разбил, как горшки, и сравнял с землею, многочисленные их амбары без числа я открыл и ячменем без счета накормил мое войско". В частности, ассирийцам удалось захватить сильную приграничную крепость Ушкайа.

Захваченные территории подверглись ассирийцами страшному разгрому. В этом плане характерно разорение области города Улху, описание которого составлено самими ассирийцами *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 38).* Окрестности Улху, ранее совершенно безлюдные, были благоустроены при Русе I. К городу была подведена питьевая вода, создана система каналов, позволившая разбить сады и развить поливное земледелие. В самом городе был воздвигнут роскошный дворец. Достигнув города, ассирийцы сравняли с землей городские стены и дворец правителя. Разграбив город, воины перекрыли русло главного канала, чтобы превратить долину в болото. Сады были вырублены, а деревья сожжены, посевы и луга вытоптаны конницей и пехотой. Ассирийский источник поясняет, что опустошение цветущей области было совершено:"...чтобы в битве никогда жители не оставляли сердечного страха, вовеки веков чтобы томились неисполнимым желанием".

Разорив область Сангибуту, расположенную на северном побережье озера Урмийя, ассирийцы двинулись в страну Армарили (к северо-востоку от озера Ван), где был захвачен "город рода отца Русы" — Арбу, а также Риар, "город Сардури". Еще семь крепостей, где размещались гарнизоны и проживали родственники урартского царя, были сровнены с землей. Обогнув озеро Ван с севера, ассирийцы разорили страну Аиади, в которой было "30 городов, укрепленных на берегу волнующегося моря, у склонов великих гор". Далее, армия Саргона II прибыла в область Уаиси — "конец пределов Урарту, что рядом с Наири".

Несмотря на большие успехи, достигнутые в ходе похода 714 г. до н. э., Саргон II все же не решился двинуться в центральные районы урартской территории. Причины, заставившие его отказаться от похода к столице урартов, неясны. Скорее всего, ассирийский царь не был уверен в удачном исходе подобного мероприятия. Как бы то ни было, обойдя озеро Ван с севера и запада, ассирийская армия повернула в страну Наири, находившуюся в долине реки Бохтан. Приняв дары от местного правителя, Саргон II повернул армию на восток и направился в Ассирию. Однако, не доходя до своей территории, ассирийский царь во главе части войск двинулся на область Ардини. Сам Саргон II следующим образом говорит о причинах, побудивших его к этому шагу: "При моем возвращении Урзана Мусасирский, совершивший грех и преступление, нарушивший клятву богов, непокорный владычеству, злой горец, который согрешил против договора с Ашшуром, Набу и Мардуком и затем возмутился против меня, прервал мое продвижение вперед при возвращении с похода, так как со своими тяжелыми подношениями он не поцеловал моей ноги; подать, дань, свои подношения он удержал и ни разу не послал своего гонца, чтобы приветствовать меня" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 107).*

Б. Б. Пиотровский высказал предположение, что неожиданный поход Саргона II на Ардини вызван тем, что Руса I, ожидая ассирийского вторжения в глубь Урарту, вывез царскую казну в эту область. Предположение это чисто умозрительное, по крайней мере ни один источник не говорит о таком шаге урартского царя. На взгляд, автора нападение ассирийцев на Ардини вполне логично — ведь эта область Урарту вплотную прилегала к центральным

районам самой Ассирии. В случае успеха ликвидировалась потенциальная угроза собственно ассирийской территории. К тому же Саргон II не мог не догадываться о том, какое тяжелое морально-психологическое воздействие окажет на урартов разгром их главного религиозного центра.

Внезапность наступления обеспечила Саргону II полный успех. Застигнутый врасплох правитель Ардини Урзана бежал из города, оставив там жену и детей. "...Над этим городом клич моего войска я заставил греметь, как гром... Так как Урзана, царь их, правитель, по слову Ашшура не смирился и затем сбросил ярмо моего владычества и пренебрег служением мне, я задумал взять в плен людей этого города; увод бога Халди, опоры Урарту, я повелел. Перед большими его воротами победоносно я посадил его, его (Урзаны) жену, его сыновей, его дочерей, его людей, семя дома отца его я взял в плен. Я присчитал их к 6110 людям, 12 мулам, 380 ослам, 525 быкам, 1235 баранам, и затем ввел их в укрепление моего лагеря. В Мусасир (Ардини), местопребывание Халди, победоносно я вошел и во дворце, жилище Урзаны, я воссел как властитель". *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 109).*

После разграбления царского дворца была составлена длинная опись богатой добычи, захваченной здесь. Одного золота ассирийцы взяли 34 таланта и 18 мин (примерно 1040 кг), серебра — 167 талантов и полмины (5060 кг). Помимо этого было захвачено большое количество меди, свинца, сердолика, лазурита и разных драгоценных камней. Разграблению подвергся и главный храм бога Халди. Поскольку соответствующая часть текста оказалась испорченной, количество захваченного золота осталось не установленным, но известно, что серебра было взято больше 162 талантов, а меди в слитках — 109080 кг. Имеется также опись храмового имущества, вывезенного ассирийцами. Среди захваченной добычи были большие бронзовые статуи урартских царей (Сардури, Аргишти, Руса), другие монументальные скульптуры из металла, фигуры быка и коровы с теленком *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 27).*

После разгрома Ардини Саргон II принял меры по превращению этой области в одну из ассирийских провинций: "Имущество дворца Урзаны и храма бога Халди с его несметными богатствами, которые в Мусасире я захватил, я нагрузил во всей их бесчисленности на мое многочисленное войско и в Ассирию заставил я тащить эту добычу. Людей области Мус сира к людям Ассирии я причислил, повинности в инские и строительные я наложил на них, как ассирийцев".

Ассирийский источник также сообщает, чт "...Урса (Руса), правитель Урарту, услыхал, что М сасир разрушен, его бог Халди увезен, то собстве ной рукой, железным кинжалом своего пояса лиш себя жизни" *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до э). Ереван, 1975. С. 38; Меликишвили Г. А. Мусасир вопрос о древнейшем очаге урартских племен // Вестник древней истории. Вып. 2 (24). М. — Л., 1948. С. 38).* Последнее сообщение ассирийского источни ставится под сомнение рядом исследователей, ссыл ющихся на то обстоятельство, что в следующем, 7 г. до н. э. Руса I вновь противостоит ассирийцам качестве союзника страны Табал (Каппадокия Только после 713 г. до н. э. о Русе I нет больш никаких известий. Возможно, что именно в это году он погиб от ран, полученных в одном из сраж ний с киммерийцами.

Жестокое поражение от армии Саргона II и утр та области Ардини значительно ослабили Ванске царство. В кратком обзоре политической истори Урарту необходимо указать на особое положени которое занимала в его составе область города Ард ни. Как уже указывалось выше, это был священны город урартского народа и главный центр культа бог Халди — верховного божества всех урартов. О зна чении, которое имел Ардини для урартов можно су дить по надписям первых царей Ишпуини и Менуа которые определяют порядок и количество жертвоп риношений: "Богу Халди, владыке, Ишпуини, сы Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, эти ворота по строили (и) установили приказ... богов Халди, Те шеба, Шивини, всех богов, 6 козлят богу Халди был зарезаны, 17 быков (и) 34 овцы богу Халди (в качест ве) жертвы...". В другом тексте сказано: "Богу город Ардини — быка (и) 2-х ягнят, богу города Кумену быка (и) 2-х ягнят, богу города Тушпа — быка (и) 2 ягнят" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские кл нообразные надписи. М., 1960. С. 146 — 147.; Мели кишвили Г. А. Мусасир и вопрос и древнейшем очаг урартских племен // Вестник древней истории. Вы 2 (24). М. — Л., 1948. С. 47).* Во всех этих надпися при перечислении богов бог города Ардини — Ха ди упоминается первым. Даже бог Тушпы, столиц Урарту, оказывается оттесненным.

В позднюю эпоху Урарту, как это видно из письменных памятников, уже заметна культурно-религиозная и даже этническая обособленность Ардини, которая совсем не ощущается в раннюю эпоху. К тому же Ардини тесно связан с культом богини Багмашту (Багбарту). Широко распространено мнение, основанное на ассирийских источниках, что Багмашту была верховной богиней урартского пантеона. Надписи Саргона II сообщают, что в Ардини наряду с Халди поклоняются и богине Багмашту, которая считалась супругой Халди. О царе Ардини — Урзане ассирийский источник несколько раз свидетельствует: "Халди, его (Урзаны) бог, Багмашту, его богиня". В другом месте сказано: "Халди (и) Багмашту его божества". В описи добычи, захваченной при разграблении Ардини, указаны "драгоценности бога Халди и его супруги Багмашту". Таким образом, в области Ардини Багмашту занимает второе место в пантеоне богов и выступает в качестве супруги верховного бога Халди *(Меликишвили Г. А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен // Вестник древнейшей истории. Вып. 2 (24). М. — Л., 1948. С. 38 — 39).*

Однако ни одна из надписей урартских царей ничего не сообщает о богине Багмашту. Да и ассирийские источники не говорят об этом, зато они прямо называют ее богиней Мусасира (Ардини). Особенно характерно в этом отношении одно из мест в анналах Саргона II: "Халди (и) Багмашту, его (Урзаны) божества... я зачислил в добычу. Урса, царь Урарту, узнав о разрушении Мусасира (и) об уводе Халди, его бога, собственной рукой лишил себя жизни..." *(Меликишвили Г. А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен // Вестник древнейшей истории. Вып. 2 (24). М. — Л., 1948. С. 38).* Из этого отрывка наглядно видно, что Багмашту являлась богиней лишь страны Ардини.

Исследователи не раз отмечали иранское происхождение имени Багмашту. Известно, что в древнеперсидском "бага" означает "бог". В мидийских областях зафиксировано много личных имен, содержащих основу "бага" — Багдатти, Багапата, Багадатта, Багабирна и другие. Один из районов Мидии назывался Багастана — "божественное место". Таким образом, культ богини Багмашту в Ардини явно иранского происхождения.

Однако культурно-религиозного влияния все же недостаточно, чтобы пришлый культ быстро занял одно из ведущих мест божественного пантеона. Обычно в древнем мире такого рода явления происходили вследствие крупных политических или этнических изменений. Таким примером может быть появление в шумерском пантеоне "морского" божества Энки, как один из следов ассимиляции шумерами пришлого народа. Есть еще один пример такого рода из истории Шумера.

Так, город Лагаш представлял собой первоначально два расположенных рядом, но самостоятельных поселения. В одном из них верховным богом являлся Нингирсу, в во втором — богиня Бау. После слияния двух поселений в один город — Лагаш городской пантеон возглавила божественная пара — бог Нингирсу и его супруга Бау *(Тураев Б. А. История древнего Востока. Л., 1935. С. 120).* Поэтому, совершенно логично будет предположить, что появление богини Багмашту в пантеоне Ардини связано с появлением в хуррито-урартской среде этой области пришлого ираноязычного элемента. Напомним, что следы индоиранского элемента обнаруживались еще в Митанни; смешение хуррито-урартского и иранского элементов заметно и в областях, соседних с Ардини.

С другой стороны, в позднеурартскую эпоху в Ардини явственно ощущается ассирийское влияние, прежде всего в области культуры. Так, здесь урартская письменность почти не используется, ее заменяет чисто ассирийская клинопись. Даже две надписи урартских царей, оставленных на территории Ардини, представляют собой ассиро-урартские билингвы. Объяснить это можно только широким распространением здесь ассирийского языка. Так, до сих пор не известна ни одна надпись правителей Ардини на урартском языке, в то время как в ассирийских архивах сохранились письма царя Урзаны на ассирийском языке. Даже печать этого царя сделана на ассирийском языке. Можно обратить внимание и на само имя правителя Ардини — Урзана. Оно очень близко к ассирийской форме написания широко распространенного урартского имени "Руса" — Урса (-на — является очень широко распространенном у хурритов и урартов окончанием собственных имен) *(Меликишвили Г. А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге урартских племен // Вестник древней истории. Вып. 2 (24). М. — Л., 1948. С. 40).*

Столь сильное культурное влияние Ассирии также можно считать следствием этнического смешения. Известно, что и сами ассирийцы были смешанным народом — результатом смешения пришлого

семитского элемента с коренным хурритским населением. Естественно, что процесс смешения ассирийцев с хуррито-урартским населением продолжался и в последующую эпоху. Обусловлен он был многовековым соседством двух народов и наличием между ними торгово-экономических и культурных связей. В этом отношении область Ардини, непосредственно соседствовавшая с коренной ассирийской территорией и имевшая устойчивые связи с ней, была именно тем местом, где этот процесс мог развиваться особенно интенсивно.

Обособленное положение Ардини подчеркивается и наличием здесь собственного диалекта урартского языка *(Мещанинов И. И. Изучение языка клинописных памятников Урарту-Биайны // Известия АН СССР. Т. XII. Вып. 3. М., 1953. С. 211 — 226; Мещанинов И. И. Грамматический строй урартского языка. Ч. 1. М. — Л., 1958. 150 с; Ч. 2. М. — Л. 1962. 86 с.)*. Существование особого диалекта, названного в науке мусасирским диалектом урартского языка, зафиксировано, например, в надписи царя Ишпуини и его сына Менуа, оставленной на территории Ардини. Урартский текст здесь повторяется дважды — один раз на общеурартском языке, второй раз — на мусасирском диалекте. Подтверждение существования мусасирского диалекта можно найти и при анализе особенностей так называемой Келяшской билингвы. Например, имя верховного бога урартов Халди передано здесь в форме Алди, что многие исследователи рассматривают как письменную фиксацию особенностей мусасирского диалекта.

Обособленность Ардини чувствуется во всем, в том числе и в политической сфере. Из содержания сохранившихся источников можно сделать вывод, что правители Ардини стремились казаться нейтральными в периоды обострения ассирийско-урартских противоречий. Достаточно вспомнить уклончивый ответ Урзаны на претензии ассирийского царя, высказавшего недовольство появлением в области Ардини урартского царя во главе вооруженных отрядов: "Когда царь Ашшура прибыл, мешал ли я ему: то, что он, ассирийский царь, сделал, этот, урартский царь, делает. Поэтому, как я могу ему помешать? " Главная внешнеполитическая задача Урзаны, надо полагать, состояла в том, чтобы, используя ассиро-урартское противостояние, отстоять от обеих великих держав собственную самостоятельность.

Разумеется, обособленный от Урарту Ардини, каким он был в более позднюю эпоху, не мог бы стать общеурартским священным городом, центром культа верховного божества. Видимо, этот статус был приобретен Ардини гораздо раньше, еще в первую эпоху формирования урартской государственности, когда его население в этническом, культурно-религиозном и других отношениях не отличалось от населения прочих урартских областей. Лишь затем, Ардини, оказавшийся на краю урартской территории в близком соседстве с иранским и ассирийским населением, поддается чужеземному влиянию, что и привело к его известной обособленности от остальных областей Урарту. Тем не менее, он так и остался центром общеурартского культа бога Халди.

После ассирийского похода 714 г. до н. э. кроме Ардини Урарту окончательно утратила области, прилегающие к озеру Урмийя. В этих областях усиливается Манейское царство, основную массу населения которого долгое время составляли хурриты. Границы страны Мана простираются от северного побережья озера Урмийя до верховьев реки Диалы на юге. Манейские цари не только не признавали над собой власти ассирийцев, но даже сумели отвоевать у последних ряд укреплений. Усиление Манейского царства во многом объясняется широким использованием его царями наемных скифских отрядов в борьбе с Ассирией. Факт нахождения на территории Мана в VII в. до н. э. больших масс скифов подтверждается многими источниками. Однако и мощь урартов еще не была окончательно сломлена. При последующих царях ситуация в их государстве стабилизируется и Урарту примерно на четверть века переживет своего главного врага — Ассирию.

После смерти Русы I на царский престол взошел его сын, правивший под именем Аргишти II (713 — 685 гг. до н. э.). Ситуация была очень не простой для нового царя. Помимо традиционной опасности, исходившей от Ассирийской державы, появились новые угрозы. Вслед за киммерийцами, прочно обосновавшимися в восточной части Малой Азии, из Причерноморья через Кавказ хлынули орды кочевых скифов. Если киммерийцы постоянно тревожили урартов с запада, то скифская угроза нависла с северо-востока. Впрочем, с киммерийско-скифской опасностью вынуждены были считаться все страны Древнего Востока. Сохранилось немало запросов ассирийских царей к оракулу бога Шамаша относительно угрозы своему царству от кочевников. О степени опасности, которую представляли для древних государств скифы, можно судить по тому факту, что

пройдя через территории великих держав того времени, они дошли до Палестины *(Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 30).*

Несмотря на опустошения, которые производили скифы и киммерийцы, сами по себе они не представляли смертельной угрозы для городских цивилизаций Древнего Востока по той причине, что не умели штурмовать укрепленные города. Очень скоро киммерийские и скифские отряды появляются на службе у многих царей древности, которые таким образом значительно усиливали наступательный потенциал своих армий.

Показательно, что, несмотря на значительное ослабление Урарту после катастрофы 714 г. до н. э., Саргон II продолжает внимательно наблюдать за положением в Ванском царстве. Видимо, разгром Урарту не был таким сокрушительным, каким описывает он в анналах Саргона II, и сам ассирийский царь не сомневается в наличии урартской угрозы. Во всяком случае, разведка постоянно информирует его об урартских делах. Внимание его преемника Синахериба (705 — 681 гг. до н. э.) отвлечено внутренними неурядицами и войнами с Вавилоном. Таким образом, Урартское государство получило возможность укрепиться. Все сохранившиеся надписи Аргишти II говорят об интенсивных строительных работах — постройке города, создании искусственного озера и сооружении канала:

"Аргишти говорит: ...земля (там) была пустынной, ничего ...там не было: ни поля с посевами, ни виноградника, ни фруктового сада, канал (тоже) там не был проведен. Как мне бог Халди повеление дал, создал я озеро ...Город я там создал...

Аргишти, сын Руса, говорит: Да будет этот канал оросителем этим городам... вода, вытекающая из озера, пусть будет оросителем этой долины..." *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 338).*

Почти ничего не известно о характере отношений существовавших в то время между Урарту и ее традиционным противником Ассирией. Ясно только, что Урарту выступало по отношению к стране Ашшура в качестве независимого государства. Независимый статус Урарту подтверждается событиями, произошедшими в Ассирии в 681 г. до н. э. В этот год царь Синахериб погиб в результате дворцового заговора. После воцарения Асархаддона (681 — 668 гг. до н. э.) главные заговорщики, два сына Синахериба, бежали в страну Шуприа (одна из областей, прилегающих к Урарту). Это событие нашло отражение и в Ветхом Завете: "И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую".

Как видим, уступив ведущую роль в Передней Азии Ассирии, Урарту тем не менее сохранило независимость. Не имея сил, чтобы вновь продвигаться на юго-западном и юго-восточном направлениях, урартские цари обращают свое внимание на продолжение экспансии на север (в Закавказье), на запад (в Малую Азию) и на восток (к берегам Каспийского моря). Известно, что Аргишти II совершил поход на восток и дошел до территорий на юго-западе Каспия. Завоевав ряд стран в этом районе, он переименовал один из здешних городов (возможно, Рутумни) в "город Аргишти". Независимо от того, включил Аргишти II захваченные области в состав своего царства или ограничился наложением дани — в любом случае его продвижение так далеко на восток свидетельствует о влиянии Урарту на территориях между северо-восточным углом озера Урмийя и юго-западным побережьем Каспийского моря. Избегая прямого столкновения с Ассирией, Аргишти II чувствовал себя настолько сильным, что даже возобновил традиционную политику урартских царей, направленную на скрытое противодействие ассирийскому влиянию. Так, он поддерживал антиассирийские выступления в областях, расположенных в бассейнах Евфрата, восточного Тигра и Заба, захваченных Ассирией *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 41).* В этот период наибольшую угрозу для Урарту представляет, пожалуй, уже не Ассирия, а скифы и киммерийцы. Однако урартские цари еще достаточно могущественны, чтобы противостоять этим угрозам. Временами они вступают в союз с киммерийцами, временами ведут борьбу с ними, но в целом стабильное положение Урарту сохраняется до середины VII в. до н. э.

Время правления ассирийского царя Асархаддона, примерно совпадало с временем правления следующего урартского царя — Русы II (685 — 645 гг. до н. э.), сына Аргишти II. К этому времени ассирийский правитель уже всерьез озабочен ситуацией, сложившейся на севере его царства. Асархаддон запрашивает оракула, осуществятся ли замыслы Урсы (Ру-

сы), правителя урартов, или народа гимирра (киммерийцев). Конкретно его беспокоит возможность наступления урартов и киммерийцев на страну Шуприа. В другом случае, Асархаддон беспокоится, могут ли сбыться планы "воинов гимирра, или воинов мидийских, или воинов манейских". Известно, что царь распорядился об организации наблюдения в странах Урарту, Мана, Мидии и Хубушкии *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 112).*

Очевидно, и Ассирия избегала открытого столкновения с Урарту. По крайней мере, в 673 — 672 гг. до н. э. Асархаддон во время похода на страну Шуприа в крепости Уппум захватывает урартских беглецов, которых ассирийцы возвращают урартскому царю. Во всяком случае, источники того времени ничего не сообщают об ассиро-урартских столкновениях. Внешняя политика Русы II направлена на запад, где он ведет борьбу за восстановление власти Урарту над утраченными ранее территориями. Известна урартская надпись, сообщающая о походе на страны Мушкини, Хати, Халиту и захвате там пленных. В Мазгерде, урартской крепости на западной окраине страны, сохранилась еще одна надпись Русы II, рассказывающая о военных походах. В этой надписи упоминаются походы против хеттов и мушков *(Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 341, 343).* Исходя из этой надписи можно, предположить, что при Русе II западная граница Урарту проходила по реке Евфрат.

Но главный мотив, который встречается в сохранившихся до наших дней надписях Русы II — активные строительные работы, которые ведутся, в основном, в районе Закавказья: "Богу Халди, владыке, этот храм Русы, сын Аргишти, построил. Могуществом бога Халди Руса, сын Аргишти, говорит: Скала была крутая, ничего не было там (раньше) построено. Как бог Халди приказал, (так) я построил (и) установил (для него) имя — "Руса, город малый". Другая надпись сообщает: "Богу Халди, своему владыке, эту надпись Руса, сын Аргишти, воздвиг. Могуществом бога Халди Руса, сын Аргишти, говорит: Земля долины Куарлини была необработанной, ничего там не было. Как (мне) бог Халди приказал, (так) я этот виноградник разбил, повелел я там устройство полей с посевами, фруктовых садов, взялся я там за устройство города. Канал из реки Илдаруниа я провел: "Умешини" — имя (его)" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 343, 345).*

По всей видимости, Руса II стремился сохранить мир в отношениях с Ассирией. В анналах ассирийского царя Ашшурбанапала сообщается о прибытии урартских послов после победы ассирийцев над Теумманом, царем Элама (654 г. до н. э.): "В то время урартский царь Руса услышал о могуществе моих богов и страх перед моим величием победил его. Он послал своих князей приветствовать меня в Арбеле" *(Дьяконов И. М. Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории. Вып. 2. С. 30).* Насколько можно судить из ассирийских источников, прибытие урартских послов было своего рода "визитом вежливости" и урартский царь обращается к ассирийскому царю как к равному по рангу правителю. Видимо, такое обращение не очень-то устроило ассирийского царя, который в одной из своих надписей сообщает: "Урса (Руса), царь Урарту, отправил послов вопросить о моем благополучии. Я поставил им в пример Набу-дамика и Умбадару, послов Элама, принесших письмо с дерзким посланием. Перед ними Манукиахе, помощнику Дунану, и Нинуртаусалл, коменданту его города, я вырвал язык, кожу их содрал" *(цит. по: Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 114).*

О том, как развивались события в Урарту в последующие годы практически, ничего не известно. Ассирийские источники сообщают о прибытии в 639 г. до н. э. посольства нового урартского царя Сардури III (645 — 635 гг. до н. э.): "Сардури, услышав о мощи и подвигах, которые судили мне великие боги, приветствовал (мое) величество, как сын отца и (соответственно этому) писал: "привет царю, моему господину. В почтении и смирении тяжелый дар свой он послал мне" *(Дьяконов И. М. Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 30 — 31).*

Обстоятельства, заставившие Сардури III искать покровительства Ассирии, точно не известны. Возможно, что к этому его побудила возросшая угроза со стороны скифов, которые к тому времени нанесли окончательное поражение киммерийцам. С последними, как известно, урартские цари временами заключали военные союзы. Имели место и восстания в захваченных областях. С частыми внутренними волнениями сталкивается и Ассирия. В равной степени

ой угрожают и скифы. К тому же на востоке усилилась и крепла Мидия. Очевидно, новая расстановка сил на политической карте Древнего Востока заставили Ассирию, Урарту и Манейское царство искать сближения друг с другом. Известно, что Ашшурбанапал в письме к Сардури III обещал ему свою дружбу.

О политической истории Урарту последних десятилетий его существования почти ничего не известно. О последних урартских царях часто известны только их имена. В целом принята следующая схема порядка правления и продолжительности правления последних царей Урарту после Сардури III: Эримена (635 — 624 гг. до н. э.), Руса III (624 — 610 гг. до н. э.) и Руса IV (610 — 590 гг. до н. э.). Особенно мало сведений о последних 50 — 55 лет существования Урарту. Ясно только, что Урарту оказалось втянутым в события, связанные с крушением Ассирийского царства. Во второй половине VII в. до н. э. Ассирия вступила в войну с отделившимся от нее Вавилоном и возвысившимся Мидийским царством. Из союзников Ассирии в этой войне известен только Египет, но, судя по тому, как развивались события, можно предположить, что в их числе было и Урарту.

Таким образом, во второй половине VII в. до н. э. два старых противника — Ассирия и Урарту объединяют свои усилия, для отражения угрозы со стороны скифов, мидийцев и присоединившихся к ним вавилонян. В 635 — 624 гг. до н. э. скифы устанавливают свое господство над рядом северных областей Урарту. Мидийцы, в свою очередь, совершили ряд нападений на центральные и южные районы Урарту, а также на Ассирию.

В 614 г. до н. э. мидийские войска захватили и разрушили первую ассирийскую столицу Ашшур. Спустя еще два года объединенная армия мидийцев и вавилонян при участии скифских отрядов захватила Ниневию. Последний ассирийский царь отступил в Харран, где он продержался до 610 г. до н. э. Под давлением союзников, Ашшурубалит отступает еще дальше на запад — к Каркемишу. В событиях следующего, 609 г. до н. э., упоминается Урарту. Вавилонский источник, сохранившийся фрагментарно, говорит о контрнаступлении ассирийской армии, переправившейся через Евфрат и приступившей к осаде Харрана. На помощь осажденному городу подошла вавилонская армия во главе с царем Набопаласаром. Ассирийцы были отброшены, после чего события перемещаются на север в "страну Исала" и следует указание на разорение некоей местности "...до области города Урашту". "Урашту" — есть не что иное, как вавилонская форма ассирийского "Ур'арту". Правда, некоторые исследователи, прежде всего И. М. Дьяконов, считают, что в указанной надписи речь идет о мидийском походе против Урарту, который происходил одновременно с действиями вавилонян в окрестностях Харрана *(Дьяконов И. М. Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 31).*

Существует точка зрения, что с падением в 605 г. до н. э. последнего ассирийского оплота — города Каркемиш, прекратилось существование и Урартского царства, территория которого отошла к Мидии. Однако в Ветхом Завете имеется указание на то, что Урарту как государственная единица продолжала еще существовать. Как известно, в книгу Иеремии вошли несколько политических речей, посвященных Вавилонскому царству. Дата написания этих речей установлена очень точно — четвертый год правления Цидкии, царя иудейского, когда он отправился в Вавилон. Время поездки царя Цидкии в Вавилон также известно — 594 г. до н. э.

Как явствует из предсказания Иеремии, предстоит падение Вавилона, причем орудием промысла Божьего избран народ, который придет с севера: "Смотрите, вот идет народ с севера, сыны великих народов, много царей собираются вместе из разных краев. В их войске копья и луки, их солдаты жестоки, в них милосердия нет. Быстро они скачут, голоса их, как рокот моря, они готовы к битве с тобой, Вавилон". Далее, Иеремия уточняет, кто именно поднимется против Вавилона: "Флаг войны над землей поднимите, трубите в трубы среди народов. Поднимите на Вавилон все народы и царства — Арарат, Мини, Аскеназ. Вождя во главе поставьте, пусть лошадей будет столько, сколько саранчи. Пусть будут готовы народы, к битве с Вавилоном. Подготовьте царей Мидии, правителей и князей, чтобы их страны были готовы к войне с Вавилоном" *(Библия. Современный перевод библейских текстов. М., 1997. С. 758, 760).* Таким образом, в списке царств, подчиненных Мидии, перечисляются Урарту, Мана и область, заселенная скифами. Как известно, Манейское царство выступило в войне на стороне Ассирии и после разгрома последней было подчинено Мидии. Скифы, обосновавшиеся в Передней Азии, также попали в зависимость от Мидии. Именно ликвидация мидийским царем Киаскаром последних остатков скифской

независимости послужило поводом к началу войны между Мидией и Лидией в 590 г. до н. э.

Само Мидийское царство, подобно другим великим державам Древнего Востока, состояло из центрального, Мидийского царства, и целого ряда зависимых государств. По всей видимости, одним из таких государств, подчиненных Мидии, было Ванское царство. Судя по отрывочным данным из разных источников, Урарту попало в зависимость к Мидии после упомянутого выше мидийского похода 605 г. до н. э. В качестве зависимого царства Урарту просуществовало до 590 г. до н. э., пока не вспыхнула лидийско-мидийская война. С началом этой войны мидийцы, стратегические коммуникации которых пролегали через территорию Урарту, ликвидировали всякую самостоятельность этой страны. Были разгромлены последние урартские военно-административные центры в Закавказье, в частности город Тайшебаини. В 585 г. до н. э. граница между Мидией и Лидией устанавливается по реке Галис в Малой Азии. Именно эта дата и считается датой окончательного падения Урарту.

Главной причиной падения Урарту стали не столько поражения во внешних войнах против Ассирии, киммерийцев и скифов, сколько постепенное ослабление государства вследствие внутренних причин. Одной из таких причин могло быть недовольство своим положением со стороны имевшегося в стране большого количества рабов. Однако, и это тоже не было главной причиной гибели страны. В Урарту, конечно же, было достаточно много рабов, и надо думать, что имели место и волнения в их среде. Из древних источников известно о бегстве урартских рабов в приграничные области, в частности в область Шуприа.

Ослаблялось Урарту и частыми противоречиями внутри правящего класса. Восстание наместников в начале правления Русы I говорит о наличии сильных сепаратистских настроений в завоеванных областях. Не случайно урартские надписи постоянно сообщают о новых завоеваниях областей, ранее уже покорявшихся. Эта постоянная борьба, сопровождавшаяся экономическим ослаблением областей, где происходили частые военные действия, ослабляли государство урартов в целом.

К тому же, при последних царях, когда Урарту вело в основном оборонительные войны, резко сократился приток в страну новых рабов и военной добычи. Недостаток рабской силы в дворцовых хозяйствах приводил к усилению эксплуатации свободных крестьян-общинников. Но именно последние составляли большую часть бойцов урартской армии. Создавалась роковая цепочка, когда разорение свободных общинников приводило к ослаблению армии, ослабление армии означало новые поражения, а следовательно, уменьшение количества рабов и новое усиление эксплуатации крестьян.

При всем этом в Урарту не прекращалась борьба между отдельными группировками знати за власть в государстве. Весьма вероятно, что в последние десятилетия существования Урарту произошла смена правящей династии. Сардури III сменил на престоле Эримен, о родственных связях которого с предыдущим царем ничего не известно.

Из внешних причин, обусловивших падение Урартского царства, прежде всего следует назвать формирование мидийско-скифского союза, в борьбе с которым и пали три старых рабовладельческих государства Передней Азии — Ассирия, Урарту и Мана.

Социальная структура урартского общества, экономика

С точки зрения территориального устройства и связи между отдельными частями государства, страна Урарту не была унитарным или национальным государством. Скорее это было объединение народов и племен, стоявших на разных ступенях общественного развития и говоривших на разных языках, хотя преимущественно и родственных друг другу. При завоевании той или иной области урартские цари устанавливали и форму правления в ней. В некоторых из них они отстраняли от власти местную династию и превращали завоеванную территорию в провинцию с царским наместником во главе. В таких случаях царские надписи сообщают: " (эту) страну в свою страну включил". Например, так поступил Сардури II в отношении страны Пулуади *(Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 302)*.

В других случаях, власть номинально оставалась в руках бывшего правителя, однако урартские цари назначали в эту область своего представителя, который осуществлял общий контроль за управлением областью. Такие полусамостоятельные правители, как правило, выплачивали регулярную дань урартскому царю и по его требованию вливались со своими отрядами в царскую армию. Однако зависимость

местных правителей от центральной власти не была одинаковой для всех. Известны случаи, когда тот или иной из них объявлялся "другом и союзником" урартского царя, например, такой статус имел правитель области Ардини.

В истории Урарту известны также случаи, когда на завоеванную область накладывалась контрибуция, получив которую, а также заручившись формальной лояльностью местного правителя, урарты очищали захваченную территорию. Например, так поступил царь Аргишти I в отношении Кушташпили, царя Куммахи (Ком-магены).

В тех случаях, когда в силу тех или иных причин урартские цари оставляли у власти прежнего правителя, они часто меняли его личное имя *(Мещанинов И. И. Халдоведение. Баку, 1927. С. 22, 27).* Смысл этой юридической фикции заключался в том, что данный правитель, фактически продолживший свое правление, с юридической точки зрения, становился новой личностью. Замена личного имени как бы лишала его прежнего независимого статуса и превращала его в царского чиновника.

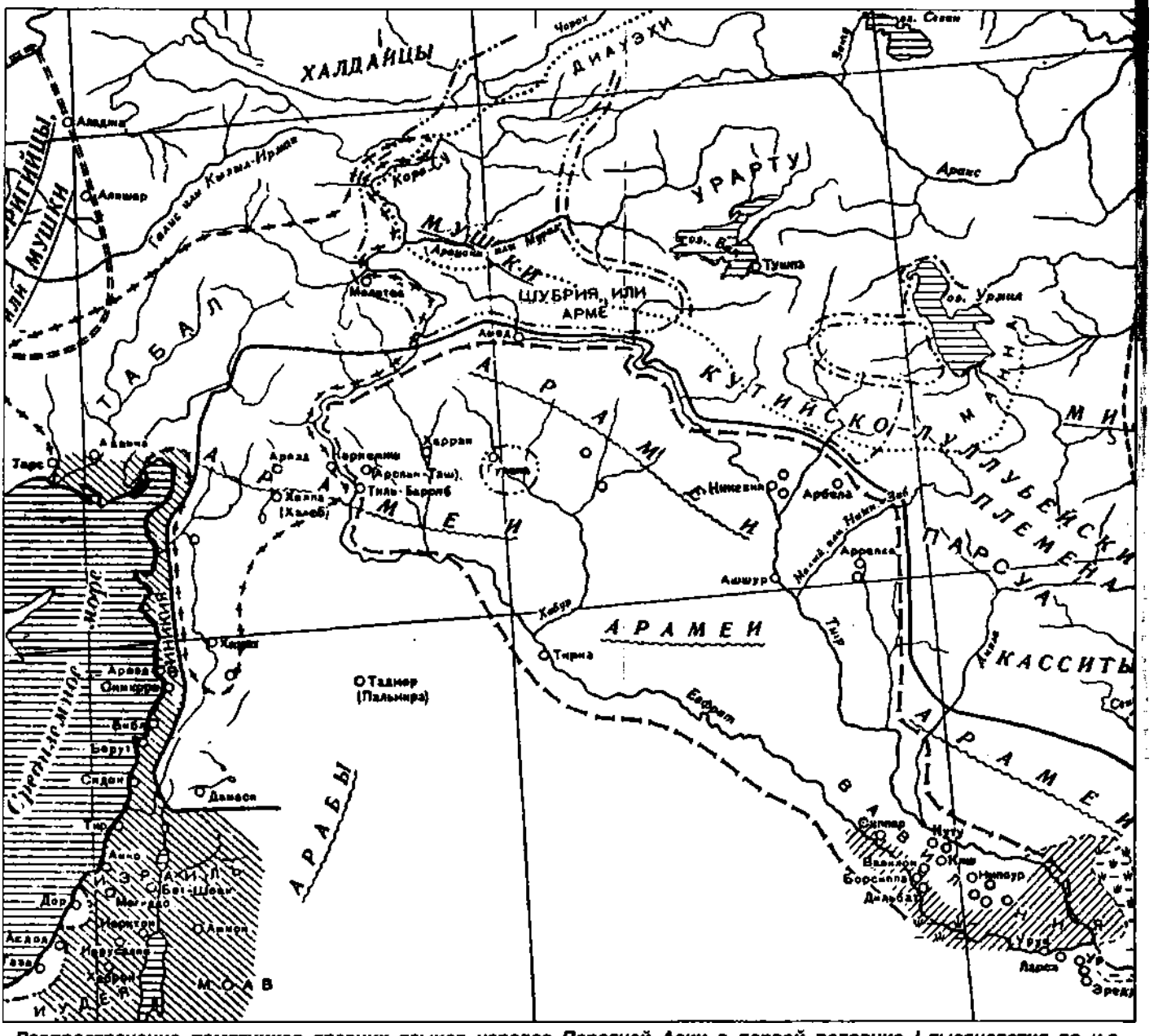
Иногда захваченная область расчленялась: одна ее часть превращалась в урартскую провинцию, а другая — продолжала существовать как зависимая территория. Например, так урарты поступили со страной Диауэхи. Кроме того, неспособность или нежелание правителя той или иной области уплатить возложенную на него дань иногда служила поводом к поголовному уводу населения данной страны. Например, так поступил Руса I в отношении ряда областей, расположенных неподалеку от озера Севан *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 58 — 59).*

При определении судьбы завоеванной области урартские цари всегда руководствовались одним соображением — силой оказанного сопротивления. Сильное сопротивление всегда влекло за собой более радикальные изменения в управлении завоеванной страны, вплоть до ее полной аннексии и превращения в провинцию. При этом месторасположение страны не имело принципиального значения. Так, после ожесточенного сопротивления были захвачены и превращены в провинции ряд районов страны Мана, расположенные возле нынешнего Тавриза, т. е. на значительном удалении от собственно урартской территории.

Таким образом, государство Урарту состояло как бы из двух частей: собственно Урарту — Биайнили и присоединенные территории. Поэтому урартским царям постоянно приходилось заниматься вопросами административно-территориального устройства своей державы с целью прежде всего обеспечить интересы центральной власти. Одновременно им приходилось учитывать и постоянно колеблющийся баланс сил между собственно Урарту и зависимыми "странами". При царях Ишпуини и Менуа царство было разделено на области, во главе которых стояли специальные начальники, подчинявшиеся непосредственно царю. Однако создание крупных территориальных единиц привело к постепенному усилению на местах власти наместников. Начиная с правления Русы I урартским царям приходилось прилагать немало усилий, чтобы ослабить влияние собственных наместников. С этой целью проводилось разукрупнение областей. Однако провести в жизнь эту реформу в ряде случаев было довольно сложно. Дело в том, что границы урартских административных единиц, как правило, совпадали с границами племенных объединений. Попытки царей в собственных интересах расчленить территорию племени на несколько частей всегда встречали сопротивление. Тем не менее Руса I, подавив восстание наместников, создал ряд новых административных центров, в частности в Закавказье. Разукрупнение областей и одновременное строительство новых административно-хозяйственных центров преследовало две цели: во-первых, укрепление центральной власти на местах; во-вторых, совершенствование системы обороны страны.

Территория собственно Урарту была разделена, по-видимому, на 15 областей, расположенных между озерами Ван и Урмийя. Здесь же находилась и столица государства. Завоеванные территории окружали центральные области со всех сторон, их число по некоторым подсчетам, доходило до 118 *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 65).* Некоторые из них также были превращены в урартские провинции. В этом случае, местное верховное божество включалось в урартский пантеон богов. Завоеванные страны можно отличить от урартских также и потому, что они известны, как правило, под именем их правителей или эпонимов, например, Иркуа-хи, Велику-хи, Диауэ-хи, Селуи-ни.

Надо отметить еще одну особенность государственного устройства Урарту. Поскольку экономиче-

Распространение памятников древних языков народов Передней Азии в первой половине I тысячелетия до н.э. (карта)

ские предпосылки создания крупных государственных объединений в то время относительно слабы, создание таких государств возможно только путем прямого насилия и жесткого администрирования из единого центра. Государство, возникшее и держащееся на насилии, не может не быть жестоким. Отсюда следует кровавый характер войн, которые вели урартские цари, впрочем, как и ассирийские, вавилонские и все другие могущественные владыки древности. Однако этим обстоятельством объясняется и крайне непрочный характер древних государств Передней Азии, для которых неудачные внешние войны часто завершались распадом государства.

Социальная структура урартского общества была примерно аналогичной хурритскому. При этом, несмотря на то, что урарты создали развитое рабовладельческое общество у них сохранилось много родоплеменных пережитков. Само урартское царство представляло собой теократическую монархию. Во главе государства и общества находится верховный

правитель — царь страны Урарту, объединявший в одном лице высшие государственные должности (верховный правитель и глава государства, верховный командующий вооруженными силами и верховный судья) и обладавший широкими правами. При этом урартские цари обладали как светской, так и духовной властью. О теократическом характере власти урартских царей можно судить по тому факту, что именно царские надписи определяют время, порядок и характер важнейших жертвоприношений *(Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 146 — 148).*

Царская власть была наследственной, при восшествии на престол цари короновались в главном храме бога Халди в городе Ардини *(Софроненко К. С. Общественно-политический строй Урарту. М., 1961. С. 23).* Правитель Урарту считался наместником Халди на земле, действующим по повелению и во благо указанного божества. Более того, в урартских надписях проводится мысль, что все действия царя являются на самом деле действиями бога Халди: "Бог Халди ... покорил ... Мурину, царя страны Тулиху, покорил он Ашшурнерари, сына Ададнерари, царя Ассирии, покорил страну Арме, покорил город Нихириани, царский город страны, поверг их перед Сардури, сыном Аргишти. Халди — могуч, оружие бога Халди - могучее".

Главными функциями Урартского рабовладельческого государства были: сбор налогов и всякого рода податей; организация и проведение государственных работ; военная функция и подавление сопротивления эксплуатируемых слоев внутри страны. В управлении государством и отправлении культа важнейшую роль играла царская династия и царский род. Все важнейшие административные, военные и религиозные должности занимали, как правило, близкие родственники царя. Верховным жрецом, скорее всего, назначался один из сыновей царя, а наследником престола объявлялся другой сын. Представители царского рода назначались также наместниками областей. Известно, что каждый из братьев царя имел собственный город-резиденцию. Располагались эти города в центральных областях Урарту и братья царя считались в них полноправными владыками *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 71 — 72).*

При царе существовал так называемый "Совет старейшин", в который входили не только ближайшие родственники царя, но и другие вельможи, советники, наместники областей, военачальники, в том числе главный полководец страны "туртан" и его заместитель — "второй туртан", а также крупные владельцы из числа неурартской знати. Ведению совета старейшин подлежали вопросы общегосударственного характера, например, споры между отдельными "странами", входящими в состав Урарту. Совет старейшин наблюдал также за соблюдением порядка престолонаследования. Конечно, существование подобного органа может служить примером наличия у урартов пережитков родо-племенного строя, но нельзя не видеть, что из органа управления родом Совет старейшин в Урартском царстве превратился в орган управления государством.

Ассирийские источники отмечают, что урартская знать состояла из двух основных слоев. В первый входила группа лиц, являвшихся представителями царского рода, а во второй — представители военной и служилой знати. Члены царского рода ("семя царского рода") составляли царский совет и тем самым особо выделялась из остальной части урартской знати. В Совет же старейшин в качестве советников входили и другие представители урартской аристократии. Вожди зависимых стран и племен также составляли часть царской администрации *(Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 330 — 339; Софроненко К. А. Общественно-политический строй Урарту. М., 1961. С. 25).*

Царский двор одновременно был и центром управления страной. Именно при дворе располагались центральные ведомства по финансам, строительным работам и военным делам. Важную роль в управлении страной играли жрецы и писцы, которые вели учет царского имущества, составляли отчеты о проделанных работах и царские анналы, подготавливали и писали законы и указы царя, ведали царской корреспонденцией с иностранными государствами и своими наместниками. Урартские записи делались обычно на глиняных табличках и каменных плитах.

Штат дворцовых служащих насчитывал огромное количество людей. Так, из одного уцелевшего списка известно, что обслуживающий персонал царского дворца в Русахинили насчитывал 5507 человек. Из этого числа 1113 человек "именитых", придворные чины, 168 дворцовых слуг (108 из которых были евнухами), 10 виноделов, 109 подчиненных у "человека счета" а также ткачи, каменщики, писцы, ору-

жейники, погонщики мулов и т. д. Но подавляющее большинство членов дворцового персонала были евнухами — 3784 человека. Евнухи вообще играли заметную роль в государственной практике восточных деспотий, некоторые из них назначались на должности наместников. Подобно ассирийскому урартский царский двор имел главного дворецкого, первоначально распоряжавшегося обрядом коронации нового царя, а также главного кравчего, стольника, конюха, главу секретарей и писцов. По ассирийским источникам при урартском царе были: 1) первостепенные вельможи; 2) советники; 3) начальники областей; 4) так называемые "всадники" *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 73).*

Урартские области делились на более мелкие территориальные единицы. Наместникам областей непосредственно подчинялись начальники тех крепостей, что не были самостоятельными административными единицами. Наместники были обязаны следить за общественным спокойствием во вверенной им области, заниматься сбором налогов, податей, они же ведали местным строительством, осуществляли охрану внешних границ. Таким образом, в их руках сосредотачивались финансовые, полицейские и военные функции.

В осуществлении властных полномочий наместникам помогали специальные чиновники: "по счету", "по деньгам", "по посевам" и т. д. Важное место в чиновничьей иерархии занимал чиновник, именуемый "лицо, носящее (при себе) печать". Непосредственно на имя этого чиновника присылались царские указы и приказы. Возможно, что указанный чиновник был доверенным лицом царя при наместнике и исполнял также обязанности царского приказчика по хозяйственным вопросам.

Военное ведомство было одним из важнейших государственных органов, тем более что Урартское царство вело почти непрерывные войны. Большая армия была необходима для завоевания новых областей и удержания в повиновении старых. Верховным главнокомандующим всего урартского войска считался царь. Его непосредственным помощником был "туртан" — военачальник первого ранга. Как уже указывалось, туртан имел заместителя — "второго туртана". Туртаны принимали на себя командование войсками в том случае, если царь не принимал участия в походе. Среди командиров урартского войска выделялись "командиры полков", "пятидесятники", "командующие воинами, вооруженными секирами", "офицеры". Управление войсками находилось преимущественно в руках военно-служилой знати.

Урартская армия делилась на три рода войск — боевые колесницы, кавалеристов и пехоту. В кавалерии и на боевых колесницах служили представители знати и других привилегированных слоев населения. О значении колесниц и конницы говорит тот факт, что еще в IX в. до н. э. в походе против страну Парсуа в урартском войске насчитывалось 106 боевых колесниц, 9174 всадника и всего 2704 пехотинца. Пехота, скорее всего, формировалась из свободных общинников. Впоследствии в состав армии включалась какая-то часть захваченных военнопленных. На более поздних этапах истории у урартов известны и отряды наемников.

Урартская армия состояла из постоянного войска и отрядов, выставляемых наместниками областей и зависимыми правителями. Постоянное войско, или "царский полк", составляло ядро армии, в которую включались также отряды из свободных общинников, выставляемые в военное время начальниками областей и зависимыми царями. В основе организации войска лежал, скорее всего, родо-племенной принцип и перед боем воины строились по родам во главе со своими родоначальниками. Постоянное войско размещалось в царских крепостях, где имелись склады продуктов питания, фуража и оружия. Здесь же работали царские мастерские, снабжавшие армию вооружением и военным снаряжением *(Софроненко К. А. Общественно-политический строй Урарту. М., 1961. С. 38 — 39; Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 62; Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 76 — 79).* Что касается особенностей вооружения урартских воинов — об этом уже говорилось в предыдущем разделе.

Следует особо отметить военно-стратегическое значение урартских городов-крепостей. Ассирийские источники отмечают наличие в Урарту крупных селений, укрепленных городов, крепостей и городов с крепостями. Урартские цари уделяли большое внимание строительству крепостей как в центральной части страны, так и на ее окраинах. Некоторые из урартских крепостей обносили двумя или даже тремя стенами, толщиной до 4 метров. Вокруг крепостей рыли ров и насыпали валы. Строились крепости, как правило, на возвышенностях. В стране насчитывались сотни крепостей, причем особое внимание уде

лялось их строительству на южных границах, прежде всего в районах, через которые ассирийские войска чаще всего вторгались на территорию Урарту — в долине Заба и у истоков Тигра.

Урартами был разработан специальный способ предупреждения о приближении врага. На горных вершинах возводились башни с запасами горючих материалов, которые зажигались в случае появления вражеской армии *(Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 3. М., 1951. С. 49)*. Эта система "раннего предупреждения" оказалась достаточно эффективной, потому что асссирийцам ни разу не удалось застигнуть врасплох урартскую столицу.

В военное время урартские цари выставляли армии, насчитывавшие десятки тысяч человек. Об этом говорят как урартские, так и ассирийские источники. Так, одна из надписей царя Ишпуини сообщает, что во время одного из походов: "...в войске насчитывалось: 66 боевых колесниц ...тысяч 460 всадников (и) 15760 (пеших) воинов" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 137)*. Ассирийская летопись сообщает, что в одном из сражений 743 г. до н. э. урартская армия потеряла 73000 человек убитыми и ранеными. Цифры эти, без всякого сомнения, сильно преувеличены, однако не вызывает сомнения факт, что численность урартской армии исчислялась десятками тысяч воинов.

Определенная часть добычи, захваченной в военных походах, включая и пленных, распределялась среди воинов. К тому же воинам разрешалось грабить население завоеванных стран. Конечно же, львиная доля захваченной добычи доставалась царю и военно-служилой знати. Увеличение богатства и влияния военной аристократии представляло угрозу для неограниченной власти царей. Поэтому последние урартские цари все чаще включают в состав армии отряды иноземных наемников, воюющих за плату. Например, Руса II широко комплектовал армию отрядами киммерийцев.

Урарту, без сомнения, можно отнести к странам древнего мира с так называемой "дворцовой экономикой". Правитель Урарту не только главное должностное лицо страны — государство в его лице управляет хозяйственной жизнью страны. Причем дело не только в том, что царь издавал разного рода указы, взимал налоги и подати, воздействуя тем самым на хозяйственную жизнь. Государство брало в свои руки заботу об ирригации, составлявшей основу земледелия. Ирригационные сооружения, создаваемые царями, обслуживали потребности всего населения тех областей, где они были сооружены. Об этом прямо говорят царские надписи, оставленные рядом с каналами и искусственными озерами: "Аргишти, сын Руса, говорит: Да будет этот канал оросителем этим городам ... вода, вытекающая из озера, пусть будет оросителем этой долины..." *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 338)*.

Управление хозяйственной жизнью Урарту возлагалось на соответствующее ведомство, распоряжавшееся также и государственными финансами. Указанное ведомство имело своих чиновников как в центре, так и на местах. Известно, что в одном из северных урартских адинистративно-хозяйственных центров — городе Тейшебаини имелись чиновники, называвшиеся "люди (по делам) счета", "люди (по делам) денег", "люди (по делам) сева" и прочие. В городе Русахинили бюджетом ведал "человек (по делам) счета", в подчинении у которого имелось 119 счетоводов.

Урартская казна имела следующие источники доходов: военная добыча; дань; налоги и подати, выплачиваемые населением; доходы с царских и других дворцовых хозяйств. Довольно длительное время военная добыча и дань служили основными источниками пополнения царской казны. Победные надписи царей приводят достаточно обширные списки захваченной добычи — пленных, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и т. д. Что касается размеров дани, взимаемой с побежденных областей, достаточно указать, что царь страны Диауэхи выплатил Аргиште I 41 мину золота (свыше 20 кг), 37 мин серебра, несколько десятков тысяч мин меди, тысячи верховых лошадей и большое количество крупного и мелкого рогатого скота. Кроме указанной контрибуции, царь Диауэхи должен был ежегодно вносить в урартскую казну определенное количество золота, 10 тысяч мин меди и большое количество скота *(Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 235)*.

Следует подчеркнуть, что урартские цари взимали дань с зависимых областей преимущественно металлами. Прежде всего это относится к верхнеевфратским районам, — от них дань принималась почти исключительно железом и цветными металлами. Это свидетельствует о том большом значении, которое имели металлы в хозяйственной жизни Урарту. Кро-

ме металлов, в качестве дани принимались продукты питания, скот, строительный лес (кедровые балки), шерстяные и льняные ткани, домашняя утварь и т. д.

К сожалению нет достоверных сведений о размерах и количестве налогов и податей, взимаемых со свободного коренного населения Урарту. Но зато хорошо известно, что урартские цари активно вмешивались в хозяйственную жизнь страны. В первую очередь их беспокоили вопросы развития сельского хозяйства. Именно государство в лице царя воздвигало большие ирригационные сооружения, обрабатывало пустоши и другие залежные земли. Энергичная деятельность урартских царей по развитию именно сельского хозяйства часто объясняется тем, что без этого государство не смогло бы обеспечить себя продуктами питания. Несмотря на то, что цари сами располагали значительными дворцовыми хозяйствами, все же основная часть продуктов полеводства поступала в виде податей и натуральных налогов от населения, прежде всего от сельских общин. Считается, что основная масса земель в урартском государстве принадлежала сельским общинам и "городам" *(Дьяконов И. М. Урарту и Закавказье // Всемирная история. Т. I. М., 1955. С. 519 — 525).*

Поэтому каналы и другие ирригационные сооружения, воздвигаемые государством, обслуживали нужды не только царского хозяйства, но и всего населения в целом. Но за пользование землей и водой урартское государство взимало налоги, о видах и размерах которых ничего не известно. Скорее всего, пользование государственной землей и водой оплачивалось поставками продуктов сельского хозяйства. Иногда такие поставки возлагались на целые области. Так, например, области Суби и Сангибту были обязаны поставлять ежегодно определенное количество лошадей для царской конницы *(Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 2. М., 1951. С. 326).*

Существенные доходы урартским царям приносили царские дворцовые мастерские, поставлявшие свою продукцию не только в казну, но и на свободную продажу. Например, громадные запасы вина, хранившиеся в царских кладовых и обновлявшиеся каждый год, вряд ли предназначались только для нужд обслуживающего дворцовые хозяйства персонала и царских служащих. Возможно, часть его вывозилась на продажу. Таким образом, в дворцовых хозяйствах, носивших натуральный характер, часть продукции производилась в качестве товара.

Здесь надо сказать несколько слов о том, что представляли из себя урартские "города" и "крепости". Количество крепостей обычно в каждом царстве урартскими хрониками исчисляется десятками, а количество городов вообще сотнями. Учитывая, что во время военных походов и те и другие захватываются по нескольку десятков в день, становится ясно, что подавляющее большинство многочисленных "крепостей", а тем более "городов" той эпохи не обладали сколько-нибудь значительными оборонительными сооружениями. Обычная крепость в урартском понимании — это укрепление, состоящее из одной стены. Причем стены были, как правило, отнюдь не монументальными. Реже внутри стены строилась еще цитадель *(Меликишвили Г. А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана // Вестник древней истории. Вып. 3. М., 1960. С. 8).* Фактически большинство упоминаемых в урартских и ассирийских надписях крепостей являлись укрытием для окрестного населения с его имуществом на случай нападения малочисленного и слабо вооруженного войска какого-нибудь соседнего царька. Наличие десятков таких "крепостей" в царствах, окружающих Урарту (да и в самом Урарту они не редкость), говорит о наличии раздробленности, характерной для родо-племенного строя. Вся территория Урарту, и прежде всего территории зависимых царств, состоит, как уже указывалось выше, из таких "лоскутиков" родоплеменных территорий.

Что касается "городов" — обычно это разбросанные вокруг крепостей мелкие населенные пункты сельского типа, начисто лишенные всяких оборонительных сооружений. С развитием общественных отношений, с образованием крупных и прочных союзов племен, а затем и рабовладельческих государств, — многочисленные и слабоукрепленные "крепости" теряли свое значение. Им на смену приходят крепости с могучими стенами и другими оборонительными сооружениями и многочисленными постоянными гарнизонами, воздвигаемые в местности, имеющей стратегическое военное или хозяйственное значение. Вокруг таких крепостей происходит быстрый рост неукрепленных сельских поселений. Среди сотен урартских "городов" были, конечно же, и города в подлинном смысле этого слова. Экономически развитая страна не могла обойтись без крупных торгово-ремесленных, административных и военно-стратегических центров *(Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 334 — 340).* Крупнейшими города-

ми Урарту были Тушпа (столица страны), Улху, Ирпуни, Аргиштихинили, Тейшебаини и ряд других. Вокруг одной крепости часто сосредотачивается несколько "городов", например крепость Анаштанна имела вокруг себя 17 поселений.

Большими и важными урартскими городами были города, расположенные в Арагаце, Эларе, Цовинаре, Араратской долине и других местах. Географическое расположение этих городов довольно точно обрисовывает направление важнейших урартских дорог: от Ташбуруна в Армавир, Арагац, откуда одна ветвь направлялась на север, а другая на восток через Араратскую долину в сторону урартских городов, расположенных на побережье озера Севан.

Урартские города можно разделить на города-резиденции, административно-хозяйственные, военно-стратегические и культовые. Административно-хозяйственные города составляли большую часть городов Урарту и при центральной крепости имели много поселений, составляющих единый хозяйственный комплекс. Военно-стратегические города были хорошо укреплены и приспособлены к длительной осаде.

Культовые города в связи с их особым положением имели много преимуществ — они являлись обладателями крупных богатств и значительных арсеналов оружия, а значит и больших литейных и других мастерских. Все это придавало главным культовым городам, например, Ардини, огромные экономические преимущества и известную свободу во внешних сношениях. Все урартские города, независимо от своего назначения, занимали площадь от 50 до 200 гектаров., *(Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л., 1966. С. 12).*

Некоторые из урартских крепостей являлись чрезвычайно мощными сооружениями, захватить которые было трудно даже многочисленным и хорошо обученным войскам крупных государств того времени. Детальное описание урартских крепостей сохранилось, например, в ассирийских источниках. Кроме того, и археологические раскопки ряда урартских городов, таких как Тейшебаини или Ирпуни (Арин-берд), дают достаточно полное представление об урартских крепостях. Они состоят из цитадели-дворца на возвышенном месте, вокруг которой располагается собственно поселение-город.

При этом практически все урартские крепости являлись еще и хозяйственными центрами. В них располагаются зернохранилища, кладовые для вина и т. д., а территории вокруг заняты обрабатываемыми полями, виноградниками, садами. Надо думать, что эти крепости и, по крайней мере, часть близлежащих земель входили в состав царского (государственного) хозяйства. Об этом свидетельствуют и короткие надписи оставленные вокруг крепостей: "Виноградник Менуа", "Долина, принадлежащая Менуа", "Виноградник Сардури", "Долина принадлежащая Сардури" и т. д. Крупные зернохранилища, кладовые для разного рода продуктов и припасов, оружейные склады, принадлежали царю. Об этом говорят и надписи, на стенах: "Оружейный дом Руса, сына Аргишти, город Тейшебаини"*(Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту // Вестник древней истории. Вып 4. М. — Л., 1951. С. 31).*

О размерах принадлежавшего царям Урарту земельных владений и дворцов можно судить весьма приблизительно. В урартских надписях различаются обычно два типа населенных пунктов: крепости и города. Интересно, что понятие "крепость" и понятие "дворец" выражаются в урартском языке одним словом. Среди крепостей особо выделяются некоторые, именуемые "укрепленными царскими городами". Но это не значит, что все они являлись частной собственностью царя.

Об исключительной роли царского хозяйства в экономике Урарту можно судить на примере долины Кармир-блур, расположенной в "стране Аза". В 782 г. до н. э. Аргишти I присоединил страну Аза к своим владениям и построил здесь крепость Ирпуни (Эребуни). Спустя шесть лет, в 776 г. до н. э. неподалеку воздвигается город Аргиштихинили, вокруг которого цари строят оросительные каналы, разбивают виноградники, фруктовые сады, поливные поля и луга: "Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: ...Аргиштихинили я воздвиг, от реки канал стране Аза я провел".

При царях Аргишти I и Сардури II в Ирпуни строятся два зернохранилища, общей емкостью 15200 "капи". Зернохранилища имелись и в двух других городах страны Аза — Аргиштихинили и Тейшебаини. В Урарту до сих пор известны шесть крупных зернохранилищ. Самое крупное из них, емкостью более 18400 "капи" находилось в Патноце, второе по величине (15300 "капи") — в Аствацашене, а третье — в Ирпуни (10100 "капи"). Крупное зернохранилище имеется и в столице — Тушпе (10 тыс. "капи") *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966. С. 90).*

Как правило, в тех же городах, где имелись крупные зернохранилища, имеются и кладовые для вина. Например, винные кладовые Тейшебаини были рассчитаны на хранение 400 тыс. литров вина. Подобные кладовые (рассчитанные на 200 тыс. литров вина) обнаружены и в центре Урарту, в бассейне реки Арацани. *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван. 1966. С. 91).*

Если считать, что наличие крупных зернохранилищ, винных кладовых, складов оружия служит свидетельством дворцового царского хозяйства, то можно прийти к выводу, что располагались такие хозяйства по всем областям Урарту. Таким образом, именно царю принадлежала роль экономического звена, связующего между собой разные области страны в единый хозяйственный механизм. Этот вывод кажется тем более обоснованным, если вспомнить об исключительной роли дворцов в ремесленном производстве и торговле.

Среди ремесел особого расцвета в Урарту достигла металлургия. При высокоразвитой бронзовой металлургии, появилось и вошло в широкий обиход также и железо. Если железо использовалось для изготовления оружия и орудий труда, то бронза широко применялась для изготовления украшений, культовых принадлежностей, некоторых видов оружия, частей мебели и т. д. Урартские мастера разработали своеобразную технологию отливки бронзовых изделий. Вначале из пористой массы изготовлялась болванка, приблизительно передававшая форму изготовляемого предмета. Эта болванка затем покрывалась слоем воска, на котором производилась вся лепка. После тщательной обработки изготовляемого предмета во всех деталях его заформовывали в огнеупорную формовочную массу, оставляя два отверстия: одно для заливки металла, другое для выхода воздуха. После тщательной просушки форму нагревали, чтобы расплавившийся воск мог выйти наружу. В освободившееся место заливали расплавленный металл, который, заполнив образовавшуюся пустоту, точно повторял форму оригинала. Это сравнительно дорогой способ отливки, так как он позволяет отливать только один образец готовой продукции из одной модели. Преимущество его состоит в том, что таким способом достигается чрезвычайно точная моделировка с воскового образца, что невозможно достигнуть при работе чеканом или резцом. Обычно эта технология применялась при изготовлении статуэток, украшений на мебели и других предметов, требовавших тонкой работы. Изготовленные таким способом статуэтки и прочие изделия не имеют швов и передают тонкую отделку, которая возможна только при лепке из пластической массы *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 40 — 41).*

Наряду с этой технологией урартские мастера пользовались также разъемными глиняными или каменными формами. Таким способом изготовлялись простые орудия труда, например, топоры, секиры, а также примитивные, грубые фигурки богов, животных и т. д. После отливки таким способом изделия еще дополнительно обрабатывались чеканом или резцом.

Развитие металлургии в Урарту во многом объясняется наличием месторождений меди, свинца, олова и железа. Урарту славилось именно своим железом и изделиями из него. Известны месторождения железа на территории собственно Урарту, а также в горах к западу от озера Урмийя. Из страны вывозилось не только железо, но и орудия труда и оружие, изготовленное из него. Железо получило широкое распространение в Урарту раньше, чем в других странах. Существует мнение, что обработка железа впервые началась еще в середине II тыс. до н. э. в стране халабов, которая локализуется на северных границах Урарту, откуда железо постепенно распространилось по всему миру. Урартские металлические изделия экспортировались в другие страны: их находят на Северном Кавказе, в Сирии, Месопотамии, Мидии, Малой Азии, вплоть до Эгейского моря *(Тураев Б. А. История Древнего Востока. Ч. II. СПб., 1914. С. 53).*

Центры металлургии на территории Урарту приходились на царские хозяйства. Но несомненно, что под влиянием урартов обработка металлов распространилась и на те районы Закавказья, где политическое влияние Урарту не было постоянным. На основе изучения форм металлических изделий удалось установить отдельные районы металлургии, возникшие еще и благодаря наличию местных рудников. Такими центрами металлургии в Закавказье были западная Грузия, связанная с горным Кавказом, восточная Грузия, западный Азербайджан и центральное Закавказье (современная Армения). Но путем широкого обмена металлические изделия урартов уходили очень далеко от мест своего изготовления. Так, бронзовый урартский пояс найден на территории Южной Осетии. Бронзовый шлем, найденный в могильнике Верхняя Рухта в Северной Осетии, имеет на лобной

части знак, совпадающий со знаками на урартских шлемах. Кроме того, по краю указанного шлема при реставрации выявлена надпись, содержащая имя Аргишти *(Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М. — Л., 1963. С. 24).*

Тем не менее размеры царских хозяйств в Урарту были меньше, чем например, в Шумере, а главное, шумерские хозяйства-латифундии нигде больше на Древнем Востоке не повторялись *(Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // Вестник древней истории. Вып. 1. М., 1952. С. 91).* Более широкое применение, чем, например, у хурритских царей, получил рабский труд. Тысячи рабов использовались при рытье каналов, строительстве крепостей, в сельскохозяйственном и ремесленном производстве. Однако бльшая часть продуктов полеводства поступала в царские хранилища в виде налогов и разного вида податей.

Широкое применение металлических изделий труда обусловило высокий уровень обработки камня. Урартские цари много внимания уделяли масштабным строительным работам — воздвигались каналы, храмы, крепости. Высокого уровня развития достигло гончарное и ткацкое ремесло. Шерсть и лен использовались для изготовления тканей, холста, канатов и т. д. Получила развитие и деревообработка.

Следует отметить, что строительство многочисленных городов, крепостей, храмов, ирригационных сооружений, разбивка обширных садов и виноградников требовали труда большого количества рабов. Так, на сооружении большого канала при царе Менуа работало 50 тысяч рабов.

В Урартском рабовладельческом государстве существовали следующие формы собственности: 1) царская, фактически выступавшая как государственная; 2) храмовая; 3) частновладельческая; 4) общинная; 5) родо-племенная *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 49).*

Царские хозяйства обычно базировались на крупных крепостях, которые были еще и хозяйственными центрами. Здесь производились не только продукты питания, но и ремесленные изделия. Кроме того, урартские цари устраивали собственные хозяйства на пустующих и необрабатываемых землях. Вероятно, это объясняется желанием правителей избежать конфликтов с сельскими общинами, традиционно владевшими большей частью земель. Чтобы сделать пустоши пригодными для сельскохозяйственного производства, производились большие ирригационные работы, которые попутно приносили пользу и всем другим землевладельцам. Такие каналы строились в бассейнах озер Ван и Урмийя, а также в Араратской долине. По мере освоения пустующих земель и создания на них царских хозяйств увеличивалось количество обрабатываемых земель, принадлежащих урартским царям.

Таким образом, в составе царского хозяйства оказывались основные ирригационные сооружения страны, большое количество обрабатываемых (и главное, орошаемых) земель, важнейшие крепости и возникшие вокруг них города. "Построенные царем" или "принадлежащие царю" урартские города были окружены обширными царскими же полями, садами и виноградниками. Здесь же, в городах, находились царские мастерские, перерабатывавшие сельскохозяйственную продукцию. При этом персонал дворцовых хозяйств, включая даже рабов, получал от дворца земельные наделы, на которых они вели собственное хозяйство.

Следующим видом крупного хозяйства, основанного на рабском труде, являлось храмовое хозяйство. Организовывались эти хозяйства вокруг довольно многочисленных крупных и мелких центров культа. О богатстве урартских храмов можно судить по размерам добычи, захваченной Саргоном II в храме бога Халди в Ардини. Здесь было захвачено свыше одной тонны золота, пяти тонн серебра, свыше ста тысяч килограммов меди, 6 золотых и 12 серебряных щитов, 33 серебряных колесниц и многое другое *(Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 3. М., 1951. С. 49).* Конечно, далеко не все урартские храмы могли поспорить по размеру своего богатства с главным храмом Ардини, но все же в стране было немало богатых храмов.

Степень зависимости храмовых хозяйств от урартских царей не совсем ясна. Существуют тексты, содержащие распоряжения царей относительно проведения жертвоприношений по разным поводам. Так, тексты Русы II предписывают проведение жертвоприношений в храмах Тейшебаини не по поводу сооружения здесь храмов, но и в случаях посещения их разными категориями населения. В "звартноцкой" надписи того же царя говорится о необходимых жертвоприношениях в честь открытия оросительного канала Умешини и разбивке вдоль его русла фруктовых садов, виноградников и орошаемых полей. Таким

образом, с одной стороны, урартские цари сами определяют время и количество жертвоприношений, приносимых по тому или иному поводу. С другой стороны, в царском городе Тейшебаини был воздвигнут целый храмовый комплекс: Большой храм, ворота бога Халди и Малый храм — дома бога Халди.

Известно также, что крупные храмы хранили запасы оружия, не исключено, что храмовые мастерские и производили его самостоятельно для снабжения царской армии. Так, в храме бога Халди и его супруги Багмашту хранилось 25212 щитов, 1515 копий и 305412 мечей, изготовленных из бронзы *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 28)*. Поэтому можно предположить, что номинально самостоятельные храмовые хозяйства в значительной степени управлялись из царского дворца.

Собственность храмов умножалась за счет многочисленных пожертвований, самыми значительными из которых традиционно были пожертвования царей. Известно, что цари дарили храмам золото, серебро, другие металлы, скот и прочие ценности. Так, источники сообщают, что при своем посещении храма Халди в Ардини царь Ишпуини и его сын Менуа подарили храму много оружия, медные сосуды, 22712 голов скота, в том числе 1112 голов крупного рогатого скота. Кроме того, закон, установленный урартскими царями, определял размер ежемесячных пожертвований храмам. Так, тот же храм Халди ежемесячно получал от урартских царей 37 быков, 6 коров, 6 козлят и 305 овец *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 52)*.

Свободное население Урарту также вносило определенную часть пожертвований в пользу храмов, однако размер этих обязательных пожертвований неизвестен. Однако основным источником богатства храмов было их собственное храмовое хозяйство, основанное на эксплуатации рабского труда. Храмы владели обширными земельными угодьями. В их распоряжении были громадные стада крупного и мелкого скота, сады, виноградники и полевые хозяйства. При храмах существовали крупные литейные и другие мастерские, в которых изготавливались изделия из меди, бронзы, золота и серебра а также другие изделия, пригодные как для отправления культа, так и для широкого потребления. Храмы бога Халди обладали в Урарту правом освящения боевого оружия, так как Халди был помимо всего еще и богом войны. Не исключено также, что при храмах не только освящалось, но и производилось боевое оружие для урартской армии.

Наряду с царскими и храмовыми хозяйствами в Урарту существовали крупные хозяйства представителей знати — родственников царя, высших чиновников и военачальников. Вполне вероятно, что богатые купцы, состоятельные ремесленники и крестьяне-общинники в своих хозяйствах и домашнем обиходе использовали труд рабов.

Хотя земля Урарту и считалась принадлежащей государству, а значит царю, все представители царского рода обладали поместьями на правах собственности. Например, ассирийские источники сообщают, что семь братьев Русы I владели семью городами, расположенными недалеко от столицы страны. Поместьями владели не только родственники царя, но и царица. Известно, что царица (или царевна) Тариria получила в подарок от царя Менуа сад с виноградником.

Численность рабов в Урарту длительное время увеличивалась благодаря захвату большого количества пленных во время военных походов на близлежащие страны. Кроме захвата чисто военнопленных, урартские цари широко практиковали поголовное переселение в Урарту населения завоеванных областей. О масштабах этих акций можно судить по тому, что только при Аргишти I и Сардури II было переселено свыше полумиллиона человек. *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 55)*. Большая часть захваченных в плен и переселенных людей сажались на государственные земли — им выделялся земельный надел, на котором они вели самостоятельное хозяйство, основанное на личном труде. Эту категорию населения Урарту принято назвать "самостоятельно хозяйствующими государственными рабами".

Значительную роль в экономике Урарту играло хозяйство сельских общин, объединявших лично свободных земледельцев. О значении и влиянии сельских общин свидетельствует тот факт, что урартские цари избегали столкновений с ними и для расширения своего дворцового хозяйства использовали пустующие земли. Одной из причин сохранения общины была необходимость создания, развития и поддержания развитой оросительной системы. Несмотря на то, что инициатива создания и основная часть работ производилась за счет государства, —

сельские общины также принимали участие в этих работах.

О размерах налогов и податей, выплачиваемых сельскими общинами в пользу казны, ничего не известно. Но поскольку государство в лице царя управляло всей ирригационной системой страны, надо думать, что урартские правители вмешивались в дела по землеустройству и распределению земельных угодий сельских общин.

Члены сельских общин сообща владели землей, также совместно пользовались водой из ирригационных систем. Как и в соседних странах, высшим собственником земли и оросительных систем выступало государство. За пользование землей и водой общины несли определенного рода повинности. Помимо уплаты налогов, свободные общинники несли трудовую повинность и военную службу. Таким образом, лично свободные общинники являлись фактическими собственниками земли, которая считалась государственной и не могла быть узурпирована отдельными частными лицами. Следует также отметить, что не все урартские города были центрами ремесел и торговли. Зачастую они представляли собой просто крупные сельскохозяйственные поселения, жители которых состояли из земледельцев и скотоводов.

Урартское общество было довольно развитым рабовладельческим обществом. Существует предположение, что слой рабовладельцев назывался термином "урурда", происходящим несомненно от старого племенного названия урартов *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 590 гг. до. н. э). Ереван, 1975. С. 54).*

Верхушку урартского общества составляла знать, аристократия. Помимо представителей царского рода, урартская знать формировалась из представителей родо-племенной верхушки, жречества, а также высшего военного и служилого чиновничества. Впрочем, у урартов высшие государственные должности (военачальников, правителей областей, советников и т. д.) занимали прежде всего родственники правящего монарха. Влиятельной группой военно-служилой знати являлись правители областей — наместники. При этом размеры отдельных областей сильно различались, в их составе могли оказаться по нескольку "царств" — родо-племенных территорий. Часто должность наместника занимал представитель местной племенной верхушки. Некоторые области полностью сохраняли собственную форму правления, имели собственные правящие династии.

Представители урартской аристократии владели собственными поместьями и обладали большим весом и влиянием в государстве. Об этом говорит, например, известный факт восстания наместников областей в начале правления царя Русы I. Особую силу знати придавала ее роль главной военной силы государства. Урартская армия формировалась из отрядов, выставлявшихся отдельными "царствами" и областями. Во главе этих отрядов стояли местные царьки и наместники областей.

В поместьях знати также широко использовался рабский труд. Известно, что часть захваченной в ходе военных походов добычи, в том числе и пленных, урартские цари распределяли между своими воинами, но, конечно же, преобладающая часть добычи, переданной воинам, попадала в руки знати, занимавшей в войске командные позиции. Поэтому, грабительские походы урартских царей невольно способствовали росту богатства и влияния знати. Со временем могущество знати принимает размеры, угрожающие положению царей. Мы уже указывали на восстание наместников, с которым пришлось столкнуться Русе I. Сепаратистские устремления владетелей некоторых областей Урарту отчетливо проявляются в период ассирийских вторжений. Саргон II, например, сообщал, что во время похода 714 г. до н. э. его армия, обогнув озеро Ван с севера и запада пришла в страну Наири, расположенную в долине реки Бохтан. Местный правитель Ианзу, выйдя навстречу ассирийской армии из своей резиденции в городе Хабушкия, принес Саргону II богатые дары: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Вероятно, чтобы обуздать своеволие знати последние урартские цари принимают на службу наемные отряды иноземцев, прежде всего киммерийцев и скифов.

Основную часть населения Урарту составляли свободные рядовые общинники, владевшие землей индивидуально или в составе большой патриархальной семьи, но, скорее всего, в пределах сельской общины. Земельные наделы давались свободным общинникам в пользование без права свободной продажи. За пользование наделом общинник выплачивал подать и нес определенную воинскую службу. Положение значительной части свободных общинников было тяжелым и разорившиеся общинники подвергались эксплуатации наравне с рабами *(Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 4. М., 1951. С. 35).* О тяжелом положении беднейшей

части свободных общинников свидетельствует то, что на границе между Ассирией и Урарту находилась горная область Шуприа, ставшая прибежищем для беглых ассирийцев и урартцев.

Рабы составляли значительную часть населения Урарту, и прежде всего их трудом обеспечивалась экономическая целесообразность крупных "дворцовых хозяйств". Рабы, принадлежавшие крупным дворцовым хозяйствам, сажались на землю и имели возможность самостоятельно вести хозяйство при условии выплаты повинностей. При этом сам раб и все принадлежавшие ему орудия труда считались собственностью рабовладельца. Так, известен один письменный приказ царя Сардури II властям города Тейшебаини вернуть земельный участок двум рабам, держателям земли, которые являлись "людьми дома вина" (видимо, виноделами или виночерпиями). В приказе сообщается также, что между земельными участками, о которых идет речь, имеется "межевой камень". Основным путем поступления рабов была война, сопровождавшаяся захватом большого количества пленных.

На ранних этапах истории Урарту при недостаточном развитии производительных сил потребность в рабах была небольшой. Поэтому значительная часть военнопленных обращались в рабство и селились на царских (фактически — государственных) землях. При этом они не включались в состав работников царских полевых хозяйств, а просто вносили продукты своего труда в царскую казну. Состояние этой категории рабов не сильно отличалось от состояния формально свободного рядового общинника. Развитие рабовладельческих способов эксплуатации ставило беднейших земледельцев на грань обращения в кабальное рабство. Ряд других обстоятельств также способствовал ухудшению положения рядовых общинников. К этому следует добавить постоянную угрозу ассирийского вторжения, которая столетиями висела над всеми областями Урарту.

Не все захваченные пленные становились рабами, какая-то часть их включалась в "царские полки". Так, Аргишти I, построив крепость Ирпуни, поселил там военнопленных: "Город Ирпуни я построил для могущества страны Биаинили (и) усмирения вражеской страны. ...6 тысяч 600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 216).* Интересно, что в урартских аналогичных текстах вариантом термина "воины", "бойцы" является термин "мужи", которым обозначаются и военнопленные мужчины. Надо думать, что во многих случаях, когда урартские тексты сообщают о переселении из покоренных стран "мужей", среди них имеются и "бойцы" *(Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // Вестник древней истории. Вып. 1. М., 1952. С. 95).*

Население вновь построенных урартскими царями крепостей состояло преимущественно из пленных и рабов, тем более рабов полевых царских хозяйств. Дома, раскопанные археологами в городе Тейшебаини, построены кварталами по одному плану и одновременно. Эти дома не имеют при себе служб, приусадебных участков и индивидуальных продовольственных кладовых, то есть не носят признаков самостоятельного ведения хозяйства их обитателей. Вместе с тем они не могут быть жилищами рядовых рабов, большими отрядами работавшими в полях царских хозяйств. Имеются в них и специальные места для культа семейных или родовых богов. Это, по всей вероятности жилища, рассчитанные на воинов и ремесленников.

Из описания похода Саргона II против Урарту в 714 г. до н. э. следует, что все крепости, встретившиеся ему на пути, были населены прежде всего свободными воинами: частью из урартских гарнизонов, частью местными жителями. Таким образом, хотя рабовладельческий характер войн урартских царей не вызывает сомнения, о чем говорит и угон в плен большого количества жителей завоеванных стран, все же не все захваченные пленные превращались в рабов. Большая часть их, конечно же, попадала в частные руки путем дарения или распродажи и затем сажалась на землю в качестве самостоятельно хозяйствующих частных или государственных рабов. Другая часть использовалась в качестве рабов в царском и храмовом дворцовом хозяйстве — часть на полевых работах, часть в ремесленном производстве. Посаженные на землю государственные рабы селились, как правило, на неосвоенных землях. Однако довольно значительная часть пленных, прежде всего из числа бывших воинов, включались в состав постоянного урартского войска, так называемого "царского полка", и переводились в гарнизоны вновь построенных крепостей *(Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // Вестник древней истории. Вып. 1. М., 1952. С. 99 — 100).*

Главную роль в жизни урартов играло земледелие, основанное на искусственном орошении. Ирри-

ционные работы требовали больших затрат труда и выполнялись в основном военнопленными и рабами. Причем урарты строили достаточно сложные оросительные системы, включавшие в себя искусственные озера и многокилометровые каналы. Земледелие в низменных, равнинных частях страны, например в Араратской долине, основывалось на искусственном орошении. Урартский канал Шамирам у города Вана, построенный по приказу царя Менуа, имеет длину более 70 километров. Своей грандиозностью этот канал занимает особое место не только в оросительной системе Урарту, но и всей Передней Азии. Расположенный неподалеку "канал Русанихини" имеет длину около 25 километров. Причем на ряде участков канал проходит через трубы, проложенные под землей. Питался канал из искусственного озера, построенного одновременно с ним при царе Русе I возле горы Вараг. Особое внимание уделялось орошению земель к северу от озера Ван, бассейнов рек Арацани и Аракса *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван, 1975. С. 46)*. Создание системы ирригации имело для Урарту большое значение, так как земледелие не только на равнине, но и в горных районах основывалось на искусственном орошении. Ирригационные каналы сооружались во многих районах страны, а некоторые из них действуют до настоящего времени, например, канал Шамирам около Вана или Дальминский подземный канал в черте Еревана.

Почти все урартские каналы представляли собой сложные ирригационные системы, состоящие из искусственных водоемов с плотинами для регулировки уровня воды в каналах. В инженерном отношении урартские каналы весьма разнообразны. Их трассы проложены в различном рельефе, чаще всего по сильно изрезанной горной местности. Поэтому урартам нередко приходилось пробивать тоннели в базальтовых скалах, прокладывать для воды подземные пути и поднимать канал на высоту 20-метрового акведука.

Пропускная способность урартских каналов незначительна по современным меркам, но для древности это были большие гидротехнические сооружения. Так, каналы Руса II пропускали 1,5 кубических метра воды за секунду. Такую же пропускную способность имел канал Шамирам.

Система ирригационных каналов использовалась урартами не только для целей орошения. Вдоль каналов сооружались водяные мельницы. Скорее всего, именно урартские подземные каналы вдохновили создателей так называемых кяризов — систем подземных колодцев, соединенных горизонтальными тоннелями для сбора подземных вод, широко известных в более поздние времена в Ираке, Иране, Аравии, Афганистане и других странах.

Умение урартов строить сложные ирригационные комплексы отмечали и ассирийцы. Так, имеется описание мероприятий урартов по освоению местности вокруг города Улху, на северо-западе от озера Урмийя. Ассирийский источник отмечает, что здесь был сооружен канал "подобный реке Пуратту (Евфрату)", от которого отходило множество арыков, питавших поля. Оросительные системы строили не только для нужд полеводства. Многие урартские надписи особо отмечают сооружение каналов для разведения садов и разбивки виноградников.

Из сельскохозяйственных культур наибольшее значение имели ячмень, пшеница, просо, рожь, виноград, гоми, кунжут и чечевица. Широко развито было садоводство.

Техника урартского земледелия находилась на высоком для своего времени уровне. Основные земледельческие орудия изготовлялись из железа. Так, при археологических раскопках обнаружены железные лемехи для плугов, вилы, топоры, серпы и другие хозяйственные предметы. Правда, в районах Закавказья еще долго применялись бронзовые орудия труда, в том числе серпы, что объясняется скорее всего высокой стоимостью железных орудий труда. Наряду с металлическими применялись серпы составленные из кремневых или обсидиановых пластинок, закрепленных в деревянную или костяную основу. Для перетирания зерна в муку кроме примитивных каменных зернотерок применялись жернова, вращавшиеся на оси *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 36 — 37)*.

Наряду с земледелием большое значение в хозяйственной жизни урартов играло скотоводство, с ежегодным выгоном скота на горные пастбища. Многие надписи, как урартские, так и ассирийские, отмечают мероприятия по устройству пастбищ для скота. Вода из оросительных каналов использовалась также для орошения земель, отведенных под пастбища. Особенно славилось урартское коневодство, центр которого находился к северу от озера Урмийя. В текстах отмечается также использование верблюдов на оросительных работах. Особо

указывается, что именно Руса I сделал верблюдов известными в стране Урарту.

На равнинных районах разводился в основном крупный рогатый скот, в горных преимущественно развивалось овцеводство. О широком развитии скотоводства говорят данные археологических раскопок. Так, раскопки урартских городов Ирпуни и Тейшебаини дали множество костных остатков домашних животных — крупного рогатого скота, лошадей, ослов, баранов, коз, свиней. Кроме того, обнаружено также значительное количество костей диких животных — джейрана, дикого козла, зайца, каменной куницы и других. Встречаются и кости собак. Археологический материал, относящийся к коневодству, представлен не только костными остатками, но и принадлежностями конской упряжи *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966. С. 92)*.

Население урартского государства не было однородным и по своему этническому составу. Собственно урарты являлись в государстве этническим меньшинством. Основную же часть населения составляли родственные урартам племена и народности имевшие кавказское происхождение — хурриты, племена Закавказья. Со временем увеличивалась численность населения, говорившего на других языках, прежде всего индоевропейского происхождения. В этой связи следует отметить широкое расселение армянских племен в последние десятилетия существования Урарту.

Материальная и духовная культура, религия

Данные археологических раскопок дают некоторое представление об особенностях урартской архитектуры. Выдающимися архитектурными и инженерными сооружениями урартов являются светские и культовые постройки, многочисленные скальные и пещерные памятники, ирригационные каналы, тоннели, мемориальные памятники и т. д. Урартские дворцы и храмы представляли собой монументальные сооружения, имеющие богато оформленные росписями залы и различные подсобные помещения. В тех районах, где урарты на протяжении столетий контактировали с местным, не урартским населением (в этническом отношении очень близким к урартам), произошел синтез культур и многие архитектурные формы вобрали в себя ассимилированные элементы обеих культур.

Основным типом городского поселения служ комплекс жилых и служебных застроек внутри вокруг крепости. Стратегические принципы, котор ми руководствовались урартские строители при в боре места для строительства укрепленных городо крепостей отчетливо видны на примере Тейшебаин Его территория с трех сторон ограничена изгиба реки, протекающей в глубоком ущелье. С этих ст рон город защищен труднодоступными, а зачастую вообще не про-ходимыми отвесными берегами. С стороны Араратской равнины город прикрывал мощной крепостной стеной. Крепостные стены воз водились урартами на фундаменте из циклопически каменных глыб. Сама стена часто строилась из сыр цового кирпича и снабжалась каменными зубцам Крупные здания — дворцы, храмы и служебные пр стройки обычно возводились на скалах и других во вышенностях. При этом здания строились, повтор профиль скалы таким образом, что центральные п мещения оказывались расположенными выше кра них. Это позволяло освещать внутренние помещени через окна в верхней части стены, над крышей сосед них помещений.

Некоторые города защищала целая система кре постей, построенных на дальних и ближних подсту пах к ним. Так, столицу страны город Тушпу прикры вали крепости Хайкаберд, Хуркум, Верхний и Ниж ний Анзав, Аралеск и другие *(Оганесян К. Л Архитертура Урарту. Л., 1966. С. 12)*. Часто города строились так, что образовывали единую оборонительную систему в виде цепочки крепостей, между которыми существовала особая система сигнализации — зажженных костров, например, Менуахинили, Аргиштихинили, Тейшебаини, Ирпуни, Дарани. Отмечено также, что на окраинах городов располагались погребальные территории.

Известно, что урартские города помимо внешнего кольца оборонительных стен располагали внутренними стенами, пересекавшими города в различных направлениях. Внутренние стены выполняли двойную задачу: во-первых, они создавали внутренний пояс обороны в случае прорыва противника через внешние стены; во-вторых, они защищали дворец наместника от возможного бунта городского населения. Впрочем, такое построение городов весьма характерно для всех стран Древнего Востока.

Здания и крепостные стены, воздвигнутые на крутых уступах скал, сами принимали форму уступов. В то же время урартские города, расположенные

на равнине, имеют довольно правильную разбивку. Например, две параллельные улицы Тейшебаини имели весьма строгую, без существенных нарушений, застройку. Ширина этих улиц около 5,5 метров, пересекающая их улица еще шире — примерно 9,5 метров. При застройке учитывались и природные условия. Например, улицы Тейшебаини проложены с учетом существующей здесь розы ветров.

В урартских городах соблюдался принцип территориального размещения основных социальных групп населения. Например, в том же Тейшебаини администрация и воины гарнизона жили в центральной части города, где располагались богатые особняки и многокомнатные секционные дома. Беднейшее население было расселено на юго-западной окраине, где дома располагались на крутых рельефах и были выложены из булыжника. Трудно определить степень благоустройства урартских городов. Впрочем, имеются разрозненные сведения о наличии в них водопровода (Арин-берд), водохранилищ (Азнавур), мостов (Кармин-блур), парков и бань (Ван).

Среди урартских монументальных сооружений самыми крупными являлись дворцовые постройки. Очень часто это были двухэтажные сооружения с богато оформленными росписями помещениями, перистильными дворами, колонными залами и комплексом складских и хозяйственных помещений. Мастерски привязанные к рельефу местности, урартские дворцы получали по своему наружному контуру сильно изрезанный план, когда ступенчатые переходы стен позволяли продуманно использовать каждый объем воздвигаемого здания. В основном урартские цитадели представлены двумя типами: 1) комплекс сооружений, опоясанный крепостной стеной; 2) единое сооружение.

К первому типу относится цитадель города Ирпуни, возвышавшаяся на каменном холме Арин-берд, высотой в 65 метров. В ее центре расположена прямоугольная площадь, на которой находился дворец царя Аргишти I, храм бога Халди и комплекс складских помещений. Облик площади в целом создавался сочетанием мощных стен и массивных контрфорсов дворца с легкой и изящной деревянной колоннадой портика храма. В портике, стоящем по оси храма было установлено 12 легких колонн.

Дворец имел три внутренних дворика, вокруг которых располагались функционально объединенные помещения. В плановой композиции дворца явственно ощущается месопотамская традиция дворцовой архитектуры. Вершина холма, где расположен дворец, была выравнена, только северная часть дворца расположена на участке, имеющем некоторое падение рельефа. Эта часть дворца имеет ступенчатое построение.

Первым из дворцовых дворов был перистильный двор, весьма значительный по своим размерам — 17 х 19 метров. Этот двор являлся официальным местом, откуда можно было пройти в храм, во дворцовые покои, приемный зал и служебные помещения. Среди официальных парадных помещений находились также помещения для хранения вина, используемого для культовых мероприятий.

Вокруг остальных дворов располагались хозяйственные помещения.

Типичным примером второго типа урартских цитаделей может служить цитадель, выявленная на Кармин-блуре. Она представляет собой единое сооружение с несколькими пристройками по его контуру. Центральная часть имеет двухэтажное строение. Почти все помещения первого этажа представляли собой кладовые, склады и производственные помещения. План первого этажа весьма сложен, что обусловлено разнообразием хозяйственных функций дворца-цитадели. Он состоит из четырех отсеков, соединенных между собой системой коридоров и лестниц. Отдельные лестничные комнаты соединяли оба этажа. Парадные комнаты с богатой росписью и храмы располагались на втором этаже *(Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л., 1966. С. 14 — 17).*

Цитадель представляла собой законченное композиционное единство, отличительным свойством которой является асимметричность. Причем асимметрия подобных сооружений урартов не всегда была вынужденной. В южной части цитадели находились два храма, воздвигнутые на прямоугольных террасах. По форме они напоминали известный двойной храм Анну-Адад в Ашшуре. Лаконичные и мощные объемы цитадели, башни и карнизы, выполненные из тщательно обработанного камнетесами базальта, символизировали власть и могущество правителя *(Подробнее об особенностях урартской архитектуры см.: Кафадарян К. К. Новые данные по архитектуре Урарту // Советская археология. № 4. 1967. С. 237 — 247; Оганесян К. Л. Архитектура Эребени. Ереван, 1961; Ходжаш С. Эребуни. Памятники урартского зодчества. М., 1979).*

Известны остатки царского дворца в Тушпе, полы которого были украшены каменной инкруста-

цией. В белых или темных каменных плитах пола вырезаны круглые лунки, куда вставлялись концентрические кольца из разноцветного — черного, темно-красного или белого камня. В центре этих колец помещалась коническая вставка, основанием вверх закреплявшаяся посредством металлического штифта. Встречаются также прямоугольные и фигурные каменные вставки. Стены дворца были отделаны красной мраморной отделкой с вырезанными изображениями. Обнаружены обломки таких фризов с изображением быка и деревьев, заключенных в орнаментальную рамку. Иногда облицовка стен украшалась инкрустацией, составлявшей, по всей видимости, не только отдельные фигуры, но и сцены. Помимо камня для инкрустации широко использовался металл, чаще всего бронза. Из ассирийских источников известно, что в Тушпе имелись двух- и трехэтажные дворцы, храмы и жилые дома, обращенные на восток и украшенные различными красками и разноцветными камнями. Наличие здесь многоэтажных зданий подтверждается не только ассирийскими источниками, но и найденной при раскопках Тушпы урартской бронзовой пластинкой, на которую нанесено изображение трехэтажного здания. Парадные помещения дворцов и храмов украшались росписью, цветными коврами, циновками и декоративными щитами *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 37).*

При сооружении крепостей и дворцовых комплексов урартским мастерам приходилось производить колоссальные работы на склонах скал, которые были обтесаны в виде уступов, высота которых достигала одного метра. Эти ступени имели конструктивное значение и служили своеобразным фундаментом — на них укладывались нижние ряды кладки оборонительных стен.

Прямоугольная планировка урартских цитаделей с башнями по углам взята из в памятниках Междуречья еще начала IV тыс. до н. э., например из древнего Эриду.

За время своего существования урартское зодчество создало различные типы храмовых построек: собственно храмов, часовен, "ворот богов" ("двери богов") и других. Собственно храмы делятся на три типа: 1) прямоугольные — в поперечном развитии; 2) прямоугольные — в продольном развитии; 3) квадратные. Храмы первого типа имели раскинутый в поперечном направлении большой зал, обычно с 12-колонным портиком, смежное подсобное помещение. В тех случаях, если храм был посвящен главному божеству пантеона — богу Халди, то добавлялось еще одно помещение с лестницей, ведущей на башню. По месопотамской традиции именно башня являлась свидетельством посвящения храма главному божеству пантеона. Этот тип сооружений несет печать древневосточной традиции развития здания вширь. На этом принципе основана композиция храмов Упи, Абу в Ашнуаке, богини Иштар в Вавилоне, храмов Тель-Халафа. При археологических раскопках в Ване, где находилась древняя столица Урарту — Тушпа, найдены остатки храма. Там были обнаружены бронзовые скульптурные изделия, считающиеся одними из лучших образцов урартского искусства. Фундаментом для храма служила платформа высотой от 0,5 м до 4,5 м, сложенная из крупных камней. У камней, положенных в основание храма, были подвергнуты тщательной обработке лишь края у швов кладки. Стены были сложены из крупных и хорошо отесанных каменных блоков светло-серого и темно-серого цвета. Размеры храма сравнительно не велики: его длина равнялась 21 м, а ширина — 13,5 м. Состояние остатков стен было таково, что их реконструкция не представлялась возможной, поэтому о внешнем виде храма можно судить только по сохранившимся ассирийским изображениям.

Второй тип урартских храмов, представляющий собой прямоугольник, развитый по продольной оси, также имеет множество аналогий с памятниками других стран Древнего Востока. Этот тип построек развивался из архитектурной формы типа мегарон. К этому типу храмов относится храм Халди в Ардини. Известно его ассирийское изображение. Храм был построен на высокой платформе, имел по фасаду открытый портик на четырех колоннах и был покрыт коньковой крышей. На коньке было водружено изображение копья.

Зато третьему типу урартских храмов, квадратных, трудно подобрать аналогию среди культовых сооружений Древнего Востока. Не вызывает сомнения, что этот тип храмов развился из сооружений башенного типа, широко распространенных в Урарту *(Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л., 1966. С. 18 — 23).*

Известно, что урарты часто вырубали в скалах обширные помещения, которые настолько почитались, что имели своего бога-покровителя Аириани. Эта группа архитектурных сооружений представлена пещерными сооружениями, стелами, скальными

лестницами, т. н. "воротами (дверями) богов", ирригационными каналами с тоннелями и другими инженерными сооружениями. О назначении некоторых из скальных помещений долгое время не было единства. Например, относительно скальных помещений Ивана высказывалось предположение, что здесь располагались некоторые дворцовые помещения, в частности казнохранилище. Предполагалось также, что эти помещения служили царскими усыпальницами. Некоторые из вырубленных в скале помещений украшены рельефными карнизами из ряда полукругов. Часть скальных помещений действительно являлись усыпальницами. Причем выявлена идентичность планов малой Хорхорской пещеры Ванской скалы и ахеменидских скальных гробниц Накш-и-Рустема. Это указывает не только на функциональное значение урартского пещерного сооружения, но и подтверждает наличие ранних контактов между двумя культурами. Другая часть урартских пещерных сооружений представляет собой культовые памятники. Об этом говорят тщательность обработки их интерьеров и экстерьеров, подчеркнутые входы с лестничными ступенями, приступки, а также выровненные площадки перед входами, служившие местом жертвоприношений. Одно из таких пещерных сооружений в надписи царя Менуа обозначается термином sirsin, предназначенного для содержания жертвенных животных *(Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944. С. 217.; Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л., 1966. С. 23 — 25).*

Отвесные стены Ванской скалы также украшены вырезанными в них нишами, в которых устанавливались стелы с клинописными текстами. Это так называемые "двери богов". Культовое назначение этих памятников устанавливается эпиграфическими материалами (клинопись двери Мгера), а также остатками жертвенника. Установлено также культовое значение урартских стел. Создание скальных и пещерных сооружений в Урарту требовало колоссальных затрат человеческого труда. По своей трудоемкости эти сооружения могут быть поставлены в один ряд с памятниками Египта и Месопотамии.

Обычные городские жилища урартов представляли собой прямоугольные строения, сложенные из камня и обмазанные глиной. Дома для воинов гарнизонов и дворцовых ремесленников строились сразу кварталами. Каждая семья владела двумя-тремя комнатами. Освещались дома через дверные проемы с наружного двора. Вдоль стены здания делался обычно навес на столбах. Иногда целый квартал подводился под одну крышу. Во внутренних двориках располагались врытые в землю очаги.

Все жилые дома урартов принято делить на три типа: 1) жилые дома с хозяйственной постройкой; 2) жилые дома с центральным помещением; 3) жилые дома типа "мегарон". Дома первого типа представляют собой два или три помещения с двором. Двор имел, как уже указывалось, навес на деревянных столбах для хозяйственных нужд и для мелкого рогатого скота и служил ядром жилого дома, где почти круглый год происходили хозяйственно-бытовые процессы.

Второй тип жилых домов — это дом с центральным залом, входящий в многосекционный жилой комплекс. Например, в Кармин-блуре подобный комплекс представляет собой прямоугольник со сторонами длиной в 33 и 63 метра и состоит из четырех одинаковых по плану домов. По всей видимости, такой дом предназначался для семей, имеющих одинаковый социальный и экономический статус. Скорее всего, такие дома строили для крупных государственных чиновников или начальников местного гарнизона. Каждый из них имеет площадь в 550 кв. метров и состоит из 11 помещений. Главный зал размером 6 х 10 м имеет четыре столба и верхнее освещение.

Третий тип жилого дома — мегарон имел много общего с известным Тиринфским мегароном, сходны и состав помещений и их расположение. За портиком в антах располагалось первое помещение, затем шел зал с очагом, где перекрытие поддерживалось двумя колоннами. Хозяйственная часть мегарона примыкает к нему и не имеет единого с ним композиционного решения.

Урартские строительные традиции уходят в глубь веков и обобщают многовековой опыт, накопленный в этой области. Эти традиции закладывались еще в эпоху энеолита, когда произошел переход от круглых жилищ к прямоугольным и утвердились многокомнатные дома. Наиболее отчетливым прототипом урартского жилья служат энеолитические постройки Кармин-блура. Примечательно, что промежуточным звеном между ними служат жилые дома Хаттусы и Иерихона.

В урартских домах почти не было мебели. Главную утварь жилища рядового урарта составляли разнообразные глиняные сосуды, в которых варили пищу, хранили зерно и другие продукты, а также мел-

кие вещи. Из кости и дерева изготовлялись коробочки, ложки, совки и прочая домашняя мелкая утварь.

О сельских жилищах урартов можно судить по описанию, составленному греческим писателем Ксенофонтом (IV в. до н. э.). Ксенофонт описал обычное сельское жилище жителей Армянского нагорья. В это время сельские поселения представляли собой группы полуподземных землянок, у которых вход служил и входом в землянку, и световым окном, и дымоходом *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966. С. 90 — 93; Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 37; Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л., 1966. С. 15 — 18).*

Архитектурная роспись является неотъемлемой частью урартских монументальных сооружений. Основу урартского стиля орнаментальных росписей составляют геометрические и растительные мотивы, фигуры животных и людей. Во всех случаях росписи связаны с культовыми сюжетами — на них изображены священные деревья, служители культа, часто роспись символизирует небесный свод, плодородие, растительные элементы. Во многих случаях роспись теряла свое смысловое значение и становилась чисто декоративной.

Композиция урартских росписей одноплановая и строится чередующимися горизонтально расположенными рядами. Иногда фрески композиционно организуются в геометрическую фигуру (диск) или же ограничиваются рамкой. Техника росписей была следующей: на стене при помощи линейки и циркуля производилась разметка, после чего в полученные сетки красками вписывались контуры орнаментальных деталей и фигур. Вычерчивая орнаментальные мотивы, урарты придерживались законов архитектурных пропорций.

Урартская роспись отличалась не только простотой композиционного построения, но и гармоничностью цветовых сочетаний. Использовалась желтая, зеленая, светло-красная, красная, голубая, синяя и черная краски, а также их оттенки, которые накладывались на светлый грунт (мергель, каолин).

Известна фреска, изображающая бога Халди стоящим на льве, с рогатой тиарой на голове и с жезлом в руках. Подобные композиции — божества, стоящие на львах, быках и фантастических животных известны и в смежных областях урартского искусства: в рельефах на камне, на бронзовых поясах, в виде бронзовых статуэток и т. д. Известно изображени бога Тейшеба в виде большого рельефа высотой 3, метра, выполненного на каменных блоках. Тейше изображен стоящим на быке между священными де ревьями.

Символом бога солнца Шивини был орнаменти рованный диск, открытый при раскопках в Кармин блуре. В центре диска помещено изображение солн ца с расходящимися лучами. Круг украшен восьми лепестковыми розетками, его окружают восем пальметок, между которыми помещены стилизован ные изображения символа плодородия — яблока граната.

Человеческие фигурки, изредка появляющиеся урартской росписи, не являются доминантой обще композиции. Трафаретное повторение этих фигу сближает их в зрительном аспекте с геометрически ми фигурами. Содержание в урартских росписях яв но вытеснено декоративностью. Во многом схожие ассирийскими, урартские фрески типичны для Древ него Востока, в искусство которого они вносят сво характерные черты. По сравнению с динамичны искусством Ассирии изображения урартов более спокойны и ритмичны. Если же сравнивать их, на пример, со скифскими декоративными композиция ми, они кажутся живее и естественнее. Стиль урарт ских росписей с твердо выработанными законами для форм деталей складывался в тесной взаимосвязи с искусством Ассирии. В целом же традиции урарт ских росписей берут свое начало в храме Тель-Укай ра периода Урука, где были обнаружены образцы шумерских росписей. Орнаментальный строй урарт ского искусства, проявившийся и в росписях стен, и в узорах на оружии, и в рельефах бронзовых котлов, придавал особую декоративность всему, что было создано урартскими мастерами *(Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.С. 364; Хожаш С. Основные этапы и проблемы изучения Урартского искусства. Ереван, 1978. С. 11; Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту. VIII — VI вв. до н. э. Л., 1962. С. 125; Трухтанова Н. С., Ходжаш С. И. Оганесян К. Л. Росписи Эребуни // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Вып 4. М., 1968. С. 164 — 175; Ходжаш С. Эребуни. Памятники урартского зодчества. М., 1979. С. 53 — 97).*

Длительные раскопки на территории Урарту по зволили выявить уровень развития строительной тех ники, виды строительных материалов и конструк

ций, применявшихся урартскими строителями. Основными строительными материалами здесь были камень (базальт, туф, известняк), глина и дерево (сосна, тополь, дуб и бук). Урартский строительный лес также вывозился из страны, прежде всего в Ассирию.

При кладке стен урарты не всегда применяли однородный материал — обычно то были базальт и туф. Глину использовали при возведении почти всех монументальных зданий. Из глины изготавливался кирпич-сырец квадратной и прямоугольной формы, который клался на глиняном растворе.

Строительная культура урартов имеет некоторую общность традиций с аналогичной хеттской культурой — кладка стен, устройство террас, обработка камня, возведение сооружений ступенчатыми переходами на косогорах.

Зодчие урартов применяли различные единицы линейных мер — локти, размерами 47,4 см, 51,8 см, 52,5 см. Эти локти имели более мелкие деления, например, 52,5 см : 3 = 17,5 см. Эти деления и лежали в основе всех измерений при строительстве. Урартские архитектурные пропорции основывались на числовых соотношениях 5 х 8. Каждая часть в этом соотношении, или единица, служила "модулем", который, исходя из желаемых общих размеров сооружения, был кратен величине локтя. Иначе говоря, урартский пропорциональный прямоугольник, определяемый соотношениями 5 х 8, совмещался с модульной системой, основой которой являлась реальная линейная мера — локоть.

Таким образом, уровень строительной техники урартов соответствовал достижениям строительной культуры того времени. Созданная процессом эмпирических исканий различных конструктивных приемов, решений и архитектурных пропорций, основанных на простых числовых соотношениях, строительная культура урартов породила довольно устойчивую традицию, значительно способствовавшую дальнейшей эволюции строительного дела в более позднюю эпоху.

Урарту в силу своих исторических и природно-географических особенностей легко усваивало традиции строительных культур других стран Древнего Востока, как горных, так и равнинных. Поэтому здесь проявлялись архитектурные традиции как массивных скальных сооружений, так и легких по своим пропорциям деревянных форм. Это обстоятельство, кстати, послужило основой для миграционной теории Леманн-Гаупта. Ближе всего к Урарту стоит архитектура горных стран, прежде всего хеттская — много общих черт в структурном построении городов, оборонных крепостных стен, использовании рельефа местности и т. д. В этом нет ничего неожиданного, если учесть насколько хеттская культура вобрала в себя хурритские традиции, близкие урартской культуре.

Строительная культура Междуречья дает Урарту принцип правильной планировки улиц, развитие помещений вширь в объемных сооружениях и их глубинно-пространственное построение.

В свою очередь, урартское влияние очевидно в строительной культуре более поздних культур. Например, древнеперсидские колонные залы — ападаны Персеполя в качестве образца для подражания пользовались подобными урартскими сооружениями. Урартский храм и примыкавший к нему перистильный двор в древнем Иране приняли форму ахеменидского культового сооружения - храма огня.

Еще более сильным оказалось культурное влияние урартов на государственные образования Закавказья. В частности, влияние архитектурно-строительной культуры урартов проявилось в планировочных композициях древнеармянских городов, в системе построек оборонительных крепостных стен и расположении дворцовых построек на возвышенностях. То же самое можно сказать об архитектурных формах и строительных конструкциях жилых домов на большей части территории Закавказья *(Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л., 1966. С. 29 — 38; Кафадарян К. К. Новые данные по архитектуре Урарту // Советская архитектура. 1967. № 4. С. 237 — 247; Ходжаш С. Эребуни памятники Урартского зодчества. М., 1979. С. 9 — 53).*

Одежда господствовавшего слоя урартов была похожа на ассирийскую, но имела свои особенности. Так, для урартов характерны мягкие шапочки со свисающей кисточкой, одежда украшалась вышивкой в форме геометрических фигур — квадратов и других. Из украшений были широко распространены ожерелья, особенно сердоликовые, нагрудные металлические амулеты в форме полумесяца и т. п.

Ряд особенностей имели и урартские личные печати. Обычно они изготовлялись из твердых материалов в виде цилиндрического столбика или имели колоколообразную форму, с ручкой или ушком наверху. Одновременно достаточно широко были распространены и ассирийские печати.

Большое развитие в Урарту получило гончарное дело. Керамика для переработки и хранения земледельческих и скотоводческих продуктов представлена сосудами самых разнообразных форм, большое количество которых обнаружено в кладовых и производственных помещениях урартских городов и крепостей. Сосуды для хранения и переработки продуктов полеводства состоят из разнообразных карасов для хранения вина, растительного масла и зерна. Различаются три группы карасов: большие, высотой 1,5 м и выше; средние — от 0,7 до 1, 5 м; малые — от 0,5 до 0,7 м.

В отличие от остальной керамики, карасы украшены геометрическим орнаментом, составленным из углублений различной формы. Выявлены четыре типа орнаментального мотива, элементами которых являются прямоугольные и треугольные углубления острием вниз или вверх, прямоугольные горизонтальные и вертикальные выемки, помещенные в один — четыре ряда. Карасы часто украшены налепными фигурками в виде бычьих голов, хищников или извивающихся змей. На некоторых имеются процарапанные изображения животных, архитектурных деталей, колесниц и различных сюжетных мотивов. Под венчиком часто помещаются разного рода знаки, клейма, иероглифические и клинописные надписи, указывающие емкость сосудов.

Для переливания жидкостей использовались воронки-лейки. В пивоваренном производстве широко применялись сигарообразные сосуды двух типов для солодования ячменя и проса. Емкость пивных сосудов — от 15 до 20 литров. На пивных сосудах иногда встречается примитивный орнамент в виде различных штампов и клейм.

Интересную группу урартской керамики составляют глиняные вазы-курильницы для обкуривания сосудов двух типов: 1) небольшие безручные кувшины с округлым туловом, прямой или суживающейся шейкой с отогнутым или заостренным венчиком. Все они снабжены высокими ножками, отделенными небольшой перегородкой от основного сосуда. Курильницы имеют один, три или четыре горизонтальных ряда кругловатых или клиновидных отверстий, чередующихся друг с другом. Такие курильницы использовались для обкуривания серой в целях дезинфекции карасов; 2) сосуды, имеющие в верхней части чашеобразную форму, также стоящую на полой, расширяющейся книзу короткой ножке. Эти курильницы имели культовое назначение.

Для обжаривания зерновых при изготовлени круп и выпечке хлеба употреблялись жаровни, диа метром от 15 до 60 см.

Для хранения и переработки молочных продук тов использовались маслобойки, двойные сообщаю щиеся сосуды для хранения закваски для сыра, круп ные чаны, а также небольшие карасы и обычная бы товая посуда. У урартов была известна та называемая, парадная посуда, представленная высо кокачественной, хорошо ангобированной керамико красного или вишневого цвета. К этой же групп относятся высокохудожественные кубки, ребристы фиалы и т. д. Сюда же относится и расписная кера мика. Это сосуды различной формы, украшенные ка простыми орнаментальными мотивами, так и слож ными сюжетными сценками. Простой орнамент со стоит из шахматного заштрихованного орнамента сочетании с кружками, гирляндовидными узорам линиями, шевронами. Элементы орнамента наноси лись на желтоватую поверхность сосудов черной бурой красками, благодаря чему они кажутся поли хромными.

Известны сосуды с нанесенными на их поверх ность сложными сюжетными сценками, например изображениями животных. Интересно, что обра оленя, широко представленный в индоевропейско мифологии, почти неизвестен в мифологии хурри ской. Изображения оленя неивестны и в урартско прикладном искусстве, но оно встречается в местных изделиях некоторых областей Армянского нагорья и Закавказья.

Известна также урартская керамическая культо вая посуда. Она включает в себя различные бытовы сосуды, применявшиеся в качестве погребальных урн, миниатюрные сосуды, предназначенные для хранения благовоний, масел, лекарств (медицински процедуры часто сопровождались чтением магиче ских заклинаний), а также различные вазы, чаши, сапожковидные сосуды, применявшиеся для обрядо вых возлияний *(Ходжаш С. Эребуни. Памятники урартского зодчества. М., 1979. С. 97 — 141; Аветисян Г. Г. Урартская керамика из памятников Ара ратской долины. Ереван, 1989. С. 3 — 19; Демская А. А. Карасные кладовые Эребуни // Сообщения Госу дарственного музея изобразительных искусств им А. С. Пушкина. Вып. 4. М., 1968. С. 176 — 182).*

Лучшими образцами урартского прикладного и кусства считаются изделия из бронзы. В коллекци Эрмитажа имеются урартские бронзовые статуэт

фантастических существ. Одна из них изображает существо с туловищем льва и человеческим торсом. Статуэтка была покрыта листовым золотом, а лицо фигуры сделано из белого камня, брови и глаза инкрустированы. Другая статуэтка изображает лежащего крылатого быка с головой, повернутой влево. Она также была покрыта листовым золотом, а углубления на крыльях заполнены красной пастой. Лицо, вероятно тоже человеческое, не сохранилось. Известно, что в Британском музее имеется точно такая же статуэтка, только с головой, повернутой вправо. Так как обе статуэтки совершенно одинаковы и отличаются только поворотом головы, то совершенно очевидно, что они были парными. К тому же у обеих статуэток имеются в нижних частях штифты для скрепления. Следовательно, обе эти фигурки служили украшением одного и того же предмета.

Среди урартских бронзовых изделий имеются фигурки крылатых львов, очень близкие к лежащим крылатым быкам, скрепленные с металлическими частями мебели, в частности с массивными бронзовыми ножками. Всего подобрано 12 однотипных бронзовых предметов-украшений, представляющих собой, скорее всего, фигурные части двух урартских тронов. Один из них был украшен фигурками львов, а второй — фигурками быков. Это предположение подкрепляется тем, что на местах соединения этих предметов с другими имеются не только штифты, но и вырезаны знаки, вероятно, служившие рабочими метками.

Урартские бронзовые украшения верхних частей бронзовых котлов, выполненных в виде головок быков или крылатых женских фигур, распространены далеко за пределами Ванского царства. Их обнаружили не только в соседней Ассирии, но и далеко на западе от Урарту — на острове Родос, в Дельфах, в Афинах, в Олимпии. Надо думать, что в Грецию они попали через греческие малоазиатские колонии *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 39 — 41)*.

Подлинными произведениями искусства являются бронзовые щиты, украшавшие стены храмов. Многие из обнаруженных щитов имеют посвятительные надписи урартских царей. Изготовлялись они из листовой бронзы и украшены фигурами животных быков и львов, которые помещаются в концентрических поясах. Изображения, как правило, выполнялись методом чеканки, хотя не исключено, что некоторые контуры животных первоначально выдавливались штампом. Кроме того, контуры животных подправлялись резцом. Резьбой выполнялась и вся мелкая декорировка. Урартское искусство, в частности металлообработка, оказало сильное влияние на развитие искусства не только народов Закавказья, но и скифов.

Из урартской скульптуры найдена всего одна каменная статуя, и та в очень плохой сохранности — у нее отбиты голова и ноги. До сих пор неясно, кого она изображает — одного из урартских царей или богов.

Известные урартские произведения искусства близки к ассирийским, но не является слепым копированием ассирийского стиля. Сама обстановка, царившая в Передней Азии описываемого периода, способствовала широкому распространению произведений искусства. Широкий обмен и постоянные войны между различными государствами приводили к постоянному перемещению ценностей. Достаточно вспомнить, что свод законов Хаммурапи и стела аккадского царя Нарамсина найдена в Сузах (Элам), а большая победная стела ассирийского царя Ассархаддона открыта в хеттском городе Самале. В описи добычи, захваченной ассирийцами при разграблении храма бога Халди Ардини, особо выделяются металлические изделия стран Ассирии и Кульху. При этом указывается, что ассирийцы вернули себе драгоценности, которые ранее "в городе, дворце и храме, постройках Ашшура и Мардука захватили".

Все это обуславливало наличие сходных элементов в искусстве стран Передней Азии. Вместе с тем, искусство каждого народа имело какие-то свои, именно для данного этноса, характерные особенности.

Урартская письменность долгое время считалась полностью заимствованной у ассирийцев. Дело тут не только в очевидном сходстве ассирийской и урартской письменности, но и в том, что считающиеся древнейшими надписи урартского царя Сардури, сына Лутипри (30-е годы IX в. до н. э.) из города Вана составлены на ассирийском языке. Первые надписи на урартском языке появляются лишь при его преемнике — царе Ишпуини. Начиная с этого царя (последняя четверть IX в. до н. э.) все известные надписи Урарту составлены на урартском языке. Исключение составляют лишь два случая составления надписей на двух языках (урартском и ассирийском), и то обе эти стелы поставлены на территории области Ардини, близ Ассирии. Самыми поздними урартскими

надписями являются надписи царя Русы III, сына Эримена.

В Урарту употреблялась в основном клинописная система письма, впервые изобретенная еще шумерами. Однако наряду с ней зарегистрировано существование какого-то местного, иероглифического письма. Этим письмом выполнена надпись на одной глиняной табличке. Им же часто даются обозначения емкости на многих глиняных сосудах, сделанных в Урарту.

Как уже указывалось, клинообразное письмо, которым пользовались урарты вплоть до последнего времени считалось заимствованным у ассирийцев. Только недавно исследователи пришли к выводу о происхождении урартской системы клинописи от аналогичной хурритской, хотя последующее сильное ассирийское влияние совершенно очевидно. Так, например, считал немецкий исследователь И. Фридрих *(Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961. С. 94).* И. М. Дьяконов в своей работе "Урартские письма и документы" указывает: "... кажется сомнительным, чтобы цивилизация и классовое общество возникли в Урарту лишь в X — IX вв. до н. э., как полагали до сих пор; следует вспомнить, что многие части Армянского нагорья достаточно прочно входили в состав двух упомянутых выше государств (Митаннийского и Хеттского) с их классовым обществом...". Это и другие обстоятельства заставляют "пересмотреть вопрос о времени возникновения классового общества и цивилизации на Армянском нагорье... письменная традиция в Урарту восходит не к X — IX вв. до н. э., как предполагалось, а по крайней мере к середине и концу II тысячелетия до н. э. ..." *(Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М. — Л., 1963. С. 39).*

Бльшая часть известных урартских надписей высечена на камне. Это тексты на сглаженных поверхностях скал, на каменных стелах, камнях, использовавшихся для строительства крупных сооружений, на базах колонн. Кроме камня для письма использовались и другие материалы: глиняные таблички, предметы из кости, бронзы. Высказывалось предположение, что в урартских царских архивах имелись тексты и на папирусе, но неясно, на каком языке и кем были выполнены эти надписи *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 44 — 45).*

Урартское письмо на глиняных табличках графически стоит очень близко к ассирийскому. Что касается надписей на камнях, то в этом случае урартские письменные знаки приобретают форму, весьма отличную от ассирийской. Если ассирийские знаки имеют форму треугольной головки и стержень в виде линии, то урартские знаки представляют собой равномерно суживающиеся клинья и имеют форму сильно вытянутых треугольников. К тому же, урартская клинопись иногда превращает наклонные группы клиньев в горизонтальные, и наоборот. Кроме того, для нее характерно рассечение пересекаемых клиньев на два клина.

Отмечено, что эти характерные черты урартской клинописи очень редко встречаются и в ассирийском письме. С другой стороны, эта своеобразная форма знаков выдерживается далеко не во всех урартских текстах. Часты случаи выполнения урартских надписей со всеми характерными особенностями ассирийской клинописи. Известны также случаи, когда в одной надписи встречаются обе формы написания клинописных знаков *(Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике // Эпиграфика Востока. Вып. IV. 1951. С. 104; Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 33 — 34).*

Таким образом, клинопись в Урарту существует как бы в двух формах: в "ассирийской" и специфической "урартской". Первые урартские надписи царя Сардури I, сына Лутипри, написаны "ассирийской" формой клинописи. "Урартская" клинопись появляется при его преемнике Ишпуини. Совместные надписи Ишпуини и его сына Менуа сделаны преимущественно "ассирийской" формой письма. Но начиная с самостоятельных надписей царя Менуа "урартская" форма клинописи становится преобладающей и полностью вытесняет "ассирийскую" форму при царях Аргишти I и Сардури II. Только в царствование Русы I вновь появляются надписи, использующие "ассирийскую" форму клинописи.

Клинописные знаки на металлических изделиях почти всегда имеют "ассирийскую" форму.

В урартской клинописи используются те же основные принципы, что были заложены еще шумерами и являются общими для всех известных систем клинописного письма. Здесь различаются знаки для гласных звуков (a, e, i, u и для дифтонга ia), слоговые знаки, идеограммы (знаки обозначающие целые понятия — "земля", "небо", "бог", "вода" т. д.) и детерминативы (знаки, определяющие характер, слов в связи с которыми они стоят. Например, перед именами богов ставился специальный детерминатив. Точ

но так же специальный детерминатив страны ставился перед названиями стран) *(Меликишвили Г. А. Урартский язык. М., 1964. С. 20)*. По сравнению с ассирийской письменностью, в урартской гораздо меньше письменных знаков. К тому же, если в ассирийской клинописи каждый знак имел до десяти и более значений, то в урартском письме клинообразные знаки имеют одно, реже два или три значения, но не больше. Некоторые знаки в урартской клинописи появляются в значениях, не известных в ассирийском письме *(Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 35)*. Таким образом, урартская клинописная система гораздо проще и яснее ассирийской.

Определенное своеобразие наблюдается в урартской клинописи при употреблении двух детерминативов из ассирийского письма. Первый из них — детерминатив, обозначающий профессию, группу, категорию людей и племенные названия. В урартской клинописи он используется только как детерминатив профессий, категорий людей и никогда не используется как детерминатив племенных названий. Второй используется в ассирийской письменности для обозначения лиц мужского пола. При урартском же письме этот детерминатив также применяется для обозначения лиц мужского пола, но одновременно он служит и для обозначения племенных названий.

В урартских числительных, передающихся клинописью, почти идентичной ассирийской, прослеживается наличие десятеричной системы, где различаются десятки, сотни, тысячи и т. д. Но сохранились также следы существования древней (шумерской) системы счета, основанной на шестидесяти. Это отразилось в своеобразном написании цифры 60 и соответственно с этим цифр 70, 80 и 90 — при написании последних к цифре 60 просто прибавляется соответствующее количество десяток.

На обломках больших глиняных сосудов иногда встречаются указания на их емкость. Меры емкости у урартов носили названия "акархи" и "хуриси". По вычислениям один "акархи" равнялся примерно 120 — 150 литрам, а "хуриси" составлял одну десятую или одну двенадцатую часть "акархи" *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 44)*.

Как и во всех известных клинописных системах, в урартской клинописи текст читается слева направо. Писали урарты обычно в графленых строках. Слова при письме никак не отделялись друг от друга. Но выделение отдельных слов облегчается тем, что перенос слов не допускался. Правило, по которому слово должно было окончиться на той самой строке, где оно началось, — строго соблюдалось урартскими писцами. Поэтому в урартских текстах отдельные клинописные знаки стоят или вплотную друг к другу, или находятся на большом удалении. Видимо, стремясь заполнить образующиеся пустоты на поверхности, урартские писцы иногда прибегали к написанию лишних гласных.

Особенностью урартских текстов является и то, что здесь встречается сокращенное написание слов.

Подавляющее большинство урартских надписей — это царские надписи, составленные от имени того или иного царя. При этом начиная уже с первых царских надписей вырабатывается определенный стиль такого рода надписей, в основных частях сохранившийся на протяжении последующих столетий, вырабатывается трафаретная конструкция, фразеология и т. д. По своему содержанию царские надписи были победными, строительными или культовыми. Первые составляют большую часть урартского эпиграфического материала, дошедшего до наших дней.

Большинство победных надписей посвящено описанию одного похода. Известны также две летописи урартских царей Аргишти I и Сардури II. В этих летописях события отражаются по отдельным годам царствования, но и они в основном содержат описание многочисленных походов царей. По порядку построения и употребляемой фразеологии летописи мало чем отличаются от победных надписей, описывающих какой-либо отдельный поход.

Начало победных надписей посвящено божеству — в нем содержится хвала божеству, призыв царя к богам о помощи, подчеркивание помощи божества. Трафаретные фразы: "Могуществом бога Халди...; бог Халди выступил в поход...; предшествовал (ему) Халди..." являются по сути объявлением того, что поход совершался по воле и при покровительстве богов. Строительные и культовые надписи лишены такого специфического начала. В начале этих надписей доминирует мотив посвящения божеству: "богу Халди, владыке NN (построил, воздвиг и т. д.)".

Центральная часть победных надписей посвящена описанию военных действий и тоже состоит из трафаретных выражений, которые располагаются в определенной и постоянной последовательности: 1) собирание войска или сообщение о выступлении в

поход против какой-то страны; 2) затем идет лаконичная формула о завоевании страны, города или племени; 3) описание разгрома завоеванной страны и перечисление захваченной добычи; 4) наложение или получение дани от царя побежденной страны.

В строительных надписях центральная часть посвящена строительной деятельности царя. В ней имеются пять обязательных моментов: 1) лаконичная констатация факта (крепость, дом, город, канал, зернохранилище и т. д. создал, построил, устроил); 2) обычно воздвигнутое сооружение определяется каким-нибудь эпитетом ("величественный", "прекрасный"); 3) часто говорится об установлении названия построенного сооружения ("канал Менуа — имя его", "Тариханили — имя его"); 4) в надписях, рассказывающих о строительстве хозяйственных сооружений, указывается его емкость; 5) упоминание жертвоприношений богам, призыв к богам дать царю жизнь, радость, величие и т. д. *(О стиле урартских надписей // Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 93 — 114; Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э). Ереван.,. 1975. С. 83 — 86).*

Значительную часть культовых надписей составляют посвятительные надписи. Стелы с такими надписями считались, по всей видимости, культовым объектом, через нее испрашивалось для царя благоденствие, жизнь, величие и т. д. Но и другие культовые надписи содержат формулу посвящения. Вместе с тем, культовые надписи говорят оь установленных царем нормы об обязательных жертвоприношениях со стороны населения. В конце таких надписей ставится имя царя с полной титулатурой.

Все надписи обычно заканчиваются формулой проклятия в адрес того, кто повредит надпись: "Руса, сын Аргишти, говорит: Кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто (ее) со (своего) места выбросит, кто в землю зароет, кто в воду бросит, кто другой скажет: "Я (все это) совершил", кто (мое) имя (на ней) уничтожит (и) свое имя поставит, будь он житель страны Биаинили или житель вражеской страны, пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, (все) боги не оставят на земле ни (его) имени, ни (его) семьи, ни (его) потомства" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 345).*

Кроме указанных трех видов надписей, в урартской этиграфике существуют несколько сот коротких надписей царей или их имен на металлических (главным образом бронзовых) предметах и глиняных сосудах. Известны также надписи на глиняных табличках, найденные во время раскопок. Это тексты, написанные урартской скорописью и скреплены цилиндрическими печатями. По мнению Б. Б. Пиотровского, эти тексты представляют собой письма-приказы из центра Урарту, а также счетные документы *(Пиотровский Б. Б. Предисловие // Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М. — Л., 1963. С. 7).*

Таким образом, в урартских надписях велика роль трафарета, который сохраняется на протяжении всего времени существования урартской письменности. Очевидно также, что на стиль урартских надписей большое влияние оказали аналогичные ассирийские надписи. В истории ассирийского стиля царских надписей различаются два этапа. Первый начинается с древнейших времен и завершается в конце VIII — начале VII в. до н. э. Главная особенность этого стиля в трафаретности и лаконичности изложения. Надписи этой эпохи лишены индивидуальности, повествование ведется в традиционных рамках введения и окончания, используются одни и те же трафаретные формулы и сравнения. Для ассирийских надписей второго этапа (эпоха Саргонидов) характерно пространное, свободное повествование. Каждая значительная надпись ярко индивидуальна и несет на себе отпечаток творчества составлявшего ее писца. В этом отношении урартские надписи стоят ближе к первой, ранней форме ассирийских надписей.

Однако при сравнении урартских надписей с аналогичными ассирийскими можно отметить, что в ассирийских надписях повествование многообразнее и детальнее, чем в урартских. Ассирийские писцы не придавали особого значения соблюдению традиционной фразеологии. Например, урартские надписи всегда ограничиваются указанием имени царя и его отца. Титулатура также устойчиво трафаретна и совпадает с традиционной ассирийской — "царь великий, царь могущественный, царь вселенной" и т. д. Однако ассирийские надписи часто кроме имени отца царя сообщают имена и более дальних предков иногда вместе с их титулатурой. И в титуле ассирийских царей употребляются разные выражения, эпитеты, призванные возвеличить царя и его деяния. Нечто подобное появляется в урартских надписях только при царе Русе I.

Ассирийские надписи более подробны, красочны и многообразны при описании событий, здесь приво

дятся подробности и детали, обычно не упоминаемые в урартских надписях. Так, ассирийские писцы уделяют большое внимание описанию рельефа и местонахождения областей, где происходят события. Урартские надписи таких подробностей не упоминают, лишь в редких случаях ограничиваясь указаниями, типа "горная страна" или "в могучих горах расположенная". Урартские тексты начисто лишены описания батальных сцен, которые с большим вниманием и искусством передаются в ассирийских анналах. В ассирийских строительных надписях всегда содержится указание на источник поступления строительных материалов — для бедной камнем и лесом Ассирии это весьма важно и естественно. В урартских надписях этот момент опущен полностью. Только один раз, в надписи царя Сардури I, имеется указание, что камень для строительства доставлялся из города Алниуну. Ассирийские строительные надписи, кроме того, часто рассказывают об истории воздвигаемого, а чаще всего восстанавливаемого объекта. Урартские надписи сведений такого рода не дают, за исключением тех редких случаев, когда говорится, что до начала строительства данная местность была пустынной. К тому же, ассирийские писцы дают хотя бы общее описание воздвигаемого сооружения, разных деталей строительства, дату начала и завершения работ и т. д. Урартские надписи лишены такого рода сведений.

Существует предположение, что стиль ассирийских надписей формировался под сильным влиянием хеттской анналистики. По крайней мере, в Вавилонии ассирийское историческое повествование не имеет своего непосредственного предка. Однако между хеттской и ассирийской анналистикой существуют и принципиальные отличия. Так, ассирийское историческое повествование всегда носит мифическо-эпический облик, что совершенно не наблюдается у хеттов. С другой стороны, в урартских надписях имеются фразы, которые встречаются только в хеттских надписях и неизвестны в ассирийских. Например, в летописях урартских царей изложение событий каждого года завершается стандартной фразой "эти подвиги я за один год совершил". Точно такая же трафаретная фраза — "эти (дела) совершил я в (продолжение) одного года" употребляется в летописи хеттского царя Мурсили II, но совершенно неизвестна ассирийской анналистике.

Известны и другие трафаретные формулы, применение которых одинаково в урартских и хеттских надписях. Так, при перечислении добычи урартские писцы употребляют стандартную фразу — "Это досталось (буквально: пришло) царю, но что воины забрали, забрали они отдельно". Такая же формула многократно встречается в хеттских победных надписях. Совпадают в урартских и хеттских текстах и фразы, призывающие помощь богов.

Нельзя забывать однако, что и хеттская и ассирийская культура, и в частности, литература, при начале своего формирования испытали сильное хурритское влияние. Поэтому общие черты, свойственные ассирийской, хеттской и урартской анналистике, можно объяснить сохранявшимися хурритскими традициями. О возможности сохранения хурритских традиций в среде урартского жречества говорит и Г. А. Меликишвили *(О стиле урартских надписей // Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 93 — 114).* Последующее развитие хеттской, ассирийской и урартской цивилизаций привело к появлению самобытных черт в каждой из этих культур. Разумеется, имело место и более позднее взаимопроникновение культур.

В завершение можно отметить определенное влияние урартского стиля победных надписей на формирование стиля аналогичных древнеперсидских надписей. Так, и те и другие начинаются с фразы: "NN (такой-то царь) говорит". Урартская формула, завершающая описание событий одного года — "Для бога Халди я эти подвиги за один год совершил", близка к аналогичной формуле древнеперсидских надписей "Это (то), что я сделал в одном и том же году, с помощью Ахумаразды я сделал". Высказывается предположение, что древнеперсидская слоговая клинопись через Мидию и Ману восходит к урартской клинописи.

По отрывочным данным, содержащимся в урартских надписях, и сведениям из других источников можно составить представление о правовой системе, существовавшей в Урарту. К сожалению, археологические раскопки, произведенные до сих пор, не обнаружили цельного урартского архива, хотя следы существования такого архива обнаружены при раскопках в Кармин-блуре. Существует ряд урартских надписей, значение которых особенно велико для изучения правовой системы Ванского царства.

Прежде всего нужно отметить надпись царя Сардури I, составленную на ассирийском языке и содержащую законодательно установленную титулатуру урартского царя: "...царя великого, царя могущест-

венного, царя вселенной, царя страны Наири, царя, равного которому нет, удивительного пастыря, не боящегося сражения, царя, подчиняющего непокорных. (Я), Сардури, сын Лутипри, царь царей, который от всех царей получил дань" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 290)*. Государственно-правовое значение этой титулатуры в том, что она провозглашает верховную власть урартского царя в отношении других правителей стран Наири. Одновременно она отражает международный статус Урарту, его полный суверенитет.

Двуязычная надпись царя Ишпуини и его сына Менуа содержит сведения об акте дарения, совершенном царем и наследником в пользу храма Халди в Ардини (медная и серебряная посуда, 22712 голов мелкого и крупного рогатого скота и лошадей). В этой же билингве отражены некоторые нормы уголовного права урартов, нашедшие отражение в формуле проклятия: "Когда перед богом Халди в город Ардини явились Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, пожертвовали богу Халди скот (и) так сказали: кто скот от ворот бога Халди уведет — тот пренебрегает своим уничтожением; кто заставит кого-нибудь другого увести (их) ...скроет по указанию (приказу) (своего) господина (правителя) (похищенное)... Если кто-нибудь, находящийся в городе Ардини услышит, что кто-нибудь заставил кого-нибудь увести когда-нибудь от ворот бога Халди скот (и утаит это), пусть бог Халди уничтожит его семя на земле" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М. 1960. С. 127 — 128)*.

Победные надписи урартских царей также содержат ряд государственно-правовых понятий, свойственных урартам. Так, в качестве политических единиц различаются "города", "страны"; как самостоятельные этнические группы в составе "стран" выделяются "племена". Сообщается также о контрибуциях и дани, налагаемых на побежденные страны и города. Одна из надписей Менуа констатирует порядок престолонаследования, принятого у урартов: "Менуа, сын Ишпуини, на отцовское место взошел...".

Строительные надписи Менуа также содержат отрывочные сведения о правовых отношениях между государством в лице царя и населением: "Могуществом бога Халди Менуа, сын Ишпуини, говорит: канал города Менизаиани я провел. "Канал Менуа" — имя (его). Облагодетельствовал он область города Укуа(ни), (а также области) городов Зугухе, Ирпуни, Абаси(ни)" *(цит. по: Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 171)*. В данном случае можно предположить, что при пользовании каналом возникали правовые отношения между государством и населением областей, использующих его воду. В принципе, указанные надписи можно рассматривать как официальный юридический акт, устанавливающий право населения пользоваться указанными сооружениями. Некоторые надписи прямо говорят об этом, например, надпись Русы I: "Да будет это озеро для орошения Русахинили".

Некоторые надписи говорят о существовании частной собственности. Так, одна из обнаруженных надписей гласит, что данная конюшня принадлежит царю Менуа. Надпись на бронзовых удилах конского убора сообщает, что это "собственность царя Менуа". Известно также, что частную собственность имели и другие лица.

Среди надписей царя Аргишти I имеется такая: "Богу Иварша этот дом-суси Аргишти, сын Менуа построил". Иварша — лувийско-малоазиатское божество, и надпись означает, что было воздвигнуто святилище для 6600 воинов стран Хате и Цупани, которые были поселены в качестве составной части урартского гарнизона в городе Ирпуни *(Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван, 1966. С. 94)*. Правовое значение этой надписи в том, что урартский царь, включив в урартский пантеон божество хеттов и цупанийцев, признавал тем самым право знати этих народов на участие в управлении государством.

Ряд надписей дает представление о наказаниях, применявшихся в Урарту. Так, одна из надписей Аргишти I сообщает о наказании правителей, восставших против власти урартского царя: "четырех царей я оскопил". Возможно, что оскопление имело своим следствием и удаление наказанного с занимаемой должности. В той же надписи сообщается, что Аргишти I на место оскопленных правителей назначил других.

Существовала у урартских царей и такая правовая норма, как "наказ" потомкам. Например, известны надписи типа: "Царь, который... впоследствии будет правителем, пусть никогда... не похитит имени Сардури, виноградника Сардури"; или "Царь, который впоследствии будет правителем, пусть не забросит эту крепость, пусть ее не испортит, пусть чему-нибудь из этих творений он не повредит...". Интересно, что за невыполнение этих "наказов" виновному

угрожало наказание, — об этом свидетельствует формула проклятия, сопутствующая этим надписям-"наказам".

Ряд надписей дает представление о существовавших тогда правовых нормах ведения и прекращения войны. Победитель требовал, как правило, полной капитуляции побежденного. Судьба проигравшей стороны решалась победителем: "...царь Абилианихи обнял ноги Сардури, ниц повергся". Этот жест означал не что иное, как капитуляцию. Если далее по тексту следовало: "Я отнесся к нему милостиво, посадил я его на свое место, пощадил я его под условием выплаты дани", — значит, судьба побежденной страны решилась по усмотрению урартского правителя.

О существовавших нормах ведения войны говорят и надписи, сообщающие об угоне тысяч пленных, захвате трофеев и т. д. Перечисление списка добычи, захваченной царем, часто завершается красноречивой фразой: "Все это досталось царю, но что воины забрали, забрали они отдельно, когда завоеванную страну я покидал". Или : "Отдельно мужчин и женщин воинам я отдал". Отсюда следует, что правом частной собственности над рабами обладал не только царь и представители знати, но и простые воины — свободные общинники.

Интересно, что в тех случаях, когда побежденная страна не имела металлов или продуктов сельского хозяйства и ремесленного производства для уплаты наложенной дани, дань взималась людьми. Так, победив 23 царей в районе озера Севан, Руса I: "...увел мужчин и женщин в Биаинили в качестве годовой дани".

Об обычной форме аннексии завоеванной области говорят надписи типа: "Царя страны Уеликухи я победил, в своего раба я его превратил, из страны я его удалил, своего наместника там я поставил...".

Интересно отметить, что у урартов своеобразная форма признания факта частной собственности на недвижимое имущество. Одна из надписей Аргишти II сообщает, что царь выпустил стрелу из леса Гилурани до сада Ишпилини, утверждая факт принадлежности леса и сада частным лицам.

Стандартная формула проклятия, содержащаяся в урартских царских надписях, определяет несколько составов преступления, направленных против царя и его сооружений: "...кто эту надпись уничтожит, кто ее разобьет, кто ее со своего места выбросит, кто в землю зароет, кто в воду бросит, кто другой скажет: "Я все это совершил", кто мое имя на ней уничтожит и свое имя поставит, будь он житель страны Биайнили или житель вражеской страны, пусть боги Халди, Тейшеба, Шивини, все боги не оставят на земле ни его имени, ни его семьи, ни его потомства".

При археологических раскопках в Кармир-блуре были найдены глиняные таблички-письма урартского царя представителям власти крепости Тейшебаини. Особенностью указанных писем является наличие на них оттисков печатей царя или одного из высших должностных лиц государства *(Дьяконов И. М. Урартские письма и документы. М. — Л., 1963. С. 25)*. Эти письма адресованы разным чиновникам — "держателю печати", "человеку счета", "человеку денег", "человеку посева" и относились к различным хозяйственным и личным вопросам. Например, в письме к "человеку денег" содержится приказ выдать дочь некоего Муиды, умершего повара или пекаря, за вновь назначенного повара Алуани. Это означает, что царь имел право распоряжаться личностью членов дворцового хозяйства. В частности, он вмешивается в брачно-семейные отношения.

В другом письме царь приказывает "держателю печати" дать поручение старшему пастуху заставить раба Тату вернуть господину или госпоже похищенную им девушку (возможно, речь идет о родителях девушки). Из этого письма следует, что в Урарту раб имел право обзавестись семьей. При этом существовала такая форма брака, как похищение жены, которая воспрещалась в том случае, если похищенная не является свободной и ее господин возражает против брака.

Имеется также письменное распоряжение о перевозке товаров (кож и шерстяных тканей) из города Тейшебаини в другой город страны Аза *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 101)*.

Урартское государство было рабовладельческим: основные средства производства — земля и рабы принадлежали классу рабовладельцев. Урартские цари, были верховными собственниками значительной части земли. При этом выражение "царские земли", "царское хозяйство" следует понимать двояко: во-первых, это государственная земля, субъектом собственности которой был царь; во-вторых, это частная собственность царя и других членов царской династии. В первом смысле государственной собственностью были административно-территориальные центры страны, например Менуахинили, Аргиштихини-

ли, Русахинили, Сардурихурда и другие, а также некоторые долины, например "долина Менуа". Указанные города, крепости и долины, хотя и носили имена царей, являлись все же государственной собственностью. Доходы от них поступали в государственную казну, хотя распоряжались как крепостями, так и доходами с них непосредственно цари.

Лично царю и его родственникам на правах частной собственности принадлежали значительные имения, включавшие обширные обрабатываемые земли. Царская семья имела собственные поселения, например, царям Русе I и Сардури II принадлежали поселения Арбу и Рийар в области Армарили. Фактически этот район представлял собой удельное владение царской семьи. Уже говорилось, что семь братьев царя Русы I владели семью крепостями, расположенными недалеко от столицы. Собственными имениями владели и другие члены царского рода, общая численность которых составляла несколько сот человек. Так, при Русе I "семя рода" насчитывало 260 человек.

Землей владели и другие частные лица. Причем объектом частной собственности являлись не только земля и рабы, но и ремесленные мастерские, принадлежавшие царям, храмам и отдельным частным лицам.

Следует отметить, что царские надписи устанавливали нормы, регулирующие водно-земельные отношения, которые определяли порядок пользования водой в царских, храмовых, общинных и частных хозяйствах. Особое внимание уделялось также охране собственности храмов. Смертью карались как посягнувшие на храмовую собственность, так и подстрекавшие к этому деянию, укрыватели похищенного и даже те, кто знал о готовящейся краже, но не известил об этом представителей власти. Анализируя формулы проклятия, постоянно завершавшие урартские царские надписи, можно прийти к выводу, что смертной казнью карались не только сами преступники и подстрекатели, но и члены их семей.

Судя по имеющимся источникам, урартским властям приходилось сталкиваться с преступлениями, направленными против собственности (государственной, храмовой и частной), а также против прерогатив царя. Объектом преступления могло быть повеление, приказ царя, невыполнение которого влекло за собой уголовную ответственность. Объективной стороной преступления считалось сокрытие, изменение или нанесение какого-либо ущерба царской надписи. При этом явно предполагалась преднамеренность действий преступника. Субъектом преступления считался, по всей видимости, любой лично свободный и вменяемый человек.

Уголовно-правовые нормы содержали гипотезу, то есть условие совершения преступления ("если..."), диспозицию, т. е. преступное деяние, и санкцию, т. е. наказание. Хотя санкция устанавливалась в неопределенной форме, все же не вызывает сомнения, что законодатель имел в виду именно смертную казнь. Из ассирийских источников известно о существовании в Урарту по крайней мере одного вида смертной казни — удавлении (удушении) *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 102—112).*

Религиозные представления урартов, по всей видимости, не сильно отличались от господствовавших в то время во всем регионе Передней Азии. К сожалению, до сих пор не обнаружено урартских текстов, которые отражали бы их верования или содержали бы сведения об их пантеоне богов. Из сохранившихся отрывочных текстов можно предположить, что ведущее место в урартском пантеоне занимают культы божеств неба, воды, гор и различных явлений природы. Верховным богом урартов считался бог Халди, центр культа которого располагался в городе Ардини. Супругой Халди считалась у урартов богиня Уарубани. В Ардини, как уже указывалось, супруга Халди носила имя Багмашту.

Из других богов особым почитанием пользовался бог дождя и грозы Тейшеб, тождественный хурритскому верховному богу Ташшубу. Супругой Тейшеба считалась богиня Хуба (Хепа — региональная хурритская богиня). Третьим по значению стоял культ бога солнца Шивини.

При царях Ишпуини и Менуа был систематизирован пантеон урартских божеств, освящавший государственную власть. Было установлено количество и порядок обязательных жертвоприношений святилища богов и богинь. Это мероприятие помимо всего прочего имело своей целью также и консолидацию завоеванных урартами территорий, упрочение теократической и деспотической власти царей. Из урартских источников, в частности, из надписи на Ванской скале, видно, что урартский пантеон включал в себя несколько десятков богов и 16 богинь *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 63).* Три

божества, олицетворявшие собой небо, бурю, дождь и солнце — Халди, Тейшеб и Шивини считались главными божествами. Пантеон составлен по иерархическому принципу. Халди считался царем богов, почитался как общегосударственный бог и имел посвященные ему храмы по всей стране.

В религиозных верованиях урартов явственно отражаются древние связи с хурритами. Так, урартский бог Тейшеб является верховным общехурритским божеством Тешшубом. Богиня Хуба, занимавшая второе место по своему значению среди урартских богинь, соответствует хурритской богине Хеба, супруге Тешшуба. Хурритскую аналогию имеет и урартский бог солнца Шивини *(Меликишвили Г. А. Урартский язык. М., 1964. С. 12)*.

Кроме того, каждый город и каждая область ("страна) имели собственных богов-покровителей, которые занимали определенное место в общегосударственном пантеоне, исходя из той роли, которую играли эти области и города в экономической и политической жизни Урарту. Почитались также Шеларди — бог луны, Квера — бог плодородия, бог Хутуини и другие. Кроме того, почитались земля, вода, горы, реки и особые божества — покровители поселений. Известно, что перед храмом бога Халди в Ардини стояла статуя коровы с теленком, из чего можно предположить существование культа животных. Важную роль в верованиях урартов играл культ священного дерева. Этот культ имел широкое распространение во всех странах Передней Азии *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 38)*.

Урартским божествам ставились в храмах антропоморфные статуи. Храмам жертвовались также статуи царей и других покровителей культа, — такие статуи обычно ставились перед входом в храм. По всей видимости, большая часть урартских ритуальных обрядов происходила на открытом воздухе. Перед каждым храмом ставились большие бронзовые котлы для возлияния вина и ритуальных омовений. Сооружались также так называемые "ворота бога" ("шештили"), представлявшие собой ниши, вырубленные в скалах. Отправление культа при них также происходило на свежем воздухе. Важную роль играло регулярное жертвоприношение скота — практически урартские цари оставили надписи, содержащие указания о порядке и количестве жертвоприношений.

В Урарту получил распространение и культ духов — хранителей источников, представлявшихся в виде рыб, драконов и других фантастических существ — "вишапов" (кстати, в чеченском фольклоре известны фантастические существа "ешапы"). Значительное количество каменных изображений вишапов обнаружено на территории Урарту. Определенное распространение имели также космические и другие культы, связанные с полукочевым скотоводством и охотой — известны изображения зооморфных божеств с луками. Также известно о существовании охотничьих обрядов с масками.

Установленные урартскими царями законы строго регламентировали количество и вид животных, приносимых в жертву тому или иному богу. Так, богам приносились в жертву быки, богиням посвящались коровы. Трем главным божествам урартского пантеона — Халди, Тейшебу и Шивини жертвовались соответственно по 17, 6 и 4 быков и 34, 12 и 8 овец. Другим богам жертвоприношения приносились в меньшем количестве, в соответствии с их местом в иерархии богов. Особенно обильные жертвы приносились раз в месяц, а именно в новолуние, как это было принято еще у древних шумеров *(Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван, 1975. С. 64)*.

Вообще, в Урарту насчитывалось большое количество разного рода храмов. Причем практически каждое божество помимо центра своего культа и главного храма имело также довольно много второстепенных храмов в разных областях страны. Например, кроме главного храма Халди в Ардини, существовали храмы этого божества в других городах и областях страны, в том числе и в столице.

Остаются неясными многие урартские погребальные обычаи. Известны могильники с сожженными трупами, которые были захоронены в глиняных сосудах. В захоронении обнаружен урартский погребальный инвентарь. Грандиозные камеры, вырубленные в Ванской скале, по мнению некоторых исследователей, были не чем иным, как усыпальницами урартских царей. В пользу этого утверждения говорит находка в одной из этих камер места для каменного гроба. Как видим, у урартов было распространено и захоронение покойников без их сожжения. Кстати, и первый и второй виды погребальных обрядов известны и у хурритов *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 38)*.

В Закавказье урартского времени известны и курганные могильники. При этом способе захоронения покойника помещали в каменную камеру, над которой затем насыпался земляной курган. Вместе с покойником в могилу клали различные вещи, глиняная посуда, бронзовое оружие и украшения, которые в соответствии с существовавшими тогда религиозными представлениям, были необходимы покойнику после смерти. При раскопках иногда рядом с человеческим скелетом находят кости крупного и мелкого скота от положенных в качестве пищи кусков мяса. В погребениях встречаются также скелеты лошадей и предметы конского убора. Иногда в захоронениях урартского времени в Закавказье обнаруживают скелеты верблюдов и собак, также сопровождавших своего хозяина в могилу. Известно захоронение, когда вместе с покойником была погребена молотилка, представлявшая собой широкую доску со вставленными в нее камнями. Этот тип молотилки известен в некоторых районах Кавказа еще в начале нашего столетия, только камни часто заменялись кусками железа.

В некоторых могилах встречаются два скелета — мужской и женский. Повидимому, после смерти мужа в некоторых случаях жена должна была сопровождать его и в могилу. Самостоятельные женские погребения обычно беднее мужских и не имеют больших курганных насыпей *(Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 38).*

Наряду с одиночными и парными захоронениями встречаются в Закавказье и богатые погребения, принадлежавшие вождям родо-племенных объединений. Так, под одним из насыпных курганов на юго-западном побережье озера Севан был вскрыт склеп, сложенный из необработанных камней. Длина склепа равнялась 3,20 м, а ширина — 2, 50 м. Сверху склеп был перекрыт тремя огромными каменными плитами.

В склепе находилась деревянная повозка, богато украшенная резьбой. На ней покоился мужской скелет с двумя бронзовыми кинжалами у пояса и большими бронзовыми вилами у правой руки. Вокруг повозки в полном беспорядке лежали тринадцать мужских скелетов. По всей видимости, это были рабы или военнопленные, убитые при погребении вождя. Как на повозке, так и вокруг нее стояло 18 глиняных сосудов разнообразных форм. Перед повозкой лежали кости и черепа четырех быков. При них найдено ярмо, украшенное погремушкой в виде козла. Возле ярма, лицом к земле лежал скелет еще одного человека, вероятно погонщика, также убитого при погребении вождя. Возле повозки найдены также кости и череп дикого кабана *(Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939. С. 51).*

Подобные захоронения найдены и в других районах Закавказья, в частности в Азербайджане. Вокруг основного костяка с большим количеством вещей, лежащего, как правило, в вытянутом положении в центре захоронения, у стен, обычно в сидячем положении, находятся многочисленные костяки без всяких или с очень малым количеством вещей. Неоднократно отмечалось, что по своему антропологическому типу скелеты, расположенные по краям захоронения, отличаются от центрального. Тем самым подтверждается вывод об умерщвлении при погребении вождя военнопленных или рабов.

Глава IV

В СУМЕРКАХ ВРЕМЕНИ

С падением Урарту и последовавшим за ним перемещением народов произошло новое сокращение ареала распространения собственно кавказских языков. Получил дальнейшее развитие процесс семитизации ряда хурритских и урартских областей. Вместе с тем уже в середине VI в. до н.э. в центральных районах Урарту расселяются армянские племена, а ираноязычные кочевники еще раньше начинают обосновываться на территории нынешнего Азербайджана. Одновременно углублялся процесс дальнейшего разделения собственно кавказских языков. На рубеже старой и новой эры начинается формирование нынешних кавказских народов.

Падение Урарту не означало прекращения кавказской государственности. Во-первых, самим урартам приходилось завоевывать небольшие государственные образования закавказских племен, например кулхов, агван и других. Во-вторых, древние армяне, расселившись на территории Урарту, будучи по своему происхождению не кавказским народом, переняли бльшую часть урартских достижений в области культуры, как бы продолжив урартские традиции государственности. Об этом, в частности, свидетельствует применение термина "Урарту" в ахеменидских клинообразных надписях. Так, вавилонская часть текста Накши-рустемской и Бехистунской надписей в списке стран, покоренных Дарием, указывает на Урарту — matu U-ra-as-tu. В то же время в древнеперсидском и эламском текстах термин "Урарту" заменен уже термином "Армения" (древнеперс. Armina, эламск. Har-mi-nu-ia). Термин Урашту еще встречается в персидских надписях V в. до н. э. Последнее его употребление зафиксировано на печати некоего Шамаш-баракку, сына Нидинту-бела, "начальника над людьми Урашту и Мелиду" (около 415 г. до н. э.) *(Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 117).*

Этническая география Закавказья и Передней Азии середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э. достаточна запутанна. Представители кавказского этноса на территории Передней Азии сохраняются еще какое-то время в виде отдельных островков среди иноязычных народов. Области северо-западного Ирана, где ранее было ощутимо присутствие кавказского элемента, активно иранизируются. Ареал обитания кавказских народностей ныне ограничивается Закавказьем и Северным Кавказом. Но и в этих областях чувствуется влияние соседних народов.

В глубокой древности, еще в каменном веке, обширная территория расселения кавказского этноса характеризуется большим сходством возникающих здесь культур. Известно, что первые оседлые земледельцы появляются на Северо-Восточном Кавказе еще в первой половине VI тыс. до н. э. В эпоху ранней бронзы (конец IV тыс. до н.э. — последняя четверть III тыс. до н.э.) местная культура представляет собой

локальный вариант обширной куро-аракской культуры, распространенной во всем Закавказье, северо-западном Иране и Восточной Анатолии. По крайней мере, с этого периода большинство современных исследователей прослеживает генетическое родство местных (северо-восточнокавказских) вариантов культур и хуррито-урартского мира.

В начале I тыс. до н.э. по всему Кавказу происходит переход к раннему железному веку, а со второй половины VII в. до н. э. орудия труда и боевое оружие изготавливаются уже в основном из железа. С освоением железа связано дальнейшее развитие локальных культур различных областей Кавказа. Примерно с VIII — VII вв. до н.э. на Северо-Западном Кавказе формируется культура древнемеотских племен. В областях Центрального Кавказа продолжает развиваться кобанская культура. Восточнее (юго-восточная Чечня и Дагестан) прослеживается наличие культур, развивавшихся на основе каякенто-хорочоевской культуры *(Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякенто-хорочоевская культура. М., 1969. С. 77 — 89).* В Закавказье после падения Урарту развивается государственность колхов и родственных им племен, древних картов и агван. Возникает Армянское царство.

Примерно до IV в. до н.э. повсеместно на Северном Кавказе фиксируются, как правило, неукрепленные поселения. В некоторых случаях они строятся в естественно укрепленных местах. Примерами таких поселений могут быть исследованные археологами городища у селений Красногвардейское, Хумаринское, Змейское, в Чечне — Бамутское, Аллероевское 1-е и ряд других *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 66).*

Земледелие, как и прежде, играло ведущую роль в хозяйственной жизни всего Северного Кавказа. Скотоводство преобладало в районах высокогорья и в зоне степей. Широкое распространение железных орудий труда позволило расширить площади обрабатываемых земель. Интересно, что в областях Северо-Восточного Кавказа получило распространение терасное земледелие, выявлены элементы искусственного орошения полей. Получил широкое распространение плуг с железным лемехом, железные серпы и садовые ножи. Применяются молотильные доски, каменные крупорушки, зернотерки и примитивные каменные жернова. Выращивались яровые и озимые зерновые — пшеница, ячмень, просо, а также бобовые культуры, конопля. Известное распространение получило садоводство, а в приморских районах — и виноградарство. Зерно хранилось в ямах со стенами, обмазанными глиной (иногда обожженной). Для хранения продуктов применялись большие глиняные сосуды.

В поголовье домашнего скота в предгорной и равнинной зоне преобладал крупный рогатый скот, в горах преимущественное развитие получило овцеводство. Для большинства районов, за исключением Дагестана, характерно отгонное животноводство, что говорит о добрососедских отношениях между обитателями гор и равнин. Широкое развитие получает коневодство. В горах разводилась местная порода толстоногих лошадей, приспособленных к горным условиям обитания. На равнине разводили коней, близких к типу лошадей кочевых народов. Некоторое развитие получило также птицеводство; охота и рыболовство играли подсобную роль

Существенно развилась горная металлургия. Железная руда добывалась в верховьях Кубани, в ряде районов Центрального Кавказа и Дагестана. Орудия труда и оружие изготавливались из железа методом горячей ковки, в некоторых случаях применялась закалка. В железных предметах, которые изготовлялись на Северном Кавказе, ощущается все же влияние металлургических центров Закавказья, а на Северо-Западном Кавказе — и северного Причерноморья *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 68).*

Бронза применяется теперь в основном для изготовления украшений (браслеты, перстни и т. д.), предметов одежды (булавки, пряжки, пояса), частей конского убора и предметов искусства — культовых предметов, фигурок людей и животных. Помимо бронзы для изготовления украшений применяется серебро и золото.

Развиваются и другие виды ремесел — плотницкое, столярное, кожевенное, косторезное и прядильно-ткацкое дело. В гончарном деле широкое применение получает гончарный круг. Причем в некоторых областях развитие ремесел выходит за рамки домашнего производства, То есть начинается изготовление товаров для обмена и продажи. Известное развитие, прежде всего в Дагестане, получает добыча и обработка строительного камня.

Рост производительных сил сопровождался ростом общественного богатства и имущественным расслоением населения. Рост населения порождает острую земельную конкуренцию и продвижение избы-

точного населения в менее заселенные районы, прежде всего на равнину. Борьба за наиболее плодородные земли в условиях горского малоземелья приводит к постоянным конфликтам не только между отдельными родами, но иногда и внутри родов. Резко возросшая военная опасность приводит к тому, что примерно с IV в. до н.э. поселения, как правило, окружаются укреплениями — рвами, валами, стенами.

Частые военные мероприятия приводят к сосредоточению власти в руках родовой и племенной верхушки, которая накапливает у себя значительные богатства. Некоторые укрепленные поселения становятся постоянными резиденциями вождей племен. Получает развитие патриархальное рабство, о чем свидетельствуют сопутствующие захоронения отдельных черепов и убитых людей.

Происходит расслоение родовой общины, из которой выделяются "малые семьи", обладающие частной собственностью. Внутри общины наблюдается имущественное и социальное неравенство. Выделяется военная знать, составляющая дружину вождя и являющаяся ядром родо-племенного ополчения. Постоянные дружинники владеют конями и дорогостоящим вооружением. Начинается объединение родственных и соседних племен в целях совместной обороны и нападения *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 69)*.

Таким образом, на Северном Кавказе повсеместно (где быстрее, где медленнее) идет процесс возникновения государственности, те самые процессы, которые много ранее привели к образованию крупных кавказских государств в Закавказье, Передней Азии и Междуречье. Становление государственности постепенно дошло, таким образом, до северной периферии кавказского ареала. Здесь этот процесс наиболее активно развивался в приморских и равнинных областях, а также в областях, прилегающих к важнейшим транспортным магистралям через Кавказ — Дербентский и Дарьяльский проходы, Меото-Колхидская дорога.

Значительное влияние на исторические судьбы кавказских народов, начиная с первых веков I тыс. до н.э., сыграли кочевые народы, контролировавшие степные районы Предкавказья, а также греческие колонии на Черноморском побережье.

Греческая колонизация северного Причерноморья началась в VI в. до н.э. и происходила сразу на обоих берегах Керченского пролива. Примерно в 480 г. до н.э. греческие колонии объединяются в Боспорское царство со столицей в Пантикапее (Крым). Всего известно более тридцати греческих поселений в составе Боспорского царства, крупнейшими из которых на Кавказском побережье были Фанагория, Кепы, Германаса (Таманский полуостров), Синдская гавань, позднее Горкопия (возле нынешней Анапы). Кавказские колонии греков сосредоточили в своих руках всю торговлю с племенами Прикубанья, а через последних и с более отдаленными районами Северного Кавказа.

Основным торговым партнером греков были меотосиндские племена западного Прикубанья. "Греческие колонии нашли в них быстро готовых клиентов для своих товаров и посредников для своих отношений с югом и востоком" *(Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 25)*. Именно эти области были основным поставщиком хлеба, который затем вывозился в Грецию. В обмен на хлеб греческие города поставляли изделия греческих ремесленников. Считается, что под греческим влиянием у меотов получает распространение гончарный круг, а керамика приобретает черты, свойственные античным образцам. Изделия греческих ремесленников получают широкое распространение в этой части Северного Кавказа. В частности, местная знать пользуется греческими военными доспехами, ювелирными изделиями и т. д. Греческие традиции градостроительства отражены в крупных поселениях синдов (Семибратнее городище). К востоку от Кубани греческое влияние начинает ослабевать и на территории Чечни, а тем более Дагестана, уже практически не ощущается.

В свою очередь, боспорские греки переняли у местных кавказских племен некоторые виды вооружения и тактические приемы, одежду, более удобную в местном климате. Происходит и синкретизация некоторых религиозных культов, тем более что с первых же периодов возникновения греческих колоний в них ощущается присутствие меотосиндского элемента. Очевидно, под греческим влиянием в V в. до н.э. сложилось раннее государство синдов. Сведения об этом государстве крайне скудны. О его существовании говорят древние монеты с надписью "Синдон" и раскопки древних городов (Семибратнее, Краснобатарейное и Раевское городища). Для этих городищ характерно наличие мощных каменных крепостных стен с башнями и пристенными каменными же лестницами. Вокруг Семибратнего городища рас-

положены курганы, служившие местом погребения местной знати *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 76).*

Что касается северных кочевых народов, контактировавших с кавказскими племенами, то первыми из них, видимо, были киммерийцы, занимавшие некогда (предположительно) области северного Причерноморья. Следы этого соседства практически не сохранились. Из сообщений Геродота известно, что под натиском скифов киммерийцы, пройдя вдоль Черноморского побережья Кавказа, переселились в Переднюю Азию *(Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 83).*

К VII в. до н.э. скифы надежно фиксируются в низовьях Танаиса (Дон) и северном Предкавказье. Низовья Волги и равнины, прилегающие к Северо-Восточному Кавказу, являлись зоной кочевий другой группы ираноязычных кочевников — савроматов (сарматов). Сами скифы, по одним предположениям, перекочевали в северное Причерноморье из восточных степей под давлением савроматов, а по другим — были потомками племен срубной культуры, наличие которой в северном Причерноморье фиксируется археологами со второй половины II тыс. до н.э.

В 70-е годы VII в. до н.э. начинаются скифские походы в Закавказье и Переднюю Азию. Основной маршрут движения скифских кочевых орд проходил вдоль предгорий Северного Кавказа к Дербентскому проходу. Для прорыва в Закавказье скифы пользовались также и горными перевалами (Дарьяльским, Мамисонским и Клухорским). Использовался и "киммерийский" путь — вдоль Черноморского побережья. Военные походы скифов привели к гибели многих плоскостных и предгорных поселений кавказских племен и сокращению их численности. В частности, в Чечне погибло поселение, известное как Аллероевское 2 *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 70).* Вместе с тем, отношения северокавказских племен со скифами быстро принимают характер военного союза. Раньше других на это указал М. И. Ростовцев: "Хотя северокавказские племена и находились под властью скифов, но они пользовались, однако, далеко идущей самостоятельностью, которая все более усиливалась" *(Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 73).* Считается, что часть местных северокавказских племен была вовлечена скифами в свои походы. Это вполне вероятно, так как в VII — VI вв. до н.э. существенно меняется облик местной материальной культуры, приобретающей черты, свойственные скифской степной культуре.

Скифские походы, продолжавшиеся до начала V в до н.э., вызвали оживление культурно-экономических связей кавказского населения Северного Кавказа с окружающими областями. Данные археологов выявляют связи с Крымом, северным Причерноморьем, северным Прикаспием и средним Поволжьем. Причем связи были взаимными. Из Закавказья и Передней Азии привозились украшения, образцы вооружения, металлическая посуда. Таким образом, традиционные связи Северного Кавказа с остальным кавказским миром с началом скифских походов не прервались.

Энтическая карта Кавказа той поры чрезвычайно сложна и запутанна. Основу населения Северного Кавказа и Закавказья составляли кавказские народы, находившиеся в разной степени родства. На близкое родство хуррито-урартских и нахско-дагестанских языков уже указывалось. При этом чеченская традиция определенно связывает происхождение чеченцев с областью, называемой "Шам" (территория Армении, Турции и Сирии).

Античная литература, начиная с Геродота, сообщает о народах, обитавших на Кавказе. В частности, Геродот, перечисляя податные округа Персидского царства, называет народы, населявшие их: "[2] Каспии же, павсики, пантиматы и дарейты вместе доставляли 200 талантов: это одиннадцатый округ. ...От Пактиики, армениев и их соседей до Понта Эвксинского — 400 талантов: это тринадцатый округ. [2] От сагартиев, сарангиев, таманеев, утиев, миков и обитателей островов в Эритрейском море, на которых царь расселяет так называемых выдворенных, от всех этих дань была 600 талантов: это четырнадцатый округ. ...На матиенов, саспиров и алародиев была наложена дань в 200 талантов: это восемнадцатый округ. ...И колхи обязались посылать дары, и их соседи вплоть до Кавказского хребта (ведь до этого хребта и простирается власть персов, от Кавказа же, по направлению к северному ветру, персам никто не подчинен); так вот эти дары, что они снаряжали еще и в мое время, они доставляли каждые пять лет: по сто мальчиков и по сто девочек" *(Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории Геродота". Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 95-96).* В другом месте Геродот

уточняет географию обитания некоторых из этих племен: "...река Галис... течет с Армянской горы через Киликию, затем обтекает справа матиенов, а с другой стороны фригийцев..." *(Доватур А. И., Каллистов Д. П. Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 81).*

Место обитания каспиев хорошо известно — это район слияния Аракса и Куры. Что касается павсиков, пантиматов и дарейтов, то, например, И. М. Дьяконов считает их отдельными племенами кадусиев, населявших территорию Прикаспия *(Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М. — Л., 1956. С. 447).* Область Пактиика некоторыми исследователями локализуется между южным Закавказьем и северной Месопотамией. Сатгургии — кочевое персидское племя — жили, очевидно, в Иранском нагорье; зато утии жили южнее Аракса, в Иранском Азербайджане (по мнению других исследователей — южнее Куры и западнее нижнего течения Аракса). По мнению И. М. Дьяконова, утии входили в состав Скифского царства в Закавказье *(Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в до н.э. М. — Л., 1956. С. 239).*

Что касается колхов Геродота — то это собирательное название древнегрузинских племен западногрузинской ветви. Большинство исследователей признают государственный характер политического объединения колхов. Считается также, что предшественником государства колхов было древнеколхидское царство Кулха. Отмечается многоплеменность Колхидского царства — помимо колхов в него входили таохи, халибы, мосхи, фасианы и другие. Саспиры (саспейры) живут рядом с колхами: "...из Колхиды же недолго проникнуть в Мидию; те, кто пройдут [по территории этого племени] оказываются в Мидии".

Таким образом, матиены локализуются в районе Эрзерума. Область обитания саспиров находится в среднем течении Аракса или Куры. Что касается алародиев, то они живут южнее саспиров, в районе озера Ван. Известно, что саспиры считаются предками грузин — картвелов. (Подавляющее большинство исследователей относит картвельские языки в семье кавказских и признает их родство с нахско-дагестанскими языками. Правда, некоторые лингвисты настаивают на индоевропейском происхождении картвельских языков.) Алародии же отождествляются с урартами. Вероятно, под натиском армян часть урартов мигрировала на север, а часть осталась на прежнем месте обитания. Во всяком случае, армянские хроники длительное время отмечают наличие в отдельных районах племен, говоривших не на армянском языке. Например, еще в X в. н.э. Фома Арцруни указывает, что часть хутцев, жителей Сасуна, говорит на какомто другом языке *(Манандян Я. А. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939. С. 26).* Сам Фома Арцруни считал их "сирийскими простолюдинами", хотя, по мнению большинства исследователей это — остатки кавказских (урарто-язычных) народов.

В этой связи уместно заметить, что чеченская традиция называет Нахичевань (Нахчаван, Нахичеван) в качестве исходного пункта переселения предков чеченцев на нынешнюю родину. Сам термин "Нахичеван" может быть объяснен как "местопребывание нахчи" ("нахчи" — самоназвание чеченцев, "-ван" ("-бан") — в нахских языках имеет значение "быть" во множественном числе). Остается добавить, что армянские хроники упоминают княжество Нахчери ("нахчи", как уже указывалось, самоназвание чеченцев, "-р" топоформант в нахских языках).

Я. С. Вагапов приводит ряд примеров, когда в топонимике и этнонимике Закавказья и Передней Азии сохранились названия, имеющие нахское происхождение. В частности, Эрибуни (Арин-берд, Арибун) — "равнинное поселение", Албан (Алван) — "низинное (речное) место", Ширван (Шарван) — "гладкое (ровное) место". Название хурритской области Нахриа, лежавшей к северу от Кашиярских гор, состоит из чеченского "нах" — "люди, народ" и топоформанта "-р". Главный город области Арме известен под названием Нахриани. Известные с глубокой древности в Месопотамии термины "Субарту" ("Шубарту") и "субары" ("шубары"), по вполне обоснованному мнению Я. С. Вагапова, также имеют нахское происхождение. "Субар" ("шубар"), по его мнению, сложное слово, состоящее из имени существительного "су" ("шу") — "гора", причем взаимопереход "с" — "ш" есть закономерность, отмечающаяся как в нахско-дагестанских, так и хуррито-урартских языках. "-бар" — это причастие во множественном числе настоящего времени, имеющее значение "является". Таким образом, термин "Субарту" приобретает значение "горцы". И таких примеров можно привести множество, начиная с древних шумер *(Вагапов Я. С. Проблема происхождения нахского этноса в свете*

данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 159).

Этническую общность современных кавказских народов с хуррито-урартским миром отмечают многие исследователи. Г. А. Меликишвили прямо указывает, что "в древности адыгейско-чечено-лезгинские племена были распространены не только к северу от Главного Кавказского хребта, но... и к югу от него. Характерно, что уже в древневосточных источниках (хеттские, ассирийские и урартские надписи) на территории к югу от Закавказья мы встречаем ряд названий, обнаруживающих поразительную близость к названиям, засвидетельствованным позднее в адыгейско-чеченско-лезгинской среде. В качестве примера можно указать древнее название прикаспийской области Андиа и аналогичное название района проживания андийцев в современном Дагестане. Чеченская традиция, кстати, считает андийцев народом чеченского происхождения. Известен также манейский город Дурдукка (Зурзукка), чье название почти полностью совпадает с названием нахских племен — дурдзуков (дзурдзуков) грузинских средневековых летописей. При этом Г. А. Меликишвили указывает, что восточные карты ассимилировались с хурритоурартским населением. Новое этническое образование, появившееся в результате этого, получило название саспиры *(Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 120).*

В чеченском языке сохранились и другие свидетельства длительного пребывания предков чеченцев в Закавказье. У чеченцев этнонимы часто становятся именами собственными, например: Іарби — "араб", Герман — "германец" и т. д. Даже Сипсо — происходит от фамилии генерала Слепцова. К таким именам собственным относятся и некоторые другие чеченские имена — Мида, Мадий, Мада, Мика, Ида, Дага, Дида. Но эти же имена часто встречаются у античных авторов. Например, Геродот указывает, что скифское войско, вторгнувшееся в Азию, пройдя из Европы через Кавказ, возглавлял царь Мадий *(Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М. 1982. С. 83).* Древняя Мидия граничила с юго-восточными областями Закавказья. Античные авторы указывали также, что название этой страны произошло от имени Мида. Они же называют ряд современных им народов — иды, мики, даги.

Кавказ, по сведениям античных авторов, был густо заселен различными народами. Так, Клавдий Птолемей указывает: "Сарматию занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гиперборе, ниже их — сарматы царские, народ модоки и сарматы-конееды, а еще ниже их — закаты, свардены и асеи; затем вдоль северного поворота реки Танаиса — многочисленный народ периербиды, а вдоль южного — народ Яксаматы. ...17 — 25. Ниже сварденов живут хениды, а на восток от реки Ра — фтирофаги, матеры и страна Несиотида [Островная]; затем под яксаматами — сиракены, а за сиракенами между Меотийским озером и Гиппийскими горами — псесии, затем темеоты, ниже их тирамбы, потом астуриканы, далее до горы Корака арихи и зинхи, за упомянутыми горами Корака — конапсены, метибары и агориты, ниже сиракенов, между рекой Ра и Гиппийскими горами, — страна Митридата, под ней — меланхлены, затем сапотрены, а ниже этих — скимниты, затем амазонки; между Гиппийскими и Керавнскими горами — сураны и сакаены; между Керавнскими горами и рекой Ра — оринеи, валы и сербы, а между горой Кавказом и Керавнскими горами — туски и дидуры; вдоль Каспийского моря — уды, олоны, исонды и герры; под горными хребтами по обеим сторонам Киммерийского Боспора — боспораны, а вдоль Понта — ахеи, керкеты, геннохи и сванноколхи; за Албанией — санареи" *(Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л., 1948. С.247 — 249).*

Сарматами-гипербореями названы у Клавдия Птолемея неизвестные ему народы, жившие между Доном и Волгой, а также к северо-востоку от Волги. Сарматы царские занимали, согласно Страбону, междуречье Днепра и Дона в их нижнем течении. Клавдий Птолемей помещает их северо-восточнее. Модоки идентифицируются с имодохами (модаками), упомянутыми у Плиния. Некоторые исследователи считают модоков племенем кавказского происхождения. Закаты известны также под именем зараты и локализуются к северо-западу от Каспия. Свардены (свардеты) локализуются одними авторами к западу от Волги, другими — в области Боспора, некоторыми авторами они также относятся к кавказским народам. Асеи же являются одним из аланских племен, название которого происходит от названия горы Асея на Кавказе. Периербиды также жили в районе Боспора. Яксаматы известны также под именем иксибатов. Хениды считаются кавказским народом, так же как и фтирофаги. Последние другими античными

авторами (иногда под именем гелонов) помещаются в причерноморской части Кавказа. Матеры — одно из племен Северного Кавказа, а страна Несиотида локализуется на Северо-Кавказском берегу Черного моря. Из других народов, упомянутых Клавдием Птолемеем, кавказскими считаются: сиракены, ариохи, зинхи (синды), конапсены, метибы, агориты (патариты), меланхлены (отождествляются с позднейшими менгрелами), сапотрены, сураны, саканы, оринеи (локализуются на северо-восточном Кавказе), сербы, туски, дидуры, уды, алонты, исонды, герры и сванноколхи. Страна Митридата отождествляется с теми областями западной части Северного Кавказа, где укрывался разбитый Помпеем понтийский царь Митридат. Населяли эту область воинственные племена гениохов, зигов и другие *(Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л., 1948. С. 474 — 476).*

Другой античный автор — Плиний указывал: "...начиная с границ Албании, по всему челу гор живут племена сильвов, а ниже — лупении, затем дитуры и соды... От Кавказских ворот в Гудийских горах живут валлы и свавы, племена не знакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках" *(Плиний Секунд. Естественная история // Вестник древней истории. Вып. 4. М. — Л., 1947. С. 296).*

У Страбона также имеется краткое описание племен, занимающих предгорья Центрального Кавказа: "Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты, живущие вследствие холодов в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии. За троглодитами следуют какието народы, называемые хамекитами и многоедами, и селения исадиков, могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем еще на севере.

За ними следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панксаны, а затем уже племена сираков и аорсов" *(Страбон. География. XI, V // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л., 1949. С. 224 — 225).*

Этническая принадлежность большинства перечисленных племен до сих пор неясна. Тем не менее некоторые из них уверенно могут быть отнесены к древненахскому этносу. Кераунские горы античных авторов — это район Кавказских гор к востоку от Казбека. Таким образом, по данным Птолемея, к востоку от Казбека живут следующие племена: оринеи, валы, сербы, туски, дидуры, уды, олоны, исонды и герры. Рядом с Казбеком живут также племена сураноv, саканов и санаров. Плиний добавляет к этому списку сильвов, лупениев, дитуров (дидуров), содов. Рядом с Казбеком живут также валлы и свавы. Страбон знает в этом регионе троглодитов, хамекитов и исадиков.

Еще Е. И. Крупнов первым из советских кавказоведов высказал предположение, правда почти не аргументируя его, что античные этнонимы гаргареи, исадики, хамекиты и некоторые другие являются названиями древних нахских племен *(Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 69 — 75).* Ближе всех к Казбеку по сведениям Птолемея, живут оринеи и валы. Об оринеях ничего не известно и определить их этническую принадлежность не удается, зато с их ближайшими соседями валами, дело обстоит гораздо лучше. Грузинская средневековая историография однозначно связывала древнейшее население области двалов — Двалети с нахскими племенами, указывая на близкое родство двалов и нахов-дурдзуков. Вся область Центрального Кавказа по обе стороны от Кавказского хребта, по сведениям грузинских источников, была заселена кавкасианами — потомками легендарного Кавкасоса. Вахушти Багратиони, грузинский историк XVII в., так передает это предание: "Когда пришел Кавкасос (один из сыновей Таргамоса, потомка Иафета) в свой удел и поселился в этой стране, и завладел он и сыновья его и сыновья сыновей его. Размножились они и были в подчинении у старшины мцхетского, а иногда отступниками и врагами, как мы описывали, до выхода царя хазар; а когда вышел царь хазаров, отдал он страну эту сыну своему Урбаносу..., а Дзурдзук, сын Тинениса, который был самым знатным среди сыновей Кавкасоса, вошел этот Дзурдзук во внутрь Кавказа и нашел место весьма крепкое и построил город и назвал своим именем Дзурдзуки, и давал дань хазарам; и назвали после этого Дзурдзукети восточные ущелья от Хеви, а западные от Хеви Кавказом или Двалети, в которых поселились сыновья и потомки Кавкасоса" *(Гамрекели В. Н. Двалы и Двалети в I — XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 15 — 16).*

В. Н. Гамрекели указывает также, что у средневекового грузинского летописца Леонтия Мровели имеется сообщение о том, как второй грузинский царь — Саумаг переселил половину дурдзуков в Грузию и отвел им места между Дидоети и Сванети. "В этом предании важным для нас моментом являет-

ся признание населения высокогорной зоны Центрального Кавказа этнически принадлежащим к дурдзукам, То есть к вайнахскому племени" *(Гамрекели В. Н. Двалы и Двалети в I — XV вв. н.э. Тбилиси, 1961. С. 18)*. Отсюда грузинский исследователь делает вывод, что двалов можно причислить к чечено-ингушским племенам. Остается только добавить, что Ю. Д. Дешериев предложил нахскую этимологию этнонима двалы — "те, кто происходит от Дала (верховного божества языческого пантеона нахов) *(Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. С. 56)*. У ингушей сохранилось предание, что территорию высокогорного Хамхинского общества раньше появления там ингушей занимали дэвы (во мн. числе — двий). Этим именем ингуши называют двалов. Соседние мялхи тех же двалов называют дува *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 127 — 128)*.

Следующими в списке Птолемея идут сербы. Этноним сербы в более поздние времена на Кавказе больше не встречается. В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев, однако, обратили внимание на наличие в чеченском языке слова серби (саьрби), служащее для обозначения людей с отрицательными качествами *(Виноградов В. Б. и Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. VII. Вып. 1. С. 51 — 62)*. Вообще чеченская традиция устойчиво приписывает каждому из чеченских тейпов какуюто черту, свойственную представителям именно этого тейпа, например, чIинхой — люди чрезвычайно упрямые (их предок переспорил самого шайтана) и т. д. Случаи, когда этноним становится нарицательным словом, несущим характеристику носителя этнонима, известны и в других кавказских языках. Кроме того, существует чеченский тейп под названием саьрбалой.

Туски античных авторов — это скорее всего древние нахи-тушины, полностью огрузинившиеся в средние века.

Дидуры (дидои — в армянских и грузинских средневековых источниках) — без всякого сомнения, предки современных дидойцев, живущих в верховьях Андийского Койсу.

Более запутанна ситуация с удами. Часть исследователей отождествляет удов с утиями. Название удов слышится в названии реки Удон (Кума); жили они по сведениям Птолемея, на кавказском побе[режье] Каспийского моря. Без сомнения, это один и[з] народов, говоривших на языке восточно-кавказско[й] (нахо-дагестанской) группы, однако имеющихс[я] данных все же слишком мало, чтобы более точн[о] определить этническую принадлежность удов.

Олоны (олонды), скорее всего, жили возле Тере[ка], так как нижнее течение этой реки известно у античных авторов под названием Алонт. Этническая принадлежность олондов, так же как и удов, не опре[делена], хотя, без сомнения, это одно из восточно-кав[казских] племен.

Этноним исонды В. Б. Виноградовым и К. З. Чокаевым соотносится с этнонимами исадики и соды. Исходя из весьма близкого созвучия этих трех этнонимов оба исследователя делают вывод о том, что под этими названиями античные авторы имели в виду одно и то же племя. Поскольку этнонимы исадики и соды (соовы) у античных авторов соседствуют с этнонимами туски (тушины) и дидуры (дидойцы), оба автора локализуют это племя в горах юго-восточной Чечни *(Виноградов В. Б. и Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. VII. Вып. 1. С. 59)*. Именно в этом районе находились древние земли чеченского тейпа Садой, на что первым обратил внимание К. З. Чокаев *(Чокаев К. З. История раскрывает свои страницы // Ленинский путь. 1963. 30 июля)*. По чеченским преданиям тейп садой некогда владел обширными землями в горах, вплоть до выходов на равнину. В юго-восточной Чечне до сих пор существует топоним Садой-лам — "гора садойцев".

Однако простого созвучия еще недостаточно для вывода о полном тождестве этнонимов исадики — соды — исонды, тем более, что разные античные источники дают противоречивую локализацию указанных этнонимов. Так, Клавдий Птолемей указывает: "...(живут) вдоль Каспийского моря — уды, олонды, исонды и герры" *(Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л., 1948. С. 249)*. Как видим, у Птолемея исонды упомянуты между олондами и геррами. Олонды, как уже говорилось выше, обитали скорее всего рядом с рекой Терек, точнее — в нижнем течении этой реки, в Прикаспии. Племя герров локализуется большинством исследователей в районе реки Герр в Албании (возле Дербента). Поэтому можно

предположить, что исонды жили в Прикаспии между нижним течением Терека и районом Дербента.

Племена суранов, саканов и санаров, согласно сведениям античных авторов, обитают южнее Главного Кавказского хребта. Сураны и саканы — живут к востоку от Колхиды. Санареи — за Албанией, То есть к западу от Кавказской Албании, что тоже указывает на территорию к югу от Центрального Кавказа. Что касается санареев, то по мнению В. Ф. Минорского — это племя чеченского происхождения *(Минорский В. Ф. История Ширванаи Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 211)*. Сакасеной в древности называлась область, лежащая на Араксе. Как известно, соседние народы называют чеченцев терминами чечен, чачан, шашан, шешен, цацайнаг (сасайнак). Если учесть, что "с" и "ш" в нахско-дагестанской основе чередуются, а также аффрикатизацию с ц, ш ч, можно прийти к выводу, что этноним "сасан" (Sacasani) относится к древним чеченцам.

Лупении считаются южными соседями содов и твердо локализуются большинством исследователей в районе реки Алазань.

В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев однозначно пришли к выводу, что троглодиты (пещерники) и хамекиты, о которых говорит Страбон — это древние нахи. Термин "троглодиты" не является названием какого-либо определенного племени, а лишь указывает на широкое хозяйственное использование пещер древними жителями гор. В горах к востоку от Дарьильского ущелья до границы Дагестана имеется множество пещер, а название горного селения Харачой (Хара-чу) переводится как "место пещер, в пещерах". Этноним хамекиты В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев считают производным от названия высокогорного селения Хамхи (Ингушетия) *(Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. VII. Вып. 1. Грозный, 1966. С. 51 — 62)*. И хотя аргументацию В. Б. Виноградова и К. З. Чокаева в пользу высказаной ими гипотезы нельзя признать исчерпывающей, все же они правы в главном — горные районы Центрального Кавказа на рубеже старой и новой эры населяли нахские племена.

Еще один этноним, известный у античных авторов и который уверенно можно отнести к древним нахам — гаргареи. Впервые он появляется у Страбона, который локализует гаргареев в районе Керавнских гор. При этом Страбон подчеркивает, что гаргареи соседствуют с амазонками, с которыми гаргарейские мужчины живут совместно в течение двух-трех месяцев в году. Мальчиков, родившихся от брака с гаргареями, когда они подрастут, амазонки отдают гаргареям, а девочке оставляют у себя *(Страбон. География // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л., 1949. С. 1 — 2)*. Знает гаргареев и Плиний, но Клавдию Птолемею они не известны. Что касается амазонок, то Птолемей поселяет их в Закавказье: "...между рекой Ра и Гиппийскими горами, — страна Митридата (Северо-Западный Кавказ), под ней — меланхлены (позднейшие менгрелы), затем сапотрены, а ниже их — скимниты, потом амазонки..." *(Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л., 1948. С. 248.)*. Здесь следует отметить, что армянская историография однозначно локализует гаргареев на территории Закавказья, конкретнее — в районе Карабахской степи. Гаргареи из армянских источников — это одно из ведущих племен Агвании (Кавказской Албании). Даже собственно агванский алфавит был создан на основе языка гаргареев: "...создал письмена гортанного, грубозвучного и кривдовывого гаргарского языка" *(цит. по: Абрамян А. Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964. С. 4)*.

Интересно, что все исследователи признают, что этноним гаргареи относится к нахским племенам, но при этом до сих пор даже не пытались как-то объяснить его твердую локализацию армянской историографией на территории Агвании. В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев ограничились простым замечанием: "Является ли подобное сосуществование этнонимов примером конвергентности (параллельного и независимого возникновения терминов) или оно отражает какие-то неизвестные нам генетические или миграционные процессы — сказать сейчас невозможно — это дело будущего" *(Виноградов В. Б. и Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. VII. Вып. 1. С. 65)*.

Этноним "гаргареи" несомненно происходит от общенахского слова "гергара" ("гаргара") — "родственный, близкий, соседний". Если учесть, что в древности нахоязычные племена заселяли обширные территории в Закавказье, а также северные склоны Кавказских гор между Дагестаном и территорией адыгских племен Северо-Западного Кавказа, нет ничего странного в том, что этот этноним относится античными авторами к северным склонам Кавказ-

ских гор, а армянской историографией — к Кавказской Албании. Можно предположить, что под этнонимом гаргареи объединялись многочисленные нахские племена, имевшие свои племенные названия (известные по многочисленным письменным свидетельствам) и вместе с тем осознававшие свое родство и обозначавшие его этнонимом гаргареи. Так, этноним "славяне" включал в себя совокупность близкородственных племен, положивших начало ныне существующим славянским народам.

К нахскому этносу следует отнести также "аккисов" (аккинцев). Ряд исследователей также высказывает предположение, что аккинцы впервые упомянуты еще Геродотом под названием "авхаты", а Клавдию Птолемею они известны под названием "акибы".

Таким образом, западную часть Северного Кавказа занимают племена черноморского побережья и меоты (меото-синды). Причем, под общим названием "меоты" скрывается целая группа родственных племен — синдов, дандариев, тореатов, аррехов, тарпетов, обидиакенов, ситтакенов, досхов, всессов, фатеев и других. Эта группа племен обитала начиная с восточного побережья Азовского моря и до северных склонов Кавказского хребта. На севере соседями меотов были ираноязычные кочевники — сарматы, на восток их селения доходили до Ставропольского плато. По реке Уруп и восточнее ее впадения в Кубань жили племена, родственные меотам. У большинства кавказоведов не вызывает сомнения принадлежность всей группы меотийских племен к непосредственным предкам адыго-кабардинских народов *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 72 — 73).*

В центральной части Северного Кавказа фиксируются племена, носители кобанской культуры (конец II — конец I тыс. до н.э.). Эта зона включала в себя территорию к востоку от Кубани до Аргунского ущелья также плоскостные районы до левобережья верховьев реки Кумы, среднего течения Терека и Аксая. Кобанская культура возникла на территории ранее существовавшей куро-аракской культуры, включавшей в себя обширные территории в Закавказье и северо-западной части Ирана. Этническая близость племен куро-аракской культуры, являвшихся носителями хуррито-урартских и нахско-дагестанских языков, также может считаться установленной. Таким образом, логически следует, что носителями кобанской культуры были нахские племена. В пользу этого утверждения свидетельствует и сообщение Страбона о том, что указанную территорию заселяет племя гаргареев, которое локализуется в бассейне Терека и Сунжи и которых большинство ученых относят к нахскому этносу.

Кобанская культура в плоскостных районах к VI в. до н.э. значительно видоизменяется под влиянием ираноязычных кочевников. В частности, появляются вытянутые на спине захоронения с ориентировкой на запад, новые элементы в оружии, конской сбруе и изобразительном искусстве. Культурному влиянию кочевых народов способствует и наличие в зоне равнин среди нахского населения ираноязычных поселенцев. Вероятно, это остатки скифских орд на Северном Кавказе и проникающие сюда отдельные группы сарматов. Однако в указанную эпоху иранский элемент в предгорьях и равнинах Центрального Кавказа в целом еще незначителен — по оценкам кавказоведов, не более одной двенадцатой части населения. Поэтому, сами ираноязычные кочевники испытали на себе сильное местное культурное влияние, что нашло отражение в керамике, бронзовых украшениях, некоторых типах вооружения, металлической зоо- и антропоморфной пластике *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 74).*

Племена, населявшие юго-восточную часть Чечни и Дагестана, являлись прямыми наследниками каякент-хорочоевской культуры (вторая половина II тыс. до н.э.). В указанное время отмечается также растущая культурная обособленность юго-восточной Чечни, испытывавшей на себе сильное кобанское влияние. Вероятно, этому процессу сопутствовало разделение местных языков на нахский и дагестанские.

В IV в. до н.э. произошли серьезные изменения в географии расселения кочевых сарматских племен. Двинувшееся на запад и юг из районов Южного Приуралья сарматские племена под эгидой аорсов "выдавили" на Северный Кавказ массы сарматов, кочевавших ранее в северном Прикаспии. Из этой группы сарматов образуется противостоящий аорсам в предкавказских степях сиракский племенной союз. Страбон указывает, что сираки соседствует с предгорьями Кавказа: "...эта область прилегает к равнинам сираков... Аорсы живут по течению Танаиса, а сираки — по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду" *(Страбон. География // Вестник древней истории. Вып. 4. М. — Л.1947. С. 213).*

Массовое передвижение сарматов на Северный Кавказ привело к изменениям в этническом составе

населения ряда кавказских регионов. Если на Северо-Западном Кавказе сильное племенное объединение меотов, а также активная политика Боспорского царства были серьезным препятствием для сарматов, то на Центральном Кавказе они значительно изменили демографическую ситуацию. К концу III в. до н.э. здесь почти полностью исчезает оседлое население в степной и частично предгорной зоне. Часть местного нахского населения оказалась почти полностью ассимилированной в массе кочевников, другая часть — подверглась сильному культурному влиянию сарматов, сохранив при этом свои места обитания. Смешение местной и кочевой сарматской культуры заметно, например, в Ханкальском и Хаян-Кортовском могильниках. На равнинах получают распространение курганные погребения сарматского типа.

Однако ближе к рубежу нашей эры предкавказские сарматские захоронения свидетельствуют уже об этнической неоднородности населения этих районов. Появляются, с одной стороны, катакомбные захоронения, характерные для сарматов-аорсов; а с другой — большое количество захоронений, выполненных по сарматскому ритуалу, но среди вещей, положенных в могилу вместе с покойником, преобладают вещи, относящиеся к меото-кобанским культурным традициям. Это обстоятельство, а также изучение сарматских этнонимов привело Я. С. Вагапова к выводу, что в составе сарматских племен Предкавказья нахский элемент занимал ведущее место *(Я. С. Вагапов Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990)*. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что сарматы Северо-Восточного и Центрального Кавказа оказались под сильным кавказским влиянием, что не удивительно, если иметь в виду прошлый опыт кавказской государственности.

На Северо-Западном Кавказе к I в. до н.э. сарматы широко расселяются в Прикубанье, переходя при этом к оседлому образу жизни. Причем, их расселение среди обитавших здесь меотских племен носило в основном мирный характер. Как и на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, здесь также происходит распространение общесарматских предметов материальной культуры, изменение погребального обряда и т. д., но в целом можно говорить о начале процесса постепенной ассимиляции сарматов меотами. Таким образом, можно говорить о наличии в сарматской среде рубежа нашей эры значительного кавказского элемента.

В середине I в. н.э. на Северном Кавказе, нижнем Доне и Подунавье громко заявили о себе новые представители сарматских кочевых племен — аланы. Большинство исследователей считают алан одним из племен аорского союза в северной части Прикаспия. Предполагается также, что в этногенезе алан приняли участие массагетские племена. Во всяком случае, китайские хроники как будто упоминают об аланах. Так, "История первой династии Хань" (206 г. до н.э. — 25 г. н.э.) сообщает: "На расстоянии 2000 ли к северо-западу от Кангюй находится владение Аньцай. Стрелков из лука в нем 100000 с лишним человек; обычаи и нравы сходны с Кангюй. Живут они около большого озера (болота) с низкими берегами, называется оно Северным морем". Кангюй — название кочевого народа, обитавшего к северо-западу от Ферганы. "История второй династии Хань" (25 — 206 г. н.э.) дополняет: "Владение Аньцай стало называться Аланьна. Живут они оседло, подчинены Кангюй. Климат теплый и ровный. Много орешника, сосен и белой травы. По обычаям и платью (жители) там схожи с Кангюй" *(Иванов А. История монголов (Юаньши) об асах-аланах // ХВ. Т. 2. Вып. 3. СПб., С. 282)*.

В середине I в. н.э. античный автор Иосиф Флавий локализует алан уже в районе Меотийского озера и Танаиса *(Иосиф Флавий. Иудейские древности // Вестник древней истории. Вып. 4. М., 1947. С. 336)*. Из степей Предкавказья аланы, которых источники часто именуют собирательным термином "сарматы", совершают систематические походы на юг, доходя до южных границ Закавказья и областей Каппадокии в Малой Азии. Маршрут алан на юг пролегал, как правило, через Дербентский проход и Дарьяльское ущелье, именуемое теперь "Аланскими воротами". Особенно опустошительными были аланские походы в Закавказье в 72 — 74 и 135 — 136 гг. н. э. Более того, установив союзнические отношения с рядом северокавказских племен, аланы включаются в политическую борьбу Закавказья, о чем свидетельствуют армянские и грузинские хроники. При этом нельзя забывать, что в хрониках тех лет под термином "аланы" понимались также и кавказские народы, вошедшие в состав аланского объединения.

Во II в. н.э. под собирательным термином "Алания" подразумеваются территории на Северном Кавказе от Прикубанья до нижнего течения Терека, получившего название "Алонт". Параллельно с появлением алан (I в. н.э.) в приморских районах Дагестана

и северного Азербайджана фиксируются ираноязычные кочевники массагеты-маскуты. Одновременно перестают упоминаться названия других сарматских племен, обитавших в данном регионе, что связано, скорее всего, с их ассимиляцией. Очевидно, сираки, растворившись в среде алан, способствовали быстрому переходу последних к оседлой жизни и передали им по наследству свои обширные связи с кавказским населением гор и предгорий. Очевидно также, что отношения алан с нахскими племенами были в целом мирными, поскольку первые аланские городища возникают в центральной и северо-восточной части Северного Кавказа. Самые крупные из них: Моздокское, Алхан-Калинское, Али-Юртовское, Серноводское, Горячеисточненское, Виноградное *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 86)*. Позже, нахские племена составят если и не преобладающую, то во всяком случае значительную часть населения государственного объединения алан.

В одежде, вооружении и украшениях алан в первые века нашей эры доминируют сарматские традиции, в то время как кавказские культурные традиции наиболее сильно отразились в керамике и культовых предметах. Кавказское влияние чувствуется и в аланских погребениях. Наиболее сильное влияние кавказских традиций на сармато-алан происходило в верховьях Кубани, районе Дарьяльского ущелья и на современной территории Чечни. В целом, до IV в. н.э. аланы расселяются в степных районах Северного Кавказа, не вторгаясь в покрытые густыми лесами предгорья.

На Северо-Западном Кавказе с появлением алан прекращается существование ряда небольших оседлых поселений в Прикубанье. Возможно, часть меотов и ассимилировавшихся с ними сираков переселилась в Закубанье, где наряду с существовавшими ранее городищами возникают новые. Причем для наиболее крупных городищ этого периода характерно наличие мощных укреплений.

На Центральном Кавказе и современной территории Чечни в предгорной зоне сохраняются традиции позднекобанской культуры, правда, с появлением сарматских элементов в материальной культуре. Вместе с тем, характер культуры плоскостных районов настолько унифицируется, что уже сложно судить об этнической принадлежности тех или иных предметов материальной культуры. В ряде местностей выявлены общие "кладбища", где с грунтовыми могилами кавказцев соседствуют катакомбные захоронения сармато-алан *(Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.С.125)*. Могильники юго-восточной части Чечни также отражают возросшее культурное влияние, идущее из плоскостных территорий, сохраняя в целом традиционную близость к культурным традициям соседних районов Дагестана. Только горная часть Центрального Кавказа оказалась почти не затронутой сарматско-аланским влиянием. Однако и здесь обнаруживаются предметы материальной культуры, свидетельствующие о расширении связей с обитателями равнин.

Сложившаяся на Северном Кавказе относительно стабильная ситуация, когда доминирующее положение здесь занимают аланы, представлявшие собой не один народ, а единое название для разноплеменного союза, было нарушено в конце IV в. н.э. вторжением гуннов. Гунны стояли во главе крупного союза кочевых племен, сформировавшегося в III в. до н.э. на территории северного Китая и Монголии. Неудачи в войне с Китаем вынудили гуннов перебраться первоначально в Среднюю Азию. В конце I — середине II в. н.э. отдельные группы гуннов появляются на Северном Кавказе и Причерноморье. Во всяком случае, Птолемей сообщает о гуннах, живущих "между бастернами и роксоланами", а Дионисий Периегета помещает гуннов рядом с албанами и каспиями между "скифами" и албанами, То есть в степях западного Прикаспия *(Магометов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 40)*.

Вторжению гуннов в Европу предшествовал период их концентрации в степях между Доном и Волгой. Как указывают некоторые античные авторы, гунны, расселившиеся на дальнем берегу Меотийского озера, со временем увеличились до размеров племени и стали тревожить набегами всех своих соседей. Так, Иордан сообщает, что гунны подчинили алан, предварительно "обессилив их частыми стычками" *(Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. Параграф 127)*

Согласно армянским источникам в первой половине III в. н.э. армянский царь Хосров пригласил гуннов, чтобы совершить совместный поход на персидскую землю. В царствование Трдата III (287 — 332 гг. н.э.) происходит вторжение гуннов в Закавказье. Гунны упоминаются в составе войск царя маскутов Санесона, выступившего из приморских об-

ластей Дагестана и Северного Азербайджана и обрушившегося в 30-е годы IV в. н.э. на Армению. Войско Санесона состоит из: " ...гуннов, похов, таваспаров, хематаков, ихмахов, чатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов и баласичев и егесванов и несметное множество других племен..." *(Фавстос Бузанд. История Армении. СПб., 1883. С. 13).* Это сообщение историка Фавстоса Бузанда свидетельствует об определенной интеграции горских кавказских племен с ираноязычными маскутами и тюркоязычными кочевниками-гуннами. Примерно сорок лет спустя, потерпев в Средней Азии поражение от племен тоба, основные массы гуннов двинутся на запад и, увлекая за собой встречные племена, хлынут в Восточную Европу и на Северный Кавказ.

Впечатление, которое произвели на современников гунны, передает античный писатель Аммиан Марцеллин: "Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудила воинственная ярость обычным, все смешивающим пожаром, послужила, как нам известно, следующая причина. Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости. ...все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшны и чудовищны видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов. При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением" *(Аммиан Марцеллин. История // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Пер. В.В. Латышев. Т. 2. СПб., 1906. С. 337).*

Впрочем, новые гуннские орды прибывали в районы, где уже давно пребывали родственные им племена. С появлением "восточных родичей" ситуация в предкавказских степях изменилась в пользу гуннов. Переправившись через Волгу, гунны столкнулись с племенами алан, чьи кочевья занимали степи междуречья Волги и Дона. "...гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, ...многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора..." *(Аммиан Марцеллин. История // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Пер. В. В. Латышев. СПб., 1906. С. 342)* В 371 г. н.э. гунны, разделившись на две орды, двинулись дальше на запад. Основная часть направилась через низовья Дона к северному Причерноморью. А другая — направилась на Северный Кавказ. Пройдя через всю территорию региона с востока на запад, эта часть орды воссоединилась с основной ордой, идущей северным маршрутом. Вместе с тем можно предположить, что гунны не сразу сумели овладеть всем Северным Кавказом. До начала 80-х годов IV в. н.э. они еще не проникли на Таманский полуостров и не вышли на побережье Керченского пролива.

По сообщениям античных авторов большинство гуннов не знали какого-либо государственного устройства. У них не было царей, а предводительствовали войском наиболее выдающиеся старейшины. Вместе с тем гунны не представляли собой какого-либо прочного объединения племен. Так, известно, что в борьбе с гуннами и присоединившимися к ним аланами король готов Витимир пользовался помощью другого племени гуннов, "которое он за деньги привлек на свою сторону" *(Аммиан Марцеллин. История // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. СПб., 1906. С. 342)* Известно также, что перед тем как начать войну с остготами, гунны воюют с родственными им тюркоязычными племенами — алпидзурами, алкидзурами, итимарами, тункарсами. Интересно, что в среде гуннов уже на раннем этапе их истории античные авторы выделяют племя акациров (агачер (тюркс.) — лесной человек). Тот же Аммиан Марцеллин указывает, что гунны одеваются в одежду, сшитую из "шкурок лесных мышей". При этом подчеркивается, что кочевали они не столько по степям, сколько по "горам и лесам" *(Аммиан Марцеллин. История // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. СПб., 1906. С. 337-338)*

Таким образом, в период своего появления в Европе гунны не представляли собой этнического и политического единства. Их вторжение носило характер массовой миграции относительно слабо связанных между собой частей одного схожего по укладу жизни кочевого массива. Борьба за консолидацию гуннского массива, идущая параллельно их продвижению на запад, сопровождалась ожесточенной борьбой между отдельными племенами и кровавыми погромами побежденных.

В 395 г. н.э. гунны и другие связанные с ними кочевники Северо-Восточного Кавказа, перейдя че-

рез Кавказские горы, вторглись в персидские владения в Закавказье. Разорив эти области, они двинулись дальше, в Переднюю Азию. Сирийские источники сообщают, что гунны так опустошили Сирию и Каппадокию, что те обезлюдели: "Каппадокийские матери уводятся в плен за Фазис. Захваченный скот, уведенный из родных хлевов, пьет на Кавказе мерзлую воду и меняет пастбища Аргея на скифские леса. Цвет Сирии служит в рабстве за киммерийскими болотами, оплотом тавров..." *(Клавдий Клавдиан. На Эвтропия книга I // Вестник древней истории. Вып. 4. М., 1949. С.256).* Захватив огромное количество пленных и другой добычи, гунны через Дербентский проход вернулись на Северный Кавказ. Территория Прикаспия к северу от Дербента теперь именуется в древних летописях "царством гуннов", хотя в его состав входили и другие кочевые народы, а также местные кавказские племена. Этот район превращается в постоянный очаг военной угрозы для Закавказья, так как гунны неоднократно совершали отсюда грабительские набеги на Агванию, Грузию и Армению.

Вторжение гуннов на Северный Кавказ сопровождалось разрушением множества равнинных и предгорных поселений и истреблением большого количества населения. Существенно изменилась политическая и этническая карта региона. Погибло Боспорское царство, восточное Приазовье полностью подпало под контроль кочевников. Только в V — VI вв. н.э., после того как политическая ситуация несколько стабилизировалась, начинается частичное возвращение в эти места меотов. На рубеже IV — V вв. н.э. готы-тетракситы, переселившиеся из Крыма, захватили часть Черноморского побережья Тамани, изгнав отсюда керкетов. В результате политическое значение западнокавказских племен оказалось настолько подорванным, что они почти перестают упоминаться в источниках того времени.

Существенно изменилась демографическая ситуация и на Центральном Кавказе. Избегнувшие гуннского погрома аланы переселяются на правый берег Терека и верховья Кубани. Как указывалось, в этих районах уже существовала смешанная культура ираноязычных поселенцев и коренных кавказских (в основном нахских) племен. Кроме того, аланское население появляется и в горной зоне, в основном в районах, прилегающих к главным перевалам, ведущим в Закавказье — Дарьяльское ущелье и Клухорский перевал. Во всяком случае, здесь появляются характерные для алан катакомбные могильники. Одновременно к предгорьям Центрального Кавказа проникают и отдельные гуннские племена. При этом важно отметить, что отсутствие единства внутри разных гуннских племен создавало благоприятные условия для быстрой интеграции пришельцев гуннов с племенами, уже обитавшими на территории Северного Кавказа. Эта интеграция становится заметной уже на рубеже IV — V вв. н.э. В грузинской летописи "Картлис Цховреба" (XI в.) имеется специальный раздел "Нашествие хазар". Углубленное изучение этого раздела показывает, что в нем речь идет о событиях, предшествовавших появлению собственно хазар, а именно о гуннском периоде. По мнению А. В. Гадло указанный раздел свидетельствует о том, что в походе 395 г. н. э. на Закавказье вместе с гуннами участвовали и аланы, уже к этому времени занявшие прочное место в политическом объединении кочевников Предкавказья *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 20 — 21).* К времени, предшествовавшему походу, относится появление у гуннов царей, что было необходимо для успешного претворения в жизнь масштабного набега на более развитые южные государства. Таким образом, походу 395 г. предшествовало возникновение племенного союза, одной из составляющих которого были аланы, сами в свою очередь уже вобравшие в себя кавказский (нахский) элемент.

А. В. Гадло также обращает внимание, что гунны захватили и пригнали с собой в Предкавказье огромное количество рабов, которые были совершенно бесполезны в их традиционном кочевом хозяйстве. Еще за двадцать лет до этого, в 70-е годы IV в. н.э., как отмечают античные авторы, гунны просто истребили всех попавших к ним плен готов, а подчинившиеся их власти племена включили в свой союз. Т. есть в это время у гуннов еще нет потребности в рабах. Потребность в них появляется спустя всего два десятилетия, а это означает, что на Северном Кавказе в рамках гуннского политического объединения существовал тип хозяйства, требовавший большого числа рабочих рук.

В свою очередь, археологические раскопки показывают, что в течение IV в. н.э. в предгорьях сохранилось оседлое население, занимавшееся земледелием и отгонным скотоводством. Правда, эти поселения передвинулись ближе к горам. При этом вокруг оседлых поселений появляются фортификационные сооружения — рвы, насыпные валы, башни-цитаде-

ли. Именно здесь могли быть востребованы те самые рабы, захваченные в Закавказье и Сирии. Таким образом, можно прийти к выводу, что гуннский племенной союз объединял не только собственно гуннов, но и алан, а также кавказские нахские племена, населявшие предгорную зону. Кстати, по возвращении из похода 395 — 396 гг. н.э. часть гуннских племен начинает оседать в предгорной зоне.

Быстро возникают и так же быстро прекращают свое существование разного рода племенные союзы, часто лишь по традиции именуемые еще "гуннскими". Не случайно уже в эпоху Шапура II (309 — 379 гг. н.э.) появляется термин "хазары" — для обозначения гуннов Северо-Восточного Кавказа. На Северо-Западном Кавказе появляется этноним "булгар" — в V в. н. э. в северном Причерноморье и восточном Приазовье складывается союз тюркоязычных кочевников — булгар. Однако отдельные группы булгар жили и в других районах Северного Кавказа. Так, согласно сирийской хронике Захария Ритора севернее Дербента живут берсилы, далее называются еще тринадцать кочевых народов, обитающих в "пределах гуннских", в том числе угры, савиры, булгары, кутригуры, авары и хазары *(Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 165).*

Некоторые сведения о кочевых племенах Северо-Восточного Кавказа содержатся в армянских исторических хрониках. При этом термин "гунны" носит в них явно собирательный характер, объединяя помимо гуннов и другие "народы Севера", включая горские. Историческая хроника Егише, написанная в V в.н.э., к северу от Чора (Дербента) рядом с маскутами помещает племя гуннов-хайландуров (хайландур'к). Их страна тянется по равнинам до Дарьяльского ущелья — Аланских ворот. Об этом гуннском племени армянские источники сообщаею, что у хайландуров существовала царская власть и "царский род" (племенная знать), представители которой принимали христианство.

Во время антииранского восстания середины V в. н.э. армяне попытались привлечь племена Северо-Восточного Кавказа на свою сторону. Захватив Дербентский проход, восставшие, а именно представители агван, вступили в переговоры с гуннами. Однако предавший восстание правитель Сюника Васак закрыл Дербентский проход и усилил свои войска за счет воинского набора в Грузии и "Таваспаране" (Табасаран). Очевидно, население этих районов было настроенно против гуннов, поскольку поддержало меры по закрытию горных проходов в Закавказье. Тем не менее хайландуры сумели разрушить иранские укрепления на севере Кавказской Албании в 454 г. н.э. Однако вскоре кочевники радикально изменили свою позицию. Именно их (хайландуров) иранский шах Перoз привлек к подавлению восстания в 458 г. н.э., пропустив войска кочевников через Дарьял. Армянский источник сообщает, что шах добился этого, отправив хайландурам "огромные сокровища" *(Егише. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971. С. 170).*

Другой армянский историк — Фавстос Бузанд, рассказывая о попытке родственника армянского царя Санатрука захватить армянский престол, указывает, что на его стороне в решающей битве у Ошаканской скалы участвуют "аланы и маскуты, гунны и другие племена" *("История Армении" Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953. С.16).* По свидетельству того же автора, гунны и аланы были призваны армянами для нападения на иранское войско при царе Аршаке I (350 — 367 гг. н.э.). Таким образом, армянская историческая традиция ясно и недвусмысленно отражает процесс этнополитического взаимодействия различных этносов Северо-Восточного Кавказа в конце IV — первой половине V в. н.э.

Из "Истории" Мовсеса Хоренаци видно, что во второй половине V в. н.э. в стране гуннов, лежащей за Дербентскими воротами, определились относительно четкие племенные объединения булгар, басилов (барсилов) и хазар. О хазарах в связи с событиями этого периода говорит и "История" грузинского летописца Джуаншера Джуаншериани. Примерно в 455 г. н.э. на Грузию, пройдя через Дарьяльское ущелье, напали племена "осов" (алан). В ответ грузинские войска, к которым примкнули "цари Кавказа" (отряды горных племен), в свою очередь прошли Дарьяльское ущелье и на равнине, на берегу Терека, встретились в объединенными силами алан и их союзников хазар. После недели, прошедшей в мелких стычках, последовало сражение, в котором победу одержала грузинская коалиция *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 46).*

Таким образом, грузинские источники, так же как и армянские, указывают на наличие взаимо-связей и взаимодействие различных этнических сообществ Кавказа. При этом положение населе-ния предгорной и горной зоны Северного Кав-каза достаточно запутанно. Видимо, в зависимости от складывающейся ситуации, они то действуют совместно с коче-

выми племенами Предкавказья, то оказываются в составе противостоящих им коалиций закавказских государств. Впрочем, проведение такой политики связано с тем, что будучи в военном отношении слабее своих соседей, горские племена старались в этот период войн и потрясений выйти из него с наименьшими потерями, сохраняя при этом независимость.

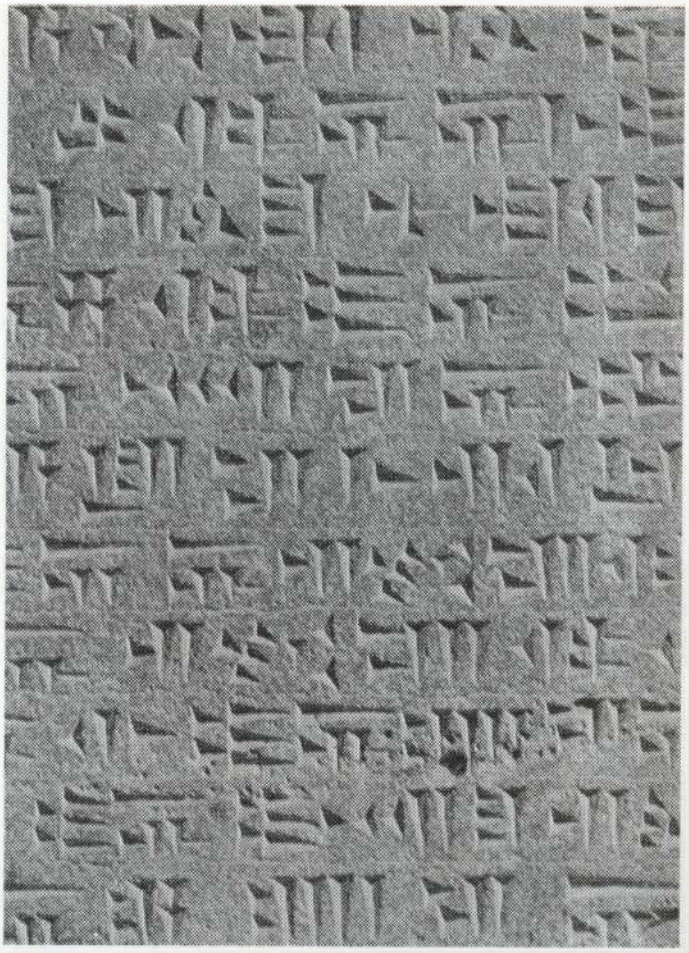
Гуннский союз просуществовал недолго и распался вскоре после смерти выдающегося гуннского вождя Атиллы. С его фактическим распадом вновь обостряется борьба за лидерство между разнородными племенами кочевников. В западных источниках вновь начинает упоминаться название "булгар". В 480 г. император Зенон обращается к ним за помощью в борьбе против остготов. Очевидно, к этому времени какая-то часть булгар уже добралась до западной части Причерноморья. В это же время, согласно сведениям Мовсеса Хоренаци, группы булгар появляются и в Закавказье. Продвижение булгар на запад и в Закавказье Хоренаци связывает с какой-то смутой, происходившей в степях между Черным и Каспийским морями. В период распада державы Аттилы на Северо-Восточном Кавказе появляются тюркоязычные племена савиров, которые отодвинули на запад племена утигуров и кутригуров. Эти племенные союзы утигуров ("малых угров") и кутригуров какое-то время контролировали территорию от Черного до Азовского моря и реки Дон, откуда они совершали набеги на разные страны, в том числе и на области Северо-Западного Кавказа. Под их давлением часть булгар уходит дальше на запад и в Закавказье. Оставшаяся на Северо-Западном Кавказе часть булгар оказалась временно поглощенной названием утигуров. На другом конце Северного Кавказа племенное объединение савиров контролировало равнины вдоль Каспийского моря и Кавказских гор вплоть до Дербента *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 96 — 97).*

Таким образом, к концу V в. н.э. предкавказские степи контролировались различными племенными союзами тюркоязычных кочевников, значительной составляющей которых выступали ираноязычные кочевые группы. Территорию предгорий занимало смешанное оседлое население с сильно представленным горским кавказским элементом. На Северо-Западном Кавказе в предгорьях преобладают джики — адыги, среди которых расселялись остатки сармато-аланских племенных групп. Предгорья Центрального и Северо-Восточного Кавказа (за исключением Дагестана) занимали предки вайнахов, среди которых также происходит расселение групп сармато-аланской общности. Среди вайнахских племен источники того времени чаще всего называют дзурдзуков. Главное, что постоянное прибывание и перемещение многочисленных кочевых племен все же не лишило Северный Кавказ его оседлых земледельческих культур.

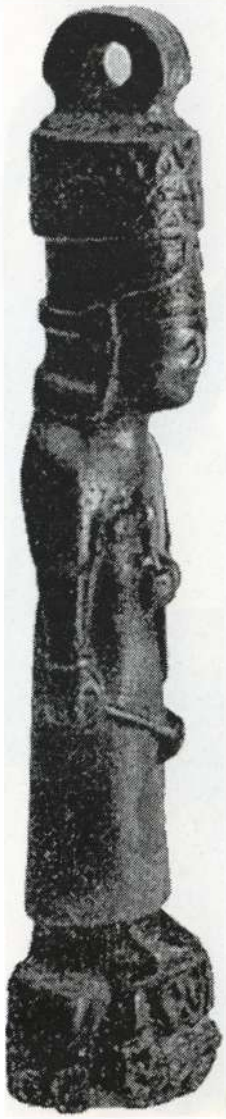
В первой половине VI в. на Северо-Восточном Кавказе усиливается племенной союз савиров, предпринявших ряд набегов на Закавказье. Так, в 515 — 516 гг. орда савиров, пройдя через Дербентский проход, дошла до Армении и Малой Азии. В 521 г. 20-тысячное войско савиров принимает участие в ирано-византийской войне, причем, вступив в войну в качестве союзников Византии, они затем перешли на сторону Ирана. В 527 г. савиры вновь переменили политическую ориентацию и снова сделались союзниками византийского императора. Они даже разгромили 20-тысячное войско двух союзных Ирану кочевых племен, двигавшееся в Закавказье. Один из союзных Ирану вождей — Глом был убит, а второй — Тиранкс отправлен в Константинополь, где был публично казнен.

Практически все источники того времени указывают на многочисленность савиров, которые выставляли армию в 100 тысяч человек. Известно также, что в страну Лазик (Закавказье) в качестве наемников приходили столь многочисленные отряды савиров, что воюющим сторонам приходилось отсылать часть их обратно. При этом савиры выставляли в поход тяжело вооруженную конницу *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 87 — 89).*

В 50-х годах VI в. на Северном Кавказе появляется новая группа тюркских, монгольских и угро-финских племен во главе с аварами. Первоначально савиры встретили аваров богатыми дарами, видимо не надеясь одолеть их в открытой борьбе. Авары заключили союз с аланами и при их поддержке подчинили своей власти прежде всего булгар. Затем при посредничестве того же аланского царя Сарозия авары заключили союз с Византийской империей и напали на савиров и берсилов. Вероятно, под ударом аваров племенной союз савиров распался, а часть их бежала в Закавказье, на территорию Агвании. Другая часть савиров присоединилась к аланам. Интересно, что сваны называют тюркоязычных карачаевцев и балкарцев термином "савиар", а Дигорское ущелье назы-

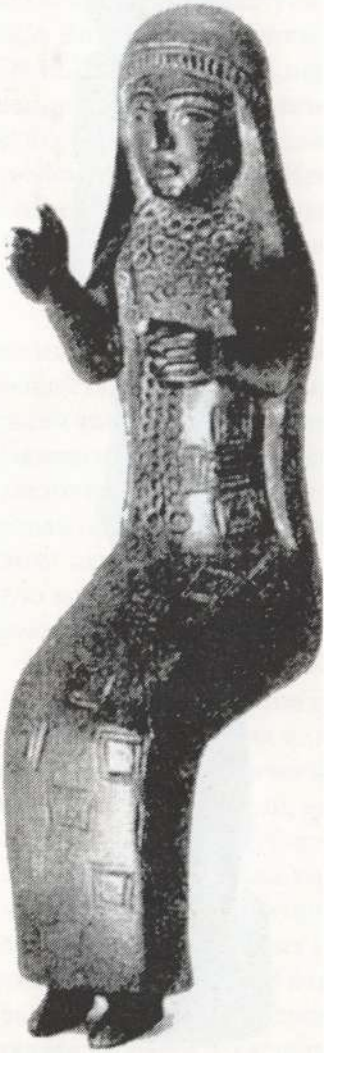
Клинописная надпись VIII-VII вв. до н.э. *(камень, высота 7,5 см)*
Исторический музей Армении, Ереван

Бог Тейшеба. VII в. до н.э. *(бронза, высота 24 см)*
Исторический музей Армении, Ереван

Щит Сардури. VIII в. до н.э. Деталь. *(бронза, дм. ок. 75 см)*
Исторический музей Армении, Ереван

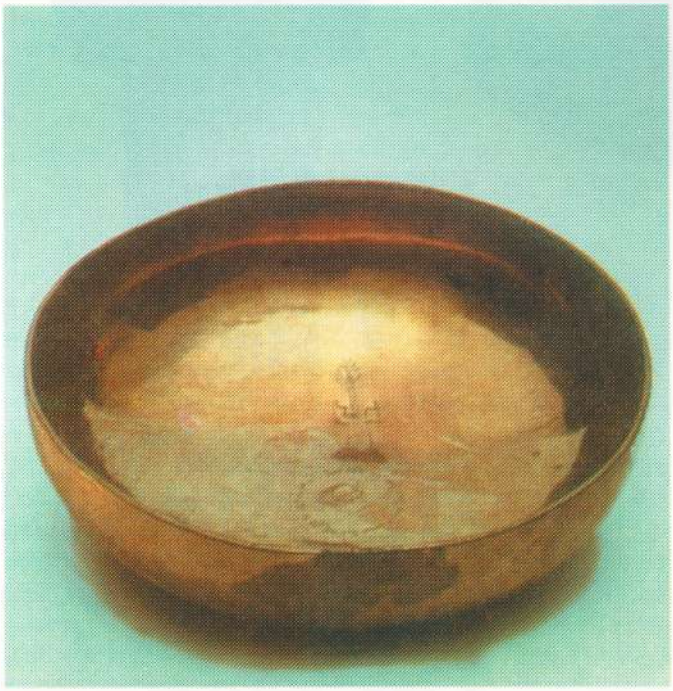

Богиня Багбарту. VII в. до н.э. *(бронза, высота 12 см)*
Исторический музей Армении, Ереван

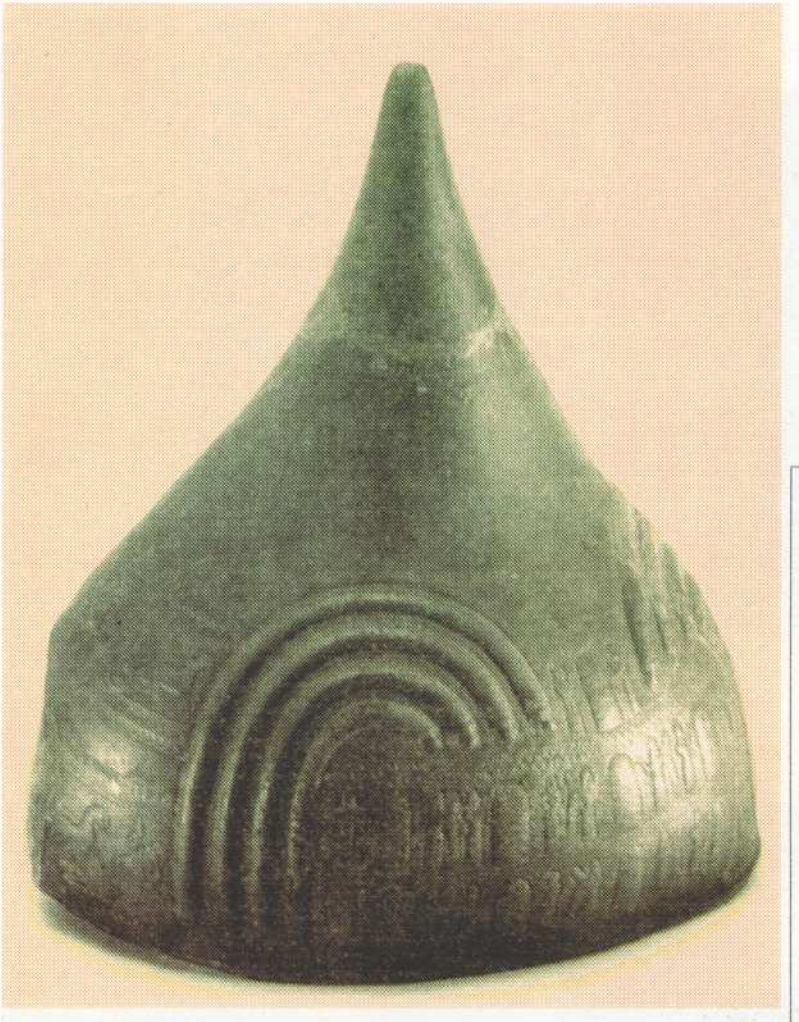

Таблички из архива Тейшебаини. VIII-VII в. до н.э.
(глина, высота 7,5-11,5 см)
Исторический музей Армении, Ереван

Чаша для вина царя Сардури. VIII в. до н.э.
(бронза, длина ок. 20 см)
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Шлем Аргишти. VIII в. до н.э. *(бронза)*
Исторический музей Армении, Ереван

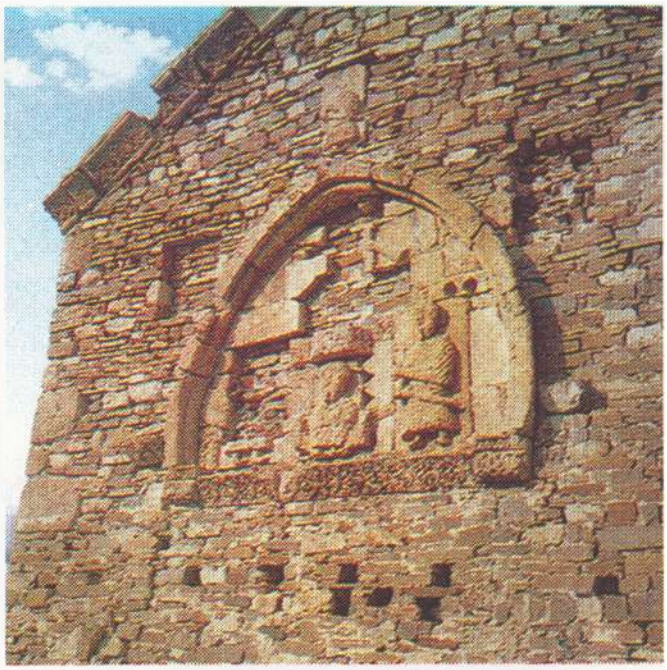
Рукоятка меча. VIII-VII в. до н.э. *(бронза)*
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

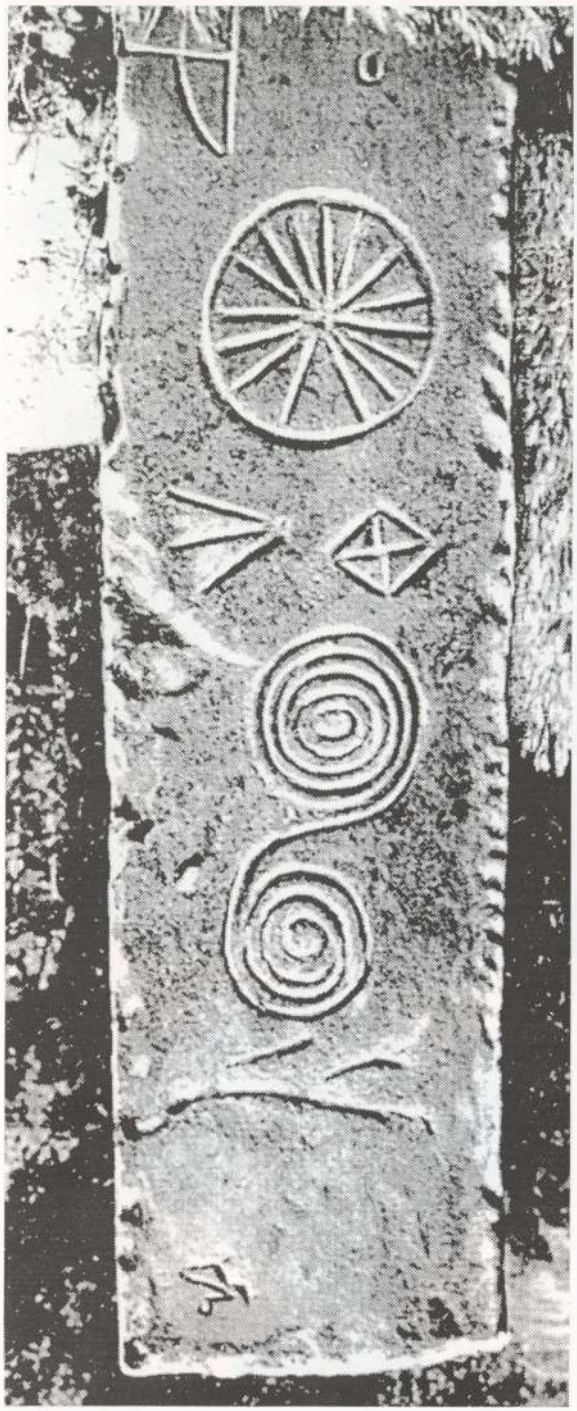
Окрестности селения Плиево. Мавзолей Борга-Каш.
1405-1406 гг.

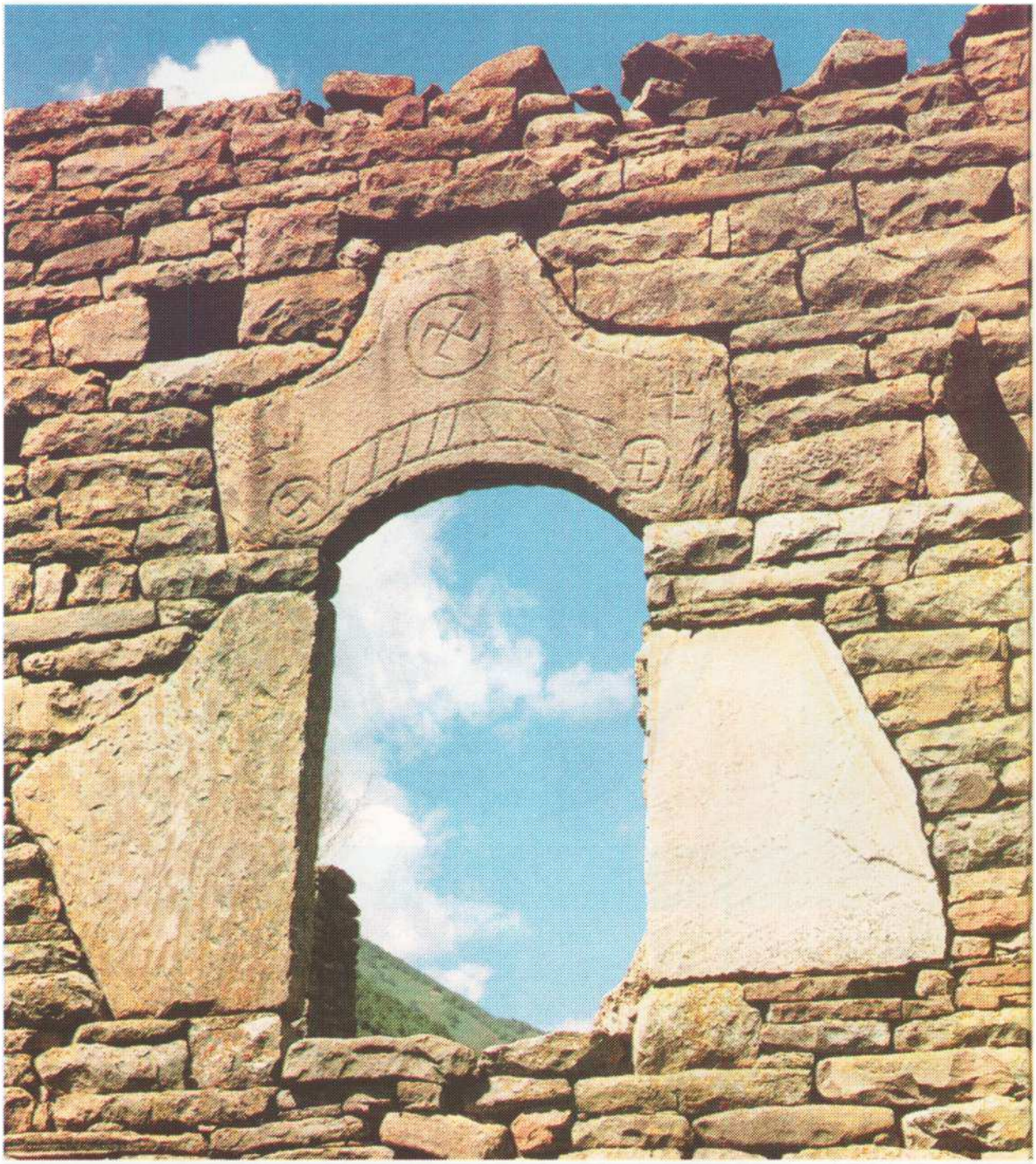
Сосуд ритуальный. VIII-VII в. до н.э.
(глина, высота 15 см)
Исторический музей Армении, Ереван

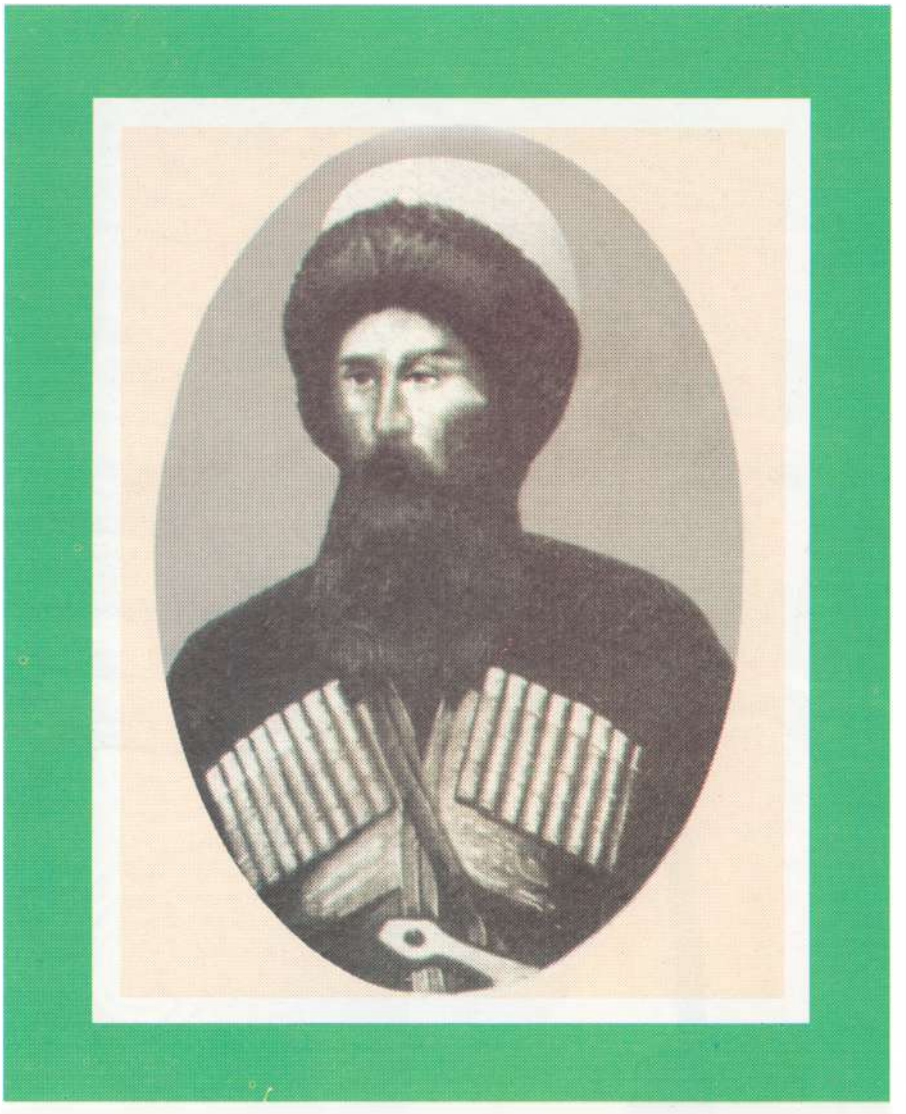
Асеинское ущелье. Храм Тхаба-Ерды. XI-XII вв.
Барельеф западной стены

Пакоч (ущелье реки Чанты-Аргун).
Стена с петроглифами (в верхней части по-арабски выбито "Мухаммад"). XVIII в. Фото 1960 г.

Селение Химой. Петроглифы на арочном камне жилой башни. XVI-XVII вв.

Имам Мансур

(графическая реконструкция портрета)

Имам Шамиль

Портрет работы художника В.С. Шлипнева (20-30 гг. XX века)

Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Эски — наиб Хулхулинский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Магомет-Амин — наиб Закубанский

Портрет работы художника И.С. Богатырева (20-30 гг. XX века) (фрагмент)

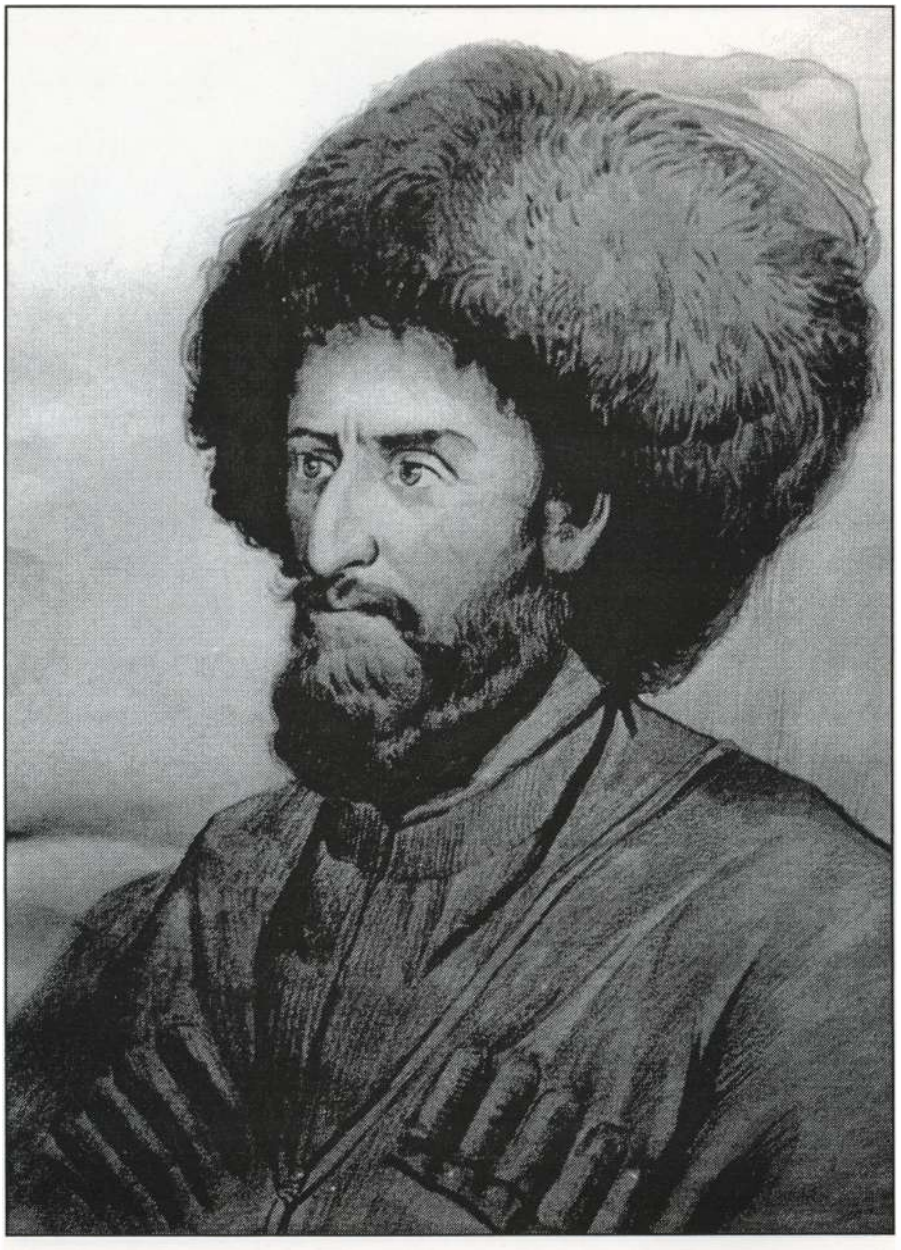
Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Идиль — наиб Веденский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

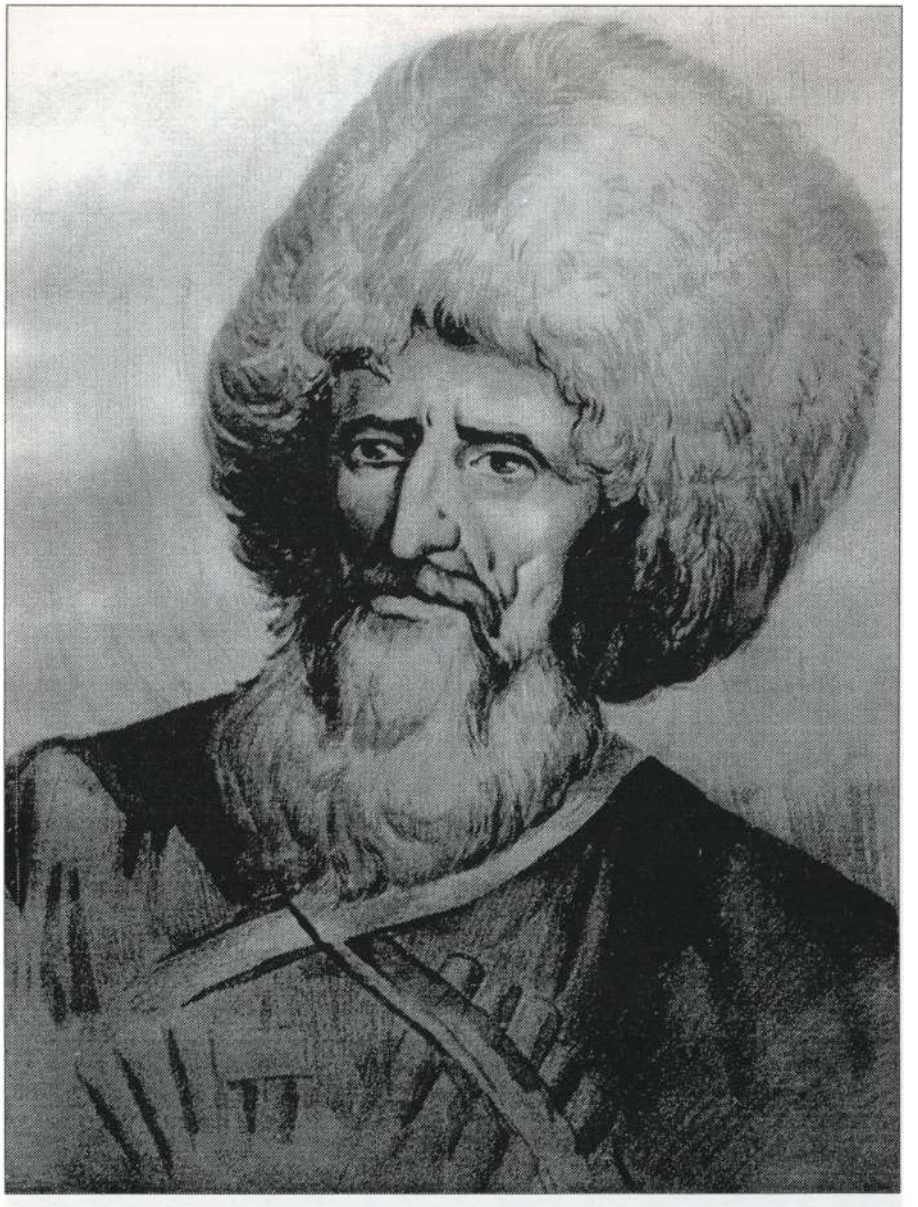
Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Са-Ду — наиб Мачикский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Талхик — наиб Аргунский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Дуба — наиб Вишондоройский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

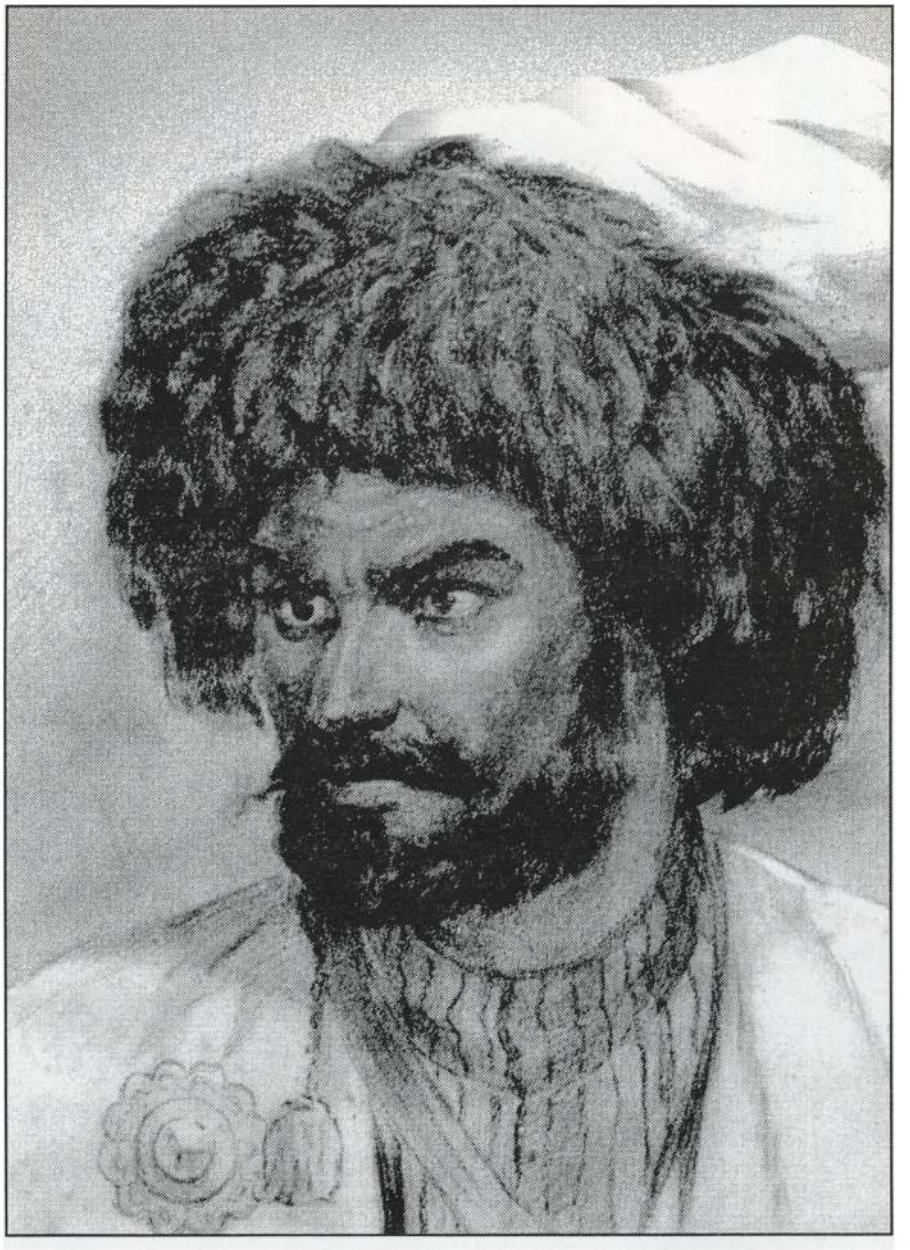
Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Батуко — наиб Шатоевский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

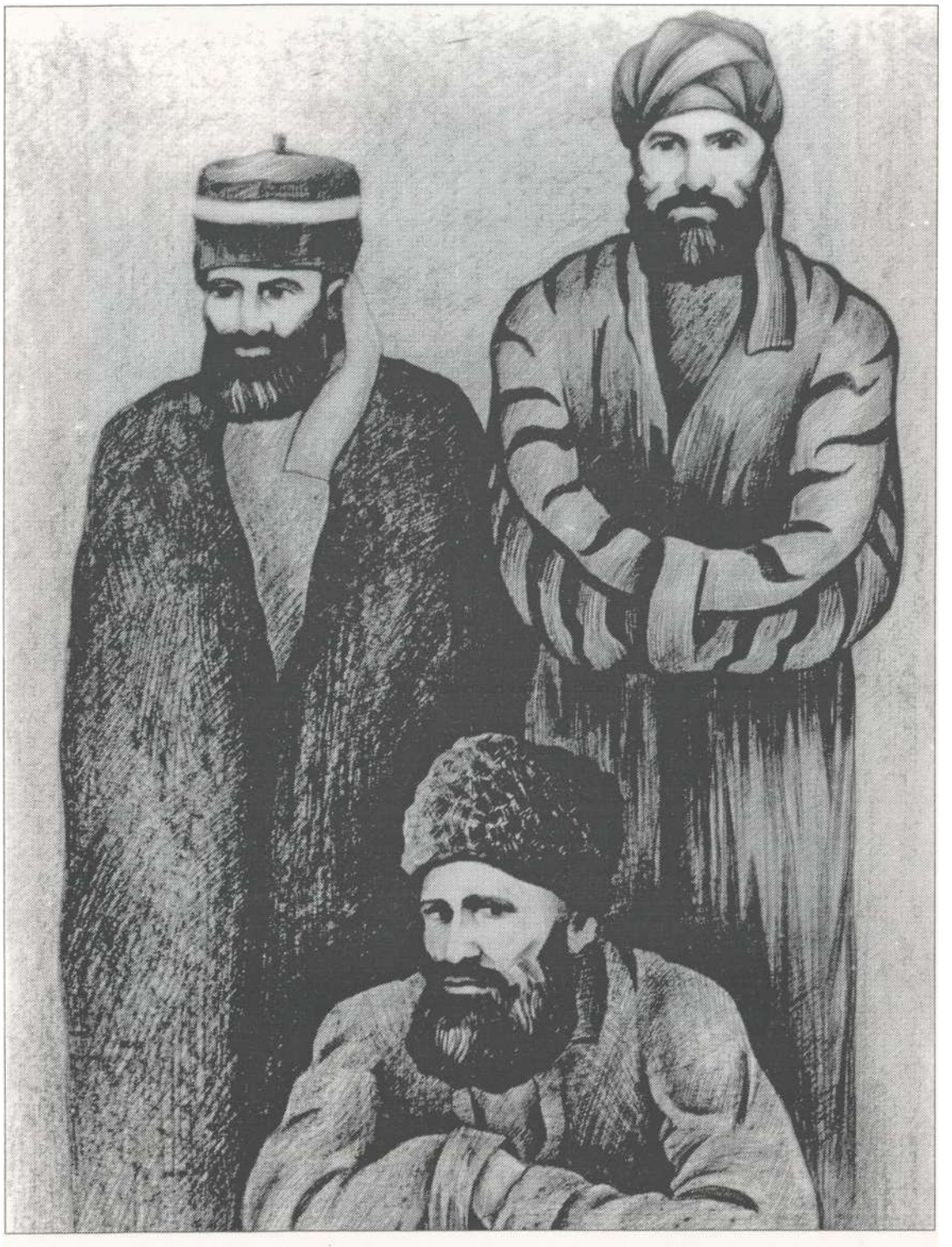
Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Хаджи-Мурат — наиб Аварский

Портрет работы художника В.С. Шлипнева

Из собраний Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.К. Праве

Современная графическая реконструкция портретов Кунта-Хаджи *(вверху слева)*,
его брата Мовсара *(вверху справа)* и векиля Каврнака (Карная)

Шейх Дени Арсанов

(архивное фото)

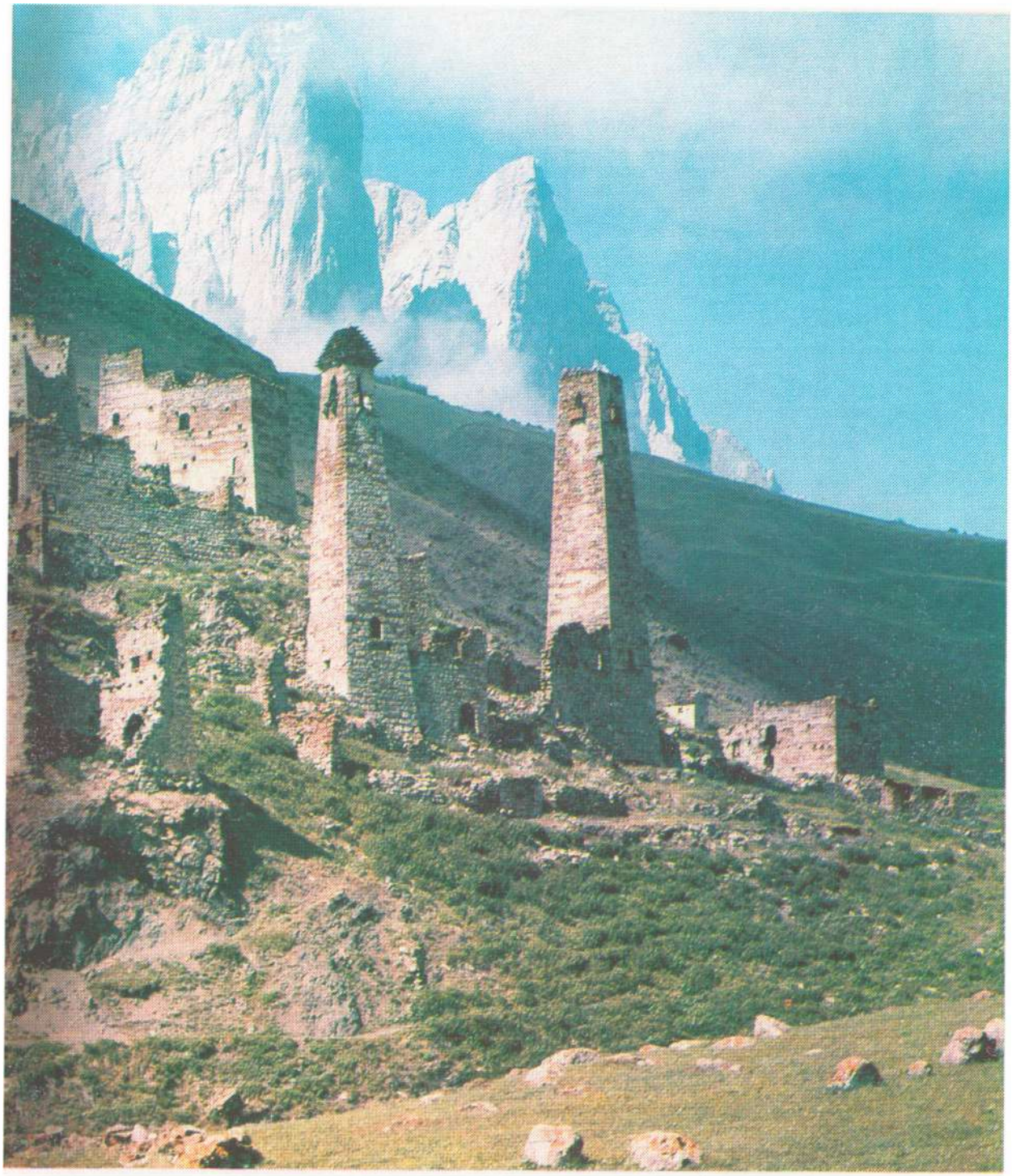

Встреча российской администрации с влиятельными людьми Чечни и Ингушетии. *(архивное фото)*

г. Владикавказ. 1917 г.

Башня-убежище Магой-Джел (пастушья башня) по дороге в селение Лялах. XVII-XVIII вв.

Башенное селение Лялах

Замковое селение Вовнушки (Бирг). Постройки XVI-XVIII вв.

Селение Вовнушки (Бирг). Округлый мавзолей и столпообразное святилище. XVII-XVIII вв.

нилось раньше Сафариком — "Савирово ущелье" *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 94)*. Видимо, савиры стали одним из первых тюркских этносов, обосновавшимся в горах Северного Кавказа и положившим начало формирования тюркоязычных горных народов.

Третья группа савиров откочевала дальше на север или северо-восток Предкавказья. В дальнейшем их часть савиров окажется тесно связанной с хазарским племенным объединением. Связь эта окажется настолько прочной, что хазары включат эпоним савиров в свою генеалогию, а соседние тюрки будут называть хазар савирами.

В 558 г. н.э. авары, после переговоров с послом византийского императора Валентина, напали на племенной союз утигуров — другого союзника Византии на Северном Кавказе. Однако уже в 560 — 561 гг. авары покидают Северный Кавказ и перебираются в придунайские степи, где создают Аварский каганат.

В 566 г., почти сразу вслед за уходом аваров, в Предкавказье появляются племена тюркотов, которые первоначально обосновались на всей приморской части Северо-Восточного Кавказа. Здесь ими были разгромлены племена беленджеров и хазар. Тюркский каган Синджибу (Истеми) даже потребовал от иранского шаха выплаты денег, которые раньше выплачивались союзным Ирану кочевым племенам, но до войны дело не дошло. К 571 г. между Ираном и Тюркским каганатом был заключен договор. Возможно, что именно иранская дипломатия подтолкнула тюркотов к продвижению на запад — в сторону причерноморских владений Византии. Здесь тюркоты столкнулись с коалицией алан и утигуров, которая, впрочем, была быстро разгромлена ими.

Затем тюркоты напали на Боспор и овладели им. Далее последовал их поход на Крым, а в 582 — 583 гг. они попытались, впрочем безуспешно, через Кавказ прорваться на территорию Византии. К лету 589 г. начались военные действия между Западно-тюркским каганатом и Ираном. Однако и на этот раз тюркотов постигла неудача, и, пройдя Дарьял, они вскоре повернули обратно. Интересно, что в военные действия тюркотов оказались вовлеченными и народы Северного Кавказа — дзурдзуки, овсы, дидойцы и другие.

Интересно, что исторические хроники того времени отмечают наличие городов на Северо-Восточном Кавказе: "Сисган также земля со [своим] языком и верующим народом, но живут в ней и язычники. Базгун земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами [живут] бургары со [своим] языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы у них пять городов. Из пределов Даду живут в горах, у них есть крепости. Авнагур — народ живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием" *(Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 165)*. Наличие городов в этом регионе подтверждается и другим автором того времени — Феофилактом Симокаттом, который пишет о городе Бакаф. Существование в предгорьях и равнинах Северо-Восточного Кавказа городов свидетельствует не только о сохранении здесь оседлых культур, но и о постоянном переходе части вновь прибывающих кочевников к оседлому образу жизни.

Таким образом, с IV по VI в. н. э. на территории Северного Кавказа возникает ряд больших племенных союзов, во главе с тюркоязычными кочевниками. Все они просуществовали недолго и быстро распались, однако появление в регионе больших масс тюркоязычного населения и опустошительные набеги, сопровождавшие "великое переселение народов", оставили глубокий след в социально-экономическом развитии народов Северного Кавказа. Существенно изменилась и этнографическая ситуация — началась тюркизация отдельных областей Кавказа. Несмотря на краткость существования больших племенных союзов, их постоянное возникновение свидетельствует о процессе формирования здесь раннеклассовых обществ. Ускоренному развитию этой тенденции в кочевых сообществах в немалой степени содействовало и наличие в предгорной зоне оседлого земледельческого населения.

Помимо вторжения все новых кочевых орд, ситуация на Северном Кавказе на протяжении V — VI вв. осложнялась еще и постоянным соперничеством здесь двух великих держав того времени — Византии и Ирана. В годы правления двух императоров Юстина I (518 — 527 гг.) и Юстиниана I (527 — 565 гг.) Византия прочно закрепилась в Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье.

В свою очередь, иранские шахи в IV — VI вв. продолжили свою традиционную политику, направленную на овладение всем Восточным Кавказом.

Подчинив Агванское царство, они уделяли большое внимание созданию мощных укреплений в районе Дербента и других проходов в Кавказских горах. Оборонительные сооружения Дербента, построенные в основном при Йездигерде II (439 — 457 гг.), состояли из стены толщиной 8 метров, сложенной из сырцового кирпича. Стена протянулась от берега моря до вершины Дербентского холма, на котором была воздвигнута цитадель тоже из сырцового кирпича. В дальнейшем в Дербенте был возведен новый оборонительный комплекс, но уже из камня. Надо отметить, что строительство грандиозных дербентских сооружений произвели жители Агвании. Всемерно укрепляя обороноспособность Дербента, шахиншахи Ирана переселяли сюда немалое количество военных колонистов. Все эти меры позволили в целом контролировать Дербентский проход, сделав его недоступным для проникновения небольших орд северных кочевых народов. Однако крупным массам кочевников время от времени удавалось прорываться в Закавказье.

Таким образом, Византия (опиравшаяся на свои владения в Крыму, Таманском полуострове и Приазовье) и Иран (опиравшийся на подвластные территории Восточного Кавказа) стремились распространить собственную гегемонию на весь Северный Кавказ. Для этого использовались не только собственные армии, но и широко практиковался подкуп местных правителей, стоявших во главе крупных племенных объединений, и натравливание одних племен на другие. Хроники тех времен часто сообщают о прибытии к "гуннам" (часто гуннами называются все кочевые племена Предкавказья) византийских послов"...чтобы купить из них воинов для войны с народами" *(Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 86).* Степных воинов вербовали, оплачивая их "услуги" на определенных условиях и Византия и Иран. Для привлечения местных правителей на свою сторону византийские императоры активно использовали и миссионерскую деятельность. С целью христианизации кочевых орд император время от времени не только посылал собственных миссионеров, но и всячески поощрял действия в этом направлении закавказских христианских церквей. Известно, что в 537 г. к савирам направилась агванская христианская миссия во главе с епископом Аррана (области Кавказской Албании) Кардостом. Епископ с несколькими спутниками провел в гуннских степях четырнадцать лет. Агванских миссионеров сменил затем армянский клирик Макар. Интересно, что Византия положительно оценивала миссионерскую деятельность закавказских священников. Так, в дар епископу Кардосту были посланы из городов Причерноморья тринадцать мулов, нагруженных продуктами, которых не было у кочевников — пшеницей, вином, маслом, льном, разного рода плодами. А клирик Макар привез с собой различные растения и семена. Ему приписывается постройка в гуннских степях христианского храма еще неизвестным для кочевников способом — методом кладки из кирпичей. Этим, а также тем, что клирик Макар "насадил растения и посеял различные семена", он произвел сильное впечатление на "властителей этих народов; они удивились и обрадовались мужам, почтили их и каждый звал их в свою сторону, к своему народу и просил, чтобы они были ему (народу) учителями" *(Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 86)*

Интересно, что епископ Кардост со своими спутниками, после семи лет пребывания среди гуннов (примерно в 544 г. н.э.), создает письменность на языке гуннов. В 568 г. н.э. тюркские послы прибыли в Константинополь с ханской грамотой, написанной "скифским письмом". В этой связи высказывается предположение, что гуннское и тюркское письмо было составлено на основе согдо-манихейского или согдийского письма. С этим типом письма тюрки могли быть знакомы еще по Средней Азии, откуда они прибывали на Северный Кавказ. С другой стороны, епископ Кардост, пришедший из Аррана, где наблюдается значительный ираноязычный (арийский) элемент, мог быть знаком с согдийской письменностью *(Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 87).*

Миссионерская деятельность приносила известные плоды. Например, в Константинополе в 534 г. н.э. был крещен утигурский князь Горд. Как сообщают хроники, вновь обращенный Горд был отослан обратно к своему племени с заданием "оберегать ромейские пределы и город Боспор". То есть цель христианизации гуннов особо и не скрывалась. Правда, для самого Горда попытка распространить новую веру среди своих соплеменников кончилась трагически. Вернувшись в родные кочевья, он первым делом разбил племенных идолов и отправил их в Боспор, чтобы начеканить из этого металла монеты. "Когда брат его (Муагер) и все войско увидели это, то они вместе со жрецами этих идолов разгневались, устро-

или заговор и убили его...". Затем Муагер напал на Боспор и расправился с трибуном Далмацием и стратиотами. В конечном итоге, императору удалось выбить гуннов из Боспора *(Пигулевская Н. Сирийские источники по исории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 87-88).*

Ирано-византийское соперничество в районе Северного Кавказа было обусловлено не только богатством и людскими ресурсами этого региона, но и желанием поставить под свой контроль так называемый "северный шелковый путь". "Шелковым путем" в древности и средневековье называлась караванная дорога, идущая из Китая на Ближний Восток и Средиземноморье. В течение многих столетий она была связующей артерией между отдаленными друг от друга странами и народами. Центральное место на этой дороге занимал Иран, географическое положение которого позволяло его правителям контролировать перевозку шелковых тканей и сырья. Используя выгоды своего положения, иранские шахи облагали перевозимые по их территории товары высокими пошлинами, что подрывало благополучие центров по производству шелка как на западе (в Византийской империи, включая Египет), так и на востоке — в Китае и в Согдиане в Средней Азии. Поскольку морская торговля между Китаем и Европой в то время была невозможной, вследствие недостаточного развития морского дела, единственной возможностью развивать торговлю был сухопутный путь. Долгое время торговый путь шел через Иран, и последний извлекал наибольшую выгоду из мировой торговли шелком. Такое положение не устраивало всех остальных участников торговли, которые уже в VI в. н.э. проложили новую караванную дорогу, идущую мимо иранских владений.

Новый "шелковый путь" начинался от Самарканда, где караваны сворачивали на север и, пройдя мимо Аральского моря, направлялись к Волге. Переправившись через Волгу, караваны через территорию Северного Кавказа направлялись к причерноморским торговым городам, откуда легко было попасть в Византию, другие страны Средиземноморья и открывался путь дальше, на Запад. Археологические раскопки на Северном Кавказе убедительно показали, что "шелковый путь" исправно функционировал здесь в течение нескольких столетий. Наибольшее количество шелков обнаружено в могильниках на территориях, прилегающих к западнокавказским перевалам — Санчарскому, Марухскому, Клухорскому. Через эти перевалы, подступы к которым контролировали западнокавказские и аланские племена, пролегал ближайший путь в Абхазию ("Апсилию"), где располагались портовые города Питиунту и Фазис.

Более восточные перевалы, а также Дербентский проход вели в области Прикаспия и находились близко к территориям, подвластным Ирану. Среди найденных в северокавказских могильниках шелковых тканей больше всего тканей согдийского производства (больше половины), византийские (примерно четверть) и китайские *("Великий шелковый путь" и Северный Кавказ. Л., 1972. С. 5).*

О том, что "северный шелковый путь" был хорошо известен и в далеком Китае, говорит находка на притоке Кубани — реке Большая Лаба китайских предметов танской эпохи: обрывки картин на шелке, переплеты, рукописи, в том числе документ с приходно-расходными записями. Наиболее распространенными видами китайских шелков, обнаруженных по всей трассе "шелкового пути", являются тонкая тафта, репс и реже газ. На более поздних этапах существования "шелкового пути" на Запад вывозились еще два вида тканей: одноцветная зигзаговидная саржа и полихромная узорная саржа.

В VIII — IX вв. н.э. обнаруживается особенно большое число совпадений типов китайских шелковых тканей в разных точках "шелкового пути". Это несколько разновидностей камчатых тканей: с мелким ромбическим рисунком и с растительными мотивами. В Дуньхуане и в северокавказских могильниках найдены аналогичные набивные шелка, а также схожие по рисунку и технике образцы брошированной саржи. Вероятно, одной из статей китайского экспорта являлись картины на шелке. Во всяком случае, они обнаружены на разных точках "шелкового пути" — на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Северном Кавказе.

Знаменитые согдийские шелка, ценившиеся в раннесредневековой Европе наравне с парчой, также попадали на Запад через Северный Кавказ. По крайней, мере в пользу этого утверждения говорит обилие находок этих тканей в могильниках этого региона. Во встречном направлении, с запада на восток, везли византийские шелка, в основном вытканные в Ахмиме и Антиное (Египет).

В 630 г. н.э. Западно-тюркский каганат, в систему которого входили и степи Северного Кавказа, распался, а вспыхнувшая в том же году война между кутригурами и аварами ослабила влияние последних

в районе Причерноморья. В результате в Приазовье и Северо-Западном Кавказе усиливается племенной булгарский союз. Ананий Ширакаци указывает, что к северу от реки Кубань живут тюрки и булгары. Про последних сказано, они "именуются по названиям рек" и представлены следующими племенами: купи-булгар, дучи-булгар, огхон-блкар, чдар-болкар. Однако существование булгарского союза также оказалось коротким. Какие-то внутренние противоречия и постоянные нападения хазар, которые усилились на Северо-Восточном Кавказе, привели к распаду булгарского племенного союза. При этом часть булгар, ведомая ханом Аспарухом, перекочевала на Дунай (примерно 679 г.). Правда, существует еще одна версия, высказанная А. В. Гадло. По его мнению, булгарский племенной союз охватывал всю территорию Северного Кавказа, включая и царство берсилов в южном Дагестане, и именно булгары приняли на себя первый удар арабских мусульманских войск в восточном Предкавказье. Несмотря на то, что первое арабское наступление было отбито, булгарское объединение было настолько ослаблено, что не смогло уже противостоять натиску хазар *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 126).*

Во всяком случае, к 698 г. хазары уже прочно закрепились по всему Северному Кавказу, в том числе и в Приазовье и нижнем течении Кубани. В связи с этим необходимо остановиться на характере взаимоотношений хазар с племенем берсилов, сложившиеся на ранних этапах их совместного пребывания в Прикаспии. На тесную близость хазар и берсилов указывали сами хазары, в частности хазарский царь Иосиф (в X в.) писал об этом испанскому сановнику еврею Хасдаю Ибн-Шафруту. Арабские и христианские источники также указывали на родственную близость этих двух племен, происходивших по преданию, от двух братьев — Хазарика и Берсола *(Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала. 1994., С. 50).*

В результате конфликтов внутри Западно-тюркского каганата между объединениями Дулу и Нушиби хазары вынуждены были окончательно перебраться из Средней Азии в Предкавказье, а именно в западный Прикаспий, где находилась страна Берсилия. Появление массы хазар изменило соотношение между берсилами и хазарами внутри самой Берсилии в пользу последних. Здесь появляется новая правящая династия — уже хазарская по происхождению (из рода Ашинов). Однако новые правители Берсилии были, по всей видимости, связаны какими-то обязательствами по отношению к былым правителям. Так, источники подчеркивают, что жена хазарского кагана всегда выбиралась из племени берсилов. Возможно, что именно тогда был заложен институт двоевластия, характеризующий государственное устройство Хазарии — в то время как хазарские каганы формально считались правителями и повелителями страны, реальная власть сосредотачивалась в руках берсильских правителей, именуемых "беками" или "шадами".

Политика хазарских каганов на Северном Кавказе была традиционной для всех предшествовавших племенных союзов. Укрепившись в Берсилии, хазары вступили в борьбу с племенным союзом булгар. В письме к испанскому еврею Хасдаю Ибн-Шафруту каган Иосиф писал: "...когда мои предки были еще малочисленны, "всесвятый" дал им силу, мощь и крепость. Они вели войну за войной со многими народами, которые были могущественнее и сильнее их. С помощью божьей они прогнали их и заняли их страну, а некоторых из них заставили платить дань до настоящего дня" *(Магомедов М. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 52).* В конечном итоге, как уже указывалось, хазары овладели территориями булгар на Северо-Западном Кавказе и в Приазовье. Разгром булгар хазарские каганы считали настолько важным событием, что именно это событие считалось ими началом своего государства.

Вероятно, быстрому возвышению племенного объединения хазар в немалой степени способствовал союз, заключенный ими с аланами — "...так как царство алан [было] сильнее и крепче всех народов, которые [жили] вокруг нас... И был ужас [божий на народах, которые] кругом нас, так что они не приходили [войной] на Хазарское царство" *(Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 90).* Хазаро-аланский союз действительно имел место. Известно, что в 624 — 625 гг. иранский шах Хосров Парвиз обратился за помощью к аварам, булгарам, славянам и гепидам, а византийский император Ираклий, в свою очередь — к западным тюркам, в державу которых входили и хазары. Хазары участвуют затем в боевых действиях в Закавказье. Интересно в этой связи отметить, что решающая роль в военных действиях, по сведениям "Истории агван", принадлежит не непосредственно верховному правителю Западно-тюркского каганата, а его наместнику Джебу-хакану — второй в царстве его" и племяннику вер-

ховного кагана"...которого в честь его княжеской власти называли Шад" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 110).* Как уже указывалось выше, титул "шад" в Хазарии имел правитель из племени берсилов, в руках которого и сосредотачивалась реальная власть.

В 626 — 627 гг. шад во главе войска действительно вторгся в Агванию. На следующий год кочевники вновь вернулись в Закавказье, а в конце 628 г. стоящий во главе войск шад получил новый приказ — не разорять как прежде Агванию, а подчинить ее и превратить в вассальную область каганата. В это время фактическим правителем Агвании оказался католикос Виро, который признал зависимость страны от "царя Севера" и помог навести в стране порядок *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С.128).* Однако в 630 г. в Западно-тюркском каганате произошли внутренние потрясения, заставившие кочевников вернуться на Северный Кавказ. При этом "История агван" дает понять, что активную роль в событиях этого времени в Закавказье играли хазары, выступающие как достаточно консолидированная сила.

С 630 г. междоусобица в Западно-тюркском каганате между конфедерациями родов Дулу и Нушиби, как уже указывалось, открыла дорогу возвышению хазар. По мнению исследователя М. И. Артамонова основателем хазарской династии был Ибн-Шегуй-хан из рода Ашинов. Произошло это примерно в 651 г. *(Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 170, 171).*

После этого прошло более двадцати лет, прежде чем хазары окончательно победили на Северном Кавказе булгарский племенной союз. Изгнав булгар, хазары, как пишет каган Иосиф "... преследовали их ... до реки по имени "Дуна" *(Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 75, 92)* Длительной и упорной была борьба хазар с племенными образованиями на средней Волге. Одновременно, по мере укрепления своего объединения, хазары вновь активизируются и в южном направлении. Хазарская традиция указывает, что земельные владения в их государстве были закреплены за отдельными родами. Собственные места кочевий имел и правящий род, причем территория кочевий в течение длительного времени не увеличивалась. То есть начиная с определенного момента захватническая политика проводилась уже не с целью расширения пастбищ — в этом уже не было необходимости, а с целью получения дани.

Интересно, что период возвышения Хазарского каганата совпал в появлением в Закавказье первых арабских отрядов. Арабы не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления на территории Агвании, где в это время правил Джеваншир из рода Михранидов. Пройдя через всю страну, арабы без боя заняли Дербент, с его мощными укреплениями, и вышли к границам "страны Баланджар" (Беленджер). По данным Ат-Табари, Баланджар представлял собой целое царство, где имелось много городов. Первым проник в эту страну арабский полководец Абдуррахман ибн Раби'а. Произошло это в 652 — 653 гг., когда арабы углубились в страну Баланджар на 200 фарсахов. Вторым достиг этой страны брат Абдуррахмана ибн Раби'а — Салман *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 119)* Правда, в середине VII в. арабы, поглощенные борьбой на других направлениях, ограничились этими, скорее, разведывательными походами. Их активность на Северном Кавказе вновь возрастет только спустя почти 70 лет — лишь в 721 г. начнется поход на север от Дербента полководца ал-Джахарра ибн Абдаллаха ал-Хаками.

В 663 г. после длительного перерыва хазары вновь вторгаются на территорию Агвании. Агванскому правителю Джеванширу удалось нанести им поражение — "В тот день он одержал великую победу и говорил тому варварскому народу: "поди войди в ворота Чога (Дербентский проход), и не выходи более сюда, ибо Господь одолел могущество твое" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 150).*

Интересна в этом плане политика Джеваншира, оказавшегося между арабским давлением с юга и напором кочевников с севера. Зимой 667 — 668 гг. в Агванию вновь вторглись кочевники, но уже не собственно хазары, а те племена, что обосновались в предгорьях Восточного Дагестана и были в то время еще сравнительно свободны по отношению к хазарам. Пройдя через значительную часть Агвании, кочевники форсировали Куру и построили большой военный лагерь возле Аракса. Сюда они согнали множество пленных, захваченного скота и другую добычу. Однако далее события принимают неожиданный оборот. Предводитель кочевников, по традиции именуемых гуннами, предлагает Джеванширу заключить союз. Мирный договор скрепляется женитьбой правителя Агвании на дочери предводителя кочевников и возвратом последними всех пленников и другой захваченной ими добычи. К такому шагу предво-

дителя кочевников и Джеваншира могло подвигнуть наличие какой-то общей угрозы. Это могли быть усиливающиеся хазары, с одной стороны, и армии арабских халифов — с другой. Однако в дальнейшем Джеваншир так и не обратился за помощью к северным кочевникам, а предпочел подчиниться арабам. Такой шаг может объясняться тем, что правитель Агвании не был уверен в силе своих кочевых союзников и не захотел превращать свою страну в театр военных действий со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Насильственная смерь Джеваншира (примерно 670 г.) вызвала новое вторжение кочевников: "В то время полководец и великий князь гуннов Алфилитвер (Алп-Илитвер), взяв свое многочисленное войско, и пришедших к нему из разных стран, из мужественной страны Гога, вооруженных в броню ратников с их воеводами, знаменами, полками, броненосных стрелков и вооруженных всадников, покрытых кольчугами и шлемами, сделали набеги на Агванию, у подножия великой горы Кавказа и в местечках области Капалака, как бы отмщая за смерть Джеваншира" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 185-186).* Возобновив прежний договор с новым правителем Агвании Вараз-Трдатом Алп-Илитвер возвратился в свою страну *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 186)*

Кочевники, вторгнувшиеся в Агванию во главе с Алп-Илитвером, не были хазарами. Другие источники того времени говорят о том, что Алп-Илитвер успешно воевал по приказам хазарского кагана и даже отдал свою дочь замуж за кагана. Вполне вероятно, что Алп-Илитвер представлял интересы какой-то части берсилов, стремившихся путем сближения с Агванией обрести бльшую самостоятельность в отношении к хазарам. В этом плане представляет большой интерес описание страны Алп-Илитвера. Как сообщают источники, царство гуннов Алп-Илитвера находилось к северу от Дербента, здесь же находятся города Варачан, Чунгарс и Мсндр (возможно, Семендер). К северу от них живут савиры, а южнее, возле Дербента, маскуты.

Примерно в 682 г. в страну гуннов Алп-Илитвера прибывает агванская миссия во главе с епископом Исраилем. Интересно, что миссионеры обнаружили культуру, совсем не похожую на традиционную кочевую культуру. Варачан представлял собой "великолепный город", где располагался царский двор. Источник говорит о наличии в городе жилых кварталов, за ограждением находились языческие святилища. Упоминаются горожане, среди которых есть простолюдины и "искусные плотники".

Те краткие сведения, которые содержатся в источниках того времени, позволили сделать вывод, что языческие воззрения жителей Варачана сходны с верованиями адыгских племен предгорий Западного Кавказа, То есть налицо сильная кавказская культурная традиция *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 146).*

В центре религиозных верований жителей Варачана находился культ бога Куара, бывшего богом солнца и повелителем молний и представлявшегося в виде гиганта, человекоподобного существа исполинского роста. Имя бога солнца — Куар имеет явно иранское происхождение (от слова "хуар" — "солнце"). При этом культ Куара отождествляется с тюркским божеством Тенгри-Ханом. Этому божеству приносили в жертву туши лошадей, из чего следует, что Куар считался также покровителем коневодов и всадников. Основным местом отправления культа Куара была священная дубовая роща, в которой находилось дерево, олицетворявшее собой материальное воплощение божества. Перед этим деревом закалывали жертвенных лошадей, кровью которых поливали землю вокруг, а лошадиные головы и шкуры вешали на ветви.

Помимо этой, в окрестностях Варачана существовали и другие священные рощи и святилища. Особым поклонением пользовались погребения людей, убитых молнией. Здесь также приносились жертвы и оставлялись шкуры жертвенных животных. Наряду с культом Солнца, существовали культы бога Луны, огня, воды, различных сил природы. Имелось специальное божество, покровитель путников.

О наличии в "царстве гуннов" сильного кавказского элемента говорит то, что первым лицом посольства, направленного Алп-Илитвером к правителю Агвании Вараз-Трдату, был некий Зирт(е)гин-Хурсан. В первой части этого имени стоит титул тенги — принц, а "Зирт" происходит от тюркского "йер-", "йир-" — "земля, страна". Что касается окончания имени посла — Хурсан, то среди горных земель Кавказа упоминается страна Хрсан или Хурсан (у арабских авторов). Некоторыми исследователями эта страна локализуется в южном Дагестане. О том, что связи кочевников Северо-Восточного Предкавказья с населением горных районов не ограничивались территорией Дагестана, говорит тот факт, что во

время похода Алп-Илитвера на Агванию после смерти Джевашира его ставка находилась в стране лбинов в долине реки Алазань *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 186).*

Таким образом, одной из отличительных черт "царства гуннов", ставшего составной частью Хазарского каганата, является четко выраженная этническая интеграция, в которой явственно прослеживаются три этнических элемента — тюркский, ираноязычный (алано-сарматский) и местный, автохтонный кавказский. При этом, анализируя известные имена представителей правящей элиты, можно обнаружить в ней не только тюркский, но иранский и кавказский компонент. Причем, этот процесс этнической консолидации характерен для всего Северного Кавказа, начиная еще со времени появления здесь первых ираноязычных кочевых орд.

Включение приморской части южного Дагестана в состав Хазарского каганата, где и располагалось описываемое "царство гуннов", происходило на фоне постепенно разгоравшегося арабо-хазарского противостояния. Первое столкновение арабов с хазарами произошло еще в 644 г. в верховьях Евфрата, где хазары вместе с абхазами, аланами и семендарцами, были в составе византийской армии разгромлены арабским полководцем Хабибом ибн Масламой ал-Фахри. После этого сражения Хабиб ибн Маслама двинулся на север, покорил Грузию и Агванию, вошел в Дербент и земли дуданитов-дидойцев, с которыми установил мирные и дружественные отношения.

Однако арабская традиция считает первыми арабскими полководцами, углубившимися на территорию Северного Кавказа, двух братьев — Абдуррахмана и Салмана ибн Раби'а. Согласно версии ат-Табари и Ибн ал-Асира первым на север прорвался Абдуррахман, который, по одной версии благополучно вернулся в Дербент, по другой — погиб под Баланджаром.

Его брат Салман, согласно версии Ибн Кутбы, Ибн ал-Факиха и ал-Масуди, с отрядом в 4 тысячи человек первым достиг реки Баланджар, где его встретила армия хазар. Арабы потерпели поражение, а сам Салман погиб и был признан шахидом — мучеником за веру *(Ибн-ал-Факих ал-Хамадания. Из книги о странах // Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Адербейджане. Тифлис, 1902. С. 12 — 13).*

Воспользовавшись временным ослаблением арабского влияния в Закавказье, хазары в 684 г. (по другим сведениям, в 685 — 686 гг.) сами вторглись в Закавказье. Однако решительное столкновение между хазарами и арабами произойдет, как уже говорилось, позже, в VIII в.

Оседлые поселения Хазарского каганата тяготеют к речным долинам, наиболее удобным для занятия земледелием. Практически в каждой долине, выходящей к Прикаспию, найдены хотя бы по одному крупному городищу, располагавшемуся обычно на защищенном месте. Наиболее плотно заселенной в хазарское время была вероятна долина реки Сулак, где, повидимому, и располагалась "страна Беленджер", первый политический центр Хазарии. Отсюда было рукой подать до Дербента, которым хазары со временем неоднократно овладевали и держали там свои гарнизоны.

Значительное расширение территории, подвластной хазарам, привело к возникновению новой столицы — города Семендер. Большинство исследователей помещают Семендер на месте современного селения Тарки в окрестностях Махачкалы. Подобно Дербенту, Семендер прикрывался с двух сторон мощными крепостными стенами, протянувшимися от горы Тарки-Тау к берегу моря. Месторасположение новой столицы давало ряд преимуществ. Возле Махачкалы горы подходят к берегу моря, образуя коридор, шириной в четыре километра, что удобно для организации обороны. Интересно, что, судя по всему, первыми начали укреплять этот район иранские шахи, в частности Хосров Ануширван *(Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 72).* К тому же расположение города на морском побережье обеспечивало удобства для торговли и сбора морской пошлины, что было одной из существенных статей дохода хазарских каганов. Известно также, что Семендер служил основным пунктом сбора хазарских войск при походах в Закавказье, поскольку отсюда открывался прямой путь к Дербентским воротам.

Однако после усиления арабской угрозы столица Хазарии, вероятно, была вновь перенесена, теперь уже дальше на север. В конце первой четверти VIII в. арабы прочно укрепились в районе Дербента и предприняли ряд удачных походов на север, подвергнув при этом разрушению и Семендер, и расположенный в 50 км севернее Беленджер. Поэтому новая столица Хазарии строится севернее обоих этих пунктов. Новая резиденция хазарских каганов переносится на Терек, вероятно, в район ст. Шелковской, где археологами исследовано крупное городище хазарской

эпохи. Под натиском арабов центр Хазарии будет и дальше перемещаться к северу. Как известно, в середине IX в. хазарские города появляются уже на Волге *(Гумелев Л. Н. Хазария и Терек // Вестник Ленинградского университета. № 24. Л., 1964. С. 78 — 88).*

Уже отмечалось, что на Северном Кавказе еще в доисторические времена сложились земледельческие культуры, которые лишь временами, под давлением новой волны кочевых народов, отступали с равнин в предгорную зону. Однако как только происходила нормализация отношений с этносом, занявшим главенствующее положение на плоскости, начиналось возрождение земледельческих поселений на равнинах. Так произошло и после установления гегемонии хазар на Северном Кавказе. Стабильная военная и политическая ситуация, сложившаяся здесь, дала сильный толчок развитию производительных сил Хазарии. Этому способствовала внутренняя политика хазар, при которой различные племена, оказавшиеся под их властью, сохраняли свою племенную организацию и собственную религию. Недаром источники того времени, в частности "История агван", отмечают "справедливость и безопасность" пребывания в стране хазар, что, в свою очередь, притягивало сюда многочисленных ремесленников и купцов.

Ведущую роль в развитии земледелия в Хазарии играли города, которым принадлежали лежащие вокруг сельскохозяйственные земли. По примеру государств Закавказья, Ирана и Византии, города Хазарии вместе с прилегающими землями составляли единые сельскохозяйственные округа. При этом горожане вели собственное хозяйство, позволявшее им производить для себя продукты питания. Именно поэтому для земледельческих районов Хазарии, располагавшихся в предгорных районах и долинах рек, характерно наличие так называемых "длинных стен", ограждавших всю территорию прилегающего к городу сельскохозяйственного округа. "Длинные стены" могли тянуться на десятки километров, как например, стены Урцекского городища (древний Варачан), закрывая доступ в долину с расположенными здесь земледельческими террасами и другими угодьями *(Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 103).*

Преимущественное развитие в Хазарии получило полеводство, виноградарство и садоводство. Каган Иосиф писал своему испанскому корреспонденту: "Страна наша плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек". Далее Иосиф специально отмечает, что "... месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему полю" *(Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 104).* Основными полевыми культурами хазар были пшеница, просо, рис. Особо следует отметить наличие в Хазарии довольно разветвленных ирригационных каналов, в частности в Терско-Сулакском междуречье. Интересно, что, по мнению ряда исследователей, именно хазары занесли культуру винограда с Северного Кавказа на Волгу и Дон, откуда эта культура распространилась на другие районы Восточной Европы *(Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов, 1976. С. 96).*

Важное значение имело и скотоводство. Данные археологических исследований свидетельствуют о преимущественном разведении крупного рогатого скота. Огромное значение имело коневодство — об этом говорят многочисленные находки конского снаряжения и захоронения коней в могильниках Беледжера. В Хазарии существовало отгонное скотоводство, когда скот зимой содержался на обширных пастбищах степной зоны, а летом отгонялся высоко в горы, в зону альпийских лугов. Очевидно, что развитие такой формы скотоводства возможно только при наличии дружественных отношений с населением предгорной и горной зоны. То есть все районы Хазарии — степные и горные — были вовлечены в единый хозяйственный механизм.

Очевидно, немаловажное значение имело для Хазарии и рыболовство. Не случайно, видимо, большинство исследованных хазарских городищ располагались в приморской зоне, а также вдоль рек Терека и Сулака, богатых рыбой ценных осетровых пород. В хазарских городищах обнаруживаются многочисленные костные остатки осетровых, а также принадлежности рыболовного промысла — каменные и глиняные (обожженные) грузила для рыболовных сетей. Известно также, что из Хазарии вывозился рыбный клей, высоко ценившийся ремесленниками других стран. О том, что хазары придавали важное значение рыбному промыслу, свидетельствует Мовсес Каганкатваци, указывающий, что вторгнувшийся в Агванию "...князь севера ...требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах великих рек Кура и Аракса..." *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 131).*

Города и оседлые поселения Хазарии были также ремесленными центрами. Железные шлаки, являю-

щиеся отходами производства железа, обнаружены в большинстве хазарских городищ. О высоком уровне металлообработки говорят многочисленные находки наконечников стрел и копий, различных типов; слабоизогнутых сабель и разнообразных по технике изготовления кольчуг и других доспехов. Древние источники, в частности ал-Масуди, отмечают наличие в предгорной и горной зоне Северо-Восточного Кавказа крупных центров металлообработки: "...владение Зерихгеран (Кубачи) означает "мастера кольчуг", потому что большинство из них делают кольчуги, стремена, уздечки, мечи и другие виды оружия из железа" *(цит. по: Масуди. Марудж ал-Дзахаб. В кн.: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 203)*. Таким образом, на Северном Кавказе существуют центры, специализирующиеся на ремесленном производстве и работающие на рынок, что свидетельствует о значительном развитии общественных и производственных отношений. Интересно, что именно на Северо-Восточном Кавказе раньше других областей Юго-Восточной Европы овладели искусством производства стали *(Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 106)*.

Значительного расцвета достигло в городах и поселениях Хазарии ювелирное дело. Многочисленные ювелирные изделия и украшения из цветных и благородных металлов (бронзы, серебра и золота), обнаруженные в могильниках описываемого времени, выполнены с применением самых разнообразных технических приемов: литья, ковки, чеканки, зернения, инкрустации и т. д.

Расцвету ремесел в Хазарии в немалой степени способствовали и далекие военные походы, в результате которых в страну поступала не только военная добыча и скот, но и множество пленных. При этом кочевники, как правило, уводили с собой искусных ремесленников, специально отбирая их среди населения захваченных областей. Кроме того, хазарская знать специально приглашала к себе всякого рода ремесленников, которые селились в местных традиционных ремесленных центрах, что также способствовало подъему экономики страны.

Большое развитие получило гончарное производство. Для поселений хазарского периода характерно обилие обломков сероглиняной посуды, отличающейся разнообразием форм, богатством орнамента и высоким качеством. О развитии в стране гончарного дела говорят и многочисленные печи для обжига, имеющие довольно сложную конструкцию и состоящие из двух камер — нижней для топки и верхней для обжига. В некоторых поселениях гончарные печи образуют целые производственные комплексы, а их групповое расположение говорит о наличии объединений нескольких мастеров с различной степенью квалификации. Многие образцы керамики той эпохи несут на себе персональные метки-клейма мастеров. Некоторые из них повторяются в более усложненных формах, что скорее всего свидетельствует о наследственности в гончарном производстве *(Маммаев М. М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т. 20. Махачкала, 1970. С. 332; Маммаев М. М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 172 — 173)*.

Для областей Северного Кавказа, особенно Северо-Восточного, характерно строительство крупных оборонительных сооружений, бытовых и культовых сооружений. Для хазарских фортификационных сооружений характерны черты, роднящие их с подобными сооружениями Средней Азии. Это кладка оборонительных стен из перемежающихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей, а также регулярное расположение башен на всем протяжении стен. При этом башни, например, Шелковского городища достигали не только значительных размеров, но и имели округлые очертания, что делало их, с одной стороны, менее уязвимыми для стенобитных машин, а с другой — расширяло угол обстрела стен. Расположенные на расстоянии 25 — 40 метров и вынесенные перед стенами, они превращались в основные узлы обороны, усиливая фланговый и обеспечивая обстрел сзади наступающего на стены противника.

Крупные города этой эпохи имеют в Хазарии, как правило, прямоугольные очертания и характеризуются правильной планировкой. Некоторые исследователи, в частности М. Г. Магомедов, считают это проявлением среднеазиатских традиций. Автору же представляется, что традиции такого градостроительства были известны на Кавказе издревле, по крайней мере с урартского времени, и получили затем продолжение в закавказской архитектуре, наиболее ярко в армянской. Что касается округлых по форме небольших городищ Хазарии, то они вполне могут быть замками феодализирующейся знати, как об этом справедливо пишет М. Г. Магомедов *(Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994. С. 114)*.

Между тем разнообразие типов бытовых сооружений, характерных для городов хазарского времени, свидетельствует об этнической пестроте их населения. Чаще всего здесь встречаются юрты и юртообразные жилища, в некоторых случаях они углублялись в землю и представляли собой полуземлянки. Усложненным вариантом юртообразных жилищ являются жилища, возведенные из булыжника путем кладки стен "елочкой" на глиняном растворе.

Помимо этого достаточно распространенным были квадратные по форме жилища из сырцового кирпича, а также жилища, возведенные из камня, причем как однокамерные, так и многокамерные. Интересно, что строители того времени владели секретом сейсмостойкого строительства.

Развитию производительных сил Хазарии во многом способствовало и выгодное месторасположение их владений. Как известно, через территорию Северного Кавказа проходил "Великий шелковый путь", а также торговые пути из Закавказья и Ирана в Восточную Европу. Пошлины, взимаемые хазарскими каганами со всех торговых судов и караванов, пересекавших их территории, были важной статьей их доходов. О том, что денежное обращение было достаточно развито в Хазарии, говорит и "История агван", сообщающая, что вторгнувшиеся в Агванию хазары потребовали подать в размере"...по дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 131).* О богатствах, скапливавшихся в руках каганов, говорит сообщение авторов того времени, что каган передал сто тысяч дирхемов в качестве приданого своей дочери, ставшей женой наместника Армении Йязида Ибн Усайда ас-Сулами. *(Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 241).* Известно также, что в Хазарии чеканилась собственная монета, правда, чеканилась она в подражание монетам других стран, в частности Византии *(Быков А. А. Из истории денежного обращения в Хазарии в VIII — IX вв // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 3. М., 1974. С. 68 — 69).*

Что касается религии хазар, то в описываемую эпоху большая часть их придерживалась языческих культов. Усилиями агванских и армянских миссионеров в VI — VII вв. начинает распространяться среди населения каганата христианская религия. Яркое описание миссинерской деятельности "среди гуннов" дает Мовсес Каганкатваци в своей "Истории агван". При этом многие исследователи указывают, что из равнинных районов Прикаспия христианство распространилось в ряд предгорных районов Дагестана. Так, авторы раннего средневековья говорят о значительной христианизации насеения царства Серир. Однако христианство не стало государственной религией Хазарии, — ею стал иудаизм. Эта религия была принесена в Хазарию еврейскими переселенцами, которых иранские шахи расселяли в районе Дербента и других крепостей Южного Дагестана. История принятия верхушкой каганата иудейской религии довольно подробно описывается у ряда авторов, например, ал-Масуди и ал-Бакри. Скорее всего, на выборе новой государственной религии решащую роль сыграли политические соображения. Принятие христианства означало для хазарских каганов признание политического господства ведущей христианской державы того времени — Византийской империи. Принятие же ислама привело бы к признанию духовного лидерства арабских халифов, с которыми хазарские каганы вели ожесточенные войны.

Однако иудейская религия в силу своей специфики не смогла консолидировать население Хазарии, не стала духовным стержнем, способным произвести объединение населения страны, вступившей в тяжелый период борьбы против мировой державы того времени — Халифата. Скорее наоборот, иудейская верхушка страны оказалась изолированной от остального населения страны, исповедовавшего языческие культы, христианство, а затем и ислам.

Что касается кавказской государственности, то ее развитие в Закавказье после падения Урарту, как уже указывалось, не прерывалось. Небольшие царства, существовавшие по всему Закавказью, постепенно уступают место более крупным образованиям. Прежде всего это Армянское царство, историю которого мы рассматривать не будем. Возникают также Древнегрузинское и Агванское царства. На землях хурритоязычных маннеев возникает государство Антропатена. Основу населения этого государства составили различные кавказоязычные и ираноязычные племена — маннеи, каспии, кадусии, мидяне и другие, входившие в сатрапию Мидия в составе древнеперсидского царства. Покорив персидскую державу, Александр Македонский сохранил должность сатрапа Мидии за Антропатом, который успел выразить покорность новому верховному правителю. В IV в. до н.э. историческая Мидия состояла из так называемой Большой Мидии (северная и центральная части Ира-

на, прилегающая к Каспийскому морю) и Малой Мидии (южная часть Азербайджана и частично Иранского Курдистана). Возникшее после распада империи Александра Македонского на территории Малой Мидии государство Антропатена просуществовало до 150 г. до н.э., продолжив в некоторой степени традиции кавказской государственности.

Территория Антропатены на севере доходила до реки Аракс. Насколько известно, цари этого государства поддерживали традиционно дружеские отношения с агванами и другими племенами северного Азербайджана. Дружественные договоры имелись также с Понтийским царством, Арменией и Иберией. Столицей Антропатены был город Газака (Джанза). Античные авторы указывают, что антропатенские цари выставляли армию в 40 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников *(История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958. С. 45)*. В конце III в. до н.э. границы этого государства продвинулись от Каспийского моря до приморских областей Черного моря. В 222 — 220 гг. до н.э. антропатенский царь Артабазан успешно отразил нападение селевкидского царя Антиоха III и даже достиг столицы вражеского государства — Селевкии. В период расцвета Антропатены ее западная граница через долину Аракса (включая древний город Армавир) доходила до Колхиды.

Интересно, что Антропатена относится к числу эллинистических государств и вовсе не греческое по происхождению население этого государства пользовалось греческим письмом, греческим правом, а греческая культура получила широкое распространение. Религия в Антропатене была персидско-мидийская — зороастризм.

Через Антропатену проходили торговые пути на восток — в Бактрию и Индию, а также в Армению, Иберию, Албанию и к Черному морю.

Примерно в 150 г. до н.э. парфянский царь Митридат I подчинил своему влиянию Антропатену, за исключением той ее части, что еще ранее была захвачена армянским царем Арташесом I. Почти до самого начала нашей эры Парфия и Армения оспаривали друг у друга отдельные территории Антропатены, затем до середины III в. н.э. она входит в состав Парфянского царства.

Несколько подробнее автор намерен остановиться на истории агванского царства — Кавказской Албании как государственного образования по языку, наиболее близкому к предкам чеченцев. Албанское царство существует по крайней мере с IV в. до н.э. и прекращает свое существование в VII в. н.э., после завоевания Закавказья арабами. В период своего расцвета Кавказская Албания занимает обширную территорию современного Азербайджана, южного Дагестана, северо-восточной Грузии (Кахетии). Об этом царстве упоминают многие античные авторы — Плиний, Клавдий Птолемей, Плутарх, Страбон и ряд других. Страбон специально указывает, что царство агван образовалось после слияния 26 племен, каждое из которых имело свой язык и собственного вождя — "...у албанов выдающиеся цари: ныне царь над всеми властвует: прежде каждое племя, имеющее свой язык, имело своего царя" *(Страбон. География. XI, IV, 4, 6 // Вестник древней истории. Вып 4. М. — Л., 1947. С. 220)*. Агваны (албаны) были самым крупным племенем страны и жили в районах, прилегающих к Каспию. Одним из крупных племен Агвании были гаргары (гаргарейцы), основная часть которых обитала в долине реки Гаргар. Практически все исследователи считают гаргаров племенем нахского этноса. Из других племен чаще всего упоминаются гилы (гелы) и лиги (леги). В районе, где Аракс сливается с Курой, обитало племя каспиев, племенное название которых впоследствии дало название Каспийскому морю. VI — III вв. до н.э. датируются самые ранние из известных агванских монет. С III в. до н.э. и по VIII в. н.э. в Кавказской Албании правят цари из местной династии Аршакидов, а затем великих князей Михранидов.

Древние источники говорят о Кавказской Албании как о плодородной и густонаселенной стране, равнина которой орошается лучше, чем земли Вавилона или Египта. Население занималось в основном земледелием, помимо зерновых выращивался виноград. Причем урожаи винограда бывали столь велики, что часть его оставалась неубранной. Из садовых культур наиболее распространенными были гранат, миндаль, грецкий орех. Племена, занимавшиеся скотоводством, вели полукочевой и кочевой образ жизни. Все античные авторы отмечают наличие в Агвании прекрасных пастбищ и огромных стад разного рода скота и табунов лошадей. Была известна местная порода коз, дававших прекрасную белую шерсть, которая шла на изготовление дорогих тканей.

В приморских и речных районах важную роль в хозяйственной жизни населения играл рыбный промысел. Античные авторы пишут, что в области каспиев ловили больших рыб — "остроносов". Вяленая и соленая рыба вывозилась из Албании по торговому

маршруту вплоть до Экбатаны. Из рыбьего жира изготавливались разного рода лечебные мази, соленья и масло, а из внутренностей — клей, высоко ценившийся за свое качество ремесленниками того времени.

Из ремесел значительное развитие получили металлообработка, гончарное дело, ткачество и стеклодувное производство. Широко применялась резьба по металлу. При раскопках найдено большое количество перстней-печаток с выгравированными изображениями, в основном животных и птиц. Известны также изображения людей: человека, стоящего перед алтарем, человека с вооружением и человека, борющегося со львом *(История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958. С. 51 — 52).*

При раскопках погребений обнаружено большое количество оружия и орудий труда из железа, а также глиняная посуда серого и красного обжигов. На некоторые сосуды наносились узоры, изображения животных. Некоторая часть сосудов вылеплена в форме зверей и птиц. В погребениях нередки также украшения из бронзы, сердолика, пасты и реже золота.

В ряде районов Агвании в период со II до н.э. по I в. н.э. распространены кувшинные погребения, когда покойника хоронили в скорченном положении внутри большого кувшина. Туда же складывались железное оружие и орудия труда, бронзовые украшения и глиняная посуда. Встречаются в погребениях этого типа и остатки шерстяных тканей, изящные стеклянные сосуды, сердоликовые бусы.

О возникновении Агванского царства Мовсес (Моисей) Каганкатваци сообщает следующее: "О незапамятном поселении людей, живущих вокруг великих гор кавказских, мы ничего не имеем сказать нашим слушателям до Валарсака, царя армянского, который при устроении северных своих пределов, призвал пришлые дикие народы, обитающие на северных полях, у подошв Кавказа, в долинах или в ущельях на юге до устьев великой равнины, увещевал их оставить разбой и хищничество, и подчиниться податям царским. После того он назначил им князя и правителей; главой всех их поставлен по повелению Валарсака некто из рода Сисакан из потомков Иафета — Аран, который наследовал поля и горы Агвании от реки Ерасха до крепости Гнаракерт, и страна эта по ласковости его характера, получила название Агуанк, потому что его звали Агу (сладкий) за ласковость его нрава. Из храбрых и знаменитых потомков сего же Арана, говорят, Парфянин Валараск назначил воеводу над страной с 10-ю тысячами войска. От детей его, говорят, произошли народы Утийского и Гардманского княжеств" *(История агван Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С.4 — 5).* "История агван" приводит также список агванских правителей, начиная его с Иафета, одного из сыновей патриарха Ноя. Лишь несколько имен этого списка сопровождаются краткими пояснениями: "...Аран при нем был Авраам; Арай прекрасный, при нем Исаак; ...Заван, при котором был Иисус Навин ...Перч, при нем был Давид; ... Скайорти, который получил корону от вавилонского царя...". Сам этот список скорее следует армянской традиции *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 31).*

О ранних этапах существования Агванского царства почти ничего не знал даже сам автор древней "Истории агван", указывавший, что "...волнения, произошедшие на востоке и сожжение документов объясняют это обстоятельство" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПБ. 1861. С. 8).* Далее он же указывает: "Неизвестно число дней от Арана до храброго Вачагана, который происходил от великого рода Арсакидов (Аршакидов). Вот имена царей владевших Агванией, в порядке.

Храбрый Вачаган, Вече, Урнайр, Завчаган (Вачаган II), Маргаван, Сато, Асай, Есваген, Вече; после него благочестивый Вачаган царь агванский. Из сих многие жили христианскою и доброю жизнью, и скончались каждый в свое время" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 31).*

Северная граница Агванского царства точно не определена. Перечисляя реки Кавказской Албании, античные авторы называют реки Кас, Албан, Герр. Некоторые исследователи считают, что река Кас — это современный Сулак, который в землях даргинцев и лакцев так и называется — Кас. Албан, по мнению некоторых исследователей — река Самур, а Герр — Аксай. Другие исследователи полагают, что Дербент являлся пограничным городом. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что Дербент входил в состав этого государства, а сразу за агванской границей начинались владения сарматов. Где бы формально ни проходила северная агванская граница, влияние этого царства на жизнь окружающих горских племен нельзя недооценивать. Через агванское посредничество обширные области Северо-Восточного Кавказа втягивались в торговые связи с эллинистическими государствами Древнего Востока. Об этом говорят селевкидские и парфянские монеты, найденные в разных районах Дагестана и Чечни. Некоторые посе-

ления в приморских районах Дагестана постепенно разрастаются в города, например Махачкалинское городище, где обнаружены культурные пласты раннеалбанского периода.

Все древние авторы отмечают также, что изначально в состав Агванского царства входили как равнинные области, так и горные районы. Античные авторы указывают также на многочисленность населения этой страны. Так, Страбон пишет, что агваны "ставят больше войска, чем иберы. Они вооружают 60 000 пеших воинов и 22 000 конных" *(Страбон. География. XI, IV, 4, 6 // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 220).* Часть воинов имела тяжелое вооружение, сходное с вооружением армянских и иберийских воинов. Другая часть была вооружена по сарматскому образцу. Во главе войска стоял либо сам царь, либо один из его братьев.

Разделение агванской армии на тяжеловооруженных и легковооруженных воинов, с разным типом оружия, свидетельствует не только о том, что в его состав входили воины разных племен, но и о существенной имущественной дифференциации населения страны. Очевидно, что всадниками и тяжеловооруженными воинами были наиболее состоятельные и знатные из жителей Агвании. Известно также, что различные области Агвании управлялись правителями, подчинявшимися царю, которых античные авторы именуют "гегемонами".

О социальной жизни ранней Агвании также почти ничего не известно, но крайне любопытно, что древние авторы указывают на наличие здесь "священных" областей, принадлежавших храмам. Сообщается также, что одна из таких областей, принадлежавшая храму Луны, была одна из самых населенных и обширных в стране. Храму помимо земли и другой собственности принадлежали также рабы, а управлял храмовой областью жрец, считавшийся вторым лицом в государстве после царя. Верховному жрецу подчинялись и храмовые рабы — гиеродулы *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 83).* Таким образом, в дохристианской Агвании сохраняется старая традиция кавказской государственности — наличие обширных храмовых хозяйств.

В начале нашей эры античные авторы насчитывают в Агванском царстве 29 городов и крупных поселений. Это больше, чем в Иберии и Колхиде того периода. Помимо столиц, крупнейшими из них были: Телеба — за устьем Соаны (Терека), Гелда — за устьем Герра (Аксая ?), Албана — за устьем Каса (Сулака ?) и Гетара — вблизи от устья Куры. Правда, достаточно точно локализовать местонахождение крупнейших агванских городов до сих пор не удается. Но если один из таких крупных городов — Албана, отождествляемый с Топрак — Калинским городищем, действительно находился в южном Дагестане, — это означает, что по крайней мере еще 11 агванских городов, располагавшиеся севернее Албана, находились на территории Северо-Восточного Кавказа. Всего на территории Дагестана имеется примерно 50 городищ с культурными напластованиями албанского периода *(История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 89).*

Исследованные в Дагестане городища албанского периода, как правило, относительно невелики по своим размерам — от шести до десяти гектаров. Лишь некоторые из них (Шам-шахар, Урцеки, Таргу, Андрей-аул — территория чеченцев-аккинцев, Нижняя Сигитма) занимают площадь в 15 — 20 гектаров. Большинство из этих городищ были окружены серьезными фортификационными сооружениями. Вокруг располагались пахотные и пастбищные угодья. Территория Чечни в этом плане почти не исследована, но территориальная и этническая близость неизбежно приводит к выводу, что на рубеже нашей эры зона распространения агванской государственности могла включать и территорию Чечни. Ситуация на Северо-Восточном Кавказе изменилась в IV в. н. э., когда под давлением кочевников агванская граница отодвинулась к югу и стабилизировалась в районе Дербента.

Первая столица Агвании — город Кабала — являлась сильно укрепленной по тем временам крепостью. С двух сторон его окружали реки с высокими обрывистыми берегами. С третьей стороны был прорыт ров, заполнявшийся водой, а толщина крепостных стен достигала 4 метров.

Географическая отдаленность Агванского царства от великих империй того времени — Рима и Парфии, а затем Византии и Ирана, а также контроль над Дербентским проходом, — создавали благоприятные условия для сохранения страной независимости в течение длительного времени. Первое столкновение агван с римлянами произошло в 69 г. до н.э., когда римская армия Лукулла напала на Армению и осадила ее столицу Тигранакерт. Среди войск, прибывших на помощь армянам, были и агванские отря-

ды. О силе агванских царей можно судить по тому факту, что в 66 г. до н. э. царь Оройс (по-видимому, неизвестный автору "Истории агван") мобилизовал против Гнея Помпея армию в 40 тысяч человек. На следующий, 65 г. до н.э. Помпею, вторгнувшемуся в Кавказскую Албанию противостояла уже армия численностью в 60 тысяч пехотинцев и 12 тысяч всадников во главе с братом царя Козисом (Косидом). И хотя агванская армия потерпела поражение, а ее командующий погиб, римляне не рискнули углубиться дальше в Агванию и повернули обратно *(История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958. С. 64)*.

В 37 — 36 гг. до н.э. римские войска под командованием Канидия Красса вновь вторглись на территорию Кавказской Албании, но и на этот раз не смогли закрепиться на ее территории. В 36 г. до н.э. агванские войска участвовали в войне парфян против вторгнувшейся в Месопотамию римской армии. "История агван" сообщает об этом: "...о войне Артавазда с Римлянами, когда он (Артавазд) собирая многочисленные полчища атрпатаканские, призвал туда, сильные народы гор кавказских, войска Агвании и Иверии, отправился в Месопотамию, и силою их прогнал войска римские" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 8)*.

Впрочем, так же упорно агваны в союзе с армянами и иберами защищали свою территорию и от парфянских царей. Например, в 34 г. н.э. объединенные силы иберов и агван изгнали парфян из Армении. Известно также, что в 90-х гг. н.э. римские войска, пройдя по землям, агван доходили до Каспийского моря. На скале неподалеку от Баку обнаружена соответствующая латинская надпись, упоминающая императора Домициана и римский "XII молниеносный" легион. Тем не менее ни римлянам, ни парфянам в то время не удалось подчинить себе Агванию.

В первые века нашей эры в Агвании происходит постепенное развитие феодальных отношений. Как и на всем Востоке, для феодальных отношений в Агвании характерно незначительное развитие собственного хозяйства самих феодалов. Сельскохозяйственное производство, основанное на искусственном орошении, требовало больших затрат труда и средств. В этих условиях феодалам было выгоднее получать с зависимых крестьян продуктовую и денежную ренту, а не эксплуатировать их в собственном хозяйстве. Именно по этой причине на Востоке не было крепостного права в полном смысле этого слова. И агванские крестьяне, подвергавшиеся эксплуатации и выплачивавшие подати своим владельцам, все же считались лично свободными людьми.

Согласно "Истории агван" христианизация Кавказской Албании окончательно произошла при царе Урнайре. Это был "...муж доблестный, который наследовал славное имя в великих войнах, водрузил знамя победы внутри Армении". Именно в его царствование произошло окончательное принятие христианства большей частью населения страны: "Они вторично и совершеннее были просвещены Урнайром" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 10)*. Распространение христианства в Агванском царстве происходило в одно время с христианизацией Армении и Грузии — Иберии и относится к IV в. н.э. С 463 по 488 и с 510 по 629 гг. агванская церковь является апостольской и автокефальной. Считается, что истоки ее связаны непосредственно с иерусалимским патриархатом. Однако несомненно, что соседняя Армения оказывала не только сильное политическое, но и религиозное влияние на Кавказскую Албанию. В конечном итоге, та часть агван, что не приняла ислам и не была тюркизирована, постепенно григорианизировалась и ассимилировалась под армянским влиянием. Кстати, принятие христианства не помешало Урнайру быть союзником иранского шаха Шапура II и участвовать в персидском походе на единоверную Армению. Земли, принадлежавшие раньше языческим храмам, были переданы церквам, в пользу которых с крестьян взималась десятая часть урожая. Старая столица Кабала была превращена в резиденцию агванского епископа. Однако христианство так и осталось религией в основном господствующих слоев населения Агвании. Даже тенденциозная "История агван", написанная в духе апологетики христианства, сообщает о широком распространении языческой "ереси" в Кавказской Албании.

Интересно, что первоначально патриарший престол располагался на севере Агвании, в Дербенте. Очевидно, это можно объяснить не только желанием отодвинуть религиозный центр страны подальше от владений могущественных иранских шахов. По всей видимости, долгое время основные центры Агвании находились в районе северного Азербайджана — южного Дагестана. Как уже отмечалось, северная граница Агванского царства долгое время находилась довольно далеко к северу от Дербента. Именно натиск кочевых народов не только отодвинул эту границу к югу, но и заставил перенести патриарший

престол в новую столицу Кавказской Албании — город Партав. Об этом говорит и автор "Истории агван": "После того страна наша подпала под власть хазаров; церкви и писания преданы были огню. Тогда во второй год Хосроя, царя царей, в начале армянского летоисчисления перенесли престол патриарший из города Чога (Дербента) в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста Господня" *("История агван" Мойсей Каганкатваци. СПб., 1861. С. 90).*

В 224 г. н.э. рухнуло Парфянское царство, на смену которому пришло Персидское царство династии Сасанидов. Основателем новой династии был Ардешир I (224 — 241 гг. н.э.). Сасанидские шахи разрушили старую парфянскую систему вассальных царств и на их месте начали создавать провинции — марзбанства. Полновластным владыкой страны был верховный правитель — шахиншах. Первоначально во главе вновь создаваемых провинций страны стояли шахрдары, обладавшие значительной самостоятельностью и имевшие собственные вооруженные отряды. С V в. н.э. провинциями управляли наместники марзбаны, власть которых распространялась на гражданские и военные дела вверенных им провинций. Четыре наиболее влиятельных марзбана Сасанидского Ирана имели титул шаха.

После длительных войн бльшая часть Закавказья, включая Агванское царство, попала под власть сасанидских шахов. Иранское господство в Кавказской Албании длилось более трехсот лет. Как и соседняя Армения, области агван оказались в центре конфликта сначала между Римом и Парфией, а затем, Византией и Ираном. С 65 г. до н.э. Армения существует как фактически зависимое царство. Отдельные ее части объявляются вассальными территориями то Рима, а затем Византии, то Парфии — Ирана. В 390 г. н.э. между Ираном и Восточной Римской империей был заключен мирный договор, согласно которому восточные области Армении, Иберия и Кавказская Албания перешли под власть Ирана *(Мамедова Ф. К вопросу об албанском (кавказском) этносе // История Азербайджана по документам и публикациям. Баку, 1990. С. 46).* При этом степень зависимости местных царей от иранских шахов колеблется в разное время от полной независимости до полной зависимости. Но в целом вплоть до арабских завоеваний Кавказская Албания сохраняет свое территориальное и политическое единство. Вместе с тем, внешнеполитические условия (близость границ двух великих империй и постоянная угроза прорыва кочевых орд через кавказские проходы) и внутриполитическая ситуация не позволяли правителям Агвании проводить экспансионистскую политику.

Интерес Ирана к Кавказской Албании объяснялся не только наличием здесь больших богатств — зерна, скота, нефти, металлов, хлопка и т. д. Этот регион имел для Ирана стратегическое значение, так как примыкал к проходам через Кавказские горы, за которыми начинались владения беспокойных кочевых народов. Прорываясь через горные ущелья в Закавказье и далее к югу, кочевники производили страшное опустошение целых областей и борьба с ними требовала мобилизации вооруженных сил всего Ирана. Поэтому иранские шахиншахи стремились надежно укрепить кавказские проходы мощными фортификационными сооружениями с хорошо вооруженными и надежными гарнизонами. В защите кавказских проходов в равной степени была заинтересована и Византия. Эта заинтересованность выразилась в том, что византийские императоры в некоторых случаях брали на себя часть расходов, связанных с содержанием иранского гарнизона в Дарьяльском ущелье *(Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л., 1941. С. 67).*

В районе Дербента иранские шахи велели проложить вначале земляные валы. При Йездигерде II (438 — 457 гг. н.э.) здесь было начато строительство мощного оборонительного комплекса. В первой половине VI в. н.э. здесь воздвигаются стены из огромных каменных блоков. При строительстве крепостей такие блоки просверливались, через них пропускались толстые железные прутья, а сами отверстия заливались свинцом *(История Азербайджана. Т. 1. Баку 1958. С. 82).* В крепости постоянно располагался иранский гарнизон. Тем не менее дербентских укреплений было недостаточно, чтобы надежно закрыть границу для кочевых орд с Северного Кавказа. С этой целью был построен целый комплекс крепостей, рвов и каменных стен на севере Агвании.

Для закрепления своих позиций в Агвании иранские шахи помимо размещения гарнизонов прибегнули еще к одной мере — поселению колонистов. Так, здесь появились ираноязычные таты, которые до сих пор живут как в Азербайджане, так и в Дагестане. Кроме того, сасанидские шахи проводили набор всадников в Закавказье, которые затем отправлялись в далекие восточные и закаспийские гарнизоны. Большинство отправленных туда воинов обратно

уже не возвращались. Предпринимались также усилия по распространению в Кавказской Албании зороастризма. В страну были направлены 700 магов-жрецов и разрушены многие христианские церкви.

Налоги, вводимые иранскими шахами, были чрезвычайно тяжелы для местного населения. Наиболее тяжелой была поземельная подать хараг, размер которой составлял почти пятую часть всего урожая. Кроме того, существовал подушный налог — гезит. Все ремесленники и купцы платили еще один дополнительный налог — бадж. В довершение всего, население Агвании было обязано нести еще и трудовую повинность. При шахе Йездигерде II была проведена перепись населения, а налоги увеличены вдвое. По сообщениям армянских летописей "Это был настоящий грабеж: ...до такой степени сильный, что сами персы удивлялись и спрашивали: откуда могло прибывать столько сокровищ и как еще могла существовать столь изнуренная страна?" *(Егише. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971. С. 136).*

Тем не менее агванские цари не оставляли попыток укрепить свою власть и добиться независимость от одной из великих империй того времени — Ирана. На протяжении V в. н.э. в Агвании неоднократно происходили восстания. Кавказская Албания активно участвовала в восстании 450 г. н.э., охватившем также территории Армении и Иберии. Для подавления восстания Йездигерд II двинул крупные силы, в том числе боевых слонов. 2 июня 451 г. н.э. в битве на Аварайском поле объединенные силы Закавказских государств потерпели поражение и власть иранского шаха вновь была восстановлена.

Однако уже в 457 г. н.э. в Агвании начинается новое восстание. Мовсес Каганкатваци сообщает, что агванский царь Вача (II) успешно вел борьбу с шахом Перозом: "...он завалил проход Чога и перевел на ту сторону войска маскутские. Соединив с собой 11 горских царей, он войной пошел на народ арийский и нанес большой вред войскам царя, который дважды и трижды писал к нему умоляющие грамоты, и не мог убедить его". Чтобы выправить положение, иранский шах подкупил гуннов, "...растворил ворота Аланские, собрал сильное войско у гуннов и в продолжении одного года воевал с царем агванским. Хотя войска Вече уменьшились и рассеялись, но не могли покорить его. Их самих (персов) застигли сильные удары. Они были истребляемы то битвами, то страшными болезнями. Вследствие продолжительной войны большая часть страны нашей была разорена, но никто не отделился от нее" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 11 — 12).* Именно царю Вече (II) приписывается постройка города Партав, столицы Кавказской Албании.

После Вече (II) Агвания была превращена в одно из иранских наместничеств и оставалась таковым на протяжении 30 лет, "...потому что злобный и нечестивый царь персидский неистовствовал как бешеный пес, хотел уничтожить все царства мира..." *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 32).* Однако в 481 — 484 гг. н.э. происходит новое мощное восстание в Закавказье. В 487 г.н.э., воспользовавшись ослаблением Ирана, Вачаган (III) "благочестивый" восстановил царскую власть на всей территории Агвании. Добившись независимости, Вачаган (III) принял меры по возрождению экономики страны, подорванной длительными военными действиями на ее территории. Население многих городов и селений, спасаясь от персидских карательных отрядов, бежало в труднодоступные горы. Приняв меры по возвращению населения, агванский царь одновременно возвратил собственность тем местным феодалам, которые лишились ее по приказам иранского шаха. Вместе с тем, начались преследования тех представителей знати, что были замечены в проиранских настроениях. В "Истории агван" отмечаются особые заслуги этого царя в распространении христианства и борьбе с язычниками и еретиками. Из страны были изгнаны жрецы и приверженцы зороастризма. Цель этих мероприятий также состояла в укреплении царской власти и ослаблении иранского влияния. В конце V в. н.э. Вачаган (III) созвал в селе Агуэн (возле нынешнего Агдама) церковный собор, на котором присутствовали церковные иерархи и наиболее крупные владетели страны. Решения собора имели большое значение для страны, поскольку увеличивали роль христианской церкви. Было запрещено проведение любых нехристианских обрядов и ритуалов. Кроме этого в ведение церковных иерархов передавались некоторые категории уголовных и гражданских дел.

Период восстановления агванской независимости характеризуется продолжающимся натиском кочевников и оседанием тюрко-язычных групп в Кавказской Албании. Наиболее крупными были нашествия кочевников 395 — 396 гг. н.э. Опустошительные набеги происходили во время правления шаха Бахрама Гура (420 — 438 гг. н.э.), а после поражения от

гуннов шаха Йездигерда II в 454 — 455 гг. н.э. эти набеги приняли регулярный характер.

Вторжения кочевников в немалой степени провоцировались политикой Ирана и Византии, зачастую привлекавших кочевников за плату к нападениям на непокорные им области. При этом одно и то же племя кочевников могло попеременно служить как византийскому императору, так и сасанидскому шаху. В годы правления иранского шаха Хосроя II Парвиза (590 — 628 гг. н.э.) ирано-византийские противоречия еще больше обострились. В 623 г. н.э. византийская армия вторглась в Закавказье и нанесла ряд поражений иранским войскам. Однако попытки греков закрепиться на этих территориях вызвали сопротивление местных правителей. В результате целого ряда военных неудач византийский император в 626 г. н.э. решил "вызвать различные варварские народы, и с ними изгнать гордого Хосроя, царя персидского. ...В конце 37 года царь севера отправил обещанное воинственное войско под предводительством племянника своего, которого в честь его княжеской власти называли Шад. Он сделал набеги на все пределы Агвании и части Атрпатакана, предал лезвию меча множество христиан и даже язычников. Но кто может знать и сосчитать число тех, которые были пленены" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 110 — 111).*

Прорвавшиеся большими массами в Закавказье кочевники тюрки, главным образом хазары, на целое столетие обосновались по обоим берегам Куры. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в стране уже имелся значительный тюркоязычный элемент. Так, примерно в 558 г. н.э. часть кочевников, подвергнувшихся нападению новой волны кочевых народов из Средней Азии, прорвались через Дербентский проход и проникли в глубь Агвании до самых границ Армении. Грабежи, сопровождавшие собой их появление, вынудили иранского шаха поселить 10 тысяч тюрков в Албании и соседних областях. Во время ирано-византийской войны 576 г. н.э. поселения тюрков — "хазар" фиксируются в левобережной Агвании, в области города Кабала. Известно, что тогда хазарское население Агвании совместно с агванами выступило против вторгнувшихся византийских войск *(История Азербайджана. Т.1. Баку., 1958. С. 95).*

Война начавшаяся в 623 г. н. э., и последовавшее вторжение хазар привели к страшному опустошению Агвании и массовому голоду в 627 — 628 гг. н.э. Мовсес Каганкатваци пишет об этом времени: "Нам следует упомянуть о бедствиях голода в то время, ибо пришли, закишели под ногами нашими крысы гложущие и съев всю траву, истребили весь плод полей наших. После того соединившись в одно, три свирепых полководца — голод, меч и смерть, помощник их, проходя вместе, терзали беспощадно и трупами валили людей на землю. ...Страшное время! Бедственны очи тех, которые видели эту великую бездну. ...Мы наступали на трупы умерших от голода, как на камни потока." *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С.129-130).*

В конце VI — начале VII в. н.э. в Агвании происходит возвышение области Гардыман — феодального владения князей Мехранидов. Основателем династии был родственник иранского шаха Михран, который оказался, по-видимому, замешан в убийстве шаха Ормизда. После восшествия на престол сына погибшего шаха — Хосроя II Михран, опасаясь расправы, бежал в Агванию, намереваясь отправиться еще дальше — к хазарам. Мовсес Каганкатваци пишет, что Михра сопровождала часть народа — около 30 000 семейств *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С.135).* Получив прощение от шаха, Михран остался все-таки в Агвании. В области Гардыман он обманом заманил к себе " 12 главных мужей, умертвил их и завладел страной". Его потомки расширили доставшиеся им владения. Вардан, внук Михрана, пошел по стопам деда: "Он ухитрялся в сердце своем против древнего рода гайканского — Ераншашка (потомки Арана или Ерана. Царская династия Аршакидов)... Он приглашает их на обед, и приготовив им хлеб гибели, дает им за обедом вкусить кровь их, ибо он снял головы 60-ти мужей. ...Так они (Михраниды) покорили Агванию" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 136).* Один из Михранидов — Вараз Григор принял христианство.

Второй сын Вараз Григора — Джеваншир (638 — 670 гг. н.э.) в "Истории агван" упоминается как выдающийся государственный деятель и полководец, при котором происходит новое возвышение Агванского царства. Однако на самом деле Джеваншир не смог прочно подчинить себе все области Агвании. На севере Кавказской Албании формируется самостоятельное феодальное владение, правители которого носят титул ширваншахов, в отличие от потомков Джеваншира, носивших титул араншахов.

В правление Джеваншира Сасанидский Иран был разгромлен армией арабов-мусульман, которая подступила к границам Агвании. В этих условиях Джеваншир попытался опереться на помощь Византии, обратившись к императору с просьбой о покровительстве. Одновременно ему удалось наладить дружественные отношения с хазарами Северо-Восточного Кавказа. Впрочем, все эти усилия оказались напрасными и остановить распространение ислама не удалось. Сам Джеваншир погиб в 670 г.н.э. в результате дворцового заговора.

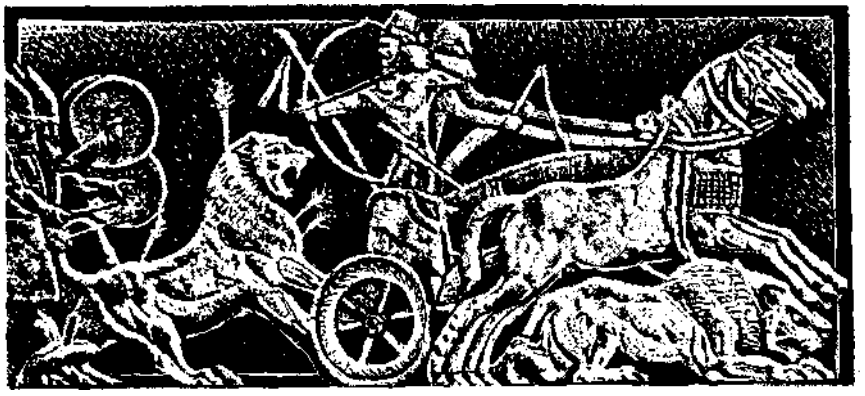
После утраты государственной независимости в VIII в. вплоть до XIV в. существуют агванские политико-территориальные единицы в Арцахе и Сюнике. В XII — XIII вв. создаются "Албанские хроники", "Судебник" Мхитара Гоша и "История Киракоса Гандзакеци". Тогда же предпринимается попытка воссоздать Агванское царство. Однако процесс ассимиляции агван окружающими народами (армянами, грузинами и предками азербайджанцев), начавшийся, возможно, еще в X в. принял необратимый характер. Начиная с XII в. агванская литература переходит на армянский язык. Агванское самосознание сохраняется еще и в XVIII в., когда албанский католикос Есаи Гасан Джалал создал "Краткую историю албан". В 1836 г. была формально упразднена самостоятельная Агванская церковь, которая к тому времени уже практически григоринизировалась *(Мамедова Ф. К вопросу об албанском (кавказском) этносе // История Азербайджана по документам и публикациям. Баку., 1990. С. 52).* Потомками агван считают себя удины, небольшой и сильно арменизированный народ, говорящий на языке близком, к агванскому.

Область удинов — Утик сыграла заметную роль в истории Агванского царства. Именно здесь располагались и первая и вторая столицы Агвании — Кабала и Партав. Вероятно, отсюда родом были авторы "Истории Албании".

Первой письменностью, которой пользовались агване была, вероятно, арамейско-понтийская письменность. О ее наличии говорят римские источники, освещавшие переписку агванского царя Оройса с Гнеем Помпеем. Гораздо позже, уже в IV в. н. э., возникает новая агванская письменность. История ее создания подробно описана армянским историком Корюном (V в. н. э.). В книге "Житие Маштоца" Корюн указывает, что после завершения работы по созданию армянского и грузинского алфавитов Месроп Маштоц приступил к созданию агванского алфавита. Изучив агванский язык, он "по доблестному своему обыкновению, дарованному свыше, создал письменные знаки и с христовой благодатью точно установил их порядок" *(цит. по: Абрамян А. Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван., 1964. С. 4).*

Создание нового агванского алфавита произошло примерно в 430 г.н.э. Некоторые подробности создания нового алфавита сообщает в своей "Истории агван" и Мовсес Каганкатваци: " ...прибыл ... блаженный Месроп, многотрудящийся сосуд Св. Духа, и патриарху нашему Иеремии и к царю Асуагену (Есуаген, Есваген, Арсуаген). Они охотно приняли учение его, по дарованной ему благодати Божией, потому что Дух Святой через него дал письмена армянам и иверцам. Они согласились дать ему избранных отроков на учение, и призвали из Сюнии переводчика Бениамина, которого отпустил Васак Манук, по просьбе епископа Анании. Когда они прибыли к Месропу, он создал с ними письмена для богатого гортанными звуками, грубого, варварского и необработанного языка гаргарского. Оставив здесь смотрителем ученика своего Ионафана, и назначив священников в доме царя, он возвратился в Армению" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 89).* В этой связи уместно вспомнить, что современные исследователи древних источников считают гаргаров одним из нахских племен. То, что литературный агванский язык назывался гаргарским языком (скорее всего, по названию области расселения этого диалекта), говорит о, присутствии нахского элемента в Закавказье.

Агванский алфавит насчитывал 52 (возможно, 54) буквы и изобиловал гортанными и шипящими звуками. Прообразом букв агванского алфавита послужили буквы армянского и грузинского алфавитов. Чтобы агванские буквы отличались от своих прототипов, применялось их перевернутое изображение, убавление или прибавление выступов и т. д. Тем не менее агванское письмо имеет много общего с армянским и грузинским, что вполне естественно и объяснимо, поскольку создавались они одним ученым. Агвано-армяно-грузинские параллели состоят в направлении письма (слева направо), наличии специальных знаков гласных, передаче гласного u сочетанием ow, а также в общей стилизации графем под греческое унциальное письмо *(Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // Вопросы языкознания. Вып. 3. М., 1967. С. 73 — 75).* Таким образом, агванское письмо представляет собой грецизированный вариант одного из несимитических ответвлений арамейской графической основы.

Глава V

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ПЕРИОД ОТ ПОЯВЛЕНИЯ ИСЛАМА ДО МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В период с VII до XIII века нахские племена оказались вовлеченными в орбиту политики соседних, более сильных государств. При этом нахи, входившие в состав Хазарии, Грузии и Алании, играли заметную, хотя и не главную, роль в политической жизни этих государств. Традиционное переплетение противоречивых интересов действовавших на Северо-Восточном Кавказе государств оказалось еще более осложнено и запутанно в середине VII в. появлением на политической арене исламского фактора. На протяжении VIII и первой половины IX вв. положение на Северо-Восточном Кавказе определялось напряженным арабо-хазарским противостоянием.

Интерес арабов и хазар к этому региону определялся не только его естественными богатствами (плодородными землями, пастбищами и т. д.), но и другими экономическими и геополитическими факторами. Здесь пролегал северный маршрут "Великого шелкового пути", к контролю над которым стремились арабы и который во что бы то ни стало хотели сохранить за собой хазары. Здесь же находились важные в стратегическом отношении кавказские проходы, открывавшие дорогу с севера в Закавказье и, наоборот, из Закавказья на север и в Восточную Европу. К тому же, внешняя политика первых халифов во многом определялась идеологическим фактором, требовавшим распространить ислам на все доступные страны.

Арабо-хазарское противостояние приобрело столь бескомпромиссный характер во многом еще благодаря и постоянному вмешательству Византии — главного противника распространения ислама на страны Восточной Европы. Византийские императоры систематически оказывали помощь хазарам, стремясь максимально ослабить Халифат и вернуть былую гегемонию на Ближнем Востоке.

Как уже указывалось в предыдущей главе, первые арабо-хазарские столкновения произошли в середине VII в. Предпринятая тогда арабами попытка пробиться в глубь Северо-Восточного Кавказа закончилась неудачей, но им удалось достаточно прочно закрепиться в Агвании и овладеть Дербентом. Обладание Дербентской крепостью позволяло в случае необходимости быстро достичь центров Хазарии, в том числе столицы государства. Опасная близость врага в конечном итоге послужила причиной переноса хазарской столицы из района современной Махачкалы на Терек, а затем и дальше на Волгу.

Дербент был захвачен арабским полководцем Хабибом ибн-Масламой, вероятно, в 70 году хиджры

(689 — 690 г.). Начало VIII в. ознаменовалось попыткой хазар отбросить арабов дальше от своих границ. В 710 г. хазары вторглись в Агванию *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л., 1979. С. 156)*. "История агван" сообщает об этом походе: "Выступил владетель Хазаров с 80 тыс. мужей и взял Агванию в 158 году (армянской эры)" *("История агван" Мойсея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 260)*. В том же году хазары вынуждены были вернуться на Северный Кавказ, однако их вторжение показало, что хазарская политика в этом регионе активизируется. В свою очередь, арабы предприняли меры по укреплению своих позиций в Закавказье. При этом политика халифов не ограничивается пассивной обороной. Предпринимаются систематические усилия по военному разгрому Хазарского каганата, для чего снаряжаются экспедиции на Северо-Восточный Кавказ. В частности, в 714 г. в Дагестан вторгся уже известный нам Хабиб ибн-Маслама. Известно, что назначенный правителем Армении Харися ибн-'Амру также "совершил поход в страну Лаксов (лезгин) и занял окрестности Хасмадана" *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 16)*.

В 721 — 722 гг. командование вооруженными силами Халифата в Закавказье перешло к ал-Джарраху ибн-Абдуллаху ал-Хаками, который поспешил перенести военные действия на территорию Северо-Восточного Кавказа: "...он (ал-Джаррах) переправился через Курр (Кура) и двинулся до реки Саммур, которую и перешел, и направился в сторону хазар, коих он перебил великое множество. Затем он сразился с жителями области Хамзина (Хамрина), но потом заключил с ними мир, обязав их переселиться в окрестности Хайзана, где он им отвел два селения. Затем он напал на жителей Гумика (Кумуха) и взял многих из них в плен, после чего повернул назад, остановился в Шакке (Нухе), ..." *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку. 1927. С. 16)*. Таким образом, ал-Джаррах дошел со своей армией по меньшей мере до территории лакцев, а по сведениям ат-Табари, ал-Якуби и ибн ал-Асири, — ему удалось даже захватить Баланджар — первую столицу хазар *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 157)*. Однако сразу же после его ухода хазары восстановили свою власть в Южном Дагестане.

В 107 г. хиджры (725 — 726 г.) правителем Армении и Азербайджана был назначен Маслама ибн-Абдулмалик, брат халифа Хишама. Арабские источники зачастую противоречат друг другу при описании событий этих лет, поэтому последовательность событий можно восстановить весьма приблизительно. Маслама "...отправил во главе своего авангарда Саида ибн-Амру ал-Хараши, который встретился с (частью) хазарской армии, при которой находилось десять тысяч мусульман; он вступил (с хазарами) в бой, обратил их в бегство, перебил большинство их и освободил от них пленных. Он это повторял несколько раз, убил сына хакана и завоевал множество городов, а голову сына хакана отправил к Хашиму..." *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 7)*. Сам Маслама также направился в хазарские пределы — ясно, что он дошел до Дербента, где правители ряда соседних областей поспешили объявить покорность: "С ним (Масламой) поспешили заключить мир цари гор; так, к нему явились: Ширваншах, Лираншах, Табарсараншах, Филаншах и Джаршаншах, а также владетель Маската *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 17)*. Ат-Табари по этому поводу сообщает, что Маслама обошел Дербент, где находился хазарский гарнизон и двинулся к городу Гузнаин (возможно, что это Хунзах), а затем дошел до Баланджара. Оба эти города оказались покинуты жителями. Далее арабы дошли до второй столицы хазар — Семендера, который также оказался покинут жителями. Близ города Варсан (Варачан) произошло сражение между арабами и хазарами, которое, по версии арабских историков, завершилось разгромом хазарского войска. После этого Маслама вернулся к Дербенту, который был захвачен при помощи соседнего с ним населения *(Ат-Табари. История пророков и царей. Ташкент, 1987. С. 84)*. Правда, армянские и византийские источники говорят об обратном, а именно — при приближении хазарской армии во главе с самим каганом Маслама поспешно покинул свой лагерь и отступил к Дербенту *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1927. С. 159)*. Об этом же сообщает и ибн ал-Асир: "...(Маслама) приказал своим войскам развести огонь, а потом бросив палатки и обоз, пустился обратно в путь со своими войсками без всего. При этом Маслама послал вперед слабых, а храбрых оставил позади. И прошли они множество "станций" делая по две станции вместо одной, пока не дошли, еле живые, до Баб ал-абваба" *(цит. по:: Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв). Махачкала, 1969. С.98)*.

Как бы то ни было, ясно, что Дербент действительно был в очередной раз взят арабами. Баладзори,

описывая осаду Дербента войском Масламы, сообщает, что использование метательных машин не принесло успеха арабам: "...тогда Маслама направился к источнику, из которого Ануширван провел воду в их колодец, заколол (много) коров и мелкого скота и бросил туда содержимое их кишек и навоз. Не прошло одной ночи, как вода в городе испортилась, стала вонять, и в ней появились черви. С наступлением ночи они (жители), бросив крепость, убежали. После этого Маслама ибн-Адбулмалик переселил в город ал-Баб-у-ал-абуаб (Дербент) двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии, обязавшись выдавать им усиленное жалование" *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 17).*

По версии Якуби, столкновение Масламы ибн-Абдумалика с хазарми произошло в 727 — 728 г. В том же году, по сообщениям Якуби, Маслама установил контроль над Аланскими воротами — Дарьяльским ущельем.

Несмотря на достигнутые успехи, арабам не удалось сокрушить мощь Хазарии. Хазары взяли реванш в 730 — 731 г., когда через горные проходы их войско прошло в Азербайджан. Против них выступили арабские отряды под командованием ал-Джарраха ибн-Абдуллаха ал-Хаками, нанесшего поражение хазарам в 723 — 724 г. Однако на этот раз успех сопутствовал хазарам — арабская армия потерпела сокрушительное поражение, а сам ал-Джаррах был убит. Его гарем и тело попали в руки хазар *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV — X вв. Л., 1979. С. 157).* Правда, Якуби сообщает об этом сражении прямо противоположное: "В 112 г. (хиджры) турки вторглись в землю Ардебиля, но на них напал ал-Джаррах ибн-Абдуллах ал-Хаками и, встретившись с царем турок, убил его" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 7).*

В 30-х годах VIII в. военные действия между арабами и хазарами вновь активизировались. Новый правитель Армении и Азербайджана Мерван ибн-Мухаммад начиная с 732 — 733 г. совершил по крайней мере шесть походов против хазар. Во время первого похода Мерван собрал огромную армию и напал на Хазарию одновременно с двух сторон. Часть его армии двинулась из Дербента на север через приморскую территорию Дагестана, а основные силы прошли "через долину Баб-Аллан" (Дарьяльское ущелье. Можно предположить, что арабам удалось достичь какого-то соглашения с аланами и горными племенами, контролировавшими этот проход). Обе части арабской армии встретились у Семендера, оставленного хазарами, которые поспешно отступили на север. Бросившийся в погоню Мерван настиг противника у реки "Сиклаб" (локализовать не удается), где хазары потерпели поражение *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л., 1979. С. 160).* Однако Баладзори пишет об этих событиях несколько по-другому. По его версии, арабское войско действительно выступило в поход двумя частями через Дербентский проход и "со стороны Аланских ворот". Очутившись на хазарской территории, Мерван прежде всего столкнулся с находившимися здесь славянами: "Мерван набросился на находившихся (тогда) в земле хазар славян и взял в плен двадцать тысяч семейств, которые поселил в Хахите. Позднее (эти славяне), убив своего вождя, убежали, но Мерван настиг их и перебил". Однако до решительного сражения с хазарским войском, по версии Баладзори, на этот раз не дошло: "Передают, что когда хазарский великий (хакан) узнал о числе людей, с которыми Мерван вторгся в его страну и об их вооружении и боевых силах, сердце его дрогнуло и наполнилось страхом; поэтому, как только (Мерван), очутившись близко от него, послал к нему посла с предложением выбрать между исламом и войной, он ответил: "Я принимаю ислам, пришли мне человека, который бы наставлял меня в нем". (Мерван) так и сделал, и (хакан) принял ислам и подружился с Мерваном, который оставил за ним власть в его области. Затем Мерван вместе с хаканом и множеством хазар отправился дальше и поселил их (хазар) между Самуром и Шабираном, на равнине, в области лакзов" *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 18).*

Версия Баладзори кажется сомнительной в той ее части, где говорится о принятии ислама хазарским каганом. Последние, как известно, до самой гибели Хазарии продолжали исповедовать иудаизм. Правда, среди подданных кагана было немало мусульман. В частности, ислам исповедовала отборная часть хазарской армии — так называемые "ал-ларисийа", которых другой арабский историк и географ ал-Масуди считал переселенцами из окрестностей Хорезма *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 193 — 194).* Однако нельзя исключить, что принятие ислама частью населения Хазарии началось еще во время первых походов арабских отрядов, и это нашло отражение в сообщении Баладзори. Возможно также, что Мерван переселил в Южный Дагестан какую-то часть хазар, принявших ис-

лам во время его похода. Известно, например, о существовании в Дербенте той поры Хазарского квартала.

Успешный поход Мервана ибн-Мухаммада позволил арабам сосредоточить силы на покорении предгорий Северо-Восточного Кавказа, прежде всего района, прилегающего к Дербентскому проходу. Уже на следующий год, после успешного похода в глубь Хазарии, Мерван начал военные действия против царства Серир (современная Авария). Здесь арабы столкнулись с упорным сопротивлением, в частности, одну из серирских крепостей пришлось осаждать в течение целого года. Помимо Серира были захвачены также области Туман, Зарикаран, Хамзин и Синдан. Локализовать эти области довольно сложно за исключением Зарикарана — Кубачи и Синдана — Семендера. (Очевидно имеется в виду Семендер-1, располагавшийся в районе современной Махачкалы.)

Одной из задач, которые ставил перед собой Мерван во время походов на прилегающие к Дербенту области — обеспечить поставки в крепость продовольствия. Баладзори прямо указывает на это: "...Мерван вступил в землю (владетеля) Престола (Серир)... и заставил владетеля Престола подчиниться ему и признать над собой его власть. По заключенному между ними мирному договору, владетель Престола обязался поставлять (наместнику халифа) ежегодно тысячу пятьсот юношей и пятьсот девиц — черноволосых, чернобровых и с длинными ресницами, и привозить в зернохранилище Баба (Дербента) сто тысяч мер зерна, (в обеспечение чего) он взял от него заложников. Был также заключен Мерваном мирный договор с жителями Тумана, по которому они обязались доставлять ежегодно сто пятьдесят девиц и пятьдесят юношей... и двадцать тысяч мер в зернохранилище. Далее, Мерван вступил в землю Зарикиран (Зарикаран), владетель которой заключил с ним мирный договор, с обязательством доставлять ежегодно пятьдесят юношей и десять тысяч мер в зернохранилище. Затем (Мерван) вступил во владения Хамзина, но так как Хамзин отказался заключить с ним мир, то он силой занял их замок после месячной осады, сжег и разрушил (все что мог) и (заставил его) заключить с ним мирный договор, по которому тот обязался доставить единовременно пятьсот (юношей и девиц), и доставлять тридцать тысяч мер (зерна) ежегодно в зернохранилище Баба. Затем, он двинулся в Синдан (Масдар?) ...владетель его обязался представить ему в один прием ...сто (юношей и девиц), и доставлять ежегодно в зернохранилище Баба пять тысяч мер (зерна).

На подданных Табарсараншаха он (Мерван) наложил десять тысяч мер, которые они обязались ежегодно доставлять в зернохранилище Баба, ... Мерван заключил с лакзами мир, по которому они обязались доставлять ежегодно двадцать тысяч мер в зернохранилища; ..." *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 18 — 19).*

Якуби также пишет о мероприятиях Мервана по обеспечению Дербента запасами зерна: "Собрав провизию в городе ал-Бабе, он остался там" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 7).*

Сообщения арабских источников определенно говорят о наличии в горных районах Северо-Восточного и Центрального Кавказа устойчивых государственно-политических образований. Население этих государств занимается преимущественно земледелием; они густо заселены и располагают достаточно хорошо укрепленными крепостями. Во главе горных государств стоят правители, часть из которых возводила свои родословные к эпохе Сасанидского Ирана. Большинство из них к моменту появления арабов находились в вассальной зависимости от Хазарского каганата. После походов Мервана ибн-Мухаммада эти царства на некоторое время попали в зависимость от Халифата. Однако уже при первом Аббасидском халифе Мансуре возобновляется натиск хазар на Закавказье. В 763 — 764 г. хазары вторглись в арабское наместничество Армения, куда входили Северный Азербайджан и Грузия. Якуби довольно подробно сообщает об этом: "И заволновались хазары в области Армении, и напали на Язида ибн-Усайда ас-Сулами (наместник халифа в Армении), о чем он донес (халифу) абу-Джафару, сообщая, что Рас-Тархан, царь хазар, наступает на него с большой армией и что его (Язида) наместник бежал. Тогда абу-Джафар отправил к нему Джабраила ибн-Яхью ал-Баджали с двадцатью тысячами (воинов) из жителей Сирии, Джазиры и Мосула, и они вступили в бой с хазарами, и было перебито много мусульман, а Джабраил и Язид ибн-Усайд обратились в бегство и прибыли в (крепость) Хирс (Хирш). Получив известие о том, что постигло (мусульманскую армию), и о победе хазар и их вторжении в мусульманские области, абу-Джафар велел выпустить семь тысяч из тюрем и собрать в разных областях много воинов, которых он отправил (против хазар), присоединив к ним рабочих и

строителей. И построил он города Камах и ал-Мухаммадию и Баб-Вак и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов. После этого (мусульмане) возобновили войну и вступили в бой с хазарским народом; благодаря вышеупомянутым городам мусульмане усилились и страна успокоилась" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 8 — 9).*

Как видно из этого отрывка война, с хазарами стоила Халифату большого напряжения сил, так что приходилось прибегать к чрезвычайным мерам, например, освобождать из тюрем заключенных и зачислять в армию рабочих и строителей. Пытаясь закрепиться в Закавказье и создать надежный заслон на пути продвижения хазар на юг, арабы начали интенсивное строительство крепостей и опорных пунктов и расселение арабских колонистов, переселявшихся из внутренних районов Халифата. Одновременно, были предприняты дипломатические меры — мирный договор с хазарами был закреплен женитьбой Язида ибн-Усайда на дочери кагана.

Интересно, что проблемы на Кавказе возникали у арабов не только в связи с вторжениями хазар. Якуби сообщает о серьезных волнениях среди санарийцев (санаров, цанаров. — В этой главе будут употребляться все три термина, как абсолютно тождественные). Санар — область, расположенная между Тифлисом и Аланскими воротами, была заселена в то время племенами нахского происхождения. "Позднее заволновались санарийцы в Армении; и абу-Джафар послал туда правителем ал-Хасана ибн-Кахтабу, который вступил с ними в бой, но ничего не мог поделать. Об этом, а также об их большом числе, он сообщил абу-Джафару, и тот отправил ему на помощь Амира ибн-Исмаила ал-Хариси с двадцатью тысячами (воинов). Встретившись с санарийцами, Амир вступил с ними в ожесточенный бой, который продолжался несколько дней, после чего Бог даровал мусульманам победу над ними и он (Амир) перебил в один день шестнадцать тысяч человек из них" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 9).*

Многочисленные злоупотребления и произвол со стороны наместников, о которых пишут сами арабские источники, и в последующие годы вызывали восстания не только неарабского населения, но и арабских колонистов и чиновников. Так, мощное восстание произошло вслед за провалившейся попыткой одного из наместников Армении ал-Фадла ибн-Яхья ибн-Халида ал-Бармаки вторгнуться на северо от Дербента: "По прибытии своем он направился в страну ал-Баб-у-ал-абваба, совершил нападение на крепость Хамзин, но его жители обратили его в бегство, и он бежал, не заботясь ни о чем, до тех пор, пока не добрался до Ирака... Прибыв в Ирак, ал-Фадл послал в Армению Абу ас-Сабаха заведующим сбором податей..." *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 10).* Вслед за бегством ал-Фадла начались волнения в Закавказье, в которых приняло участие и мусульманское население, в частности последователи секты хариджитов. Несмотря на усилия халифа ар-Рашида, направлявшего в страну новых наместников и все новые воинские контингенты, положение продолжало ухудшаться из года в год. Войска халифа потерпели ряд поражений, а если и удавалось замирить страну, то спустя короткое время волнения начинали вспыхивать снова. О причинах частых мятежей против центральной власти, Якуби сообщает обычно стандартной фразой: "...но он стал дурно обращаться с батриками и вызвал против себя неудовольствие жителей...". В другом случае: "По прибытии туда, Алий (новый наместник) начал дурно вести себя, так что против него поднялись жители Ширвана и страна пришла в волнение". Вскоре прибыл новый наместник — Хузайму ибн-Хазима ат-Тамими,"... который схватил батриков и детей царей, отрезал им головы и (вообще) обращался с ними самым скверным образом. Это вызвало возмущение в Джурждане и в Санарии. Он отправил против них армию, но они уничтожили ее..." *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 10 — 12).* Санарийцы, которых пришлось изгнать из их страны, чтобы добиться покорности, снова восстали при наместнике ал-Аббасе ибн-Зуфар ал-Хилали — "... он сразился с ними, но не мог их одолеть" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 12).* Вообще, противостояние нахов-санаритов с наместниками халифа отличалось большой продолжительностью и ожесточением. А. В. Гадло прямо пишет "В течение десятилетий арабы были не в состоянии привести к покорности санаритов, которые, очевидно, не без поддержки своих северокавказских соседей представляли постоянный источник тревог для арабских наместников на территории Джурзана (Грузии)" *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л., 1979. С. 163).*

Еще одно мощное восстание санаритов произошло в правление халифа ал-Мамуна (813 — 833 гг.). После того как они разбили правителя Армении, халиф вынужден был прислать нового правителя во

главе армии, в которую были включены заключенные из тюрем Ирака. "Тогда Халид (новый правитель) двинулся против них (санарийцев), упорно сражался с ними в Джурзане, обратил их в бегство и захватил их скот, а потом предложил им заключить мир, что и состоялось... Но не прошло много времени, как они снова восстали... с ними поднялись и кайситы (возможно, что кайситы это искаженное грузинское кисти — нахские племена по обе стороны Главного Кавказского хребта), и взбунтовались против Халида" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 15).*

Новое восстание санаритов произошло в 40-е годы, во время правления халифа ал-Васика (842 — 847 гг.). Движение санаритов совпало по времени с восстанием в районе Дербента: "... цари гор и Баб-ул-абваба захватили соседние области, и власть султана ослабела" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 19).* Санариты и в дальнейшем сохраняли свое независимое положение. При халифе ал-Мутаваккиле против них выступил правитель Буга старший, известный своими жестокими расправами над населением Закавказья. "Затем он двинулся против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 21).*

Положение центральных властей Халифата осложнялось еще и тем, что восстания в Закавказье сопровождались вторжениями хазар. Так, в 796 — 797 и 799 — 800 гг. хазары прорывались вглубь Закавказья. Причем вторжениям хазар способствовало то обстоятельство, что злоупотребления наместников вызвали восстание в Дербенте. После того как наместник халифа казнил правителя Дербента, во главе восставших горожан встал сын казненного — Хайюн ибн-Наджм, который убил представителя наместника в Дербенте "... и открыто выступил против власти. Он вступил в переговоры с хаканом, царем хазар, и тот пошел ему навстречу во главе большой армии, напал на мусульман, перебил и взял в плен великое множество их. И продвинулся до места на ал-Курре, захватывая в плен много мусульман, убивая несметное количество людей, в том числе женщин и детей, и придавая огню страну. Когда об этом узнал ар-Рашид (халиф), то отправил..., приказав ему схватить Саида ибн-Сальма (наместника в Армении) и выдать его народу; но когда он прибыл в страну, Саид предложил ему взятку и он согласился принять ее" *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 11).* Беспринципность чиновников Халифата имела своим следствием мощное движение, известное в истории как восстание Бабека.

Арабо-хазарское противостояние, длившееся в общей сложности около ста пятидесяти лет, отодвинуло на второй план роль кавказских народов в этой борьбе. Интересно в этом плане рассмотреть сведения арабских источников о территориях Северо-Восточного и Центрального Кавказа, которые им предстояло подчинить. Самые ранние из интересующих нас арабоязычных источников датируются IX веком. Это "Книга путей и царств" Убу-л-Касима "Убейдулла-ибн-Абдуллы-ибн-Хордадбэ", законченная, по мнению исследователей, не ранее 885 — 886 г. Его отец был правителем Табаристана и сумел завоевать области Лариз и Шарриз в стране Дейлем "... и присоединил их к территории ислама". Сам Абу-л-Касим ибн-Хордадби был начальником почтового ведомства в Северном Иране, что отразилось на его труде. Это скорее служебное руководство, содержащее зачастую плохо проверенные сведения разного времени. Надо отметить, что согласно этому сочинению в состав Армении были включены и достаточно удаленные от нее области, включая южный Дагестан. Ибн-Хордадби сообщает также, что система укреплений Баб-ул-абваба (Дербента) включает в себя 360 замков или укреплений в горных ущельях: "Это собственно выходы из ущелий, образуемых горами Кабк (Кавказ), защищенные укреплениями, из которых самые выдающиеся: Баб-Сул, Баб-ал-Лан, Баб-аш-Шабиран, Баб-Лазика, Баб-Барика, Баб-Самсахи, Баб-Сахиб-ас-Серир (владелец трона), Баб-Филан-шах, Баб-Карунан, Баб-Табарсаран-шах, Баб-Лиран-шах, Баб-Либан-шах и Баб-Анушарван. Город Семендер лежит за Бабом и вся страна за ним во власти Хазар" *(Ибн-Хордадбэ. Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903. С. 15).* Далее ибн-Хордадбэ уточняет: "За Бабом находятся царства Сувар, ал-Лакз, Аллан, Филан и Маскат, царство Сахиб-ас-Серира и город Семендер" *(Ибн-Хордадбэ. Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис 1903. С. 17).* Очевидно, что список царств, расположенных севернее Дербента, по версии ибн-Хордадбэ включает в себя и явные анахронизмы — царства Сувар (царство савиров) и Маскат.

Примерно в 912 г. была написана "Книга драгоценных камней" Абу-Али Ахмеда ибн-Омара ибн-Рустэ, содержащая относительно подробное описа-

ние стран и областей Кавказа. При этом на Северо-Восточном Кавказе, по ибн-Рустэ, находится гораздо меньше государственных образований, чем у ибн-Хордадбэ. Это прежде всего Хазария, прилегающая одной стороной к Кавказским горам. Однако из текста ибн-Рустэ видно, что собственно хазары живут гораздо севернее, а в непосредственной близости к Дербенту расположены два царства — Серир и Хайзан (Хайтан). При этом от границы царства Серир до территории хазар 12 дней пути по степям и 3 дня пути через горные районы. Царский город расположен на вершине горы и окружен каменной стеной. В. Ф. Минорский высказал предположение, что столицей Серира был современный Хунзах. Царю Серира подвластно население 20 тысяч долин, у него имеются также золотой и серебряный троны *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 219).*

На расстоянии двенадцати перегонов по горам и лесам от Серира находится город Хайдан (Хайдак), где правит царь по имени Адзар-Нарса, придерживающийся одновременно трех религий — иудаизма, христианства и ислама: Всем, кто посещает его, он объясняет, что [представители] каждой из этих религий зовут [людей] в свою веру и утверждают, что истина в ней и что всякая другая религия, кроме их собственной, несостоятельна, "поэтому я и придерживаюсь их всех, для того, чтобы достигнуть истины всех религий" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 220).* Скорее всего, столь необычное поведение правителя Хайдака можно объяснить его зависимостью от более сильных соседей, исповедовавших какую-то одну из монотеистических религий.

На расстоянии 10 фарсахов от этого города находится другой город — Рнхс (Рнджс), где имеется огромное дерево, служащее объектом поклонения языческого населения окрестностей. Царь Серира владеет также укрепленным замком ал-Ал (Алал)-ва-Гумик (ва-Адмик), где расположена царская сокровищница.

Серир и Хайзан по, ибн-Рустэ, — это два государственных образования, хотя и находящиеся в вассальной зависимости от Хазарии, но не входящие непосредственно в ее состав. Правители обоих государств, как указывалось, носят титул царей, причем в царство Серир входит и область Гумик (Кумух — территория лакцев). Хайзан, по мнению большинства исследователей, в частности В. Ф. Минорского и А. В. Гадло, — это Кайтаг. Население этих стран состоит из христиан и язычников *(Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л., 1979. С. 173).*

О царстве Алан ибн-Рустэ сообщает, что оно делится на четыре племени, что скорее всего отражает полинациональный состав этого государственного образования. "...почет и царство принадлежат у них племени, называемому Д.хсас (Рухс-Ас, Роксоланы?). Царь аланов называется Б.гайр (надо Батагар), каковое [имя] прилагается к каждому из их царей" *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 221).* Надо думать, что багатар — это титул аланских царей. Его наличие зафиксировано также в одной из грузинских летописей и одной надписи греческими буквами. Согласно сообщению, ибн-Асаму хазарского царя, обращенного в ислам Мерваном ибн-Мухаммадом, также звали Багатар.

Восточная граница владений алан проходит в 3 днях пути от царства Серир и 10 дневных переходах от Баб ал-Лана (Дарьяльского ущелья), т. е. она проходит в районе Терско-Сулакской низменности и владения алан полностью включают в себя предгорья Чечни.

Некоторые сведения о Северном Кавказе, относящиеся к периоду более раннему, чем начало X в., содержатся в сочинениях Абу Исхака ал-Истахри и ибн-Хаукаля. Оба автора за Дербентом знают только город Семендер, удаленный от первого на четыре дня пути. Отдельно указывается, что в Семендере живет много мусульман и имеются мечети, хотя правитель города и области, как родственник хазарского кагана, исповедовал иудаизм. Приводя далее довольно подробное описание страны собственно хазар, оба автора почти ничего не сообщают о горных областях и западной части Северного Кавказа.

Наиболее точное описание Северного Кавказа имеется в сочинениях Абу-л-Хасана Али ал-Масуди, относящихся к середине X века. Гора Кабх (Кавказ), как пишет Масуди, вмещает много царств и народов. На ней живут семьдесят два народа, каждый из которых имеет своего царя и язык, отличный от других. Масуди специально указывает, что правители Ширвана и Серира — мусульмане, ведущие свой род от Бахрама Гура "... и сомнений в его родословной нет" *(цит. по: Миниорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 191).*

Масуди подчеркивает, что оплотом царства Ширван является царство Лакз. Многочисленные лакзы (лезгины) живут в горах. Причем в стране лакзов живет немало язычников, не подчиняющихся ширваншаху. Масуди называет их "дуданийа" (дидуванийа, дидо).

Ближайшее к Дербенту царство, по Масуди, — это Табарсаран, правитель которого также мусульманин. Само население Дербента сильно страдает от набегов из царства Джидан (Хайдак), народ которого входит в состав земель хазарских царей *(Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 192)*. Правитель Хайдака — мусульманин, араб из племени Кахтан, но, как отмечает Масуди, в Хайдаке нет других мусульман, кроме царя и его семьи *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 202 — 203)*. Между Хайдаком и Дербентом живут арабские племена, переселившиеся сюда еще во время первых арабских походов против хазар.

Со стороны Серира Хайдак граничит с областью города К.р.дж (Карах), где правит некий Б.рзбан (Марзубан), также являющийся мусульманином. Далее находится уже известное по сообщениям других авторов владение Гумик (Кумух), где правит не царь, а особый начальник, а население в основном состоит из христиан. Дальше в горах расположено другое владение — Зарикаран (Зарих-Гаран, Кубачи). Здесь Масуди отмечает наличие сразу трех религий: ислама, христианства и иудаизма.

За Зарикараном начинается территория царства Серир, правитель которого зовется Филан-шах (Килан-шах) и исповедует христианство. Правитель Серира имеет титул "Владетеля трона", потому что последний сасанидский царь Йездигерд III, разгромленный арабами, отослал в Серир с одним из потомков Бахрам Гура часть своих сокровищ, включая золотой трон. Прибыв в Серир, этот человек захватил царскую власть и престолонаследие. Масуди указывает, что царь Серира владеет 12 тысячами селений и совершает нападения на хазар, над которыми одерживает победы *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 203 — 204)*.

Царь Серира поддерживает дружеские и родственные отношения с царем соседнего царства алан, поскольку каждый из них женился на сестре другого. Цари алан непродолжительное время были христианами, но затем вернулись в язычество. Столица Алании — город Магас, а на границе этого царства в горах Кавказа на реке Терек построен замок (Аланский замок) и мост. Замок был воздвигнут еще одним из персидских царей и населен гарнизоном, чтобы воспрепятствовать вторжениям алан в свои пределы. Когда Маслама ибн-Абдулмалик захватил Аланский замок, он поселил там арабов, которые как говорит Масуди "... до наших дней стерегут это место" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 205)*.

К западу от алан Масуди помещает народ кашак (косоги, черкесы), поселения которых простираются до Византийского (Черного) моря. Другие соседи алан — абхазцы. Далее у Масуди следует описание Грузии. Описывая различные области Грузии, Масуди пишет: "К царству Джурзан (Грузия) примыкает страна, называемая Самсхи (Самцхе, район Ахалциха на левом берегу Куры до ее поворота на восток), которая состоит из христиан и язычников и не имеет царя.

За ним, между пограничной областью Тифлис и уже упомянутой крепостью "Аланские ворота" лежит царство Санария (Ц'анар), царь которого называется корискус, что является обычным титулом здешних царей. Они христиане, но претендуют на происхождение от арабов, а именно от Низара ибн-Маадда ибн-Мудара, а затем от ветви семьи Укайл, поселившейся здесь с давних времен" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 210 — 211)*. В. Ф. Минорский указывает, что Ц'анар по-грузински означает "мужественные горцы" и считает их нахскими племенами. Правда, сообщение Масуди об арабском происхождении здешних правителей он считает не заслуживающим внимания.

Надо отметить, что этноним "санар" первым употребил Плиний Секунд в I в. н. э. По его сведениям, санары расселялись в районе Дарьяльского ущелья и далее к югу от него. "Армянская география VII в." указывает, что горные проходы Аланский и Целкан находятся в земле племени цанар (к) . Рядом с цанар (к) живут туши и двалы. Другое издание "Армянской географии VII в." называет местом расселения цанар(к)ов центральную часть Кавказского хребта, в районе Казбека и верховьев Терека. Общий размер территории цанар(к)ов примерно 945 кв. км. *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С.125 — 126)*. Тот же источник называет аланское название цанар(к)ов — целкан. Этноним целкан встречается и в грузинской

хронике "Об обращении Грузии", где целканы упомянуты вместе с пховельцами, мтиульцами и тчарталийцами, живущими по реке Чарталис-хеви, притоке Арагви.

Этноним "санар" встречается и в анонимной персидской рукописи X в. "Худуд ал-Алем". Страна санаров, протяженностью в 20 фарсахов, находится между Тифлисом и Шекки. Этот же этноним известен и на ограниченной территории Центрального Кавказа. Так, осетины называли мохевцев цона, а весь район от Дарьяла до селения Коби — Сона (Сена). При этом древнее осетинское название горы Казбек — Соена. У кабардинцев этноним соне употребляется как по отношению к сванам, так и шире — в отношении всего населения южнее Крестового перевала *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 126 — 127).*

Описывая Хазарию, Масуди называет, в частности, город Семендер, расположенный в восьми днях пути от Дербента (видимо, имеется в виду Семендер-2), в районе современной ст. Шелковской на Тереке. После похода Салмана ибн-Рабиа хазарская столица была перенесена в другой, более отдаленный город Атил (Итиль), расположенный на расстоянии семи дней пути от Семендера-2.

Описывая состав населения Хазарии, его обычаи и нравы, Масуди отмечает, что мусульмане составляют уже большинство населения, так как из них состоит царское войско (ал-ларисийа). Ал-ларисийа пришли в страну хазар вскоре после возникновения ислама из района Хорезма, где разразилась война, сопровождавшаяся эпидемией чумы. С тех пор ал-ларисийа являются главной опорой хазарских царей, служа им на определенных условиях: право открыто исповедовать свою религию, иметь мечети и призыв к молитве; за ними закрепляется должность царского визиря (главного министра); они имеют право не сражаться со своими единоверцами. Войско получало от царя постоянное жалование. Кроме мусульман и хазар-иудеев, в войске служили также язычники — русы и саклабы (славяне).

С учетом полиэтнического и многоконфессионального состава населения строилась и судебная система хазар. В столице каганата имелось семь судей: два для мусульман, два для христиан, два для хазар, исповедовавших иудаизм и один для разбора дел между язычниками.

Среди народов, населявших Хазарию, Масуди упоминает тюркское племя буртасов и русов, которые не подчиняются никакому царю и никакому закону. На западе хазарских владений, на берегу Майтаса (Меотис, Азовское море) находится город Бургар, населенный отдельным племенем тюрок. Правитель города принял ислам вскоре после прибытия посольства арабского халифа к волжским булгарам в 922 г. *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С.196 — 197).* Как и все прочие арабские источники, Масуди также говорит о своеобразии государственного устройства хазар, когда формальным владыкой страны считался каган, а реальная власть сосредотачивалась в руках царя. Но сам царь (малик) оказывался в зависимости от ал-ларисийа — воинов-мусульман. Последние не имели земельных наделов и оплачивались за счет доходов с подвластных хазарам территорий. При этом собственно хазары, которых Масуди локализует в районе столицы Итиля и застав возле Керченского пролива, составляли только часть населения страны. Таким образом, в государственном устройстве Хазарии и ее политической жизни все большую роль начинают играть наемники-мусульмане, что объективно, наряду с другими факторами, привело к фактической изоляции правящей верхушки от основной массы населения страны. Именно по этой причине военные неудачи привели к быстрому развалу хазарской державы.

В последней четверти X века, когда появились сочинения Шамс ад-Дина ал-Мукаддаси, Хазария уже не существует как единое государственное и политическое объединение.

Описания арабских историков и географов, в частности, интересны тем, что отмечают наличие мусульман среди горских народов Кавказа, а также то обстоятельство, что многие местные правители имели арабское происхождение. К этим двум обстоятельствам мы еще вернемся позже.

Однако чтобы получить более полное и верное представление об этнической и политической карте Северного Кавказа того времени, сведения арабоязычных авторов следует сопоставить с данными из других источников. Подробное описание Северного Кавказа, как указывалось в предыдущей главе, содержится в переписке кагана Иосифа с испанским евреем Хаздаи ибн-Шафрутом. По словам Иосифа, его владения в горных областях Кавказа простираются от моря "Гирканского" (Каспийского) до моря "Кустандины" (Черного). Первыми в числе своих данников каган называет народы, населяющие высокогор-

ные районы к востоку от алан. Ясно, что речь идет о территориях современных Ингушетии, Чечни и Дагестана. Правда, названия обитающих здесь народов, приведенные на древнееврейском языке, почти не поддаются идентификации с современными названиями. В списке горных стран — данников кагана Иосифа значатся: Азур, С-риди, Кутун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р, Кирарус-р, Циг-л-г и Зуних. С-риди большинство исследователей понимают как Серир — царство аварцев. Что касается других названий, то все предложенные до сих пор толкования кажутся не слишком убедительными.

После горцев Северо-Восточного Кавказа в списке данников упоминаются аланы, а за ними "... все живущие в стране Каса и все племена Киял, Т-к-т, Г-бул" *(цит. по: Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л., 1979. С. 189)*. Страна Каса, без всякого сомнения, — территория косогов, племен адыгской группы Северо-Западного Кавказа, а что касается племен киял, т-к-т и г-бул, то это, скорее всего, остатки оногуро-булгарских племенных объединений.

Надо полагать, что в период расцвета Хазарского государства народы Северного Кавказа действительно попали в зависимость от хазар. Но вряд ли эта зависимость была полной и длительной. На границах Хазарии стояли могущественные противники: арабы и Византия. Впоследствии список врагов Хазарии пополнился еще печенегами и русами. Начиная со второй половины VII в. арабы неоднократно прорывались на территорию Северного Кавказа, и, следовательно, государственные образования этого региона имели возможность лавировать между более сильными соседями и, играя на их противоречиях, отстаивать собственные интересы. Примером такой политики могут служить сведения из средневекового источника, известного как "Кембриджский аноним". Согласно этой летописи во время царствования хазарского царя Вениамина произошел конфликт хазаров с Византией, в который оказались втянутыми ряд государств и племенных объединений — Асии, тюрок, Пайнила и других. В этой ситуации помощь Хазарии оказал царь алан, который нанес поражение войскам антихазарской коалиции. Однако некоторое время спустя, во время правления кагана Аарона, Алания выступает уже против хазар. В этой войне уже хазарам пришлось прибегнуть к помощи тюрок.

О том значении, какое имели государственные образования Северного Кавказа для существования Хазарии свидетельствует трактат "Об управлении государством" Константина Багрянородного. Говоря об Алании, Константин Багрянородный указывает на значение этого царства для Хазарии. Правители алан могут при желании нарушить экономическую жизнь Хазарии и снабжение ее "средствами к жизни", поскольку к их границам примыкают девять областей Хазарии. Кроме того, аланы могут помешать перемещению хазар по территории Северного Кавказа по направлению к Крыму *(цит. по: Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л., 1979. С. 194)*.

В трактате Константина Багрянородного содержится также описание Северо-Западного Кавказа. Здесь упоминаются следующие государственные образования: Таматарху — город и прилегающая к нему область, протяженностью 20 миль. Дальше расположена область Зихия, протянувшаяся на 300 миль вдоль побережья Черного моря. В глубине материка за областью зихов находятся Папагия и Касахия, которая отделена от Алании горами. При этом Папагия является частью области зихов. Кроме ряда крупных селений в Зихии находится по крайней мере один крупный город — Никоспис.

Грузинские источники подтверждают существование на Северном Кавказе Хазарии, Алании и Зихии (Джикия). Но в восточной части Северного Кавказа грузинские источники выделяют также Дурдзукию (область нахов), Дидоетию и Лекетию (Дагестан). Данные грузинских источников совпадают со сведениями армянских источников. Например, Анания Ширакаци называет несколько горских племен, живущих к югу от алан и тесно связанных с ними. Это прежде всего двалы, влившиеся впоследствии в осетинскую народность (южные осетины), а также цанары (санары, санариты), занимавшие первоначально районы на север от Тбилиси до Казбека. Санары, как уже отмечалось, известны арабским источникам в основном благодаря упорному сопротивлению, оказанному ими арабским правителям Закавказья (VII — IX вв.). Через земли санаров пролегали пути к перевалам Центрального Кавказа, открывавшим пути на север. Впоследствии санары постепенно огрузинились и образовали грузинские этносы — пшавов, тушинов и хевсуров. К востоку от санаров, на территории современной Ингушетии и Чечни, Ширакаци упоминает нахчаматьянов. Интересно, что это этноним, без всякого сомнения относящийся в нахам, ранее локализовался армянскими источниками го-

раздо южнее на территории Закавказья — в районе Нахичивани.

Кроме санаритов в эпоху арабо-хазарских войн наиболее известны также дидойцы (дуданиты, дидои) и дурдзуки (дурцки). Арабы неоднократно пытались прорваться на север через территории, контролируемые этими народами. Страна дидойцев локализуется в верховьях Андийского Койсу. Что касается нахов-дурдзуков, то район их обитания включал бассейны рек Асса, Аргун и Армхи. Этноним дурдзуки в отношении населения верховьев этих рек употребляется до начала XVIII в., а его первое употребление относится к первой половине IX в. — ибн ал-Факих сообщает о том, что еще в VI в. Сасанидский шах Хосров Ануширван построил в области Дурзукие 12 ворот и каменных крепостей. Тот же термин встречается и в трудах Баладзори: "... и построил (Кесра Ануширван) в земле Аррана ворота Шаккан, Камриан и ворота дуданитов — народа, о котором думают, что он происходит от потомков Дудана, сына Асада, сына Хузаймы. Он (Ануширван) построил также ворота Дурдзукия, которые состоят из двенадцати ворот, их коих каждые — каменный замок" *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 5 — 6).* Якут в своем "Географическом словаре" (1227 г.) повторяет сведения о строительстве Хосровом Ануширваном 12 крепостей в стране Дурдзукия.

В грузинских летописях термин "дурдзуки" появляется с XI в. У Леонтия Мровели имеется описание совместного похода дурдзуков и дидойцев во главе с лезгинским царем. Джуаншер сообщает о строительстве персами ряда оборонительных сооружений в горах Центрального Кавказа: одного в Осетии, двух — в Двалети и еще одного — в Парчуане Дордзокетском. А. Н. Генко считал, что Парчуан Дордзокетский находился в Ассинском ущелье *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 136).* Еще одна грузинская хроника упоминает об отправке царицей Тамарой войск для подавления восстания горцев областей Дидоети, Пхоети и Дурдзукети. Из этой хроники следует, что область дурдзуков граничит с территорией расселения хевсуров и дидойцев. Грузинские летописи содержат упоминание и о том, что дурдзуки платили дань хазарскому кагану. Вместе с тем, из этих же источников следует, что дурдзуки вместе с аланами, дидойцами и леками (дагестанцами) принимали самое активное участие в событиях, происходивших на территории Грузии. Надо отметить, что ни у кого из исследователей не вызывает сомнения, что термин "дурдзуки" относится именно к нахским племенам.

Со временем содержание термина "Дурдзукети" в грузинских источниках изменилось. Во всяком случае Вахушти Багратиони пишет, что дурдзуки живут южнее кистов: "Выше Кистети находится Дзурдзукия с постройками, селениями и башнями" *(цит. по: Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 136 — 137).* Этноним "дурдзук" еще встречается в официальных грузинских документах первой половины XVIII в. — "зурзуки" упоминаются в них наряду с глигвами, кистами, дидойцами, хевсурами и другими горными народами. В последний раз указанный этноним в официальных грузинских документах зафиксирован в 1807 году, когда при оформлении купчей грамоты в качестве одного из шести свидетелей назван дурдзук Ниниа *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 137).*

Возвращаясь к армянским источникам, следует указать прежде всего на "Армянскую географию VII в.", в которой перечислены 53 народа, обитавшие в это время на Кавказе: "1) хазары, 2) бужи (булхи), 3) фаслики (баренлы), 4) аншеги, 5) апхазы, 6) царственные сарматы, 7) иппофаги, 8) нахчаматаяны, 9) фтирофаги, 10) сюрикаты, 11) митрикацы, 12) амазани, 13) аланы, 14) хабуры (хабари), 15) кулеты, 16) скюмы, 17) аргветы, 18) марголы, 19) такоцы (такры), 20) огорозы, 21) дачаны, 22) пинчи, 23) двалы, 24) гунны, 25) боспуры (апули), 26) цанари (санары), 27) туши, 28) хуши, 29) кусты, 30) антропофаги, 31. цховаты, 32) гудомакарцы, 33) дунчики (дурц (к), 34) дидойцы, 35) леки, 36) катапастиани, 37) агушакани, 38) хунуши (хенуки), 39) шили (шиби), 40) тчигбы (тчиги), 41) хели, 42) каспи, 43) пухи, 44) ширваны, 45) херани (харани), 46) таваспары, 47) хечматаки, 48) имамахи, 49) басхи, 50) пусхи, 51) пиханаки, 52) баканы, 53) маскуты" *(Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р. Х. Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 35).* Названия трех народов в этом списе, а именно: иппофаги, фтирофаги и антропофаги, явно заимствованы из греческих источников.

Этноним "дурц(к)", сходный с этнонимом "дзурдзук", "Армянская география" помещает между гудамакарами и дидойцами. Правда, некоторые исследователи (Р. Л. Хорадзе, А. И. Робакидзе, К. Патканов) считают, что правильное звучание этого

этнонима все-таки дунчик и сопоставлять этот народ с дурдзуками нет никаких оснований.

Этимология слова "дурдзуки" не ясна. А. Н. Генко переводит его с осетинского — "каменная яма"; А. И. Шавхелишвили связывал его с названием речки Дурджи — левого притока Тушинской Алазани. Два топонима, которые можно сопоставить с этнонимом "дурдзуки", известны недалеко от чеченского высокогорного селения Итум-кале — это гора Дордзиякорт и селение Дорзихой *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 139)*. Н. С. Иваненков в начале двадцатого столетия также зафиксировал похожий этноним "дардыхоевцы" (дардыхой) в районе Итум-кали: "По другому рассказу, родоначальником Чантинцев (один из чеченских тейпов) был некто Итум Люнгиев, княжеского рода, выходец также из Грузии... Когда пришел Итум, то застал здесь коренных жителей, называвшихся "дардыхоевцами", родоначальник которых "Купина" пришел из Сирии. Затем чантинцы и дардыхоевцы смешались в одно общество" *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Владикавказ, 1910. С. 9)*.

"Армянская география VII в." называет также народ кусты (кушты, кистк), что близко к грузинскому "кисти". Как известно, термин кисти употреблялся в грузинских письменных источниках начиная с XVII в. для обозначения всех нахов. В пользу того, что термин кусты (кистк) употреблялся в "Армянской географии" по отношению именно к нахским племенам, говорит то, что народ кистк называется в одном ряду с цхаватами и гудамакарами, т. е. локализуется на территории расселения нахов.

В целом, "Армянская география VII в." содержит следующие этнонимы, которые можно соотнести с нахами: нахчаматяны, двалы, цанари (санары), кусты (кисти), цховаты, дунчики (дурцк).

Еще один из первых переводчиков "Армянской географии VII в." на русский язык — К. П. Патканов считал, что этноним "нахчаматяны" (нахчиматьяны) бесспорно представляет собой название чеченского племени *(Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р. Х. Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 38)*. Интересно, что сведения "Армянской географии VII в." во многом базировались на античных, греческих, источниках. При этом К. П. Паткалов нашел этноним "нахчаматяны" на том месте, где в греческом оригинале стоит этноним "схаматы" (яксаматы).

Этноним "нахчаматяны" (нахчиматьяны) состоит из трех частей: "нахчи" — самоназвание чеченцев; "мат" — по-чеченски означает "язык" и "-яны" — суффикс множественного числа армянского языка. Таким образом, дословно его можно перевести как — "говорящие на чеченском языке, говорящие на языке нахчи/нохчо". Интересно, что "Армянская география VII в." помещает нахчаматянов между ипофагами и фтирофагами, которые локализуются большинством исследователей на Северо-Западном Кавказе. В этой связи Я. Вагапов обращает внимание на целую группу сарматских этнонимов, содержащих составную часть "мат": савромат, сармат, яксамат, агамат, сюрмат и т. д. Все они объединены наличием нахского мат/мот, имевшего в древности значение не только "язык", но и "этнос, народ". По мнению Я. Вагапова, указанные сарматские этнонимы происходят из нахского языка и указывают, что нахский этнос тесными узами родства связан с сарматским миром *(Вагапов Я. С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 172)*. В любом случае, нам кажется вполне убедительным вывод о том, что нахские племена могли в сарматскую эпоху обитать не только в предгорьях, но и на равнине Предкавказья.

Леки, упомянутые в этом же списке, это скорее лакцы, чем лезгины. В этом плане интересно напомнить, что Н. С. Трубецкой считал легов (леков) предками не только современных лакцев, но и чеченцев *(Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 111, 256)*. Следует также обратить внимание на следующий порядок расположения народов: 26) цанари (санары), 27) туши, 28) хуши, 29) кусты, 30) антропофаги, 31) цховаты, 32) гудомакарцы, 33) дунчики (дурц (к), 34) дидойцы, 35) леки. Рядом с цанарами (санарами) поставлены туши — тушины, хуши — хевсуры, а далее идут кисты. В этом плане следует напомнить, что огрузинивание нахов тушин и хевсуров произошло на несколько веков позже, чем была написана "Армянская география". Кусты упоминаются еще раз, уже в грузинской летописи XIII в. и снова по соседству с тушинами. А. И. Шавхелишвили предложил заслуживающую внимания этимологию этого этнонима. "С северной стороны от горы Кори-Лам имеется горная котловина, в которой расположен один из древнейших вайнахских аулов — Кий. На юг, за хребтом горы Кори-Лам, лежит глубокая долина Малхиста, граничащая с потусторонней Хев-

суретией. От границы Хевсуретии до местечка Кий один день пути пешком. Недалеко от котловины Кий, к востоку от нее, находится ущелье Маиста.

Таким образом, мы на смежных территориях встречаем название двух населенных местностей с окончанием "ста". Жителей Кий чеченцы и ингуши называют "кэй" или "кий". Хевсур, направляющийся в аул Кий, говорит, что он идет в "Кийста", понимая под этим словом определенную местность "Кий" *(Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 40).*

Цховаты — это нахи-бацбийцы, до настоящего времени живущие в Ахметовском районе Грузии. Таким образом, в армянском источнике VII в. довольно точно указывается на соседнее расположение этих племен. Недоумение вызывает только появление в этом списке антропофагов (людоедов), поскольку надежно идентифицировать их не удается.

О наличии в горах Центрального Кавказа этнической общности, отличавшейся от окружающих народов свидетельствует и древнегрузинская летопись "Картлис цховреба". Согласно древнегрузинской традиции, общим предком всех кавказцев был Таргомос. Его потомки расселились по всем странам, но область: "...севернее Кавказа не была уделом Таргамоса, но и не жил человек севернее Кавказа. Поэтому вывел Таргамос из многих героев двух: Лекоса и Кавкасоса. И дал Лекосу страну от моря Дарубандского до реки Ломекской, на севере до Большой Хазарской реки, а Кавкасосу дал от Ломехи (р. Терек) реки вплоть до оконечности на западе" *(цит. по: Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 36).* От имени легендарного предка грузинская средневековая историография называет этнонимом "кавкасиани" племена Центрального Кавказа, отделяя их от живущих рядом картли, леков, овсос и других. В. Н. Гамрекели пишет по этому поводу: "... в силу господствующей в средневековой грузинской историографии этногенетической концепции, этноним "кавкасиани" будучи увязан с эпархом Кавкасос приобретает и некоторое этнологическое содержание. Согласно этой этногенстической концепции "кавкасиани" как потомки Кавкасоса, этнически должны были быть родственными другим собственно кавказским народам — группам племен: потомкам Эгроса — эгрисцам, Картлоса — картам, Бардоса — албанцам, Лекоса — дагестанцам и др., но одновременно в их среде образующими особую своеобразную группу племен" *(Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I — XV вв. н. э. Тбилиси, 1961. С. 22-23).* Таким образом, под этнонимом "кавкасиани" следует понимать прежде всего нахские племена.

Однако наряду с этнонимом "кавкасиани" грузинские летописи часто употребляют и этноним "дурдзуки". Н. В. Гамрекели находит этому следующее объяснение: "Дурдзук" — определенно и, при всех его упоминаниях, единообразно локализованный этноним, между Дидоет-Дагестаном на Востоке и ущельем Терека на западе.

"Кавкас(иан)ни" — не столь определенно и единообразно локализованный этноним; он локализуется иногда в верховьях ущелья Арагви, иногда в ущелье Терека, а иногда и западнее. Поэтому нельзя считать их синонимами. Учитывая всю совокупность свидетельств о "кавкас(иан)них" и "дурдзуках", правильнее представить их взаимоотношение как целого и части.

При этом "кавкас(иан)ни" является более широким понятием, а "дурдзуки" понятием самой значительной части целого "кавкас(иан)ни" *(Гамрекели В. Н. Двалы и Двалетия в I — XV вв. н. э. Тбилиси, 1961. С. 27).* К этому остается только добавить небольшую цитату из "Картлис цховреба": "А над детьми Кавкасоса был владыкой Дзурдзук, сын Терета" *(цит. по: Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 37).* Интересно, что на территории Мялхистинского общества известно древнее поселение под названием Теретего (по чеченски — Тертте). В слове Тертте — окончание -те переводится как "к", указывающее направление к чему-либо или к кому-либо. В этом поселении было записано предание о том, что основателем его был некий Терт *(Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 42).* Не исключено, что указанный Терт выведен в "Картлис цховреба" над именем Терета.

Высокогорное чеченское общество Мялхи впервые упоминается в грузинских источниках XIII в., хотя его возникновение, конечно же, следует отнести к более раннему периоду. Название его, видимо, связано с культом Солнца. Название долины Мялхийста означает "страна Солнца, край Солнца", а название общества — "дети Солнца". Название древних нахских могильников также связано с культом Солнца — маьлх-каш ("солнечная могила"). Здесь же распо-

лагается один из крупнейших на Кавказе некрополей — Цай-Пхьеда ("поселение божества"). Сорок два склепа, расположенные на скалистом мысе, омываемом реками Меши-хи и Чанты-Аргун, образуют целый поселок, в центре которого находится боевая башня, носящая название "Кошан-Блов" ("Могильная, кладбищенская, башня"). Таким образом, Солнце, по языческим представлениям нахов, являлось покровителем не только живых, но и мертвых.

В уже многократно упоминаемой нами совместной работе В. Б. Виноградова и К. З. Чокаева указывается, что в осетинском нартском эпосе богатырь Сослан гибнет от колеса, посланного дочерью могущественного небожителя Бальсага. Имя Бальсаг (Мальсаг, Марсаг, Марсуг) нахское и означает "Человек-солнце". Поэтому логично предположить, что Бальсаг, противостоящий в осетинском эпосе героям-нартам, имел своим прототипом "детей Солнца" — Мялхи, эмблемой которых являлся древний солярный знак — колесо.

Если исходить из дошедших до наших дней преданий вайнахов, осетин, сведений из грузинских летописей, а также данных археологических исследований, можно прийти к выводу, что в средние века многочисленное общество мялхи играло заметную роль в жизни горных обществ Центрального Кавказа.

Еще один этноним, часто встречающийся в средневековой историографии Кавказа — хоны. Точно локализовать этот этноним пока не удалось, так же как нет однозначного ответа об их этнической принадлежности. Л. М. Меликсет-Бек и М. И. Артамонов считают их гуннами. К. В. Тревор, локализуя царство хонов между Самуром и Сулаком, считает их кавказским народом. Однако часть исследователей локализует хонов в горах западнее Дагестана, что естественно предполагает нахское происхождение хонов *(Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 130).*

Надо полагать, что именно упорное сопротивление горных племен было одной из причин, не позволивших арабам, неоднократно прорывавшимся в степи Предкавказья, основательно закрепиться здесь. Тем не менее арабы остались на Северном Кавказе в том смысле, что они оставили здесь ислам. Начало исламизации Северного Кавказа положил правитель Армении Маслама ибн-Абдулмалик. Захватив в 115 г. хиджры (733 — 734 г.) Дербент, он обратил в ислам большую часть его жителей. Согласно исторической хронике "Дербент наме", написанной в XVI в. известным ученым арабистом Мухаммадом-Абави Акташи — уроженцем селения Акташ-аух, по происхождению чеченцем-аккинцем, — вновь обращенные мусульмане Дербента были расселены в семи кварталах, в каждом из которых была построена мечеть. Интересно, что мечети и кварталы носили названия, указывавшие на национальную, территориальную или племенную принадлежность их обитателей: Хазарская, Палестинская, Дамасская, Хамасская, Кейсарская, Джазирская и Мосульская. Кроме того, Маслама ибн-Абдулмалик построил соборную мечеть (Джума мечеть), сохранившуюся до наших дней *(Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв). Махачкала. 1969. С. 87 — 88).*

Именно Дербент стал отправной точкой распространения ислама дальше на север и в глубь горных районов. Не случайно, что в Дербенте находится первое на Кавказе кладбище шахидов — мучеников за веру. Кроме того, одни из ворот Дербента носят название "Баб ал-Джихад" — "Ворота джихада". Эти же ворота имеют и тюркское название "Кыхляр капу". Это, а также то, что одна из первых мусульманских мечетей носила название Хазарской, говорит о том, что тюркоязычное население Дербента очень рано приняло ислам и в свою очередь способствовало его дальнейшему распространению.

Еще одним способом распространения ислама было поселение в завоеванных областях арабских колонистов. Названия первых мусульманских кварталов Дербента наглядно свидетельствуют о том, что здесь были поселены жители Палестины, Дамаска, Хумса, Кейсарии (Мадаин), Джазиры и Мосула. Как видим, шесть из семи мусульманских кварталов Дербента основаны арабскими переселенцами. У Баладзори можно найти косвенное свидетельство того, что уже при Масламе были предприняты попытки поселить арабских колонистов не только в Дербенте, но и к северу от него: "Передают, что Маслама заключил с жителями Хайзана мир и приказал разрушить городскую крепость; он взял себе там поместье, известное и до сего дня под названием "Хауз-Хайзана" *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 17).*

Впрочем, надо признать, что арабские халифы лишь продолжили политику, начатую еще шахами Сасанидского Ирана, которые активно переселяли в район Дербента население из внутренних областей своей державы с целью создать здесь надежный заслон на пути кочевников на юг. Об этом пишут сами арабские историки. Например, Баладзори сообщает:

"Когда, после Кобада, на престол сел его сын, Кесра Ануширван, сын Кобада, он построил ... город ал-Баб-у-ал-абуаб, который был назван Абуаб (воротами) потому, что он был построен вдоль дороги, на горе. В построенные им места (Ануширван) поселил народ, прозванный им сиясиджин, ... И построил он в области Джурзан город по имени Сугдебиль, в который он поселил согдийцев и персов, обратив его в сторожевой пост" *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 5 — 6).* Примерно то же пишет другой арабский автор Якут: "Хосрои (Сасаниды) прилагали большую заботу к этой пограничной местности (Дербент) и не ослабляли наблюдения за ее положением вследствие великой опасности с этой стороны и сильной боязни ее. В этом месте были расселены стражники из переселенцев разных областей и надежных по мнению их (хосроев) для охраны, и вся населенная местность, которой они завладели, была предоставлена в их исключительное пользование без всяких расходов для правительства, без хлопот об этом крае и без вмешательства в его дела; все это было сделано из сильного желания заселить этот край надежными людьми и тем самым защитить его от различных враждебных племен турок и кяфиров" *(Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 14 — 15).*

Колонизация земель вокруг Дербента продолжалась и при последующих арабских правителях Армении. При первых халифах Аббасидах правитель Язид ибн-Усайд ас-Сулами начал строительство нескольких опорных пунктов вокруг Дербента — Камах, ал-Мухамедийа, Бак-Вак и ряд других. В этих укреплениях были расселены арабские поселенцы *(Якуби. История. Баку, 1927. С. 9).* Затем были построены крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге и Бильгади. Здесь были расселены семь тысяч семей из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа *(Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв). Махачкала, 1969. С. 93).* Кроме того, Язид ибн-Усайд ас-Салами "...завоевал Баб-Аллан и разместил там гарнизоны из (солдат), записанных в Диване", — то есть получающих пенсию из государственной казны *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 20).* Абу Хамид ал-Гарнати ал-Андалуси, живший в XI — XII в., писал о 24 тысячах арабских семей, переселенных в Дагестан из Мосула, Дамаска и других городов. Очевидно, ал-Андалуси здесь повторяет сообщение Баладзори о том, что Маслама ибн-Абдулмалик переселил в Дербент 24 тысячи воинов из городов Сирии *(Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927. С.17).* Об арабских колонистах на Северном Кавказе пишет и Масуди: "Между Хайдаком и ал-Бабом живут мусульмане арабы, которые не горорят хорошо ни на каком языке, кроме арабского. Они живут в лесах, зарослях, долинах и вдоль больших рек, в селениях, в которых они поселились в то время, когда эти места были завоеваны теми, кто устремился сюда из арабских пустынь. Они живут на границе с царством Хайдак, но защищены от него зарослями и реками. От них до города ал-Баб около трех миль (один фарсах) и жители ал-Баба приходят им на помощь" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 203).*

Политика колонизации и миссионерская деятельность проповедников ислама принесли значительные плоды. Абу Исхак Ибрахим ибн-Мухаммад ал-Фариси ал-Истахри, писавший около 930 г., отмечал: "В Семендере множество мусульман и у них в этом городе мечети..." *(Ал-Истахри. Книга путей царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 47).* Другой арабский писатель — ибн ал-Азрак при посещении Дербента в 549 г. хиджры (1154 г.) встретил там потомков арабских переселенцев, живших вокруг Дербента уже около пятисот лет *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 223).*

В научной литературе сложилось мнение, что первая исламская волна затронула только Дагестан, прежде всего южную его часть. В частности, "Дербент наме" в части, посвященной миссионерской деятельности Масламы, указывает, что его деятельность затронула только территорию Дагестана. После Дербента Маслама "... пошел в страну Гази-Гумук и сражался с жителями его и нанес им поражение, убил главу их, а кто принял ислам — тех пощадил, кто нет — убил их и разделил имущество среди борцов за веру. Затем он построил мечети во всех областях и назначил правителя в области Гумук, а он Шахбал сын Абдаллаха сына Касима сына Аббаса, дяди пророка (да благословит его Аллах и да приветствует), — сына Абдаллаха ал-Курейша, ал-Хашими. Потом он вернулся в страну Кайтак и сражался с ними, убил правителя их, обложил хараджем тех из них, кто принял ислам и убил тех из них, кто не уверовал и разделил имущество их между борцами за веру. Затем он отправился в страну Табасаран и

началась между ними жаркая битва и потерпели они (табасаранцы) поражение. Он убил главу их, пощадил тех, кто принял веру и отобрал имущество (тех кто не уверовал и разделил его) между борцами за веру и назначил там правителя хана по имени Адил Майсум и назначил вместе с ним двух кадиев, чтобы (они) научили тому, что в религии славного и стал Шахбал правителем и вали над всем Дагестаном..." *(цит. по: Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв). Махачкала, 1969. С. 95 — 96).*

Раннее принятие ислама жителями южного Дагестана и более отдаленных районов Кавказа подтверждается арабским автором Абу Хамидом ал-Гарнати, посетившим Дербент в 1162 г.: "Они (жители Табасарана) мусульмане. Приняли они ислам при Масламе ибн-Абдулмалике, когда он был послан Хишамом ибн-Абдулмаликом, когда стал халифом. И захватил он (Маслама) Баб-ал-абваб, после чего приняли при его содействии ислам многие народы, среди которых также ал-Лакзан, ал-Филан, ал-Хайдак, аз-Зуклан, ал-Гумик, ал-Дархах и у них из таких народов — 70 народов, каждый из которых имеет язык (особый)" *(цит. по: Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв). Махачкала, 1969. С. 96).*

Конечно, Маслама при всем желании просто не мог успеть окончательно обратить в ислам многочисленные народы Северного Кавказа. Впрочем, об этом в косвенной форме говорят и арабские источники. Ал-Гарнати передает предание, связанное с уходом Масламы из Дагестана: "Когда вознамерился (Маслама) уйти, после того как он поселил в Дербенте 24 тысячи домов из арабов (выведенных) из Мосула, Дамаска, Химса, Тадмура, Халаба и прочих стран Сирии и Месопотамии, сказали ему табарсаланцы: "О эмир, мы боимся, когда ты удалишься от нас, что (снова) отпадут от религии эти народы и мы будем бедствовать, (находясь) в соседстве с ними". Маслама тогда отдал им свой меч со словами: "Мой меч (да будет) посреди вас. Оставьте его здесь. Пока он будет пребывать посреди вас, не отпадет от религии из этих народов ни один" *(цит. по: Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв). Махачкала, 1969. С. 97 — 98).*

Несмотря на то, что арабские источники подчеркивают обособленность жизни арабских поселенцев на Кавказе, все же происходило смешение населения. Как известно, дагестанская традиция указывает на арабское происхождение династий местных правителей. Так, уцмии Кайтагские вели свое происхождение от некоего араба Хамзата-курейшита, происходившего от одного из дядей пророка — Хишама; предок шамхалов происходил из рода другого дяди пророка — Хамзы. А. Р. Шихсаидов однозначно считает, что генеалогические древа правителей Дагестана составлены много позже эпохи арабских завоеваний с единственной целью — обосновать право на власть. При этом Шихсаидов А. Р. ссылается на арабские источники, которые, по его мнению, говорят о том, что все арабские полководцы, вторгавшиеся на территорию Дагестана, ограничивались заключением договоров с уже существовавшими местными правителями. Тем не менее в арабоязычных источниках можно найти и обратные свидетельства. Например, "Дербент наме" говорит, что Маслама назначил в Гумук правителя"... а он Шахбал сын Абдаллаха сына Касима сына Аббаса, дяди пророка (да благословит его Аллах и да приветствует), — сына Аблаллаха ал-Курейша ал-Хашими". Масуди указывает, что современный ему правитель Хайдака (Кайтага) "... заявляет, будто он араб из [племени] Кахтан". Тот же автор указывает, что цари нахов-санаритов хотя и исповедуют христианство"... но претендуют на происхождение от арабов, а именно от Низара ибн-Маада ибн-Мудара, а затем от ветви семьи Укайл, поселившейся здесь с давних времен. В этой стране они господствуют над многими [местными] народами... Санариты утверждают, что они отделились от низар (арабское племя из Йемена, часть которого переселилась на Кавказ в качестве колонистов) в давние времена и что они те, кого мы называли среди народов в стране Ма'риб (Йемен)" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 202, 211).* Особенно интересно свидетельство Масуди об арабском происхождении царей нахов-санаритов, поскольку те (в X в) исповедуют христианство, находятся во враждебных отношениях с арабскими правителями Закавказья и тем не менее помнят о своем арабском происхождении. Как уже указывалось, еще Язид ибн-Усайд ас-Салами поселил в крепости возле Аланских ворот арабских воинов для охраны этого стратегически важного горного прохода. Вполне возможно, что именно воины этого гарнизона впоследствии смешались с местным нахским населением, что нашло отражение в родословной царей санаритов. Кстати, вряд ли стоит буквально понимать слова Масуди о наличии у санаритов царей. Скорее этим термином

обозначались военные вожди отдельных племен и родов.

В этом плане уместно упомянуть, что чеченская традиция указывает на арабское происхождение многих родов-тейпов и отдельных фамилий. На это обстоятельство обратили внимание еще первые российские исследователи, занимавшиеся изучением общественных отношений у чеченцев. Так, Н. С. Иваненков приводит целый ряд чеченских преданий, свидетельствующих о арабском происхождении некоторых чеченских тейпов: "По сказаниям общества с. Нахчикелоя, основателем их селения и смежного с ними с. Чебахкероя, были два брата: Хусейн и Хасан. Происхождение их такое: у какого-то сирийского царя или князя был введен новый закон: кровной мести не допускать, но вместо этого — предавать казни убийцу. Первый, на котором должен был быть исполнен этот закон, был сын самого царя, — Нашо. Мать не позволила привести в исполнение приказ мужа казнить сына, ... И суд присудил выселить его. Нашо поселился в Нашхоте; у него было семь сыновей: 1) Чанто (Чіанти), в свою очередь поселившийся в сел. Чанты, 2) Хакко поселившийся в с. Шатой, 3) Келой — в Келое, 4) Макажой — в Макажое, 5) Гуни — в с. Гуни, 6) Алды — в с. Алды и 7) остался в Нашхое.

От Келоя произошли вышеупомянутые основатели селений Нахчикелой и Чебахкерой." *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Владикавказ, 1910. С. 10).* Из этого предания видно, что семь сыновей выходца из Сирии стали основателями семи чеченских селений и тейпов.

Жители селений, расположенных по реке Шаро-Аргун, по свидетельству того же Н. С. Иваненкова, также вели свое происхождение от двух братьев, выходцев из Сирии — Шаро-хана и Хакмадоя. Есть у него и другое, не менее интересное свидетельство: "Родоначальник с. Хитоя, на р. Шаро-Аргун, происходит от Абу-Муслелима-шейха (шейха Абу Муслима), первого распространителя ислама в Дагестане и Чечне. По записям, ведущимся по арабски пятидесяти двух летним Магоматом Алиевым, прямым потомком шейха, он пришел в Дагестан в 111 году Магометанского или в 693 г. христианского летоисчисления. Священный для магометан прах его покоится в Джаи, Аварского округа" *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Владикавказ, 1910. С. 10 — 11).*

Следует обратить внимание на ряд неточностей в приведенном предании. Во-первых, 111 год хиджры соответствует 729 — 730 г. христианского летосчисления, а не 693-й. И, во-вторых, в указанном предании произошло смешение имен и событий, что как указывает А. Р. Шихсаидов характерно и для отдельных средневековых дагестанских арабоязычных хроник. Деятельность шейха Абу-Муслима по распространению ислама в горах Северо-Восточного Кавказа (его могила действительно находится в селении Хунзах) — относится к X в. В VIII в. известен арабский полководец и политический деятель Абу Муслим, способствовавший приходу к власти династии Аббасидов, но он никогда не был на Кавказе, хотя имя его часто упоминается в арабских хрониках тех лет. Указанное в предании время (первая треть VIII в.) совпадает со временем деятельности Масламы ибн-Абдулмалика — первым начавшего распространять ислам на Восточном Кавказе.

Предания об арабском происхождении общего предка Н. С. Иваненков зафиксировал в селении Бугарой на реке Чанты-Аргун, входящего в общество Зумсой (Дзумсой): "Ведут они свой род от того же рода, из которого происходил Пророк Магомет. Первого пришельца сюда звали Шамиль-ханом; ...". Шамиль-хан и четыре его брата жили в Сирии, откуда они переселились ввиду притеснений со стороны какого-то правителя. Однако на Кавказ пришли всего два брата. "Один из них Шаухал-хан поселился на р. Терек — от него произошли Тарковцы, а другой — Шамиль-хан, пришел для поселения в ущелье р. Дзумсой" *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Владикавказ, 1910. С. 11 — 12).*

Сам Н. С. Иваненков исходя из того, что, по данным большинства его информаторов, после появления из Сирии их общего предка сменилось 9-10 поколений, делает вывод, что ислам начал внедряться в верховьях рек Чанты-Аргун и Шаро-Аргун примерно в XII — XIII веках *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Владикавказ, 1910. С. 15).* Совершенно очевидно, однако, что метод датировки, избранный им, весьма и весьма приблизительный.

Таким образом, можно сделать вывод, что первоначальное обращение в ислам значительной части населения Дагестана и нахов произошло уже в VIII в. — еще в эпоху первых арабских завоеваний. Одним из отголосков этого служат устойчивые предания тех же чеченцев об арабском происхождении своих предков. О том, что эти предания строились не на пустом месте свидетельствуют арабские хроники. Однако кратковременность первоначального пребывания

арабов на Северном Кавказе и общая сложность политической ситуации, характеризующейся длительным арабо-хазарским противостоянием, в которое оказались втянутыми и кавказские народы, частые волнения в Закавказье и общее ослабление арабского влияния привели к тому, что распространение ислама в горах задержалось и даже происходило возвращение горцев к языческим верованиям или принятие ими христианства. Так, Масуди указывает, что нахи-санариты, ведущие свое происхождение от арабов, в X в. исповедуют христианство.

Повторное распространение ислама в горном Дагестане и среди нахов начинается с X века и относится к деятельности упомянутого шейха Абу Муслима. С его деятельностью в Чечне связан ряд чеченских преданий. Согласно одному из них, шейх Абу Муслим внедрил ислам среди всех чеченских тейпов, за исключением тейпа варандой. Один из варандоевцев, недовольных деятельностью шейха, устроил засаду на пути Абу Муслима и ранил его стрелой. Почувствовав, что рана смертельна, шейх Абу Муслим велел своим последователям посадить себя на мула и отпустить за пределы чеченской территории, так как если бы он был похоронен среди чеченцев, его могила могла стать причиной раздора между принявшими ислам и оставшимися не обращенными чеченцами. Таким образом, раненый шейх в сопровождении своих последователей прибыл в Хунзах, где и скончался. Могила шейха Абу Муслима считается одной из святынь ислама на Кавказе и стала местом поклонения многочисленных паломников.

Последовавшее затем усиление близлежащих христианских государств, прежде всего Грузии, и их возросшее влияние на Северный Кавказ вновь привели к ослаблению ислама среди нахов и усилению роли христианства и язычества. Однако это не означает, что в горах Чечни совсем не осталось мусульман. Известно, что ислам прочно закрепился в южном Дагестане, в районах, прилегающих к Дербенту, откуда в горные области направлялись проповедники религии Пророка Мухаммада. И хотя длительное время им не удавалось обратить в ислам всех горцев, все же они не давали совсем угаснуть исламу в этих горах. Именно из Дербента начинается новая волна исламизации Северо-Восточного Кавказа, которая, постепенно набирая силу, завершится окончательной победой новой религии среди нахов в середине XIX в., когда примет ислам последнее высокогорное ингушское селение.

После гибели Хазарии доминирующая роль в ст пях Северо-Восточного Предкавказья на коротко время перешла к аланам, однако уже в середине XI ведущую роль здесь играют другие тюркоязычны кочевники — кипчаки (половцы). Тем не менее самого монгольского нашествия Алания играла з метную роль на Северном Кавказе, играя, выражая языком современных политологов, роль регионал ной державы. Территория расселения алан не совп дала с территорией этого государства, а тем более зоной его политического влияния. Впрочем, об этн ческом составе населения Алании мы поговори чуть позже, а что касается политических границ эт го государства, то они значительно изменялись протяжении его истории. Бесспорно только, что западе Алания граничила с территорией адыгски племен. При этом следует исходить из того, что пограничном районе находились поселения как ад гов, так и алан, не говоря уже о взаимном культурно проникновении. На востоке границы Алании прол гали в районе реки Аргун. Южные пределы проходи ли в основном по предгорьям, за исключением тер ритории Центрального Кавказа, где аланские поселе ния продвинулись вверх по ущельям вплоть д перевалов. Северная граница Алании проходила основном по Тереку.

Из арабских источников наиболее полное описа ние Алании имеется у Масуди: "Затем следует цар ство Алан (ал-Лан), царь которого называется К.рк.ндадж, что является общим именем для всех их царей, ... Столица Алана называется Магас, что озна чает "Муха". Помимо этого города царь владеет зам ками и местами отдохновения и [время от времени] переезжает туда на жительство" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков М., 1963. С. 204)*. Масуди указывает, что аланы при няли христианство во времена халифов Аббасидско династии, но после 932 г. вновь вернулись к языч ским верованиям, изгнав из своей страны епископ и священников, присланных византийским импер тором.

Особо отмечается, что аланы владеют укрепле ным замком в Дарьяльском ущелье, что позволяло к контролировать этот район, имевший стратегическ значение. "Аланский царь выступает [в походах] с тыс. всадников. Он могуществен, мужествен, оче силен и ведет твердую политику среди царей. Е царство состоит из непрерывного ряда поселени когда утром запоют [где-нибудь] петухи, ответ и

доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений. ...Аланы более мощны, чем кашаки (косоги, адыгские племена), которые не могли бы справляться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье. ...Причина их (кашаков) слабости по сравнению с аланами в том, что они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова (объединял их вместе). В таком случае ни аланы, ни какой-либо [другой] народ не мог бы выжить. ... Их название обозначает по персидски "гордость", "хвастовство", поскольку персы называют высокомерного гордого человека кашак" *(цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 205 - 206).* По данным Масуди, с юга аланы граничат с абхазцами, но аланский царь главенствует над ними, и восточнее находится царство Серир.

"Худуд ал-Алем" сообщает об области алан буквально следующее: "Эта область в ущельях и горах; богатое место; царь их — христианин. У них тысяча больших деревень; между жителями есть христиане и идолопоклонники, горцы и степняки. Касек — город в стране алан, расположенный на берегу Черного моря; место богатое; в нем есть купцы. (Масуди относит этот город к области косогов.) Хайлан — город, где находится войско царя. Ворота аланские — город, похожий на крепость, на вершине горы; каждый день 1000 человек по очереди охраняют стену этой крепости" *(Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. Л. 1930. С. 31).*

Персидский аноним X в. сообщает, что к востоку и югу от алан находится царство Серир, на западе их владения простираются до Черного моря, а с севера их территорию ограничивает Каспийское море и хазарские печенеги *(Кузнецов В. А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 12).* Очевидно, что сообщение персидского источника относится ко времени крушения Хазарского каганата, но еще до того, как кипчаки появились в степях к западу от Волги. "Худуд ал-Алем" приводит интересные подробности о стране Серир: "Это область с очень большими богатствами, горная и степная. Говорят, что в тех горах есть муха... Этот царь иногда много падали из убитого и околевшего скота и охотничьей добычи посылает в то место, чтобы там это сбрасывали, и они ели, потому что когда они проголодаются, они приходят и съедают людей и всяких животных, каких находят. Крепость царя — очень большая крепость на вершине горы; в этой крепости местопребывание царя. Говорят, что у него есть очень большой трон из красного золота. Хандан — город, где живут военноначальники этого царя. Ренджес и Маскат — два города, очень богатые" *(Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. Л., 1930. С. 31).*

Сообщения восточных авторов о стране алан подтверждаются сведениями византийских, грузинских и армянских источников. Позднее сведения об аланах и их стране появятся и в древнерусских летописях. Если суммировать данные из всех этих источников, можно прийти к выводу, что несмотря на то, что западная, северная и восточная границы Алании довольно часто передвигались и видоизменялись, все же центр этого государства прочно фиксируется в предгорьях Центрального Кавказа.

Ослабление Хазарии в конце IX в. привело к появлению в восточноевропейских степях нового кочевого народа — орды печенегов, которые перекочевали на запад под давлением гузов и кипчаков. Хазария, которая для Византии и Восточной Европы традиционно служила щитом против восточных кочевников, уже не справлялась с этой задачей. Более того, возрастало могущество Киевской Руси, что также беспокоило константинопольских императоров. В этой ситуации, политика Византии строилась на том, чтобы противопоставить печенегов Руси, используя кочевников как заслон в Причерноморских степях против грабительских походов киевских дружин на юг. В этой системе Алании отводилась та же роль, которую она играла в отношении Хазарии — роль противовеса, сковывающего активность печенегов на западном фланге империи. В свое время Константин Багрянородный писал, что в интересах империи — искать союза с аланами, так как в этом случае" ... Херсон и климаты (области) будут пользоваться долгим и глубоким миром, ибо хазары, боясь нападения алан, будут вынуждены соблюдать мир" *(Константин Багрянородный. Об управлении государством // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 91. С. 10 — 11).*

О роли Алании в международных отношениях X в. можно составить представление, если учесть, что аланский царь именовался "духовным сыном" Византийской империи и ему обычно посылались грамоты с золотой печатью достоинством в два солида. Аналогичных печатей удостаивались только правители Руси, Болгарии и Абхазии. В Византийском списке государств восточного Причерноморья Ала-

ния занимала третье место после Армении и Грузии, а вслед за ней шли Абхазия, Хазария и Русь.

Сближение Византии и Алании нашло отражение и в принятии христианства правящей верхушкой алан. Считается, что христианизация Алании произошла примерно в 901 — 907 гг., в период первого патриаршества Николая Мистика, патриарха Константинопольского. На христианское вероисповедание аланских царей указывают и восточные авторы. Все это, однако, не означало, что Алания полностью подпала под византийское влияние. В своей внешней политике аланские цари руководствовались прежде всего собственными интересами и не колеблясь выступали против единоверной Византии, если это диктовалось политической необходимостью. Выше мы уже приводили пример, когда в царствование кагана Вениамина (примерно в 913 г.) Византия составила коалицию "из асиев, турок и пайнил" для войны с Хазарией. В этой войне аланский царь выступил на стороне Хазарии. Возможно, что правителя Алании насторожило то, что в войне против Хазарии наряду с турками (гузами) и пайнилами (печенегами) приняли участие и асии — асы, западные аланы, считающиеся предками современных дигорцев. Вполне возможно, что царь Алании, претендующий на единоличную власть на всей территории страны, не мог потерпеть такого открытого проявления самостоятельности асов. Да и усиление гузов и печенегов вряд ли пошло бы на пользу его стране.

Естественно, что независимая политика аланских царей и их постепенное сближение с Византией приводили к столкновениям и с самой Хазарией. "Во дни царя Аарона воевал царь аланский против хазар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был (с ним дружен), и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему (царь большой почет) и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда (обязался) ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон (в свою землю)" *(Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 117)*. Очевидно, после этой неудачной войны аланский царь отрекся от христианства. Не исключено, что это было одно из требований кагана.

Можно, однако, предположить, что отречение царя Алании от христианства носило формальный характер, да и каган больше был заинтересован в высылке из страны греческих священников, в которых он справедливо видел "византийское лобби" при дворе своего соседа. Однако общее ослабление Хазарии, надо полагать, позволило аланским правителям забыть о неприятных для них условиях мира с каганом. Во всяком случае, армянские источники сообщают, что в правление царя Армении Абаса (928 — 957 гг.) произошло нападение абхазов и сарматов, вышедших из земли по ту сторону Кавказских гор. По сарматами армянские хронисты могли иметь в виду только алан, возможно западных алан — предков дигорцев. Поход против Армении, судя по всему, был инспирирован византийской дипломатией, потому что армянам было выставлено требование не освящать свои церкви по канонам армянской григорианской церкви.

О дальнейшем ослаблении каганата говорит и крупное вторжение в Закавказье, предпринятое совместными силами русов, алан и лезгов в 943 г. Это был далеко не первый крупный поход русов в Закавказье. Первое нападение произошло еще во времена правления ширваншаха Сайида Хасана ибн Зайда (864 — 884 гг.). При этом маршрут продвижения дружин русов в Закавказье всегда пролегал через земли хазар — каган, по свидетельству арабских источников, например Масуди, как правило, беспрепятственно пропускал их через свои владения при условии передачи ему определенной части захваченной в Закавказье добычи. Правда, не всегда полюбовное соглашение между русами и каганом соблюдалось. Тот же Масуди рассказывает, что возвращавшиеся из похода 913 г. русы были истреблены мусульманской гвардией кагана. Сам каган не смог предотвратить нападение на русов, но все же успел предупредить их об этом *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 199 — 200)*.

Особенность похода русов 943 г. в том, что теперь к ним примкнули аланы и лезгины. Русы снова приплыли на кораблях и, поднявшись вверх по Куре, захватили город Бардаа. Отряды алан и лезгин присоединились к ним, скорее всего, в районе Дербента. При этом надо иметь в виду, что указанные грабительские походы в Закавказье предпринимались не киевскими князьями, а отрядами так называемых бродников, отрядов степных пиратов, действовавших на свой страх и риск. В частности, в пользу этой гипотезы склоняется и В. Ф. Минорский *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 151)*.

В 965 г. произошел поход киевского князя Святослава против хазар, который затронул и территорию Северного Кавказа. После разгрома волжской столицы каганата — Итиля, войска киевлян направились в земли алан и косогов. Последние, вероятно, во время войны приняли сторону хазар, однако появление дружины Святослава на Кавказе было связано не только с необходимостью покарать союзников главного врага. Святослав видел основную цель своего похода в сокрушении могущества Хазарии, а для этого следовало подорвать основы экономического могущества этой степной державы. Святослав попытался даже оставить свою администрацию в крупнейших городах Хазарии. На большей части хазарской территории это не удалось, зато на Таманском полуострове и степях Подонья вокруг города Саркел было создано Тьмутараканское княжество *(Марченко В. Т. Хазары, монголы и Русь. М., 1993. С. 11 — 12).*

Как известно, большую часть своих доходов хазарские каганы получали со сбора торговых пошлин, а необходимые для жизни государства припасы, по словам Константина Багрянородного, получали по большей части с Кавказа, от алан и косогов. Очевидно, разоряя земли алан и косогов, Святослав сознательно стремился надолго, если не навсегда, подорвать основы экономического благосостояния Хазарии. О степени разорения некогда цветущих областей Хазарии свидетельствует арабский автор ибн-Хаукал, который в 969 г. посетил южное побережье Каспия. По его свидетельству, и через четыре года после похода Святослава многочисленные беженцы продолжали жить "на острове ал-Баб" и на полуострове Мангышлак, на восточном побережье Каспия. При помощи ширваншаха Мухаммада ибн-Ахмада ал-Азди эти беженцы только начинали возвращаться в бывшие хазарские города *(Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 151).*

Падение Хазарского каганата, в орбиту политического влияния которого продолжительное время входила и Алания, привело к значительному возрастанию политической роли аланских царей. Последнее обстоятельство не ускользнуло от внимания византийской дипломатии. Еще в период существования каганата Алании отводилась значительная роль в планах византийских императоров по созданию сложной системы противовесов в пестрой мозаике племен и государств Причерноморья. Стратегическая цель византийской дипломатии состояла в том, чтобы гарантировать собственные интересы в этом регионе, играя на противоречиях между существующими здесь государствами. Византийско-аланское сближение, по всей видимости, действительно имело место. По крайней мере в пользу этого говорит специальное решение Константинопольского Синода, в соответствии с которым монастырь св. Епифании в Керасунте обязывался взять на себя обслуживание аланского епископа и его свиты во время его следования в Константинополь. Аланы (гуаланы), наряду с датчанами и русами, были в числе союзников византийцев, когда в X в. ими были захвачены итальянские области Апулия и Калабрия. Кроме того, не исключено, что аланские отряды участвовали в походе войск императора Василия II Болгаробойца в Италию (1025 г.) *(Кузнецов В. А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 27).*

Другое направление политической активности алан — Закавказье. В первой трети XI в. аланский царь Урдуре через земли дзурдзуков и глигвов (территория нахов) прошел в Кахетию, которую его отряды успели изрядно опустошить, прежде чем кахетинцам удалось нанести аланам поражение и изгнать из своей страны.

В 1032 г. аланы, видимо, заключили какой-то союз с русами и серирцами для совместного предприятия в Закавказье. Хроника "Тарих Баб-ал-абваб" сообщает об этом: "Серирцы и аланы, заключив соглашение, совместно напали на Ширван и взяли силой Йазидийа. Там и в других местах Ширвана они убили свыше 10 тысяч человек и оставались в стране 10 дней, копая землю и извлекая деньги и имущество, которые жители там спрятали". Однако газии Дербента под предводительством эмира Мансура ибн-Маймуна заняли горные проходы и при возвращении алан и их союзников обратно, нанесли им поражение. Спастись удалось только небольшому отряду, в котором находился правитель алан *(Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 28).* "На следующий год русы, подкрепленные аланами, вернулись с целью мести в ал-Баб, но у Караха были отбиты раисом Хайсамом ибн — Маймуном *(Минор-ский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М., 1963. С. 154 — 155).*

Известно, что аланского царя с правителем Серира связывали давние союзнические отношения, которые, по свидетельству Масуди, закреплялись династическими браками. К тому же, по сведениям мусульманских источников, обе династии исповедовали христианство. Поэтому совместный

поход алан и серирцев в Закавказье с целью грабежа не вызывает удивления. В данном случае непонятно, какие именно русы присоединились к кавказским союзникам. Скорее всего, это были те же ватаги бродников, уже изрядно прославившиеся в Закавказье своими набегами, хотя нельзя исключить, что на этот раз к аланам присоединились дружинники из русского Тьмутараканского княжества.

Аланы по крайней мере еще два раза, в 1062 и 1065 гг., вторгались в Закавказье. После нападения 1062 г. предместья Гянджи были обнесены оборонительными стенами. Возможно, что эти нападения алан на территорию Азербайджана были инспирированы грузинами. Грузинские летописи сообщают, что грузинский царь Баграт IV пригласил аланского царя Дургулеля с 48-тысячным войском для нападения на Гянджу. Возвращаясь из этого похода, аланы получили приглашение от Баграта IV в Кутаис, где для них был устроен двенадцатидневный пир, а Дургулель, которого грузинские летописи называют "Великим", и его приближенные получили богатые дары.

Возможно, что именно при этом царе Алания достигла пика своего влияния. По крайней мере, если исходить из того факта, что Дургулель прибыл в Кутаис через территорию абхазов, про которых еще Масуди говорил, что они находятся в подчиненном положении по отношению к аланам, можно сделать вывод, что аланский правитель свободно передвигался на значительной территории Кавказа. При этом, что немаловажно, Дургулеля сопровождали "все князья" Алании *(Кузнецов В. А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 30).*

Вообще, аланы в хрониках того времени упоминаются, как правило, в связи с их участием в каких-либо военных действиях. Так, в объединенном походе византийцев и армян против Двинского эмира принимает участие отряд Константина Аланского, одного из византийских вассалов. Аланы состояли в войске византийского императора при сражении с сельджукским султаном Алп-Арсланом возле Манцикерта в 1071 г. В том же веке аланы приглашались византийцами для борьбы с восставшим франкским вассалом Урзелием.

В следующем веке аланские отряды воевали на стороне византийцев против западноевропейских крестоносцев, пытавшихся обосноваться в разных областях Восточной Римской империи. Впрочем, надо думать, что в большинстве случаев это были наемники, воевавшие за плату. Тем не менее Византийские императоры придавали большое значение сохранению союзнических отношений с Аланией, о чем говорит указ императора Алексея Комнина, присоединившего Сотириупольскую епархию в Абхазии к Аланской епархии.

В середине XI в. в восточноевропейских степях появилась новая волна кочевников — кипчаков, известных в русских летописях преимущественно под названием "половцы". Впервые русские летописи упоминают их в связи с событиями 1055 г. Вскоре обширные степи, от границ Древней Руси и Венгрии на западе и до хорезмийских владений на востоке, обрели новое название — Дешт-и-Кипчак.

Источники тех лет ничего не говорят о том, как складывались отношения между кипчаками и аланами и другими народами на Северном Кавказе. Надо думать, что в этом случае обошлось без больших войн и стороны довольно быстро разграничили свои территории. Граница кипчакских владений на Северном Кавказе, по мнению большинства исследователей, проходила по линии современных городов Армавир — Пятигорск — Калмыцкие степи. Впрочем, как свидетельствуют археологические данные, эта граница не была жестко установленной и кипчакское население зафиксировано в верховьях Прикубанья *(Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по истории Ставропольского края. Вып. 11. Ставрополь, 1964. С. 167 — 196).* Причина столь миролюбивого отношения кипчаков к народам Северного Кавказа, по всей вероятности, объясняется тем, что у них, как говорится "под боком", был гораздо более привлекательный объект для грабительских походов — страны Восточной Европы и прежде всего русские княжества. Набеги половцев на Русь значительно облегчались еще и тем, что погрязшие в междоусобицах князья, начиная с Олега Гориславича, зачастую сами приглашали половцев к участию в походах против своих соперников.

Зимние кочевья кипчаков находились в предкавказских степях, но именно сюда выгонялись зимой многочисленные стада из предгорий Кавказа. В этом случае все стороны оказались заинтересованы в сохранении мирных отношений, позволявших соблюдать экономические интересы каждой из сторон. Вероятно, кипчакские ханы, кочевья которых время от времени становились объектом нападений русских дружин (см. "Слово о полку Игореве") и которые

достаточно спокойно чувствовали себя лишь в степях Предкавказья, значительно удаленных от Руси, вовсе не горели желанием открывать здесь "второй фронт". Об устойчивом мире на Северном Кавказе говорит хотя бы факт появления на реке Сунже половецкого города Свиндж со смешанным населением.

Вообще, кипчаки почти не проявляли повышенной активности на южном направлении, если не считать тех случаев, когда их привлекали в качестве союзников правители кавказских государств. Так, грузинский царь Давид IV Строитель (1089 — 1125 гг.) в 1118 г. пригласил 40 тысяч кипчаков вместе с их семьями для борьбы с сельджуками. При этом, чтобы гарантировать безопасный проход половцев через земли алан, по предложению грузинского царя стороны обменялись заложниками *(Кузнецов В. А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 33)*. Здесь надо отметить, что укреплению позиций алан перед лицом потенциальной кипчакской угрозы во многом способствовало наличие тесных грузино-аланских связей. Эти связи постоянно обновлялись династическими браками. Так, грузинский царь Георгий III был женат на дочери аланского царя Худдана, а вторым мужем царицы Тамары стал аланский царевич Сослан.

Вероятно, уже со второй половины XI в. в Алании наступает период феодальной раздробленности, что прямо или косвенно фиксируется современниками. Аланский епископ Феодор в своем послании отмечал: "Отличия моих пасомых — убийства прежде всего и прочие виды смертей". А доминиканский монах Юлиан, побывавший в землях алан в 1236 году отмечал, что в Алании: "...столько селений, сколько и вождей и ни один из них не имеет отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села... человекоубийство у них не считается ни за что" *(цит. по: Кузнецов В. А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 34)*. Таким образом, к моменту появления монголов Алания, впрочем, так же, как и другие государства Закавказья и Восточной Европы, представляла собой территорию, раздираемую междоусобицами.

Как уже указывалось, этнический состав Аланского государства представлял собой пеструю картину племен. Так, сами ираноязычные аланы отчетливо разделялись на две ветви: западную и восточную. Западные аланы, часто упоминаемые в летописях как асы, аштигоры, обитали к западу от Пятигорья, считают их большинство исследователей предками западных осетин — дигорцев. Восточные аланы занимали территорию между районом Пятигорья и рекой Аргун в Чечне и считаются предками восточных осетин — иронцев.

Однако помимо ираноязычных алан значительную часть населения страны составляли горские племена, говорившие на языках иберо-кавказской языковой семьи. Именно культурным влиянием этих племен объясняется выделение археологами трех вариантов аланской культуры — западного, центрального и восточного. При этом данные археологии позволяют существенно уточнить границы расселения разных этносов в Аланском царстве.

Западная граница аланских владений включала район верховьев Кубани, где археологами как раз и локализуется западный вариант аланской культуры. При этом археологи сходятся во мнении, что наличие здесь наряду с катакомбными захоронениями многочисленных наземных гробниц, подземных и дольменообразных склепов является свидетельством пребывания автохтонного кавказского населения. Говоря об этнической принадлежности автохтонного населения верховьев Кубани следует напомнить о том, что в первом тысячелетии до н. э. на Северном Кавказе локализуются три мощные археологические культуры: каякенто-хорочоевская — на Северо-Восточном Кавказе, кобанская — в областях Центрального Кавказа и прикубанская — на Северо-Западном Кавказе. При этом прикубанская культура была создана предками адыгских народов. Археологи довольно точно определяют западную границу распространения прикубанской культуры — район Эльбруса, верховья реки Малка и район городов Кисловодска и Пятигорска. Таким образом, территория распространения западного варианта аланской культуры полностью приходится на территорию распространения прикубанской культуры.

В пользу наличия адыгского населения в верховьях Кубани в аланскую эпоху имеются убедительные свидетельства археологов. Древнейшая дольменная культура Северо-Западного Кавказа оставлена племенами, генетически связанными с более поздними синдо-меотскими племенами, которые, в свою очередь, послужили основой этногенеза адыгских племен. Средневековые дольменообразные склепы и более поздние наземные гробницы также принадлежат той же этнической среде. Что касается многочисленных находок, сделанных в верхнекубан-

ских памятниках и обнаруживающих явное сходство с подобными вещами из памятников более восточной зоны, они могут свидетельствовать не столько о принадлежности их к определенному этносу, в данном случае к аланам, сколько о развитых экономических связях между разными районами Кавказа. Одинаковые изделия, распространенные практически по всему Северному Кавказу, изготавливались в производственных центрах, работавших, что называется, на "внешний рынок". Наличие таких ремесленных центров фиксируется археологами в ряде городищ: Нижне-Архызском, Хумаринском, Верхнем Джулате и других *(Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 68).*

Появления ираноязычного элемента в верховьях Кубани связано с проникновением сюда сарматских племен еще задолго до появления на Северном Кавказе собственно алан. Археологические данные свидетельствуют, что нижнее и среднее Прикубанье некогда являлись зоной расселения ираноязычных кочевых племен. Первыми из них были скифы. Но наиболее активное проникновение в этот район ираноязычного кочевого элемента относится к периоду с III в. до н. э. до III в. н. э. — времени появления здесь сарматов. В верховьях Кубани известны десятки могильников и более 150 городищ со смешанной меото-сарматской культурой. Античные авторы, в частности Страбон, указывают, что непосредственными соседями меотов были сарматы — сираки. Длительное сосуществование меотов и сираков привело к сарматизации культуры смешанного населения верховьев Кубани. Много позже к имевшемуся здесь ираноязычному элементу добавились группы алан.

Знаменитая Зеленчукская надпись, датируемая X — XII в, неопровержимо свидетельствует о присутствии в верховьях Кубани того времени ираноязычного населения. Историко-лингвистические исследования показали, что Зеленчукская надпись и иранская топонимика верховьев Кубани ближе к дигорскому диалекту современного осетинского языка. По сравнению с иронским, дигорский диалект, по мнению исследователей, является более архаичным. В. И. Абаев объясняет это тем, что дигорский диалект берет начало из языка первой волны ираноязычных сарматов, осевших в горах Прикубанья. Условия жизни в труднодоступных ущельях также способствовали консервации их языка *(Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Л., 1949. С. 362).*

Таким образом, население района верхнего Пр кубанья, входившего в состав государства Алан, бы в этническом отношении неоднородным. В него вх дило, с одной стороны, адыгское население, а с др гой — ираноязычное, сиракского происхождени население, вероятно, с примесью алан. При этом р ученых (Н. В. Анфимов, В. А. Кузнецов, и ряд др гих) высказывают предположение, что адыгский эл мент в этом районе являлся преобладающим. Э нашло отражение не только в предметах материал ной культуры, но и, в частности, в языке ираноязы ных жителей района. Так, Г. Ф. Турчанинов выяв значительное адыгское влияние на иранскую ре автора Зеленчукской надписи *(Турчанинов Г. Ф. Е раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // Эт графика Востока. XII. 1958. С.51).*

Достаточно запутанным остается и вопрос об э ническом составе населения Центрального Кавказ входившего в состав Алании. Археологи и здесь вы являют два культурных слоя: первый связанный автохтонным кавказским населением, второй — ираноязычным населением. При этом не вызыва сомнения, что местная кавказская культура развива лась в рамках кобанской культуры. Что касается э нической принадлежности кавказского населения то, например, В. А. Кузнецов называет его дигор ским, понимая под этим термином объединение ав тохтонных кавказских племен, возможно, связанны близостью языка и антропологического типа *(Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 85).* Действительно, территория современной Кабардино-Балкарии, скорее всего, и это подтверждается косвенными свидетельствами некоторых средневековых письменных источников, входила в состав так называемой Западной Алании, ираноязычное население которой (так же как и ираноязычное население верховьев Кубани) вело свое происхождение от сарматского племени сираков. Однако при этом вопрос об этнической принадлежности автохтонного кавказского населения В. А. Кузнецовым оставляется открытым.

Между тем, ответ на этот вопрос лежит почти на поверхности. Если вспомнить, что носителями кобанской культуры в других районах могли быть только древние нахские (пронахские) племена, то можно вполне обоснованно предположить, что с глубокой древности нахские племена занимали горную и предгорную часть Центрального Кавказа. С появлением сарматов, а затем и алан, древние нахи были либо

вытеснены из некоторых районов обитания, либо имела место постепенная ассимиляция их ираноязычными пришельцами. Сказанное относится к районам, прилегающим к стратегически важным кавказским перевалам. В остальных горных районах Центрального Кавказа нахи могли просуществовать до периода монгольских завоеваний, когда значительная часть прежде кочевого тюркского населения оказалась вытесненной высоко в горы. Очевидно, тогда и произошло окончательное растворение нахов среди пришельцев.

В пользу высказанной гипотезы говорит тот факт, что изучение топонимики Кабардино-Балкарии и Осетии не оставляет сомнения в том, что некогда здесь были широко расселены нахские племена. Я. С. Вагапов приводит тому целый ряд примеров:

"Баксан, Басхан. Рева в Кабардино-Балкарии. Форма Басхан, вероятно, результат освоения носителями других языков нахского Басхи — "река Бас", ср. название реки Бас в Чечне. Бас — древняя форма нарицательного слова со значением "река" ...

Алтуд. Прежнее название реки Баксан и селения на р. Баксаненок (приток р. Баксан). Ал — основа нарицательного слова али, алуо, алие — река, лощина, ущелье; -т- и -д- — топоформанты. Букв. Алтун по-нахски означает "на реке".

Бапына — местность на берегу р. Чегем связывается с нахским баппа — "одуванчик"; -на- — топоформант.

Басхыч — "лестница" (каменные ступени на левом берегу р. Малки). Связывается с вайнахской формой "Бас-хичу" — букв. "в реку Бас".

Былдышки. Гора. Четко выделяется нахский топоформант -шка и "балда" — "губа", значение — "у устья, к устью" ...

Гымых, объяснено как осетино-балкарское в значении "место, покрытое скудной растительностью". Ср. чеч. гомха — "низкий, мелкий" (о растительности), "мелкий, не глубокий (о речке, местности в реке), образованное от "гам" — "сенная или соломенная мелочь" с адъективным суффиксом -ха.

Енгешли, Ингушли, Унгешли. Пастбища и речка. Ср. вайнахское Ангушта (Онгушта, ныне село Тарское в Северной Осетии). Анга, онга — фонетические варианты, форма Іанга, Іонга — букв. "где льется, где течет" или "в ущелье", суффикс -ли скорее всего приращен в балкарском языке.

Жарашты Къабакъ (Кхбакх). Форма Жарашты объяснена как фамилия. Вайнахское жІараш "кресты", -т- — топоформант. Комплекс -шт- — широко распространенный сложный топоформант нахских языков...

Зудур — пастбище и покосы между речками Сукун суу и Хызни суу. Зудур — усеченная форма вайнахского зудурий "женщины", отзвуком семантики которого является и балкарское Хызни суу — "женская, девичья река"...

Муш (мушт). Местность в районе Эльбруса. Муш (вайнах.) "карагач", -т- в мушт — топоформант.

Нальчик, Нашлык, Налшкэ. Соответствует вайнахской форме Налашка "К кабанам"....

Эльбрус — из нахского "Элибарз", где эли — "князь, господин", барз — "холм, вершина". ...

Акарийы рыбынтае — "Акари равнина". Акарийы — осетинская форма вайнахского акъарие — "плоское, открытое место".

Аларды (Алаурды. По разному объяснялось В. А. Алборовым, В. И. Абаевым.). Это нахское название состоит из двух частей: ал- "князь, господин" (чеч. эла, инг. аьла, бацб. але) и нахского эрда, эрта, ерда, арда — "святилище" и означает "господское, княжеское святилище". Ср. Гал-Ерда, Итаз-Ерда, Ткъба-Ерда и др.

Атагъа (атагІа). Ряд местностей в Северной Осетии. АтагІа — вайнахское слово "долина".

Архчи — река в Северной Осетии. Название освоено из нахского Іаьржа хи — "черная река".

Бердек. Горы с покосными участками в окрестностях с. Тменикау. В этом названии выделяется вайнахское "берд" — "берег, обрыв, круча".

Базана. Вайнахское слово база — "ель", ... а -на — топоформант.

Буцала адаег. (Буцала овраг). Буцала — от вайнахского буц — "трава", буцала — травянистый.

Баертуй ком. Ущелье. Бартуй — вайнахская форма "волчье", ком — осетинское "ущелье".

Гагабарз. Гага — личное имя, барз (вайнах.) — "куча, холм, вершина". ...

Джантае. Вайнах. "к отаре".

Дзаргьи цад. — "свиноматки озеро". Вайнах. джаргІа — "свиноматка". ...

Жалму. Участок леса. Чеч. "жІолма" — "валежник".

Ламардон. Во второй части осет. дон — "вода, река", ломар — соответствует чеч. ломара — "горный".

Хъаска. Луг и пастдище. Соответствует вайнахскому кхашка, букв. "к пашням" или "к свиньям", ср. бацб. кха — "свинья".

Цаенстае. Луг. Соответствует вайнах. цанашта — "на луга".

Цъаей. Название селения с расположенными рядом старинными языческими захоронениями. Цъай (чеч. цIой) — старая форма мн. числа вайнахского слова цIу (бог, святой, святилище". Ср. чеч. Цiой пхьеда — "богов, святилищ поселение" *(Вагапов Я. С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С.162 — 165.)*

Таким образом, не вызывает сомнения, что значительную часть населения Алании составляли горские кавказские племена: на западе — адыгские, в центральной и восточной части — нахские. Подтверждают это и данные лингвистики. В. И. Абаев, сравнивая между собой два основных диалекта осетинского языка (иронский и дигорский), пришел к выводу, что сходство между ними идет в основном по линии иранской лексики, а расхождения — по неиранской, что подтверждает неоднородность кавказского этнического субстрата в западной части Алании и ее центральной и восточной частей *(Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Л., 1949. С. 119, 363).*

Наибольшее проникновение алан в горные районы произошло в районах, прилегающих к Дарьяльскому ущелью. На территории современной Осетии и Ингушетии аланские катакомбные могильники встречаются не только на равнине и предгорьях, но и высоко в горах. Местами они подходят вплотную к Кавказскому хребту. Здесь они соседствуют с большим количеством захоронений, характерных для местного кавказского населения — каменными ящиками и склепами. Столь близкое соседство могильников разных типов говорит о длительном и мирном сосуществовании разных этнических групп. Вопрос о соотношении ираноязычного и нахоязычного населения в этих районах остается открытым. В. А. Кузнецов обращает внимание на тот факт, что катакомбные захоронения, характерные для алан, совершенно исчезли в горных районах Центрального Кавказа уже в X в. Из этого он делает вывод, что "... к этому времени аланы были ассимилированы и утратили характерный для них погребальный обряд, так же как и ряд особенностей материальной культуры. Однако, потеряв свои основные этнографические признаки и физически растворившись в местной среде, аланы, в свою очередь, оказали на нее сильное влияние, выразившееся в изменениях в области языка" *(Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 118).* Правда, при этом В. А. Кузнецов выдвигает неубедительную, на наш взгляд, теорию о существовании в районе Центрального Кавказа особой ветви иберо-кавказского населения, к которому он привязывает происхождение этнонима "ирон". По В. А. Кузнецову аланы растворились именно в иронской среде.

Как представляется, в этой гипотезе все верно кроме искусственно навязанного этнонима "ирон". Аланы ассимилировались на Центральном Кавказе именно с нахскими племенами. Никакие другие здесь не жили. Что касается употребления термина "ассимиляция" в данном конкретном случае, то речь идет о культурной ассимиляции алан нахами. Аланы переняли местную кавказскую культуру, в свою очередь обогатив ее. Но нет никаких оснований говорить о полном растворении аланского национального элемента в нахской среде. Аланы сохранили свой язык, от которого прямо происходит современный осетинский (иронский) язык. Ираноязычные аланы и нахи — вот два основных этнических субстрата, сыгравших ведущую роль в этногенезе современных осетин, прежде всего иронцев и кударцев.

Впрочем, в конечном итоге, сам В. А. Кузнецов приходит к выводу о том, что средневековая Алания представляла собой как бы федерацию двух крупных племенных союзов — западного и восточного. "Западный племенной союз был связан с этническим наименованием асы, восточный — с наименованием аланы. Основой западного племенного союза были автохтонные племена Северо-Западного Кавказа — предки современных адыгов, абазин и отчасти осетин; основой восточного племенного союза — автохтонные племена Центрального Кавказа — предки современных осетин, ингушей и чеченцев. Оба племенных союза составляли единое политическое образование — Аланию, находились в сложном и противоречивом взаимодействии между собой, иногда переходящем в борьбу на почве и внутренних причин и разной политической ориентации... Можно полагать, что до X в. доминирующее положение занимал восточный племенной союз алан; с X в. значительно усиливается западный племенной союз асов" *(Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 131).*

Глава VI

В КОНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Появление монголов на Северном Кавказе совпало с периодом феодальной раздробленности в стране кипчаков и их южных соседей — алан. В предыдущей главе уже упоминалось сведетельство доминиканского монаха Юлиана, описавшего картину всеобщего раздора в государстве алан, О том, что творилось в стране кипчаков, достаточно хорошо известно из русских летописей, Подобно русским князьям, кипчакские ханы погрязли во взаимных раздорах. Примерно такая же картина наблюдалась в Закавказье. Именно поэтому сравнительно небольщой отряд монголов, посланный Чингисханом из Средней Азии в целях стратегической разведки на запад, сумел пройти все Закавказье и через Дербент выйти на Северный Кавказ. Это произошло в 1222 г., а стояли во главе монгольского отряда два выдающихся полководца — Джебе и Субудай-багатур. Имена этих полководцев упоминаются в "Сокровенном сказании" монголов: "Эти четыре пса Темучина вскормлены человеческим мясом. У них медные лбы, отточенные зубы, языки словно шило. В груди у них бьются железные сердца. Они пьют росу и седлают ветры. Вместо конской плети у них кривые сабли. В битвах они пожирают человеческое мясо. Сейчас они спущены с цепи. Они истекают слюной. Они радуются. Эти четыре пса — Джебе, Джелме, Хубнлай и Субудай".

Наиболее подробное описание первого похода монголов на Северный Кавказ имеется у Ибн ал-Асира и Рашид ад-Дина. Узнав о вриближении врага. "они (аланы) употребили все старание, собрали у себя толпу кипчаков и сразились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другой. Тогда татары послали к кипчакам сказать: "Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними".

Уладилось дело межлу ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; они (татары) действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их (алан). Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков..." *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.I. М. — Л., 1952. С. 229).*

Знакомство с данным отрывком оставляет впечатление, что к аланам первоначально присоединилась какая-то часть наемников-кипчаков, которая затем, получив "взятку" от монголов, попыталась "выйти из дела". Однако нельзя забывать, что в степях Предкавказья находились зимние кочевья кипчаков и появление здесь вражеской армии должно было вызвать у них серьезное беспокойство. Похоже, что в 1222 г. этого не произошло. Разгромив алан, а затем какую-то часть кипчаков, первоначально выступив-

ших было в союзе с аланами, монголы беспрепятственно удалились на зимовку в Крым. Объяснить столь вялую реакцию кипчаков на первое вторжение монголов можно только двумя обстоятельствами: во-первых, серьезной междоусобной распрей среди самих кипчаков. Столкновение монголов с аланами и какой-то частью связанных с ними кипчаков, возможно, первоначально сыграло на руку другим группировкам кипчакских ханов.

Во-вторых, малочисленность монголов также могла усыпить бдительность кипчаков. Несомненно, кипчаки, кочевавшие к западу от Волги, должны были быть достаточно хорошо осведомлены о событиях, произошедших ранее в Средней Азии. Им должны были сообщить это хотя бы их сородичи, кочевавшие к востоку от Волги. К тому же, кипчакские наемники составляли основную военную силу среднеазиатских государств, в частности Хорезма. Но в 1222 г. война в Средней Азии и Иране была еще далека от завершения. Да и первоначальный маршрут отряда Джебе и Субудая мог также ввести в заблуждение кипчаков относительно истинных намерений монголов. Русская летопись сообщает о первом походе монголов так: "Слышахом бо яко многы страны поплениша ясы, обозы, косаты" *(цит. по: Кузнецов В.А. Алания в X — XIII вв. Орджоникедзе, 1971.С.35).* Обезы, упомянутые в русской летописи — это, скорее всего, абазины, игравшие в средневековье заметную роль на Северо-Западном Кавказе. Следовательно, можно предположить, что первоначально монголы двигались вдоль предгорий Северного Кавказа, не углубляясь в Дешт-и Кипчак, — как бы вдоль южных границ владений кипчаков.

В 1223 г. против отряда Джебе и Субудая выступила коалиция кипчакских ханов и русских князей. Но опять-таки, если судить по составу этой коалиции, ее нельзя назвать общекипчакским или общерусским предприятием. Объединились часть кипчакских и часть русских князей, видимо, связанных общими интересами. О том, что даже участники второй антгимонгольской коалиции еще не до конца осознавали,с какой силой они столкнулись, — говорит поразительная беспечность и несогласованность их действий. Буквально накануне сражения на Калке к монголам присоединился тумен Джучи, что существенно усилило их. Однако главную причину поражения кипчаков и русских на Калке следует искать в более умелой тактике монгольских полководцев. Ложным отступлением они заставили противника в течение нескольких дней преследовать себя, а затем атаковали кипчакские и русские дружины на марше, уничтожая и рассеивая их по частям, до прибытия к месту боя отставших частей.

От Калки маршрут монголов лежал на среднюю Волгу, где они потерпели поражение от булгар. В Среднюю Азию они вернулись, обогнув Каспийское море с севера.

Решение о возобновлении военных действий на западном направлении, включая Северный Кавказ, было принято монгольской верхушкой на втором курултае в 1235 г. Рашид ад-Дин сообщает: "И благословенный взгляд каана остановился на том, чтобы царевичи Боту, Менгу-каан и Гуюк-хан вместе с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар [поляков], маджар, башкирд, асов, в Судак и в те края и все их завоевали; и они занялись приготовлением [к этому походу]" *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.II. М.-Л. 1960. С. 36).* Далее Рашидд ад-Дин уточняет, кто именно из царевичей был направлен для участия в западном походе: "Царевичи, которые были назначены на завоевание Кипчакской степи и тех краев, [были следующие]: из детей Тулуй-хана — старший сын, Менгу-хан, и брат его Бучек; из рода Угедей-каана — старший сын, Гуюк-хан, и брат его Кадан; из детей Чагатая — Бури н Байдар и брат каана, Кулкан; сыновья Джучи: Боту, Орда, Шайбан и Тангут; из почтенных эмиров: Субэдай-бахатур и несколько других эмиров. Они все сообща двинулись весною бичин-ил, года обезьяны, который приходится на месяц джумад 633 года хиджры [11 февраля — 11 марта 1236 г.]; лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи: Бату, Ордой, Шайбаном и Тангутом, которые также были назначены в те края" *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.II. М.-Л., 1960. С.37)*

Появление крупных сил монголов в южнорусских степях подтверждает уже упоминавшийся доминиканский монах Юлиан, который писал, что в Алании ему не удалось найти попутчиков для дальнейшего путешествия в виду всеобщего страха перед татарами, которые по слухам были уже близко" *(Кузнецов В.А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе. 1971. С.35).* Рашид ад-Дин пишет, что монголы направили часть войск на Северный Кавказ после похода на Русь и Польшу: "После этого, в зиму, царевичи и эмиры собрались в [долинах] рек Халубан и отправили эмира Субэдая с войском в страну асов и в пределы

Булгара"*(Рашид ад-Дин. Сборник летописей.Т.II. М.-Л.1960. С. 37)*. Правда, из текста Рашид ад-Дина можно сделать вывод, что основные военные действия в 1236 и 1237 гг. разворачивались не на Кавказе, а в Поволжье. Уже после разгрома Волжской Булгарии монголы столкнулись с сопротивлением отрядов во главе с кипчаком Бачманом и аланом Качир-укулэ. Из описания Рашид ад-Дина можно сделать вывод, что отряды двух указанных предводителей действовали в районе нижнего Поволжья: "Менгу-каан с левого крыла шел облавой ло берегу моря [Каспийского]. Бачмана, одного из бесстыднейших тамошних эмиров, из народа кипчаков, из племени олбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрал [в плен]. А дело было так: этот Бачман с группой других воров спасся от меча: к нему присоединилось скопище других беглецов. Он бросался во все стороны и что-нибудь да похищал; бесчинства его увеличивались со дня на день. Постоянного местопребывания он не имел, и поэтому войско монгольское не могло схватить его; он скрывался в лесу на берегу Итиля. Менгу-каан приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить по 100 человек монголов в полном вооружении. Он же [сам] с братом своим Бучеком шел облавой по обеим берегам реки. В одном из итильских лесов они нашли свежий навоз и прочее, [оставшееся] от спешно откочевавшего лагеря, а среди этого застали больную старуху. От нее узнали, что Бачман перебрался на один остров и что все, попавшее за это время к нему в руки в результате [его] злодеяний и бесчинств, находится на том острове. За отсутствием судна нельзя было переправиться через Итиль. Вдруг поднялся сильный ветер, вода забушевала и ушла в другую сторону от того места, где была переправа на остров. Благодаря счастью Менгу-каана, показалось дно, и он приказал пустить в ход войска и захватить [Бачмана]. Его сообщников истребили — кого мечом, кого [утопили] в реке — и вывезли оттуда много имущества. Бачман умолял, чтобы Менгу-каан [сам] своею благословенной рукой довел его дело до конца; он [Менгу-коал] дал указание, чтобы его брат Бучек разрубил Бачмана надвое. Качир-укулэ, [одного] из эмиров асов, также убили" *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей.Т.II. М.-Л.1960. С. 38)*.

Некоторое недоумение поначалу может вызвать появление эмира асов Качир-укулэ в районе нижнего Поволжья. Однако этот факт легко объясним. Отношения между кипчаками и аланами можно назвать если не добрососедскими, то вполне ровными и стабильными. Аланские воины (а в их число, надо думать, входили не только собственно аланы, но и немалое число представителей горских племен) уже задолго до появления монголов служили за плату в армиях соседних, в том числе и достаточно удаленных от Северного Кавказа, государств. Тем более могли быть аланы на службе у кипчакских ханов. Точно так же аланы составили впоследствии отборный отряд гвардейцев уже при особе монгольского императора. Поэтому вполне логично допустить, что Качнр-укулэ был одним из выходцев из Алании, сумевшим занять высокое положение в кипчакском племени.

Лишь во второй половине 1237 г. монголы вплотную занялись завоеванием Северного Кавказа. "...в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 году хиджры [24 августа 1237 — 13 августа 1238 г.], осенью Менту-каан и Кодан выступили в поход против черкесов и зимой убили тамошнего государя по имени Тукара''(Рашид ад-Дин. Сборник летописей.Т.II. М.-Л.1960. С. 39). На следующий год наступила очередь Аланского царства стать ареной военных действий: "Потом в кака-ил, год свиньи, соответствующий 636 году хиджры [14 августа 1238 — 2 августа 1239 г.], Гуюк-хан, Менгу-хан, Кадан и Бури направились к городу Минкас (Магас) и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнаддать дней, взяли его. Они были заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 год хиджры [3 августа 1239 — 22 июля 1240 г.]. Весною, назначив войско для похода, они поручили его Букдаю н послали его к Тимур-кахалка (Дербент) с тем, чтобы он занял и область Авир (Серир, Аварня)..." *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей.Т.II. М.-Л.1960. С. 39)*.

Таким образом, самое позднее зимой 1238 — 1239 гг. монгольские отряды вступили непосредственно на территорию нахов. Кроме Рашид ад-Дина, интересные сведения о военных действиях против Аланского пэрства имеются у Джувейни и в китайской хронике "Юань-ши". У Джувейни описание осады монголами города Магас, считавшегося, по сведениям ал-Масуди, столицей Алании, включено в повествование о походе царевича Бату на Русь. О том, что указанный отрывокпопал сюда случайно говорил еще В.Ф. Минорский. По версии Джувейни, после завершения похода против булгар "...они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области ее до города М.к.с., жители которого по многочисленности своей были (точно) муравьи или саранча, а окрестно-

сти были покрыты болотами и лесом до того густым, что (в нем) нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270000 ушей" *(Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М. — Л., 1941. С. 232).*

Численность населения города, без сомнения, сильно преувеличена. Тем не менее видно, что его завоевание стоило монголам больших усилий. Стоит также отметить, что труднодоступным город делали не только его укрепления, но и окружавшие его непроходимые болота и леса.

Долгое время оставался открытым вопрос о местонахождении Магаса. В.Ф. Минорский, как уже отмечалось, первым пришел к выводу, что город М.к.с. из хроники Джувейни не имеет отношения к Москве или Мокше и лишь случайно попал в описание похода Батыя на Русь. Последовательность действий монгольских царевичей по версии Рашид ад-Дина, следующая: осенью 1237 г. они воюют в стране черкесов, далее военные действия переносятся в Крым: "Шибан, Кучек и Бури выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан захватили Таткару. Берке отправился в поход на кипчаков и взял [в плен] Арджумака, Куран-баса и Капарана, военачальников Беркути" *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей.Т.II. М.-Л.1960. С. 39).* Лишь после этого, обеспечив себе надежные стратегические тылы на западном и северном направлении, царевичи приступили к осаде Магаса. Дальнейший мюмаерут движения монгольских войск — область Авир, т. е. Авария. Таким образом, становится очевидным, что Магас находился в Предкавказье, относительно недалеко от Дагестана, а это указывает на территорию Чечни.

О том, что в области нахов находились крупные города Алании, свидетельствуют, например, русские летописи, Так, сын Андрея Боголюбского князь Георгий, после того как новгородцы изгнали его с княжения, удалился к родственникам своей матери в некий аланский город на реке Сунже. После того как был оформлен его брак с грузинской царицей Тамарой, князь Георгий отправился в Грузию, а грузинские летописи отмечают, что прибыл князь из аланского города, расположенного на Сунже.

Из средневековых городищ, расположенных возле Сунжи, крупнейшим является Алхан-Калинское, известное у чеченцев под названием "Гіуларийн сан нгарш" — "Куларинские рвы". (Селение Кулары находится на противоположном берегу Сунжи.) Размеры Алхан-Калинского городища впечатляют: в длину оно примерно 1,3 километра, а в ширину — примерно километр. Городище опоясывают два рва. Внешний ров достигает глубины 9 метров, внутренний — 3 метра. На валу еще в прошлом веке были видны остатки мощной каменной стены. Оба рва, опоясывая городище, выходят к 20 — метровому обрыву над поймой Сунжи. Вокруг городища раскинулся курганный некрополь.

По данным археологической экспедиции, работавшей здесь во второй половине 60-х годов под руководством В.Б. Виноградова, первое поселение на этом месте возникло еще задолго до появления в Предкавказье сарматских племен — его история насчитывает не менее двадцати веков: от VII в. до н. э. по XIII в. н. э. *(Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 78).* В аланскую эпоху город был густо заселен "...хозяйственные занятия его обитателей (земледелие, скотоводство, рыболовство, металлургия, гончарное дело, ткачество и т. д.) были разнообразны и совершенны для того времени" *(Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 78).* Городище погибло в результате штурма, об этом говорят следы пожара, охватившего весь город. Пожар был настолько мощным, что земля на дне рва обгорела до ярко-красного цвета на глубину до полуметра. Интересно, что археологическая экспедиция обнаружила необычно большое количество культовых курильниц — свыше 200, в то время как предыдущие раскопки на 26 аланских поселениях дали всего 52 курильницы.

В результате археологических исследований В. Б. Виноградов пришел к выводу, что Алхан-Калинское городище является аланским городом Магас, о длительной осаде которого сообщали средневековые хронисты. При этом он осторожно отмечает: "Однако аланское племенное объединение включало и многие вайнахские этнические группы. Ясно, что в огромном городе, лежащем на стыке плоскости и предгорий, некоторый процент обитателей должны были представлять предки чеченцев и ингушей. Но все-таки основным населением города были аланы, а

само огромное городище можно смело назвать столицей, центром среди десятков небольших аланских поселений в Терско-Сунженском междуречье" *(Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 73).*

Китайская хроника по крайней мере два раза упоминает о взятии города алан Магаса: в первый раз Магас упомянут в описании биографии тангута Сили-цянь-бу, служившего в монгольской армии и прославившегося своими подвигами: "В год под циклическими знаками (год свиньи), 1239, зимою в 11 месяце дошли до города асов Ме-цио-сы. Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался. В 1240 году в 1 месяце Си-ли-цянь-бу с 11 готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам; вперед же поставили 11 пленников. Они громко закричали: "Город пал". За ними полезли, как муравьи, один за другим все остальные воины и город взяли" *(Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах.ХВ. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 283).* В другой раз "Юань-ши" сообщает о взятии Магаса при описании биографии некоего Бадура:

"Бадур был родом ас и жил, как и его предки, в И-син, в Шан-ду.

Когда Монкэ был наследником престола, Бадур и его братья У-цзор-бу- хань и Ма-тар-ша с народом пришли с выражением покорности.

Ма-тар-ша ходил с Монкэ походом на город Майгэ-сы и был начальником авангарда. В него попало две стрелы, но, воодушевившись храбростью, он овладел городом" *(Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах.ХВ. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 299).*

Таким образом, "Юань-ши" дополняет сведения о взятии города Магас в Алании двумя обстоятельствами: во-первых, осада продолжалась больше двух месяцев, но не более трех; во-вторых, при штурме аланского города Магаса отличились ...аланы, в частности некий Матарша, который, несмотря на два ранениям, остался в бою до полного захвата города. Вообще, "Юань-ши" содержит жизнеописания более двадцати представителей аланской знати, находившихся на службе у монгольского императора. Служба и высокие посты в военной иерархии монголов передавались аланам по наследству, от отца к сыну. При этом очень многие правители областей Алании перешли на сторону монголов сразу же при приближении монгольской армии. Вот несколько примеров: "Хан-ху-сы был родом ас. Он был правителем владения асов. Когда войска Угэдэя достигли границ его (владения). Хан-ху-сы с народом подчинился Угэдэю.

Пожалованы были тогда ему звание "бадура", дана была золотая пайцза и повелено было властвовать над своею землей и народом.

Затем им был получен указ, (коим) повелевалось набрать войско из асов в 1000 человек, а его старшему сыну, Атачи быть в свите и сопровождать государя в походах. По возвращении (их похода) Атачи вошел в состав лейб-гвардии (сувэй), (отец же его) Хан-ху-сы на пути встретил врагов и погиб в бою" *(Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах.ХВ. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 282-283).* Численность гвардии монгольских императоров была на первых порах сравнительно невелика. Позднее оно увеличится вначале до 14 тысяч, а потом до 30 тысяч воинов.

Вот другой пример: "Юй-ва-ши был ас. Его отец Е-ле бадур (Илья багадур) пришел с правителем его государства и подчинялся Угэдэю. Ему было поведено быть в гвардии" (Иванов А. И. История монголов *(Юань-ши) об асах-аланах.ХВ. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 288).* Или вот еще одна биография: "А-р-сылан (Арслан ? Имя явно тюркское). Со своим сыном А-сань-чженьем он явился к войску с изъявлением покорности в то время, когда Монкэ окружил войском его город.

Монкэ пожаловал ему собственноручный указ и повелел ему одному быть начальником асов: оставили только половину отряда, а остальных вернули, чтобы они охраняли свои границы. А-сань-чжэня государь приблизил к себе.

На пути А-сань-чжэнъ встретил возмутившийся отряд Ду-р-гэ, храбро вступил в бой и погиб.

Монкэ послал обернуть (в ткани) труп и возвратить его (отцу) для погребения.

А-р-сы-лан сказал тогда государю: "Мой старший сын умер, не мог он потрудиться для государства. Теперь отдам я вам второго сына, Не-гу-лайя (Николай), чтобы вы воспользовались его услугами" *(Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах.ХВ. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 292).*

В подобном поведении аланских владетелей нет ничего необычного для той эпохи. Вспомним, что представляла из себя Алания накануне появления монголов. Это было довольно рыхлое государственно- политическое образование, в котором даже основная народность — аланы — была представлена двумя племенами, довольно значительно отличавшимися по языку, не говоря уже о традиционной ориен-

тации западных алан — асов на Византию, а восточных алан — на Грузию. Значительную роль в жизни аланского государства играли кавказские племена; адыгские на западе и нахские в центральной и восточной части страны. Как уже отмечалось, Алания накануне монгольского нашествия представляла собой территорию, раздираемую междоусобицами. Примерно такая же картина наблюдается в Дешт-и Кипчаке и на Руси.

Естественно, что при таком положении дел монголы легко находили могущественных союзников в тех странах, которые они завоевывали. Во многом этому способствовала политика монгольских императоров, которые начиная с Чингисхана создали определенные правила эксплуатации завоеванных земель. При этом местные правители, если они переходили на сторону монголов, сохраняли в неприкосновенности свои владения и свою традиционную форму правления. Монголы никогда не навязывали собственные обычаи, законы и язык, в их империи царила полная веротерпимость. Например, русская православная церковь была полностью освобождена от налогов. Дань, которой монголы облагали завоеванные области, составляла десятую часть всех доходов. Не удивительно, что многие феодалы переходили на сторону монголов, поскольку ханская власть гарантировала им сохранение их положения, а служба монгольскому императору открывала большие перспективы, особенно заманчивые для бедного дворянства таких стран, как Алания.

Католический епископ Иоанн Мариньоли, который провел несколько лет в Китае и имел доступ к императорскому двору, отмечала "Выше всех (стоят) также князья его государства, более 30 тысяч, которые зовутся аланами и управляют всей восточной империей. Они христиане... всех красивее и храбрее мужи их, с помощью которых татары овладели восточной империей и без которых они никогда не достигли бы славной победы. Ибо собрал Чингисхан, первый царь татарский, их князей, числом 72, когда по воле божией захотел покарать мир" *(цит. по: Кузнецов А.В. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе, 1971., С.42)*. Без сомнения, Мариньоли сильно преувеличил роль собственно алан в империи монголов. Во всяком случае, аланы не могли появиться при дворе Чингисхана, который умер в 1227 г., а завоевание Алании произошло через десять лет после его смерти. Алань, составлявшие императорскую гвардию, — это скорее всего представители многих племен и народов, искавшие счастья на военной службе. Несомненно, правда, что выходцы из Алании долгое время играли в этом своего рода "ностранном легионе" ведущую роль.

Почему именно выходцы из Алании сумели занять столь исключительное положение при монгольских императорах? Скорее всего, дело в том, что у себя на родине они не могли мечтать о тех богатствах, которые попадали им в руки на службе за тысячи километров от Кавказа. В свою очередь, монгольские правители, оказавшиеся правящим меньшинством в огромной стране, искали и находили надежную опору своей власти в наемниках из далеких стран, благополучие которых полностью зависело от расположения к ним императора. Понятно, что, например, местная китайская знать уже в силу своего происхождения не могла быть до конца преданной монгольской династии. Впрочем, аналогии можно найти и в древней, и в новой истории. Например, потомки переселенцев-чеченцев до сих пор занимают ключевые посты в армии и спецслужбах Иордании, где у власти находится пришлая правящая династия.

Пребывание аланской гвардии при монгольских императорах фиксируется в китайской историографии до середины XIV в. В 1368 г. аланы покинули Китай вместе с последним монгольским императором *(Иванов А.И.История монголов (Юань-ши) об асах-аданах. ХВ. Т.II.Вып.III. СПб. 1914., С.299)*.

Таким образом, нет ничего странного в том, что аланские отряды принимали активное участие в штурме аланского же города Магас. Если взять, например, Русь, то в ее истории можно найти множество примеров, когда князья, например знаменитый Александр Невский, жестоко подавляли антитатарские восстания.

Употребляя термин "алан, аланский", необходимо помнить о его сложном, собирательном характере. Как уже говорилось выше, Алания представляла собой союз племен иранского, адыгского и нахского происхождения и термин "алан" почти ничего не говорит о национальной принадлежности конкретного человека. Точно так же "россиянин" указывает на гражданство, а не на национальность индивида. Напомним, что, например, В.А. Кузнецов говорит об ассимиляции алан местным населением уже в X в. Элементарная логика подсказывает, что в условиях существования Алании именно как союза разных по происхождению племен, создавших к концу раннего средневековья единую культурную общность, на-

хские племена не могли оставаться лишь в горной зоне. Известно, что главной причиной, заставляющей население горных районов во все времена и у всех народов постоянно спускаться на близлежащие плоскостные территории была возникающая в горах перенаселенность.

Еще античные авторы отмечали, что основным занятием племен Северного Кавказа, в том числе и нахских, являлось земледелие, что полностью подтверждается и данными археологических исследований. Все исследователи также едины во мнении, что именно под влиянием местных автохтонных кавказских племен кочевники сарматы, а затем и аланы постепенно переходят к оседлому образу жизни. Но чтобы посадить кочевника на землю, заставить его обрабатывать землю и кормиться за счет продуктов земледелия, — требуется много времени. Логично поэтому предположить, что основную часть земледельческого населения Алании в эпоху раннего средневековья составляли все-таки кавказские племена. Экономическую заинтересованность в переселении горцев на равнины имели и вожди кочевников-алан. Расселяя горцев на контролируемых ими территориях, они получали новых подданных, которые поставляли продукцию земледелия. При этом раскопки очень часто обнаруживают новые земледельческие поселения именно там, где в доаланскую эпоху уже существовали подобные поселения кавказских племен.

Известно, что аланские поселения густой сетью покрывали территорию предгорий. Их общее число только на современной территории Чечни и Ингушетии составляет более четырех десятков, и занимают они пространство между Тереком и Черными горами, Но именно эта территория известна у чеченцев под названием Нохчийн-чоь — "Чеченская территория, Чеченская страна". Чеченская традиция выделяет области, прилегающие к Тереку — Теркйнст (Прятеречье). Жителей этой области называют "теркхой", а жители расположенной южнее, между Сунженским хребтом и Черными горами, Чеченской равнины, в чеченской традиции названы "чоьхьара нах" — "люди внутренней области". Таким образом, обширные равнинные районы, прилегающие к выходам из гор, в чеченском сознании уже давно и прочно закрепились именно как внутренние области, а не пограничные территории.

Х. А. Хизриев определенно утверждает, что летописи средневековых хронистов, в частности Рашид ад-Дина, прямо указывают на военные действия между монголами и чеченскими племенами. При этом он делает вывод также и о том, что этноним "чеченцы" появился уже в XIII в., а не в XVII, как это считают до сих пор большинство исследователей. Х.А. Хизриев указывает именно на "Летопись царевичей Кипчакской степи", в которой отражен следующий эпизод: "В хукар-ил, в год смерти Угедей-каана, в весенние месяцы они [царевичи] отправились через горы Макартан к бударам [полякам] и башгирдам [венграм]. Орда и Байдар, двинувшись с правого крыла, пришли в область Илавут; против [них] выступил с войском Барз, но они разбили его. Затем Бату направился в сторону Истарилава, сразился с царем башгирдов, и войско монгольское разбило их. Кадан и Бури выступили против народа сасан и после троекратного сражения победили этот народ. Бучек, через Караулаг пройдя тамошние горы, разбил те племена [Кара]улага, оттуда, через лес и гору Баякбук, вступил в пределы Мишлява и разбил врагов, которые там стояли, готовые встретить его. Отправившись упомянутыми пятью путями, царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сосанов и, обратив в бегство государя их, келара, провели лето на реке Тиса" *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II.М.-Л. 1960., С.45)*

Сасаны, против которых царевичам пришлось дать троекратное сражение, по мнению Х.А. Хазриева, есть именно чеченцы: "Этноним "чечен* в зависимости от характерных особенностей того или иного языка принимает различный оттенок. Например, кабардинцы и поныне называют чеченцев — шашан (шэшэн), а осетины — сасан (пацан). Путешественник Ю. Клапорт пишет о народе сецен. Этот же народ трижды упоминается в "Тайной истории" монголов под именем сасут (сесут). Надо отметить, что в данной летописи этнонимы сильно искажены, иногда до неузнаваемости, и встречаются с окончаниями -ут, -ат, -ит. Например, русские — оросут (орусут), асы — асут, черкесы — серкесут (сергесут), чеченцы (сасаны) - сасут (сессут) и т.д. *(Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголе-татарских завоевателей и Тимура // Известия НИИ языка, истории и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 5).*

Два обстоятельства заставляют серьезно усомниться в правильности версии .Х. А. Хизриева: во-первых, в других источниках того времени нет упоминаний о сасанах на Северном Кавказе: во-вторых, в указанном отрывке Рашид ад-Дин явно ведет речь

о завоевании Польши и Венгрии, под топонимом Кураулаг некоторые исследователи понимают Валахию. Молчание средневековых источников о сасанах Х.А. Хизриев объясняет тем, что только в распоряжении Рашид ад-Дина, занимавшего важный государственный пост, оказалась "Тайная история" монголов. При этом сам термин "чечен" он считает этнонимом тюркско-монгольского происхождения. Слово "чечен" применялось монголами как прибавка к основному имени и исполняло роль нарицательного имени. Возникло это слово у кипчаков еще в домонгольский период от глагола "чеч" — развязать, разъяснять, разрешать, красиво говорить, истолковывать. В современных тюркских языках слово "чечен" (чечан, чечаьн, шешен, саьсаьн означает красноречивый, находчивый в словах. "Трудно сказать, какой смысл этого слова имели в веду монголе-татары, называя так народ, ранее имевший у других народов иное название, но даже у авторов Нового времени мы находим неожиданное подтверждение смысловому обозначению данного этнонима: "Чеченцы считаются людьми веселыми, остроумными ("французы Кавказа") *(Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголе-татарских завоевателей и Тимура // Известия НИИ языка, истории и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный,1974. С. 7).*

Ту часть сообщения Рашид ад-Дина, где говорится о сражении монголов с племенами Караулага, Х.А. Хизриев считает относящейся к чеченскому тукхуму (обществу) орстхой, известных под именем карабулаков. Этноним карабулак — тюркский и переводится как "черный источник". Орстхоевцы-карабулаки издревле занимали часть территории между реками Сунжа и Терек (ньшешний Сунженский район). Возможно, что наличие здесь выходов нефти на поверхность земля стало причиной тюркского названия этого общества. Тянущийся с востока на запад вдоль Терека Терский хребет (высотой местами до 700 метров) чеченцы называют в настоящее время Чергизийн parl — Черкесский хребет. Появилось это название сравнительно поздно, так как расселение кабардинских (черкесских) племен на северо-западе Чечни началось примерно в XV в. По мнению Х.А. Хизриева, топоним "Баякбук", приводимый Рашид ад-Дином, имеет чеченское происхождение и означает — "Длинный хребет"; "беха" — длинный, "букъ" (дукъ) — хребет. По его мнению, именно так называли чеченцы Терский хребет до того времени, пока здесь не расселились кабардинские племена *(Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголе-татарских завоевателей и Тимура // Известия НИИ языка, истории и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный,1974. С. 8).* В этом случае "тамошние горы", через которые провело свое войско царевич Бучек на пути к "горе Баякбук" могут быть невысоким Сунженским хребтом, тянущимся в основном почти параллельно Терскому хребту. Местами оба хребта сближаются на расстояние до 2 — 3 километров. Если данное предположение верно, то монголы пришли на земли карабулаков с запада, перевалили Сунженский хребет, разбили орстхоевцев-карабулаков и, перевалив следующий Терский хребет, вступили в Притеречье.

Как уже отмечалось, Сунженский и Терский хребты — не высокие, преимущественно с пологими склонами. В древности вся территория между Тереком и предгорьями была покрыта дремучими лесами, поймы рек по равнине часто были заболоченными, что в принципе согласуется с сообщением Рашид ад-Дина о характере местности в области сасанов.

Как уже говорилась, главная слабость версии Х. А. Хизриева в том, что у Рашид ад-Дина говорится о завоевании монголами области поляков и венгров, а народ сасан упоминается именно в связи с завоеванием этих областей. Правда, и здесь, как свидетельствуют средневековые источники, монголам пришлось снова воевать с кипчакми и аланами, ушедшими на запад после первых вторжений в их земли. В 1239 г. большое количество алан с Северного Кавказа пришло в Венгрию вместе с кипчаками. В течение примерно двух веков аланы сохраняли в Венгрии свой язык и этнические особенности.

Немалое число алан переселилось также в Византию, о чем упоминают византийские источники. Так, хронист Никифор Григора писал о тайном посольстве алан, предложивших императору взять их на службу; "Их вообще называют аланами, они издревле приняли христианство и хотя впоследствии подчинились скифам телесно, невольно, уступив их силе, но постоянно питали в душе заветную мечту о самостоятельности... Император благосклонно принял их и более десяти тысяч алан прибыло в Византию с женами и детьми" *(Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами // Византийские историки. СПб., 1862. С. 200-201).* Под "скифами" византийского автора следует понимать, конечно же, монголе-татар.

В конце 1242 г. и в самом начале 1243 г. монголы во главе с царевичем Бату вернулись из Западной Европы в кипчакские степи. В том же, 1243 г., великий князь Александр Невский первым из русских князей прибыл в ставку Бату за ярлыком на княжение. Именно эти события, по мнению большинства исследователей, позволяют считать 1243 г. датой возникновения нового государства, получившего впоследствии название Золотая Орда.

Завоевание страны кипчаков и Северного Кавказа оказалось для монголов делом не легким и длительным. Кипчаки восстали уже в 1241 г.: "...в год барса, соответствующий 639 году хиджры (12 июля 1241 — 30 июня 1242г.) кипчаки в большом количестве пошли войной на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, [которые], дав сражение, разбили кипчаков. Осенью [монголы] опять направились обратно, прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кипчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону" *(Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.II. М.-Л., 1960. С. 45 — 46)*. Однако сопротивление на Северном Кавказе продолжалось. Плано Карпини, посетивший Северный Кавказ и Поволжье в 1246 г., писал, что имеется "...аланов, оказавших мужественное сопротивление и, доселе еще не подчиненных им" *(Плано Карпини. История монголов. М., 1957. С. 57)*. Немного дальше он уточняет, что аланы сопротивляются на какой-то горе и уже "...убили многих татар и притом вельмож" *(Плано Карпини. История монголов. М., 1957. С. 64)*.

После нашествия монголов часть алан действительно переселилась в горы. Это было сделать тем легче, что жители степных районов Алании уже давно были связаны с населением горных районов. Большая часть тех, кто переселился в горы, были окончательно ассимилированы. На западе Алании, в верховьях Кубани аланское население было ассимилировано группами тюркоязычных кипчаков, также искавшими укрытия в горах. Так началось формирование карачаево-балкарской народности. В горах Центрального и Северо-Восточного Кавказа аланы растворились среди нахских племен, за исключением района, прилегающего к Дарьяльскому ущелью. Здесь аланы сами ассимилировали живших здесь нахов и продвинулись дальше на юг, где перемешавшись с нахским племенем двалов, они образовали третью этническую группу, входящую в состав осетинского народа — кударцев.

О наличии в районе Дарьяла аланских укреплений сообщали еще арабские и персидские авторы X века. Поэтому, на первый взгляд, искать таинственную гору, которую монголы не могли взять в течение двенадцати лет, следует в Дарьялъском ущелье. Однако если вспомнить, что этноним "аланы" носил собирательный характер и под этим именем скрывались и многочисленные кавказские племена, то район предполагаемого местонахождения аланской крепости сразу же расширится. В этом плане представляет интерес следующее чеченское предание. Жители ущелья реки Чанты-Аргун, узнав о приближении могущественных и жестоких полчищ кочевников, решили укрепиться на вершине Тебулос-Мта, самой высокой горы Северо-Восточного Кавказа. Разведать путь к вершине поручили старому и опытному охотнику Явдигу, который, взяв с собой несколько молодых и сильных соплеменников, сумел после долгих поисков найти путь к вершине. Затем на вершину перенесли запасы продовольствия, топлива, железа и т. д. Едва люди успели подняться на вершину, как в ущелье прорвалась орда кочевников. Весну, лето и начало осени кочевники осаждали чеченцев, укрывшихся на вершине Тебулос-Мта. С наступлением холодов кочевники ушли на равнину, но ранней весной, как только стаял снег в ущелье, они вернулись. В течение двенадцати лет, каждую весну приходили кочевники, пока наконец не кончились все припасы у осажденных. Лишь после того, как не стало стрел и нечем было защищаться, было захвачено укрепление на Тебулос-Мта и убиты все его защитники.

Надо полагать, что приведенная легенда отражает действительные события, когда нахам пришлось в течение дяительного времени отражать нападения монгола-татарских отрядов, пытавшихся подчинить население горных районов Северного Кавказа. К этому монголов побуждала, в частности, и необходимость взять под свой контроль горные проходы, ведущие в Закавказье. О длительности противостояния населения горных районов и монголо-татар, укрепившихся на равнине, говорит несколько примеров. Так, в 1253 г. через Северный Кавказ проследовал в Монголию Гильом де Рубрук, который отметил, что аланы продолжают оказывать сопротивление татарам. Через год, в 1254 г., возвращаясь в Европу, он вновь проехал через Северный Кавказ и вновь отметил, что военные действия здесь еще продолжаются; "Аланы на этих горах все еще не покорены, так что

из каждого десятка людей Сартаха двоим наддежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине..." *(Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 111).*

Временами положение монголо-татар на Северном Кавказе осложнялось настолько, что для подавления населения гор приходилось использовать войска зависимых государств. Так, 8 февраля 1278 г. русские дружины были привлечены татарами для взятия "ясского города Дедякова" (Тютякова, Тетякова, Титякова). Первое упоминание об этом эпизоде содержится в Симеоновской летописи: "В лето 6785 (1277) поидоша князи в Татары, князь Борис с княгинею и детми, князь Глеб Ростовьский с сыном с Михаилом, князь Феодор, князь Андреи и инии князи мнози. Князь же Борис Василкович разболеса в орде, тамо и представися месяца сентября в 16 день, на память святые мученици Еуфимии. Князь же Глеб плакася веями по брате своем. Княгини же Марья, вземши тело князя своего, с сыном с Дмитрием повезе на Русь, и привезе в Ростов, и епископ Игнатии с игумены и попы, пев над ним, положища и в церкви святыя Богородица соборной, на левой стороне, месяц" ноября в 13, на память святого отца Иоанна Златоустаго, и плакася по нем весь град. Князь же Ростовский Глеб Василковичь с брата ничем своим с князем Констянтином, князь Феодор Ростиславичь, князь Андреи Александровичь и инии князи мнози с бояры и слугами поехаша на воину с царем Менгутемером, и поможе бог князем русским, взяша славный град Ясьский Дедяков зиме месяца февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полон и корысть велику взяща, а супротивных без числа оружием избища, а град их огнем пожгоша. Царь же почтив добре князей русских и похвалив велми и одарив, отпусти в свояси с многою честью, каждо в свою отчину" *(Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 75).*

Споры о месторасположении Дедякова продолжаются до сих пор. В разное время разными исследователями были названы 8 населенных пунктов на Северном Кавказец от Дербента до современной Кабардино-Балкарии, претендующих на то, чтобы быть Дедяково. Средневековые русские источники дают только общее указание на месторасположение города. Никоновская летопись, сообщая о казни в Орде князя Михаила Тверского в 1319 году, указывает, что это событие произошло; "...за рекою за Теркою, под великими горами под Яскими и Черкасками, у град Титякова, на реке Сивинце, близ Врат Железных, болвана медянаго, у златыя главы у Темиревы, богатыревы могилы". Считается установленным, чт последняя часть этой летописи, а именно со слов "... болвана медяного, у златыя главы у Темиревы, богатыревы могилы", являются вставкой, сделанно в XVI в. при переписке с более древнего свитк Большая часть исследователей склоняется к тому что Дедяков находился на месте городища Верхни Джулат.

Указанное городище занимает площадь свыш трех квадратных километров, а исследованный куль турный слой состоит из двух пластов: нижнего — аланского, относящегося к XI — XII вв., верхнего — монгольского времени, относящегося к XIII — XI вв. Одна из особенностей Верхнего Джулата в том что здесь обнаружены остатки трех христианских церквей, двух мусульманских мечетей и грунтовы могильник с языческим обрядом погребениям *(Крупнов Е.И. Еще раз о местотахождении города Дедякова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 296-297)*

Интересную гипотезу выдвинула Е.Г. Пчелина. Поскольку этноним "аланы (ясы)" был собирательным и под этим этнонимом скрывались и нахские племена, она высказала предположение, что название города Дедяков могло произойти от чеченского Дяттахо. Чеченский топоним Дяттахо встречается в предании "О канаве Тимура Хромого", где говорится о нарте Беркиме, вынужденном бежать из Дяттахо, где он прежде жил; *(Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. № 114. С. 157).*

В целом пользу того, что Дедяков находился на землях нахов, говорят следующие обстоятельства:

1. Река Сивинец чаще всего отождествляется с рекой Сунжей (тюркско- персидское наименование Севендж, Сундж, чеченское и ингушское название — Соьлж), протекающей по территории Ингушетии и Чечни.

2. Переправившись на правый берег Терека, путешественник, двигающийся с запада или севера оказывался "за Тереком", как и указывает русская летопись.

3. Ясские горы, видимо, предгорья вблизи Дарьяла, "Железных ворот". Что касается Черкасских гор, то надо напомнить, что в XVI в., когда была сделана поздняя вставка в летопись, Терский хребет, протя-

нувшийся вдоль Терека с запада на восток, назывался чеченцами "Черкесским хребтом".

4. Медным болваном (идолом), упомянутым в летописи, мог быть идол нахской богини плодородия Тушоли. Металлическая маска с этого деревянного идола обнаружена в Чечне, на реке Асса, являющейся притоком Сунжи.

5. Что касается "богатыревой могилы", то это, вероятно, мавзолей Борга-Каш, построенный в 1405 — 1406 гг. как усыпальница крупного татарского (ногайского) феодала Бек-Султана, сына Худайнада. В этом районе Предкавказья это единственный в своем роде памятник, который вполне мог использоваться в качестве ориентира.

Территория Золотой Орды поражала воображение современников своими размерами. Так, многие арабские и персидские авторы говорили, что длина улуса Джучи составляет восемь месяцев пути, а ширина — шесть месяцев. По сведениям ал-Омари, в составе Золотой Орды известны следующие провинции и крупные города: Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, Дербент, Сибирь, Ибирь, Башкырд, Чулыман. Ядро государства составляли причерноморские, прикаспийские и североказахстанские степи вплоть до сибирской реки Чулыман. Все разоренные монголами северо-восточные и юго-западные русские княжества не были включены в состав Золотой Орды, оставшись на положении зависимых, облагаемых данью территорий. Волжская Булгария прекратила свое самостоятельное существование, превратившись в один из улусов Золотой Юрды. Юго-восточные земли улуса Джучи лежали между озером Балхаш и рекой Сырдарьей, включая также часть территории Хорезма с городом Ургенч вплоть до восточного побережья Каспийского моря. Степи Северного Кавказа и Крым являлись южными границами Золотой Орды. По своим размерам улус Джучи может считаться крупнейшим государством средневековья. Что касается военной мощи Золотой Орды, то в течение примерно столетия ей удавалось гарантировать неприкосновенность своих земель.

Прикаспийские и причерноморские степи в начале XIII в. представляли собой территории с чисто кочевым населением, вокруг которого существовали и развивались оседлые цивилизации Руси, Волжской Булгарии, Хорезма, Северного Кавказа и Крыма. Плано Карпини, проехавший в 1246 — 1247 гг. через всю Золотую Орду, не встретил на своем пути в этих степях ни одного города или поселения. Но оказавшийся в этих же местах всего через шесть лет Рубрук сообщает о начале градостроительной активности золотоордынских ханов. В частности, он сообщил о начале строительства новой столицы Золотой Орды — города Сарай.

При хане Берке (1257 — 1266 гг.) ислам становится государственной религией и заметно усиливается развитие золотоордынских городов. Сами города начинают принимать восточный облик — в них строятся мечети, медресе, караван-сараи. Бурному развитие городов способствовало также наличие в стране огромного количества ремесленников, захваченных во времена военных походов.

Наибольшего расцвета золотоордынские города достигли при хане Узбеке (1312 — 1341 гг.) и его преемнике Джанибеке (1341 — 1357 гг.). В это время происходит не только рост уже существовавших городов, но и возникает много новых. Самым крупным ю них был город Сарай ал-Джадид, заложенный Узбеком в начале 30-х годов XIV в. Впоследствии столица государства будет перенесена именно сюда. Кроме того, в самой Орде появляются обширные оседлые районы. Так, Поволжье, район излучины Дона, Предкавказье активно застраиваются городами, поселками и селениями, окруженными возделываемыми полями *(Егоров В.Л. Историческая география Золотой орды в XIII- XIV вв. М., 1986. С. 23-24).*

На территории Северного Кавказа крупнейшим золотоордынским городом был город Маджары, возникший во второй половине XIII в. Маджары находился на реке Куме близ современного города Прикумска. Название города происходит, скорее всего, от личного имени Маджар, широко распространенного среди монголов. Впервые название города Маджары появилось на серебряных дирхемах, отчеканенных здесь в 710 или 715 году хиджры (1310 — 1311 или 1315 — 1316 гг.) ханом Токтой. В русских летописях Маджары впервые упоминаются в связи с казнью князя Михаила Тверского в ставке хана Узбека. В 1334 г. здесь побывал арабский путешественник Ибн-Баттут, который называл Маджары "одним из лучших городов тюркских", здесь есть большой базар и соборная мечеть. В 1365 — 1367 годах здесь чеканят свои монеты золотоордынские ханы Джанибек II (1365 — 1367 гг.) и Абдаллах. В 1372 — 1373 годах этот город известен под эпитетом Джадид — Маджар ал-Джадид, что значит "Новый Маджар".

Город был разрушен во время похода Тимура и больше уже никогда не возродился.

В последние годы правления Джанибека и при его преемнике Бирдибеке (1357 — 1359 г.) развитие городов замедляется. Начавшийся в 60-х годах XIV в. период междоусобиц имел следствием полное прекращение градостроительства. И хотя с приходом к власти Тохтамыша период усобиц прекратился, все же города Золотой Орды уже начали постепенно терять былое значение. Походы Тимура привели к уничтожению большинства из золотоордынских городов, и хотя Тимур не стал задерживаться здесь и довольно быстро вернулся в Среднюю Азию, большинство разрушенных им городов уже никогда не возродились *(Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII — XIV вв. М., 1986. С. 25).*

Монголо-татарское нашествие в корне изменило этническую картину на Северном Кавказе, в том числе и на территории Чечни. Как известно, почти вся плоскостная часть Чечни входила ранее в состав государства Алания, за исключением районов, находящихся к востоку и юго-востоку от места впадения Сунжи в Терек. Здесь нахи тесно контактируют с тюркоязычным населением. Считается общепризнанной роль горцев Северо-Восточного Кавказа, в том числе нахов, в этногенезе тюркоязычных кумыков. Интересно, что та часть кумыков, что издревле обитает на территории Чечни, говорит на своем особом диалекте тюркского кумыкского языка. О длительном и значительном присутствии в восточной части плоскостной Чечни тюркского этнического элемента говорит и тот факт, что юго-восточная горная часть Чечни, именуемая самими чеченцами Нохчийн-мохк (Страна, край чеченцев), имеет еще и тюркское название — Ичкерия.

С появлением монголо-татар вся плоскостная часть Чечни довольно быстро оказалась под твердым контролем Золотой Орды. М. Х. Багаев высказал даже предположение, что установление контроля Золотой Орды над равнинными районами Чечни и Ингушетии можно отнести уже к 30-м годам XIII в. *(Багаев М. Х. Население плоскостной Чечено- Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII — XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1966. С. 62).* Однако это утверждение кажется сомнительным в свете того обстоятельства, что еще в 1278 г. золотоордынскому хану пришлось привлекать дружины русских князей для взятия города Дедякова. К тому же приведенные выше свидетельства европейских путешественников говорят о том, что в середине XIII в. ордынцам приходилось прилагать значительные усилия, чтобы гарантировать свои предкавказские кочевья от внезапных нападений с гор.

По свидетельству русских летописей, и в 1318 г. горные районы, прилегающие к кочевьям ордынских ханов, оставались не подконтрольными Золотой Орде. Именно в горы предлагали бежать князю Михаилу Тверскому, приговоренному ханом Узбеком к своей ставке к смерти. Но на плоскости татары чувствовали себя уверенно. Равнины не только к северу от Терека, но и к югу от него, между Терским и Сунженским хребтом, становятся уже районами их традиционных кочевий. Кстати, В. Б. Виноградов первым пришел к выводу, что ставка хана Узбека, где и был казнен Михаил Тверской, находилась в районе современных селений Плиево и Карабулак, мавзолей Борга-Каш и на дороге к Ачалукам с их горькими источниками *(Виноградов В. Б. И слава пережила его. (Биография научного поиска) // Грозненский рабочий. 1966. 19 ноября).*

Пребывание монголо-татар в плоскостных районах Чечни подтверждается целым рядом преданий, данными топонимии, ономастики, лингвистическими материалами. Говорят об этом и археологические данные. Так, еще в 1945 г. впервые были обнаружены золотоордынские поселения на берегу Сунжи, в районе селений Закатн-Юрт и Самашки. На одном из раскопов удалось проследить фундамент саманного здания и собрать большую коллекцию типичной золотоордынской керамики — тонкостенные обожженные сосуды красного цвета, чайники с высокими носиками, маленькие тонкопрофилированные кувшинчики. Был обнаружен также костяной футляр для хранения игл и обломки железных предметов. Незначительное количество золотоордынской керамики обнаружено также в центральной части Алхан-Калинского городища, что свидетельствует об использовании покинутого аланского города для стоянок золотоордынцев. К эпохе Золотой Орды относится и городище, расположенное рядом с селением Герменчук.

О том, что район между Тереком и Сунжей был местом постоянных татарских кочевок оговорит и наличие в этом районе мавзолея Борга-Каш. Это типичное мусульманское погребальное сооружение, сходное по архитектуре с несохранившимися мавзолеями татарского города Маджары, также распола-

гавшегося в Предкавказье. Сооружения мавзолея Борга-Каш датируются 1405 — 1406 годами, над входом в мавзолей — три арабские надписи. Народное предание связывает мавзолей с тюркским племенем борганов (Берга-Каш по-чеченски и по-ингушски означает "могила Борганов").

Недалеко от современных границ Чечни находятся развалины крупнейших золотоордынских городов — это городища Верхний Джулат — Татартуп и Нижний Джулат. Наивысший расцвет этих городов, основанных еще в аланскую эпоху, приходится на XIII — XIV вв. Вообще, если учесть, что основные ставки ханов Золотой Орды находились на Северном Кавказе, здесь же находились и значительная часть крупнейших городов этого государства, можно прийти к выводу, что экономический центр улуса Джучи находился именно здесь. Не случайно основные военные действия среднеазиатского эмира Тимура против Золотой Орды происходили именно на Северном Кавказе. И именно после того, как войска Тимура сровняли с землей цветущие города в предгорьях Кавказа, начался быстрый закат Золотой Орды.

Как уже говорилось, следствием монгольского погрома стало переселение основной массы жителей предгорий — алан в горные районы. Опустевшие районы Алании были быстро заселены на западе пришедшими из Абхазии абазинскими племенами тапанта, а на востоке — кабардинцами. Вопрос об эволюции взаимоотношений между монгола-татарами и кавказским населением далеко еще не ясен. Очевидно, быстрее других наладились отношения между ордынцами и адыгскими племенами, потому что уже в XIV в. кабардинские погребальные памятники в большом количестве появляются в плоскостных районах Чечни и Ингушетии. На продвижение кабардинцев в этот район указывают кабардинские могильные курганы, расположенные у селений Кескем, Кантышево, Назрань, Алхасте, Нестеровская, Плиево, Карабулак, Бамут, Ачхой-Мартан. Только в районе селения Бамут было исследовано больше двадцати кабардинских курганов *(Багаев М. Х. Население плоскостной Чечено- Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII — XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1966. С. 67).*

Кабардинские могильники представляют собой курганные насыпи небольшого размера, имеющие форму полушария. Часто эти курганы оказываются обложенными камнями. Типичное расположение кабардинских курганов — группами от нескольких десятков до нескольких сотен в одной группе. Обряд погребения также весьма своеобразен. Покойника клали на спину, в вытянутом положении, головой на запад. В редких случаях наблюдается другая ориентировка костяков — головой на юг. Покойника часто клали в деревянный гроб, колоду или делали деревянную обкладку. Вещи, сопровождавшие погребения, однообразны и четко делятся на мужские и женские. Для женских погребений характерны костяные иглы, головные уборы, пуговицы, разного рода украшения из бронзы, серебра и золота. В мужских захоронениях всегда находятся предметы вооружения — железные сабли, колчаны из дерева или кожи, стрелы, железные кресала различных форм с кремнем, железные ножи, пряжки.

Отличительная особенность кабардинских курганных могильников — индивидуальное захоронение, обычно отсутствуют сосуды и конская сбруя.

Северо-западные районы современной Чечни и северная часть Ингушетии еще во времена Золотой Орды были заселены кабардинцами, так что впоследствии они вошли в состав так называемой Малой Кабарды. Здесь также сохранилось немалое количество топонимов, связанных с кабардинским языком -Пседах, Сагопш, Малгобек, Кескем и ряд других. Терский хребет, как уже отмечалось, известен у чеченцев под названием Черкесский хребет. Следы длительного пребывания кабардинцев остались и в вайнахской ономастике — это имена кабардинского происхождения Темаркъа, Тепсурокъа, Оьдбузрукъ, Мусост и другие. К тому же в чеченском и ингушском фольклоре имеется целый пласт преданий и героических баллад — илли, рассказывающих о перипетиях борьбы чеченцев и ингушей с кабардинскими князьями, владевшими плоскостными районами.

Большим потрясением, имевшим для истории народов Северного Кавказа далеко идущие последствия, стал поход эмира Тимура против Золотой Орды. Войне между империей Тимура и Золотой Ордой предшествовал период "великой замятни" (1360 — 1380 гг.), когда ожесточенные междоусобные войны между крупнейшими ордынскими феодалами привели к фактическому распаду Золотой Орды. Претензии Мамая на верховную власть раскололи Орду на две части, границей между которыми стала Волга. Власть на территориях между Волгой и Днепром фактически принадлежала Мамою. Земли за Волгой, включая столицу государства Сарай ал-Джадид, уп-

равлялись довольно быстро сменявшими друг друга ханами. Несколько раз Мамою удавалось захватывать столицу, но удержать ее за собой не хватало сил *(Егоров В. Л. Историческая география Золотой Сфды в XIII — XIV вв. М. 1986. С. 21 — 22).*

Воспользовавшись смутой, целый ряд крупных феодалов попробовали отделиться и от сарайских ханов, и от Мамая. Так, уже, в 1361 г. от Золотой Орды фактически откололся Хорезм. Никому не подчинялись также правители областей и городов Булгар, Хаджитархан, Сарайчик, Мохши и ряда других. Разгром Мамая на Куликовом поле позволил новому хану Тохтамышу на короткое время вновь объединить страну, но некоторые западные территории уже были навсегда утрачены. Попытки же Тохтамыша возродить былую гегемонию Золотой Орды очень быстро привели к конфликту с Тимуром, который создавал новую мировую империю с центром в Средней Азии.

Поход войск Тимура против Золотой Орды, начавшийся весной 1395 г., считается одним из самых грандиозных военных мероприятий конца XIV в. Причины, приведшие к столкновению империи Тимура с Золотой Ордой, уже длительное время являются предметом научных дискуссий. Как бы то ни было, ясно, что возникновение обширной среднеазиатской империи, продвижение войск Тимура в Иран, Закавказье и на территории восточнее Коспия пришли в противоречие с интересами Золотой Орды, для которой эти районы были объектом традиционной экспансии. В свою очередь, Тимур стремился вытеснить Золотую Орду в степные пространства, что неминуемо привело бы к общему ослаблению этого государства. Для достижения своей цели Тимур активно вмешивался во внутриполитическую жизнь Золотой Орды, в частности в борьбу за овладение ханским престолом. Именно благодаря поддержке Тимура, после поражения на Куликовом поле фактического узурпатора ханской власти темника Мамая, новым ханом утвердился Тохтамыш, проведший многие годы при дворе среднеазиатского эмира. Однако, утвердившись на ханском престоле, Тохтамыш начал проводить собственный внешнеполитический курс, который неизбежно вел к столкновению со вчерашним союзником и покровителем Тимуром.

Первое крупное столкновение Тимура и Тохтамыша произошло 18 июня 1391 г., когда войска Золотой Орды потерпели жестокое поражение в битве на левом берегу Волги, недалеко от нынешней Казани. Однако на этот раз Тимур не закрепил свой успех и, удовольствовавшись мирными предложениями Тохтамыша, повернул армию назад. Очевидно, что полный разгром Золотой Орды либо еще не входил в его политические планы, либо он еще не был готов к такой войне, которая неизбежно затянулась бы. Тем не менее заключенный мир обеими сторонами рассматривался как короткая передышка.

Уже через три года, к осени 1394 г. Тимур фактически приступил к походу против Золотой Орды, с целью ее окончательного военного разгрома. Осенью 796 года хиджры (6 ноября 1393 — 26 октября 1394 г.) его армия расположилась в окрестностях Шеки в Северном Азербайджане. В это же время отряды Тохтамыша под комавдованием эмиров Али-оглана, Ильяс-оглана и Яглы-бека прошли через Дербентский проход и начали опустошать области Ширвана. После того, как Тимур направил против золотоордынцев свои войска, последние, уклонившись от боя, отступили за Дербент. В преддверии зимы Тимур не решился продолжить поход на север и расположился на зимовку в Азербайджане.

Зимой Тимур, которому, по-видимому требовался формальный повод для объявления войны, отправил Тохтамышу послание, которое отвез в Орду его опытный царедворец Шемс ад-Дин Алмалыки. Тохтамыш ответил то ли изъявлением покорности (по версии Низам ад-Дина Щами), то ли письмом, написанным в грубых и резких выражениях (по версии Шереф ад-Дина Али Йезди). В любом случае ответ Тохтамыша не удовлетворил среднеазиатского владыку. 28 февраля 1395 г., отослав из войска своих жен с малолетними детьми, Тимур выступил в поход на Золотую Орду: "Эмиры-темники, тысячники и (эмиры) кошунов отряд за отрядом, по своему рангу (мурчил), тронулись в путь" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 175).*

О численности армии Тимура нет точных данных, но традиционно считается, что в походе участвовало около 200 тысяч воинов. На взгляд автора, численность войск Тимура, а также его противника Тохтамыша сильно преувеличивается. Армии такой численности, собранные в одном месте, были бы практически неуправляемымя как в походе, так и во время сражения. Историографы Тимура сообщают только, что когда в районе Дербента был устроен

смотр всего войска, его левый фланг находялся у подножия Кавказских гор, а правый фланг стоял на берегу моря.

Дербент являлся владением шаха Шярвана Ибрагима I, который принял сторону Тимура и обеспечил беспрепятственный проход его армии через свои владения. За Дербентом начинались владения Кайтагского уцмия, простравшиеся на север до нынешнего Буйнакска. Вероятно, это владение считалось союзным Золотой Орде, потому что Тимур устроил жестеокую расправу над населением этой области"...из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 119).*

От Кайтага войска Тимура продвинулись к селению Тарки, расположенному немного южнее современной Махачкалы. Здесь он получил свежие сведения о продвижении отрядов Тохтамыша. "Когда Тимур со своим войском прибыл в местность Тарки и расположился лагерем, до сведения его довели, что авангард Тохтамыша (под начальством) Казанчия (Каранчи) остановился на берегу реки Хой (Кой-Су)" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 119).* По сведениям "Анонима Искандера" ордынский авангард был послан для охраны переправы через реку Кой-Су (вероятнее всего, это река Сулак). Переправа, которую собирался охранять Казанчи, находилась, по мнению большинства исследователей, возле селения Чир-Юрт, откуда начинается прямая дорога, ведущая к среднему течению Терека.

Совершив ночной марш-бросок на расстояние 60 километров, войска Тимура обрушились на ордынский авангард. Впрочем, часть ордынцев во главе с самим Казанчи сумела оторваться от преследования и соединиться с главными силами. Сам Тимур продвинулся до реки Сунжи и перешел ее, как считают некоторые исследователи, возле современного города Грозного. Здесь действительно имелась удобная переправа через Сунжу, известная среди чеченцев как "мост хромого Тимура". В русских докумеотах VVI — XVII вв. она известка под названием "Османов перевоз".

Армия Тохтамыша первоначально поджидала противника на правом берегу Терека, где ордынцы при помощи окопных щитов, арб и повозок укрепили свой лагерь. Однако при приближении врага Тохтамыш снялся с лагеря и, перейдя на левый берег Терека, отступил в северо-западном направлении, к речке Куре, протекающей в 30 километрах севернее среднего течения Терека. Тимур также перевел армию на левый берег, скорее всего в районе современной станицы Николаевской, и направился в область Джулат, где занялся пополнением запасов продовольствия: "Тимур во второй раз пошел по берегу реки, отправился к Джулату, дал там войску провиант (алуфе) и устроил (ему) новый порядок. Вдруг пришло известие, что Тохтамыш-хан, вторично устроив войско, идет по берегу реки Терек и что на этот раз он решился на бой и намерен сражаться. Тимур повернул обратно и пошел ему навстречу — построил правое н левое крыло, выслал вперед авангард и на другой день, подойдя к войску врага, стал лагерем"*(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 121).*

Какое-то время, Джулат, о котором сообщает Низам ад-Дин Щами отождествлялся с городищем Верхний Джулат, расположенным на левом берегу Терека в районе Эльхотово. Однако текст другого историографа Тимура — Шереф ад-Дина Али Йезди однозначно свидетельствует о том, что Тохтамыш двигался навстречу Тимуру вниз по течению Терека: "...Тохтамыш вторично привел в порядок войско и по берегам реки идет вниз вслед за победоносным войском. Тимур, устроив правое и левое крыло, центр и фланги победоносного войска, повернул назад и двинулся на них вверх по реке" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 176).* Следовательно, область Джулат, где Тимур пополнял продовольственные запасы, находилась восточнее места впадения Сунжи в Терек. Указанная область была густо населена, о чем свидетельствует еще Рашид ад-Дин — после победы Хулагу над войском хана Берке в районе Дербента сын Хулагу Абакахан, преследуя врага, переправился через Терек. "Кыпчакская степь была сплошь в палатках и больших шатрах, а земля та полна лошадей, мулов, верблюдов и овец" *(Рашид ад-Дин. Джамаат ат Таварих. Т. 3. Баку, 1957. С. 60 —*

61). О том, что сражение между ордынцами и войском Тимура произошло в районе впадения Сунжи в Терек, т. е. на территории Чечни, говорят и русские летописи. Так, Никоновская летопись говорит, что сражение произошло "...в поле чисте... на месте, нарицаемом Ордыньском, на кочевищи царя Тахтамыша, близ реки Севенчи" *(цит по: Кучкин В.А. Где искать ясский город Тютяков? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т.XXV. Орджоникидзе, 1966. С. 180).*

Генеральное сражение произошло 14 апреля 1395 года и завершилось разгромом армии Тохтамыша. Сам Тохтамыш бежал на север к Укеку (Увеку) и Булгару, правое крыло его армии во главе с Бек-арыком удала далеко на северо-запад, вплоть до Днепра. Часть воинов вслед за эмиром Утурку бежала в горы Центрального Кавказа. Оставив на месте обоз и часть войска, Тимур направился в погоню за Тохтамышем. В своем движении на север Тимур дошел до русского города Ельца, после чего повернул к югу. Пройдя по Днепру и Дону, осенью 1395 г. Тимур из Азака (низовья Дона) вступил на территорию адыго-черкесских племен. Последние, не вступая в открытое сражение, сожгли всю растительность на пространстве между Азаком и Кубанью. Армии Тимура пришлось в течении нескольких дней двигаться по выжженной территории, в результате чего погибло большое количество скота и лошадей. Через семь-восемь дней пути Тимур дошел до Кубани, где дал войску несколько дней отдыха. Затем против черкесов были направлены войска: "Мирзу Мухамед-Султана, Мирзу Мираншаха, эмира Джеханшаха и других эмиров Тимур-завоеватель отправил против черкесов и настойчиво приказал им, чтобы они поскорее покорили эту область и вернулись обратно" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 180).* У Абд ар-Раззака Самарканди имеется описание этого набега: "...(войска) опустошили и ограбили эту область до берегов Франского моря, называемого морем Азакским. Разорив левую и правую стороны тех степей до подножия гор и до берега моря, очистив от иля и улуса, с несметной добычей и громкими победами они прибыли в высочайшую орду..." *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 181).* Одновременное употребление терминов "иль" и "улус" означает, что в области черкесов имелся народ подвластный ("иль") и собственно земли черкесов — "улус".

После возвращения войск, посланных в поход против черкесов, Тимур направился к реке Эльбурз. Надо указать, что Низам ад-Дин Щами и Шереф ад-Дин Алл Йезди называют Эльбурзом весь Кавказский хребет. Учитывая, что войско Тимура двинулось на восток, можно предположить, что название "река Эльбурз" применимо к горе Эльбрус. Во время этого движения Тимур приказал казнить одного из своих эмиров — Осман-и-Абасса: "...гнев и горячность царские произошли по подозрению, которого в действотельности не было, и что виной этому было подстрекательство нескольких клеветников" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 119).*

Х. А. Хизриев считает, что Тимур создал в местности Бештаг, или Бешкент, свою ставку, куда он возвращался после каждого похода в различные области Северного Кавказа. Бештаг Х. А. Хизриев отождествляет с современным Пятигорьем, а Э. В. Ртвеладзе, признавая Бештаг за Пятигорье, Бешкент локализует в Дагестане. Впрочем, вопрос о точном местонахождении ставки Тимура во время его карательных экспедиций на Северном Кавказе не имеет принципиального значения.

Следующий поход войск Тимура пришелся против племени асов, во главе которых стояли два предводителя — Буракан и Буриберд. Оба имени — тюркского происхождения, причем имя Буриберд означает "волком данный". Область асов в верховьях Кубани известна еще в раннем средневековье, о чем подробнее говорилось в предыдущих главах. В данном случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что предводители асов носят чисто тюркские имена, что является свидетельством далеко зашедшего процесса тюркинизации остатков западных асов. Представляется, что в данном случае уже можно говорить не об асах, а о предках нынешних карачаевцев и балкарцев.

Историографы Тимура отмечают, что поход против асов был предпринят с целью джихада, т. е. распространения ислама, что наряду с другими свидетельствами указывает на господство здесь христианства. У войска Тимура "в горных укреплениях и

щищенных ущельях... было много стычек...", но тем не менее "...разорили их крепости и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 184).*

Вернувшись из области ассов на свою, ставку, Тимур дал короткий отдых войску, а затем направился против области Иркувун и крепости Купы и Тауса. Локализация области Иркувун и крепости Купы и Тауса долгое время вызывала споры. А. Ю. Якубовский и дагестанские историки считали, что речь вдет о походе, совершенном на территорию Дагестана. Л. И. Лавров и И. М. Мизиев помещали их в Кабардино-Балкарии, а Ю. Гаглойти считал, что очередной поход Тимура был направлен в Приэльбрусье. Э. В. Ртвеладзе склоняется все же к тому, что военные действия на этот раз происходили на территории Северной Осетии, вероятнее всего, в Куртатинском ущелье, где в средневековье уже существует ряд сильно укрепленных селений, в том числе селение Гули. Последнее он считает созвучным персидскому Купу — Кули. Название области Иркувун, по его же мнению, является этнонимом, первая часть которого состоит из самоназвания осетин "ир, ирон", а вторая — из осетинского же слова кау хьау — "селение" *(Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник НИИ истории, языка и литературы Чечено — Ингушской АССР. Т. IV. Грозный, 1976. С. 114-115).*

Х. А. Хизриев, однако, возражает против подобной расшифровки термина "Иркувун", указывая, что, по сведениям армянских источников, монголы словом "аркаун" называли всех христиан вообще. Поэтому название области Иркувун, по его мнению, следует понимать как "область христиан", что, на наш взгляд все-таки не слишком убедительно *(Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-западный и Центральный Кавказ // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено- Ингушской АССР. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный. 1974. С. 131).* Впрочем, нельзя не согласиться с мнением Х. А. Хизриева о том, что Тимур совершал свои экспедации, последовательно разоряя области Северного Кавказа с запада на восток. Поэтому первый его удар пришелся на адыго-черкесские племена, обитавшие на Северо-Западном Кавказе. Второй удар пришелся по горным районам современной Карачаево-Черкессии. Следовательно, по логике развития событий, третий удар должен был быть направлен против племен, населявших современную Кабардино- Балкарию. Это, однако, еще не дает права локализовать область Иркувун на территории балкарцев в Чегемском и Баксанском ущельях, так как из тактических соображений Тимур вполне мог напасть вначале на область осетин, а затем уже вернуться к разорению земель, лежащих западнее.

Отступая перед войском Тимура, жители области Иркувун поднялись так высоко в горы, "...что у смотрящего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой вышине, что пущенная стрела не долетала до нее" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 122).* При штурме этой крепости отличились воины да племени меркитов, ловких и искусных в ходьбе по горам. С помощью канатов и длинных лестниц, которые меркиты связывали между собой, они с двух сторон сумели подняться на вершину горы и штурмом овладеть крепостью "...и умертвили множество люден из племени Иркувун, которые были в ней. Взяв в плен Кулу и Тауса, которые были предводителями той крепости, они убили их" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 122).*

Следующая экспедиция Тимура была направлена против местного эмира Пулада, который отказался выдать Тимуру одного из старших эмиров Золотой Орды Утурку (Удурку), нашедшего у него убежище после разгрома армии Тохтамыша. В битве на Тереке Утурка командовал одним из корпусов правого крыла войска Золотой Орды. В ответ на требование Тимура выдать Утурку эмир Пулад ответил: "У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены. Утурку нашел у меня убежище, и пока душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 122).*

Х. А. Хизриев, сославшись на мнение В. А. Кузнецова, который допускал возможность отождеств-

ления крепости Пулада с Джулатом, приходит к выводу, что очередная экспедиция Тимура была направлена против города Верхний Джулат, близ современного села Эльхотово в Северной Осетии. По его версии, выйдя из своей ставки, Тимур один день простоял с войском в местности Балкан. Затем он подошел к крепости Пулада и немотря на трудности осады и отчаянное сопротивление защитников, овладел ею. Поскольку Пулад в источниках больше не упоминается, Х. А. Хизриев пришел к выводу, что он был убит при штурме крепости, а Учурку сумел бежать и укрылся в Дарьяльском ущелье, где находалась крепость Кабчигай *(Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Известим НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. 9. Ч.3 Вып.1. С. 137).*

Однако отождествление личного имени эмира Пулада с названием крепости Джулат вряд ли правомерно, тем более что историограф Тимура Низам ад-Дин Щами прямо указывает, что Утурку с самого начала укрывался в крепости Кобчигай. Местность Балкан, где имела место однодневная стоянка армии Тимура, Л. И. Лавров уверенно отождествляет с Черекским ущельем, где первоначально расселялись балкарцы. А саму крепость эмира Пулада — Кабчигай Э. В. Ртвеладзе локализует в Чегемском ущелье в районе селения Верхний Чегем, где имеется большое количество позднесредневековых боевых и дозорных башен и оборонительных стен (Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник НИИ *истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IV.Грозный, 1976. С. 115-116).*

Расправа Тимура с защитниками крепости Кобчигай была чрезвычайно жестокой. Три отряда, отступившие на склоны гор, после падения крепости были захвачены в плен, и все воины из этих отрядов были сожжены *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 182).* Возможно, гнев Тимура был вызван тем, что из осажденной крепости удалось бежать эмиру Утурке. В погоню был отправлен Мирза Мираншах во главе большого войска. Последний прошел через "...ущелье и перевалы у горы Эльбурз" и вышел в местность Абаза (Абаса). Местность Абаза, вероятно, располагалась в верховьях Кумы и Подкумка, где еще в середине XVIII в. существовало несколько селений, в названиях которых присутствовал топоним "Абаза": Нижние Абазы, Средние Абазы, Запущенные Абазы, Верхние Абазы. В этом случае Мираншах двигался из Чегемского ущелья через перевал Кёк-Таш в Баксанское ущелье, далее через легкопроходимый перевал Кыртык-Ауш в верховья реки Малки и далее в местность Абаза. Тямур проследовал с оставшимся войском вслед за Мяраншахом, и именно в местности Абаза был схвачен Утурка, а вся область была разорена я разграблена.

Разорив область Абаза, Тимур вернулся в свою ставку в районе Пятигорья, где к нему порибыл некий Мухаммед-оглан, сын Нияту-хана, ставший его проводником. Вскоре начался следующий поход, на этот раз против области Симсим, которая практически всеми исследователями бесспорно отождествляется с территорией Чечни. По сообщению Низам ад-Дина Щами, правителем Симсима был некий Мухаммед, сын Кырбека. Шереф ад-Дин Алл Йезди также называет его Мухаммедом, но сыном Гаюр-хана. Из имени правителя Симсима видно, что он был мусульманином. При приближении войск Тимура сам эмир Мухаммед и часть жителей его страны (очевидно, мусульмане по вероисповеданию) вышли к Тимуру и были им приняты, а сам эмир Мухаммед "...вступил в число слуг двора его". Зато другая часть жителей Симсима при приближении армии Тимура бежала в горы и "...ушла в такие неприступные места, куда и пеший с трудом мог добраться" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 183).*

Тимур лично возглавил войско, выступившее против жителей Симсима, при этом из описания похода следует, что войску пришлось подниматься в такие места, "...где ни конному, ни пешему нельзя спуститься, а следовало оттолкнуться и скользить вниз" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 183).* Несмотря на ожесточенное сопротивление жителей, Тимур захватил множество крепостей в этих горах, защитников которых по его приказу сбрасывали в пропасти. Особо подчеркивается, что было уничтожено большое количество церквей и капищ языческих идолов.

Если вспомнить, что из гор Симсима Тимур совершил набег на область Аухар, которую часть исс-

ледователей отождествляют с Аварией, а на наш взгляд, это не что иное, как Аух, область расселения чеченцев-аккинцев в Дагестане, то не остается сомнений, что горы, в которых произошли указанные выше события, это горная область Нохчийн-Мохк (Ичкерия) и прилегающие к ним верховья реки Шаро-Аргун. Описывая эти места, оба историографа Тимура подчеркивают крайнюю труднодоступность этих мест, а также наличие здесь как христианских церквей, так и языческих капищ. То, что в горной части Чечни, прилегающей к Грузии дольше всего сохранялось влияние грузинских миссионеров, вряд ли вызывает сомнение. Грузинские летописи довольно часто пишут о церквах, имевшихся в землях дурдзуков, киотов, глигвов и других горных нахских племен. В первой половине XIV в. грузинский католикос Евфимий посетил храмы разных народов, в том числе и "у народа Нахче" *(Семенов Л. П. Археологические и этногрфические разыскания в Ингушетии в 1925 — 1932 годах. Грозный, 1962. С. 62).*

Очевидно, область Симсим включала в себя как предгорья, так и горную часть. Сообщения историографов Тимура о принадлежности правителя области к исламскому вероисповеданию, а также то, что часть жителей не оказала сопротивления приближавшимся войскам Тимура, а сам Тимур подверг разорению только горные районы, где проживали в основном христиане и язычники, дает основание считать жителей предгорий мусульманами. Что касается вывода Э. В. Ртвеладзе о тюркском происхождении династии эмиров Симсима, то он не бесспорен. Сам эмир носит арабо- мусульманское имя Мухаммед. Что касается имени его отца — Гаюр-хан или Кырбек, то бесспорно тюркское происхождение этого имени не обязательно говорит о тюркском происхождении его обладателя. В чеченской ономастике известно большое количество имен тюркского происхождения.

Несомненно, что тюркское влияние было довольно сильным в плоскостных районах, прилегающих к области Нохчий-Мохк. Это современный Гудермесский район Чечни и Хасавюртовский район Дагестана. В обоих районах до сих пор среди чеченцев живут тюркоязычные кумыки. Из этого, правда, вовсе не обязательно следует, что все население плоскостных районов Симсима было тюркским. Из истории последующих веков известно, что чеченские общества, жившие на равнине, часто приглашали на княжение кого-нибудь из кумыкских или кабардинских феодалов, заключая с ними соответствующие договора. Именно попытки пришлых феодалов сделать свои договорные права наследственными привели в конечном счете к полному изгнанию их с территории чеченских обществ. Поэтому нельзя исключить, что подобная практика, характерная для чеченских плоскостных обществ в XV — XVIII вв., не могла зародиться раньше — в конце XIV в.

Что касается названия области Симсим, можно отметить, что в Ножай-Юртовском районе Чечни (область Нохчий- Мохк, Ичкерия) до сих пор существует селение Симсир, расположенное у одной из самых удобных перевальных дорог из Чечни в Нагорный Дагестан. Еще одно селение с аналогичным названием было основано выходцами из чеченских гор возле Хасавюрта, на землях чеченцев-аккинцев. Этимология этого слова неясна. Э. В. Ртвеладзе в качестве рабочей гипотезы предположил, что название области Симсим происходит от тюркского слова "семис" — "тучный, плодородный" *(Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этногрфический сборник НИИ стории,языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т.IV. Грозный, 1976, С. 119).* Это слово, кстати, прочно вошло и в чеченский язык. Надо отметить, что область Нохчий-Мохк, а также прилегающая к ней Чеченская равнина действительно являются одной из самых плодородных территорий на Северном Кавказе.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, по сообщением Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Али Йезди, Тимур после завоевания горных областей Симсима вернулся на плоскость, после чего и был совершен набег на "подножие горы Аухар". Поэтому маловероятно, что речь в указанном отрывке может идти об Аварии, расположенной глубоко в горах. К тому же в персидских источниках область аварцев обозначается термином Авир.

В то же время тюркоязычные народы (кумыки и ногайцы) называют чеченцев-аккинцев и их земли словом "Аух", во множественном числе к этому слову добавляется суффикс -лар — "Аухлар". В персидском же языке для множественного числа применяется другой суффикс — ар, что дает "Аух-ар''. Следовательно, гора Аухар имеет отношение не к аварцам, а к чеченцам- аккинцам. Отметим также, что почти все старинные аккинские аулы имели названия, включавшие в себя слово "аух" — Юрт-Аух, Акташ-Аух, Ярыксу-Аух, Кошен-Аух и другие.

Хроникеры Тимура предельно кратки в описании пребывания его войск на землях аккинцев. Однако

местные дагестанские хроники сообщают, что Тимур пройдя через кумыкскую низменность, вторгся в Чечню и после сильного сражения взял и разрушил город Алмак (Алмкхе), в котором было примерно 7 — 8 тысяч домов. После захвата города жители окрестных селений были переселены на равнину *(Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала 1929. С. 29; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 64).* У аккинцев, так же как и у других чеченцев и дагестанцев, на основе арабской графики была развита своеобразная форма историографии — истории отдельных обществ, селений, родов. Эти записи у чеченцев носили название "тептар".

Так, одна из аккинских хроник сообщает о том, как пять раз на аккинцев нападали кочевники, именуемые в хронике "калмыками". Впрочем, в аналогичных дагестанских хрониках "калмыками** называются монголо-татары. Видимо, этноним "калмыки" закрепился при поздних редакциях указанных исторических хроник. Первым предводителем аккинцев в войнах против кочевников был некий Таймасхан (Таймасха), который погиб в одном из сражений на берегу реки Сирахьина (Терек). А. Адилсултанов относит указанные событиям к первой половине XIII в. По его же версии, в следующем, XIV в. произошло пять крупных сражений (или войн) между монголо-татарами и чеченцами-аккинцами. Во главе последних стоял новый предводитель — Янбек. Последние из этих войн А. Адилсултанов относит к последней четверти XIV в. Наиболее ожесточенным было третье сражение, состоявшееся выше аккинского селения Кешне, возле горы Іамр-Куьрт (Іамарка-Амарка). Во время этого сражения или, может быть, войны аккинцы получили военную помощь от соседних лакцев (кази-кумухов), что позволило им одержать победу. Ордынцы, потеряв согласно хронике 3000 воинов, отступили, но в сражении погиб и предводитель аккинцев Янбек. После гибели Янбека руководство перешло к его сыну Мавдию (Маьда, Маlда). Последнее, пятое сражение произошло возле горы Гебак-Гіала, недалеко от современного селения Дылым в Дагестане. Накануне последнего сражения к аккинцам прибыл посланец от некоего мусульманского государства, который всячески поддерживал боевой настрой аккинцев. Потерпев поражение в пятый раз, кочевники ушли на север и больше на территории аккинцев уже не появлялись. А. Адилсултанов считает указанного посланца представителем среднеазиатского правителя Тимура *(Адилсултанов А. Аккинцы (ауховцы) // Чеченцы: история и современность. М. 1996. С. 194).*

Однако, по мнению Х. А. Хизрнйева, данная хроника отражает события, связанные с нашествием Тимура. После четвертого нападения врага к аккинцам прибыл посол Кузикумухского шамхала, который обратился к ним со следующими словами: "Эй, народ, если вы мусульмане, говорите, что за война и с кем вы воюете!" Аккинцы ответили: "Алхьамдулиииах!, мы мусульмане, но у нас мало оружия". Посланник посоветовал им: "Пока пустите в ход стрелы" и умчался. После того как аккинцы обрушили на "калмыков" град камней и стрел, те отступили, решив, что к аккинцам подошли свежие силы. В это время действительно подошло войско Казимухского шамхала, которое пустило в ход сабли. Перешли в наступление и аккинцы. В результате, потеряв три тысячи человек, "калмыки" отступили, но в бою погиб предводитель аккинцев Янбек. Ему, как уже говорилось в версии А. Адисултанова, наследовал его сын Майда. После этого война продолжалась еще долгое время, но в конце концов врага изгнали из земли акинцев (Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3, Вып. 1. Грозный, 1974. С. 13).

Трудно дать однозначную оценку сведениям, содержащимся в указанной хронике. Содержание ее во многих местах неопределенно и допускает различные толкования. Только тщательное сопоставление ее текста с аналогичными дагестанскими хрониками позволит сделать окончательные выводы в отношении этого источника по истории чеченцев.

Из области аккинцев армия Тимура через земли кумыков отошла в область Бешкенд, жители которой еще раньше успели выразить ему покорность. За это Тимур приказал войскам не. причинять им вреда, а их правителей удостоил пожалованием *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 184).* Далее его маршрут ведет в область Чутур (Чудур), населенную язычниками. Разорив Чутур, войско Тимура захватило много добычи, в том числе большое количество меда. В виду приближения зимы, Тимур повел войско дальше на север. Перейдя Терек, он дошел до местности Бугаз-Кум (Песчаный залив), где и остановился на зимовку. Бугаз-Кум Л. И. Лавров считает низовьями реки Ку-

мы *(Лавров Л. И. Тарки до XVго в. Ученые записки института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Т. 4. Махачкала, 1958. С. 107).* Зимой он послал отряд, который по льду перешел на близлежащие острова Каспийского моря и разорил поселения народа балыкчиян (рыбаков).

Ранней весной следующего, 1396 года войска Тимура вернулись в Дагестан. Первым пунктом на его пути стало селение Тарки, где Тимур оставил свой обоз, а сам, приведя в порядок войско, быстрым маршем двинулся в область Ушкуджа. Попытки локализация этой области также вызвали к жизни противоречивые мнения среди исследователей. Так, Э. В. Ртвеладзе и В. В. Бартольд отождествляют его с даргинским ауломАкуша *(Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археологический сборник НИИ истории, языка и литературы ЧИАССР. Т.4. Грозный, 1976. С. 121); Бартольд В. В. Дагестан // Сочинения. Т. 3. М., 1965. С. 411).* Б. Г. Алиев и Р. С. Шихсоидов считают, что под названием Ушкуджа надо понимать современное селение Усиша, которое раньше называлось Уксиша *(Б. Г. Алиев и Р. С. Шихсаидов. О маршруте похода Тимура в 1395 — 1396 гг. через Дагестан // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Т. XX. Махачкала, 1970. С. 230).* Кстати, указанные авторы предлагают собственную версию похода Тимура против дагестанских народов. В соответствии с этой версией, разорение города Алмак состоялось не в конце 1395 г., а ранней весной следующего, 1396 г., когда войско Тимура выступило с зимовья в районе р. Кумы. Само селение или город Алмак они локализуют в Салаватии, куда Тимур прошел беспрепятственно через чеченские земли. Разорив Алмак; войско Тимура по хребту Салаватских гор продвинулось к селениям Берктау, Алхастау, Чубантау и Батлух, которые были разрушены, несмотря на сопротивление жителей.

Дальнейшее движение войск Тимура, по версии Б. Г. Алиева и Р. С. Шихсаидова, происходит в район нынешнего Буйнакска, по дороге куда была захвачена крепость Капчугай. Остановившись в районе Буйнакска, Тимур совершил ряд набегов на окрестные селения. В числе прочих был захвачен и город Кадар. Одновременно Б. Г. Алиев и Р. С. Шихсаидов выдвинули версию, по которой древнее название Буйнакска — Темир-Хан-Шура связано с пребыванием здесь армии Тимура и переводится с даргинского как "Озеро Темир-хана". Только после этого Тимур перенес свой лагерь в район селения Тарки близ современной Махачкалы.

Существует также версия Х. -М. О. Хашаева, в соответствии с которое область Ушкуджа локализуется в Табасаране *(Хашаев Х. -М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1 961. С. 27).*

Х. А. Хизриев обращает внимание на то, что у Низам ад-Дина Шами речь идет именно о местности под названием Ушкуджа, а не об отдельной крепости или городе. Следовательно, по его мнению, нет смысла привязывать топоним Ушкуджа к какому-либо конкретному населенному пункту, а речь может идти о местности, где сходятся три дороги или же расположены три озера (Ушкуджа по-кумыкски означает "местность трех дорог, местность трех направлений" или "местность трех озер"). Местом, отвечающим указанному требованию, Х. А. Хизриев считает район Буйнакска.

На помощь населению Ушкуджи пришел объединенный отряд дакцев и чеченцев-аккинцев — Шереф ад-Дин Али Йезди сообщает, что прибыл "...шаукал Казикумухский и Аухарский с 3 тысячами человек" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 185).* Формальные верховные правители Дагестана носили титул "шамхалов", хотя реально такой властью они практически никогда не обладали. Поэтому титул "шаукал Казикумухский и Аухарский" следует понимать так, что в отряде, пришедшем на помощь жителям Ушкуджа, были воины из области Кази-Кумуха и Ауха, т. е. лакцы и чеченцы-аккинцы.

Тимур лично выступил против отряда лакцев и аккинцев во главе 500 всадников. Воспользовавшись тем, что противник расположился на отдых под холмом, даже не выставив часовых, Тимур неожиданной атакой застал врасплох своих противников. Во время короткого боя один из воинов Тимура — Мубашваир-Бахадур убил самого шамхала, после чего лакцы и аккинцы прекратили сопротивление и сдались на милость победителя.

Иотересно, что историографы Тимура подчеркивают не только принадлежность лакцев и чеченцев-акинцев к мусульманской религии, но и их регулярное участие в докихаде, т. е. в войнах за распространение ислама: "...у области Гази-Кумук и войска Аухара был обычай, что они каждый год и месяц (очевидно, следует понимать — один месяц каждого

года) сражались с неверными...", но с появлением в их области Тимура "...изменив свой обычай, они поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому" *(Низам ад-Дин Шами. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 124).* Показательно, что разгромив объединенный отряд лакцев и чеченцев-аккинцев, Тимур обратился к пленным с упреком: "Прежде вы, приверженцы ислама, всегда воевали с неверными, что стало теперь, что вы отступив от этого, шли к ним на помощь" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 186).* Историографы Тимура добавляют, что пленные мусульмане лакци и чеченцы раскаялись в своем поведении, после чего были отпущены по домам. Нотересно, что в упомянутой уже аккинской исторической хронике сообщается, что им была дана грамота следующего содержания: "Я не нахожу мусульман, кроме вас, воюющих на территории Дагестана против христиан. На этой земле вам полная свобода от горы до равнины" *(Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы гфотнв монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1974. С. 16).* Кстати, это сообщение аккинской хроники перекликается с сообщением историографов Тимура о том, что после того как к нему с выражением покорности пришли казикумухские и аухарские (т. е. аккинские) почетные люди и правители, он "...обласкал их разными милостями — почетными халатами, златотканными одеждами, золотыми поясами для мечей и арабскими конями". Кроме того, им были выданы ярлыки, закреплявшие за ними их владения *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 186).*

Надо сказать, что расправа над немусульманским населением Ушкуджа была жестокой: "...всех тех неверных убили...из убитых сделали холмы и опустошили всю их область" *(Шереф ад-Дин Йезди. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 186).*

Дальнейшие действия армии Тимура, возможно, происходили на территории даргинцев. Топонимы, указанные в трудах его историографов, сильно искажены, поэтому локализовать их достаточно сложно. Низам ад-Дин Шами сообщает: "Затем была крепость по имени Нергес. Войско Тимура там также много сражалось, много народу было убито, и в конце концов ее взяли" *(Низам ад-Дин Шами. Книга побед // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. М.-Л., 1941. С. 124).*

Х. А. Хизриев высказал предположение, что Нергес, о котором сообщает Низам ад-Дин Шами, упомянут в дагестанских хрониках под названием Кадар. Поскольку возле современного селения Кадар нет городища, археологически сопоставимого с Кадаром из средневековых хроник (в нем было, по сообщениям дагестанских хроникеров, примерно 8 тысяч семейств), Х. А. Хизриев считает, что во времена Тимура селение находилось на месте городища Аркас, расположенного рядом с Кадаром. При этом он считает, что Нергес, Аркас, Кадар — все это название одной и той же местности на разных языках *(Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы гфотнв монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1974. С. 17-18).*

По сведениям Г. Э. Алкадари и А. К. Бакиханова, после того как все известные способы ведения осады были исчерпаны, Тимуру пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы взять Нергес. Объявив, что он снимает осаду, Тимур отправил в крепость множество сундуков, якобы с подарками. На самом же деле в сундуках спрятались отборные воины Тимура. Защитники Нергеса польстились на щедрые дары и пропустили караван за ворота, после чего воины Тимура сумели перебить стражу и открыть ворота. Город был разрушен до основания, а жители его истреблены.

После взятия крепости Нергес армия Тимура захватила еще ряд крепостей — Мика, Балу, Деркелу (Даркалу). Э. В. Ртвеладзе сопоставляет крепость Мику с лакским селением Мегe (Мегеги), Балу — с лакским же селением Балхар, а Деркелу — с доргинским селением Кодар *(Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археологический сборник НИИ истории, языка и литературы ЧИАССР. Т.4. Грозный, 1976. С. 123).*

На этом собственно военная часть похода завершилась. Тимур без боя вступил в селение Зирихгеран (Кубачи), жители которого преподнесли ему множество кольчуг и других изделий из металла. Пройдя

через область кайтагов, также выразивших ему полную покорность, Тимур с армией прибыл в Дербент, который он распорядился заново отстроить и укрепить. Затем Тимур покинул территорию Северного Кавказа, направившись в Азербайджан, где ширваншах уже подготовил для его армии запасы провианта и подарки.

Таким образом, поход Тимура против Золотой Орды продолжался немногим более года, но из этого времени восемь месяцев заняли карательные экспедиции против различных районов и народностей Северного Кавказа. Одно это уже может служить подтверждением тому, что Северный Кавказ был одним из богатейших улусов Золотой Орды. Основная цель, которую ставил перед собой Тимур, несомненно состояла в том, чтобы надолго, если не навсегда, сокрушить мощь Золотой Орды и не допустить ее дальнейшей экспансии в южном направлении. Надо полагать, что ко времени похода Тимура отношения между народами Северного Кавказа и Золотой Ордой уже не были столь враждебными, как в XIII в. Здесь располагались крупные золотордынские города — Маджары, Верхний Джулат (Татартуп) и Нижний Джулат. На Северном Кавказе находится традиционная ставка золотоордынских ханов. Во времена Золотой Орды начинается широкое расселение кабардинцев на плоскости, что также свидетельствует о вполне мирных отношениях. Вадимо, не случайно русские летописи сообщают о черкесах и ясах, участвовавших на стороне Мамая в Куликовском сражении. Источники также говорят о наличии черкесов и алан и в войске Тохтамыша. И один из главных эмиров Тохтамыша — Утурку бежит после разгрома на Тереке не куда-нибудь, а именно к одному из местных, кавказских владетелей. Отсюда следует непреложный вывод — народы Северного Кавказа, за исключением, может быть, отдаленных высокогорных районов, прилегающих к Грузии, ко времени похода Тимура уже стали составной и немаловажной частью Золотой Орды. Именно поэтому Тимур потратил восемь месяцев и пожертвовал не одной тысячей своих воинов, чтобы основательно разорить земли северокавказских народов. Тем самым он выполнял свой основной замысел — сокрушить мощь Золотой Орды.

После этого похода Тимура начинается стремительный закат Золотой Орды. Тимур явно не собирался присоединять к своей империи фактически завоеванную им Золотую Орду. Более того, формально Тимур восстановил государственность Орды, провозгласив ее ханом своего ставленника Едигея. Однако поход 1395 — 1396 гг не просто ослабил мощь Золотой Орды, а серьезно подорвал сами основы ее существования. Золотая Орда уже не смогла возродиться в прежней форме и на прежней территории. Не случайно в русских летописях на смену термину Золотая Орда приходит термин Большая Орда Волжская. Кстати, и Большая Орда просуществовала недолго, распавшись в свою очередь на Казанское, Астраханское и Крымское ханства, а также Ногайскую орду. Тем не менее, ханы Большой Орды пытались играть определенную роль на Северном Кавказе. Правда, эти попытки, как правило, встречали решительный отпор со стороны народов Северного Кавказа. Так русские источники сообщают, что в 1498 г. "...приходили черкасы на Большую Орду, да побили... татар Большой Орды добре много" *(Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и Турцией // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1884. С. 113).* В 1501 году из за сильной угрозы нападений северо-кавкавказских горцев татары не могли пахать в районах Предкавказья *(Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и Турцией // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1884. С. 358).*

Таким образом, поход Тимура значительно изменил ситуацию на Северном Кавказе. В этом отношении представляет определенный интерес ингушская легенда, записанная А. Мальсаговым. Легенда эта рассказывает о том, что ингушский род Баркинхоевых усилился благодаря Тимуру, который разгромил другое вайнахское племя, выселившееся на равнину раньше Баркинхоевых. Скорее всего, в легенде речь идет о орстхоевцах-карабулаках, которые раньше других нахских обществ выселились на равнину и препятствовали заселению на плоскость других родов.

После похода Тимура практически прекращается жизнь в существовавших на Северном Кавказе городах — города остались только в Дагестане. Прекратило существование Архызское городище, Рум-Кала, приходит в упадок Нижний Джулат и Верхний Джулат — Татартуп. Почти замерла жизнь в городе Маджары, площадь которого превышала 8 квадратных километров. Более того, на какое-то время обезлюдели целые районы. Все это не только прервало дальнейшее развитие городской культуры на большей части Северного Кавказа, но и надолго задержало

окончательное оформление здесь государств феодального типа у целого ряда народностей.

В XV в. Северный Кавказ в основном становется зоной влияния Крымского ханства. В свою очередью сам Крым подпадает под влияние стремительно набиравшей силу империи турок-османов. В 1453 г. султан Мехмед II захватил Константинополь, что еще более усилило позиции турок на Черном море. В 1475 г. турецкие войска оккупируют Трапезунд (Тробзон) в Малой Азии, а также генуэзские города в Крыму. В результате Крымское ханство становится вассалом Турция. Одновременно с турецким наступлением на Кавказ с юга начинается турецкая экспансия на Северном Кавказе. Захватив ряд территорий кавказского побережья Кавказа, турки построили ряд крепостей, служивших им опорой для дальнейшего продвижения на Кавказ. Однако главным инструментом и проводником турецкой политики в отношении народов Северного Кавказа оставалось Крымское ханство. Походы крымцев на кавказские земли принимают систематический характер.

К 20-м годам XVI в. после целой серии завоевательных походов и дипломатических усилий крымский хан добился вассальной зависимости от ряда черкесских племен Северо-Западного Кавказа. Вместе с тем, в Предкавказье существовал целый ряд государственных образований, в том числе татарское княжество Тюмень, находившееся в низовьях Терека. Существовали феодальные владения в Дагестане, а кабардинские князья контролировали большую часть предгорий Центрального Кавказа. Политика этих феодальных образований сводилась к бесконечному политическому лавированию между более сильными государствами, для того чтобы таким образом обеспечить свои собственные интересы. Такую возможность открывала также возросшая к концу XV в. вовлеченность Сефевидского Ирана в северокавказские дела. Так, в 1487 г. состоялся поход шейха Хайдара, который прошел через весь Северный Кавказ от Дербента до Черного моря. Правда, именно здесь его войска были наголову разгромлены горцами *(Криштопа А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1970. С. 116 — 117, 121).* В правление шаха Тахмаспа I (1524 — 1576 гг.) Иран подчинил себе Ширванское ханство на севере Азербайджана, а затем был захдачен и Дербент.

В 1502 году крымский хан Менгли-Гирей нанес сокрушительное поражение Большой Орде, прячем огромное число татаро-ордынцев были перебиты крымцами. Разгром Большой Орды был настолько опустошительным, что и через 15 лет польский историк М. Меховский называл пустыней территории, входившие ранее в состав Большой Орды *(Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936. С. 72).* Все это привело к резкому усилению Крымского ханства, границы которого продвинулись непосредственно до Московского государства, Казанского и Астраханского ханств. В своей переписке с московским государем крымский хан указывала "...царь астраханский мне друг, Казанский Саип-Гирей брат, Ногаи, Черкасы и Тюмень подданные" *(Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1830. Т. 8. С. 142).*

Изменившаяся ситуация привела к возрастанию роли Северного Кавказа, где приходили в противоречие интересы Ирана, Турции и татарских ханств. К установлению связей с народами кавказского региона стремится и Российское государство, пытавшееся в то время найти союзников для ослабления татарского натиска. Однако в первой четверти XVI в. дипломатические усилия московских царей не принесли положительного результата. В 1521 г. совместные нападения крымских и казанских отрядов заставили Василия III признать себя данником крымского хана. Интересно, что наряду с татарскими отрядами к походу на Московское государство были привлечены также и черкесы *(Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 59).* Присутствие черкесов в составе крымского войска объясняется не только вассальной зависимостью части черкесов. Северокавказские феодалы активно проводили собственную политику, при этом существовали группировки ориентированные на ту или другую великую державу. Поэтому у крымского хана было немало союзников на Северном Кавказе, которые искали выгоду для себя, в том числе и от участия в совместном походе против Московского государства. Во всяком случае, тот же польский историк Матвей Меховский указывает, что горцы Северного Кавказа имеют связи по всей Азии вплоть до Египта *(Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936. С. 63)*

Глава VII

ЧЕЧНЯ И РОССИЯ: ПЕРИОД ПРОТИВОСТОЯНИЯ

К середине XVI в. нахские общества занимают уже в основном те самые земли, на которых они живут и по сей день. С одной стороны, это облегчает изучение исторических событий тех лет. Но, с другой стороны, этноним "чеченцы" еще не применяется, а в документах той эпохи чаще всего встречаются названия отдельных обществ (тукхумов), родов (тейпов), а также названия отдельных групп чеченцев, известные у соседних народов. Именно поэтому, например, российские источники почти ничего не говорят о чеченцах, но полны сообщений об "окочанах" — аккинцах, "шибутах" — шатойцах, "мичкизянах" — чеченцы, живущие рядом с кумыками, "калканцев" — гlалггlаи и так далее. Такое восприятие чеченцев их ближайшими соседями не случайно. Общенациональный этноним — "нохчо" оказался в то время отодвинут на задний план тем, что для простого человека гораздо важнее была принадлежность к конкретному тейпу и тукхуму, которые к тому же довольно часто враждовали между собой. Даже в конце XIX в., по свидетельству У. Лаудаева, "Шатоевцы и назрановцы неохотно зовут себя нахчоями, что происходит от их прежних враждебных отношений к чеченцам. Но при излиянии сердечных чувств при встречах, в гостях, на пути и проч., они всегда изъявляют свою единоплеменность, выражаясь: мы общие братья (вай ца вежерей деци), или: мы одинаковые нахчой (вай ца нахчой ду) *(Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С.39).* Впрочем, о том, как протекал процесс формирования из нахской народности двух наций — чеченцев и ингушей, мы поговорим чуть позже. Пока же ограничимся констатацией факта, что в политической жизни Северного Кавказа вплоть до последней четверти XVIII в. нахи участвуют не как единый народ, а в виде многочисленных обществ и родов, каждое из которых действует, как правило, в узких рамках собственных интересов. Что и нашло отражение, например, в тех же российских источниках, в которых этноним "чеченцы" по отношению к нахам начинает употребляться только в XVIII в., т. е. спустя много десятилетий после его появления.

Так называемый Мехк-кхел (Совет страны, Суд страны) совершенно не известен окружающим чеченцев народам. Ничего не говорят о нем ни российские, ни турецкие, ни другие на сегодня известные источники. Причина этого молчания заключается в том, что Мехк-кхел созывался лишь время от времени и решения его никогда не носили обязывающего характера. Полная самостоятельность обществ, родов и отдельных селений в принятии любого решения, касающегося непосредственно этого общества, рода или селения, на первых порах приводила к тому, что в XVI в. плохо информированные российские источники часто относили то или иное чеченское общество то к черкесам, то к кумыкам, а то и к

татарам. Например, черкесами в русских документах конца XVI в. названы "брагунцы" и "окочаны"; в других документах "шибутяне" и "борагунцы" названы кумыками. Впрочем, относя то или иное чеченское общество к черкесам или к кумыкам, русские источники таким образом скорее указывали на политическую ориентацию этих обществ, или на их зависимое положение по отношению к соседним феодалам.

Появление этнонима "чеченцы" обычно связывают с названием селения Чечен-аул, но само слово "чечен" издавна употребляется как название острова Чечень (Чачан) в Каспийском море, прямо в устье Терека. Известно также о существовании города Чечен (Чечень, Чачан) и реки Чечени. "Чеченским" назван российских источниках XVII в. некий мурза Алхан, кроме того упоминается "земля Чачана" *(Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 19 — 20)*. Но в целом по отношению к большинству нахов этноним "чеченцы" в российских источниках начинает употребляться значительно позднее.

По Тереку и Сунже российские источники фиксируют поселения чеченских обществ ококов, брагунцев, шибутян, мичкизов начиная с XVI в (раньше русские на Кавказе просто не появлялись, если не считать средневековья). Причем, указывается, что, например, мичкизы занимают довольно значительную территорию: "... а житье их, мичкизских людей, земля не малая, а живут вверху от Терека реки в Гребнях, в самых крепких местах близко гребенских казачьих городков" *(Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 71)*. Кстати, возвращавшиеся на равнины чеченцы начиная с XIV — XV вв. сталкиваются здесь с кабардинскими и кумыкскими князьями, пытавшимися установить контроль над их территорией. Взаимоотношения чеченских обществ с пришлыми феодалами складывались не просто. Тем более что и общая ситуация на Северном Кавказе в середине XVI в. была сложной.

Еще в 1545 г. началась война между Московским государством и Казанским ханством. На стороне последнего активно выступало и Крымское ханство. Однако после того, как в 1548 г. вспыхнула очередная война между Турцией и Ираном, значительные силы крымцев были отправлены на азиатский театр военных действий. Это позволило Москве в 1552 г. захватить Казань. Последнее обстоятельство, помимо всего прочего, повышало роль России в кавказских делах. Не случайно уже осенью 1552 г. в Москву прибыло посольство с Северного Кавказа: "... приехали ко государю царю и великому князю Черкасские государи князи Маашук князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от Крымского царя оборонил" *(Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 116, 214)*. Ясно, что прибывшие в Москву князья искали способа освободиться от зависимости от крымского хана. Кстати, уже во время пребывания указанных князей в Москве крымская конница в очередной раз напала на их владения.

Вскоре Россией было захвачено и Астраханское ханство, чему в немалой степени способствовала отвлеченность Крыма волнениями среди адыгов и кабардинцев. Летом 1555 г. в Москву прибывает новое адыго-кабардинское посольство, уже имевшее в своем составе 150 человек. Посольство опять просило помощи от нападений турецкого султана и его вассала — крымского хана. Таким образом, с самого начала определенная группировка северо-кавказских феодалов взяла внешнеполитическую ориентацию на Россию, видя в ней военный и политический противовес более близкому и опасному противнику — Крыму и Турции. В свою очередь, распространяя свое покровительство на кабардинских князей, Москва (у которой была масса проблем с присоединением Казанского и Астраханского ханств) пыталась создать на Северном Кавказе силу, способную отвлечь на себя военную активность Крыма, выступавшего в качестве естественного союзника татарских государств Поволжья. Не случайно Иван IV Грозный поставил ряд условий для принятия кабардинских князей в подданство, а именно — они должны были ежегодно поставлять в качестве дани 1 тысячу аргамаков и выставлять на военную службу 20 тысяч человек *(Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб.,, С. 480)*. Скоординированные действия русских войск и части черкесских и кабардинских князей в 1555 — 1557 гг., а главным образом страшная засуха, обрушившаяся в 1558 г. на Крым и Ногайскую Орду, за которой последовали голод и болезни, унесшие только у ногайцев не менее ста тысяч жизней, — позволили России закрепить за собой Казань и Астрахань.

Выйдя вдоль Волги к берегам Каспийского моря, Россия поставила под свой контроль не только важные торговые пути, но и получила удобный плацдарм для дальнейшего продвижения в сторону Кавказа. Россия оказалась теперь уже непосредственно вовлеченной в дела региона, прилегающего к ее новым границам. Этим сразу же попытались воспользоваться местные владетели, постоянно занятые междоу-

собной войной. Начиная с 1556 г. в Астрахань постоянно прибывают послы от разных владетелей с просьбами о военной помощи. Так, в 1557 г. кабардинские князья просят помощи против Тарковского шамхала, а тот, в свою очередь, просил защитить его от кабардинских князей. В 1559 г. один из тюменских княжичей (Тюменское княжество располагалось в низовьях Терека) просит войско, чтобы отнять княжество у своего дяди *(Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 20).*

Конечно, уже тогда (в середине XVI в.) Россия приобрела значительные экономические интересы на Северном Кавказе. В этом плане достаточно указать, что не только Тюменское княжество, но и многие владетели Северо-Восточного Кавказа вели с Астраханью традиционную торговлю, которая не прекратилась после перехода Астрахани к России. Но преобладающее значение для России имели вопросы геополитические. Северный Кавказ превращался в арену борьбы первоначально с Крымским ханством, а затем и с Турцией. Наиболее надежными союзниками России становится группировка адыго-кабардинских князей, которые, в свою очередь, рассчитывали при русской помощи занять господствующее положение не только среди прочих черкесских князей, но и на всем Северном Кавказе.

В 1557 г. Москва приняла решение о принятии в подданство кабардинских князей Темрюка Идарова и Тазрюта. Конечно, этот политический шаг вовсе не означал фактического присоединения Кабарды к России, тем более что другие кабардинские владетели вовсе не считали себя в чем-то связанным этим актом. Да и принявшие русское подданство князья первоначально вовсе не просили прислать им царского наместника или российскую администрацию. В их политические расчеты входило получение максимально возможной военной и финансовой поддержки для упрочения собственных позиций среди кабардинских князей. Положение изменилось через несколько лет, когда обострившаяся междоусобица поставила пророссийски ориентированных князей в трудное положение. Они обращаются с просьбой прислать войска, соглашаются принять воевод и принять христианство. Ответом на это обращение была первая российская военная экспедиция на Северный Кавказ, состоявшаяся в 1560 г.

Перед воеводой Иваном Черемисиновым ставилась задача по военному разгрому Тарковского шамхала и Тюменского княжества, присоединению Кабарды и ее последующему крещению. Воевода выступил в поход, имея под командованием стрельцов, казаков и мобилизованных жителей Астрахани: "И оне пришли на Шаткал к городу Тарком. И Шалкалской князь с царя и великого князя людми бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул. И Иван Черемисинов выжег и полону русскова и шавкалского поимал много и отшел со всеми людми здорово" *(Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 289).* Поскольку отряд Черемисинова не выполнил главную задачу — не пробился в Кабарду, можно считать, что первая российская военная экспедиция на Северный Кавказ закончилась провалом.

В 1561 г. состоялся брак Ивана IV с дочерью кабардинского князя Темрюка Идарова. Очевидно, что этим браком Темрюк надеялся упрочить свое положение среди других кабардинских князей. Однако уже в 1562 г. он вынужден бежать в Астрахань и просить у Ивана Грозного войско. По распоряжению царя к Темрюку были посланы из Казани и Астрахани стрельцы и пятьсот казаков во главе с князем Григорием Плещеевым. "А велел государь Григорию Плещееву с стрельцы и с казаки жить у Темгрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и войну ходить с его людми вместе, куда его Темгрюк князь учнет посылать" *(Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 324).*

В декабре 1562 г. русский отряд прибыл в Кабарду: "И Темгрюк со государскими людми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городка, город Мохан, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и многих людей побили. А те городки были Шепшуковы княжие. И люди тех городков били челом Темгрюку князю, и дань Темгрюк князь на них положил. И воевали землю их одиннадцать дней и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля, а отпустил Темгрюк Григория ко царю и великому князю" *(Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 324).* Е. Н. Кулешова считает, что Темрюк вместе с воеводой Плещеевым совершил поход в земли, лежащие между Кабардой и Грузией, и главной задачей имел установление контроля над районами, прилегающими к перевалам в Грузию. На наш же взгляд, Темрюк использовал войско, присланное ему зятем, чтобы подчинить себе владения, принадлежавшие ранее другому кабардинскому князю — Шепшуку (Пшеапшуку). И если захват осетинского селения Кобан ("город Каван") еще как-то можно объяснить желанием взять под контроль рай-

оны, прилегающие к главным кавказским перевалам, то нахское орстхоевское селение Яндери ("город Энгирь") находится на значительном удалении от них. Хотя нельзя исключить, что перед своим воеводой Иван Грозный действительно мог поставить задачу овладеть главными путями в Грузию.

Возможно, что уже в 1563 г., а не в 1567 г., была построена первая российская крепость на Северном Кавказе: "Приехавший в Крым из Черкас в июле 1563 года Кулчук-Мурза говорил хану Девлет-Гирею, что царь Иван IV весной этого года прислал в Черкасы к Темрюку князю воевод своих... И воеводы де пришед к Темрюку князю город поставили; и Темрюк де в городе сел..." *(Юдин П. Первые русские города на Тереке // Терские ведомости. 1912. № 221).* В следующем, 1564 г. большая группа кабардинских князей, противостоящих Темрюку, направила обращение к крымскому хану, где указывала на угрозу, которую представляли планы русского царя поставить город во владениях Темрюка. Князья подчеркивали, что в случае строительства русской крепости Северный Кавказ может перейти под контроль России *(Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. № 22. М., 1947. С. 144).* Место строительства первой российской крепости на Северном Кавказе неизвестно. Е. Н. Кушева считала, что она было воздвигнута в районе современного чеченского селения Чечен-аул *(Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 241).* Другой исследователь, П. Юдин считал, что крепость была поставлена на месте впадения Сунжи в Терек и лишь восстановлена в 1567 г (*Юдин П. Первые русские города на Тереке // Терские ведомости. 1912. № 237).*

Появление, хотя и краткосрочное, русских войск на Северном Кавказе встревожило не только местных феодальных правителей, но и крымского хана и турецкое правительство. Еще в 1563 г. к турецкому султану с просьбой о защите от Москвы обращаются не только поволжские татары, но и черкесские князья, правитель Тюменского княжества и шамхал Тарковский. Кстати, за год до этого, в 1562 г. шамхал через Астраханского воеводу сообщал в Москву о своей горячей любви к российскому государю *(Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 68 — 69).*

В октябре 1563 г. отряд Григория Плещеева вернулся в Москву, а уже летом 1564 г. в Москве стало известно, что ее союзник князь Темрюк Иналов находится в очень затруднительном положении. Это послужило поводом к третьему походу на Северный Кавказ, который состоялся в 1566 г. На стороне князей Пшеапшуковых выступил и Тарковский шамхал Будай, который привел с собой войска из Дагестана. В сражении антироссийские союзники потерпели поражение, причем в числе убитых оказался и шамхал. Тем не менее, положение Темрюка и его союзников от этого не улучшилось. Уже в декабре того же, 1566 г., его шурин прибыл в Москву с просьбой "... чтобы государь пожаловал для бережения от недругов его, велел город на реке Терек усть Сюунчи-реки поставить" *(Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 353).* Таким образом, потребовалось уже постоянное российское присутствие, чтобы обеспечить надежную защиту пророссийски ориентированной группировки кабардинских князей.

Строительство крепости в Чечне, в районе впадения Сунжи в Терек, не было случайным. Здесь находилась удобная переправа на дороге от Каспийского моря на Северо-Западный Кавказ; с этого места начиналась на восток так называемая Мичкизская (Чеченская) дорога; здесь проходила граница между сферами влияния кабардинских князей и Тарковского шамхала; через этот район проходили крымские и турецкие войска при движении на Дагестан и далее в Закавказье. В феврале 1567 г. "... отпустил царь и великий князь для городового дела князя Андрея княж Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людми, да наряд, пушки, пищали и ними в Черкасы послал, а велел на Тереке реке Темгрюку князю по его челобитью город поставити" *(Полное собрание русских летописей. Т. 29. М., 1965. С. 354).* Я. З. Ахмадов высказал предположение, что гарнизон города Терки мог насчитывать до 2 — 3 тысяч стрельцов и городовых казаков. Вокруг крепости располагались слободы служилых людей, которые селились в новых городах вместе с семьями *(Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 27 — 28).*

Одновременно Иван Грозный намеревался построить еще одну крепость в низовьях Сулака, для чего потребовал от Тарковского шамхала отвести землю для строительства. Шамхал землю отвел, но одновременно послал письменную жалобу в Крым *(Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 244 — 245).* Дипломатические демарши крымского хана, а затем и посылка войска к российским границам и против пророссийски настроенных кабардинских князей в 1567 г., успеха не имели. В результате на сторону московского царя перешла уже одна из чеченских владетельных фамилий. Так, в 1588 г. Ших-мурза Окуцкий сообщал в Москву: "Прежде сего которые ваши государевы на Терке городы были и в те поры я с отцом своим с

Ушаром-мирзою тебе государю верою и правдою служили..." *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. LXVIII).*

"Ококи" — чеченское общество Аккхи (аккинцы), населявшее районы вблизи Качкалыковского хребта. Если судить по сохранившимся российским документам, главной обязанностью ококов была "государева служба" — они сопровождали российских послов в Грузию и Кабарду, их использовали в качестве переводчиков и посылали в различные районы Северного Кавказа и даже в Тушетию и Дербент "подлинные вести проведывать". По делам службы им приходилось бывать и в Дарьяльском ущелье, и участвовать в войнах с теми феодальными владетелями, которые ориентировались во внешней политике на Крым и Турцию. Именно ококи "привели к шерти" кумыкского князя Алкаса, одного из сыновей Тарковского шамхала; они же не раз участвовали в походах против "шибутских", "калканских", "ероханских", "джераховских", "мичкисских" кабаков *(Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т.IX. Ч.3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 29).* Кстати, "послужной список" окоцких владетелей наглядно свидетельствует о разобщенности чеченских обществ, которые ориентировались на разные политические силы, действовавшие на Северном Кавказе. В результате они зачастую оказывались во враждебных лагерях со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Летом 1569 г. состоялся неудачный поход турок на Астрахань, что, Однако никак не способствовало укреплению позиций России на Кавказе. Неудача турок была связана главным образом с позицией крымского хана и поддерживавших его северокавказских владетелей. В письме к Ивану Грозному крымский хан прямо заявил: "Я погубил султанское войско по той причине, что не желал видеть турок властелинами древних улусов татарских" *(Карамзин Н. М. История государства российского. Т. 9. М., 1830. С. 148).* Таким образом, Крым пытался одновременно противодействовать наступлению России на Кавказ и не допустить усиления влияния Турции.

В 1570 г. во время очередного похода крымцев против черкесов были захвачены в плен два сына кабардинского князя Темрюка Идарова. Сам он получил ранение и вскоре скончался. В следующем году в Москве по обвинению в отравлении жены Ивана Грозного был казнен его третий сын. После этих событий связи Москвы с Кабардой фактически прервались. Тогда же, в феврале 1571 г., было принято решение о сносе Терского города и открытии свободного пути через Астрахань в Среднюю Азию и обратно на Кавказ. Сделано это было под давлением турок и крымцев, а непосредственной причиной послужило общее ослабление России, терпевшей поражения в Ливонской войне и охваченной безумием опричнины.

Однако этими мерами удовлетворить крымского хана было уже невозможно. В 1571 г. крымская армия захватила Москву, которая была сожжена до основания. Русский царь был вынужден, как и прежде, "бить челом" крымскому хану, т. е. признать себя его вассалом. Россия согласилась также на сдачу Астрахани и выплату огромной дани. Свои требования предъявил московскому царю и турецкий султан, а именно: Астрахань передать Турции, Казань должна была перейти к Крымскому ханству, а сам русский царь - признать себя вассалом Стамбула. Попытки Ивана Грозного затянуть выполнение условия, продиктованных ему, привели в 1572 г. к новому походу крымцев на Москву. На этот раз крымское войско было разбито русским воеводой М. Воротынским. Тем не менее победа Воротынского уже не могла остановить ежегодные набеги крымцев на Россию, в которых принимали теперь активное участие и многие из северо-кавказских владетелей. Как указывают русские источники, в этих нападениях принимали участие подданные самого султана, а также крымцы, ногайцы, татары, кабардинские князья, горские и кумыкские люди *(Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 137. СПб.,, С. 87, 151, 180).*

В результате этих событий в 70-е годы XVI в. Северный Кавказ на какое-то время оказался вне сферы влияния великих держав того времени. Россия занимала глухую оборону как на западе, так и на юге и уже никак не могла вмешиваться в процессы, происходившие на Кавказе. Крым оказался охвачен смутой в связи со спорами между наследниками престарелого Девлет-Гирея. Турция сосредоточилась на борьбе за Закавказье, где ей активно противостоял Иран. Однако эта благоприятная внешнеполитическая ситуация не остановила борьбу между северокавказскими феодалами. В эти годы происходят столкновения кабардинцев и черкесов с Малой Ногайской Ордой. На Северо-Восточном Кавказе идет война между Большими Ногаями и объединенными силами Тарковского шамхала и Тюменского княжества.

В 1574 г. после смерти шамхала начались раздоры между его сыновьями. Не получивший наследства один из сыновей, а именно Салтан-Магмут, мать которого была кабардинка, набрал войско в Черкессии "... и принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между Сулаком и Тереком, с нижней

частью Мичикиза и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета. Тогда собрав Кумукское племя, разсеянное в разных местах, он поселил его в Чир-Юрте, который избрал местом своего обитания" *(Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88).* Таким образом, в состав нового феодального владения Салтан-Магмута — Эндерийского княжества вошла и восточная часть чеченских земель. Кстати, именно восточные чеченские общества являлись главной опорой Салтан-Магмута в борьбе против соседних владетелй, прежде всего шамхала Тарковского *(Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 60 — 62).*

В 1578 и 1579 годах крымские войска дважды проходили через Северный Кавказ на помощь турецкой армии, действовавшей в Закавказье против иранских войск. При движении войска требовали от местных феодалов поставки кормов, продовольствия, траспортных средств. Усиление крымско-турецкого влияния вызвало недовольство части кабардинских князей (Идаровых, Кайтукиных и Таусултановых), которые, верные правилу бороться с одной державой, натравливая на нее другую, — обратились в Москву с просьбой о покровительстве. При этом они просили восстановить на прежнем месте Терский городок. Воспользовавшись приглашением кабардинских князей, Россия уже в 1578 г. восстановила крепость на прежнем месте, т. е. у слияния Сунжи и Терека. Камбулат Идаров был утвержден Иваном Грозным в качестве старшего кабардинского князя, что вовсе не означало признание его таковым со стороны других кабардинских князей *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. LXXXVII).*

Восстановлению российской крепости во многом способствовало то обстоятельство, что после ее ликвидации в 1571 г. здесь были оставлены казаки, которые перебрались на земли ококов и за дальнейшее пребывание которых здесь Россия формально не несла ответственности. Сам Ших-мурза Окуцкий доносил в Москву о своих действиях: "... и после того как велел еси, государь те городы разорити, и мы тогда с твоими государевыми и терскими атаманы и казаки тебе, государю служили..." *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 64).* Челобитная терских атаманов и казаков также подтверждает пребывание их в землях ококов: "... преж сего служили государю на Тереке и промышляли всяким государевым делом заодно с Ших-мурзою Окуцким..." *(Потто В. А. Два века Терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 37).* Надо также отметить, что в распоряжении Ших-мурзы оказались значительные для Северного Кавказа того времени силы — примерно 500 казаков и столько же собственных людей *(Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 39).*

Кстати, аккинцы были не единственным нахским обществом, ориентирующимся на Россию. В 1588 г. вместе с Ших-мурзой Окуцким в Москву пришло послание от Султан-мурзы, владетеля селения Лара в Дарьяльском ущелье, который писал: "... хочу государю служить до самой смерти, как служит мой брат Ших-мурза Окоцкий" *(Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980. С.102).*

Уже в 1578 г. гарнизон Терского городка напал на крымские войска, отступавшие из Закавказья, хотя Иван Грозный в переписке с Бахчисараем уверял, что нападение на татар совершили "черкесы", "... а изводят на наших казаков" *(Юдин П. Первые казаки на Кавказском рубеже // Терские ведомости. Владикавказ, 1913. № 4).*

Продолжение ирано-турецкой войны в Закавказье заставило Турцию усилить давление на владетелей Северного Кавказа, поскольку северокавказская дорога к театру военных действий приобретала для нее стратегическое значение. Однако турецкое давление сразу же вызвало к жизни антитурецкие настроения на Северном Кавказе. В 1582 г. владетели Дагестана присоединяются к антитурецкой коалиции, составленной Ираном, Грузией и Ширваном. Очевидно, что и Ших-мурза участвовал в действиях этой коалиции, потому что в 1583 г. "на Терке" примерно "тысяча казаков" напала на турецкое войско, двигавшееся из Дербента к Азову. Раздражение турок по поводу участившихся нападений на их отряды было столь велико, что они собирались не только взять Астрахань, но и построить на Тереке три собственные крепости, чтобы обеспечить безопасность своих коммуникаций *(Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI — XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 21).*

Осуществлению турецких планов помешала ожесточенная междоусобица в Крымском ханстве, в результате которой из Крыма бежали сразу три царевича. Один из них — Мурат-Гирей поступил на русскую службу и был поселен в Астрахани. Мурат-Гирей был лично знаком с Ших-мурзой Окуцким и хлопотал за него перед Москвой *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 63 — 65).* Более того, ситуация постепенно изменялась в пользу России. Ливонская война, хоть и бесславно, но все же была прекращена. Турция и Иран увязли в

длительной войне, причем Иран, добивавшийся вступления России в войну против Турции, соглашался уступить в пользу русского царя Дербент и Баку *(Тивадзе Т. Г. Иранский вопрос во внешней политике Московского государства в конце XVI и начале XVII вв. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1966. С. 5 — 6)*. Россия поддерживала притязания бежавших крымских царевичей на ханский престол, рассчитывая посадить в Бахчисарае дружественного ей правителя. В 1586 г. в Москву прибыло посольство от восточногрузинского (кахетин-ского) царя Александра с просьбой о принятии в подданство. В 1587 г. в Грузию было отправлено ответное посольство, обеспечение безопасности которого было возложено на Ших-мурзу Окуцкого и кабардинского князя Алкаса *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 16 — 17)*. Интересно, что одним из главных условий принятия российского подданства кахетинский царь ставил обеспечение защиты его царства от опустошительных набегов Тарковского шамхала.

В январе 1588 г. в Москву прибыли очередные послы от пророссийски ориентированной партии кабардинских князей — Мамстрюка и Куденета. Отношения с этой группой кавказских владетелей на этот раз были оформлены соответствующим договором. В обмен на принятие под покровительство князья должны были поочередно жить в Терском городке для совместных действий с царскими воеводами и в случае необходимости выставлять вооруженные отряды для участия в военных действиях против царских недругов. В целом речь идет уже о безусловном и полном подчинении северокавказских феодалов. Вряд ли это было практически осуществимо в то время, но показательно, что теперь Россия уже ищет на Кавказе не союзников, а подданных.

В 1588 — 1589 гг. в низовьях Терека был построен новый Терский город, что означало окончательное закрепление России на Северо-Восточном Кавказе. Уже известный Ших-мурза Окуцкий во время строительства новой крепости обеспечивал российских воевод продовольствием. Впрочем, постоянное российское присутствие укрепляло его собственные позиции в сложных взаимотношениях с другими местными владетелями. За десять лет, с 1578 — по 1588 г., используя оставленных у него казаков, Ших-мурза захватил "... Индили словен город и с тем семь городов..." (скорее всего речь идет об укрепленных пулах), добился союза с Аварским ханом, некоторыми другими владетелями. Даже сын шамхала Алхас перешел жить в его владения *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 63 — 64)*. О влиянии Ших-мурзы говорит хотя бы то, что отдельные кумыкские княжества, аварские ханы, владение "Черного князя" первые присяги на верность России приняли под влиянием и поручительстве Ших-мурзы *(Кабардино-русские отношения в XVI — XVII вв. Т. 1. М., 1957. С. 64)*.

В начале 1589 г. русское подданство принял еще один влиятельный кабардинский князь — Шолох Тапсаруков. Однако как уже это было много раз и повторится еще не однажды, местные владетели попробовали ослабить возрастающее влияние России, призвав на помощь Крым и Турцию. В августе 1589 г. Ших-мурза сообщает: "Солох и Алкас князь ныне в соединенье с Шевкалом князем и прямят заодно Турскому и Крымскому" *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 130)*. Примерно в это же время старшим князем в Кабарде избран князь Асланбек, противник Ших-мурзы. После этого контакты кабардинских князей с русскими воеводами резко сокращаются.

Резкое изменение позиций кабардинских князей, видимо, объясняется тем, что еще весной 1589 г. в Кабарду прибыл крымский царевич с жалованием от турецкого султана. Наиболее влиятельные князья жалование приняли. Тогда же турецкий отряд в сопровождении кабардинцев, прошел через территорию ряда чеченских обществ *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 137)*. Вслед за этим кабардинские князья предпринимают действия по установлению контроля над переправами в районе слияния Терека и Сунжи. Тогда же в этом районе обосновываются "вольные" терские казаки. Их станицы находились недалеко от развалин бывшей крепости. В XVII в. эти казаки получили название гребенских.

Весьма любопытно, что в августе 1589 г. через Северный Кавказ в Кахетию проследовало российское посольство, в свою очередь вручавшее жалование и именные грамоты пророссийски ориентированным владетелям. Его появление вызвало определенное оживление в политической жизни края и привело к переориентации некоторых владетелей на Россию. Так, на место старшего кабардинского князя был выдвинут князь Янсох, настроенный в целом пророссийски. Из Терского города в Кабарду был послан отряд численностью в 750 человек с огнестрельным оружием. Соединившись с войском князя Янсоха, они "... Кабардинскую землю всее под государеву руку привели..." *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 122 — 123)*.

Курс российского правительства на ликвидацию политической самостоятельности северо-кавказских владетелей получил отражение в переговорах с восточногрузинским царем Александром. Российские

послы от последнего в обмен на покровительство потребовали: "Если какой-нибудь князь или мурза Шевкалов или Черкесов, или другого какого народа, окажет непокорность воле царской, в таком случае князь Александр и его преемники должны соединить свои войска с войсками астраханского и терского воевод, чтобы совокупными силами укрощать таковых возмутителей" (*цит. по: Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 48 — 49).* Россия стремилась в максимальной степени воспользоваться сложившейся ситуацией, когда отвлеченные войной и междоусобицами ее основные соперники на Кавказе не могли реально противодействовать ее экспансии. Следствием успехов России на Кавказе стало включение в официальный титул русских царей добавления: " ... государь Иверские земли карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей ... государь" *(Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 276).* Российская дипломатия попыталась довести до сведения европейских государств (в весьма приукрашенном виде) свои успехи на Кавказе. Правда, реакция последних была весьма сдержанной. Получавшие информацию из разных источников европейские правительства не заблуждались относительно истинных размеров и характера российского влияния на Кавказе *(Ахмадов Я. З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV — XVI вв. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980. С. 165 — 168).*

Весной 1590 г. в Константинополе был заключен мирный договор между Турцией и Ираном, по которому последний уступал Турции все Закавказье. Здесь была поставлена турецкая администрация, а на Каспийском море появились турецкие военные корабли. Их строили в Низабата — гавани, расположенной между Дербентом и Баку. Через Каспийское море были установлены прямые связи Турции с Бухарой, причем переговоры шли о заключении военного союза. Еще более ухудшилось положение Кахетинского царства. Если раньше ее население страдало в основном от набегов отрядов Тарковского шамхала и кумыкских владетелей, то теперь и другие "... горские народы весьма много беспокоют грузинцов..." *(цит. по: Ахмадов Я. З.Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 50 — 51).* О том, насколько осложнилась ситуация, говорит нападение жителей общества ГIалгIай на российский посольский кортеж: "А в горах майя в 27 день приходили на послов на князя Семена да на дьяка на Торха на последши горние люди Колканцы и стрельца было Найденка взяли и лошед под ним убили; и послы князь Семен и дьяк Торх, поворотясь, тех Колканцев побили и стрельцов у них отняли" *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 222).*

В 1590 г. был восстановлен острог на месте слияния Сунжи с Тереком с целью взять под свой контроль расположенные здесь переправы, охрана которых ранее была доверена кабардинским князьям. А на следующий год совершен уже давно задуманный поход против Тарковского шамхала. Главная цель этих мероприятий военного характера состояла в том, чтобы в противовес военным успехам Турции в Закавказье укрепить собственные позиции и влияние на Северном Кавказе, продвинуться в сторону Ширвана и обеспечить пути сообщения с Закавказьем.

Против шамхала, который, как считалось, мог выставить войско в 12 тысяч человек, были направлены стрельцы, тысяча волжских и 500 яицких казаков, а также отряды горских союзников. Одновременно, военные действия против шамхала с южного фланга должен был начать Кахетинский царь, обещавший выставить до 40 тысяч ополченцев. Зимой 1591 г. московское войско вместе с северо-кавказскими союзниками "...Шевкала князя воевали и город Шевкала взяли Ондреевской и сожгли" *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 253).* Таким образом, военные действия велись на территории кумыкско-чеченского княжества Эндери. В ответ на эти действия шамхал обратился с жалобой к турецкому султану. Последовавший затем дипломатический спор между Россией и Турцией завершился компромиссом: султан пообещал воздержаться от начала военных действий, а царь пообещал открыть для турок беспрепятственный проезд через Северо-Восточный Кавказ.

В нарушение этих условий, в 1594 г. был предпринят второй поход против Тарковского шамхала. На этот раз российские войска заняли Тарки, однако в свою очередь оказались заблокированными здесь войском шамхала, на помощь к которому пришли отряды от разных областей Северного Кавказа, в том числе и из Кабарды. Как видим, и в этом случае, как только усиление позиций одного из соседних великих государств приобрело угрожающий для их интересов характер, северокавказские феодалы сделали все возможное для срыва российской экспедиции против шамхала. В конечном итоге российские войска с большими потерями были вынуждены отступить. Единственный успех, которого удалось до-

стичь царским воеводам во время этого похода — поставить на реке Койсу небольшую крепость.

Таким образом, к концу XVI в. Северный Кавказ оказался в центре сложного клубка противоречий между расположенными рядом великими державами - Турцией, Ираном и Россией. При этом зачастую собственную, по сути гегемонистскую политику проводили на Северном Кавказе и крымские ханы, являвшиеся вассалами Стамбула. Вообще, ситуация, сложившаяся в этом регионе с середины XVI в. вплоть до Персидского похода Петра I (1722 — 1723 гг.), отличается чрезвычайной сложностью. Ни одной из указанных великих держав не удавалось подчинить своему влиянию не только сразу весь регион, но зачастую они не могло достаточно долго сохранять стабильное влияние даже в отдельных районах. При этом каждая из сторон, стремившихся к гегемонии над Северным Кавказом, хотя и проводила в целом агрессивную, захватническую политику, все же имела и какие-то свои характерные особенности в ее осуществлении. Естественно, что особенности северокавказской политики той или иной великой державы определялись ее главными целями в этом регионе.

Крымское ханство, несмотря на зависимое положение от Турции, очень долго, практически до начала XVII в.,стремилось проводить на Северном Кавказе собственную политику. Для Крыма этот регион являлся прежде всего объектом военного грабежа. Набеги на адыго-черкесские народы временами предпринимались чуть ли не ежегодно, причем от них часто не спасало и формальное признание зависимости от Крыма рядом адыго-черкесских владетелей. Северо-Западный Кавказ был одним из главных поставщиков рабов на невольничьи рынки Крыма и Турции. В дальнейшем крымская политика строилась в узком фарватере турецкой политики в этом регионе.

Турция, являвшаяся мировой державой, раскинувшейся на трех континентах, рассматривала Северный Кавказ прежде всего как выгодный плацдарм для действий против своих противников в Восточной Европе и Закавказье. Стратегическое значение приобретал этот регион в XVI в. в свете турецкой политики, направленной на присоединение помимо Крымского, еще и Астраханского и Казанского ханств. В дальнейшем Стамбулу пришлось фактически отказаться от этой идеи, но Северный Кавказ сохранил значение стратегической дороги для переброски войск против Ирана. Кроме того, для Турции, часто воюющей сразу на нескольких театрах военных действий, Северный Кавказ постепенно начал приобретать значение и как источник пополнения ресурсов, прежде всего военных.

Иран традиционно, чуть ли не тысячелетиями, рассматривал Северный Кавказ как свою естественную северную границу, причем границу традиционно не спокойную и требующую постоянного внимания. Если в древности и раннем средневековье Иран стремился укрепить эту границу путем строительства крепостей и размещения гарнизонов возле важнейших кавказских проходов, то в новое время безопасность своих северных рубежей Иран стремился обеспечить путем привлечения на свою сторону местных феодальных владетелей. Обладание Закавказьем и недопущение присутствия в этом регионе Турции считалось в Тегеране необходимым условием обеспечения безопасности собственных северо-западных провинций. При этом северокавказские народы иранская дипломатия стремилась использовать как союзников против Турции, с одной стороны, и против растущего влияния России — с другой. Но очевидно, что противоречия с Турцией очень долго определяли политику Ирана в отношении Кавказа в целом и Северного Кавказа в частности.

В первой половине XVI в. политика России в отношении народов Северного Кавказа состояла в поиске возможных союзников для создания очага напряженности в глубоком тылу охватывавших южную российскую границу татарских государств. После завоевания Казани и Астрахани задача противодействия крымско-татарской угрозе не оказалась снятой. Более того, положение на южных границах России осложнилось еще и тем, что Турция открыто выступила в качестве гаранта перманентно враждебного России Крымского ханства. В результате, политика России на Северном Кавказе по-прежнему строилась прежде всего из требований противодействия турецко-татарской угрозе. При этом ограниченность собственных экономических и военных ресурсов первоначально заставляла Россию стремиться использовать ресурсы метных феодалов, оформляя с ними вассально-союзнические отношения. Однако очень скоро, и во многом благодаря политике местных феодалов, стремившихся активнее опираться на российскую поддержку при разрешении междоусобных споров, российская политика на Северном Кавказе претерпевает существенные изменения. По крайней мере с последней трети XVI в. она нацелена уже на полную ликвидацию политической самостоятельности местных феодально-государственных образований. В отличие от Ирана и Турции, Россия очень быстро берет курс на полное присоединение Северного Кавказа к своим владениям с установлением здесь собственной администрации. Строительство военных городков на Тереке имело еще и эту

цель. Другое дело, что объективно складывающаяся ситуация (прежде всего активное противодействие со стороны других претендентов на гегемонию в этом крае и сопротивление местных владетелей) на протяжении более чем двух столетий — со второй половины XVI в. по последнюю четверть XVIII в., не позволила России добиться этой цели, хотя формально еще в конце XVI в. было объявлено о присоединении многих северокавказских земель.

Надо сказать также, что столкновение в этом регионе интересов Турции, Ирана и России сделало Кавказ, в том числе и Северный, одним из немаловажных регионов тогдашней не только азиатской, но и европейской политики. На протяжении всего нового времени в Европе существовали три главных блока противоречий, определявших в целом международную ситуацию. Во-первых, это столкновение торгово-колониальных интересов Испании, Франции, Англии и Голландии, что приводило к многочисленным и многолетним войнам. Во-вторых, так называемый "восточный вопрос" — проблема взаимоотношений между европейскми державами и Турцией, для которой Европа долгое время была одним из важнейших направлений экспансии. В-третьих, длительная борьба между Польшей, Швецией и Россией за обладание Балтикой. Этот клубок противоречий приводил к созданию самых разных политических и военных коалиций, причем ситуация часто менялась, как в детском калейдоскопе. Этим во многом объясняется интерес к кавказскому региону, которому зачастую отводилось немаловажное значение при осуществлении тех или иных геополитических планов.

Следует, Однако отчетливо осознавать, что Северный Кавказ, с его многочисленными народами и еще более многочисленными феодальными владетелями, не был просто полем приложения политических расчетов соседних и даже более отдаленных держав. В политике здешние владетели выступают в качестве самостоятельного субъекта вплоть до окончательного завоевания края. При этом, конечно же, надо иметь в виду, что северокавказским феодальным образованиям приходилось строить свою политику с одновременным учетом двух политических факторов. Это, во-первых, противоречия на региональном, кавказском уровне, связанные с острой борьбой за лидерство как между феодальными владетелями разных народностей, так и внутри одной народности (например, длительная борьба между кабардинскими князьями, или противоречия между нахскими обществами); во-вторых, вмешательство великих держав в политический процесс. Наличие этих двух факторов, действующих одновременно и всегда, образно говоря, в разные стороны, — делало политическую ситуацию на Северном Кавказе чрезвычайно запутанной и всегда взрывоопасной. При наличии столь запутанного клубка противоречий решение любого спора (политического, территориального и т. д.) почти неизбежно приводило к военным столкновениям. Причем заинтересованная сторона всегда имела возможность легко спровоцировать военное развитие событий.

В этой ситуации политика местных лидеров почти с роковой неизбежностью сводилась к бесконечному лавированию между интересами великих держав и претензиями соседей. То, что, например, для России или Турции являлось политической борьбой второстепенного значения, для местных народов превращалось не во что иное, как в каждодневную борьбу за собственное выживание. Поэтому нет ничего удивительного в том, что местная политическая элита пыталась по мере собственных сил и возможностей использовать заинтересованность великих держав в собственных интересах. При этом любое усиление позиций одного из претендентов на общекавказскую гегемонию приводило почти автоматически к тому, что большинство его вчерашних сторонников из числа местных владетелей тут же обращались за помощью и поддержкой к другому претенденту на роль гегемона. Эта политика была отработана в мелочах еще при столкновениях на уровне местных интересов, когда феодальные владетели почти всегда создавали группировки примерно с равными возможностями, что могло служить сдерживающим фактором и позволяло в целом сохранять статус-кво. Однако подобная политика в отношении великих держав чаще всего приводила к тому, что территория Северного Кавказа оказывалась театром военных действий. Не полагаясь на верность местных союзников, Россия, Турция и Иран все чаще пускали в ход собственные вооруженные силы для приведения в покорность местные народы. Таким образом, стремление северокавказских владетелей использовать одну великую державу для противодействия другой приводило к их все более решительному вмешательству в дела края. Оформляя подданнические отношения иногда сразу с Россией, Турцией и Ираном, владетели создавали ситуацию, когда на действия одного из соседей они могли на "законном основании" приносить жалобу в соседние столицы. И на первый взгляд, если вспомнить, что прошло почти триста лет, прежде чем Северный Кавказ был полностью завоеван Россией, можно признать внешнюю политику северокавказских владетелй в общем-то эффективной. Вместе с тем, эта политика, целиком

основанная на противоречиях между великими державами, была бесперспективной в историческом плане, поскольку рано или поздно должен был наступить момент, когда политическая интрига должна была отступить перед силой.

Эффективность политики не всегда означает ее перспективность. Политика местных владетелей перестала быть перспективной начиная с того момента, когда к вмешательству региональных держав стали сознательно прибегать для разрешения междоусобных противоречий. Исторический материал наглядно показывает, что очень редко политика северокавказских лидеров поднималась до осознания национальных или общерегиональных интересов. Чаще всего ими руководят собственные, династические интересы.

Другой вопрос состоит в том, какой ценой покупалось сохранение фактической самостоятельности. Этой ценой в условиях непрерывных внешних и внутренних войн было замедление национального развития.

Разумеется, на Северном Кавказе постоянно возникали региональные "центры силы". Такую роль в XVI — первой половине XVIII в. играли, например, Тарковский шамхалат, Большая и Малая Кабарда, объединения черкесских племен, Аварское ханство. Впоследствии одним из самых значительных "центров силы" стали чеченские общества. Однако и внутри этих объединений существовали противоречия между различными группировками, в силу чего их влияние оказывалось ограниченным и недолгим.

На протяжении всего XVII в. и до Персидского похода Петра I ни Турция, ни Россия, ни Иран не могли добиться собственного преобладания на Северном Кавказе. Турции удалось закрепиться на Черноморском побережье и прилегающих районах Северо-Западного Кавказа. Россия построила ряд крепостей на Северо-Восточном Кавказе. Иран время от времени предпринимал вторжения на север от Дербента и часто получал заверения местных владетелей в полной покорности. Однако на протяжении всего этого периода северокавказские феодалы демонстрируют в целом политическую независимость, а в отношениях с великими державами исходят прежде всего из принципа собственной выгоды.

Начало XVII в. ознаменовалось падением российского влияния на Кавказе, что связано прежде всего с наступлением "Смутного времени". Ослабленное государство уже не могло проводить эффективную наступательную политику, в том числе и на Кавказе. Именно поэтому завершилась грандиозным провалом экспедиция 1604 — 1605 гг. против Тарковского шамхалата. Погибло более 7 тысяч стрельцов (из 10 тысяч направленных в поход), не считая потерь среди других отрядов войска *(Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 65 — 68)*. Были оставлены почти все крепости на Северо-Восточном Кавказе, существенно сократилось число российских сторонников из числа местных владетелей. Примерно в это время был убит Ших-мурза Окуцкий, после чего часть пророссийски настроенных чеченцев переселилась в Терский городок *(Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 84)*. Интересно, что сын Ших-мурзы — Батай вскоре оказался союзником протурецки настроенного Эндерийского владетеля Салтан-Магмута. В 1610 — 1611 гг. Салтан-Магмут был разбит отрядами дагестанских владетелей, которым помогали "ратные люди" из Терского городка: "И тот Салтан-Магмут мурза з братьею своею и с твоим государевым изменником з Батаем мирзою, который бежал из Терки в прошлом... году, с того разорения стал бы жити в горах в Окоцких кабаках" *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 535 — 536)*. Серьезные волнения произошли и в самом Терском городе, где взбунтовалась часть гарнизона и казаков, недовольных многолетней задержкой жалования.

Интересно, что именно к началу XVII в. относится первый документ, свидетельствующий о целенаправленной политике российских воевод по разжиганию противоречий между горскими феодалами. Так, в 1608 — 1610 гг. терские воеводы вели переговоры с противостоящими группировками Салтан-Магмута и его противников с целью "... меж ними учинити рознь и от их бы приходу тем уберечи... государев Терской город" *(Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1888. С. 531 — 534)*.

По-прежнему не наблюдается и политического единства чеченских обществ, Так, в 1618 г. уздени терского князя Сунчалея "... ездили на государеву службу в Мулки и Шибуты для государева дела". По всей видимости, речь идет о каких-то поручениях *(Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 73)*. Однако в том же году российские воеводы в ответ на просьбу "... уварского нуцала князя и брата его Сулемана мурзы и Черново князя сына Турлова мурзы ... шибуцкие и калканские и ероханские и мичикисские кабаки повоевали и выжгли и совсем разорили и многой полон поимали и многих людей побили" *(Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 62)*. Вскоре за этими событиями (в 1620 или 1621 г.), российские источники зафиксировали переход на русскую службу еще одного чеченского владетеля

Кохострова Бийтемирова: "Да в нынешнем, государь, ... году выехал я из Окоцкие земли в твою государеву отчину в Терский город на твое царское имя, да со мною, государь, вышли из окоцких же людей 4 человека з женами и детьми. ... и ныне, государь, ... тот Салтамамут мурза (Сул-тан-Магмут), за что я, холоп твой, выехал из своей земли на твое государево имя, кабачишка мое нашие Окоцкие земли отдал твоему государеву изменнику Батаю поневоле" *(цит. по: Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 84).* Таким образом, приведенные примеры наглядно свидетельствуют не только об отсутствии в указанное время какой-то общей политики чеченских обществ, но и о том, что в основе действий владетелей лежали собственные интересы.

В 1639 г. подписанием мира завершилась очередная ирано-турецкая война, длившаяся почти треть века. Ни одна из сторон не получила решительного перевеса, хотя авторитет Ирана на Северном Кавказе, и прежде всего в Дагестане, значительно возрос. Россия, выступавшая фактическим союзником Ирана также сохранила свои позиции. Напротив, влияние Турции на Северо-Восточном и Центральном Кавказе значительно ослабло, что наглядно продемонстрировала разразившаяся в 1640 — 1641 гг. война между различными группировками северокавказских феодалов. Незадолго до этой междоусобицы горские владетели наглядно продемонстрировали собственную независимость в принятии решений, отправившись в 1637 г. на помощь туркам, осажденным в Азове. Турецкий историк Эвлия Челеби указывал, что на помощь гарнизону Азова с Северного Кавказа пришли воины "... кабартай, таустан (и) от правителя Дагестана шамхала Султан-Махмуда (Султан-Магмута)..." *(Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979. С. 28).*

В 1640 г. протурецки настроенные кабардинские князья Алегука и Хотождука Казыевы разорили владения враждовавших с ними князей Шолоховых и Кельматевых. В ответ Кельмамет-мурза заручился поддержкой терского воеводы, который прислал несколько сот стрельцов и команду служивых окочан-чеченцев. Кроме того, "... пришли к Кельмамет-мурзе в кабаки кумыкские и кабардинские и ногайские мурзы со многими людьми, ондреевской Айдемир-шавхал, а с ним два брата Казаналп да Мамудалей и иные кумыцкие князи с кумычены, да тутошные черкасские мурзы Шолоховы Кабарды Илдар Ибаков, да брат его Ислымамет Ибаков да Нарчой — князь Елбузлуков, да Ахлов Айтеков, да Казый Мулдаров сын Алкасова, да Куденет Брагунский з детьми, да ногайские мурзы Салтанаш Аксаков да Тонжехан Арасланови...". В середине июля 1641 г. на реке Малке произошло сражение между перечисленными выше союзниками и отрядами князей Казыевых и их союзников. Сражение завершилось почти полным истреблением российско-горских союзников. Среди убитых оказались почти все самые знатные князья и шамхал Айдемир *(Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. С. 203 — 205).* Тем не менее поражение российской коалиции имело своим следствием то, что победители князья Казыевы оказались вынужденными бежать вместе со своими аулами на Кубань, где было сильно турецко-крымское влияние и где они чувствовали себя в безопасности. Этот пример наглядно свидетельствует о том, что российское влияние уже стало фактором, не считаться с которым было просто невозможно.

Как уже говорилось, середина XVII в. характеризуется возросшим влиянием Ирана на Северо-Восточном Кавказе. Так, благодаря поддержке Ирана в 1641 г. новым шамхалом стал князь Сурхай, которому шах назначил годовое жалование в 2000 рублей. Кроме того, шах обещал выделять в распоряжение шамхала войска в случае возникновения конфликтов с другими владетелями *(Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 988).* Помимо шамхала шахское жалование получали также аварские ханы, владельцы Цахура и ряд других местных феодалов. Правда, иранское жалование нисколько не мешало им одновременно получать при случае деньги и от российского царя, а то и от турецкого султана. В это время иранцы прибегали и к посылке войск для наказания противодействующих им владетелей. Так, в 1639 г. войска были посланы для разорения ряда областей в отместку за разграбление здесь иностранного посольства *(Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957. С. 273 — 274).* В другом случае уцмий Кайтага Рустам-хан, принявший сторону турецкого султана, лишился половины своих владений в пользу иранского ставленника Амирхан-султана. Иранский шах даже попытался построить в Дагестане пять крепостей с собственными гарнизонами, но, встретив объединенный отпор буквально всех дагестанских феодалов, к тому же поддержанных Россией, вынужден был отказаться от этой идеи.

Вместе с тем произошел фактический распад Тарковского шамхальства от которого отделились собственно Кази-Кумух, а также ряд даргинских, аварских и лезгинских обществ. Напомним, что ранее шамхал назывался шамхалом Кази-Кумухским и являлся фактически общедагестанским правителем. Тем не менее шамхальство продолжало оставаться

самым крупным федальным образованием на Северном Кавказе. Значительную роль начинало играть также кумыкско-чеченское Эндерийское княжество. Об основателе этого княжества Салтан-Магмуте Тарковский шамхал Сурхай отзывался следующим образом: "Султан этот слова своего не держит, не спрашивается ни в чем ни у бога, ни у дьявола, ни у какого государя" *(Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 989).* Интересно, что и после смерти Салтан-Магмута значение Эндерийского княжества растет. Так, потерпевшие разгром в 1641 г. князья Малой Кабарды оказались в зависимом от Эндерийского княжества положении *(Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958. С. 162).*

И в середине XVII в. чеченские общества почти не играют заметной самостоятельной политической роли. Как правило, равнинные чеченские общества действуют в составе какого-нибудь более крупного феодального владения — Эндерийского княжества, Малой Кабарды и некоторых других. Что касается горных обществ, то они мало участвуют в политической жизни Северного Кавказа. Российские документы чаще всего упоминают о них в связи с описанием путей сообщения с Грузией. При этом чаще всего российские посольства направлялись в Грузию через западночеченские горные общества, впоследствии образовавшие ингушский народ. Другая дорога в Грузию, которой пользовались российские послы, проходила через ущелье реки Аргун, где находились земли чеченского общества "Шибут" (Шубут). Известно также, что горные чеченские общества играли довольно заметную роль в политической жизни соседней Грузии.

Что касается кабардинских владений, то к середине XVII в. здесь достигли апогея междоусобные столкновения между различными феодальными группировками. Примерно в это же время перестали избирать старшего кабардинского князя, что привело к утрате даже видимости национально-политического единства. Для политической жизни адыго-черкесов, живших на Северо-Западном Кавказе и входивших в сферу турецко-крымского влияния, также характерно наличие ожесточенных междоусобных столкновений, в которые часто оказывались втянутыми Крым и Турция. Например, в междоусобный конфликт внутри черкесского племени жане оказались вовлеченными крымский хан и турецкий султан, поддерживавшие разные племенные группировки*(Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб.,, 1887. С.555 — 556).*

Кстати, терские воеводы прилагали немало усилий к тому, чтобы вернуть из областей Закубанья кабардинских князей Казыевых, пообещав им полное прощение и возвращение прежних владений в Кабарде. Расчет воевод был предельно прост. Усилившееся после бегства Казыевых Эндерийское княжество ориентировалось на Крым и Турцию и подчинило своему влиянию князей Малой Кабарды. С учетом возросшего влияния Ирана на Дагестан, возвращение князей Казыевых в их прежние владения неизбежно повлекло бы новый конфликт между местными феодальными группировками, что, как расчитывали терские воеводы, привело бы к росту российского влияния. При этом часть аулов князей Казыевых планировалось расселять в низовьях Сунжи, на территориях чеченских обществ и в непосредственной близости к границам Эндерийского княжества*(Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. С. 208 — 209, 212 — 213, 217 — 218).* В 1644 г. князья Казыевы действительно вернулись на места прежних кочевий, правда, их появление в низовьях Сунжи так и не состоялось. Вместе с ними в "российскую зону" перешло большое число ногайских владетелей (*Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. С. 245).*

Интересна в этом плане реакция противостоящей князьям Казыевым феодальной группировки. По уверениям Алегуко и Хотождука Казыевых именно их главный противник "... злоумышленный Казаналп (князь Эндерийский) с калмыки соединачился и ссылался послы и гонцы, чтоб с ними заодно животишки наши пограбить и нас побить" (*Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. С. 286).* Таким образом, не исключено, что первое нашествие калмыков на Северный Кавказ состоялось по приглашению одной из местных феодальных группировок. В походе калмыков участвовало до 12 тысяч воинов под руководством тайши Урлюка. Часть их атаковала Терский город, а основная масса рассыпалась по расположенным вокруг аулам. Правда, нападение калмыков не удалось, почти все они были истреблены — только около двух тысяч сумели добраться до своих кочевий. В погоне за отступавшими к Волге калмыками участвовали отряды горцев, в том числе чеченцев (*Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958. С. 172).*

Одним из последствий калмыцкого вторжения было установление тесных связей между ногайскими и местными горскими феодалами, которые таким образом пытались противостоять общей угрозе. Это вызвало недовольство терских воевод, поскольку такое объединение способствовало росту влияния местных владетелей. Тем не менее России приходилось

считаться с влиятельными северокавказскими феодалами и, несмотря на их постоянные "отклонения" в сторону Турции или Ирана, им продолжало поступать российское жалование. Кроме того, Москва пошла на предоставление наиболее влиятельным из них разного рода привилегий. Так, кабардинскому князю Муцалу Сунчалеевичу пожалована была царская грамота об утверждении его князем "... в Терском городе над окочаны и над черкасы" (*Кабардино-русские отношения. Т. 1. М., 1957. С. 260 — 261).* При этом, как видим, кабардинскому князу передавались не принадлежавшие ему чеченские земли.

Княжеская грамота была в 1645 г. предоставлена чеченскому владельцу Чепану Кострову "... и мы Чепана мурзу Кострова пожаловали, под Терским городом отца ево и брата ево кабакам и узденям и людьми владеть велели" (*цит. по: Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988. С. 103).*

В середине XVII в. на территории Чечни возникли еще два княжества — Чеченское и Брагунское. Первое образовалось в результате переселения наследников аварского Черного князя — Турловых. Появление Турловых в Чечне скорее всего связано с приглашением от чеченских обществ, что было распространенным обычаем среди чеченцев. В данном случае Турловы обосновались в низовьях Сунжи и Аргуна. Примерно в это же время на Аргуне же было основано селение Чечен-аул (*Зиссерман А. А. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. СПб., 1879. С. 433; Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов // Советская этнография. 1978. № 6. С. 107).*

Брагунское княжество было образовано тюркоязычной группой брагунцев, выделившихся из состава Эндерийского княжества. Поселившись в районе слияния Сунжи с Тереком, брагунцы основали селение Брагуны.

Одновременно терским воеводам удалось склонить к принятию российского подданства чеченское Мичкизское общество, включавшее в себя 36 селений и выставлявшее в случае необходимости ополчение численностью в три тысячи человек (*Крикунова Е. О. и Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардою и другими народами в XVII веке (Документы) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного педагогического института. Вып. 13. Нальчик, 1957. С. 108).* Тогда же российское подданство приняло и другое чеченское общество — Шибут (*Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 72).* Как и во многих известных случаях до того, так и много раз после этого, подобное признание носило со стороны местных владетелей и отдельных обществ чисто формальный характер. Так, 1627 г. шибуты уже "... шертовали царю на верность и обещали верно служить, а ясак платить медом, по кулю меду на год" (*цит. по: Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 37).* Надо полагать, что они не очень сильно считались с данной уже однажды присягой, иначе терским воеводам не пришлось бы настаивать на повторении акта присяги.

Острое соперничество Турции, России и Ирана на Северном Кавказе продолжалось и в последующие не только десятилетия, но и столетия. Вплоть до Персидского похода Петра I все три стороны, Однако в целом воздерживались от крупных военных акций на самом Северном Кавказе, но при этом горские отряды часто привлекались в армии великих государств, действовавшие на других театрах военных действий. Помимо этого не прекращались бесконечные раздоры между самими северокавказскими феодалами, которые всеми способами старались втянуть в них великие державы. Надо сказать, что постоянные перебежки горских феодалов от одного покровителя к другому постепенно приводили правительства крупных держав к убеждению, что только постоянным вооруженным присутствием можно гарантировать собственные интересы в регионе. Это почти всеобщее мнение отразил французский путешественник XVII в. Ж. Шарден, который писал о горцах: "...(они) находятся всегда в войне друг с другом; ничего нельзя добиться, стремясь заключить с ними мир или соглашение..." (*Путешествие господина Шардена в Персию и другие восточные страны. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв. Нальчик, 1974. С. 107).*

Надо отметить, что вплоть до конца XVIII в. в политической жизни Северного Кавказа практически не чувствуется влияние религиозного фактора. Не только действия великих держав того времени по распространению своего влияния свободны от какого бы то ни было религиозного обоснования своих действий, но и противостояние местных обществ и владетелей, например, российскому давлению никогда не объяснялось религиозными мотивами. Это при том, что все население предгорий, за исключением осетин, исповедовало ислам. То же относится и к чеченским обществам. Так, российские документы однозначно свидетельствуют, что чеченцы из обществ ококов, мичкизов, шибутов и других, с которыми приходилось иметь дело российским представителям начиная с XVI в. были мусульманами. Что каса-

ется горных обществ, расположенных на границах с Грузией, которая традиционно оказывала христианизирующее влияние на своих северных соседей, то к указанному времени и здесь ислам являлся преобладающей религией. При этом археологические раскопки дают основание считать, что в этих обществах царила полная веротерпимость, О чем свидетельствуют многочисленные смешанные захоронения, еще сохранившиеся в ряде мест.

Одно такое кладбище со смешанным обрядом захоронения было исследовано археологами возле высокогорного селения Пхакоч в верховьях Аргунского ущелья. Кладбище датируется второй половиной XVII в. Большинство могил имеют памятные плиты, поставленные вертикально у изголовья погребения, а также кладки камней, обрамляющие надмогильные возвышения и перекрытые в отдельных случаях сверху каменными плитами. Все они ориентированы с запада на восток, головой на запад. На некоторых каменных плитах выдолблены круги, спирали, крестики и другие изображения. Попадаются и схематические изображения человека. Ряд плит снабжены арабскими надписями, но встречаются и совершенно чистые плиты, не имеющие ни надписей, ни рисунков.

Представляет интерес описание одного из захоронений данного кладбища, оставленное археологической экспедицией 1960 г.: "У изголовья погребения стоит вертикально поставленная памятная плита, привлекшая ... внимание обилием разнообразных изображений, грубо высеченных на ее западной стороне. Высота ее 2 м (общая), ширина 0, 35 м, толщина 0, 14 м. Вверху плиты, ближе к ее правому углу высечено по-арабски имя "Мухаммед". Ниже его отчетливо видно схематическое изображение фигуры человека с фаллом, лежащего горизонтально, за ним следует изображение двойной спирали, поставленной вертикально, в каждой спирали насчитывается по 5 витков. За спиралью идут изображения небольшого крестика, заключенного в ромб, и наконечника стрелы. Ниже их высечен большой солярный знак в виде круга, разделенного радиусами на 16 частей, еще ниже, недалеко от почвы, видны изображения лука со стрелой и маленького полукруга. Восточная сторона плиты лишена каких бы то ни было изображений. С восточной стороны стелы устроена могила, перекрытая сверху массивной плитой..., покоящейся на кладке камней в четыре слоя, образующих прямоугольную камеру. Все это в свою очередь покоилось на четырех плитах. После снятия этих плит открылась могильная яма, вырытая в сланце, длиной в 1, 90 м, шириной 0, 80 м и глубиной 1, 20 м. На глубине 0, 60 м от описанного перекрытия, у южной стены, были обнаружены две наклоненные плиты ("уппах"), опиравшиеся нижними концами о пол могилы и прикрывавшие захоронение. Щели между этими плитами были обмазаны глиной. Подбой ("лахьта") отсутствовал; его заменяло незначительное углубление (0, 10 м) в полу ямы. Костяк погребенного (очень плохой сохранности) лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад, с руками, скрещенными на груди. В могиле найдены следы совершенно истлевшего деревянного гроба и небольшое количество древесных угольков у ног и головы костяка. Вещевой инвентарь отсутствовал. Как верхняя камера, так и сама могила строго ориентированы по линии восток — запад" (*Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанти-Аргуна // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. III. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 136 — 138).*

Таким образом, в данном захоронении присутствуют признаки погребальных обрядов, характерных для язычества, христианства и ислама. Наличие петроглифов и их характер (челове-ческая фигура с фаллом, солярный знак), наличие в верхней части могилы склеповидной камеры, ритуальных древесных угольков — признаки, свойственные языческим погребальным обрядам. С другой стороны, ориентация с востока на запад (головой на запад), положение костяка у южной стены могилы, отсутствие вещей, наличие "уппах" и небольшого углубления под костяком, а также надпись "Мухаммед" — это признаки, характерные для мусульманского погребения. И наконец, положение погребенного — на спине, в вытянутом положении, головой на запад, с руками, скрещенными на груди, — это признаки, свойственные христианским погребениям.

С конца XVII в. имена собственно чеченских титулованных князей исчезают со страниц документов, так как в результате антифеодальной борьбы крестьянства княжеское управление было свергнуто в ряде районов Чечни, Дагестана и Черкессии. Здесь возникают так называемые "вольные общества", появление которых не означало, Однако ликвидацию феодальных отношений.

Начиная с XVIII в. происходят определенные изменения в российской политике по отношению к Кавказу, в том числе Северному Кавказу. Если до Петра I политика России в отношении северо-кавказских народов определялась в основном ее противостоянием с Турцией, Крымом и, в меньшей степени, с Ираном, т. е. вопросами геополитическими, то теперь на первый план выходят задачи чисто колониальные. Речь идет о колонизации края, широком ис-

пользовании его природных ресурсов, при этом для "умиротворения" беспокойных горских народов планируется расселить здесь христианское население, в том числе и путем переселения христиан из Закавказья. Изменению политики России способствовало, с одной стороны, начавшееся при Петре I быстрое развитие капиталитических, рыночных отношений и общее усиление России, а также начавшийся процесс ослабления ее главных противников на Кавказе. Переходу России к новой политике способствовало и то, что Северный Кавказ, прежде всего Северо-Восточный и Центральный, к началу XVIII в. уже довольно прочно привязан к экономической и политической жизни южной России.

Впрочем, это не исключало продолжение в случае необходимости и мероприятий чисто военно-вспомогательного характера, чтобы повлиять на ситуацию на основном театре военных действий. Так, во время войны с Турцией 1711 г. 30-тысячная российская армия прошла по Северо-Западному Кавказу и тем самым не позволила отрядам крымцев и зависимым от них горским владетелям присоединиться к основным силам турецкой армии. Правда, эта успешная операция не спасла от поражения главную российскую армию.

Наиболее ярким выражением нового подхода России к Кавказу стал Персидский поход 1722 — 1723 гг. Борьба за выход к Балтийскому морю в течение двух десятилетий сковывала экспансию России на восточном и южном направлении, которые тем не менее продолжали занимать видное место в дипломатии Петра I. Так, за годы его царствования было направлено четыре посольства в Китай. Трижды он намеревался послать своего представителя ко двору Великих Моголов в Индию. Были предприняты довольно энергичные усилия по продвижению в Среднюю Азию и присоединению Хивинского ханства. На протяжении 1714 — 1719 гг. в Среднюю Азию были посланы три вооруженные экспедиции. Вместе с тем, главным объектом политической активности России на южном направлении после Турции и Крыма являлся Иран.

События свидетельствуют, что Персидский поход замышлялся задолго до его начала, а практическая подготовка к его осуществлению началась в 1715 г., когда в Исфаган, ко двору иранского шаха, был послан специальный посланник А. П. Волынский. На посольство Волынского была возложена задача проведения военно-политической разведки, — специальной инструкцией ему предписывалось собирать сведения о военном, политическом и экономическом положении Ирана, а также составить военно-топографическое описание пути между Астраханью и Исфаганом.

Сразу же по завершении Северной войны началось активное сосредоточение войск в Прикаспии и приняты срочные меры по усилению Каспийской военной флотилии. Сухопутная армия, снаряженная для Персидского похода, насчитывала до 50 тысяч человек, включая регулярные войска, а также отряды казаков, калмыков и горцев, прежде всего кабардинцев. Всего в рамках Персидского похода в 1722 — 1723 гг. было проведено четыре операции: поход сухопутной армии под командованием самого Петра I на Дербент и три морские экспедиции — в Гилян, Баку и Сальяны.

Персидский поход Петра I с полным основанием можно признать чисто колониальным мероприятием. Его основной задачей являлось присоединение к России двух наиболее богатых Прикаспийских провинций Ирана, в которых предполагалось наличие большого количества строительных материалов, сырья для порохового производства, развивающейся текстильной промышленности, красящие вещества, металлы, нефть. Из строительных материалов наибольший интерес представляли некоторые сорта особо прочной древесины, применявшейся в судостроении. Тем самым Петр I рассчитывал прекратить закупки подобной древесины в европейских странах. Кроме того, особый интерес вызвало сообщение о наличии в этом регионе мрамора разных сортов.

Именно при Петре I овладение месторождениями разных металлов становится одной из государственных задач. Так, три первые экспедиции, направленные в Среднюю Азию, имели целью овладеть имевшимися здесь золотоносными районами. Поиски руды, в том числе серебряной, на Северном Кавказе являлись одной из обязанностей астраханского губернатора. В именном указе от 26 октября 1720 г. ему предписывалось: "Взять из Бергколлегии одного мастера рудокопнаго для обыскания руд, по доношению выезжаго князя Черкасского". В том же году на Кавказе поисками руды занимался И. Блюэр. О месторождении свинца в своих владениях сообщил в Петербург и шамхал Тарковский. Уже во время похода в 1722 г. для подробного изучения этого месторождения из Москвы был срочно вытребован рудокопный мастер (*Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722 — 1723 гг. М., 1951. С. 19 — 20*). Заинтересованность в месторождениях меди и свинца, расположенных недалеко от границ иранской провинции Гилян, а также имевшихся здесь залежей селитры и нефтяных колодцах близ Баку, — была одной из причин Персидского похода.

Кроме того, для нужд развивавшейся российской текстильной промышленности были необходимы шелк, хлопок и шерсть, получаемые в областях Прикаспия. Кстати, терским и гребенским казакам было поручено производство шелка. Известно также, что будучи уже в Астрахани Петр I "... удивляться изволил нерадению..." терских казаков, которые неохотно занимались шелководством (*Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С. 109).* Здесь же велись поиски естественных красителей, применявшихся в текстильной промышленности. Так, терскому коменданту Кисилеву было приказано"... осведомитца, возможно ль на Терках или в Гребенях сыскать коренья пуд 10 или 30, что называется марена". Аналогичное задание было дано и вновь назначенному коменданту Дербента (*Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722 — 1723 гг. М., 1951. С. 33).*

О том, что Петр I планировал всестороннюю эксплуатацию намеченных к завоеванию иранских провинций — Шемахи и Гиляна, говорит тот, факт, что российским военачальникам одновременно с вручением боевых приказов о занятии указанных провинций были вручены распоряжения о сборе пошлин и податей в казну.

Впрочем, не менее важную роль играли и соображения геополитики. Овладение Прикаспием позволяло взять под контроль важнейшие торговые пути. К тому же Иран оказался на грани военной катастрофы после неудач в войне с афганскими племенами. Последними была захвачена даже иранская столица. Тяжелым положением Ирана готовилась воспользоваться не только Россия, но и Турция, не скрывавшая своего намерения вновь вернуть под свой контроль все Закавказье, включая Дербент. Разумеется, для России подобное развитие событий было крайне нежелательно.

Непосредственным поводом к вторжению в Иран послужил захват Шемахи отрядами двух северокавказских владельцев — Дауд-Бека Лезгинского и Сурхая Кази-Кумухского. Оба эти владельца по приказу шаха собрали свои отряды и должны были двигаться на соединение с иранской армией, воюющей против вторгнувшихся в Иран афганцев. Однако воспользовавшись слабостью центральной власти, Дауд-Бек и Сурхай решили восстать. Захватив Шемаху, они подвергли город страшному опустошению, а в числе прочих пострадали и российские купцы. Понимая, Однако что тем самым они бросили вызов и Ирану и России, Дауд-Бек и Сурхай вступили в переговоры с турецким правительством, обещая передать ему управление Дагестаном и Северным Азербайджаном.

В июле 1722 г. конный корпус под командованием бригадира Ветерани двинулся от Астрахани на Терек. Перед ним была поставлена задача взять Эндери-аул, а затем выйти к устью р. Аграхани, чтобы обеспечить высадку пехоты. 22 тысячи пехотинцев 18 июля были посажены на суда Каспийской флотилии и через десять дней прибыли к месту высадки. Между тем конница Ветерани сумела после боя овладеть селением Эндери-аул, однако не успела подойти к месту высадки десанта. Ветерани опоздал вследствие нападения, совершенного на его отряд горцами, в числе которых были и чеченцы. После ухода корпуса Ветерани против чеченцев и других горцев были направлены калмыки в количестве до 10 тысяч, которые напали на ряд селений. В последующие годы калмыки неоднократно посылались российскими властями для наказания чеченцев и других горцев. Начиная с 1722 г. часть калмыков постоянно кочует в районе станиц Курдюковской и Щедринской, для предотвращения нападений на Терскую линию (*Ткачев Г. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 7. С. 73).*

Оборудовав на месте высадки укрепленный лагерь, российская армия двинулась к Дербенту. К этому времени из города бежал назначенный шахом правитель, а его окрестности были разорены отрядами Дауд-Бека. В самом Дербенте сложились две противоборствующие группировки Араслан-Бека и Юзбаша. Первый из них выступал за то, чтобы сдать город Дауд-Беку и Сурхаю.

Российская эскадра из 25 судов прибыла в Дербент 19 августа. В тот же день сухопутная армия на реке Инчке-Аус была атакована десятитысячным отрядом одного из дагестанских феодалов — султана утемышского Махмута. Без особых затруднений отбив эту атаку, армия 23 августа вступила в Дербент. Однако дальнейшее продвижение к Баку и Шемахе оказалось невозможным, поскольку большая часть судов с провиантом, артиллерией и боеприпасами для армии погибла во время шторма. Кроме того, в полное расстройство пришла кавалерия. Драгунские полки, например, были переброшены на Кавказ из-под Курска и практически с весны 1722 г. находились на постоянном марше по степной местности. В результате убыль в лошадях приняла катастрофические размеры: "Так лошади от худобы мерли, что у Старых Буйнаков в одну ночь 1700 лошадей умерло" (*Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб., 1867. С. 331).* Все это заставило Петра I отказаться от дальнейшего продвижения на юг. Таким образом, единственным результатом кампании 1722 г.

было строительство укрепления Святой Крест на берегу Сулака и занятие Дербента, где был поставлен гарнизон. Кроме того, было принято решение о ликвидации Терского городка, что и было сделано в 1724 г. после завершения строительства крепости Святой Крест. В октябре 1722 г. Петр I с основными силами возвратился в Астрахань, поручив дальнейшее командование генералу Матюшкину и полковнику Шипову.

После отбытия императора из армии, военные действия продолжились. В ноябре 1722 г. два батальона пехоты с артиллерией под командованием полковника Шипова высадились на побережье провинции Гилян. Этим десантом был без боя занят город Решт. Весной 1723 г. в Гилян прибыли дополнительные войска.

Неудачный исход первого года кампании активизировал действия противостоящей России группировки местных феодалов, которые уже осенью 1722 г. неоднократно подходили к Дербенту со своими отрядами и сумели овладеть редутами на реках Арта-Бугам и Миликент, прикрывающими подступы к городу (*Походный журнал 1722 г. СПб., 1910-1913. С. 84, 89, 90).* В ответ российское командование предприняло кавалерийские рейды силами драгун, казаков и калмыков с целью разорения земель ряда дагестанских владетелей (*Комаров В. Персидская война 1722 — 1725 гг. М., 1867. С. 48).* Последние обращаются за помощью к Крыму и Стамбулу. На этот раз встревоженная действиями России на Кавказе Турция уже осенью 1722 г. объявила о своем протекторате над Дагестаном. Дауд-Беку Лезгинскому был присвоен титул хана и даны права, равные правам крымского хана. При этом под его власть отводились две области — Дагестан и Ширван. Если учесть, что под Дагестаном в то время подразумевалась территория вплоть до кабардинских владений, то это означало провозглашение турецкого протектората и над значительной частью чеченских обществ.

Летом 1723 г. турецкая армия появилась в Закавказье, где был захвачен турками Тифлис. Одновременно широкие военные приготовления шли в Крыму и на Северо-Западном Кавказе. К лету того же года стало известно о переходе на турецкую сторону и самого крупного из дагестанских владетелей — шамхала Тарковского. Россия попыталась договориться с Турцией, согласившись на признание турецкого протектората над теми горскими феодалами, чьи владения не имели выхода к Каспийскому побережью. При этом она настаивала на признании российского протектората над прикаспийскими владениями, а также требовала от Турции отказаться от посылки войск в земли горцев (*Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722 — 1723 гг. М., 1951. С. 137).* Одновременно были приняты меры по укреплению российской группировки в Гиляне, Дербенте, у крепости Святой Крест и начата Бакинская экспедиция, имевшая целью занять Баку до подхода туда турецкой армии. 17 июля 1723 г. три российские эскадры вошли в Бакинский залив, а 28 июля после четырехдневной бомбардировки город сдался. В том же году была предпринята еще одна операция по высадке десанта — на этот раз в низовьях Куры, где был занят Сальянский уезд.

В 1723 г. в Петербурге был подписан российско-иранский договор, в соответствии с которым Иран уступал России уже занятые ею прикаспийские области. Однако этот договор не удовлетворил претензии Турции, переговоры с которой были чрезвычайно сложными для России. Их итогом стал подписанный 12 июня 1724 г. в Стамбуле российско-турецкий мирный договор. Согласно этому договору за Турцией закреплялись Грузия, а также три иранские провинции (Эриванская, Тебризская и Казвинская). Шемахинское ханство объявлялось протекторатом Турции, которая, Однако не имела права в мирное время вводить туда войска. За Россией закреплялись уже занятые ее войсками приморские провинции. Но самое интересное, что и Россия и Турция потребовали от иранского шаха Тахмаспа II официального признания данного договора, угрожая в противном случае общими усилиями усмирить "персидское смятение" и восстановить на шахском престоле "достойнешаго из персиян" (*Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. СПб., 1869. С. 58 — 60).* Таким образом, речь шла фактически о разделе иранских владений между двумя более сильными соседями, причем от Ирана требовалось еще и формальное согласие на этот грабеж. Впрочем, речь шла все-таки о "грабеже награбленного".

В целом, несмотря на значительные усилия, предпринятые Россией в 1722 — 1723 гг., ее попытка овладеть Северо-Восточным Кавказом и западным Прикаспием закончилась провалом. И это несмотря на то, что иранские войска практически не оказывали сопротивления. Но стоило российским отрядам отойти от побережья и углубиться в земли горцев, как они встречали здесь ожесточенное сопротивление и оказывались вынужденными быстро откатываться к своим крепостям на побережье. О высоких боевых качествах кавказцев, которых традиционно именовали черкесами, российский посол в Иране А. П. Волынский писал следующее:"... все такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо где татар или

кумыков тысеча, тут черкесов довольно двух сот, и никто против их не стоят, и все от них трепещут" (*Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722 — 1723 гг. М., 1951. С. 155).* Кроме того, России не удалось даже удержать захваченные ценой больших усилий территории. Усиление позиций Турции на Кавказе заставило ее вновь искать союза с Ираном, резко усилившимся при новом правителе Надир-шахе. Однако последний категорически отказывался от любого союза до возвращения Ирану всех утраченных им в пользу России территорий. В конечном итоге к 1735 г., после подписания Рештского, а затем и Ганджийского трактатов, Россия не только вернула Ирану все прикаспийские территории, но и эвакуировала крепость Святой Крест в Дагестане, что означало возвращение к положению, существовавшему до Персидского похода Петра I. Иран вновь получил преобладающее влияние во всем Дагестане, а границей между двумя странами на Северо-Восточном Кавказе стал один из рукавов Терека, так называемый Старый Терек. Таким образом, границей российских владений на Северо-Восточном Кавказе становится река Терек, на левом берегу которого укрепляется линия казачьих станиц и закладывается крепость Кизляр.

Впрочем, Турция после подписания Россией и Ираном Рештского трактата, также не считала себя связанной договором, подписанным в Стамбуле в 1724 г. Поэтому в 1732 г. в Дагестан был направлен 25-тысячный крымский отряд, направлявшийся против войск Надир-шаха. Командующий российскими войсками на Тереке принц Людвиг Гессен-Гамбургский с отрядом в 2, 5 тысяч человек занял переправы на Сунже, что, Однако не помешало крымскому отряду прорваться в Закавказье. Вскоре через Северный Кавказ в Закавказье прошла уже 80-тысячная крымская армия под командованием самого крымского хана Каплан-Гирея. Все это являлось красноречивым свидетельством ослабления российских позиций на Кавказе, что и нашло отражение в российско-турецком договоре 1739 г., по которому Россия шла на ряд существенных уступок. Так, ей пришлось признать независимость Кабарды, которая должна была теперь играть роль буфера между Турцией и Россией на Северном Кавказе.

Вплоть до последней трети XVIII в. активность России на Северном Кавказе ограничивается оборонойсуществующей границы, а ее политика определяется развитием отношений с Турцией, которой Россия пытается всемерно противодействовать, избегая, Однако открытого столкновения. Последнее вовсе не означало, что Россия полностью отстранилась от вмешательства в политические процессы, происходившие в землях северокавказских народов. Скорее наоборот, российская администрация пытается всеми доступными способами влиять на соседние территории. В свою очередь, местные владетели и общества также стремятся опираться при случае на российскую военную силу и влияние для разрешения противоречий со своими соседями.

Ряд феодалов, стоявших во главе чеченских обществ, считались одновременно подданными российской короны, что позволяло российским дипломатам в случае необходимости говорить о принадлежности России земель, лежащих на правом берегу Терека и в глубине Чечни. Такими владетелями были князья Айдемировы, Чапаловы, Казбулатовы, Черкасские. Айдемировы были князьями чеченского происхождения — чеченский владетель Айдемир (Алибеков) начал получать российское жалование не позднее 1735 г., а возможно, что и в 1733 или даже в 1722 г (*Ткачев Г. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 7. С. 69).* Чапаловы и Казбулатовы, по всей видимости, были кумыками по происхождению и происходили первые из Эндери-аула, вторые — из Аксая. Турловы, как уже указывалось, — аварская княжеская фамилия, приглашенная чеченцами на княжение еще в XVII в. Что касается кабардинских князей Бековичей-Черкасских, то они находились на русской службе чуть ли не с конца XVI в. В 1747 г. чеченские селения Герменчук и Шали пригласили на княжение Девлет-Гирея Черкасского, являвшегося ротмистром российской службы (*Ткачев Г. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 7. С. 65 — 66).*

Политика, которую проводили российские власти в отношении северокавказских народов, можно назвать "политикой кнута и пряника". От большинства обществ и владений не требовалось уплаты податей, службы и т. д., вместе с тем действовали строгие ограничения в отношении горских территорий. Горцам запрещалось без специальных пропусков появляться в российских границах, действовали ограничения на торговлю и т. д. Суть российской политики сводилась к тому, чтобы сравнительно мирными средствами, без использования крупных воинских соединений, принудить горцев принять российское подданство. При этом не исключались и военные экспедиции против горцев. Так, 1732 г. комендантом крепости Святой Крест генералом Дугласом была направлена экспедиция против селения Че-

чен-Аул. Продвинувшись до селения Эндери, Дуглас выслал против Чечен-Аула отряд подполковника Кохa из трехсот пехотинцев и двухсот казаков. Кох сжег Чечен-Аул, но потерял при этом 125 человк убитыми и 75 раненными (*Зиссерман А. А. История Кабардинского пехотного полка. Т. I. СПб., 1881. С. 28).* В 1758 — 1759 гг. нападение на Чечен-Аул произвел кизлярский комендант фон Фрауэндорф.

С другой стороны, и чеченцы не оставались в долгу: в 1747 и 1749 гг. произошли нападения на станицы Щедринскую и Шелковскую, был ограблен Крестовоздвиженский монастырь в Кизляре; в 1774 г. ограблена станица Наурская, причем только у Моздокского казачьего полка было угнано более тысячи лошадей; в 1779 г. совершено нападение на крупный транспорт возле станицы Калиновской; 1786 г. похищен князь Ураков, который был отпущен только после уплаты выкупа и т. д (*Ткачев Г. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 7. С. 69 — 70).*

В течение всего XVIII в. происходит усиление чеченских обществ, которые постепенно начинают все более ограничивать власть феодальных княжеских фамилий, приглашенных в свое время на княжение на определенных условиях. Вообще, борьба между феодалами и чеченскими обществами была длительной и драматичной. С ней связано большое количество чеченских преданий. Нашла она отражение и в исторических документах. Чечня знала периоды усиления княжеской власти и знала также периоды ее ослабления. При этом князья, как правило, искали и находили опору у соседних феодалов или у великих держав, постоянно вмешивавшихся в политическую жизнь горцев. Немалая часть российских экспедиций против чеченцев в XVIII столетии были предприняты по жалобам "чеченских владетелей" и имели целью укрепление их власти над чеченскими обществами. Правда, по большому счету и российская военная помощь не достигла своей цели. В конечном итоге большинство чеченских князей оказались просто истребленными физически, а последние из них были изгнаны из Чечни в 1760 г.

В 1760 г. первыми восстали против Девлет-Гирея Черкасского жители Герменчука и Шалей. Девлет-Гирей бежал, причем его жене чеченцы отрубили руку. Вскоре оказались вынужденными бежать и другие князья, а некоторые из них, например, Хасбулат Атагинский, были убиты (*Ткачев Г. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 7. С. 74).* Девлет-Гирею российская администрация разрешила поселиться в Притеречье в селении Старый Юрт (нынешнее селение Толстой-Юрт). Остальных владельцев российским войскам удалось водворить обратно, однако в 1783 г. они оказались вынужденными вновь, и уже навсегда, бежать от чеченцев. Этим князьям также были отведены для поселения земли по правому берегу Терека, куда и в последующие годы подселялись выходцы из горных чеченских обществ.

Определенная активизация России на Северном Кавказе произошла только в связи с началом военных действий с Турцией. В 1769 г. отряд генерала Медема из Моздока выступил в Кабарду. Действия этого отряда поддерживались калмыцкими отрядами, к которым был придан отряд драгун под командой подполковника Кишинского. Из Кабарды российские войска двинулись на Кубань, но вскоре должны были вернуться в связи с неспокойным положением в Чечне. При этом калмыцкий хан Убаши продолжил военные действия на Кубани. С заключением Кючук-Кайнарджийского мира военные действия на Северо-Западном Кавказе прекратились, зато активизировались действия российских войск против феодальных владетелей Дагестана. В конце марта 1775 г. Медем нанес поражение уцмию Кайтагскому и вступил в Дербент. Оставив там гарнизон, он вынужден был вернуться на Терек, где начались очередные волнения среди чеченцев и кабардинцев.

Назначенный наместником новороссийским, азовским и астраханским, Князь Г. Потемкин первым делом приступил к укреплению российской границы на Северном Кавказе и созданию вдоль нее сплошной линии крепостей, укреплений и кордонов. Была основана так называемая Азовско-Моздокская линия, вдоль которой заложили десять новых крепостей. Сюда было переселено 500 семей из числа волжских казаков и 700 семей из числа донских.

До сих пор остается без удовлетворительного ответа вопрос: а в чем, собственно, причина столь длительного и ожесточенного противостояния между северокавказскими народами, прежде всего чеченцами, и Россией? Попытки объяснить его прежде всего религиозными противоречиями ничего на самом деле не объясняют. Большинство чеченцев были мусульманами и в XVI в., а тем более в XVII в., но только в последней четверти XVIII в. ислам становится официальной идеологией тех, кто противопоставил себя России и ее продвижению на Кавказ. К тому же немало правоверных мусульман проживали в самой России и даже несли воинскую службу в составе ее войск, в том числе и тех контингентов, которые действовали против Чечни.

Ничего не объясняет по существу и теория выдвинутая в свое время историком М. М. Блиевым, который видел корень зла в горском экспансионизме, перманентно нацеленном на разграбление всего, что оказывалось рядом.

Так же мало что объясняет мнение большого числа историков, в том числе и чеченских, которые считали вооруженную борьбу чеченцев исключительно ответом на ужесточение российской колониальной политики. Разумеется, усиление колониального проникновения было немаловажным фактором, определившим длительность и ожесточенность сопротивления со стороны чеченцев такой политике. Правда, Однако и то, что большинство других народов Российской империи, в отношении которых проводилась точно такая же политика, почему-то не ответили на нее десятилетиями вооруженной борьбы.

Чем можно объяснить это? Тем, что у чеченцев особенная психология, "свобода, растворенная в крови"? Такое объяснение слишком лестно для чеченцев, несмотря на то, что если не во всем мире, то уж по крайней мере на всем Кавказе, действительно нет больших индивидуалистов и анархистов, чем чеченцы. Не говоря уже о том, что и это объяснение, даже если пытаться рассматривать историю с точки зрения генетики, все равно не дает ответа на все вопросы.

Ясно только, что во второй половине XVIII в. произошло то, что в корне изменило всю предшествующую картину российско-чеченских отношений. Изменилась Россия. Изменилась Чечня. И они не ужились.

Чечня во второй половине XVIII в. по-прежнему состоит из отдельных общин, но это уже не те изолированные друг от друга общины, входящие в состав более крупных феодальных владений во главе с правителями другой национальности. Долгая и общая борьба с кабардинскими и кумыкскими феодалами, совместное противостояние российским, крымским, иранским вторжениям — все это изменило саму атмосферу, в которой живет большинство обществ. Порежнему нет даже намека на единый общечеченский политический центр, но в практической жизни большинство соседних общин действуют заодно. Здесь мы опять вынуждены рассмотреть вопрос о Мехк-кхеле — "Совете страны", который, по мнению ряда чеченских историков (И. Саидова, Ш. Ахмадова), являлся верховной организацией всего чеченского общества. Его членами являлись старейшины родов и общин, представители духовенства, богатые люди. По мнению Ш. Ахмадова, Мехк-кхел являлся органом власти и защищал интересы наиболее зажиточных слоев чеченского общества и духовенства. При этом, по версии Ахмадова, Мехк-кхел обладал следующими правами: установление цен на товары и продукты, введение единиц измерения при торговле, определение меры наказания за преступления, "... а также решение всех внешних и внутренних дел. "Мехк-кхел" являлся верховным законодательным органом чеченцев и ингушей. В случае невыполнения требований "Мехк-кхела" виновных граждан строго наказывали — вплоть до сожжения селений или аулов" (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 53 — 54).*

Вполне можно допустить, что представители всех чеченских тейпов и общин время от времени собирались для решения какого-либо вопроса, имеющего общенациональное значение или же для нескольких обществ сразу. Но существование Мехк-кхела в том виде, как об этом говорят чеченские историки, означает существование в Чечне общегосударственного органа власти, обладающего одновременно всей законодательной и исполнительной властью. Но в этом случае, в распоряжении Мехк-кхела должен был быть государственный аппарат, которого как раз таки и не было. Чеченцы недаром приглашали соседних князей к себе на княжение. Тем самым они не создавали своего собственного аппарата управления — они покупали готовый. При этом содержание пришлого князя обходилось сравнительно дешево. Обычная плата князю за то, что он вершил суд и выступал в качестве предводителя своей дружины и чеченского ополчения, составляла по чеченским преданиям определенное количество зерна и голов мелкого рогатого скота с каждого дома. Чеченское предание говорит о том, как был изгнан один из князей, который в целях увеличения своих доходов, подменил установленную меру большей по объему. Обман обнаружил один из крестьян, который в сердцах на глазах у князя разбил фальшивую меру, после чего князь, опасаясь расправы, вместе со своей дружиной поспешно бежал от чеченцев.

В других случаях феодалы получали плату за пользование чеченцами землей и угодьями, считавшимися владением данного князя.

Это все не означает, что у чеченцев в XVIII в. не было имущественного и социального расслоения. В чеченском обществе существовали довольно развитые феодальные отношения, выделилась знать и зависимое крестьянство, но не произошло закабаления крестьян. Хотя попытки в этом отношении со стороны своих и пришлых феодалов предпринимались. Российские источники XVI — XVII вв. не оставляют сомнения в наличии среди чеченцев князей. Но возникновение класса феодалов бесспорно относится к

более раннему периоду. Нет сомнения в том, что феодальными были все государственные образования, в состав которых входили чеченцы (Симсим, Алания и т. д.). Но феодальные отношения развивались и в высокогорных общинах. Доказательством тому, по мнению А. И. Робакидзе, могут служить вайнахские башенные комплексы. Он первым пришел к выводу, что"... обычай, в силу которого одни вовсе не имели права строить оборонительную башню, другие имели право строить лишь незавершенную, а третьи не ограничивались в правах строить завершенную башню, которая имела не только оборонительную функцию, но и выражала достоинство семьи, говорит о наличии совершенно определенной дифференциации общества ..." (*Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 116 — 117).*

Строительство башенных комплексов связано со стремлением феодализирующейся верхушки горных общин держать под контролем территорию того или иного ущелья, общества или дорогу, имеющую важное хозяйственное или военное значение. При этом на территории Чечни на горные селения приходится не более одной завершенной боевой башни. Только в Ингушетии имеются несколько селений, где есть больше одной боевой башни (*Умаров С. Ц. О некоторых особенностях классообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 11).* При этом не все феодалы могли претендовать на княжеский титул, бльшая часть их имела титул "юртан да", буквально "отец села, владелец села". Эта часть нахских феодалов обозначается в российских источниках под титулом "мурза".

Феодальные повинности, которые представителями вайнахской феодальной верхушки навязывались крестьянам, состояли в основном в подати зерном, скотом и орехами, содержание господского скота с восстановлением всех видов падежа, заготовка сена и строительного материала, пастушество, изготовление ремесленных изделий. Не довольствуясь этим, феодалы стремились захватить в личное владение общинные земли и низвести крестьян до положения крепостных. Чеченская устная традиция сохранила немало примеров того, как князья расправлялись с крестьянами. Одним из самых распространенных наказаний для пойманного в княжеском лесу дровосека или охотника было следующее. Крестьянина заводили в гущу леса и, привязав ему руки к длинному шесту поперек спины, отпускали. Наказанному таким образом крестьянину приходилось затрачивать огромные усилия, чтобы выбраться живым из леса, что далеко не всегда удавалось.

Существовали и другие виды наказаний, направленные прежде всего на то, чтобы публично унизить зависимых крестьян и тем самым пресечь их попытки обрести положение свободных общинников. Именно поэтому чеченские князья упорно пытались ввести право первой брачной ночи. Естественно, что такие попытки встречали отпор. Известно предание, говорящее о гибели князя Хьата, попытавшегося ввести право первой брачной ночи. Он был убит крестьянином по имени Минга, невесту которого князь хотел обесчестить. По преданию, отправляясь в засаду Минга, все оружие которого состояло из старой кремневки, сказал: "Если ружье мое при первом спуске курка даст осечку, погибну я, но если осечки не будет, погибнет князь" (*Умаров С. Ц. О некоторых особенностях классообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — нач. XX в). Грозный, 1980. С. 22).* Борьба между нахскими обществами и княжеской верхушкой продолжалась на протяжении нескольких столетий и завершилась в середине XVIII в. почти поголовным изгнанием или истреблением князей.

Главная причина, по которой нахские князья так и не смогли закрепить свою власть над сельскими общинами, на наш взгляд, заключается в том, что кабальный труд крестьянина в тех условиях, в котором жили чеченские общины, был не выгоден экономически. У чеченцев были зависимые лично не свободные люди — лаи (рабы) и ясыри (последние могли быть выкупленны). Обе эти категории населения пополнялись исключительно за счет пленных. При этом лаи и ясыри использовались не на всех работах, а чаще всего им выделялся земельный надел, на котором они вели собственное хозяйство. Но в условиях горных общин получение прибавочного продукта - дело чрезвычайно трудное. Того, что производил отдельный работник, едва хватало на нужды его самого и его семьи.

Что касается равнинных общин, то само их существование в окружении феодальных владетелей зависело от активности и преданности каждого из его членов. Именно поэтому чеченские плоскостные аулы охотно принимали новых переселенцев, поскольку с увеличением числа жителей увеличивалось влияние селения, а следовательно, его безопасность. Все это тормозило процесс закабаления крестьян. А главное, в Чечне сложились такие

общественные отношения, что само существование чеченского общества в этом виде зависело от его распространения вширь. То есть избыточное население с гор переселялось в предгорья, откуда чеченские аулы уходили все дальше и дальше, на новые земли. Ограничивая территорию расселения чеченцев, российская казачья линия тем самым ставила под угрозу само существование того общественного строя, общественных отношений, образа жизни, который успел сложиться у чеченцев. Своим напором чеченцы вытеснили с равнин расселившихся здесь было кабардинцев и кумыков, но, однажды упершись в российскую границу, они должны были или изменить ставшим уже привычным образ жизни, или сокрушить эту границу. Многие десятилетия чеченцы потратили на то, чтобы сделать второе.

Кроме того, то развитое хозяйство, которое вели чеченские общины, требовало наличия вокруг свободных для широкого товарообмена границ. Все документы, по крайней мере с начала XVII в. говорят о том, что Чечня производила гораздо больше хлеба, чем было нужно для потребностей ее населения. Избыток хлеба вывозился не только в соседние области, но даже в Иран (*Вроцкий Н. А. Чечня, как хлебный оазис // Сборник статей о Терской области. Вып. I. Владикавказ, 1878. С. 270).*

Но хлеб не был единственным богатством Чечни. Российский академик Фальк, посетивший Северо-Восточный Кавказ в 1773 г., отмечал, что жители Брагунов и Старого Юрта имеют большое количество скота и лошадей (*Записки путешествий академика Фалька. // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук. Т. 6. СПб., 1824. С. 61).* Одни только притеречные чеченские аулы имели свыше десяти тысяч голов крупного рогатого скота, что при пересчете на каждый двор составляло в среднем по 5 голов (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 56).* Не меньшее распространение получило и овцеводство, причем исследователь XIX в. И: И. Норденстамм отмечал высокую продуктивность местных пород овец (*Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. I. Махачкала, 1940. С. 304).* У тех же притеречных чеченцев общее стадо насчитывало более 200 овец (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 56).* Поэтому помимо хлеба из Чечни вывозился также крупный и мелкий рогатый скот, шерсть, кожи. Наряду с земледелием и скотоводствоством одним из важнейших занятий чеченцев было садоводство.

Большое значение в хозяйственной жизни чеченцев имело и пчеловодство. Мед и воск, которые в большом количестве добывались в Чечне, также вывозились в соседние области (*Штелин Я. О Черкасской и Кабардинской земле. // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., 1803. С. 75; Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана: История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. М., 1958. 284 — 285).*

Кроме того, в Чечне было развито производство грубого сукна, ковров, изготовление сапожной кожи, производство войлочных изделий и бурок. Причем чеченские бурки на Кавказе ценились наравне с андийскими (*Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана: История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. М., 1958. 285; Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный, 1991.С. 70 — 71).* Пользовались спросом у соседних народов изделия из дерева чеченских ремесленников. На рынок вывозилась деревянная посуда, утварь (ульи, бочки), отдельные детали для домов, арбы, колеса, предметы туалета (гребни, тросточки). При этом чеченские изделия из дерева, как правило, имели разного рода украшения, что повышало спрос на них. Широкое распространение получило кузнечное дело. На рынок шли орудия труда — плуги, косы, топоры, подковы, ножницы, гвозди, а также медная посуда, кувшины и предметы домашнего обихода. Большим спросом пользовались также изделия чеченских оружейников (*Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия НИИ истории, языка и литературы Чечено-Ингушской АССР. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 19 — 57).*

Появление в Чечне довольно значительного избыточного продукта, естественно, вело к быстрому развитию торговли. Однако этому мешали ограничения, введенные российскими властями. Российские документы довольно часто сообщают о больших чеченских обозах с товарами, подолгу простаивавших у российской границы на берегу Терека. При этом о размахе торговых операций некоторых чеченских торговцев можно судить по такому примеру — в 1751 г. российские власти не разрешили проезд для торговли некоему чеченцу Цуканию Кичину, который прибыл с товаром на 20 арбах (*Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура. // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 98).*

Таким образом, во второй половине XVIII в. российско-чеченские отношения начинают обостряться. Последовательная политика российских властей на укрепление ярко выраженной феодальной верхушки чеченского общества шла вразрез с настроениями большинства чеченского населения. Основной массой чеченского населения были лично свободные и

относительно зажиточные крестьяне, которые решительно выступали против попыток укрепления феодальной эксплуатации. Кроме того, князья оказались не нужными и в политической системе чеченского общества. Набравшие силу и достаточно организованные чеченские общины могли уже вполне спокойно обходиться без них — функции управления брали на себя выборные старшины. Кроме того, политика российских властей грозила подорвать хозяйство Чечни. Закрытие казачьей линии перекрывало свободный доступ на зимние отгонные пастбища по левому берегу Терека, создавало земельную тесноту; многочисленные ограничения подрывали чеченскую торговлю, не говоря уже о систематических злоупотреблениях со стороны чиновников. Политика окончательного присоединения края к империи и его ускоренная колонизация означали для подавляющего большинства чеченцев разрушение привычного уклада жизни и, главное, ухудшение и без того не легкой жизни. Все это, естественно, привело к росту антироссийских настроений.

Имам Мансур

Не случайно, что именно в это время в Чечне начали пользоваться успехом проповеди шейха Мансура. Переживающее глубокий внутренний и внешнеполитический кризис чеченское общество искало выход из сложившейся ситуации. И казалось, Мансур указал его.

Сведения о самом Мансуре крайне отрывочны и зачастую противоречивы. Неизвестна даже дата его рождения, не знал ее и сам Мансур. Во время допросов в Тайной экспедиции в 1791 г. он сообщил только, что ему более тридцати лет (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950. С. 23).* Следовательно, он родился не позже 1760 г. Этой же даты придерживаются большинство исследователей — П. Г. Бутков, А. Терещенко, Н. А. Смирнов, Б. В. Скитский, Ш. Б. Ахмадов. Только турецкие источники предполагают, что Мансур родился в конце 60-х годов XVIII столетия (*Бенингсен А. "Священная война" шейха Мансура. 1785 — 1791 гг. Париж, 1964. С. 159, 205).*

Настоящее имя шейха Мансура — Ушурма. Родился он в чеченском плоскостном селении Алды. Имя его отца, согласно российским источникам, — Шебессе (чеч. — Шабаз). Известно также, что у него были братья и сестры. По крайней мере два его брата были живы во время пленения Мансура в 1791 г. Семья, в которой родился и рос Ушурма, не являлась зажиточной. С детства будущему имаму пришлось пасти скот, а затем заниматься крестьянским трудом. Источники почти единодушно указывают, что Ушурма не получил никакого образования, в том числе и религиозного.

На протяжении всей своей жизни Ушурма отличался редким бескорыстием. Уже после первой своей публичной проповеди он "... приказал зарезать двух баранов, оные все раздал тут всем предстоящим, чем тот день и окончился. На другой день из бывших у него двух волов, взяв одного, вышел на кладбище и, обведя около его кругом раза три, пришел паки домой и тамо зарезал, из которого половину отдал бедным, а другую — учащимся грамоте малолеткам. С коего времени разнесся повсюду слух, а по нем и собирается великое количество людей и всякий день приводят к нему скотину, которую раздает бедным, да и сам с родственниками из нее же питается" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. — 10 об).* К моменту пленения Мансур оставался таким же бедным, каким он был в начале своей проповеднической и политической деятельности — все его имущество состояло"... из двух лошадей, двух быков и одной хижины" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 87).*

Почти ничего не известно об обстоятельствах его личной жизни. Он был женат и имел детей. Очевидно, бурная политическая деятельность на какое-то время оторвала его от семьи, но, давая показания в Тайной экспедиции, Мансур сказал, что у него имеется "...жена по имени Чачи, сыну восемь лет, двум дочерям — четыре и один год" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 87).*

Вообще, судя по источникам, Мансур жил замкнуто и уединялся даже от собственной семьи: "Под строением его сделана землянка весьма крепкая, где он ночует, караул из его родственников, есть ему дает жена его и ни с чьих рук не берет пить, кроме оной" (*Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 119).* Несмотря на склонность к уединению и отсутствие образования, Мансур пользовался авторитетом за свой ум и красноречие и умел вызывать доверие у окружающих. Дореволюционные авторы пишут о природной одаренности Мансура и наличии у него сильной воли (*Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. СПб., 1856. № 15. С. 54; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 87).* По словам имама Шамиля, говорившего со слов людей близко

знавших Мансура, "... он владел необыкновенным даром слова, который, при его мужественной, увлекательной наружности, имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему, что резко бросается в глаза, или поражает слух". Кроме того, Мансур был так высок ростом," что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади" (*Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1403).*

Вообще всю деятельность Мансура можно разделить на две части: во-первых, его деятельность как проповедника; и во-вторых, его военно-политическая деятельность. Причем именно его деятельность как политического и военного лидера была и остается до сих пор, в центре внимания исследователей.

Началом активной проповеднической и политической деятельности Мансура считается 1785 г., хотя надо думать, что проповедовать он начал все-таки раньше. Но в 1785 г. его проповеди уже имели среди чеченцев такой успех, что не только российские власти, но и начальник черноморской турецкой крепости Сухум-кала (Сухуми) Келеш-бей получил указание вышестоящих властей организовать наблюдение за деятельностью Мансура и собрать о нем подробные сведения. В свою очередь, Келеш-бей послал в Чечню своего агента Хасана Эфенди. Последний донес, что Мансур — житель чеченского селения Алды. В детстве был пастухом, занимался земледелием, стал торговцем. Во сне к нему дважды явился сам пророк и поручил поучать народ, обращая его к мусульманской вере. Несмотря на то, что Мансур не имел образования, он стал проповедовать учение ислама, поражая при этом воображение окружающих. Вскоре о нем стали говорить везде (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 33).*

В начале весны 1785 г. в Алды прибыл также и российский агент, татарин Али-Солтан, который сообщал, что до того как он был объявлен шейхом, "... Мансур три ночи в доме молился богу, с плачем выговаривая своим родственникам, что по непостоянству чеченцев в рассуждении смертоубийств и грабительства погибают или осуждаются в будущем веке вечному мучению и что он по данной свыше власти может их от сего избавить и обратить к чистому признанию и примирению...". На третьи сутки "...оный ших взошел на мечеть, созывал всех к богомолью, и как народ собрался великим количеством к мечети, то оный, не слезая с мечети, увещевал всех тута предстоящих, дабы они отстали от всех злых предприятий и кто с кем имеет ссору и вражду, примирились бы, а равно вина и водки не пили, табаку не курили, подавали бы милостыню и наблюдали закон мохаметов" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л., 8 — 10 об).*

Успеху проповедей, по всей видимости, способствовало то, что сам Ушурма строго следовал собственному учению. Так, он настоял на прощении их фамильного кровника, что произвело на чеченцев большое впечатление. Также всеобщее уважение вызывал его скромный образ жизни и полный отказ от излишеств. "... смотря на то, и другие тому последовали и стараются делать его повеления, а вино, водку пить и табаку курить жители деревни Алдынской тогда же оставили, да и приезжие, кто только у него ни побывает, то предается его учению, равно и воровство, что прежде почиталось за удачу, ныне в пренебрежении и всякий оттого уклоняется" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 8 — 10 об).*

Существует еще несколько преданий, рассказывающих о начале проповеднической деятельности Мансура. Согласно одному из них, Ушурма видел вещий сон, будто он упал с неба и при этом так громко прославлял Всевышнего, что его услышало все селение. Наутро он предупредил братьев, что должен умереть, но через сутки воскреснет. Так и случилось, и после того только Ушурма начал проповедовать.

Согласно другому преданию, среди ночи в крепко запертом дворе Мансура появились вдруг два всадника, которые приветствовали вышедшего к ним Ушурму как имама. Далее таинственные гости передали, что посланы самим Пророком Мухаммедом потому, что чеченцы и другие горцы отошли от истинной веры и именно Мансур должен убедить народ оставить свои заблуждения. Несмотря на сомнения Мансура, всадники убедили его в том, что ему в подвижничестве будет помогать сам Аллах и народ пойдет за ним. После этого всадники исчезли. Мансур провел три дня и ночи в посте и молитвах и лишь затем рассказал о своем видении братьям. Последние поначалу запретили ему кому-либо рассказывать о своем видении, но в конце концов дали свое согласие. Первую свою проповедь Мансур прочитал перед своими односельчанами, собрав их в своем дворе и взобравшись для удобства на крышу свего дома (*Смирнов Н. А.Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 88 — 89).*

Сам Мансур начало своей проповеднической деятельности относил к 1783 г., когда он и получил, по его собственным уверениям, звание шейха. Но еще задолго до этого от начал готовить себя в деятельности проповедника (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе//Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950. С. 11, 23, 63).* О том, что Мансур заранее готовился к этой

деятельности, можно косвенно судить хотя бы по тому, что с началом своих публичных проповедей он изменил даже свою обычную одежду. Всех приходящих к нему людей он встречал, скрывая свое лицо под специальной накидкой. Точно в таком же виде он появлялся и перед собравшейся в его ожидании толпой, что в крайней степени возбуждало любопытство: "В деревне оказался какой-то человек, оделся в разноцветное платье такое, что на свете никогда не видали" (*Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура. // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 119).*

Слухи о новом проповеднике быстро распространялись не только среди чеченцев, но и других горцев. Сам Мансур на допросах в Тайной экспедиции объяснял свою быстро возросшую популярность тем, что "...он избавился от желания воровства и грабежей, единственной добродетели наших народов" (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Ч. 1. М., 1950. С. 28).*

Все источники практически единодушны в том, что проповеди Мансура ни в чем не противоречили исламскому учению. Его поучения сводились в основном к требованию "...соблюдать строго заповеди Магомета, раздавать милостыню, не красть, не грабить, не прелюбодействовать, не пьянствовать *"(Терещенко А. Лжепропрок Мансур. // Сын Отечества. № 15. СПб., 1856. С. 55).* Уже в первых же публичных выступлениях, Мансур требует "...обычные же обряды не наблюдать, а быть так, как духовный закон учрежден" (*Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура. // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 120).* На допросах в Тайной экспедиции Мансур отрицал обвинение "...в недоброжелательстве к русским и утверждал, что он проповедовал среди своих единоверцев и соплеменников терпимость и любовь не только между собою, но и по отношению к русским". При этом он показал, что его проповеди были, короткими, простыми по содержанию и потому понятны простому народу. Заключались же они в правилах, которые должен соблюдать каждый мусульманин (*Корольков М. Я. Шейх-Мансур Анапский(Этизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина. СПб., 1914. С. 415 — 416).*

Имеется русский перевод письма самого Мансура к жителям селения Ангушт Нагаю Казику, Нагаю Исмаилову, Метте Бекову и Карату Зевурову, в котором сказано: "Будучи я, то есть имам Мансур, пастухом, явясь мне во сне пророк Мухаммед возвестил, что не исповедующие во имя его пророка в свое время, то есть 1006 года, но термин-де уже тот минул, а пророково имя его Мухаммеда другого не явилось, а явится уже Мехти, и теперь-де должно ему, имаму Мансуру, приводить мусульман к познанию пути и пророчества Мухаммедова, к чему он мусульман и приводит" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 2. Л. 274).*

Необходимость в такого рода проповедях диктовалась самой жизнью. Несмотря на то, что подавляющее большинство чеченцев считали себя мусульманами, правила и нормы поведения, установленные Кораном, соблюдались ими далеко не всегда. У. Лаудаев свидетельствует: "С принятием магометанства, спорные дела чеченцев должны были решаться по шариату... Шариат хорош или между благочестивыми людьми в полном значении этого слова, или же при том условии, чтобы власть была сосредоточена в руках одной особы, могущей, в случае непослушания, принудить к повиновению угрозой или наказанием. Чеченцы ни в коем случае не были людьми, кои необходимы шариату; будучи благочестивы только в наружном исполнении обрядов мусульманства, они не постигали внутренних его достоинств, и не имели к тому же народного правителя, а потому с шариатом у них последовало тоже, что некогда с адатом: от чего страна ожидала всего лучшего, то на деле дало противное — безпорядки увеличились. Обыкновенно двое тяжущихся шли к кади (судья) на разбирательство. Кади безпристрастно объявлял приговор; исполнение его оставалось на воле и богобоязненности тяжущихся. Случалось часто так, что если проигравший тяжбу был сильной фамилии, то уклонялся от шариата и возвращался к прежнему адату, да и то не столько для выполнения его, сколько для уклонения от удовлетворения. Эти лукавые изворотьі и теперь еще сильны между чеченцами..." (*Лаудаев У. Чеченское племя. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 30).*

О том, что чеченцы были плохими мусульманами, имеются многочисленные свидетельства в русских источниках. "... двалеты, кисты и цурцуки, ... вольные и никому не подвластные народы, состоят по большея части из татар магометанского закона. Каждый народ из них составляет особую провинцию или владение, которым управляет страшина" (*Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. 3. СПб., 1799. С. 114).* С. Броневский писал об ингушах (ингушами в то время в русских источниках назывались только жители Ангушта и других, прилегающих к крепости Владикавказ селений): " ... и наконец приняли ингуши мусульманский закон, но

притом держатся еще совокупно языческих и христианских обрядов; едят свинину, содержат посты, празднуют воскресенье и уважают опустевшие церкви" (*Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 145).*

Нет ничего удивительного в том, что по чеченским преданиям, став признанным имамом, шейх Мансур прежде всего совершил походы против горных и западных чеченских общин (часть из которых впоследствии слилась в ингушский народ), поставив перед последними условие: "Или вы изберете ислам, или вы изберете себе другой язык, кроме чеченского". Считается, что именно тогда большая часть будущих ингушей стали мусульманами.

Надо сказать, что еще дореволюционные российские источники отметили огромный успех проповедей Мансура и его популярность в народе. Об этом же свидетельствует и У. Лаудаев: "Планы его (Мансура) стремились к тому, чтобы собрать все горские племена и единодушно действовать против русских. Для достижения своей цели он обратился к помощи религии, зная, какое большое уважение оказывали горцы к духовным особам. Наложив на страну трехдневный пост (мархо), он, с приближенными своими (муриды), стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра (славословие). Жители выходили к нему навстречу, каялись перед ним в грехах и обращались к таба (покаянию), обязывались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить крепких напитков, но усердно молиться Богу, не пропуская для этого назначенных сроков. Народ признал Мансура своим устасом, т. е. ходатаем перед Богом: целовали полы его одежды, и так увлекались религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь (ци). Люди открывали один другому свои сердца, изгоняли из них злобу, зависть, корысть и проч. Говорят, что тогда народ до такой степени обратился на истинный путь, что найденные вещи и деньги привязывали на шесты и выставляли на дорогах, пока настоящий владелец не снимал их." *(Лаудаев У. Чеченское племя.// Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 60).*

Впрочем, после того как Мансур начал публичные проповеди часть официального духовенства стала выражать свое недовольство его действиями, находя, что они в отдельных частях противоречат учению ислама. Например, одно из духовных лиц Табасарана сообщало: "... о подвигах и делах назвавшегося имамом слышно, что они противны суть закону и священному нашему писанию: 1-ое, что упущение поста и богослужения довершать он уже возбраняет; 2-ое — богослужение отправляет он не так, как по закону следует; 3-е — чинит поборы с народа и приемлет подарки" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 2. Л. 53об).*

Как видно из процитированного отрывка, указанное духовное лицо из Табасарана составило свое мнение заочно: "...о подвигах и делах назвавшегося имамом слышно...". К тому же так думали далеко не все представители духовентсва. Известно, что Мансура навещали многие ученые богословы, в том числе ширванский богослов Мехмед-Реза и турецкий ученый-богослов Сейд-Халил Эфенди. Причем оба они приезжали к Мансуру в сопровождении своих учеников (*Джахиев Г. А. Движение горцев Северного Кавказа под руководством Мансура в освещении турецкой историографии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. С. 54 — 56).* Во время допросов в Тайной экспедиции между прочим вскрылось, что у неграмотного шейха Мансура были наставники и сторонники среди чеченских мулл. Наиболее авторитетным из них был мулла Умар-Хаджи из селения Шали. Назывались также имена Нагай-Мирза-хаджи, Бисултан-хаджи и Хамбе-хаджи. Именно эти муллы более других агитировали народ за признание Мансура имамом, они же писали письма и воззвания от его имени (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950. С 24).*

Можно таким образом предположить, что существовала какая-то группа духовных лиц Чечни, которая активно поддерживала проповеди Мансура и выступала в роли его советников и сторонников. Надо также полагать, что получившие религиозное образование и достаточно авторитетные в народе духовные лица имели также немалое влияние и на самого Мансура, тем более что в протоколах Тайной экспедиции они именуются его наставниками. Не отсюда ли идет ничем не подтвержденный, но тем не менее упорный слух о создании шейхом Мансуром Совета семи — своего рода тайного правительства Чечни, просуществовавшего чуть ли не сто лет после его смерти? *(Бушуев С. К. О кавказском мюридизме.// Вопросы истории. 1956. № 12. С. 74).* Вероятно, также не без поддержки указанных духовных лиц проповедническая деятельность Мансура очень быстро после получения им всеобщего признания сменилась деятельностью политической.

Наиболее полно изучавший жизнь и деятельность Мансура Ш. Б. Ахмадов следующим образом объясняет причины перехода Мансура к политической деятельности: "Можно считать, что не столько

провидения, проповеди и чудеса шейха Мансура, сколько сложившиеся обстоятельства и воля народных масс сыграли решающую роль в переходе Мансура к открытой военно-политической деятельности, когда острие его религиозной пропаганды теперь было направлено на организацию масс, на борьбу против царизма" (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 101).* Автору кажется, что такое объяснение активной политической деятельности Мансура является неполным, так как остаются без учета те процессы, что происходили внутри самой Чечни. Начало проповедей Мансура совпало со временем окончательного изгнания из Чечни местных и пришлых князей. Логически отсюда следует, что внутри чеченского общества шла ожесточенная борьба за лидерство. Кто-то должен был стать во главе недовольных масс и направить их протест против местных феодалов, а после их изгнания должен был занять место "во главе народа".

Против власти князей активно выступали не только рядовые крестьяне, но и сельские старшины, представители духовенства, зажиточные люди, которые не желали содержать князей и их приближенных. И надо думать, что среди многочисленных противников князей существовали отдельные группировки, преследующие свои собственные интересы. В этой ситуации деятельность быстро набирающего популярность молодого проповедника не могла остаться незамеченной. Поддержав Мансура, эти люди (имена их, видимо, так и останутся неизвестными) вместе с ним пришли к обладанию реальной властью в Чечне. Видимо, не случайно, в проповедях Мансура отчетливо прозвучал тезис о незаконности власти князей (*Руновский А. Записки о Шамиле // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1403).* Можно также предположить, что после того как их положение упрочилось, они отказали Мансуру в поддержке его дальнейших действий. В результате чего он оказался вынужденным уйти к кабардинцам и дальше — к черкесам.

Интересно, например, что для Шамиля именно Мансур являлся непререкаемым авторитетом не только в делах политических и военных, но и (что особенно интересно) — в вопросах религиозных (*Руновский А. Записки о Шамиле // Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1403).* И хотя сохранившиеся источники не дают полного представления о содержании религиозной проповеди Мансура, сам факт того уважения, с которым относился к его мнению по религиозным вопросам Шамиль, подводит к выводу, что Мансур проповедовал накшбандийский тарикат. Во всяком случае, несомненно, что именно с шейха Мансура начинается плеяда блистательных имамов Кавказа.

Политическая деятельность Мансура началась не позднее 1785 г. Именно тогда на его проповеди начинают стекаться люди не только со всей Чечни, но и из Кабарды и Дагестана. В его проповедях уже отчетливо звучит мотив о вооруженной борьбе против неверных, под которыми подразумевалась Россия. При этом Мансур угрожает разными карами и несчастиями тем, кто уклонится от участия в предстоящей войне. Случившиеся в феврале и начале марта 1785 г. два сильных землетрясения во многом способствовали росту его влияния. Жители Алдов признали Мансура имамом и объявили о прощении всем кровникам. В селе было запрещено употребление табака и спиртного. Одновременно Мансуру была выделена охрана из пятедесяти вооруженных человек и установлено наблюдение за дорогами, ведущими в сторону российской границы (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1886. С. 92).*

Первый поход, который был объявлен в начале марта 1785 г., намечалось провести против западный чеченских горных обществ с целью обращения их в ислам. Тогда же Мансур получил письмо от Уммахана Аварского, в котором Уммахан выражал солидарность с его деятельностью. Далее в письме сообщалось, что Аварским ханом получены из Турции ценные подарки — шуба и сабля, а также требование собрать войска и присоединиться к Мансуру. Уммахан сообщал также, что скоро прибудет со своим войском в Алды (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 103).* Интересно, что в первой половине марта 1785 г. российские агенты практически ежедневно сообщают об оживлении среди чеченцев, вызванном бурной деятельностью Мансура. Кроме чеченцев в Алдах появляются в большом количестве кумыки, а также представители от некоторых владетелей Кабарды. При этом упорно муссируются слухи о готовящемся нападении на российские границы. В качестве возможных объектов нападения указываются станицы Червленная и Щедринская, а также крепость Владикавказ. Встревоженный этими известиями комендант Кизляра обратился к ряду близлежащих владельцев с требованием немедленно сообщить в случае движения горцев во главе с Мансуром: "Если же пропустите его с воровскою партиею и не объявите, а через то селениям учинится вред, так ответствовать будете пред оружием Ее Императорского Величества...". Кроме того, в письме отправленном 24 марта ряду влиятельных владель-

цев Дагестана и Чечни, кизлярский комендант заявлял: "... имянуещийся имамом есть никто иной, как только подставной плут, а управляющий им и приводящий людей в смутность, вкравшийся единственно со стороны турецкой шпион, который как видно нарочно для сего возмущения подослан, чтобы чрез сие могла разорваться тишина и спокойствие. А потому вас, почтенных князей, как верноподданных прошу подвластным своим утвердить сие точным образом, что в Алдынской деревне народ выходит на возмущение и бунт против России единственно по наущению сего шпиона" (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 105, 107).* Не приходится сомневаться, что в данном случае кизлярский комендант поставил "телегу впереди лошади" — Мансур не был турецким шпионом и не его вина, что Турция живо интересовалась его деятельностью и наряду с российскими агентами в Алды прибывали и турецкие агенты, занимавшиеся одним и тем же делом — сбором информации о намерениях и возможностях Мансура.

Вся весна 1785 г. прошла для Мансура в приготовлениях к вооруженному выступлению. Им были разосланы многочисленные письма и прокламации к владельцам и князьям Дагестана и Кабарды, которые "возымели действие", что было отмечено тем же кизлярским комендантом в письме к Темир Хамзину Бидерийскому: "Наружность ваша из писем показывает, что вы и все ваше общество верностию преданы к Ее Императорскому Величеству. Внутренность же, хотя и закрыта и кроме всемогущего сердцевидца никто о ней судить не может, однако ж дела точно уверяют, что вы мало о должности верноподданнической мыслите, а более час от часу возростает в вас холодность и убегаете от преданности к Российской монархине..." (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 108 — 109).* К Мансуру в это время действительно постоянно прибывают представители от дагестанских владетелей, в том числе и от шамхала Тарковского. Постоянно прибывают и представители из Кабарды. И хотя сам Мансур еще не предпринимал никаких действий, участились случаи нападений на караваны купцов, доставлявших товары в различные горские селения. Российские власти расценивали это как результат антироссийской агитации Мансура.

Командование Кавказской Линии вполне оценило угрозу, которую может представлять Мансур, если его деятельность по объединению вокруг себя горцев разных национальностей окажется успешной. В то время как общая численность регулярных войск от Каспийского до Черного морей не превышала 27 тысяч, по подсчетам российского командования, объединенные горцы могли выставить до 25 тысяч человек (*Энциклопедический словарь "Гранат и К". Т. 23. С. 221).* Чтобы нейтрализовать возникшую угрозу, российское командование начало переброску дополнительных войск ближе к Чечне. Князь Г. А. Потемкин писал Кавказскому наместнику П. С. Потемкину: "Повторяемые с Кавказа известия о появившемся там лжепророке и народном от него волнении, как бы ни были темны и необоснователыны, тем не менее требуют уважения... Не оказывая, впрочем, наружной заботы, которая может послужить к ободрению восставших горцев, прикажите стянуть некоторое число войск к реке Сунже, где находится главное сборище лжепророка. Единый страх, таковым движением произведенный, будет удобен к разогнанию сей сволочи... Страх наказания и надежда мзды имеют в тех народах всегда сильное движение" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2.СПб., 1872. С. 100).*

Для укрепления российских войск вокруг Чечни в Кизляр был переброшен Астраханский пехотный полк, четыре эскадрона драгун и гренадерский батальон с орудиями; Владикавказский гарнизон был усилен дополнительным батальоном, а на Сунже сосредоточен отряд под командованием генерал-майора Шемякина в составе двух пехотных и одного казачьего полков, батальона егерей и нескольких драгунских эскадронов.

Желая упредить предполагаемые действия Мансура, российское командование предприняло военную операцию по его захвату. Для выполнения этой операции был создан отряд под командованием полковника Пиери в составе двух пехотных полков, батальона Кабардинского егерского полка, двух гренадерких рот и сотни терских казаков. Отряд должен был скрытно подойти к Сунже со стороны станицы Калиновской, затем в ночь с 6 на 7 июля Кабардинский егерский батальон переправившись через Сунжу должен был проникнуть в Алды и захватить дом Ушурмы вместе со всеми находящимися там людьми. Основные силы отряда должны были прикрывать переправу через Сунжу. Однако от места сбора до селения Алды отряду Пиери необходимо было преодолеть около пятидесяти верст. Несмотря на движение ускоренным маршем, только к пяти часам утра 6 июля отряд достиг реки Сунжи, где его обнаружили жители расположенной неподалеку "Амирхановой деревни". Вскоре между отрядом и жителями этого селения завязалась перестрелка. Таким образом, операция, замысел которой целиком строился в расчете на внезапность, оказалась уже фактически сорванной. К тому же еще не подошел отряд бригадира

Апраксина, который должен был своими демонстративными действиями отвлечь внимание чеченцев от отряда полковника Пиери.

Тем не менее полковник Пиери решил продолжить движение к Алдам, как это было предусмотрено планом операции. На месте переправы был оставлен обоз и часть войск, чтобы обеспечить отряду в случае необходимости пути отступления. Пройдя через лес, отряд Пиери взял и сжег Алды, жители которого после недолгого сопротивления покинули село. Пиери потерял много времени на то, чтобы сжечь дотла покинутое селение и угнать скот местных жителей. За это время к жителям Алдов начали присоединяться чеченцы из близлежащих селений, которые заняли лес между селением и Сунжей и перекрыли отряду дорогу к отступлению. Тем не менее Пиери приказал немедленно отступать по той же дороге к переправе. Только оказавшись в лесу под сильным огнем и понеся большие потери, Пиери приказал бросить угнанный у жителей скот и ускоренным маршем пробиваться к переправе, где уже в фактическом окружении оказалась оставленная там часть отряда. Однако ввиду большого числа раненых и сильного огня движение отряда замедлилось, а после того как у солдат кончились боеприпасы, оно стало катастрофическим. Часть отряда рассеялась по лесу, другая часть солдат, отбиваясь штыками, все же дошла до Сунжи и оказалась вынужденной переправляться через нее под прицельным огнем. По рассказам чеченцев, на месте переправы вся поверхность реки была покрыта фуражками убитых солдат (*Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 61).*

Переправившиеся через реку остатки отряда укрылись за вагенбургом, сооруженным из обозных повозок. После двухчасового ожидания отряд продолжил отступление. Преследование его чеченцами продолжалось до десяти часов вечера.

Чеченцы потеряли в этот день более 300 человек убитыми, среди которых оказался и один из братьев самого Мансура. Потери российского отряда только убитыми составили 1506 человек, т. е. половину личного состава. Среди убитых был и сам полковник Пиери. 162 человека попали в плен и были затем выкуплены (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 11. Л. 25 — 25 об).* У. Лаудаев пишет о потерях российского отряда под Алдами: "... убитых было такое множество, что из кольев, которыми был огорожен аул и на которые выставлены были головы убитых русских, осталось без трофея только два кола. Часть русских разсеялась по лесу, и через неделю после битвы, изнуренные голодом, они сами являлись в аул" (*Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 61).*

Между прочим, в числе пленных, захваченных чеченцами, был и двадцатилетний адъютант полковника Пиери — князь Петр Багратион (*Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. СПб., 1856. № 15. С. 56).* У чеченцев также сохранилось предание об этом эпизоде. Согласно этому преданию, молодой Багратион уже будучи несколько раз ранен, продолжал отбиваться шашкой от наседавших чеченцев, пока не потерял сознание. Это произошло недалеко от места переправы через Сунжи, и Мансур сам был свидетелем его мужественного сопротивления. Тронутый молодостью и храбростью Багратиона Мансур приказал перенести его через Сунжу и вернуть русским, укрепившимся на том берегу. Когда Багратиона возвращали, российские офицеры предложили чеченцам за него деньги, на что посланец Мансура ответил: "Мы храбрецов не продаем и не покупаем".

8 июля в окрестностях селения Алды появился отряд бригадира Апраксина, который сжег близлежащую "Амирханову деревню", что в общем-то никак не могло повлиять на настроение чеченцев, да и всех других горцев, ставших свидетелями впечатляющего разгрома отряда Пиери. Именно после этой победы чеченец Ушурма получил новое имя — Мансур (Победитель). К концу 1785 г. в распоряжении Мансура имелось уже до 10 тысяч вооруженных горцев. В результате российское командование оказалось вынужденным перейти к обороне, для чего была произведена передислокация войск и оставлены мелкие укрепленные пункты. Российские войска сосредотачивались в трех стратегических районах: вокруг Кизляра, Моздока и Екатериноградa. Части, размещенные в Грузии, были срочно отозваны на Кавказскую линию, чем не замедлил воспользоваться Уммахан Аварский, опустошивший некоторые районы Грузии.

Известие о поражении российских войск в Чечне распространилось по всему Северному Кавказу, тем более что и сам Мансур разослал повсюду письма с рассказом об одержанной победе. Особенно сильное впечатление это известие произвело в Кабарде и среди черкесов Северо-Западного Кавказа. Так, в Кабарде горцы напали на укрепление Кум-Кала, а российская агентура доносила о письмах, посылаемых кабардинскими и черекесскими владетелями в Чечню к шейху Мансуру.

Ближайшей целью Мансура стал город Кизляр, который "... с одной стороны являлся главной цитаделью русского могущества на Северном Кавказе; здесь размещались ближайшие к горцам представители русской власти. С другой же стороны, он пред-

ставлял из себя центр экономической связи и зависимости горских народов от русских властей. Кроме того, взятием Кизляра Мансур надеялся разорвать всякую связь с Астраханью и тем самым обессилить могущество царизма на Кавказе" (*Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 111 — 112).* 15 июля 1785 г. пятитысячный отряд Мансура попытался штурмовать Кизляр, но был отбит. Отброшенный от Кизляра Мансур тут же атаковал Каргинский редут, расположенный в пяти верстах от города и овладел им. Однако сам редут оказался уничтоженным в результате взрыва порохового погреба (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 60).* Российские источники отметили, что в первом нападении на Кизляр принимали участие некоторые дагестанские владельцы: Чапалов Анджи-Муртазалиев, Махач Урусханов и Хамза Алишев, а также довольно большое число их узденей.

Между тем, по донесениям агентуры, Мансур собирался пополнить свой отряд и затем снова атаковать Кизляр. Встревоженный этим командующий войсками на линии генерал-поручик Леонтьев принял меры по укреплению кизлярского гарнизона, а также приказал бригадиру Апраксину двинуться к реке Малке, чтобы не позволить кабардинцам соединиться с чеченцами. В конце июля Мансур во главе вооруженного отряда действительно объявился в Малой Кабарде и заручился поддержкой местных князей Дола, Жембулата, Келемета, Кайтука и узденя Берда Хапцуга (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ч. 11. Д. 350. Л. 61 — 63 об).* 29 июля объединенные отряды чеченцев и кабардинцев осадили крепость Григорополис. Блокада продолжалась в течение двух суток, однако после удачной вылазки осажденных Мансур снял осаду и возвратился в Чечню. Но и после его ухода волнения в Кабарде продолжались. 4 августа около тысячи кабардинцев безуспешно атаковали российские войска на реке Малке. П. С. Потемкин докладывал: "Кабарда готова была вся генерально поднять оружие ... и действительно бы с шейхом соединились, если бы я с корпусом прийти на Малку не предуспел" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ч. 11. Д. 350. Л., 11 — 11 об).*

Между тем агитация Мансура продолжала пользоваться успехом. Из донесений поступавших с Северо-Западного Кавказа следовало, что закубанские черкесы срочно продают скот, закупают оружие, лошадей и готовятся соединиться с Мансуром. При этом, события, происходившие на Северном Кавказе, продолжали оставаться в центре внимания турецких властей (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе.// Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950. С. 21 — 22).* Адыгейские предводители сообщали коменданту турецкой крепости Согуджак: "... если ты нас спросишь новости об имаме Мансуре, мы ответим, что они хорошие. Наша единственная мысль — это сражаться день и ночь с презренными неверными... Но не думай, что одной нашей силы достаточно, чтобы довести до конца эту борьбу. Благодаря твоему благословению и твоим молитвам, только с твоей помощью мы сможем добиться победы. Эта земля принадлежит нашему Падишаху. Если он пришлет нам свой рескрипт, мы будем готовы к сражениям следующей весной. В Крыму осталось мало русского войска, русское командование отправило все свои силы против имама Мансура; даже те части, которые находились в Кум-Кале, отправлены против него" (*Беннигсен А. "Священная война" шейха Мансура. 1785 — 1791 гг. Париж, 1964. С. 159 — 160).*

Ночью 19 августа Мансур с большим отрядом горцев переправился через Терек и подошел к урочищу Буйвалы в семи верстах от Кизляра. Ближе к вечеру 20 августа его отряд атаковал кизлярские укрепления, но атака была отбита. Ночью 21 августа Мансур произвел нападение на позиции Томского пехотного полка и заставил его отступить за городские укрепления, от которых горцы были вновь отброшены. По российским донесениям следует, что после отступления Мансура было обнаружено около пятисот тел, убитых горцев (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л., 19 об).*

После второй неудачи под Кизляром начинается заметное охлаждение к Мансуру со стороны горцев. Он даже был вынужден брать аманатов (заложников) от некоторых владельцев, казавшихся ему ненадежными (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л. 93 — 93 об).* Мансур предпринимает ряд поездок по чеченским и кумыкским селениям в надежде собрать новых сторонников, однако вокруг него собралось всего около ста человек. Одновременно он отказался перейти в Кабарду, куда его пригласили некоторые из кабардинских владельцев, ограничившись тем, что отправил кабардинцам свое знамя и призвал их чаще совершать нападения на российскую Линию. Таким образом, престиж Мансура среди кабардинцев и черкесов остался на высоком уровне. Более того, к осени волнения начались даже среди наиболее преданных российским властям осетин и ингушей (жителей расположенных рядом с Владикавказом селений). Таким образом, осенью 1785 г. обстановка по прежнему оставалась сложной для российского ко-

мандования, что констатировал вернувшийся на Кавказ П. С. Потемкин: "Обстоятельства здешние в крайнем замешательстве, лжепророк паки собирается напасть на Кизляр и на все наши селения. Все кумыки, чеченцы и прочие горцы, даже часть дагестанцев, стекаются к нему для нападения на наши пределы" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л., 122).*

Увеличившееся число нападений вдоль всей Кавказской Линии заставило российское командование стянуть войска к важнейшим крепостям и создать три самостоятельных отряда, которые должны были действовать соответственно: первый против чеченцев, кумыков и дагестанцев; второй — против Кабарды; третий — против закубанцев. Но и положение Мансура было нелегким. Чеченцы не хотели идти на Кизляр, настаивая на нападении против станиц, расположенных выше по Тереку. В свою очередь, дагестанцы не хотели идти в Чечню и предлагали действовать в районе Кизляра. Однако попытки Мансура переправиться через Терек в нижнем его течении оказались безуспешными, и 22 октября с отрядом в 6000 человек он двинулся в Кабарду.

Продвижение отряда Мансура находилось под наблюдением российского командования, получавшего через своих лазутчиков точные сведения не только о движении Мансура, но и о его намерениях. Командованием был срочно сформирован отряд полковника Нагеля. Сам генерал-поручик П. С. Потемкин с отрядом в 5000 человек расположился на реке Малке. Часть кабардинских князей выразила покорность, другая, отправив имущество и семьи в горы, ожидала прибытия Мансура. С 30 октября по 2 ноября шли бои между войсками Мансура и отрядом Нагеля, завершившиеся поражением горцев.

Поражение от отряда Нагеля привело к тому, что ряд владельцев и чеченских старшин покинули Мансура. "На сих днях, когда чеченские народы увидели движения стекающихся войск по р. Тереку близ пределов... некоторые старшины и владельцы, ожидая наказания себя, являться ко мне начали с принесением раскаяния. Другие же, кои не мешались к бунту, приходили ознаменять свою верность к престолу Ее Императорского Величества". Среди прочих обратились к полковнику Савельеву и старшины селения Алды, откуда был родом сам Мансур (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 11. Л. 52, 60).* Российские власти, в свою очередь, выставили требование выдать Мансура: "... если народы кумыкские, чеченские, обратясь на путь истинный, принесут раскаяние и, поймав себе развратника, выдадут его ..., то будут во всем прощены, оставлены в покое и дано будет тем, кто приведет его живого, три тысячи рублей, голову же от мертвого — пятьсот рублей. Но если и за сим народы не раскаются или паки к нему прилепляться будут, тогда подвину я гром оружия и меч острый на поражение преступников" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 11. Л. 6 об).* Одновременно награды были обещаны и за поимку некоторых князей и владельцев, остававшихся преданными Мансуру. Мансур был вынужден перебраться в Шали, откуда продолжал рассылать письма к окрестным народам.

С объявлением награды за поимку Мансура появились желающие получить ее, в том числе и из его же окружения. Так, к полковнику Савельеву явились от имени одного из духовных сподвижников Мансура Умар-Хаджи Шалинского два муталима, Курмат Алисултанов и Мурдар Турлов в сопровождении узденя Гулата Баматова, с предложением устранить Мансура за награду в две тысячи рублей. Были и другие желающие получить награду, но получить ее никому не удалось потому, что Мансур установил вокруг своего дома постоянную охрану.

В начале 1786 г. Мансур продолжил попытки набрать новых сторонников в Чечне, требуя, чтобы каждая мечеть выставила для него трех воинов и выделяла по двадцать копеек на их содержание. Российские власти отмечали, что среди горцев еще осталось большое уважение к нему (Юдин П. Лжепророк Ушурма — Ших-Мансур (*Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. Кн. 3. Вып. 10. М., 1914. С. 217).* В это же время Мансур попробовал ввести среди горцев новые правила, в соответствии с которыми каждое селение должно было выставлять 10 вооруженных человек для его войска, по 2 человека для несения караульной службы, а также вносить девятую часть урожая. Таким образом Мансуру удалось собрать постоянное войско в 500 человек, для содержания которого поддерживающие его селения были обложены специальной податью: по одной скотине с каждых 20 дворов и по мешку муки с каждого двора (*История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 455).*

Примерно в это же время российское командование узнало, что Мансура посетили два турецких эмиссара, которые обещали от имени султана прислать войско, артиллерию и деньги. Тогда же Мансуром было получено письмо от султана, которое было зачитано при большом собрании народа в селении Аксай. Письмо произвело сильное впечатлние на простой народ, но часть горских князей заявила, что не поверит обещаниям султана, пока воочию не увидит турецкую артиллерию. Российское командование также довольно скептически отнеслось к обеща-

ниям султана. Генерал-поручик П. С. Потемкин доносил в Петербург: "О предположении, что якобы турки обещают войска, конечно, вероятности нет, ибо проводить войско им невозможно, а что касается денег, то их они могут прислать" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 1. Л. 45).*

Интересно, что с целью подорвать авторитет Мансура в глазах горцев российское командование распространяло фальшивое письмо на его имя. В этом письме, в частности, говорилось: "Теперь больше не сомневаюсь, что Вы к пользе нашей употребите все способы в таковом Вашем чрезвычайном предприятии, и уверяю Вас, что Ваше благоразумное старание и усердие за магометанскую к России покорность бессомненно получите награждение. Прекратя сие, прошу и впредь обо всех Ваших успехах чрез известных Вам почаще меня уведомлять" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 4. Л. 288).* Письмо это было скорее всего написано майором Иваном Абрамовым и распространялось проезжавшими через Кизляр армянскими торговцамив. Сам майор Иван Абрамов доносил: "Я думаю нельзя, чтобы сие посредство не произвело в народе их возмущения, составляющего междоусобную брань, и не возымело бы своего действия на поражение его самого тем злосчастием, которым он многих невинных уже наградил" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 270. Ч. 4. Л., 19 об., 20).*

Летом 1786 г. турецкие власти отправили на Северный Кавказ муллу в сопровождении четырех турок. Цель этого эмиссара состояла в том, чтобы оценить степень религиозной подготовки Мансура, а также политическую направленность его идей. Указанный эмиссар провел 25 дней в доме Мансура и убедился в том, что тот не отличался большой набожностью и не мог претендовать на звание ученого богослова, но при этом строго придерживался всех предписаний ислама. Что касается военно-политических планов Мансура, то, по его уверениям, часть его войска, ослушавшись его приказа, напала на российские войска и разбила несколько полков. При этом он желал, чтобы султан прислал подготовленного военачальника и деньги. В ближайшее время Мансур, якобы, не планировал активных действий. По заключению турецкого эмиссара Мансур вовсе не был настоящим пророком, а обманщик, не пользующийся большим доверием в Дагестане. Интересно, что заключение турецкого эмиссара было получено и российскими властями (*Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 47. СПб., С. 179 — 181).*

В конце июля 1786 г. Мансур объявил о скором выступлении. В его планы входило соединиться с князем Долом Мударовым, а затем, присоединив к себе ингушей, атаковать Владикавказ. Однако вовремя проинформированное через свою агентуру российское командование решило опередить его. Против князя Дола был послан отряд полковника Нагеля, который вынудил его явиться с повинной. Дол получил прощение и был переведен на прежнее место жительства в Кабарде. Таким образом, Мансур лишился союзника, от поддержки которого зависели его планы военных действий против Владикавказа.

Мансур делает попытку привлечь на свою сторону Уммахана Аварского, однако тот уже успел через свое доверенное лицо заверить российские власти, что "... никогда не будет на стороне противящихся России, но и сам с войском своим готов на услуги Ее Императорскому Величеству" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 4. Л., 15 об, 16).* Значение этих заверений генерал П. С. Потемкин оценивал так: "Привлечение Уммахана к нам почитаю я весьма нужным, ибо, во-первых, он именитый владелец в лезгинах; турецкий двор без него не призовет и половины лезгинских войск, а притом, что он, будучи в спине у чеченцев и прочих народов, может и в сем случае быть удобен" (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 3. Л. 55 об).*

Эти события значительно ускорили отход от Мансура горских владельцев. Так, 8 августа 1786 г. жители селений Аксай и Эндери решили прекратить сопротивление российским властям и принести повинную (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе.// Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1850. С. 49).* Один из наиболее ранних сподвижников Мансура, эндерийский владелец Чепалов Хаджи писал кизлярскому коменданту: "Доношу сим Вашему Превосходительству, что я был по сие время к России злодеем и преступником. Ниже пришел в раскаяние, желая пребывать России верным" (*Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1850. С. 50).*

Мансур находился в практически безвыходном положении, когда в июле 1786 г. к нему прибыл посыльный с приглашением от закубанских народов. С этого времени начинают распространяться упорные слухи о том, что Мансур ушел за Кубань. В конце октября к российским властям обратился посланный Мансуром его зять Этта Батырмурзин. Через своего зятя Мансур передал, что считает ... себя избранником Бога не для разбоев, но для удержания мусульман от злых дел и шалостей. Однако те народы брали неволею его с собой в российские места против войск

российских. Ныне видит он, что те народы на него несмотрят и не слушаются. Он от них опасается, чтобы его не убили или выдали русским. И для этого просит пощады и помилования. ... Если он будет прощен, то с никакой стороны род татарский не будет делать шалости к России, а всех он может от того удержать и будет стараться их успокоить" *(Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1850. С. 51).* Одновременно стало известно, что Мансур, послав своего родственника к российским властям, всюду сообщает, что власти ищут с ним примирения.

В первой половине 1787 г., на фоне обострения российско-турецких отношений и приближающейся войны между этими государствами, Мансур попытался активизировать свою пропаганду. Однако его уверения о скором прибытии турецких войск уже не имели отклика. Турецкие эмиссары действительно активизировали свою деятельность на Северном Кавказе, но, судя по российским источникам, провозгласивший себя имамом Мансур вызывал у турецких властей настороженное отношение. Объяснение этому простое — Турция была связана с Россией условиями мирного договора. Воинственная агитация Мансура среди черкесов могла вызвать российско-турецкие осложнения, о чем сообщали турецкие власти Согуджака: "Если черкесские и абхазские племена вступят в войну с русскими по призыву имама, то это будет противоречить нашим обязательствам по мирному договору" *(Бенигсен А. "Священная война" шейха Мансура. 1785 — 1791 гг.Париж. 1964. С. 159 — 205).* Мансуру с трудом удалось собрать вокруг себя примерно тысячу человек, с которыми он двинулся в первую очередь против чеченцев-карабулаков, которые отказывались признавать его имамом. Произошло вооруженное столкновение, в котором (по российским источникам) Мансур проявил нерешительность. Это привело к тому, что от него отошли последние его последователи из числа чеченцев. Впрочем, можно только приветствовать нерешительность Мансура в столкновении между чеченцами, которое могло привести к междоусобице.

Как бы то ни было, в июле 1787 г. Мансур находится уже среди черкесов. По донесениям российской агентуры, 5 июля он перешел Кубань и появился в доме владельца Камамата Мансурова. Еще через несколько дней стало известно, что "... известный разбойник Ушурман с помощью закубанского Калги-Гирея Мансурова прокрался за Кубань и уже все закубанцы генерально ему присягают" *(ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Л. 350).*

9 сентября 1787 г. официально началась русско-турецкая война, хотя первые столкновения между сторонами произошли еще в конце августа. С открытием военных действий восьми-тысячный отряд российских войск был направлен за Кубань с задачей разгромить Мансура, который также успел собрать вокруг себя до 8 тысяч горцев и расположился между реками Уруп и Лаба. В тот же день произошел бой между передовыми отрядами Мансура и российскими войсками. Бои продолжались еще два дня — 21 и 22 сентября. После отступления горцев, войска разорили расположенные здесь селения, однако при отходе, ночью 25 сентября российский арьергард был вновь атакован отрядом Мансура.

4 октября 1787 г. командующим кавказской армией был назначен генерал-аншеф Текелли, который уже 13 октября начал крупную операцию за Кубанью с целью окончательного разгрома "... мансуровцев и смежных им народов, где и ших Мансур имел свое пребывание". Сформированный для этого отряд под командованием войскового атамана Иловайского насчитывал около 13 тысяч человек *(Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 253).* 18 октября было нанесено поражение отрядам абазинцев, которые прислали вскоре депутатов " ... с просьбой о помиловании и принятии их в подданство" *(ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 417. Л. 33 — 34).* Еще через день российские войска атаковали отряды под командованием самого Мансура, который был вынужден отступить в верховья реки Уруп. Российские войска продолжали преследование буквально до снеговых вершин, где бльшая часть горцев сдалась в плен, а сам Мансур с небольшим количеством людей, оставляя по пути умирающих от стужи и изнеможения, ушел от преследования через вершины Снежных гор. В итоге этой экспедиции было сожжено более трехсот селений, истреблены запасы хлеба и фуража, более тысячи ногайских семей выселены за Кубань. Сам Мансур ушел в турецкую крепость Суджук-кале *(ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 417. Л. 34 — 35).*

В течение 1788 г. Мансур рассылает письма к чеченцам, кабардинцам и другим народам, обещая вскоре вернуться во главе многочисленного турецкого войска и требуя активизировать нападения на российские укрепления. Российское командование, регулярно извещаемое об агитации Мансура, однако уже не считало ее слишком опасной для себя: "Ших желает увеличивать единственно разглашением число сволочи, а самим делом весьма невероятно" *(ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Ч. 2. Л. 63).* Нападения на русскую линию, которые в то время совер-

шались чеченцами, само командование не связывало непосредственно с агитацией Мансура. По данным российской агентуры, после поражений 1787 г. авторитет Мансура упал и в глазах закубанцев и турецких властей: "... чеченский Ушурма, или называемый ших Мансур, был у абазихеев, которые его не приняли, а оттоль поехал к наврузовским мурзам, с которыми он приехал в Махоши, где и теперь находится при турках. Он получил в подарок от турков шубу и другие вещи, однако ж при всем том у тамошних народов и у турков не во уважении" (*Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 2. М., 1957. С. 371).*

Осенью 1788 г., когда российские войска вновь активизировали свои действия на Северо-Западном Кавказе, Мансур находился в турецкой крепости Анапа. 14 октября здесь произошел бой с российскими отрядами, подошедшими вплотную к оборонительным сооружениям крепости. Не решившись штурмовать Анапу, генерал Текелли отвел войска на Кавказскую Линию. Это послужило основанием для сформирования из Кубанского и Кавказского корпусов особой армии, командование которой возложили на генерала Салтыкова. В военных действиях следующего, 1789 г., Мансур не играет сколько-нибудь заметной роли, но известно, что он занимался агитацией среди народов северо-восточного побережья Каспийского моря. Эти народы именуются в российских источниках киргиз-кайсацкими. Сюда прибывают письма Мансура, в которых "... между множества лжепророческих и пышных его в рассуждении их закона поучении содержится поощрение и внушение киргизскому народу итти вооруженной рукою к Астрахани..." (*ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 567. Л., 11об).*

В марте 1790 г. к Анапе подошел отряд генерала Бибикова, который намеревался штурмовать крепость, однако снежная буря, разразившаяся 25 и 26 марта, привела к массовым заболеваниям солдат и падежу лошадей. Вынужденный отступить от Анапы отряд Бибикова лишь в начале мая с трудом дошел до Григорополиса. Неудача вызвала раздражение в Петербурге во многом из-за опасения, что отступление отряда Бибикова из-под Анапы может способствовать поднятию авторитета Мансура среди горцев: "Сколько сим возгордятся турки? А паче в краю, где все припишется чудесам лжепророка Шейх-Мансура" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 264.)*

Весной 1790 г. турецкие власти предприняли меры по увеличению гарнизонов в Анапе и Суджук-кале. Одновременно планировалось наступление турецких войск в глубь Северного Кавказа в сторону Кизляра, для обеспечения которого поддержкой со стороны горских народов, к влиятельным лицам последних были направлены письма с обещанием щедрого вознаграждения за поддержку. Российские власти реагировали на это спокойно, рассчитывая переманить горцев на свою сторону рядом дополнительных уступок. Г. А. Потемкин писал: "Что кабардинцы переписываются с турками, на сие не смотрите и скажите, что позволяю им от турков деньги брать, лишь бы пребывали верны к России. Объявите им, что я имею Высочайшее повеление им сделать возможные выгоды, если пребудут верны, и отвести земли, ..." (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 265).*

Не исключено, что в это время Мансур вернулся в Чечню, где попробовал собрать отряды для соединения с ожидаемой турецкой армией и организации нападений на российские укрепления. Во всяком случае, Ш. Б. Ахмадов не исключает такой возможности, ссылаясь на донесение гребенского старшины Фролова, который в конце сентября 1790 г. доносил полковнику Таганову: "... Ушурма из Алды с пятнадцатью человеками из лутших людей отбыл за Тарки к Дженгутайскому Ахмет-хану назад тому уже семь дней для соглашения сделать сборище с тем, чтобы дженгутайцы со своей стороны, а чеченцы — с другой, соединясь, напали на Кизляр". Обеспокоенное этим донесение, российское командование распорядилось точно разведать местонахождение Мансура, разузнать подробнее относительно его планов, имеются ли у него сторонники и не присоединились ли к нему отряды Ахмет-хана Аджия и шамхала Тарковского (*Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 262).*

28 сентября 1790 г. турецкая армия под командованием Батал-паши перешла на правый берег Кубани и двинулась в сторону Кабарды. В армии насчитывалось 8 тысяч пехотинцев, 15 тысяч кавалеристов и 30 орудий. Кроме того, к турецкой армии примкнуло примерно 15 тысяч закубанских горцев. Против турецкой армии действовали три российских отряда: генерал-майора Германа, бригадира — Беервица и генерал-майора Булгакова. Будучи хорошо осведомлены о маршруте движения турок, отряды генерала Германа и бригадира Беервица атаковали и отбросили турецкую армию. Отступая, турки бросили все свои орудия. Сразу после разгрома турецкой армии российский отряд под командованием генерал-поручика Розена переправился через Кубань и разорил адыгейские селение на протяжении 50 верст, после чего, не надеясь больше на турок, закубанцы начали принимать российское подданство. Надо полагать, что после разгрома армии Батал-паши Мансур, если

он действительно был в это время в Чечне, вернулся обратно на Северо-Западный Кавказ.

В конце 1790 г. российское командование на Кавказе было передано генерал-аншефу И. В. Гудовичу, который получил указание "... открытию самой ранней кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турков, положить навсегда предел беспокойствам, которые Порта, подкупая и подущая закубанцев, в том крае производила" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 269).* Приготовления российского командования против Анапы не остались незамеченными. Не имея возможности перебросить сюда достаточное количество войск, турецкие власти предприняли попытку вызвать волнения среди горцев, чтобы таким образом отвлечь российские силы от Черноморского побережья. Среди писем и воззваний, разосланных по Северному Кавказу, были и воззвания Мансура: "Изъявляю вам искреннее почтение мое и советую очистить сердца ваши от пороков и ходить путем истины, по закону Божию. Старайтесь ополчаться против беззаконных и мужественно наносите им вред. Я знаю достоверно, что война русских уже страшит; собираю теперь силы; ожидаю прибытия сюда войск правоверных и, с ними соединясь, предприму наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало уже время ослабления беззаконных и торжества мусульман" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 269 — 270).*

9 июня 1791 г. российские войска под командованием генерала И. В. Гудовича подошли к Анапе. Крепость, перестроенная французскими инженерами, представляла собой серьезное укрепление с гарнизоном в 4 тысячи человек при 58 орудиях. Оборудовав три батареи, российские войска 19 июня открыли бомбардировку Анапы, что привело к многочисленным пожарам в крепости. Утром 20 июня Гудович предложил коменданту Анапы Мустафа-паше сдать город. Считается, что турецкий паша был готов принять предложенные Гудовичем условия, однако вмешавшийся Мансур убедил его ответить отказом. 22 июня крепость была взята штурмом, а среди пленных оказался и Мансур. Закрывшись в погребе, он отстреливался до тех пор, пока не получил предупреждение от генерал-майора Загряжского, что в случае продолжения сопротивления погреб будет взорван. После этого Мансур сдался (*Корольков М. Я. Шейх-Мансур Анапский(Эпизод из первых лет завоевания Кавказа). // Русская старина. СПб., 1914. С. 414 — 415).*

Из Анапы Мансур был перевезен в Петербург, где его поместили в Шлиссельбургскую крепость. Об условиях и подробностях содержания Мансура можно только догадываться. Сведения, имеющиеся у дореволюционных авторов, отрывочны, а иногда и противоречивы. После завершения допросов в Тайной экспедиции положение Мансура не изменилось. К тому же, он настаивал на освобождении, как военнопленного после завершения русско-турецкой войны, что было оставлено российскими властями без внимания. По сообщению М. Я. Королькова : "Его пылкая южная натура не могла мириться с суровыми требованиями крепостного режима, приводившего его в ярость, и в один из дней, в припадке гнева, Мансур ударом ножа убил караульного солдата" (*Корольков М. Я. Шейх-Мансур Анапский(Эпизод из первых лет завоевания Кавказа). // Русская старина. СПб., 1914. С. 416).* После этого эпизода Мансур был закован в кандалы. 15 октября 1791 г. секретным рескриптом Екатерины II "... за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба Империи" он был приговорен к пожизненному заключению. Местом его заключения большинство дореволюционных авторов считали Соловецкий монастырь, хотя позже считается установленным, что заключение он отбывал в той же Шлиссельбургской крепости.

13 апреля 1794 г. Мансур умер в крепости от скоротечной чахотки и был погребен на Преображенской горе без всякого религиозного обряда. Могила Мансура так и осталась неустановленной.

Деятельность Мансура получила противоречивые оценки еще при его жизни. Начав политическую деятельность в 1785 г., он в течение нескольких лет оставался в бурном водовороте событий, в которых была замешана политика двух величайших империй того времени — России и Турции. Российские и турецкие власти с началом его успешной проповеднической деятельности внимательно наблюдают за ним. Его авторитет в глазах горцев и его огромное влияние привели к тому, что российские и турецкие политические расчеты строятся с учетом его возможной позиции и его возможных действий. Интересно, что не только российские, но и турецкие власти первоначально отнеслись к Мансуру с большой долей подозрительности. Главная причина тому — слабая осведомленность. Первые донесения о Мансуре, полученные турецкими властями из причерноморских крепостей, в высшей степени неопределенны. Али-паша, комендант гарнизона Согуджак-кале, докладывал в Стамбул в июне 1785 г.: "Никто не видел типа, которого называют имамом Мансуром, ни сре-

ди турок, ни среди черкесов, и только некоторые хаджи, которые приезжали сюда один раз в год, говорят об имаме Мансуре". Подозрительность турецких властей подогревалась настроением широких масс империи, ожидавших прихода нового имама, который должен был отстранить от власти правящую династию Османов. В Стамбуле даже был опубликован специальный указ, в соответствии с которым во всех мечетях страны официально сообщалось, что имам Мансур — это обманщик, выдающий себя за святого. Кроме того, турецкие власти тщательно допрашивали некоторых паломников к святым местам из числа жителей Северо-Восточного Кавказа, добиваясь точных и исчерпывающих сведений о Мансуре (*Дубровин Н. Ф. История войны м владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 234).*

Были еще две причины, по которым турецкие власти первоначально более чем сдержанно отнеслись к деятельности Мансура. Во-первых, они опасались, что своими действиями он втянет подвластных Турции горцев Северо-Западного Кавказа в войну с Россией. Во-вторых, Мансур благодаря своему авторитету мог подорвать и без того непрочную власть Турции над закубанскими горцами.

Отрицательное отношение Турции к Мансуру наиболее наглядно проявилось в ноябре 1785 г., когда произошли волнения в турецких гарнизонах, расквартированных на Северо-Западном Кавказе. Часть турецких войск под командованием интенданта Хасана-Али вместе с присоединившимися к ним адыгейцами и ногайцами объявили о своей готовности присоединиться к Мансуру. Для восстановления порядка турецкие власти обратились к помощи российских властей, благодаря поддержке которых восстание было подавлено, а его зачинщики — казнены.

Турецкий эмиссар, специально направленный в Алды, пришел к заключению, что Мансур не является "... мятежником ни для турецкого государства, ни для мусульманской религии" (*Бенингсен А. "Священная война" шейха Мансура. 1785 — 1791 гг. Париж, 1964. С. 159 — 205).* Реакция властей на это сообщение была положительной. Великий визирь писал: "Хорошо, что слухи, которые разносятся об этой личности, лишены всякого подобия правды; необходимо соблюдать все меры бдительности и осторожности. Следует потребовать от коменданта Согуджака беспрерывно наблюдать о происходящем и следить неотступно и зорко за этой личностью". Султан Абдул Гамид I также требовал продолжить изучение Мансура: "Приказываю передать паше Согуджака, что он должен очень серьезно разобраться в действиях шейха Мансура и в обстановке в тех районах. Обстоятельства настоящего времени требуют большой бдительности. Никакая непредвиденность не будет прощена" (*Бенингсен А. "Священная война" шейха Мансура. 1785 — 1791 гг. Париж, 1964. С. 159 — 205).*

После того, как турецкие власти убедились, что деятельность Мансура не представляет угрозы для Турецкой империи, их отношение к нему стало постепенно меняться. В 1787 г., когда Мансур перешел за Кубань, турецкие власти были рады "... переманить его на свою сторону как политического деятеля" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1872. С. 234).* Турецкое правительство даже решило присвоить ему официально звание имама, что сразу же вызвало резкие протесты со стороны России, не хотевшей увеличения популярности Мансура. Более того, российские власти потребовали выдачи Мансура как своего подданного.

Переход Мансура в Закубанье был мерой вынужденной. Перейдя к черкесам и заручившись турецкой поддержкой, он рассчитывал получить возможность продолжить борьбу. В определенной мере этот расчет оправдался. Другое дело, что соотношение сил было таково, что даже заручившись поддержкой Турции Мансур не мог добиться успеха.

Несмотря на то, что Мансур в конечном итоге проиграл, а его активная военно-политическая деятельность в Чечне продолжалась чуть более двух лет, трудно переоценить его значение. Он был по существу первым политическим деятелем из горцев, чье влияние охватывало сразу весь Северный Кавказ, выйдя за узконациональные рамки. В этом плане он был предшественником таких более известных деятелей, как Гази-Мухаммед или Шамиль. По существу, при Мансуре была предпринята первая попытка создания на Северном Кавказе государства нового типа, более демократичного в отличие от тех феодальных образований, которые здесь уже имелись. При этом с самого начала государственное образование, которое попытался создать Мансур, включало в себя районы с разнонациональным населением. Кстати, в этом проявилась черта, свойственная всем кавказским государствам с глубокой древности. Государственная система, задуманная и создаваемая Мансуром, получит завершение в имамате Шамиля. Что касается эффективности этой государственной системы, то лучше всего об этом говорит сам факт ее успешного функционирования в условиях военного противостояния с одной из крупнейших империй того времени.

Большое значение имела и религиозная деятельность Мансура. При нем произошло окончательное

утверждение ислама в ряде горных обществ, а главное — он первым среди чеченцев обратил внимание не на внешнюю атрибутику ислама, а на точное следование его духу. Таким образом, Мансур если не по своим религиозным знаниям, то по характеру своей деятельности являлся имамом, совмещающим в одном лице духовную и светскую власть. Недаром имам Шамиль относился с большим уважением к Мансуру и считал его не только своим предшественником, но и учителем.

Кавказский мюридизм

Начиная с эпохи Мансура возрастает роль мусульманского духовенства в жизни народов Северного Кавказа. В первой половине следующего, XIX в., духовенство начинает играть решающую роль не только в религиозной, но и в политической жизни горцев, прежде всего Северо-Восточного Кавказа. При этом само духовенство вовсе не представляло собой какую-то социально однородную группу. Высшее духовенство принадлежало скорее к феодальной верхушке горского общества, жизнь низшего духовенства не сильно отличалась от жизни простых крестьян. К высшему духовенству относились: муджтахиды (у шиитов) и муфтии (у суннитов), кади и дебиры, возглавлявшие шариатские суды, а также ученые богословы — эфендии у суннитов и ахунды у шиитов. К духовному сословию принадлежали также лица, ведущие свое происхождение от Пророка Мухаммеда — так называемые сеиды. Определенные категории духовенства обладали частью административной власти в феодальных образованиях. Тем более это относится к Чечне. В руках духовенства полность находилась система народного образования. В каждом самостоятельном феодальном владении имелось собственное духовное управление, в пользу которого поступали значительные доходы. Представители духовенства освобождались от уплаты налогов и отбывания разного рода повинностей. Мечети, мектебы, медресе обладали значительной недвижимой собственностью, так называемыми вакуфными землями.

При этом положение духовенства в разных областях Северного Кавказа довольно значительно различалось. В Чечне, например, вплоть до начала XIX в. духовенство не пользовалось тем значением, каким оно пользовалось даже у их соседей. А. П. Берже отмечал, что в Чечне, "... где обычай и самоуправство решали почти все дела, духовенство не имело подобного влияния. Ничем особенным не отличаясь от толпы, оно пришло в упадок и до появления Шамиля было бедно и невежественно; во всей Чечне не было ни одного ученого и молодые люди, возъимевшие намерение посвятить себя изучению арабского языка и корана, отправлялись с этой целью в Чиркей, в Акушу или Казикумух. В знании грамоты заключалось единственное преимущество, какое имели чеченские муллы над своими прихожанами;... Особыми же правами ... они не пользовались и находились в полной зависимости от мирян." (*Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный, 1991. С. 68).*

Тем не менее, как уже говорилось, начиная с последней четверти XVIII в. авторитет и влияние духовенства среди горцев возрастают, причем происходит это в форме распространения учения, получившего в российских источниках название мюридизма. При этом уже первые российские исследователи всячески подчеркивали разницу между чисто религиозным учением "тариката" и тем религиозно-политическим движением, что получило распространение среди горцев Северного Кавказа. Например, В. Потто подчеркивал: "...кавказский мюридизм, хотя имел в основе высокие идеи тарикатства, но не был уже тем чистым, нравственным учением, которое создано и освящено было первыми мусульманскими богословами. Истинный тарикат ... требовал изможднение тела вечным постом, молитвой, самосозерцанием и не допускал даже ношения оружия; для газавата нужны были, напротив, зоркие очи и крепкие мышцы, чтобы владеть кинжалом и винтовкой. ... Вот почему истинных мюридов ... было немного; их считали сотнями, тогда как становившихся под знамя мюридизма набирались десятки тысяч, но зато от этих последних и не требовалось уже ничего, кроме строгого исполнения шариата, обязательного для каждого мусульманина, а из тариката — лишь основное правило его: слепое повиновение имаму. Таким образом, кавказский тарикат является просто политическим орудием..." (*Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 5. Вып. 1. Тифлис, 1889. С. 18).*

Таким образом, российские исследователи стремились доказать, что кавказский мюридизм противоречил самому духу исламской религии и являлся чисто политической теорией, призванной сплотить разнонациональных горцев для войны с Россией под лозунгом священной войны за веру. Кроме того, уже движение Мансура показало, какой грозной силой может стать слово проповедника, и поэтому российские власти со временем внесли определенные коррективы в свою кавказскую политику с целью привлечь на свою сторону мусульманское духовенство. При этом российские власти столкнулись с опреде-

ленными сложностями, так как во множестве северокавказских владений духовные лица фактически подчинялись местным феодальным владетелям. Уже в 1814 г. командующий Кавказским корпусом генерал Ртищев докладывал Александру I: "... все здесь магометанские эфендии и муллы или по учености своей, или по доверию общества, избираясь обыкновенно от народа, им же подтверждаются в правах отправлять сие звание, не будучи однакоже постановляемы в оное звание от муфтия, ... Весьма бы полезно было, чтобы по примеру духовного магометанского правления, вверенного от е. и. в. оренбургскому муфтию, заведующему всем духовенством татарских народов, там обитающих, был и здесь постановлен, с утверждением в. и. в., один достойный как по доверенности к нему правительства, так и по преданности его высочайшему престолу, главный муфтий с приличным жалованием и особыми преимуществами, который управлял здешним магометанским духовенством, ... не дозволял им вмешиваться ни в какие посторонние дела, кроме учения Алкорану, и наставлял народ, дабы оный повиновался единой воле е. и. в., яко Богом поставленного над ними государя императора..." (*ЦГВИА. Ф. 482. Д. 151. Л. 41 — 61).*

Однако создание единого духовного управления мусульман на Кавказе тормозилось по целому ряду причин — относительно слабым контролем российских властей над горскими областями, которые пользовались практически полной автономией в своих внутренних делах, нежеланием местных владетелй терять контроль над духовными лицами, сопротивлением со стороны большей части самого духовенства и других. Правда, российские власти не оставляли попыток в этой области. Например, А. П. Ермолов в 1819 г. попытался присвоить российскому командованию право назначения главного кадия вольного общества Акуша и всячески вмешивался в дела религии. В 1822 г. он сроком на год запретил выезд кавказских мусульман на паломничество в святые места, а затем ввел правило, по которому желающие совершить хадж должны были получить особые пропуска у российских властей (*Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 306).* По его же распоряжению было начато углубленное изучение положения мусульманского духовенства на Кавказе с целью разработки официального положения о нем.

В 30-х годах особым Комитетом был представлен на рассмотрение властей проект Положения о мухаммеданском духовном правлении в Закавказском крае (*Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 1. Тифлис, 1904. С. 335).* Подобные проекты представлялись и в последующие годы, пока в 1842 г. не было принято решение отложить разработку Положения до окончательного завершения военных действий и введения на Кавказе гражданского управления (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 79).* Главное, что объединяло все предложенные проекты — стремление создать такую систему управления, которая позволила бы властям установить полный контроль над религиозной деятельностью мусульманского духовенства: " ... в крае, в котором мухаммедане составляют большую часть народонаселения, который со всех сторон окружен народами, исповедающими эту же религию и враждебными нам тайно или явно, духовенство мухаммеданское приобретает чрезвычайную важность для правительства в политическом отношении. ...первой необходимостью должна быть цель: поставить духовенство мухаммеданское в такое положение, чтобы оно действовало сколь можно более в духе правительства, дабы правительство имело средства следить, поверять и направлять его действия, и, наконец, чтобы, сделавши духовенство мухаммеданское, так сказать, своим орудием, отнять у него чрез то возможность противуборствовать своим мероприятиям: успех в этом доставит правительству самое надежное вспомогательное средство для осуществления будущих видов на край" (*Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 9. Тифлис, 1904. С. 126).*

Как уже говорилось, духовенство в северокавказских феодальных владениях полностью зависело от местных владетелей. Существенно иной была ситуация в вольных обществах Чечни и Дагестана. В дагестанских вольных обществах духовенство играло значительную роль, в том числе и политическую. Например, акушинский главный кадий имел право объявления войны, набора ополчения, он разбирал дела не только по шариату, но и по адату. Ему подчинялись кадии селений, входивших в акушинский союз. Таким образом, в его руках сосредотачивалась не только духовная, но и светская власть. Это обстоятельство во многом облегчило создание на Северо-Восточном Кавказе имамата — своеобразного государства во главе с имамом, высшим духовным и одновременно высшим должностным лицом в государстве.

Бльшая часть мусульманского духовенства была настроена оппозиционно по отношению к российским властям. Причин тому несколько. Кавказское духовенство было связано не столько с местными феодальными владетелями, сколько с более широкими слоями общества. Поэтому российская политика, направленная на укрепление власти местной феодальной верхушки, встречала противодействие са-

мых широких масс, что, естественно, отражалось по позиции духовества. Кстати, упорное нежелание властей уравнять, например, чеченских старшин в правах с князьями соседних народов вызывало недовольство первых. Вообще, российское правительство стремилось ограничить численность привилегированных сословий на Кавказе и поэтому присваивало права дворянства исключительно уже имевшимся здесь княжеским фамилиям. В результате, в оппозиции к России оказывалась не только верхушка чеченских и дагестанских вольных общин, но и широкие слои узденей, являвшихся главной военной опорой местных владетелей.

Раздражение мусульманского духовенства вызывало и упорное стремление российских властей поставить под свой жесткий контроль его деятельность. К тому же, российские власти длительное время, начиная с правления Екатерины II и до середины XIX в., делали особый упор на ограничение влияния исламского духовенства и распространение на Кавказе христианства. Одно это уже автоматически ставило мусульманское духовенство в оппозицию.

И главное, что отмечал еще Н. В. Ханыков, изучавший положение мусульманского духовенства на Кавказе по заданию российских властей, — с введением российского правления мусульманское духовенство начало терять свой авторитет, влияние и имевшиеся у него преимущества. Причем, по замечанию того же Н. В. Ханыкова, это происходило тем быстрее, чем больше местное управление принимало форму, свойственную управлению в других российских губерниях (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 82).*

Естественно, что в таких условиях именно мусульманское духовенство выступило на первых порах в роли главного идейного противника российской власти на Кавказе, а затем взяло на себя и роль главного организатора вооруженной борьбы. Понятно также, что исламское духовенство не могло предложить народам Северного Кавказа идеологию национально-освободительного движения в чистом виде. В восприятии ученых богословов главная задача состояла в утверждении среди горцев исламских ценностей и норм шариата, что позволяло, с одной стороны, сплотить самые разные народы для отпора внешнему врагу под флагом защиты религии, а с другой — искать способы разрешения многочисленных внутренних проблем путем создания исламского государства, в котором за высшими представителями духовного сословия закреплялась ведущая роль.

Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о кавказском мюридизме и его истоках. Корни этого явления надо искать в суфизме — мистико-аскетическом течении ислама. Для первых мусульман был свойствен простой, скромный образ жизни, в котором не было места всякого рода излишествам. Известно также, что некоторые из сподвижников Пророка Махаммеда (Абу-д-Дарда, Абу Зарр, Хузайфа) отличались суровым, аскетическим образом жизни. Аскетический образ жизни и мыслей, свойственный многим асхабам, получил отражение в учении суфизма, начало формирования которого относится ко второй половине VIII в. Суфийскому учению изначально присущ глубокий анализ мельчайших движений души человека, скрытых мотивов его поступков, внимание к личному переживанию и внутреннему осознанию религиозных истин. Одним из основателей суфизма считается ал-Хасан ал-Басри — тонкий психолог, создатель учения "о сердце и помыслах" и о человеческих намерениях. В произведениях его учеников (Рабаха ибн Амра, Рабии ал-Адавии, ад-Дарани) уже отчетливо просматривается мотив о бескорыстной любви к Аллаху, неизбывной тоски по нему. Дальнейшую разработку получает учение о намерениях, в связи с чем разрабатываются способы самонаблюдения и самоконтроля.

Как норма жизни, доступная не каждому верующему, суфизм рано приобрел элитарный характер. В нем получает известное развитие традиция интерпретации коранического текста, извлечение его скрытого смысла, доступного лишь посвященным. Суфизм воспринял также элементы оккультных наук. Суфийские мыслители приходят к выводу, что конечным пунктом "пути к Богу" является не только его "лицезрение", но и уничтожение собственного "Я", "растворение" и "пребывание" в Боге личности суфия.

Важнейшим элементом суфизма уже на раннем этапе развития было овладение его теорией и практикой под руководством духовного наставника (шейха, муршида, пира), без чего считалось невозможным сохранить веру в чистоте: "Кто не имеет шейха, для того дъявол шейх" (*Адабуль-Марзия(Правила достодолжных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского.// Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 4).* Считалось также, что без постоянной помощи шейха начинающий суфий (мюрид) рисковал потерять рассудок и здоровье. Требование полного и безоговорочного подчинения шейху, признание его авторитета во всех религиозных и даже светских вопросах ставили его в глазах мюридов выше всех прочих людей. Крупнейшие суфийские подвижники, прославившиеся своими познаниями и благочестием, стали называться "святыми". Им свойственна непогрешимость, способность

к сверхъестественным деяниям, толкование скрытого смысла пророческого откровения, непосредственный контакт с богом.

Передача суфийского знания и благодати от шейха к мюриду происходит в процессе длительного обучения, по окончании которого ученик получал из рук учителя суфийское рубище, дававшее право на самостоятельную проповедь. Обычно мюриды, возвращаясь в родные места, основывали там суфийские обители, что вело к дальнейшему распространению суфизма.

На Кавказе первоначально получил распространение накшбандийский тарикат, основателем которого считается шейх Мухаммед, живший в XIV в. в Бухаре. Сами суфии возводят возникновение тарикатов к Пророку Мухаммеду и четырем "праведным" халифам. Один из первых суфиев на Северном Кавказе шейх Джемалэддин Казикумухский писал: "Есть много путей (тарикатов) ислама, но главных, более известных из них, считается четыре.

Первый путь из этих четырех есть тот, который начинается от старшего халифа, Абубекра. Сам же он принял его от посла Божия, Магомеда, а Магомед получил его от Всевышнего Бога. Путь сей называется накшубандийским, потому что он принадлежит хаваджикану (шейху) Магомеду Накшубандийскому. Второй путь идет от второго халифа, Омара, который принял его от пророка, а сей последний от Бога. Сей путь называется кадырским, т. е. принадлежащим центру святых и образцу несомненной чистоты, благородному шейху Абдул-Кадыру Гилянскому. Третий путь происходит от третьего халифа, Османа, — обладателя превосходства веры и зятя пророка. Путь сей называется джаштурийским. Четвертый путь происходит от четвертого фалифа, льва Божия и победителя — Али, мужа дочери пророка и сына дяди его, Абуталиба. Али принял этот путь от пророка, а сей от самого Бога. Путь сей называется великим путем" (*Адабуль-Марзия(Правила достодолжных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 7).*

Первым накшбандийским шейхом на Кавказе долгое время считался Исмаил Кюрдамирский, от которого это учение принял Хас-Мухаммед Ширванский. У последнего учился шейх Мухаммед Эфенди Яраглинский-Кюринский. Следующим шейхом стал Джемалэддин Казикумухский, у которого учились имамы Гази-Мухаммед и Шамиль (*Адабуль-Марзия(Правила достодолжных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 9).* Но у турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби имеется свидетельство, что суфизм проник в Чечню и Дагестан по крайней мере в его время. При описании Чечни он указывает: "... все местные жители мусульмане единобожцы, исповедующие учение своих духовных наставников". И далее о дагестанской крепости Койсу сказано: "В этом городе имеются три бани, одна харчевня, семь начальных школ, два текке дервишей ордена накшбандий". Словом "текке" называется суфийская обитель (*Челеби Эвлия. Книга путешествий. М., 1979. С. 117).*

Есть также свидетельства о принадлежности к суфийскому учению и шейха Мансура. У. Лаудаев приямо говорит, что Мансур был признан чеченцами своим устазом, т. е. духовным наставником (*Лаудаев У. Чеченское племя. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.VI. Тифлис, 1872. С. 60).* В российских источниках содержатся некоторые подробности поведения Мансура, которые косвенно свидетельствуют о его принадлежности к суфиям. Так, имеется сообщение российской агентуры о том, что Мансур живет в глубоком погребе, ни с кем не общаясь, а еду и питье передает ему его жена, других же он не допускает. Это не что иное, как обряд "халбат", когда путем уединения суфий полностью сосредотачивается на своем внутреннем мире и отрешается от всего земного, суетного. Халбат — обязательный элемент тариката — пути к Богу. Кроме того, Мансур носит разноцветную одежду, в основном зеленого цвета, и не открывает своего лица, что также было свойственно суфиям. Целый ряд исследователей, например, Б. В. Скитский, А. Д. Яндаров, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, считали, что Мансур принадлежал к накшбандийскому тарикату. Так же как к накшбандийскому тарикату относились и все последующие имамы Чечни и Дагестана, кроме Кунта-Хаджи, который проповедовал новый для Северного Кавказа кадырийский тарикат.

Российская историография в целом считала и считает до сих пор, что учение тариката не носило "...никакого политического характера до тех пор, пока не появились люди, соединившие в себе духовную власть по шариату и тарикату, решившие действовать при помощи фанатизма своих учеников или мюридов и посылавшие к ним дават или приглашение на джихад" (*Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871. С. 391 — 392).* До сих пор также считалось, что именно Гази-Мухаммед был первым, кто использовал учение мюридизма в политических целях. Хотя по праву первым здесь нужно признать все-таки шейха Мансура. Правда, он не достиг в этом такого длительного ус-

пеха, как, например, Шамиль. Кстати, ни Гази-Мухаммед, ни Шамиль не были мюршидами. Первый считался только помощником мюршида, а сам Шамиль считался мюридом шейха Джемалэддина. Но, став имамом, Шамиль позволил себе ослушаться своего мюршида, который, как указывают российские источники, прямо запрещал Шамилю начинать войну с Россией: "Я строго запрещал тебе поднимать оружие против русских, но ты не послушался меня и может быть для собственной гибели. Но я и теперь советую прекратить войну" (*цит. по: Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 151).*

В последнее десятилетие XVIII в. и первое десятилетие XIX в. Россия наиболее активна в Закавказье. Это обстоятельство, а также осложнения в делах с Ираном, Турцией и длинная череда наполеоновских войн привели к тому, что на Северном Кавказе российская стратегия заключалась в укреплении так называемой Кавказской Линии и эпизодических "набегах", предпринимаемых на наиболее беспокойные области. Это не означает, что произошло какое-то смягчение российской политики в отношении горцев. Как претворялась в жизнь российская политика покорения Кавказа, лишь в незначительной степени зависело и от того, кто конкретно оказывался на посту Командующего Кавказской армией, хотя личные качества высших должностных лиц кавказской администрации отражались на характере действий властей. Так, после сравнительно "мягкого" Кнорринга на этом посту в конце 1802 г. оказался генерал-лейтенант Цицианов, о котором сами российские источники сообщают: "С ханами и владельцами татарских и горских областей он заговорил тоном грозным и повелительным" (*Энциклопедический словарь "Брокгауз и Ефрон". Т. 26. С. 856).*

Конечно же, рубеж XVIII и XIX столетий не был мирным временем на Северном Кавказе. Не случайно, что именно в самом начале XIX в. получает известность Бейбулат Таймиев. Он родился скорее всего в 1779 г. (*Серов Ф. Наездник Бейбулат Таймиев // О тех, кого называли абреками. Сб. Грозный, 1927. С. 127.),* но не в селении Гелдаген, как считал В. Потто *(Утверждение русского владычества на Кавказе.// Под ред. ген.-м. В. Потто.Т. III. Ч. 1. Тифлис, 1904. С. 299),* а в селении Бильты, нынешнего Ножай-Юртовского района Чечни. Впервые громкую известность Бейбулат Таймиев получил в 1802 г., когда им был похищен кабардинский пристав Дельпоццо (будущий комендант Владикавказа). За возвращение Дельпоццо Бейбулат потребовал 20 тысяч рублей серебром, каковых у пленника не оказалось, поскольку все его состояние составляло гораздо меньшую сумму. В конце концов Дельпоццо был выкуплен Командующим Кавказской армией Цициановым. Кстати, для изыскания денег, чтобы уплатить выкуп, российские войска совершили налет на чеченские селения, откуда было угнано свыше 1500 голов крупного рогатого скота. Вырученные от продажи этого скота 12715 рублей и были переданы в качестве выкупа (*Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991. С. 9, 158).*

Первые годы нового века вообще не были спокойными на Северном Кавказе. В 1804 г. произошли крупные антироссийские восстания в Кабарде и Осетии. В июне 1806 г. в Чечне состоялся съезд старшин 104 чеченских селений, на котором перед собравшимися выступил новый кавказский главнокомандующий генерал Гудович. Эта экстраординарная мера была вызвана тем, что в свете приближающейся очередной русско-турецкой войны на Северном Кавказе активизировалась турецкая агентура. Гудович пытался убедить чеченцев не поддаваться турецкой агитации. Тем не менее в том же году последовал ряд нападений чеченцев на российскую Линию, что послужило предлогом для большой карательной экспедиции, предпринятой Гудовичем 13 февраля 1807 г. (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 3. Тифлис, 1904. С. 665).*

Нет сомнения в том, что нападения чеченцев меньше всего были связаны с турецкой агитацией. Еще С. Броневой подметил, что всем народам Кавказа свойственна своеобразная политика. Они в случае необходимости идут на временные уступки, но это ни в коей мере не означает отказа от военного давления. Поскольку политика российских властей по "водворению гражданственности среди горцев" не менялась и состояла из комбинации разных способов давления на них, то и горцы не упускали случая показать свою силу и независимость. Кстати, жизнь самого Бейбулата Таймиева может служить наглядной иллюстрацией постоянных колебаний чеченской (да и не только чеченской) верхушки, которая, получая от российских властей меньше, чем она хотела, периодически переходила от службы империи к противодействию ей, как скрытому, так и открытому.

В конце августа 1807 г. эндерийский уздень Хаджи Реджеб Кандауров сообщил, что в результате его переговоров старшины двадцати чеченских селений высказали желание принять российское "покровительство". В числе этих старшин особо выделены Чулик из Малых Атагов и Бейбулат Таймиев из Шали, которым были обещаны от имени российского командования "... капитанские чины с жалованьем...". Офицерские звания были обещаны "... если

они успеют в вспомоществовании моем к склонению чеченцев в покорении России..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 3. Тифлис, 1904. С. 671).* 7 ноября того же года комендант Владикавказа доложил о прибытии Бейбулата и принятии им присяги "... на верное подданство России..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 3. Тифлис, 1904. С. 672).* Кроме того, он получил приглашение от генерала Гудовича прибыть в Тифлис. В Тифлисе Бейбулат провел около трех месяцев и завел полезные знакомства в среде офицеров, служивших на Кавказе. Сам Бейбулат был пожалован чином подпоручика с соответствующим жалованием.

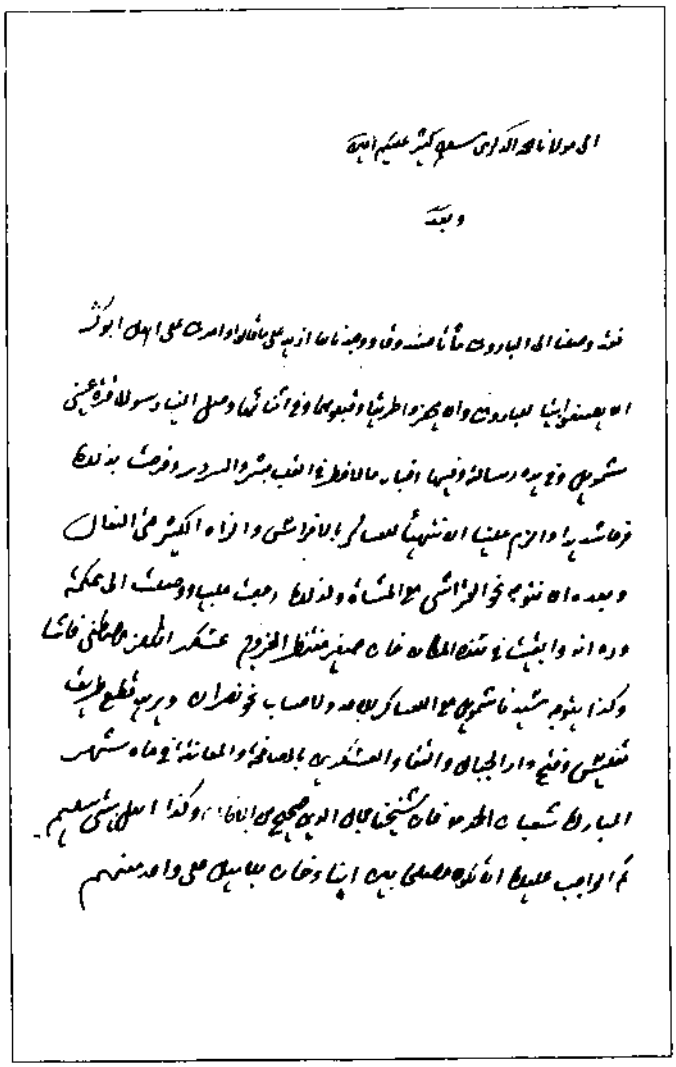
Впрочем, интересы чеченских старшин в отношениях с российскими властями, как правило, ограничивались получением положенного им жалования. Что касается исполнения возложенных обязанностей, то требовались постоянные усилия, чтобы заставить их исполнять требования властей. Недаром полковник Ахвердов с нескрываемым раздражением докладывал 8-го февраля 1809 г.: "Мне-ж известно, что Атагинские Цуцу и Чулик и Шалинский Бей-булат обязались при приведении их на Высочайшее пожалованные чины к присяге, чтобы всякие хищнические чеченские шайки отвращать, а о прочих всяких намерениях, ко вреду нам служащих, тотчас доносить; но я со времени получения ими чинов и жалованья поныне ни о каких чеченских намерениях уведомляем не был, и особливо Чулика я и поныне не видал" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 3. Тифлис, 1904. С. 678).*

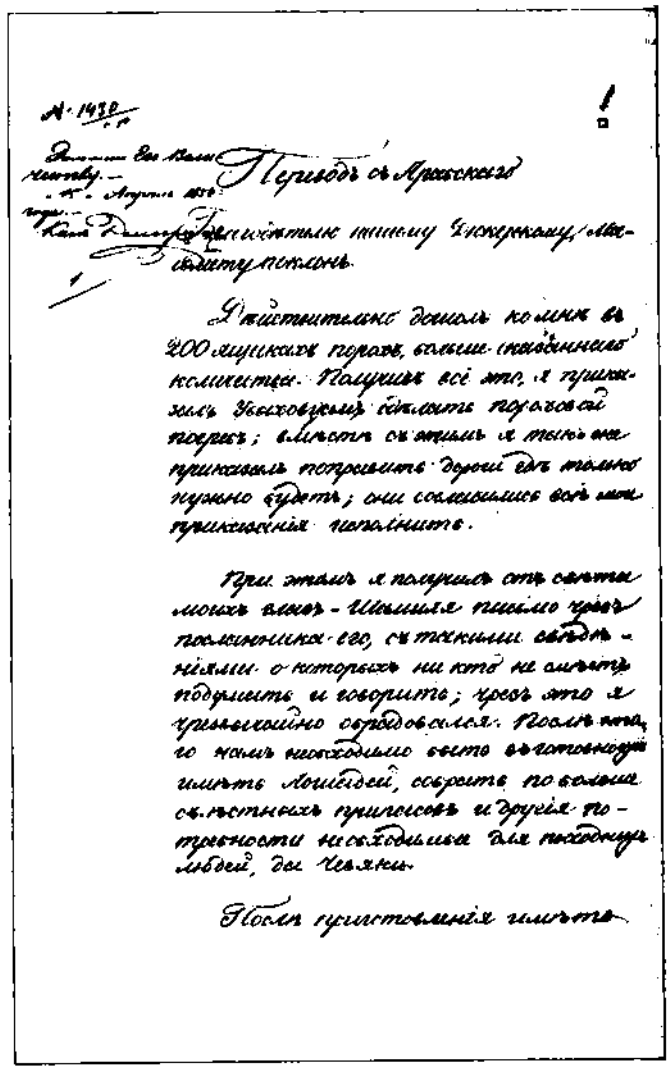
Возможно, уже тогда Бейбулат был лишен звания и жалования потому, что в ноябре 1810 г. российские источники сообщают о подготовке им нападения на казачьи станицы (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 4. Тифлис, 1904. С. 903).* Тем не менее в марте 1811 г. генералом Тормасовым в секретном предписании есаулу Чернову сказано: "Относительно Бейбулата Тайманова вы можете уверить его моим именем, что если он обратится к обязанности своей, сделается покорным, в чем даст вам присягу, и согласится приехать с вами ко мне, то ему возвращен будет чин и жалованье и может еще надеяться получить больше милостей, что зависит единственно от него самого". Кстати, 1400 рублей серебром, которые российские власти собирались тогда же распределить между чеченскими старшинами, было приказано "... собрать от их-же деревень, ..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 4. Тифлис, 1904. С. 904).* При этом о возвращении Бейбулата на российскую службу генерал Тормасов собирался широко известить всю Чечню: "Полк. кн. Эристов представил мне Бейбулата Тайманова, которого я уверил, что если он оставит свои шалости и обратится к обязанности своей, то все ему будет возвращено, а между тем удержу его здесь у себя; вам же поручаю чрез благонадежного человека, которого вы употребите к окончанию чеченского дела, уведомить прочих чеченских старшин, что Бейбулат получит все то, что желает, потому что искренно расположил себя на услугу Г. И. и что я назначил ему здесь пристойное содержание" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 4. Тифлис, 1904. С. 907).*

Довольно скоро Бейбулат вновь возвращается к "шалостям". Во всяком случае, именно ему приписывается захват в плен майора Швецова в феврале 1816 г. Впрочем, участие Бейбулата так и не было доказано. Известно Однако что Бейбулат чуть было не захватил в плен нового Командующего Кавказской армией А. П. Ермолова. Со своим отрядом в 600 человек Бейбулат из-за тумана буквально на пол-часа опоздал перехватить конвой (об этом случае упоминал и сам Ермолов).

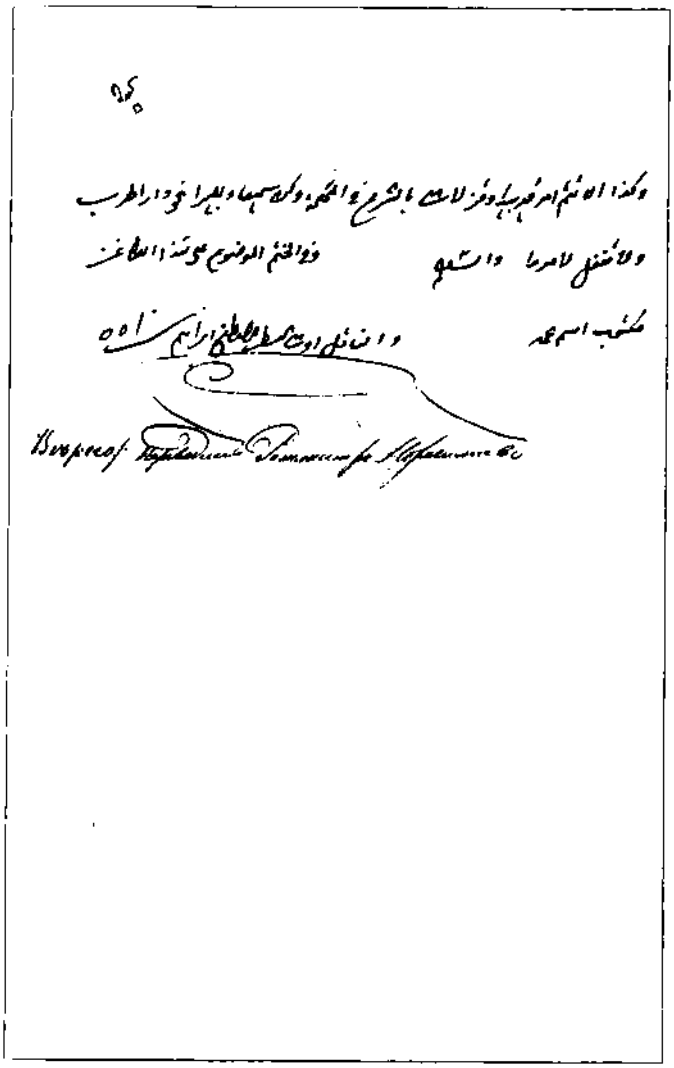
Между тем, после завоевания Закавказья и завершения наполеоновских войн, Россия приступила к окончательному покорению Северного Кавказа. Поскольку экспедиции, предпринимаемые против горцев, приносили лишь временный успех, А. П. Ермолов решил приступить к созданию новых опорных пунктов с постоянными гарнизонами в глубине горских территорий. "Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду" — этой короткой фразой была выражена суть стратегии, принятой им на вооружение (*Энциклопедический словарь "Гранат и К". Т. 23. С. 226).*

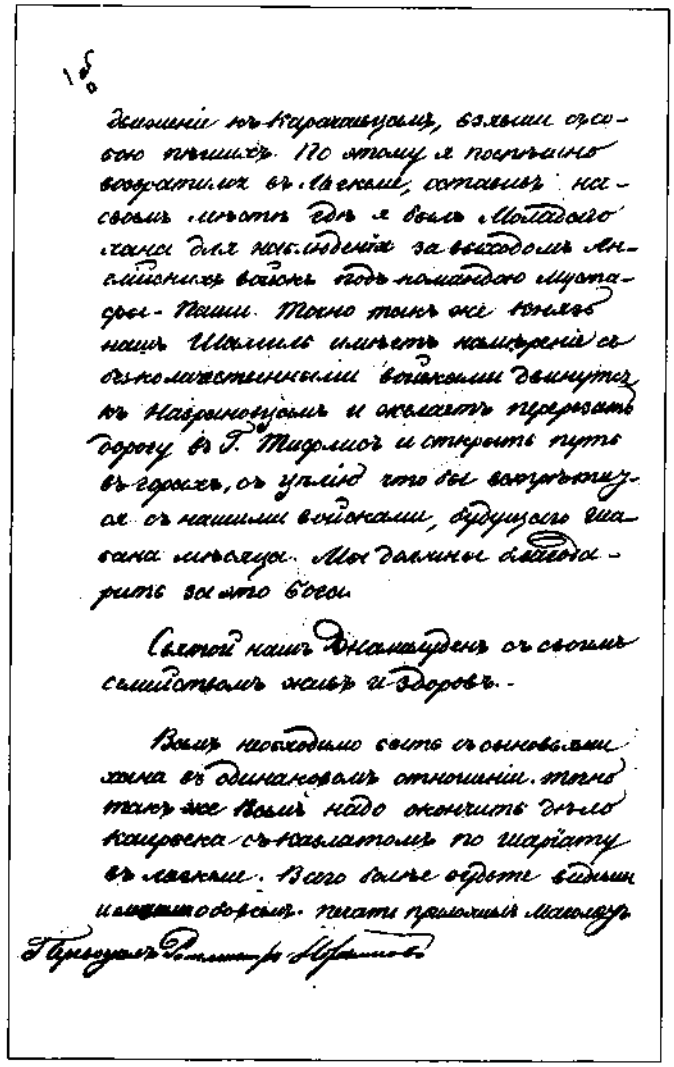
Еще задолго до прибытия Ермолова российское командование предлагало построить ряд крепостей в Чечне вдоль Сунжи. Так, генерал-майор Дельпоццо еще в 1810 г. докладывал о необходимости создать укрепленный пост на Сунже в 35 верстах от Назрани, поскольку "... от сего будет польза еще более к обузданию чеченцев...". Далее предлагалось создать "... еще пост ниже по р. Сунже, в самом центре Чеченского владения, и таким образом постепенно и по времени составиться может граница по Сунже до самаго Терека; в тогдашнее время как чеченцы, равно и именуемые мирные, за Тереком живущие народы будут разделены и чеченцы обезсилены; в тогдашнее вермя чеченцы необходимо принуждены будут покориться..." (*Акты, собранные Кавказской археографи-*

Письмо наиба Мухамет-Амина (30-е годы XIX в.)

ческой комиссией. Т. 4. Тифлис, 1904. С. 902). При Ермолове этот план начал осуществляться. В 1818 г. на Сунже закладывается крепость Грозная. Кроме того, был построен еще целый ряд укреплений: Преградный стан, Злобный окоп и другие. Фактически левый фланг Кавказской Линии был перенесен с Терека на Сунжу.

В это время Бейбулат вновь предпринимает попытку примириться с российскими властями. Осенью 1818 г. он прибывает в Грозную, где состоялась его встреча с генералом Грековым. На встрече Бейбулат предъявил свои требования, в числе которых было "... подчинить ему всех чеченцев, с правом налагать на каждого из них денежные штрафы, говоря, что только в таком случае он может отвечать за спокойствие Чечни; кроме того, было требование выплаты ему жалования" (*Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Вып. 1 — 4. СПб., 1887. С. 141).* Однако в планы российского командования меньше всего входило намерение сделать Бейбулата фактическим правителем всей Чечни. Поэтому Греков отверг это предложение. Более того, ему было заявлено: "Нужно сначала заслужить доверие, а потом требовать наград и привилегий". Интересен ответ Ермолова на донесение Грекова о его переговорах с Бейбулатом: "Есть-ли Бейбулат понадеясь на безопасность, которою пользуются чеченцы, у Вас пребывающие, приедет в крепость, то арестуйте его и прикажите немедленно повесить. Но для сего не должно приглашать его к себе официально от имени Вашего, ниже дав слово, что ничего не должен он от Вас опасаться, ибо, нарушив обещание единожды, потеряете надолго доверенность всего народа. Слово российского чиновника должно быть свято" (*цит. по: Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991. С. 38 — 39).*

Появление в соседнем Дагестане проповедников мюридизма не осталось без внимания Бейбулата. Известно, что весной 1824 г. он побывал у Мухаммеда Яраглинского. Он же привез в Чечню из Дагестана муллу Махаммеда Кудуклая (Кудукли), получившего в Чечне известность под именем Махомы Майртупского (*Утверждение русского владычества на Кавказе. // Под ред. ген.-м. В. Потто. Т. 3. Ч. 1. Тифлис, 1904. С. 316).* Надо также отметить, что С. Ц. Умаров и М. Ш. Шамилова указывают на то, что проповедники мюридизма появились в Чечне раньше, чем в Дагестане. Так, мюридизм проповедовали в 10 — 20-х годах XIX в. шейх Абдул-Кадыр и шейх Авко из селения Герменчук, шейх Ахмед из чеченского селения Яндери, шейх Уди из Гордали и другие(*Умаров С. Ц. и Шамилова М. Ш. Мюридизм перед судом истории. Грозный, 1984. С. 9).* Широкий распространением в Чечне идей мюридизма и знакомства с ними Бейбулата Таймиева объясняется то, что восстание, организованное им в 1824 г., вошло в историю как первое восстание под флагом мюридизма (*Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 327).*

Интересен сам ход подготовки восстания 1824 г. Известный в Чечне по набегам на Кавказскую Линию наездник Явко объявил о появлении в Чечне имама, что он сам его видел и является свидетелем совершаемых им чудес. Впоследствии этот человек попал в плен и был отравлен то ли в Грозном, то ли при отправке его в Тифлис (*Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 58 — 59, 60 — 63; Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Вып. 1 — 4. СПб., 1887. С. 141).* В том же году, 25 мая, на поляне возле селения Майртуп состоялся съезд представителей чеченских селений, на котором имамом были провозглашены сразу два человека: Мухаммед Майртупский и Ховка (Авка, Авха) Унгаев из селения Герменчук (*Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991. С. 69).*

Ховка Унгаев был человек бедный, неграмотный, слабовольный и недалекий, а избрать его имамом предложил сам Махома Майртупский, обосновав это так: "Бог обыкновенно осеняет вдохновением убогих и сирых, вразумляет и делает своими избранниками людей гонимых, преследуемых и не понятых и в данном случае он излил свои милости на предстоящего здесь Авко" (*Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 51).* Причем в некоторых российских источниках Ховка назван "бейбулатовским имамом", т. е. подчеркивается, что он полностью находился под влиянием Бейбулата Таймиева. Это косвенно подтверждается тем, что когда Бейбулат рассорился с другими руководителями восстания, он удалился за Мичик и увез с собой Ховку. Сам же факт избрания одновременно двух имамов является свидетельством разногласий среди руководителей восстания уже на стадии его подготовки. Позже, в 1826 г. Ховка попадет в плен и будет отпущен по личному распоряжению Ермолова, который, кстати говоря, считал Бейбулата лишь отчасти виновным в восстании.

Российское командование было в курсе подготовки восстания, поскольку почти ежедневно получало сведения от своих лазутчиков. Однако находившийся в Грозной генерал Греков не придал особого значения съезду чеченских представителей в Майртупе. Между тем Бейбулат энергично собирал войска, требуя от чеченских аулов выставить по одному воину от каждого двора. В июле под его командова-

неим было уже около двух тысяч всадников, во главе которых вместе с Махомой он двинулся из Майртупа в Шали, а затем к Атагам. Сюда же, к Атагам, выдвинулся российский отряд под командованием генерала Грекова, однако Бейбулат уклонился от боя и отошел к селению Гойты. Греков не стал преследовать Бейбулата, а заставив жителей Атагов присягнуть на верность России, отешел к Грозной (*Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991. С. 74 — 75).*

Ободренные отступлением Грекова чеченцы разделились на две части: одна отправилась на запад с целью вовлечь в движение карабулаков и ингушей, а другая — на восток для вовлечения кумыков. Опасаясь проникновения отряда Бейбулата в Дагестан, Греков принял меры к укреплению Герзель-аульского укрепления. Но неожиданно Бейбулат в ночь с 7 на 8 июля напал на Амир-Аджи-юртовское укрепление. Во время боя внутри укрепления взорвался пороховой погреб, после чего остатки гарнизона (89 человек из 177) сумели уйти от преследования. Эта победа вызвала серьезное беспокойство у российского командования. Генерал Греков писал Ермолову: "Что бы мятежники поколебали укрепление — этого я никогда не мог и помыслить. Надобно же было, чтобы неимоверная оплошность дала всем делам новый ход". Сам Бейбулат во главе нового отряда двинулся к укреплению Злобный окоп, гарнизон которого получил приказ от Грекова бросить укрепление и отступить к Грозной. Следующим объектом нападения Бейбулата стало укрепление Преградный стан. В результате атаки чеченцам удалось сжечь часть крепостного форштадта и взять в плен несколько солдат (*Утверждение русского владычества на Кавказе.// Под ред. ген.-м. В. Потто. Т. 3. Ч. 1. Тифлис, 1904. С. 330).*

Отбитый от Преградного стана Бейбулат направился к Грозной, однако сюда же из Герзель-аула направился с частью своего отряда и Греков. Вновь уклонившись от столкновения с ним, Бейбулат отправился в восточную Чечню на соединение с отрядом Махомы Майртупского. Соединившись возле Умахан-Юрта, чеченцы обложили Герзель-аульское укрепление. Положение российских гарнизонов на Сунже еще больше осложнилось после того, как к движению примкнули надтеречные чеченцы, готовившиеся захватить Старый Юрт, после чего Грозная оказалась бы полностью отрезанной от Терской Линии. Однако пятидневный непрерывный обстрел Герзель-юртовского укрепления не привел к успеху, а на шестой день, после прибытия российского отряда под командованием генералов Грекова и Лисаневича, Бейбулат не только снял осаду, но, разделив свой отряд на мелкие группы, отвел его в разные стороны.

Неожиданно оказавшиеся "без противника" Греков и Лисаневич решили остановиться в Герзель-ауле и собрать здесь всех аксаевских старшин. Получив гарантии безопасности, в укрепление прибыли 318 человек из окрестных селений. От них Лисаневич потребовал подписать присягу о верности России, причем он осыпал вызываемых для подписания акта старшин ругательствами на кумыкском языке. Вызванный третьим житель Майртупа мулла Учар-Хажди отказался выйти из толпы. Попытка вывести его насильно неожиданно привела к трагедии. После того как генерал Греков ударил его по лицу, Учар-Хаджи пустил в ход кинжал и нанес смертельные ранения Грекову и Лисаневичу. Это привело к резне, в результате которой солдаты перебили всех горцев, собравшихся в укреплении (*Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991. С. 77).*

Герзель-аульская резня вызвала взрыв возмущения среди горцев. Буквально через несколько дней после нее отряды Бейбулата торжественно вошли в опустевший Аксай и сожгли дома и имущество аксайского князя Мусы Хасаева, находившегося в российском отряде во время Герзель-аульских событий. Однако уже в конце июля 1825 г. среди руководителей движения вспыхнули раздоры. На очередном съезде в Майртупе Бейбулат потребовал возвращения в родные аулы жителей и имущества, укрывшихся в горах и укрепления всех плоскостных селений. Очевидно, он рассчитывал таким образом затруднить действия российских войск на чеченских равнинах, которым неминуемо пришлось бы вести военные действия на большой территории.

Напротив, Махома Майртупский и его сторонники предлагали полностью переселить плоскостные селения в горы, где имелась возможность к длительному сопротивлению против карательных экспедиций. В результате единого решения так и не было принято, а Бейбулат "...перессорившись со всеми, ушел со своими чеченцами за Мичик *"(Утверждение русского владычества на Кавказе.// Под ред. ген.-м. В. Потто. Т. 3. Ч. 1. Тифлис, 1904. С. 340).* Интересно, что, по сведениям российской агентуры, Бейбулат произнес на этом съезде большую речь, где между прочим призывал чеченцев примириться друг с другом, изменить образ жизни, ввести штрафы в размере 50 рублей серебром за воровство. Одновременно он требовал избрания специальных уполномоченных, которые должны были следить за соблюдением установленных правил (*Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991. С. 154).*

В результате раскола произошел спад в движении. Тем не менее положение в целом оставалось сложным для российского командования. После гибели двух генералов, один из которых (Лисаневич) являлся одновременно командующим Левым флангом Кавказской Линии, А. П. Ермолов сам вернулся в Чечню и организовал подавление чеченского движения. После ряда экспедиций в 1826 г. восстание было подавлено, а сам Бейбулат снова вступил в переговоры с российскими властями. Он и на этот раз получил прощение, был восстановлен в офицерском чине и даже участвовал в составе российской армии в военных действиях против Турции. Свою встречу с ним А. С. Пушкин описал в известном "Путешествии в Арзрум". Что касается его политической деятельности в Чечне, то в 1827 — 1828 гг. он выступал за присоединение Чечни к Тарковскому шамхальству, что можно считать косвенным призывом к присоединению к России, поскольку шамхальство являлось вассалом империи. В последние годы своей жизни он считался уже откровенным сторонником России и не пользовался среди чеченцев прежним авторитетом, хотя за очередную "... измену против правительства был лишен чина, который впоследствии и не был возвращен ему". С не меньшей подозрительностью относились к нему и российские власти: "Правда, что, переломив обе ноги, не мог уже он в последнее время водить хищнических партий, но всегда искал возмущать чеченцев против правительства и призывал соседние народы на помощь непокорным" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. 1904. С. 674).* В 1831 г. Бейбулат погиб в результате случайной встречи с одним из своих кровников — кумыкским князем Салат-Гиреем Эльдаровым.

К моменту гибели Бейбулата первая роль в политических процессах, происходивших на Кавказе, принадлежала уже Гази-Мухаммеду, первому из блистательной плеяды дагестанских имамов. В 1828 г. Мухаммед Эфенди Яраглинский перед представителями дагестанских вольных обществ провозгласил имамом одного из своих учеников — Гази-Мухаммеда. Положение в самом Дагестане тех лет подробно охарактеризовано в Хронике Мухаммеда Тахира ал-Карахи: "Люди Дагестана в эту последнюю эпоху называли себя мусульманами. Но не было среди них того, кто призвал бы их к [выполнению] предписаний шариата и запретил бы то, что отрицается исламом. Нет, они постепенно превращали в религию обычаи адата, а их кадии даже побуждали народ к адату, восхваляя его возглавителей за его установление и укрепление. Они называли адат справедливостью" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 33).*

Однако провозглашенному имамом Гази-Мухаммеду понадобилось еще немало времени, чтобы распространить свое влияние в Дагестане. В этом ему вольную или невольную услугу оказали некоторые из дагестанских владельцев, и прежде всего престарелый шамхал Тарковский Мехти. Услышав о появлении в горном Дагестане святого проповедника, Мехти пригласил его в свои владения, отправив к Газу-Мухаммеду письмо: "Я слышал, что ты пророчествуешь. Если так, то приезжай научить меня и народ мой святому шариату; в случае же твоего отказа, бойся гнева Божьего: я укажу на том свете на тебя, как на виновника моего неведения, не хотевшего наставить меня на путь истины" (*Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 5. Вып. 1. Тифлис, 1889. С. 40).* Первое же появление Гази-Мухаммеда произвело на престарелого шамхала большое впечатление: "Сообщил мне человек, заслуживающий доверия, о том, что сообщил ему слуга великого шамхала: Гази Мухаммед один вошел к шамхалу разгневанный и сурово сказал ему: "Установи в твоем вилайете шариат".

Цвет лица шамхала изменился, вид его стал кротким, и он сказал: "Сделаю, сделаю". На этом Гази Мухаммед ушел. Затем шамхал сказал своему слуге: "Клянусь Аллахом, я чуть было не намочил в одежду из страха перед ним" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 33).*

Определенную поддержку на первых порах Гази-Мухаммеду оказал Аслан-хан Кази-Кумухский. В результате активной проповеднической деятельности к концу 1829 г. Гази-Мухам-меду подчинялся уже целый ряд областей Дагестана: Койсубу, Гумбет, Андия, Чиркей, Салатавия и ряд более мелких общин Нагорного Дагестана. Его влияние было ощутимо в Тарковском шамхальстве, Мехтуле, Кази-Кумухе, Кайтаге и Табасаране. Чеченцы и кумыки также были уже достаточно подготовлены к скорому появлению имама. В Аварии тоже было уже много его сторонников, однако против Гази-Мухаммеда была решительно настроена правящая семья аварских ханов. Формально аварским ханом считался достигший совершеннолетия Абу-Нуцал-хан, фактическим же правителем была его мать Паху-Бике. Овладение Аварией представлялось Гази-Мухаммеду совершенно необходимым для дальнейшего распространения своей власти в Дагестане. К тому же не могло быть и речи о сколько-нибудь серьезных военных действиях против российских войск, пока Аварское

ханство, занимавшее центральное положение в Дагестане, оставалось на стороне России.

4 февраля 1830 г. Гази-Мухаммед во главе трех тысяч вооруженных мюридов направился к столице Аварии — селению Хунзах. По дороге к нему присоединились отряды из различных селений, и численность его отряда возросла, составив от 8 до 12 тысяч. Встревоженный поворотом событий Аслан-хан Казикумухский сообщал: "Таких происшествий никто здесь не видал и не помнит. Я сам нахожусь в большом безпокойстве, потому что, в случае появления его в Казикумыке, никто из моих подвластных не осмелится поднять против него оружие... Если хотите высылать войска, то высылайте как можно более и не велите им стоять в поле, а держаться по крепостям, ибо скопище газия будет чрезвычайно большое..." (*Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 5. Вып. 1. Тифлис, 1889. С.54 — 55).*

После того как мюриды подошли к Хунзаху, ханша Паху-Бике направила своего представителя для переговоров, однако Гази-Мухаммед приказал продеть ему веревку сквозь ноздри и с торбой на шее отослал его обратно. Свой поступок Гази-Мухаммед оправдывал тем, что ханский посол попытался подкупить некоторых влиятельных лиц из числа руководителей отрядов. Хотя не исключено, что Гази-Мухаммед хотел таким образом сорвать переговоры еще до их начала, опасаясь, что если ханская семья официально согласится принять шариат, ему придется сохранить за ними власть в Аварии. Как бы то ни было, переговоры не состоялись, и 12 февраля мюриды предприняли неудачный штурм Хунзаха.

Потерпев неудачу под Хунзахом, Гази-Мухаммед вновь активизировал действия лишь на следующий год. Весной 1831 г. во главе отряда мюридов он разбил лагерь в урочище Чумискент, где был атакован российским отрядом под командованием генерала Бековича-Черкасского. Выиграв этот бой, Гази-Мухаммед двинулся во владения Тарковского шамхала, занял несколько селений, в том числе и Тарки, а затем осадил крепость Бурную. Прибытие к крепости отряда под командованием генерал-лейтенанта Коханова заставило его 29 мая снять осаду и перенести военные действия в Северный Дагестан. Летом в течение полумесяца мюриды осаждали крепость Внезапную. Для деблокады крепости были стянуты дополнительные войска. Гази-Мухаммед отступил на юг, к урочищу Чумлы, где и был вскоре атакован войсками генерала Эммануеля. Российским войскам удалось захватить урочище Чумлы, а также небольшое укрепление Акташ-Аух, после чего они сами попали в окружение. Прибытие подкреплений позволило Эммануелю избежать полного разгрома и отвести войска к Внезапной.

В августе в течение 8-ми дней Гази-Мухаммед держал в осаде Дербент. После прибытия к городу отряда генерал-майора Коханова мюриды отступили в селение Рукель. Однако военные действия 1831 г. на этом не завершились. В ноябре следует стремительный рейд на Кизляр. Почти весь город на короткое время оказался в руках горцев, российские войска потеряли 126 человек убитыми, а 168 попали в плен. Разграбив город, Гази-Мухаммед ушел в Чечню*(Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. 1904. С. 669 — 670, 671).* Вскоре последовали нападения на Владикавказ и Назрановское укрепление.

Нападение на Кизляр вызвало беспокойство не только на Кавказской Линии, но и в Петербурге. Граф Чернышев уведомлял генерала Розена: "Г. И. находить изволит внезапное вторжение горцев сквозь Кавказскую Линию в г. Кизляр столь дерзким, что хотя оно и не имело важных последствий, но должно внушить справедливые опасения на будущее время" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. 1904. С. 673).* Чтобы переломить ситуацию, российское командование приняло меры по укреплению Левого фланга Кавказской Линии, а в январе предприняло экспедицию в Салатавию, где Гази-Мухаммед сосредоточил до 2 тысяч своих мюридов. Выбив его из селения Дылым, российское командование направило следующий удар против Чечни — разорению подверглись чеченские селения по левому берегу Сунжи. Однако отдельные экспедиции не могли спасти положения: обозленные чеченцы "... усилили свои набеги на линию, а сам Кази-мулла, пользуясь, удалением наших войск в свои штаб-квартиры, начал еще более смелые выступления" (*Энциклопедический словарь "Гранат и К". Т. 23. С. 231).* Раздражение испытывали и в Петербурге. Военный министр граф Чернышев от имени Александра I требовал объяснений: "Г. И. усмотрел с крайним неудовольствием, что, вопреки неоднократных подтверждений, подобныя экспедиции, предпринятые без общей цели и служащие только к ожесточению горцев, еще продолжаются, Высочайше повелеть мне соизволил уведомить в. выс-во, что Е. В. благоугодно знать:

1) По какой уважительной причине предпринята была сия отдельная экспедиция, тогда когда несколько раз объявлена была высочайшая воля, чтобы действовать против горских племен по общему плану, для прочного покорения оных, каковая цель никогда

не будет достигнута истреблением некоторых деревень, коих жители, находясь без пристанища и в отмщение за утраченное имущество, всегда искать будут случая напасть опять на нашу Линию и хищничествами, не только отъискивать себе пропитание, но и удовлетворять своему справедливому мщению" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. 1904. С. 674).*

Летом 1832 г. российское командование начало серию экспедиций с целью наказания горных обществ за поддержку, оказанную ими Гази-Мухаммеду. При этом первый удар был нанесен по тогда еще чеченскому обществу Галгай, считавшемуся одним из наиболее враждебных российским властям. Кстати, согласно российским документам, к военным действиям против "враждебных галгаев" российское командование часто привлекало "дружественных ингушей". Совершенно очевидно, что еще в первой половине XIX в. этнонимы "галгай" и "ингуши" существовали отдельно друг от друга. Первый этноним возник не ранее XIII в. и означал "житель крепости, башни". Именно в это время началось строительство башенных комплексов в Ассинской котловине — месте обитания одного из нахских обществ (*Дешериев Ю. Д. Сравнительно-истори-ческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. С. 38, 53 — 54, 69 — 70).*

Этноним "ингуши" происходит от названия селения Ангушт, располагавшегося возле крепости Владикавказ. Впоследствии это название было распространено русскими источниками на тех жителей Ангушта, которые переселились вместечко Назрань. Кстати, этноним "назрановцы" также очень долго упоминается в русскоязычных документах наряду с этнонимом "ингуши". И тот и другой служили для обозначения нахоязычного населения близлежащих к Владикавказу селений. Именно жители этих селений, в силу своей близости к крепости, считались наиболее преданными союзниками российских властей и в качестве таковых привлекались к военным действиям против других чеченских обществ. Примеров этому можно привести множество. У. Лаудаев, например, писал: "Ауховцы более близки с кумыками, а назрановцы с осетинами и кабардинцами, нежели с единоплеменными чеченцами" (*Лаудаев У. Чеченское племя. // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1876. С. 15).*

Постепенное слияние этнонимов "ингуш" и "гIалгIай" начинается лишь со второй половины XIX в. Не случайно, что например, П. К. Услар, изучавший чеченский язык, отнес речь ингушей к одному из говоров чеченского языка, отметив при этом, что наиболее сильно измененным наречием говорят жители Джейрахского ущелья. Последние еще в начале XX в. не считали себя ингушами-гIалгIаями. Для них "гIалгIай" все еще означало жителя конкретного соседнего с ними общества.

Выделению части западных нахских обществ в отдельный народ во многом способствовала политика российских властей, стремившихся всеми возможными способами изолировать их от остальных чеченцев. Эта цель была достигнута после создания Сунженской Линии казачьих станиц. Процес выделения из нахского этноса отдельного ингушского народа завершается, по существу, только в наши дни. Свидетельством тому может служить тот факт, что часть населения пограничных обществ Эрстхой (карабулаков), Лом-Аькхи и других считает себя чеченцами, другая часть — ингушами.

Но вернемся, Однако непосредственно к нашей теме. После разгрома Галгаевского общества несколько отрядов российских войск (до 11 тысяч) объединились в районе реки Асса. Отсюда отряд прошел через всю Чечню, до границы с Дагестаном, уничтожив до 60 селений. Сам Гази-Мухаммед, отброшенный от Гермечука, отошел в горы. Однако в октябре 1832 г. российские войска штурмом овладели его резиденцией в селении Гимры, а сам Гази-Мухаммед погиб. Опасаясь, что его могила может стать местом паломничества, российское командование перевезло труп Гази-Мухаммеда в Тарки, где он и был предан замле. Спустя несколько лет, когда Шамиль, уже став имамом, занял Тарки, тело Гази-Мухаммеда было перезахоронено в Гимрах (*Хроника Мухаммеда тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 56).*

Хамзат-беку, ставшему имамом после смерти Гази-Мухаммеда, пришлось потратить немало сил для восстановления власти имама над дагестанскими обществами. При этом в каждом из подчиненных обществ он расправлялся с местной знатью и передавал власть своим доверенным лицам. В 1834 г. Хамзат-бек с войском подступил к Хунзаху. В течение 15 дней продолжилось противостояние мюридов с хунзахцами, пока стороны вроде бы не пришли к соглашению. Аварские ханы согласились признать верховную власть имама и выдали в качестве заложника младшего сына ханши Паху-Бике — Булач-хана. Мальчик был увезен в селение Харачи. Однако когда Абу-Нуцал-хан и Умма-хан в сопровождении большой группы хунзахцев прибыли в лагерь Хамзат-бека для завершения переговоров, они были убиты вместе со всеми сопровождавшими их людьми. Послед-

ний из аварских ханов — Булач-хан был сброшен в пропасть (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 63 — 67).* Были убиты также ханша Паху-Бике и Сурхай-хан, управлявшей частью Аварии, отторгнутой российскими властями у аварских ханов после мятежа Султан-Ахмед-хана Аварского. Не исключено, что определенную роль в разыгравшейся трагедии сыграл и Аслан-хан Казикумухский. Именно к нему обратилась с просьбой о помощи ханша Паху-Бике. Аслан-хан со своим войском стоял на границах Аварии, откуда тайно переписывался и с ханшей и с Хамзат-беком. Первой он обещал помощь своими войсками и советовал не принимать требований имама, а Хамзат-беку советовал истребить аварских ханов (*Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис, 1873. С. 9 — 10).*

Осенью того же, 1834 г. Хамзат-бек с 15-тысячным отрядом совершил поход против даргинского общества Акуша-Дарго. На помощь даргинцам пришел со своим войском Аслан-хан Казикумухский. После неудачного исхода боя Хамзат-бек вернулся в Хунзах, который неосторожно сделал своей резиденцией. Здесь, в Хунзахской мечети, он был убит Хаджи-Муратом, будущим наибом Шамиля.

Дагестанская традиция считает, что между Шамилем и Хамзат-беком не было никаких разногласий, однако эта же традиция говорит о том, что немалое число горцев хотели видеть имамом Шамиля. Последний, из опасения перед возможной междоусобицей в стане мюридов, якобы первым признал Хамзат-бека имамом. Этот эпизод не содержится в хронике ал-Карахи. Однако в этой же хронике можно найти намеки на разногласия между Шамилем и Хамзат-беком. Именно Шамиль, по существу, инициировал расправу с аварскими ханами. В канун трагедии он тайно сообщил Хамзат-беку о попытке одного из приближенных ханши Паху-Бике подкупить его, с тем чтобы после заключения мира добиться от Хамзат-бека ухода войска мюридов из Аварии на равнину: "Шамиль об этом тайно сообщил Хамзату и просил: "Пойми же, что нужно предпринять и [сделай из сказанного] соответствующие выводы". Хамзат сказал: "В таком случае, значит, не завершилось еще их укрощение и приведение к покорности". На следующий день после трагедии, Шамиль "... увещевал Хамзата, говоря ему: "Отныне самое соответствующее тебе — это сидеть у себя дома в Хоцатле со смирением, раскаянием и сокрушением. А я буду осуществлять твое дело и заботиться о нем в нашей стороне, ...". Затем в хронике следует эпизод о том, как Хамзат-бек отказался дать деньги товарищам Шамиля, одежда которых пришла в негодность после трехмесячного похода: "Но Хамзат не расщедрился на это. ... Затем Шамиль вернулся. На обратной дороге он сказал своим товарищам: "Будет добро и благо для нас, если мы оставим Хамзата одного на год до тех пор, пока народ забудет все то, что мы сделали с ним. Мы ведь были суровы с ним и разгневали его".

Далее Шамиль, по словам его хрониста, опоздал присоединиться к Хамзат-беку во время похода против даргинцев. Это произошло якобы по вине жителей селений Ансаля и Хирика, которые медлили с присоединением к отряду Шамиля. Узнав о поражении Хамзат-бека, Шамиль немедленно прервал поход, возложив ответственность на жителей этих двух селений. И именно Шамиль приказал бросить в пропасть малолетнего Булач-хана, как только получил известие об убийстве Хамзат-бека (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 64 — 66).*

Шамилю также пришлось начинать свое правление с восстановления пошатнувшейся власти в Дагестане. Поражение, которое он нанес отряду генерала Ланского, подняло его авторитет, однако под Хунзахом он потерпел поражение от Хаджи-Мурата. В Аварию прибыл отряд полковника Клюге-фон-Клюгенау, и правителем Аварии был утвержден Магомед-Мурза-хан Казикумухский. Положение Шамиля еще больше упрочилось после присоединения к нему Кибит-Мухаммеда из Тилетля и Ташу-Хаджи, стоявшего во главе чеченцев.

В течение 1836 г. продолжались военные действия в разных районах Чечни и Дагестана, причем в ряде случаев Шамилю пришлось предпринимать меры по наказанию некоторых дагестанских селений (Игали, Унцукуль, Ирганай), отказавшихся признать его имамом. Заслуживает интереса попытка российского отряда полковника Пулло "... напасть на жилище Ташев-Хаджи, ... но чеченцы, быв предуведомлены о приближении наших войск, успели разобрать мост чрез Мичик и майор Бирзул, переправившись чрез оный вброд, продолжал следовать далее к р. Шавдону, за которою находится жилище Ташев-Хаджи, где чеченцы, засевшие в значительном числе в прилегающем лесу, встретили его ружейными выстрелами. Видя, что намерение его открыто ... полковник Пулло, присоединив к себе майора Бирзуля, окружил дер. Бей-Булат-юрт и, заняв оную после некоторого сопротивления, истребил ее..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. 1904. С. 708).* Из Петербурга же потребовали успехов, в частности, не остался без внимания неу-

дачный поход полковника Пулло против Ташу-Хаджи: "Е. В., хотя и изволит находить весьма полезными всякого рода предприятия против сего мятежника, могущия уменьшить его влияние на горцев и ослабить его силы, но главное и необходимое условие оных во всяком случае должен быть непременный и полный успех. Без сего, предприятия сии не только не достигнут цели, но могут служить еще к распространению влияния мятежника. Разсматривая с сей точки предпринятое полк. Пулло движение против Ташев-Хаджи, не имевшее никаких последствий, Г. И. изволил желать, дабы на будущее время действия сего рода были предпринимаемы с большей осмотрительностью и не иначе, как с совершенною уверенностью в успехе" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. 1904. С. 709).*

В 1837 г. отряд генерал-майора Ивелича попытался овладеть резиденцией Шамиля, селением Ашилты, но был отброшен с потерями. Воодушевленный этим успехом, Шамиль вновь попытался овладеть Хунзахом, однако, потеряв более 150 человек, и на этот раз вынужден был снять осаду. Ему, правда, удалось затем нанести поражение объединенным силам андалальцев, хунзахцев и казикумухцев. Однако эффект от этой победы оказался ослаблен неудачами в Чечне, где генерал Фезе совершил ряд успешных экспедиций в горы.

Для подрыва авторитета Шамиля среди горцев Россия попыталась использовать мусульманских духовных деятелей. Так, в 1834 г. муфтием мусульман-суннитов Кавказа был поставлен представитель казанского духовенства Таджеддин Эфенди. В течение шести лет он пытался через свои прокламации воздействовать на горцев, пока в 1840 г. не отбыл обратно в Казань. На его место был рекомендован казахский кадий Осман Эфенди. Однако усилия мусульманского духовенства уличить Шамиля в ложном толковании Корана ни к чему не приводили, так как в районах, контролируемых им, в его распоряжении всегда были вооруженные люди, готовые "... по первому знаку истребить всех тех, которые бы осмеливались им противиться" (*цит. по: Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 96).* Тем не менее усилия в этом направлении предпринимались и позднее. Так, в 1845 г. в Грозную был направлен крымско-татарский кадий Кади-аскер Сеид Халиль Эфенди. Его заслуги в пропагандистской войне были отмечены орденом св. Анны 3 степени (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 97).* Присылка на Кавказ татарских мулл практиковалась и в последующие годы.

Кроме того, начиная с 1849 г. на Кавказе было создано 8 мусульманских духовных школ, из них три для суннитов (в Тифлисе, Дербенте и Шемахе). Перед выпускниками этих школ ставилась задача внушить своей пастве доверие к России. Считалось, что подготовленные под надзором "благонадежных" наставников молодые муллы смогут "... передать им (горцам) направление, с видами правительства согласное, с большим ручательством в успехе, нежели муллы иноплеменные, местным обычаям чуждые и большею частью необразованные" (*ЦГВИА. Ф. 38. Св. 845. Д. 23. Л. 4 — 6).* Одновременно были приняты строгие меры к недопущению каких бы то ни было контактов между мусульманами Кавказа и других областей России во избежание распространения "заразы мюридизма".

Впрочем, и в Дагестане и в Чечне было немало представителей духовенства, являвшихся противниками Шамиля. Легче всего обвинить их в предательстве национальных интересов и продажности. Однако аргументы, к которым они прибегали, стоят того, чтобы над ними задуматься. Так, например, кадий Анцухского магала Джарской области Магомет Плава в 1847 г. писал Шамилю: "Ты творишь наибезобразнейшие из безобразных вещей, ты проявил самые плохие стороны на пути ислама, ты создал в Дагестане бойню, о которой уши бы не хотели слышать и с которой мысль людей не согласилась бы... Ты разрешаешь убивать мусульман, проливать мусульманскую кровь, грабить их имущество, каковые вещи до сих пор запрещались (Имеются в виду расправы Шамиля над непокорными ему обществами, селениями и отдельными лицами.) Давать народу наставления можно в том случае, если последствия этих наставлений не окажутся худшими; если же эти наставления вызывают среди народа беспорядки, то тогда народ нужно предоставить самому себе, ... а еще больше ухудшать его положение нельзя. Тебе самому хорошо видно, что беспорядки в Дагестане, войны и вражда являются результатом твоих распоряжений. ... мыслить же о том, что бессильные дагестанцы смогут изгнать русских из Дагестана не приходится.

Чем больше обостряется вражда с русскими, тем больше мест отнимают они у дагестанцев; ты расстанься с твоей мыслью, что русские не смогут пробраться к нам по плохим дорогам и завладеть нашими высокими горами; ты не раз видел, что неприступные горы для русских оказываются легко доступными. Пишу тебе эти наставления ради твоего благополучия, желая избавить тебя от больших бедствий и направить тебя на выгодную сторону для тебя, и если ты их не примешь, то виновен будешь ты сам" (*Дви-*

жение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50-х гг. XIX в. Махачкала. 1959. С. 56- — 563).

В своей контрпропаганде Шамиль нашел достаточно эффективный аргумент, чтобы объяснить народу причины войны с Россией. Так, духовными и почитаемыми лицами ряда горных обществ, в том числе Дарго, было направлено в 1843 г. письмо на имя Командующего Кавказской Линией генерала Гурко. В письме указывалось, что война между горцами и Россией возникла только потому, что горские владетели обратились к русскому царю с просьбой поддержать их в спорах с жителями подчиненных им владений. Прибыв в земли горцев, войска построили укрепления, стеснили жителей и наложили на них многие повинности. Именно поэтому горцы вынуждены были встать на сторону Шамиля. Еще одно письмо аналогичного содержания было получено и от представителей равнинных селений (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 101).*

Без сомнения, оба письма были написаны и отправлены с ведома и одобрения самого Шамиля. Несомненно также, что вовсе не стремление России защитить "обиженных" владельцев стало причиной Кавказской войны. Политика завоевания Кавказа была бы продолжена Россией, даже если бы ни один из местных владельцев ни под каким видом не обращался бы к ней за помощью. Все это "поводы", но никак не причины. Это тем более так, потому что российские власти зачастую сами вынуждали местных владельцев обращаться к ним с подобными просьбами, чтобы иметь "благородный предлог" для проведения собственной политики. Но в данном случае представляет интерес то обстоятельство, что, называя в качестве причины войны желание России оказать поддержку местным владетелям, Шамиль тем самым добивался сразу двух целей: во-первых, вся вина за развязывание войны оказывалась исключительно на российской стороне; во-вторых, сам Шамиль оказывался в роли защитника народа не только от внешнего врага (России), но и от местных владельцев, пытавшихся эксплуатировать народ. При этом оказывался в стороне вопрос о характере власти самого Шамиля и правильности проводимой им политики.

В 1837 г. российское командование вступило в прямые переговоры с Шамилем. 18 сентября возле селения Гимры состоялась встреча Шамиля с генералом Клюге-фон-Клугенау. Последний предложил Шамилю прекратить военные действия и прибыть в Тифлис, где ему была обещана встреча с Николаем I. Мухаммед ал-Карахи, описывая эту встречу, сообщает, что Шамиль отказался пожать руку генерала. Затем последовало предложение встретиться с императором. При этом: "Клюки-фон-Клюгенау уговаривал и упрашивал Шамиля выйти для встречи их Николая и убеждал в том, что тот окажет ему милость, возвеличит его и назначит управителем над делами всех мусульман Дагестана и что не будет от него никакой измены". Шамиль, судя по всему, с одной стороны, не поверил в искренность сделанного ему предложения, а с другой (и это главное), его положение было достаточно прочным и он не видел смысла отказываться от единоличной власти, чтобы занять место в российской администрации. При прощании он опять отказался пожать руку Клюге-фон-Клюгенау: "Ахбирдиль Мухаммед встал между ними, препятствуя рукопожатию, тогда фон-Клюгенау обрушил на него весь свой гнев, который Однако не проявлял по отношению к Шамилю. Этот поступок вызвал по адресу Клюки-фон-Клюгенау резкость и грубые слова Шамиля. Он сказал: "Удалите этого проклятого из нашей среды" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 91 — 92).*

В том же 1837 г. российские войска вторично подошли к резиденции Шамиля в селении Ашилты и после многодневных боев овладели его частью. После этого было заключено перемирие, по которому Шамиль согласился выдать в качестве аманата своего племянника. Генерала Фрезе, командовавшего экспедицией, к этому вынудил недостаток боеприпасов, Шамилю же важно было добиться отхода российского отряда от его резиденции. В результате обе стороны объявили о своей победе.

В течение 1838 г. российское командование не предпринимало сколько-нибудь крупных операций в Чечне и Дагестане, что позволило Шамилю не только расширить зону своего влияния, но и значительно укрепить оборону возле аула Ахульго. На 1839 г. перед Командующим войсками на Кавказской Линии генерал-адъютантом П. Х. Граббе встала задача - уничтожить укрепленное жилище Шамиля на скале Ахульго и утвердиться на первый случай хотя бы в одном пункте на Андийском Койсу, дабы, владея обоими берегами сей реки, открыть возможность сообщения Аварии (где в Хунзахе находился российский отряд) с землею Салатавцев и удерживать чрез то в страхе Гумбет и Андию... По сим соображениям, главные усилия предложено было обратить в 1839 году частью в Северный и частью в Южный Дагестан..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 284).*

В 1839 г. военные действия начались в Чечне, откуда "получено было известие, что один из ревностнейших сообщников Шамиля, мулла Ташев-Хад-

жи, для развлечения внимания и сил отряда ген-адъют. Граббе, готовился производить сильные набеги на Линию; почему генералом сим признано было за необходимое, прежде чем углубиться в Гумбетовския горы, разсеять партию Ташев-Хаджи. На сей конец Чеченским отрядом сделано было из кр. Внезапной движение в землю ичкеринцев, где были довольно упорныя встречи с горцами, следствием коих было истребление нескольких селений..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 285).* Последовавшее затем наступление на Дагестан велось силами двух отрядов. Один действовал в южном Дагестане, а второй под командованием генерала П. Х. Граббе после Ичкерии направился к Ахульго.

В результате боев 30 и 31 мая войска Граббе выбили отряды Шамиля с укрепленных позиций на подступах к Ахульго, правда потеряв при этом 635 человек убитыми и ранеными. Поскольку коммуникации отряда были уже перерезаны отрядами горцев, Граббе продолжил движение к Ахульго. 5 июня отряд достиг селения и получив подкрепления из южного Догестана, Граббе приступил к систематическим атакам укреплений, строительство которых велось Шамилем в течение двух лет. Осада Ахульго продолжалась 76 дней, а потери российского отряда составили 140 офицеров и 2300 нижних чинов, из которых было убито 25 офицеров и 487 солдат (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 287).* В ходе переговоров о сдаче Ахульго Шамиль выдал в качестве заложника своего сына Джамалэддина, но в конечном итоге он так и не решился сдаться. Шамиль буквально с несколькими близкими ему людьми удалось выбраться из уже почти захваченного селения. Потеряв опору в Дагестане, он перебирается в Чечню.

Российское командование высоко оценивало взятие Ахульго. Генерал Граббе по этому поводу писал: "Не сомневаюсь, что настоящая экспедиция не только поведет к успокоению края, где производились военные действия, но отразится далеко в горах Кавказа, и что впечатление штурма и взятия Ахульго надолго не изгладится из умов горцев и будет передаваемо одним поколением другому. Партия Шамиля истреблена до основания, но это только частный результат, гораздо важнейшим считаю я нравственное влияние, произведенное над горцами" (*Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Махачкала. 1940. С. 422).* Последующие события показали, что взятие Ахульго произвело, по крайней мере на чеченцев, впечатление, прямо противоположное тому, какого ожидал генерал Граббе. Много позже, российское командование само признает, что переоценило значение победы под Ахульго: "... но коль скоро вместе с тем мы не утвердились на Андийском Койсу, как было предположено и предписано корпусным командиром, то впечатление это вовсе не могло быть таким, каким полагал его ген.-адъют. Граббе, и неминуемо должно было весьма скоро изгладиться" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 288).*

Явившийся в сопровождении нескольких лиц в Чечню Шамиль был хорошо принят чеченцами. С ним встретились многие из влиятельных лиц, в том числе известный чеченский предводитель Шуайб-мулла из селения Цонтарой. Первое время Шамиль полностью зависел от чеченцев и не имел над ними никакой реальной власти: "Шамиль пребывал в Гарашкити (селение в обществе Шатой), как брошенная тряпка; никто не смотрел на него и никто к нему не обращался. Однажды пришла к нему одна женщина из Чиркея, по имени Азиза, и пожаловалась на то, что ее продают здесь в рабство. Шамиль ей объяснил, что у него нет силы освободить ее" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 122).*

1840 год ознаменовался небывалым еще по силе и размаху выступлением чеченцев. Причины этого волнения были очевидны и для российского командования. Так, генерал П. Х. Граббе записал: "В Чечне обнаружились также большие беспокойства, и нет сомнения, что главнейшие к тому причины: стесненное положение жителей нагорной Чечни". Официальная точка зрения заключалась в том, что "Зимнее движение по Чечне ген.-м. Пулло, для сбора податей, и преждевременная попытка обезоружить чеченцев взволновали этот народ и Шамиль не упустил тем воспользоваться" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 289).* Из хроники Мухаммеда ал-Карахи видно, что бедственное положение Шамиля в шатойском обществе резко изменилось, когда к нему начали прибывать представители плоскостных чеченский селений: "...жители Нижней Чечни стали приходить группа за группой. Одни из них просили у него разрешения переселиться к нему, но он откладывал их дела в сторону, [надеясь на то, что] авось Аллах Всевышний после этого заставит случиться какое-либо дело.

Другие просили его переехать к ним, но он отговаривался под тем предлогом, что ему наскучили люди и общение с ними, а также под предлогом малочисленности своих товарищей. Но его отговорки только увеличивали просьбы и приставания. Причина этого была в том, что русские взяли с этих

жителей Нижней Чечни деньгами с каждого дома и по ружью с 10 домов еще до прихода Шамиля, и они услышали, что начальники проклятых [т. е. русских] тайно беседовали и совещались о том, что они впоследствии возьмут по шароварам с каждых 10 женщин" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 123 — 124).* Интересен эпизод, как Шамиль, решивший перебраться к равнинным чеченцам, сумел использовать этот шаг для того, чтобы сразу же подчинить своему влиянию и горную часть Чечни: "Затем Шамиль собрал мужчин Шубута (Шатоя). Он ... говорил: "Вы, поистине, мои хозяева и мое прибежище, когда мир стал для меня тесен; и вы — моя опора, когда отлучили меня люди. Вы видите, что те зовут меня для исправления их дел, выпрямления их порядков и установления среди них шариата. Я хочу, чтобы вы были возглавляющими это дело и моими помощниками в нем. Если вы согласны на то, что я хочу, — добро вам, идите тогда со мной. Иначе я с ними вернусь к вам и уж тогда мы установим среди вас наше дело насильно". После многочисленных споров между собою они ответили согласием на выступление ..." (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 124).*

Первая половина 40-х годов XIX в. — годы наибольших успехов Шамиля. Практически вся Чечня, которая была разделена им на 4 наибства, примкнула к нему. При поддержке чеченцев ему удалось вернуть под свое влияние бльшую часть Дагестана. Летом 1840 г. Шамиль во главе 10-тысячного войска разбил объединенные силы генерал-майора Клюге-фон-Клюгенау, шамхала Тарковского и хана Мехтулинского под селением Ишкарты. За эти годы в нагорной части Дагестана было захвачено 12 российских укреплений и российским войскам пришлось очистить почти всю Чечню и Аварию. Большая экспедиция под командованием генерал-лейтенанта Галафеева в Чечню не дала эффекта, на который рассчитывало российское командование: "Он сделал некоторый вред чеченцам, над которыми в бою везде имел поверхность, но и сам претерпел значительную потерю в людях, особенно 11-го июля, в деле на р. Валерик, где войска наши неожиданно наткнулись на весьма крепкую позицию, занятую многочисленными скопищами мятежников. ...Но время для усмирения Чечни было пропущено. Все аулы уже присоединились к Шамилю и все поклялись не вступать в сношения с русскими; действия войск наших не только не укротили чеченцев, но еще более раздражали их и способствовали возмутителю усилиться до такой степени, что имевшихся тогда на Кавказской Линии способов, наконец, действительно уже не было достаточно для нанесения ему чувствительных ударов" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 291 — 292).* В конце 1840 г., рассорившись с российским командованием, на сторону Шамиля перешел самый популярный в Аварии наездник — Хаджи-Мурат, который до этого не один раз отбивал атаки отрядов Шамиля на Хунзах.

Российское командование предприняло меры по укреплению оставшихся на Левом фланге Линии крепостей и по созданию новых. Так, в 1841 г. были начаты работы по укреплению Сунженской Линии, где были возведены два новых укрепления — Казахкичу и Закан-юрт. Это позволило пресечь попытки чеченцев переправляться крупными отрядами через Сунжу и еще больше отрезало Притеречье от остальной Чечни. Тем не менее ситуация оставалась трудной для российского командования. Об этом говорит, например, успешный набег осенью 1841 г. Шамиля со стороны Чечни на Кизляр, где "...горцы, кроме огромной добычи, отняли у нас одну пушку и на возвратном пути одержали значительную поверхность над ген.-м. Ольшевским, хотевшим пресечь им отступление... " (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 298).*

В 1842 г. Шамиль продолжил активные действия в разных районах Чечни и Дагестана. Наибольшей удачей этого года может считаться провал первой российской экспедиции на селение Дарго. Отряд П. Х. Граббе, в котором насчитывалось 10 тысяч солдат и офицеров при 24 орудиях, 30 мая выступил из Герзель-аула. Несмотря на то, что главные силы Шамиля в это время были задействованы в Казикумухе, отряд не смог даже дойти до Дарго. Вынужденные продвигаться плотными колоннами через густые леса с часто оборудованными завалами, российские войска подвергались непрерывному обстрелу из-за деревьев. К тому же частые дожди еще более замедлили продвижение отряда — за трое суток было пройдено всего 25 верст, а число раненых в колонне составило уже несколько сот человек. Возвращение обратно по той же дороге под продолжающимся обстрелом окончательно подорвало моральный дух солдат: "Войска... поколебались и пали духом; замешательство и безначалие дошли до крайней степени: никто не распоряжался и никто не заботился об связи общей; наконец, отступление отряда, сопровождавшееся необходимостью или бросать, или истреблять, если успеют, все, что могло затруднять движение, дабы спасти только раненных, артиллерию и хотя малую часть тягостей, получило вид совершенного поражения: были баталионы, которые обращались в

бегство от одного только лая собак... Наконец, 4 июня Чеченский отряд возвратился в Герзель-аул, потеряв убитыми, раненными и без вести пропавшими 66 штаб- и обер-офицеров и слишком 1700 чел. нижних чинов, одно полевое орудие и почти все военные и продовольственные свои запасы" (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 303).*

Вместе с тем, продолжалась переброска все новых войск на Кавказ. В октябре 1842 г. численность войск на Кавказской Линии составила 107914 человек (по списочному составу) при 900 орудиях, а численность казачьих частей равнялась 36378 человек. Тогда же, на Кавказ были переведены еще две дивизии при 32 орудиях (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 184).*

В 1843 — 1844 гг. Шамиль добился новых успехов в южном Дагестане и предпринял попытки распространить свое влияние на весь Северный Кавказ. В 1844 г. к черкесам был послан в качестве наиба Хаджи-Мухаммед. Последний быстро сумел добиться большого влияния среди черкесов "...несмотря на то, что он подвергает их строгим взысканиям и даже наказаниям" (*цит. по: История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 150).* Кроме того, росту авторитета Шамиля содействовало распространение среди горцев слухов и ловко сфабрикованных писем, якобы полученных от египетского паши Мехмет-Али. В немалой степени его успеху способствовала и неверная тактика, избранная российским командованием для подавления движения горцев. Еще в 1840 г. П. Х. Граббе указывал, что для подавления движения Шамиля следует направить главные усилия на приведение в покорность плоскостной Чечни. Для этого предлагалось два средства: "1) поселение козачьих станиц на Сунже, и 2) возведение укреплений при главных выходах из гор.

Первое, более медленное, но вернейшее средство — покорение края учреждением в оном русскаго военного поселения... может быть употреблено только тогда, когда мы обезпечим до некоторой степени безопасность переселенцев, т. е. когда явное возстание чеченцев будет усмирено... А потому я полагал бы отложить поселение козачьих станиц в Чечне впредь до устройства передовой укрепленной линии.

Устройство этой линии на Чеченской равнине несомненно сделает нас хозяевами края. Оставив в тылу оной плодороднейшия поля и лучшие луга на плоскости, мы принудим ея жителей покориться безусловно или переселиться в горы... Близкое наблюдение довольно сильных гарнизонов... не дозволит немирным производить посевы и высылать стада свои на главнейшия пастбищныя места. С другой стороны, эти укрепления будут служить складочными пунктами военных и продовольственных припасов для действующих отрядов, избавляя от необходимости иметь при них большие обозы (главнейшее затруднение в горной войне) и дадут нам способы: собирать отряды на-легке, быстро и внезапно проходить Чечню по всем направлениям и во всякое время года, и наказывать или угрожать наказанием всем непокорным аулам. ... Против таких действий... горцы устоять не могут; они должны будут... или предаться безпрекословно воле правительства, или переселиться в горы... горы представляют весьма ограниченныя средства существования, и народонаселение в оных не может значительно увеличиться против нынешнего. Таким образом мы утвердимся совершенно на равнине, а это повлечет за собою зависимость от нас горцев, которые ... не могут обойтись без пособия жителей Чечни..." (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. 1904. С. 429 — 430).*

Вместо тактики, предложенной П. Х. Граббе и некоторыми другими представителями российского командования, Николай I требовал покончить с Шамилем при помощи военных экспедиций в горы, которые должны были разорвать "... узы подчинения различных народностей Шамилю" (*Воспоминание гр. К. Х. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. Париж. 1858. С. 89).* С этой целью назначенный главнокомандующим Кавказским корпусом и наместником Кавказа генерал-лейтенант кн. М. С. Воронцов предпринял в мае 1845 г. большую экспедицию на резиденцию Шамиля — селение Дарго. Эта экспедиция вошла в историю под названием "сухарной", поскольку оказавшиеся блокированными в Дарго российские войска из-за отсутствия продовольствия питались одними сухарями. Отход из Дарго сопровождался большими потерями ввиду непрерывных атак чеченцев, пока российские войска не оказались вынужденными прекратить движение и занять круговую оборону. От полного уничтожения отряд М. С. Воронцова спасло прибытие на помощь отряда под командованием генерала Фрейтага. Потери экспедиции были еще невиданные на Кавказе: 4 генерала, 168 офицеров и 3433 солдата. Добыча, захваченная горцами, была столь велика, что цены на ряд товаров в Чечне, например на железо, резко упали. "Русские понесли большой урон: лошади, вьюки и другие вещи и оружие были отняты. Бедняк, который прежде не имел осла, приобрел нескольких лошадей и оделся в суконную чуху; тот, кто прежде и палки в руках не держал, добыл хорошее оружие. Наибы и народ, в особенности чеченцы, которых

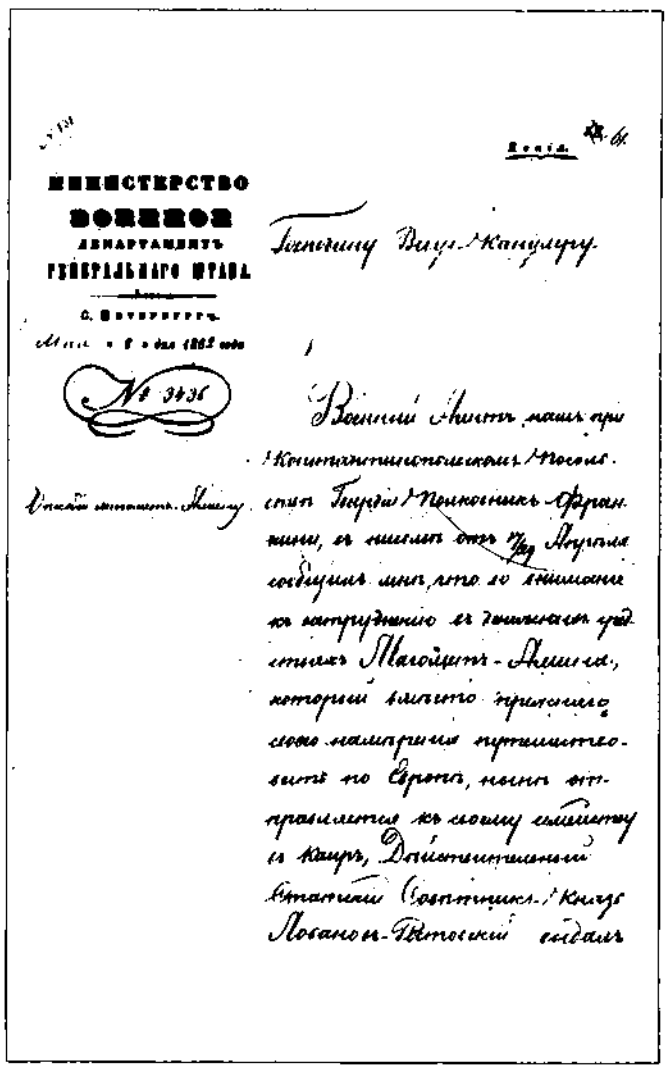
даже жены нападали на солдат и обирали их, торжествовали, видя неожиданные свои успехи, как будто бы русских более не осталось, кроме тех, которые убиты" (*Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле.// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. С. 32).*

После последней даргинской экспедиции российское командование изменило тактику военных действий и перешло к тактике постепенного наступления. Были доукомплектованы войска, расположенные на Левом фланге Кавказской Линии. Много внимания уделялось и налаживанию личных контактов с лицами, занимавшими высшие должностные посты в имамате Шамиля. Кроме того, была усилена пропагандистская работа среди горцев, которые начинали проявлять недовольство деспотическим управлением Шамиля.

Пытаясь развить достигнутый в первой половине 40-х годов успех, Шамиль в 1846 г. с десятитысячным отрядом попытался прорваться в Кабарду. В течении некоторого времени он ожидал всеобщего выступления кабардинцев, но после того, как российские войска начали окружать его отряд, вынужден был повернуть обратно. В этом походе Шамиль потерял 165 человек (*Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. С. 36).* Вместе с ним в Чечню ушли 37 кабардинских князей и дворян, которых российские власти объявили абреками, а их крестьянам даровали вольность. Вместе с тем, большая часть кабардинского дворянства сохранила преданность России и принимала активное участие в военных действиях против Шамиля. Так, только в 1851 г. более двухсот кабардинских дворян были награждены за участие в экспедициях против Шамиля (*История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 168).* С этого времени ситуация начинает постепенно меняться в пользу российского командования. В 1848 г. отряды Шамиля потерпели поражение под сильно укрепленным селением Гергебиль, а в 1849 г. российские войска овладели другой крепостью — Салты. Чтобы выправить положение, Шамиль попытался захватить крепость Ахты, но был отбит. Неудачей завершился его поход в Кайтаг и Табасаран. Российские войска сосредоточили основные усилия на продвижении в глубь Чечни. В частности, зимой 1849 — 1850 г. они прорубили просеки в густых лесах и дошли до селения Шали. Бои возле Шали продолжались и следующей зимой: "Войска имама сражались с русскими таким же образом до окончания зимы, перенося большие затруднения и совершая переходы в трудных и тяжелых обстоятельствах. Они выступали с мест своих ночевок каждый день рано утром в сильные зимние холода и по обильной чеченской грязи шли к далеким местам сражений и возвращались обратно после захода солнца. И при этих условиях наносили урон русским и сами терпели урон от русских" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 224).* В довершение всего в конце ноября 1851 г. Хаджи-Мурат, который уже довольно долго вел тайные переговоры с российскими властями, перешел на российскую сторону. Правда, российским властям не удалось использовать его для борьбы с Шамилем, поскольку в руках у последнего оказалась вся семья Хаджи-Мурата.

Начало Крымской войны 1853 — 1856 гг. создало внешнеполитические условия, благоприятные для имамата Шамиля, но использовать их для расширения сферы своего влияния и даже просто упрочения своей власти Шамиль не смог. Причиной тому, общий внутренний кризис, который переживало государство, созданное им.

Государство, созданное Шамилем, обычно характеризуют военно-теократическим, имея в виду, что верховная власть в нем принадлежала духовному лицу — имаму, а главной функцией — являлась военная. Имам Шамиль соединял в своем лице высшую государственную и духовную власть, являясь, с одной стороны, неограниченным правителем, фактически диктатором, а с другой — выступая в качестве высшего духовного лица в государстве. В 1841 г. при имаме создается высший совет — диван-хана, членами которого были лица, пользующиеся доверием имама. Обычно совет собирался каждый день, за исключением пятницы. При этом обсуждались любые вопросы, включая судебные разбирательства. Хотя на совете каждый из его членов мог высказать свое мнение, окончательное решение принималось всегда Шамилем. Большую роль в управлении государством играл сын Шамиля — Гази-Мухаммед, занимавший должности наиба и мудира. В 1847 г. Гаиз-Мухаммед был объявлен наследником власти имама, чем, по существу, закладывались основы превращения имамата в наследственную теократическую монархию. Резиденцией Шамиля, где заседал высший совет, было вначале селение Дарго, а после 1845 г. другое чеченское селение — Ведено. Что касается вопросов чрезвычайной важности, то для их рассмотрения могли созываться съезды наибов, алимов и других представителей администрации имамата. Подобные съезды созывались в Дарго (1841), Алмае (1845), Анди (1847), Ругудже (1851), Шали (1858), Хунзахе (1859).

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ
ДЕПАРТАМЕНТЪ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
С. Петербургъ

№ 3436

Россія.

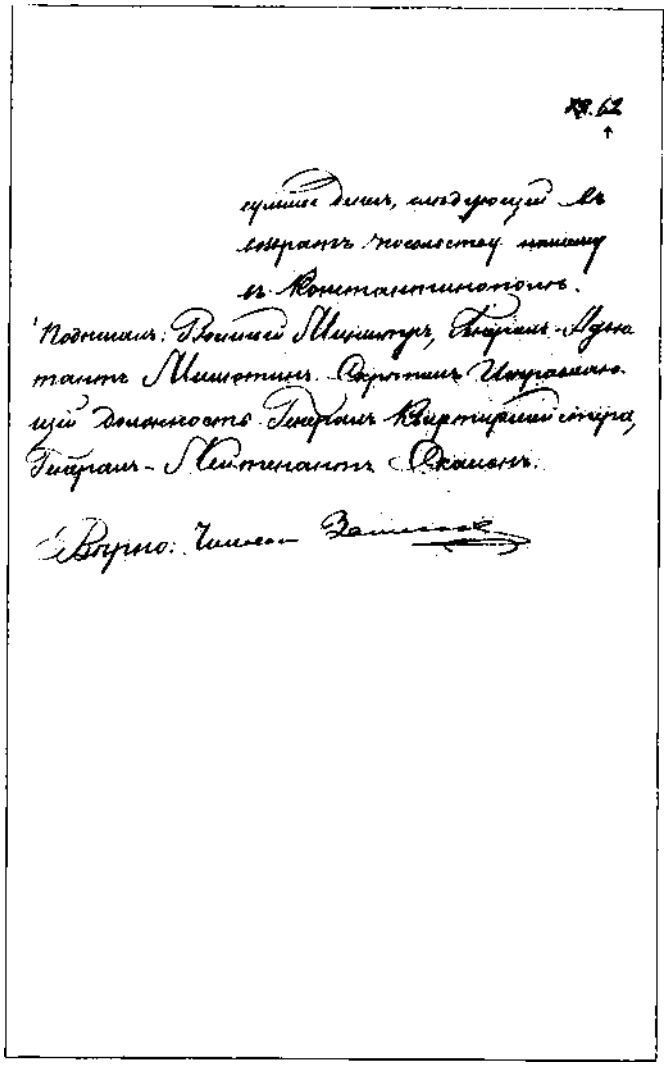
Его Высокопревосходительству Господину Вице-Канцлеру.

Военный Министръ имѣетъ при Константинопольскомъ Посольствѣ Генерал-Маіора Ивановскаго, и имѣлъ отъ Него Августа сообщеніе мнѣ, что по ходатайству его покровителя Его Высочества Князя Милостиваго Милостивца, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ Мухамеду-Амину, бывшему Дагестанскому Наибу Сеидъ-Ахмеду, Калугу Лоханову-Татарскому сыну, ежегодно по 300 р. сер. изъ суммъ Посольства.

По симъ обстоятельствамъ о томъ докладу, Государь Императоръ Высочайше пожаловалъ содержащимся Милостиваго Милостивца его пособіе прежнее руб. серебр., причитающееся по числу жалованья.

Увѣдомляя о семъ Ваше Сіятельство, имѣю честь чрезвычайно, что о таковомъ Высочайшемъ пожалованіи, я имѣлъ честь сообщить Г. Управляющему Министерствомъ Финансовъ для зависящаго съ его стороны распоряженія, объ исполненіи сего Высочайшаго Его Величества повелѣнія.

Документы, связанные с деятельностью наиба Мухамет-Амина после завершения Кавказской войны (60-е годы XIX века)

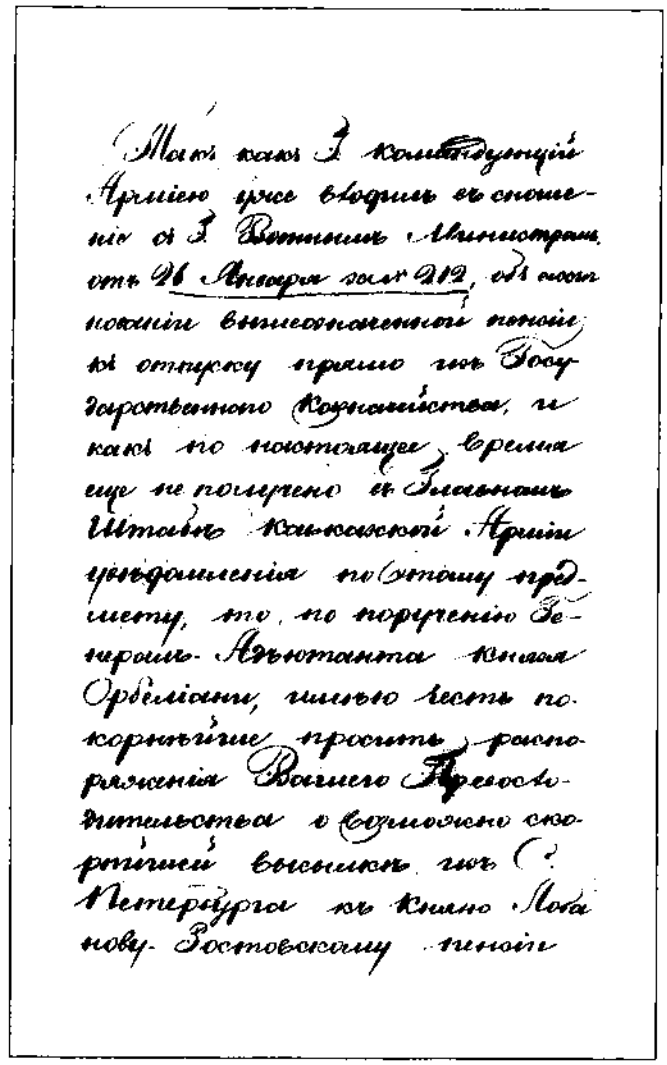

№ 62

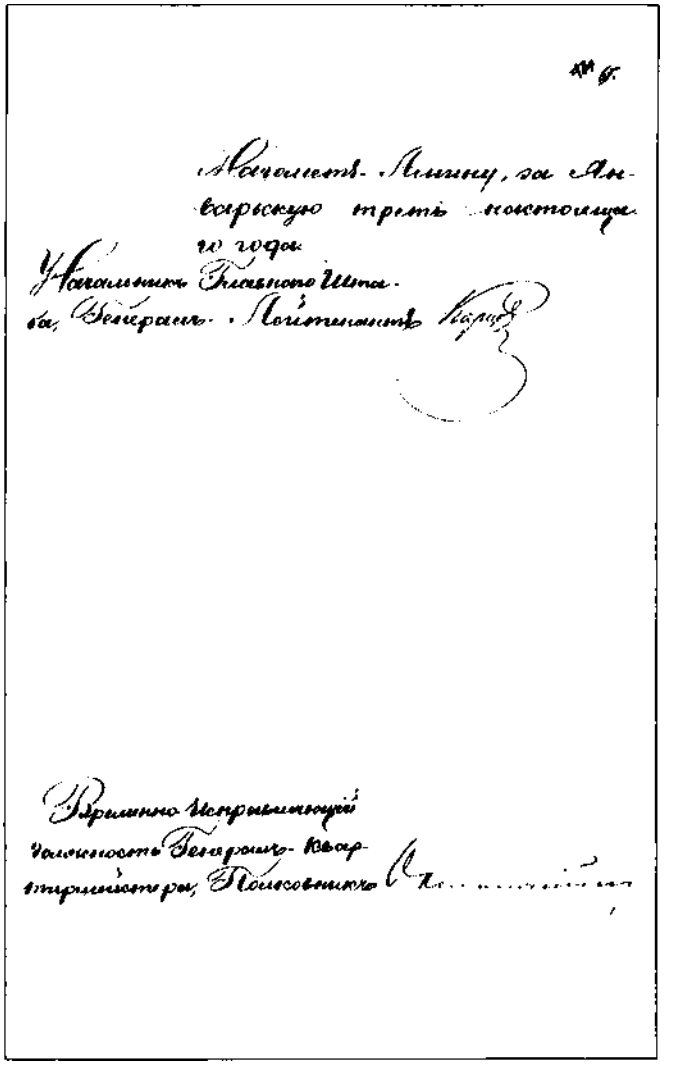
лучшие дачи, следующей Ея
Величеству посылаемую
в Константиновское.

Подписали: Военный Министръ, Генералъ-Адъютантъ Милютинъ. Офицеръ Генеральнаго Штаба Генералъ Квартирмейстера, Гвардіи Лейбъ-Гренадерскаго Полка.

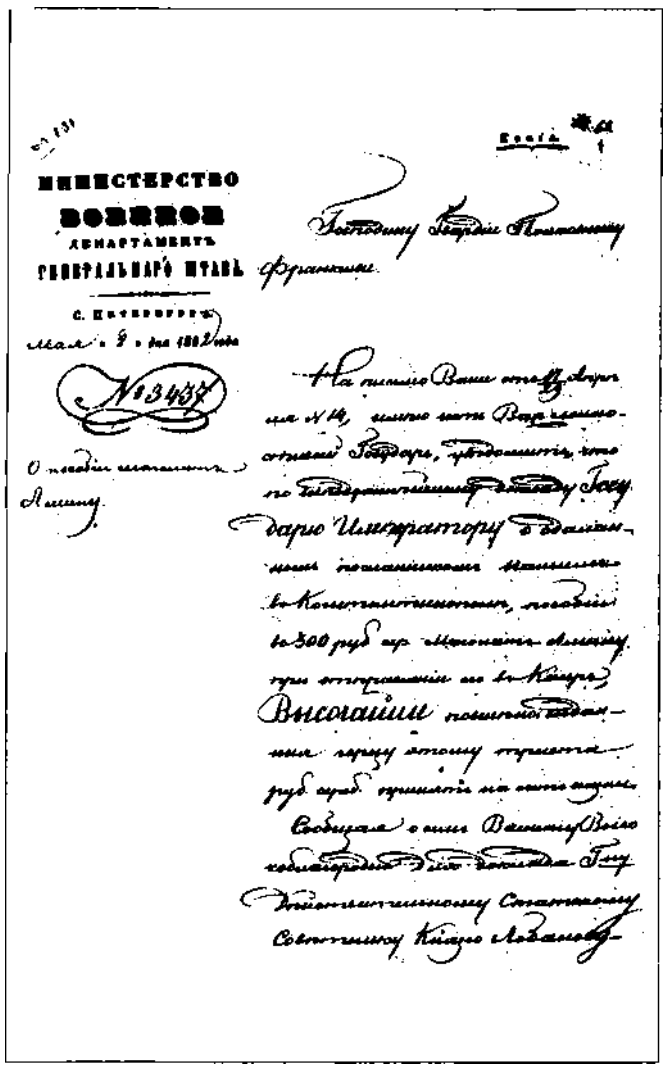
Верно: Чиновникъ Заикинъ

Такъ какъ 3 Кавалерскій Армейскій Корпусъ вошелъ въ сношеніе съ 3 Военнымъ Министерствомъ отъ 26 Января сего 212, объ исполненіи высочайшаго повелѣнія по отпуску изъ Государственнаго Казначейства, и какъ по настоящее время еще не получено въ Главномъ Штабѣ Кавказской Арміи предписанія по этому предмету, то, по порученію Генералъ-Адъютанта князя Орбеліани, имѣю честь покорнѣйше просить распоряженія Вашего Превосходительства о скорѣйшей высылкѣ изъ С. Петербурга въ Кишиневъ Подполковнику Достоевскому денегъ

Документы, связанные с деятельностью наиба Мухамет-Амина после завершения Кавказской войны (60-е годы XIX века)

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ
ДЕПАРТАМЕНТ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

С. Петербургъ
Мая 9 дня 1882 года

№ 3488

О посѣщеніи Императоромъ Франціи Ламсдина.

Копія

Ростовскому, обязанномъ присягою, что о
таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, а также
отнюдь ни кому сообщать и упрежденному
чрезъ посторонняго фельдъегеря сего
числа отправленіи, во отношеніи
въ Министерство Императорскаго Двора, въ
подлинномъ за печатью и подписью Его
Высокопревосходительства Господина Министра
Внутреннихъ Дѣлъ, въ Канцелярію Министерства.

Подлинное Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Графъ Игнатьевъ
Скрѣпилъ Исправляющій должность Начальника Канцеляріи Коллежскій Секретарь Скалонъ

Верно: Чиновникъ

Административное устройство имамата было довольно простым. Имам мог назначить, уволить, наказать и даже казнить любое должностное лицо в государстве. Территория имамата делилась на области во главе с мудирами. В каждую из областей входило несколько наибств во главе с наибами. Число наибств в государстве Шамиля постоянно менялось, так же как и их границы, в зависимости от успехов или неудач в противостоянии с Россией. Сокращение территории, контролируемой Шамилем, приводило к сокращению числа наибств и наоборот. Всего за время имамата было создано около 50 наибств, но общее их число одновременно редко превышало 20. В подчинении у наибов находились мазуны. В обязанности последних входила заготовка провианта и организация сбора вооруженных горцев. Причем мазун должен был выступить во главе своего отряда по первому требованию наиба. Кстати, поскольку между мудирами и наибами происходили постоянные стычки и конфликты, в последние десять лет существования имамата мудиры не назначались (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 5).*

Была проведена реформа местного управления. Если раньше селения и общества избирали себе старшин, которые управляли на основе местных адатов, а для управления духовными делами имелись кадии и муллы, то в имамате старшины, если и не назначались властями, но во всяком случае, подлежали утверждению ими. Точно так же назначались теперь (правда, муфтиями, а не наибами) кадии. При этом в основу не только судопроизводства, но и рассмотрения всех дел ставились нормы шариата.

Вся государственная деятельность в государстве Шамиля определялась нормами шариата, на основе которых разрабатывались низамы — законодательные установления. Низамами определялась организация вооруженных сил, система налогов, штрафов, наказаний за уголовные преступления, порядок судопроизводства и т. д. Мысль о создании письменных низамов подал Шамилю некий Хаджи-Юсуф, чеченец, долгое время живший в Египте и служивший при Мухаммед-Али-паше Египетском и имевший звание полковника-инженера египетской армии. По оценке знавших его людей, он "...знал многия науки, владел в совершенстве арабским языком и дотого был способен ко всему, что не было случая, в котором он не нашелся бы дать полезный совет" (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 2).*

В 1846 г., после неудачного похода Шамиля в Кабарду, Хаджи-Юсуф, находившийся в это время на Северо-Западном Кавказе в одном из абадзехских селений, написал имаму письмо, предлагая свои услуги, в случае если возникнет надобность направить письменные послания турецкому султану или египетскому паше. "По этому предложению, Шамиль составил письма к султану и египетскому паше, в которых, описывая несоразмерность сил своих в сравнении с русскими, неусыпное ведение с ними войны, на защиту мусульманства, просил себе покровительства и помощи" (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 2).* Доверенные лица Шамиля доставили эти письма к Хаджи-Юсуфу, но переправить их дальше не удалось, так как российские военные корабли перехватывали турецкие суда, приставшие к Кавказскому побережью. Возвращавшиеся в Чечню посыльные Шамиля уговорили Хаджи-Юсуфа поехать с ними.

По дороге Хаджи-Юсуф составил подложное письмо от египетского паши, которое, с согласия Шамиля, затем было торжественно зачитано народу. Что касается первых писем Шамиля к султану, они все же были доставлены в Стамбул, но остались без всякого ответа (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 4).* Хаджи-Юсуф в течение короткого времени сделался при Шамиле весьма влиятельным человеком — имам часто советовался с ним по самым разнообразным вопросам; он же является составителем большинства низамов.

Нельзя исключить, что Хаджи-Юсуф был послан турецкими властями к Шамилю с заданием подробно информировать о подлинном положении дел в имамате. Во всяком случае, его карьера кончилась после того, как приближенными Шамиля было перехвачено секретное письмо Хаджи-Юсуфа к паше Ахалциха. В письме Хаджи-Юсуф сообщал, что "...когда он прибыл к Шамилю, у последнего не было никакого порядка и все шло, как у людей, незнакомых с требованиями правильного строя для управления народом и войском; что он, со времени прихода своего, постоянно занят введением во всех частях должного порядка и успел устроить у Шамиля низам и многое другое, о чем в Дагестане не имели понятия". Хаджи-Юсуф был сослан в селение Тинди Андийского округа. Здесь он прожил два года, после чего бежал в Грозную, где вскоре и умер (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 6 — 7).* По другим сведениям, письмо Хаджи-Юсуфа, написанное по-турецки, никто не смог толком прочитать, и потому его обвинили в шпионаже в пользу российских властей. Местом ссылки ему

был определен аул Ахна в округе Тинди, где он провел три года. Скончался Хаджи-Юсуф в Грозной в 1855 г., спустя восемь месяцев после бегства из гор (*Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле.// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. С. 22).*

Существовали отдельные низамы "О наибах", "О делах подлежащих ведению муфтиев и кадиев" или "О наказаниях, коим подвергаются сотенные начальники, десятские и рядовые". Низам "О наибах" состоит из 14 разделов (глав, статей), раскрывающих суть обязанностей наиба, характер его действий по управлению наибством и опредлеляется мера наказания за те или иные проступки. Первое и главное требование к наибам гласило: "Должно быть исполняемо приказание имама, все равно — будет ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будет-ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или несогласно, или даже в том случае, еслиб исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама" (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 7).*

Низам "О наибах" предусматривал также, что из ведения наибов выделяются религиозные и судебные дела: "(Наибы) должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы были и алимами (учеными-богословами). Им предоставляется вести дела только военныя". Кроме того, низам запрещал одному лицу занимать одновременно две должности "...для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба и пресечь всякия дурныя и подозрительныя помышления о нем. Виновный наказывается выговором при народе" (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 10).*

Низамы, созданные на основе шариата, значительно отличались от существовавших у горцев адатов. Так, в соответствии с низамами значительно снижался калым, было введено правило, по которому жена в случае развода по инициативе мужа получала часть имущества, и т. д. В имамате было строго запрещено употребление спиртных напитков, курение табака, танцы, музыка и пение. Кроме того, был запрещен "громкий зикр", хотя, например, духовный наставник Шамиля Мухаммед Яраглинский считал "громкий зикр" разрешенным действием. Официально объявлялось, что низамы строго следовали нормам шариата, но на самом деле многие из них отличались от законов шариата. Так, вместо отсечения конечностей за воровство низамы Шамиля вводили денежные штрафы. Согласно низамам, правом приговаривать виновного к смертной казни обладали кроме самого имама и его наибы. Основания для вынесения такого приговора низамами не определялись. Ясно только, что данное положение было введено с целью укрепить власть наиба в условиях непрерывных военных действий, когда необходимость жестких мер для поддержания дисциплины в войсках и порядка в наибствах диктовались самой жизнью.

Большую роль в жизни имамата играли духовные лица — алимы, муфтии, кадии, муллы. Муфтии назначились имамом и обладали правом назначать кадиев в пределах подчиненных им областей. Они осуществляли общий надзор за соблюдением норм шариата и имели право принимать самостоятельно решения по укреплению шариата в своей области, а также обращаться за помощью к наибам, если их собственного решения оказывалось недостаточно. Муфтии обязаны были регулярно выступать с проповедями перед народом, но при этом им запрещалось публично критиковать действия наибов: "... в речи своей не должен порицать поступков наиба каким-нибудь намеком или общим содержанием речи" (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 11).* Представители духовенства получали содержание в размере 20 копеек в год с каждого двора. Кроме того, в их пользу собиралась одна мера зерна в Дагестане, а в хлебной Чечне — две меры с каждого двора. Фактически духовенство играло в имамате роль государственного чиновничества.

Для контроля над деятельностью должностных лиц использовались специальные осведомители — мухтасибы. Кроме того, была создана своего рода почтовая служба для поддержания оперативной связи между различными областями страны. Гонцы, посылаемые имамом, снабжались специальным документом, по предъявлению которого любой из жителей обязан был предоставлять им коня и проводника, а также ночлег и пропитание. Интересно, что в имамате существовала практика в боевых условиях писать приказы и распоряжения на листьях деревьев, что позволяло гонцу в случае опасности быстро и незаметно уничтожить секретный документ. Вообще, соблюдению государственной и военной тайны придавалось большое значение. В низаме "О наибах" содержалась специальная глава, гласившая: "Не должны никогда открывать секретов имама и других (наибов) ни семейству своему, ни братьям, ни мюридам своим, потому что распространение секретов есть одно из главных орудий вреда и нарушения порядка страны; поэтому, всеми средствами должно стараться сохранять тайну" (*Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 10).*

Шамилем было создано довольно многочисленное войско, состоявшее из постоянных отрядов и ополчения. Вообще, все жители имамата мужского пола в возрасте от 15 до 50 лет считались военнообязанными. По приказу наибов они должны были не только защищать свое селение и нести карульную службу, но и выступать в поход.

Основой вооруженных сил имамата были так называемые муртазеки — постоянное войско. Муртазеки давали присягу на верность лично Шамилю, получали жалование, продовольствие и фураж от населения, носили знаки отличия и пользовались разного рода привилегиями. Существовало правило, по которому каждые десять дворов выставляли по своему выбору одного муртазека, который становился начальником над этими дворами. От них же он получал содержание. Общая численность войск Шамиля не известна, но приблизительные подсчеты показывают цифру от 20 до 30 тысяч. При этом в отдельные походы направлялось иногда 10 — 15-тысячное войско (*История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 155).* Правда, практически правило это не выполнялось и, по мнению большинства исследователей, число муртазеков, постоянно находившихся в распоряжении имама, не превышало одной тысячи человек. Муртазеки получали в год по одному рублю и по 8 мер хлеба с каждых 20 домов в виде особого налога (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 113).* В 50-е годы содержание муртазеков было полностью возложено на население, которое обязано было не только кормить их, но также одевать, обрабатывать их поля и убирать урожай (*Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала. 1956. С. 40).*

При Шамиле постоянно находились 132 мюрида, которые охраняли имама и его близких и сопровождали его в поездках по стране. Каждый из наибов (в зависимости от размеров наибства и числа жителей в нем) постоянно имел при себе 200 — 300 вооруженных мюридов.

Основной войсковой единицей была тысяча, во главе которой стоял наиб. Тысяча делилась на сотни и десятки во главе с сотенными и десятскими начальниками. Кроме того, наибу подчинялись два начальника пяти сотен. Каждая войсковая единица имела собственный значок, а наиболее отличившимся воинским подразделениям вручались знамена. Воины, проявившие мужество в боях, награждались первоначально оружием или ценными вещами. В 1841 г. были учреждены ордена и другие знаки отличия, имевшие стандартные надписи. Тем, кто проявил малодушие в бою, на спину привешивали специальный знак, снять который можно было только после проявления героизма в последующих боях. В 1842 г. были введены и воинские звания.

В войске Шамиля отдельные подразделения были укомплектованы из российских перебежчиков. Их количество резко возросло в первой половине 40-х годов. В первой резиденции Шамиля — Дарго жило до 400 перебежчиков. В Ведено существовала целая слобода, населенная перебежчиками, которые имели собственных начальников и были "... своевольны в своих поступках" (*цит. по: История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 154).* Российские перебежчики служили в войске Шамиля артиллеристами, изготовляли порох, а также обучали горцев воинским порядкам и приемам, применяемым в российской армии. Многие из них принимали ислам и активно участвовали в военных действиях на стороне горцев. Многие из них получали знаки отличия за воинскую доблесть, например бывший драгун Нижегородского полка Родимцев, награжденный орденом "За храбрость". Были в войске имамата и командиры отрядов из числа перебежчиков. Известно также, что некоторые из перебежчиков становились даже советниками Шамиля. Сам Шамиль высоко оценивал услуги перебежчиков, поэтому им было направлено специальное послание всем наибам: "Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам... Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями...". При этом Шамиль требовал от наибов создать перебежчикам все условия и возможности для жизни (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50-х гг. XIX в. Махачкала. 1959. С. 291 — 292).*

В имамате была создана налоговая система и налажен сбор налогов в государственную ("шариатскую") казну — байтул-мал. Сбором налогов с населения занимались наибы, однако при казначействе имелись и свои чиновники, ведавшие приходно-расходными книгами. Основными источниками поступлений в государственную казну были: зякат — десятая часть всех доходов, взимаемая со всех жителей имамата; харадж — подать с горных пастбищ; хомус — пятая часть военной добычи. В пользу государства обращались также штрафы, взимаемые с населения, имущество преступников, казненных за измену, имущество лиц, не оставивших наследников, и другие поборы. Поступления в казну принимались как в натуральной, так и в денежной форме.

Из казны удовлетворялись все потребности имамата, за исключением военной. Из казны выплачивалось вознаграждение мудирам, наибам и духовенст-

ну. Кроме того, хумс (военная добыча, поступавшая в казну) расходовался на содержание семей родственников Пророка Мухаммеда — сейидов. Таких семей в имамате было 13, всего около 70 человек (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 111).* К сейидам принадлежал, в частности, и шейх Джемалэддин, являвшийся тестем Шамиля. Хумс шел также на содержание "достойных отшельников" и ученых богословов. И наконец, из этой части доходов выплачивалось также пособие инвалидам, не способным жить за счет своего труда. Сам Шамиль и его семья начиная с 1843 г. получали ежегодное содержание в размере 2 рублей с каждого дома Тушинского района Дидойского общества.

Известно также, что Шамиль запрещал взимать налоги с тех, кто не мог внести их — недоимки должны были платить зажиточные семьи данного селения или общества. При этом, если судить по записям, сделанным по воспоминаниям Шамиля уже во время его пребывания в Калуге, сам он никогда не знал точной цифры доходов. Не была установлена также обязательная дата сбора налогов. Все доходы как в денежной, так и в натуральной форме доставлялись наибами в его резиденцию. Наибы и мудиры получали приношения от подчиненных лиц, кроме того, им полагалась доля имущества, конфискованного у лиц, казненных за измену. Они же взимали денежные штрафы с населения, размер которых также почти не регламентировался. Естественно, что такой порядок создавал для наибов возможность обогащаться за счет поборов с населения, чем значительная часть из них преимущественно и занималась в последние годы существования имамата.

В государстве, созданном Шамилем, торговля фактически находилась под контролем правителя. Уже в Калуге Шамиль вспоминал, что средний торговый оборот горца, занимавшегося торговлей, редко превышал 150 рублей. В имамате было всего несколько торговцев, имевших в обороте капитал свыше 1000 рублей. Лишь один из них, Муса Казикумухский, имел годовой оборот 3 — 4 тысячи рублей, но его кредитовал сам Шамиль. Шамиль объяснял это пренебрежительным отношением горцев к торговле, что, конечно же, не верно. Достаточно вспомнить, что в XVIII в. в Чечне были купцы, вывозившие на торги товары на большие суммы. Основным препятствием для торговли была длительная война, которая делала невозможными крупные торговые операции. Но интересно, что, фактически поставив торговлю под свой контроль, Шамиль совершенно неожиданно (и сам того не подозревая) возродил традицию древнейших кавказских государств, в которых внешняя торговля (и значительная часть внутренней) являлась монопольным правом правителя.

В первые годы существования имамата, когда были казнены многие представители феодальной верхушки, произошло освобождение значительных масс зависимых крестьян в Дагестане. Были отменены также многие повинности и подати, взимаемые с населения в пользу местных владетелей. Кроме того, получили свободу и многие рабы, принадлежавшие казненным феодалам. Например, после уничтожения аварских ханов получили свободу рабы четырех селений. Правда, ничего не изменилось в положении рабов, принадлежавших другим лицам (*История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 156).* Однако облегчившееся было положение широких крестьянских масс вскоре опять стало ухудшаться.

Во-первых, постоянные военные действия, сопровождавшиеся набегами российских войск, стремившихся в первую очередь уничтожать посевы, угонять скот и сжигать жилища горцев, — подрывали хозяйство. К этому вскоре добавилась еще и политика Шамиля, который ввел практику насильственного переселения аулов в те районы, оборону которых он считал необходимым укрепить. Кроме того, и сам Шамиль разорял селения, отказывавшие ему в повиновении. В довершение всего, в связи с военными действиями, помимо постоянных налогов, вводились еще чрезвычайные сборы, выплачивать которые приходилось в основном, тем же крестьянам. Падению популярности Шамиля в Чечне во многом способствовало и то, что если первоначально он покупал хлеб (основным производителем которого была Чечня) по свободной цене, то затем он ввел заниженную цену на него, а в конце концов "... стал собирать хлеб без платы, с каждого двора в виде подати" (*Кавказский сборник. Т. 6. Тифлис, 1882. С. 409).*

Во-вторых, в имамате очень быстро сложилась правящая верхушка, которая повела себя в "лучших традициях" прежних владетелей. Конечно, среди наибов было немало лиц, которых народ любил и уважал за справедливость. Сам Шамиль позже признавал, что в первые годы имамата по наговорам и клевете сменил многих честных и способных наибов, на место которых пришли люди, по большей части или не способные к управлению, или корыстолюбивые. Многие из наибов, поставленных Шамилем, разоряли состоятельных жителей своих наибств, штрафовали и даже казнили их по любому поводу, только чтобы завладеть их имуществом. Шамиль редко принимал репрессивные меры к своим наибам в ответ на жалобы населения. Недовольство кадровой полити-

кой имама горцы выражали как в открытой форме, так и в иносказательной. Например, сына Шамиля — Гази-Мухаммеда, который пользовался у горцев репутацией справедливого наиба, храброго воина и ревностного мусульманина, один горец спросил: "Говорят, что ты с отцом делаешь преудивительные вещи: принимаете ишаков за лошадей, надеваете на них богатую лошадиную сбрую и ставите их в лошадиные стойла, а лошадей выгоняете из конюшни..." (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 127).*

В последние годы имамата в лице наибов и других представителей администрации фактически сформировалась новая аристократия, владевшая большими стадами, землями и другими богатствами. Например, наиб Шуаиб-мулла Цонтароевский, убитый в 1844 г., на момент гибели владел 4 тысячами голов мелкого рогатого скота, 500 голов крупного рогатого скота, 60 буйволами, 35 ружьями и т. д. Другое его имущество оценивалось в 30 тысяч рублей серебром (*История народов Северного Кавказа. М., 1988. С. 159).* В руках новой аристократии сосредотачивались также большие земельные участки. Причем Шамиль сам заботился об этом. Так, в письме одному из своих наибов Алдыму Шамиль сообщал, что он наградил Уму Дуева 630 десятинами земли. Назвав Уму Дуева своей "правой рукой", Шамиль требовал, чтобы никто из жителей наибства, и прежде всего жители общества Дзумсой, не мешали Дуеву беспрепятственно владеть выделенной землей. Надо отметить, что таким образом в руках у верного сподвижника имама оказалось примерно 10 процентов всей земли, имевшейся у общества Дзумсой. Наибу гоцобскому Шамиль приказывал: "Ты оставь нашему брату Ибрагиму сенокосный участок общественной земли на берегу реки" (*История народов Северного Кавказа. М., 1988. С. 159).*

Сам Шамиль многими считался примером скромности в быту, умеренности во всем и редкого бескорыстия. Широко пропагандируется тот факт, что его личное поместье российские власти в 1859 г. оценили всего в 200 рублей (*Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Кавказ в Крымской войне 1853 — 1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 176).* Однако все дело в том, что незадолго до гибели имамата Шамиль передал все свои драгоценности и деньги (всего на сумму около одного миллиона рублей серебром!) тестю своего сына — Даниель-беку Елисуйскому (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 133).* Другое дело, что когда Шамиль оказался в плену, Даниель-бек просто присвоил себе указанные ценности, заявив, что никогда ничего от Шамиля не получал. Он даже отказывался отпускать свою дочь, жену Гази-Мухаммеда, в Калугу к мужу, опасаясь, что Шамиль отомстит ей за поступок отца.

Вообще, в конце правления Шамиля его ближайшие сподвижники уже не очень-то с ним считались. Наглядный тому пример действия одного из самых первых сподвижников Шамиля — Кибит-Магомы. В 1859 г., когда Шамиль с оставшимися мюридами направился к Гунибу, Кибит-Магома захватил обоз имама с его имуществом и казной, где имелось 15 тысяч рублей (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 129).*

Считается, что внутриполитический кризис в имамате начался еще в 1847 г., после того как на съезде в Анди было официально объявлено, что после смерти Шамиля власть в имамате будет передана его сыну Гази-Мухаммеду. Гаджи-Али указывает, что именно с этого времени начались разногласия в правящей верхушке имамата: "Некоторые наибы, искавшие власти, старались придать делам Шамиля дурное толкование и все они начали копить богатства и убивать напрасно мусульман, не различая между позволенным и запрещенным, между истиною и ложью. Они наружно только как бы исполняли приказания Шамиля, а в сущности старались обманывать и ниспровергнуть его. ... Они клеветали перед Шамилем друг на друга, на некоторых ученых и других влиятельных лиц, истинно преданных ему, что, будто бы, те доискиваются имамства. Шамиль верил им, удалял приближенных и сменял наибов. Однако впоследствии узнал он коварства, низкие поступки и зависть этих мнимых доброжелателей и противозаконныя действия сыновей своих; но это была такая болезнь, которую изличить или уничтожить не было средств и лекарств; ... Он ... часто повторял слова одного арабского поэта: "Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один; то что же может построить один человек, когда сзади его тысяча разрушителей?" (*Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. С. 34 — 35).*

Таким образом, к началу Крымской войны имамат Шамиля переживал глубокий внутренний кризис, вследствие чего благоприятная внешнеполитическая ситуация не была использована. К тому же, ни к началу военных действий союзников против России, ни в ходе Крымской войны, не было не только настоящей координации действий союзных войск с горцами Северо-Восточного Кавказа, но даже какой-либо постоянной и оперативной связи. Союзники ждали от Шамиля активных действий, которые приковали бы к Кавказу дополнительные силы российской армии. Большие надежды возлагались на 10-ты-

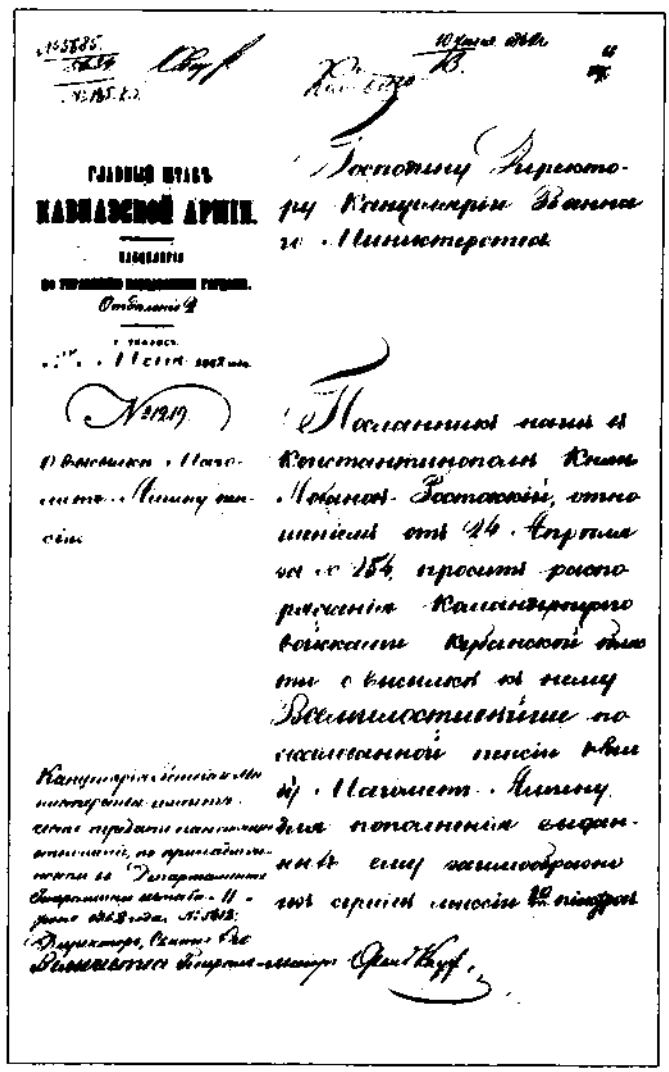
сячный корпус черкесской конницы, который должен был собрать на Северо-Западном Кавказе Мухаммед-Амин, третий по счету представитель Шамиля у закубанских горцев. Однако против горцев Северного Кавказа и-так уже было сосредоточено три четверти войск, имевшихся у России на Кавказе. Поэтому горцы сами рассчитывали на то, что активные действия союзников заставят Россию снять хотя бы часть войск, противостоящих им. Как раз таки этого не произошло. Справедливо опасаясь активизации действий горцев в случае ослабления Кавказской Линии, российское командование сохранило практически в неприкосновенности сосредоточенные здесь войска. Естественно, что в этих условиях горцы не горели желанием идти в бой, не имея никаких гарантий, кроме неясных обещаний помощи со стороны Турции и ее союзников. В этом плане весьма показательно сообщение Мухаммед-Амина турецким властям, что он готов прибыть с 10-тысячным отрядом конницы для действий в Закавказье или Малой Азии, "... но для этого нужно повесить 150 горцев, противящихся всем его распоряжениям для пользы падишаха" (*Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Кавказ в Крымской войне 1853 — 1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 168).*

Горцы уже начали уставать от войны, в которой на их долю приходились страдания и нищета, а верхушка имамата скапливала в своих руках все больше богатств. Еще в меньшей степени они готовы были воевать ради турецкого султана и его европейских союзников. Именно поэтому "Шамиль пропустил в 1853 г. минуты напряженного и в высшей степени наэлектризованного состояния мусульманского народа и приступил к действиям только в 1854 г., когда пыл горцев и всего родственного им населения Кавказа уже улегся, ослабел" (*Зайончковский А. М. Восточная война 1853 — 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. II. Ч. 1. СПб., 1908. С. 191).*

Шамиль просто не мог активно выступить раньше. Те отдельные послания, которые доходили до него, не могли заменить то, что было ему нужно — современное вооружение, запас боеприпасов, деньги и главное — ослабление противостоящей горцам российской группировки. Если бы союзники всерьез рассматривали горцев в качестве союзников, надо полагать, они нашли бы способ помочь им оружием. Даже простая высадка крупного десанта на Кавказе могла бы побудить горцев проявить активность. Но у союзников были свои планы, и горцам Северного Кавказа в них отводилась роль камикадзе, которые должны были пожертвовать собой ради успеха союзников в Крыму. Именно поэтому, например, "Черкесы не только не прельстились 10-рублевым жалованием в месяц, обещанным Омер-пашою всем милиционерам, но даже не пустили к себе в горы союзных эмиссаров и агентов, отправленных к ним Англией и Турцией" (*Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Кавказ в Крымской войне 1853 — 1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 188).*

Не способствовала активным наступательным действиям и обстановка, сложившаяся внутри имамата Шамиля. В 1852 г. вышел во Владикавказ и сдался российским властям один из сподвижников Шамиля - Халет-эфенди. Из его показаний следовало, что в имамате царит всеобщее уныние. Война уже истребила цвет горского населения, в довершение всего Шамиль в каждом сильном деятеле видит опасного соперника. Террор, составляющий основу его могущества, принял в последнее время еще более не стерпимый характер. Шамиль ни перед чем не остановится, чтобы обеспечить своему сыну Гази-Мухаммеду путь к власти, что сулит гибель любому, кто сколько-нибудь сознает собственное достоинство. В горах нет мыслящего человека, который не был бы убежден в конечной победе русских, при этом все убеждены, что продолжение войны приведет лишь к сохранению власти Шамиля, а не к независимости. Тем не менее никто не осмеливается на открытое восстание, поскольку никто не имеет силы, чтобы сделать такое восстание всеобщим (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 195 — 196).*

Таким образом, за все время Крымской войны только один раз, в 1854 г., Шамиль предпринял крупный поход за пределы имамата, направившись в Закавказье, где он должен был соединиться с турецкой армией. Из хроники Мухаммеда Тахира ал-Карахи следует, что начало похода удалось потому, что российские лазутчики не смогли правильно определить маршрут, по которому пойдут отряды Шамиля. За время похода горцы захватили 18 селений и 894 пленных. В числе последних оказались и семьи князей Чавчавадзе и Орбелиани. Шамиль не смог углубиться в глубь Грузии, тем более он не смог прорваться на соединение с турецкой армией. Однако Мухаммед ал-Карахи подчеркивает, что поход был чрезвычайно удачным... в смысле захваченных богатств. При описании этого похода постоянно встречаются сообщения типа: "...забрали драгоценное имущество, украшения и всю утварь и домашнюю обстановку из золота и серебра, забрали даже корону царя Ираклия, перешедшую к нему по наследству от его дедов. Эти богатства были таковы, что не пересчитает считающий их множество и не опишет описывающий их великолепие. ...Они собрали домашних животных,

ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ
КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

Отдѣленіе 2

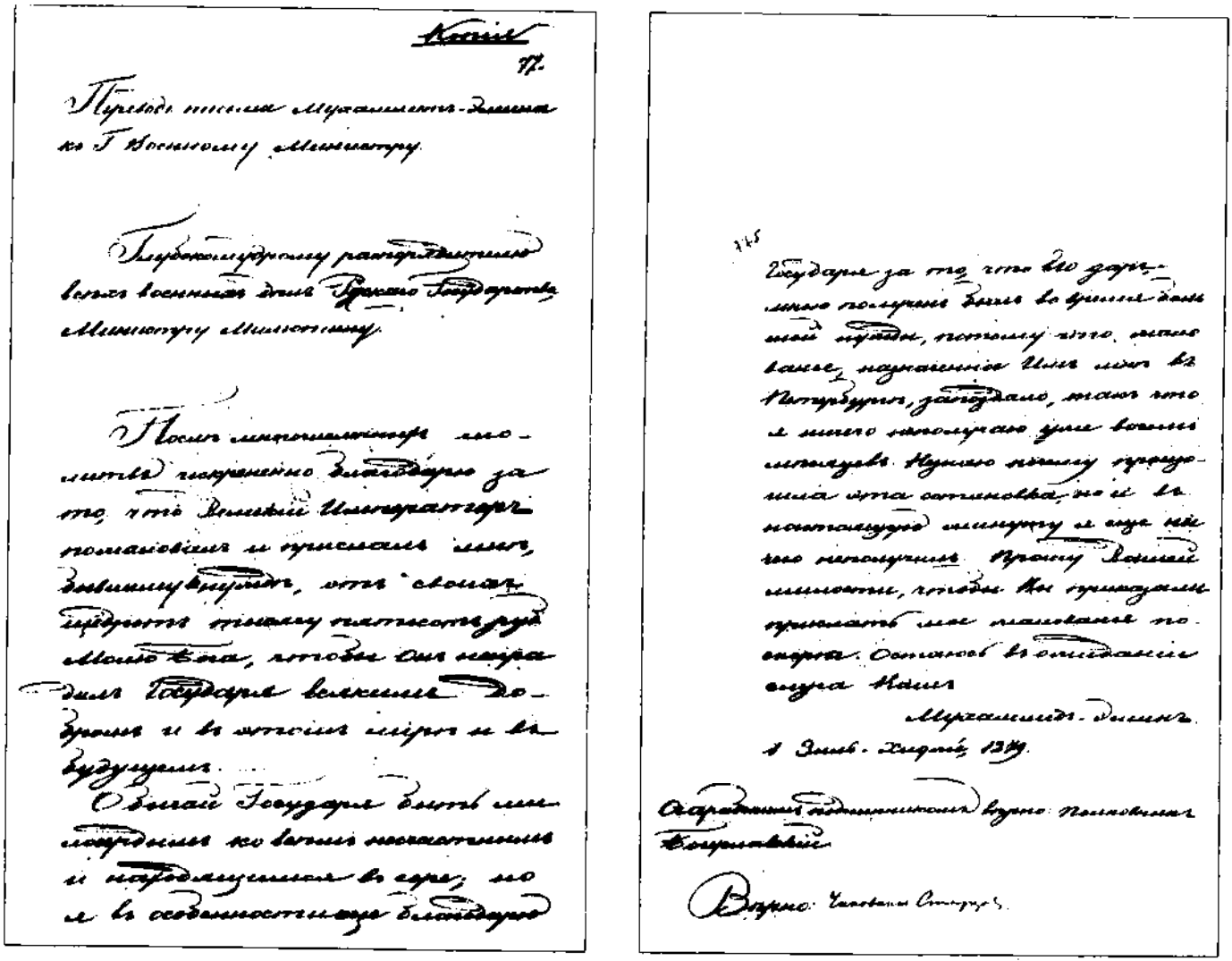
Его Превосходительству Директору Канцеляріи Военнаго Министерства.

Покорнѣйшею нашею к Константинополю Князь Мухамет-Эстокскій, отношеніемъ отъ 24 Апрѣля за № 264 проситъ распоряженія Канцелярскаго помѣщенія Кавказской Арміи о высылкѣ къ нему Великолѣпнѣйшее по настоящей письмо Ваше Его Превосходительству Военнаго Министра для полученія свѣдѣнія ему заключающагося въ сей письмѣ

Канцелярія Военнаго Министерства имѣетъ честь передать настоящее отношеніе, по принадлежности въ Департаментъ Генеральнаго штаба. 11 Іюня 1862 года. № 8412.

Директоръ Канцеляріи Военнаго Министерства Генералъ-Маіоръ Фонъ-Кауфманъ.

Ответ Департамента Генерального штаба Военного министерства России на письмо наиба Мухамет-Амина. (1862 г. Санкт-Петербург)

Письмо наиба Мухамет-Амина в Главный Штаб Кавказской Армии России(1868 г. Санкт-Петербург)

волов и буйволов такое множество, что ополченцы даже резали волов для того только, чтобы снять с них шкуру для пошивки сандалий. ...Затем была выплачена каждому, кто принес что-либо из богатств, будь то много или мало, десятая часть [от того, что он принес]. Затем от остатка богатсв и пленных была отделена одна пятая часть. Все остающееся было распределено между участвовавшими в захвате добычи: пешему одна доля, всаднику — три доли. ...Затем они (грузины) начали выкупать своих детей, одного за другим, за деньги, настолько большие, что даже говорили, что не осталось вовсе денег в Грузии и стали они в изобилии здесь до того, что подешевели, но приток их все не прекращался долгое время" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 234 — 236).*

Впоследствии захваченные в плен княгини Чавчавадзе, Орбелиани и другие знатные пленные были обменены на сына Шамиля Джемалэддина, выданного имамом в заложники еще после взятия Ахульго. Кроме того, за знатных пленниц был уплачен выкуп в "...13 с половиной мер серебра" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 236).*

Со времени похода в Грузию внутреннее положение имамата только ухудшилось. Богатая добыча, захваченная там, уже не могла остановить распад имамата. Мухаммед ал-Карахи сообщает: "В том сражении в Грузии были многочисленны утаивание добычи, измены и увеличение угнетения со стороны управителей и наибов. Они постепенно перестали повиноваться. А ведь известно, что "государство продолжает существовать при неверии, но не [может] продолжаться при угнетении". ...И не прибавлял Аллах Всевышний войскам имама после этого сражения, куда бы они не направились, ничего, кроме принижения и поражения, оставления без помощи и отступления. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама — кроме опущения узды правления и подтверждения [речей управителей и наибов], у семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания [богатств], у простого народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 240 — 241).*

Российские власти, специально изучавшие окружение Шамиля, давали его наибам следующую характеристику: "Все эти лица, имеющие звания наибов, отличаются духом партии, ничего не щадящей, чтобы сохранить в руках власть над народом легкомысленным и способным увлекаться мгновенными побуждениями, хотя в последнее время главнейшей причиной всех действий Шамиля был ужас, который он навел тиранской своею властью и страшными примерами лютых и неотложных казней" (*цит. по: Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 183).* Поняв, что продолжение войны, без всякого сомнения, лишит их власти и богатства, окружение Шамиля начинает устанавливать контакты с российским командованием и переходить на сторону России. Интересно отметить, что контакты российского командования с окружением Шамиля были налажены задолго до падения имамата. Так, еще в 1845 г. М. Воронцовым были установлены "сношения" с Хаджи-Муратом, Кибит-Магомою и некоторыми другими наибами. Но в то время, поддерживая тайные связи с российским командованием, наибы все же не спешили с переходом на сторону России.

Ситуация изменилась в начале 50-х годов. Чечня, которую российское командование считало главной житницей имамата и главным поставщиком живой силы, была обескровлена и разорена. Вырубая многокилометровые просеки в гуще лесов, российские войска занимали стратегически выгодные районы, где спешно возводились укрепления с многочисленными гарнизонами. Вслед за крепостями возникали казачьи станицы, а чеченцы изгонялись дальше в горы. На чеченской равнине не осталось селения, которое не было бы несколько раз разрушено до основания в ходе военных действий. О потерях, понесенных Чечней, лучше всего говорит тот факт, что за 25 лет правления Шамиля ее население сократилось вдвое. То, что и Россия теряла на Кавказе ежегодно 25 тысяч жизней *(Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XIV. М., 1949. С. 381.),* никак не облегчало положения чеченцев. Тем не менее, осознавая, что выход Чечни из войны означает окончательное экономическое и военное крушение его государства, Шамиль угрозами, арестами, казнями, переселениями и другими карательными мерами требовал от чеченцев продолжения войны (*Зиссерман А. История Кабардинского пехотного полка. Т. 2. СПб., 1881. С. 381).*

Потеря равнинных земель была для чеченцев равнозначна национальной катастрофе. Именно поэтому даже в 1844 г., когда имамат Шамиля одерживал военные победы, чеченцы Малой Чечни начали добиваться возвращения на земли вдоль Терека. Известный среди чеченцев кадий Иса неоднократно вступал в переговоры с российскими властями, обещая вывести от Шамиля четыре тысячи семейств, если им будет разрешено вернуться на прежние места обита-

ния. Шамилю пришлось принимать меры по пресечению деятельности кадия Исы.

Со временем эти настроения среди чеченцев только усилились. В 1852 г. князь М. Воронцов сообщал в Петербург, что чеченцы, самый беспокойный и своевольный народ из всех племен кавказских, "... претерпевая беспрестанные от наших войск поражения, будучи стесненными в своих заблуждениях и средствах к существованию отнятием у них в последнее время лучших земель, стали переходить в значительном числе и теперь беспрестанно являются с желанием переселиться под покровительство России". Чтобы максимально ускорить отход чеченцев от Шамиля, с одной стороны, было усилено наступление на их земли, а с другой - разработано особое положение об управлении чеченцами. В частности, предусматривалось: 1. назначить особого начальника чеченского народа, предоставив ему помощников и необходимые средства; 2. создать чеченский народный суд в составе кадия и трех старшин, избираемых обществом; 3. учредить округа под управлением местных старшин, а в каждом селении иметь сельских старшин, подчиненных окружным старшинам (*ЦГВИА. Ф. 38. Св. 855. Д. 27-а. Л., 1 — 4).*

Выход Чечни из войны ускорился еще и тем, что беспрерывные военные действия привели к явлению, почти небывалому среди чеченцев — в 1856-1857 гг. наступил голод. В результате его в 1856 г. чеченцы стали отпадать от имамата целыми наибствами: "Рассеялась совокупность вилайета Нахбаг. [Его жители] переселились на равнину Ауха, а их наиб, сын Джемаля ал-Чиркави, со своим отцом, братьями и всеми их домочадцами убежали к русским. ...Затем вилайет Гехи отошел от имама и повернул к русским, а их наиб Саад Аллах переселился к имаму. Отшел таким же образом вилайет Шубута с их наибом Батакайем" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах периода Шамиля. М. — Л., 1941. С. 242).* Начало большого российского наступления на Чечню в 1858 г. почти не встретило здесь сопротивления. Мухаммед ал-Карахи отмечает: "Русские приблизились к Дарго с четырех сторон. В Дарго укрепился сын имама, Гази-Мухаммед, с войсками и наибами. Они приготовили его к обороне мучительными усилиями при сильном холоде и голоде, доставляя провиант с большими трудностями из своих домов. Они терпеливо переносили эти лишения около 2 месяцев. Затем русские повели такое сильное наступление, что у них не было никаких сил сражаться с ними и оказать им какое-либо сопротивление. Тогда они вышли из Дарго и ночью его покинули. Таким образом все вилайеты Чечни, один за другим, подпали под власть русских. Из жителей этих вилайетов никто не ушел с имамом, кроме одного наиба Османа и тех, кто был [ранее] с ним" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах периода Шамиля. М. — Л., 1941. С. 243).*

Настроения в пользу прекращения войны усиливались и в горных дагестанских обществах, также страдавших от военных действий, с одной стороны, и произвола администрации имамата — с другой.

Именно шаткость положения в Чечне в первую очередь заставила окружение Шамиля в начале 50-х годов искать сближения с российским командованием. При этом бльшая часть наибов просто начала тайные перговоры об условиях перехода на сторону России. Другие лица из числа ближайшего окружения Шамиля попытались убедить его прекратить войну на выгодных условиях. Мухаммед ал-Карахи сообщает, что раньше других прекратить войну уговаривали Шамиля его сын Джемалэддин и тесть другого его сына — Даниель-бек. И хотя Шамиль тогда вроде бы отказался от этого предложения, по свидетельству ал-Карахи, он понимал бесперспективность своего положения: "... имам собирал неоднократно свою семью и домочадцев и поучал их, [говоря] следующее: "Истинно, это государствование уже продлилось для нас так долго, как оно не длилось для тех, кто нам предшествовал. Так не превозноситесь же в одеждах и пище. Будьте благонамеренными, может быть оно [государствование] близко от того, чтобы уйти от нас и повернуться к нам спиной". Он даже однажды сказал: "Поистине; я боюсь попасть к ним в руки" (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л., 1941. С. 241).*

Весьма возможно, что Шамиль желал прекращения войны. По крайней мере, в своих беседах с Руновским в Калуге он неоднократно говорил, что желал прекратить войну еще за несколько лет до того, как она закончилась. Главной причиной своего упорства он назвал недоверие к российским генералам, которые представляли российское правительство на Кавказе. Тем не менее, в конце концов он, скорее всего, предпринял попытку заключить мир. Известно, что в июле 1859 г. турецкий генерал Ферхад-паша передал российскому посланнику в Стамбуле А. Б. Лобанову-Ростовскому письмо от некоего Махмуда-эфенди, называвшегося агентом Шамиля в Турции. В письме сообщалось, что уже довольно много времени, как в окружении Шамиля сложилось убеждение о необходимости прекращения войны и начале переговоров. Шамиль долгое время отказывался от предложения начать переговоры, поскольку не дове-

рял генералам, которые не имели полномочий для заключения окончательного мира, но могли использовать перемирие для быстрого разгрома горцев. В конце концов Шамиль решил приступить к переговорам, избрав местом их проведения Стамбул, что позволяло ему рассчитывать на турецкое посредничество.

В Турцию к Мухаммед-эфенди был послан нарочный по имени Муса с письменными и устными инструкциями. Однако по дороге нарочный был захвачен казаками, которые отняли у него все документы. В конечном итоге нарочный сумел бежать и прибыл в Стамбул, не имея при себе нужных бумаг, а только устные инструкции. Согласно этим инструкциям, Шамиль уполномочил Махмуда-эфенди, во-первых, "получить совет" турецкого правительства (т. е. добиться его посредничества), а во-вторых, встретиться с российским послом и через него выяснить, намерено ли правительство России заключить мир с Шамилем, а также какими будут условия этого мира. Военный агент российской миссии в Стамбуле капитан Франкини и драгоман миссии Аргиропуло действительно встречались с Махмудом-эфенди в присутствии Ферхада-паши, но при этом были проинструктированы не давать никаких обещаний (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С.198 — 199).*

В конечном итоге, инициатива Шамиля в Стамбуле (если это действительно была его инициатива, а не самодеятельность Махмуда-эфенди) не дала никаких результатов и ясно почему — Шамиль опоздал с этой инициативой по крайней мере на несколько лет. Еще в 1855 г. российским командованием рассматривался план завершения Кавказской войны путем договоренности с Шамилем. В обмен на прекращение сопротивления ему собирались предложить "...нечто вроде учреждения династии под нашим покровительством". После неудачной Крымской войны эти планы были пересмотрены — Россия торопилась как можно быстрее и победоносно завершить Кавказскую войну. Если в 1857 г. численность российских войск на Кавказе составляла 276 250 человек, то к 1859 г. она была доведена уже до 308500 (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 1312).* Канцлер А. М. Горчаков писал князю Барятинскому: "Весьма возможно, что цюрихские переговоры будут иметь последствием конгресс или европейскую конференцию, которая займется решением весьма важных вопросов, касающихся всеобщего равновесия и взаимных отношений великих держав. Если бы Вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами" (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в. Махачкала. 1959. С. 676).* В середине 1859 г. России уже не было никакого смысла вести переговоры с Шамилем, тем более при турецком посредничестве. Шамиль стоял на пороге военного разгрома и российское командование уже ничего не собиралось ему предлагать, кроме воли императора, который должен был по своему усмотрению решить его судьбу. Военный министр, сообщая 10 августа 1859 г. князю Барятинскому о том, что Махмуду-эфенди выдано разрешение на приезд в Тифлис для продолжения переговоров с Шамилем, отмечал, что результаты, достигнутые Кавказской армией "... уничтожая значение Шамиля, не только изменяют важность с ним сношений, но, быть может, делают их и вовсе не нужными". А Александр II написал на донесении о том, что Махмуд-эфенди, не дождавшись разрешения прибыть на Кавказ, вернулся в Стамбул: "Решительно его не пускать к нам" (*ЦГВИА. Ф. 38. Св. 871. Д. 5. Л., 19, 20, 22, 23, 27).*

Что касается наибов Шамиля и его окружения, то многие из них самостоятельно переходили на сторону российских властей. Например, в феврале 1854 г. к русским вышел наиб Малой Чечни Эндирей Умаев. Из опасения, что местные жители не позволят ему вывезти все имеющееся у него имущество, он договорился с российским командованием о присылке войск к селению Рошни. Только по прибытии отряда Эндирей со всем своим имуществом и 12 семьями близких родственников переселился на земли, контролируемые властями.

Еще в 1856 г. Шамиль узнал о секретных переговорах с российским командованием ближайшего своего сподвижника Кибит-Магомы. Не решившись предать его казни, как того требовал его собственный низам, Шамиль взял его под свое наблюдение в Дарго. В этом селении Кибит-Магома оставался до падения столицы имамата — Ведено. Вместе с Шамилем он прибыл в Чичали, где была начата постройка укреплений. Однако как только Шамиль оставил Кибит-Магому без своего надзора, он собрал отряд и, двинувшись в тыл имаму, захватил его обоз с имуществом, а затем перешел к русским. Вместе с Кибит-Магомой вышел к российским войскам тесть Шамиля шейх Джемалэддин и другой известный проповедник тариката Аслан-кадий Цудахарский. 2 августа 1859 г. вышел к российским войскам и наиб Исмаил, зять Шамиля. Интересно, что хотя Шамиль уже давно не доверял Кибит-Магоме, он все же относился к нему с уважением, считая его большим мусульманином, чем даже он сам. Тем не менее глубокая религиозность не помешала Кибит-Магоме поступить на

российскую службу и принять чин прапорщика (*Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 130).*

Пожалуй, самым изворотливым человеком из окружения Шамиля можно признать Даниель-бека. Еще в начале 40-х годов, будучи султаном Елисуйским и генерал-майором российской службы, он вел тайные переговоры с Шамилем, выторговывая себе выгодные условия перехода к нему. В 1844 г. он действительно перешел к Шамилю и получил от него ежегодное содержание в размере 10 тысяч рублей серебром. Свою дочь Каримат Даниель-бек выдал замуж за Гази-Мухаммеда, сына Шамиля. Долгое время являясь одним из самых приближенных к Шамилю лиц, он тем не менее оставался недовольным своим положением и вел переговоры с российским командованием уже об условиях обратного перехода.

Не слишком дальновидный, но чрезвычайно изворотливый Даниель-бек, которому елисуйское владение (всего 15 тысяч жителей) казалось слишком маленьким, всю свою деятельность посвятил созданию самостоятельного крупного ханства. Для этого он перешел к Шамилю, а когда убедился, что подозрительный Шамиль не намерен давать слишком много воли своим наибам, решил выторговать ханство у российского командования. Как уже указывалось, в 1859 г. Даниель-бек ушел от Шамиля, прихватив заодно имущество, драгоценности и деньги своего имама на сумму около миллиона рублей. Однако столь желаемого ханства он не получил и на этот раз. Российское командование не вернуло ему даже Елисуйский султанат, а направило его на постоянное поселение в Нуху с пенсией в 5 с половиной тысяч рублей в год. Через десять лет, после пленения Шамиля, Даниель-бек отправился в Турцию, где и умер в 1870 г. Чтобы дополнить моральный портрет этого сподвижника Шамиля, остается только добавить, что для того чтобы стать Елисуйским султаном, он убил своих братьев (*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. С. V).*

Сам Шамиль был, что называется, "обласкан" не только кавказским начальством, но и императором Александром II. В числе подарков, полученных им и его семьей еще до отбытия с Кавказа, Мухаммед ал-Карахи перечисляет: "...двое часов, украшенные бриллиантами... Каждые из этих двоих часов стоят по тысяче рублей по умеренной цене. Два кольца для двух замужних дочерей Шамиля... Две булавки, прикалываемые к платью на груди, украшенные также бриллиантами... Дорогая шуба для имама, стоящая у русских 2 тысячи рублей... Затем мы отправились... в крепость Темир-хан-шуру. Во время пребывания там мы ничего не видели от русских, кроме возвеличания и такого почета, что даже и рассказать невозможно". Для поселения ему был отведен приличный особняк в Калуге и назначено содержание в 20 тысяч рублей в год (*Хроника Мухаммеда Тахира Ал-Карахи о дагестанских войнах периода Шамиля. М. — Л., 1941. С. 254, 278 — 279).*

Определенный интерес представляет и судьба Мухаммед-Амина, третьего посланника Шамиля к черкесам Северо-Западного Кавказа. Происходил он из чеченцев, и Шамиль сам дал ему прозвище Амин — "верный". При этом, по воспоминаниям, записанным в Калуге Руновским, Шамиль считал Мухаммед-Амина неспособным правителем. Кроме храбрости и набожности у него (по мнению Шамиля) не было других качеств, необходимых для правителя. В 1849 г., когда в Ведено прибыли представители абадзехов с просьбой прислать им наиба, у Шамиля возникли сложности с подбором кандидатуры, потому что его доверенные лица отказывались от этого назначения. Шамиль уже собирался отказать абадзехам в их просьбе, когда выяснилось, что Мухаммед-Амин желает стать наибом у черкесов. Полагая, что Мухаммед-Амин сумеет управлять если не при помощи ума, то при помощи молитвы, Шамиль направил его на Северо-Западный Кавказ.

Впрочем, здесь Мухаммед-Амин быстро доказал, что Шамиль сильно заблуждался относительно его способностей к управлению. Его власть быстро признали не только абадзехи, но и убыхи, шапсуги, натухайцы и некоторые другие черкесские племена. В течение десяти лет он пользовался значительным авторитетом среди всех сословий черкессов. Об этом говорит то, что он путем женитьбы породнился с представителями княжеского сословия. Им были приняты меры по ослаблению гнета князей над зависимыми крестьянами. Так, в 1855 г. он выступал посредником между хамышеевскими князьями и их крестьянами, добившись того, что князья признали "...равенство своих прав с простым народом" (*Дубровин Н. Ф. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 4. Кн. 2. СПб., 1889 — 1898. С. 255).*

Политика Мухаммед-Амина на расширение прав черкесских крестьян была, скорее всего, продиктована его стремлением создать себе прочную опору среди черкесов и оттеснить от реальной власти княжескую верхушку. Естественно, что против Мухаммед-Амина сложилась группировка местной знати во главе с князем Сефер-беем Зановым, которая опиралась прежде всего на связи с турецкими властями. Однако Мухаммед-Амин проявил достаточно ловкости, чтобы самостоятельно установить отношения со

Стамбулом. Это, а также поддержка значительной части черкесов позволили ему не допустить перехода власти к противостоящей ему политической группировке Сефер-бея. Однако и сам он пользовался относительной властью.

После прекращения широких военных действий на Северо-Восточном Кавказе Мухаммед-Амин оказался в тяжелом положении и вступил в переговоры с российским командованием. 20 ноября 1859 г. он прекратил сопротивление и сдался еще до того, как получил от Шамиля письмо, в котором ему рекомендовалось прекратить войну и сдаться властям. Учитывая его добровольную сдачу и принятие им присяги, российские власти сочли возможным оставить его среди абадзехов в качестве эфенди. Вскоре, Мухаммед-Амин переселился в Турцию, сохранив за собой российскую пожизненную пенсию в размере трех тысяч рублей в год.

В Турции Мухаммед-Амин какое-то время получал еще и денежное содержание от турецкого султана, которое, впрочем, было прекращено сразу же, как только турецкое правительство узнало о его российской пенсии (*ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 396. Л. 76).* Насколько можно судить по российским архивам, Мухаммед-Амин постоянно просил дополнительных средств из казны, ссылаясь на оказанные услуги и на то, что он может быть полезен в будущем. От чиновников Российской миссии в Стамбуле ему время от времени передаются денежные суммы — то 300 рублей, то 20 тысяч пиастров, то 1500 рублей. Известно, что Мухаммед-Амин купил дом в турецком городе Бурса, а семья его какое-то время жила в Египте (*ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 396. Л. 61 об., 66, 75 об., 77).* Получая жалование, Мухаммед-Амин не забывал благодарить: "...искренно благодарю за то, что Великий Император ...прислал мне, ...от своих щедрот тысячу пятьсот рублей. Молю Бога, чтобы Он наградил Государя всяким добром и в этом мире и в будущем". В другом письме, на имя и. о. Российского посланника в Стамбуле Новикова Мухаммед-Амин писал: "...имею сильное желание служить Ему (Государю) и телом и сердцем, в особенности в деле усмирения черкесов и в приведении их к покорности великому Государю, чтобы он остался доволен мною" (*ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 396. Л. 77., Смиронв Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 131).*

Надо сказать, что чиновники Российской миссии в Стамбуле давали Мухаммед-Амину не слишком лестную оценку, но всегда подчеркивали, что его полезнее иметь на стороне России, чем в числе ее врагов: "Вашему Высочеству благоугодно будет усмотреть из многочисленных моих донесений, что наиб Магомед Эмин вызывается служить нам в деле условного усмирения абадзехов. Несмотря на уверения наиба, я нисколько не могу поручиться за непоколебимую его верность России. Жадный к деньгам и честолюбивый, он удерживается в зависимости от нас преимущественно получаемой им от Государя Императора пенсией и надеждою быть призванным к более деятельной роли посредника между нашим Правительством и своими соотечественниками. До сих пор он оказывал миссии положительныя услуги, доставляя разныя сведения и парализуя действия противной нам партии личным своим влиянием. Если верить брату его, то ему угрожали даже убийством. Но если бы в данный момент турецкое правительство решилось употребить его своим оружием, предложив ему высшую против нас пенсию, едвали бы он устоял против искушения" (*ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 396. Л. 87, 87об).*

Таким образом, при ближайшем рассмотрении тускнеет ореол отдельных "героев" Кавказской войны. Те, кто посылал людей на смерть во имя свободы и независиости, затем спокойно жили за счет жалования вчерашних врагов. Но было бы неверным говорить, что Кавказская война вообще не имела героев. Они были, и "имя им — легион". Неизменным остается подвиг народа, который десятилетиями нес тяготы войны, жертвуя всем и отдавая лучших своих сыновей в борьбе против колониальной политики Российской империи. Именно народ сумел возродить Чечню из пепла, оставленного на месте селений карательными экспедициями. Именно народ и дальше переносил все новые и новые страдания, которые выпадали на его долю. И так вплоть до наших дней.

Глава VIII

ИМАМАТ НОВОГО УЧЕНИЯ

Шейх Кунта-Хаджи вошел в историю Чечни как религиозный деятель, призвавший к миру в то время, когда еще не закончилась Кавказская война. В условиях имамата Шамиля нужно было обладать немалым мужеством и чувством подлинной гражданственности, чтобы выступить против официального курса на священную войну против неверных. В этом, наверное, и заключается главное в деятельности шейха Кунта-Хаджи — в стране, где все известные люди говорили о войне как о главной обязанности мусульманина, — он первый в полный голос заговорил о мире для всех. Трагичность судьбы Кунта-Хаджи не только в ее внешних обстоятельствах (арест, ссылка), но и в том, что его поучения не предотвратили все новых кровопролитий, а религиозное братство, созданное им для дела мира, оказалось идеальной "крышей" для тех, кто мечтал о продолжении вооруженной борьбы. Тем не менее его влияние на историческую судьбу чеченцев и ингушей трудно переоценить. Даже его имя, в силу исключительной святости Кунта-Хаджи, оказалось табуированным — обычно его называют "шейх из Иласхан-Юрта", "сын Киши", "Мубарик-Хаджи", а то и просто "Хаджи". И сегодня более половины чеченцев и ингушей называют Кунта-Хаджи своим устазом. Чеченская традиция считает его первым и старшим среди устазов, якобы единственным, кто имеет право ходатайствовать перед Всевышним за своих последователей. Кроме того, целый ряд вирдовых братств среди чеченцев и ингушей основаны его векилами — Баматгири-Хаджи Митаевым, Чим-Мирзой Таумирзаевым, Батал-Хаджи Белхороевым.

Несмотря на то, что конечные результаты проповеднической деятельности шейха Кунта-Хаджи оказались столь впечатляющими, осталось сравнительно немного достоверных сведений о его жизни и деятельности. Родился он приблизительно в 1830 г., поскольку из полицейского досье на него следует, что в 1865 г. его возраст был 35 лет *(В. Х. Акаев. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 66)*. Очевидно, другой исследователь Я. З. Ахмадов пользовался непроверенными сведениями от информаторов, поскольку пишет, что Кунта-Хаджи родился в самом начале XIX в. Легендой надо признать и то, что азы суфизма Кунта-Хаджи освоил в 30-х годах прошлого века от одного из видных наибов Шамиля и шейха накшбандийского тариката Ташу-Хаджи. Под сомнением и его знакомство с другим накшбандийским шейхом — Умалат-Хаджи. Маловероятно также, хотя и нельзя этого полностью исключить, что женой Кунта-Хаджи была дочь Бейбулата Таймиева *(Ахмадов Я. З. Сын Киши // Республика. 1991. 11 июля)*. Бейбулат, как известно, погиб в 1831 г., будучи уже пожилым человеком. Вряд ли в это время у него были малолетние дети и, следовательно, даже самая младшая дочь Бейбулата должна была быть намного старше Кунта-Хаджи, родившегося приблизительно в 1830 г.

Местом рождения Кунта-Хаджи считается селение Мелчи-Хи (Исти-Су). Отца его звали Киши, а мать — Хеди. Народная традиция утверждает, что еще до рождения Кунта-Хаджи были необычайные приметы. Так, существует предание, что Кунта-Хаджи явился своей матери еще до рождения. Хеди (уже ожидавшая ребенка) одна возвращалась домой, когда ее тяжело груженная дровами арба застряла в лесной чащобе. Наступала ночь, и женщине, окончательно заплутавшей в лесу, грозила гибель. Отчаявшись, Хеди взмолилась Всевышнему с просьбой послать ей спасителя, и тогда перед ней появился неизвестный старец, который благополучно вывел ее из леса. Возле самого села старик так же таинственно исчез. Потрясенная Хеди никому не рассказывала об этом случае, но много лет спустя Кунта-Хаджи напомнил ей этот эпизод, пояснив, что он сам явился ей на помощь в образе почтенного старца.

Родители Кунта-Хаджи переселились в селение Иласхан-Юрт, когда ему исполнилось примерно семь лет. Традиция утверждает, что уже в детском возрасте Кунта-Хаджи удивлял взрослых умом, способностью угадывать мысли других и предсказывать события. В десятилетнем возрасте он в первый раз исполнил зикр, совершенно до этого не известный в Чечне *(Тутуев В. Вовшашка хьовса... // Даймохк. 1991. 17 июля)*. Вероятно, при сельской мечети Кунта-Хаджи обучался арабской грамоте и изучал Коран, тем более что он рос в религиозной семье. Он хорошо владел арабским языком и письменностью — известно, что он писал письма на родину будучи в хадже (приблизительно 1859-1861 гг.), а также из ссылки. В. Х. Акаев высказал предположение, что первый хадж Кунта-Хаджи совершил вместе с отцом еще в 1848-1849 гг *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 30)*. Если это предположение верно, то не исключено, что именно тогда, в возрасте 18-19 лет, религиозный юноша мог впервые познакомиться с учением кадырийского тариката, активным проповедником которого он стал несколько позже. Впрочем, в глазах российских дореволюционных исследователей получить оборазование при сельской мечети, означало не иметь никакого образования. Именно поэтому, например, А. Ипполитов писал: "Он (Кунта-Хаджи) не получил никакого образования и, говорят, не умел даже и читать коран" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 2)*.

По некоторым источникам, распространение зикризма в Чечне началось еще в 40-х годах XIX в *(ИслаМ., М., 1988. С. 134)*. Все дореволюционные исследователи, писавшие о Кунта-Хаджи (А. Ипполитов, Г. Вертепов) относили начало первых проповедей нового тариката ко времени совершения Кунта-Хаджи паломничества к святым местам ислама, откуда он писал письма на родину. Хотя сведения о попытках более ранней проповеди имеются и у них. Например, у Г. Вертепова читаем: "Кунта-Хаджи не выделялся из общей массы чеченцев какими-либо особенными достоинствами и поэтому не мог быстро выдвинуть свое учение зикр...; но испытанная честность, строгая нравственность и редкое трудолюбие Кунта-Хаджи заставляли чеченцев смотреть на него, как на человека необыкновенного, и многие с интересом прислушивались к чтению его писем из Мекки, куда он отправился на поклонение святыням в 1859 г. В этих письмах Кунта-Хаджи проповедовал молитву (зикр-уллахь), милосердие к бедным, любовь к ближним, необходимость труда и воздержание от спиртных напитков и курения табаку. Миролюбивый характер проповедей Кунта-Хаджи очень не нравился Шамилю, который запретил Кунте, еще до путешествия его в Мекку, открыто проповедовать свое учение и преследовал зикристов. Пение, пляска и неистовства во время молитвенных собраний зикристов были противны, по мнению Шамиля, духу мусульманской религии, но помимо этого имам, вероятно, боялся влияния Кунты на народ, которое могло помешать его замыслам и кровавому учению газавата" *(Вертепов В. А. Сектанство в Чечне // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 78)*.

Аналогичного мнения придерживался и А. Ипполитов: "Проповеди свои начал он еще при Шамиле; но и тогда, как и в последнее время, обряды этого учения сопровождались изступленною пляскою, пением и криками, а потому Шамиль, нашедши его противным религии, немедленно прекратил сборы зикристов и строго воспретил Кунте его проповеди. С точки зрения мусульманского духовенства, Шамиль был совершенно прав, так как обряды учения зикра, по толкованию большинства мулл, противоречили духу религии. Между тем, цель его в этом случае была, как кажется, и другая, более личная: он хотел сохранить, во всей его чистоте, учение газавата, им самим проповедуемое и с помощью которого он стал во главе народа; притом же он боялся того влияния, которое проповедники, подобные Кунта-Хаджи, всегда имеют на народ. Влияние — это нравственная сила, власть, а власти, кроме своей собственной, Шамиль не терпел никакой" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргун-*

ском округе // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 2- 3).

Противостояние зикризма и официального духовенства зафиксировано и Н. С. Иваненковым: "Кунта-Хаджи говорил, что только ему дана воля от Бога через ангелов учить народ, а не муллам. Он учил делать добрыя и хорошия дела; так например: не убивать, не воровать, помогать друг другу и бедным, не жить с чужой женщиной, любить свое ученье (устаз), за сделанное зло не отвечать злом, и проч. Муллы возмутились, будто бы, против Кунта-Хаджи, говоря, что он сбивает с толку народ" *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. Владикавказ, 1910. С. 137 — 138*).

Вообще, эпизод об отношениях между Шамилем и Кунта-Хаджи достаточно интересен. Как видим, дореволюционные авторы явно противопоставляют Кунта-Хаджи и его учение Шамилю и газавату, подчеркивая мирный характер зикризма. О том, что Шамиль запретил исполнение зикра по причине несовместимости его с учением газавата, пишет и А. Д. Яндаров: "...зикризм с его проповедью непротивления и смирения подрывал усилия Шамиля и его имамата" *(Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 141 — 142*). Большой знаток чеченской истории А. Айдамиров писал о взаимоотношениях Шамиля и Кунта-Хаджи: "Многолетняя война и деспотическая власть Шамиля и его наибов довели горцев до нищеты, почти до физического истребления. Народ устал. А Шамиль, его наибы и духовенство постоянно призывали к газавату, обещая людям счастье в ином мире. Народ же мечтал о мире и спокойствии.

Именно в этот момент снова появился проповедник Кунта-Хаджи, изгнанный с свое время Шамилем. И вновь начал он распространять в Чечне ученье кадыри.

Кунта-Хаджи выступал против всякой войны и насилия, против кровной мести, призывал к нравственному совершенству, единству, братству, к полной покорности властям и терпению, запрещал курение и употребление хмельных напитков. Он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войны и кровопролитий, их может дать лишь всемогущий Аллах, а потому следует положиться во всем на Всевышнего.

— Не слушайте самозванных шейхов и имамов, призывающих вас к войне, — говорил он, — не проливайте людской крови. Не поднимайте оружие против русского царя: он действует по воле Аллаха. Если вам велят носить крест — носите его. Ведь это лишь металл. Если вам прикажут посещать церковь — идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка, а все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры затребуют для развлечения ваших женщин... Имам стал всячески притеснять Кунту-Хаджи и, наконец, в 1859 г. тот вынужден был отправиться в Мекку" *(Айдамиров А. Долгие ночи. М., 1996. С.16 — 17*).

Современная же чеченская устная традиция приписывает взаимоотношениям Шамиля и Кунта-Хаджи совершенно иной характер, причем существует целый ряд преданий, существенно отличающихся в деталях. Согласно устным преданиям, Шамиль, узнав о проповедях Кунта-Хаджи, потребовал от него явиться в Ведено на публичный диспут с учеными богословами. Все предания сходятся на том, что Кунта-Хаджи прибыл в Ведено. Начиная с этого момента, появляются различные версии дальнейших событий. Согласно одной из них, Кунта-Хаджи в присутствии Шамиля легко ответил на самые сложные вопросы ученых алимов и в свою очередь задал им ряд вопросов, на которые никто не смог дать правильного ответа. Тогда Шамиль, убедившись, что перед ним подлинный шейх, предложил Кунта-Хаджи совершить хадж в Мекку для обретения еще большей святости. Согласно другой версии, Шамиль после экзамена в Ведено разрешил Кунта-Хаджи проповедовать среди народа. И наконец, существует третья версия, согласно которой Кунта-Хаджи прибыл в Ведено в сопровождении группы мюридов, которые громко исполняли зикр. Когда они приблизились к тому месту, где находился Шамиль, имам не выдержал и сам вступил в круг зикристов и не выходил из него до полного завершения обряда. Не приходится сомневаться, что возникновение указанных преданий относится ко времени более позднему, во всяком случае, уже после удаления с Кавказа самого Кунта-Хаджи, когда российские власти предприняли энергичные меры по запрещению братства зикристов. Именно тогда возникла потребность "помирить" грозного имама Чечни и Дагестана с проповедником абсолютного ненасилия Кунта-Хаджи.

Проповеди Кунта-Хаджи находили отклик среди чеченцев, измученных длительной войной. Можно даже сказать, что это учение должно было возникнуть, чтобы спасти народ от истребления. Согласно чеченской устной традиции учение зикра было ниспослано Кунта-Хаджи в виде божественного дара. Существует предание, рассказывающее что, во время паломничества в Мекку, Кунта-Хаджи после длительного перехода очутился в пустыне. Здесь на пути

ему встретился глубокий колодец. Когда Кунта-Хаджи приблизился к нему, он услышал голос свыше: "Кто верует и хочет познать меня, тот должен спуститься в этот колодец". Не задумываясь, Кунта-Хаджи спустился под землю и здесь наткнулся на ослепительно сверкавший драгоценный камень с надписью, сообщавшей, что владелец камня будет обладать властью над всем миром. Кунта-Хаджи не только не взял этот камень, но и постарался поскорее отойти от него. Продолжая блуждать по дну колодца, он вскоре обнаружил еще один драгоценный камень, испускавший лучи, подобно солнечным. На втором камне также имелась надпись, сообщавшая, что его владелец будет обладать властью над вечностью, загробным миром (Эхартан да — владыка загробного мира.)

Взяв в руки второй камень Кунта-Хаджи начал подниматься наверх, когда его со всех сторон окружили страшные чудовища. Он уже готовил себя к неминуемой гибели, когда Аллах внушил ему громкий зикр. Услышав его чудовища, расступились, освобождая дорогу. Повторяя слова "Ла-иллаха-ил-аллах", Кунта-Хаджи устремился наверх, но чудовища продолжали преследовать его. Именно в этот момент Аллах внушил Кунта-Хаджи слово "Уллиалах", ритмично повторяя которое, он сумел избавиться от преследования и вернулся на поверхность земли *(Муста-финов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный, 1975. С. 18 — 19)*.

Таким образом, обретение зикра представляется последователям Кунта-Хаджи Божьим даром, ниспосланным для спасения и обретения счастья в загробном мире. Особый интерес представляет то обстоятельство, что согласно данному преданию Кунта-Хаджи обрел божественный дар во время хаджа, т. е. новое учение окончательно выкристаллизовалось после 1859 г.

Известно, что в предыдущую эпоху на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, получил широкое распространение суфизм, а именно его накшбандийский тарикат. Истоки учения суфиев относятся еще к эпохе Пророка Мухаммеда, хотя оформляться в виде учения со своими школами и канонами суфизм начал в конце VIII в. На протяжении довольно длительного времени суфизм рассматривался ортодоксальным духовенством как учение если и не еретическое, то все же сомнительное, пока выдающийся богослов Абу Хамид ал-Газали (получивший, кстати, титул "возродителя и обновителя ислама") не доказал в своих трудах ценность морально-этических норм и способов глубокого осознания веры, выработанных суфиями. Кроме того, ал-Газали признал правомочность с точки зрения исламской религии таких ключевых элементов суфийской практики, как исполнение зикра, уединение, очищение души от суетных желаний и т. п. Он писал: "Если сердце станет чистым, то, может быть, ему предстанет Истина в наблюдаемой форме, если человек спит, или, если он бодрствует, — в рифмованном слоге (произносимом тайным голосом), слышание которого поражает. Это одна из сорока шести частей пророчества. ...В подобном же состоянии чистоты узнаются сокровенные мысли в сердцах. Это узнавание выражается в рассматривании. Поэтому Пророк, да пребудет на нем благословение и благодать Аллаха, сказал: "Берегись проницательности верящего, ведь он зрит при свете Господнем" *(Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере. М., 1980. С. 108 — 109)*.

С середины XII в. начинают складываться суфийские братства, внешне напоминавшие христианские монашеские ордена, но не имевшие строгой организации и централизованного управления. Одним из первых таких суфийских братств, возникших в XII в. в Багдаде, было братство кадырийа (кадырийский тарикат). Основателем этого тариката (истоки которого, как и всех других тарикатов, уходят непосредственно к Пророку Мухаммеду) был суфийский шейх Абд ал-Кадир ал-Гилани (ал-Джилани) (1077 — 1166 гг.). Кстати, некоторые исследователи подвергают сомнению принадлежность Абд ал-Кадира ал-Гилани к суфиям. Как бы то ни было, а именно он стал основателем кадырийского тариката. В основу тариката кадырийа был положен громкий зикр джахрия. К этому времени организовались и другие братства дервишей джахрия: йасавийа (ясавиа) — основатель Хаджи-Ахмед Ясави; руфиайа — основатель Сеид-Ахмед-Абу-ль-Аббас Руфаи. Помимо громкого зикра джахрия существует еще тихий зикр — хуфия. При этом часть суфийских теоретиков, например шейх Джунейд ал-Багдади, отдавали предпочтение тихому зикру, указывая, что громкий зикр таит в себе опасность для самих его исполнителей — находясь в возбужденном состоянии, они могут принять обманчивые видения за подлинное откровение. Окончательное размежевание между последователями громкого и тихого зикра произошло в XIV в., с возникновением накшбандийского тариката. Его главным теоретиком и основателем, как уже указывалось, считается шейх Мухаммед Бахауддин Накшбанди (1318 — 1389 гг.). Тихий (или тайный) зикр хуфия стал основным положением накшбандийского тариката, получившего широкое распространение на Северном Кавказе раньше, чем сюда пришел кадырийский тарикат.

Довольно долгое время кадырийский тарикат развивался на территории Ирака, и лишь с XV в. начинается его распространение в ряде соседних государств. В XVI в. последователи кадырийского тариката появляются в Турции, — известно что, в Стамбуле имеется значительное число их обителей.

Между прочим, как дореволюционные российские, так и европейские исследователи часто ошибались в определении принадлежности учения Кунта-Хаджи. Так, А. Ипполитов относил Кунта-Хаджи и его последователей к тарикату руфиайа. Он писал: "...сравнивши учение их с учением зикра, для всякого, сколько нибудь знакомого с этим последним, будет очевидно, что оба они совершенно тождественны. Учение дервишей руфайясов перешло к горцам не только искаженное и неполное, хотя в главных чертах обрядов наружных зикр чеченцев и это учение почти одинаковы" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 10)*.

Вслед за А. Ипполитовым такого же мнения придерживался Г. Вертепов: "Учение зикристов есть ничто иное, как видоизмененное учение одного из турецких мусульманских духовных орденов, а именно руфайясов... По исследованиям ориенталиста Мараджи д'Оссона, всех духовных орденов в мусульманском мире Турции насчитывается 32" *(Вертепов В. А. Сектанство в Чечне // Записки Терского Общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 77)*.

Что касается зарубежных исследователей, то Дж. Тримингэм, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькеже утверждали, что зикризм представляет собой местное развитие накшбандийского тариката *(Тримингэм Дж. Суфийские ордены в исламе. М., 1989. С. 253)*.

То, что зикристов Кунта-Хаджи приняли за последователей тариката руфайа, простительная ошибка для людей, близко не знакомых с этими тарикатами. В них действительно много общего, тем более что основатель тариката руфайа — Сеид-Ахмед-Абу-ль-Аббас Руфаи был племянником Абд ал-Кадира ал-Гилани.

Могила Абд ал-Кадира ал-Гилани, над которой возведена мечеть, вскоре после его смерти стала местом поклонения его многочисленных последователей. Не исключено, что Кунта-Хаджи во время своего паломничества в Мекку мог посетить могилу святого. Во всяком случае, среди последователей самого Кунта-Хаджи такое предание имеется. Большинство исследователей сходятся на том, что Кунта-Хаджи познакомился с кадырийском тарикатом на территории Турции или в самой Мекке. И там и здесь было немало последователей этого учения. Во всяком случае, один из наиболее глубоких исследователей кавказского суфизма А. Д. Яндаров считал, что Кунта-Хаджи мог познакомиться с кадырийским тарикатом практически в любой мусульманской стране, через которую проходил путь в Мекку *(Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 106)*.

Основные положения, содержащиеся в проповедях Кунта-Хаджи, сегодня известны в основном благодаря устным традициям. Что касается письменного изложения им основ своего учения, то известно, что еще до своего ареста Кунта-Хаджи продиктовал их своему векилю (а заодно и секретарю) Абдусаламу Тутгиреву из Алхан-Юрта. О том, что такой текст действительно существовал, пишет А. Д. Яндаров *(Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 141)*. К сожалению, этот текст, который до сих пор существует в рукописных вариантах, так и остается неопубликованным. Главная причина в том, что лица, владеющие им, отказываются предоставить его для копирования или издания.

В дореволюционном Дагестане в частных типографиях на арабской графике издавалось довольно значительное количество религиозной литературы, в том числе был издан и трактат "Тарджамат макалати", приписываемый Кунта-Хаджи. Не исключено, что в основу этого издания лег текст, записанный в свое время Абдусаламу Тутгиреевым. Сравнительно недавно В. Х. Акаевым была предпринята попытка ввести в научный оборот сведения, содержащиеся в указанном издании. Правда, это не может ни в коей мере заменить публикацию самого первоисточника.

"Тарджамат макалати" содержит требования, исполнение которых является обязательным для каждого последователя Кунта-Хаджи. Это следующие требования:

1. Мюрид со своим шейхом должен иметь неразрывную связь.

2. Сердце мюрида должно быть свободно от зависти.

3. В своем присутствии мюрид не допускает осуждения людей, поскольку это страшный грех.

4. Мюрид обязан относиться к людям уважительно.

5. Мюрид не должен допускать злословие на брата-мусульманина. Если же это при нем происходит, то должен немедленно опровергнуть наговор.

6. В обязанности мюрида кунта-хаджинца входит почитание любого другого устаза, как своего, если

даже тот находится во вражде с его устазом. Устаз является посредником между мюридом и богом. Условие приближения к богу — строгое соблюдение всех установлений зикризма, следование за своим устазом. Устаз является ответчиком перед Аллахом за образцовое поведение своего мюрида *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 51)*.

Эти правила вполне отвечают духу требований к мюридам, изложенным в работах, например, накшбандийских тарикатистов: "Начну с качеств истинного мюрида, и хотя их неисчислимое множество, но я ограничусь здесь указанием самых главных из них... Их восемь:

1) Мюрид должен быть постоянно и всегда занят молитвами и служением своему Господу, Творцу: ... 2) Он должен стараться заменить свои дурныя и низкия наклонности и привычки похвальными и хорошими; очистить свое тело от осквернения грехами и сердце от вражды, ненависти к ближнему и пр., а главное — заняться тем, чтобы обновить свое нравственное существо. 3) Он должен обратиться всеми мыслями к Богу, с полным раскаянием во всех грехах, ибо грех заграждает совершителю оного путь к блаженствам будущего света... 4) Он должен отказаться от всего, что соблазняет человека на свете, как то: богатства, величия и пр. ... 5) Он должен во всех своих делах уповать на Бога, с полною верой в него... 6) Он должен освободить себя от подчинения телесным потребностям и желаниям, кроме самых необходимых для существования человека... 7) Он должен постоянно вспоминать всевышнего Бога... 8) Он должен поставлять себя ниже всякой Божьей твари, так, чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными" *(Магомедханов М., Истинные и ложные последователи тариката // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1870. С. 5 — 6)*.

Согласно учению Кунта-Хаджи (и в этом он полностью следует канонам суфизма) только через чистую и возвышенную любовь к Богу человек может достичь истинного спасения. Чувству любви к Богу суфии придавали огромное значение: "Главное условие... высокого тариката составляет любовь...", — писал Джемалэддин Казикумухский. Он же далее пояснял, что любовь к Богу идет через любовь к своему шейху, устазу: "Для мюрида необходимо любить своего шейха, который делается посредником между ним и Богом, для созерцания Его. Потому, что шейх есть зеркало, в котором отражается истина и лице Божии. Когда мюрид полюбит своего шейха, тогда в нем являются означенные качества и он сам начинает созерцать Господа Бога, без посредничества шейха, и делается совершенно как шейх, во всех его качествах. Одним словом, мюрид приближается к шейху сообразно степени любви, и этой любви достаточно для достижения к Богу" *(Адабуль-Марзия (Правила достодолжных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 16 — 17)*.

Кунта-Хаджи также придает исключительное значение и исключительные возможности устазу. Истинный шейх-устаз обладает необычайной духовной силой. Он учил, что устаз незримо приходит к смертному одру каждого своего мюрида. Даже если одновременно умирают две тысячи его мюридов, устаз успеет побывать возле каждого из них. Именно устаз помогает умирающему дать ответы на вопросы ангелов, и пока устаз не побывает возле умирающего мюрида, ангел смерти не может забрать его душу. Устная традиция приписывает самому Кунта-Хаджи необычайные способности. "Ему приписывались народом дар творить чудеса, исцелять больных, способность переноситься с одного места на другое и присутствовать невидимо в храме Мекки, ежедневно, во время пяти канонических часов дня" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 4)*.

Но, как учил Кунта-Хаджи, хорошее отношение мюрида к окружающим его людям, доброта, чистосердечие, прощение обид и т. д. так же совершенно необходимы для того, кто желает приблизиться к Богу. "Если мюрид хочет знать, насколько он близок к богу, пророку и устазу, то пусть послушает свое сердце, если оно поражено идеями вождизма и мюрид добивается власти, то пусть знает, что он далек от бога, пророка и устаза... Если сердце мюрида ноет, наполнено жалостью, состраданием к людям и оно лишено неприязни к тем, кто выше его, то пусть знает, что он близок к богу, пророку и устазу" *(цит. по: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 52)*. Кунта-Хаджи в своих проповедях постоянно подчеркивал, что истинный раб Божий только тот, кто очищает свое сердце от гнева, прощает обиды и молится за тех, кто злословит.

При этом внешней атрибутике, одежде придается второстепенное значение. Известно, что когда один из верующих спросил у Кунта-Хаджи, дозволяется ли надевать чалму, проповедник посоветовал прежде всего очиститься от грехов. Ношение чалмы не принесет человеку никакой пользы, если делается это без внутреннего очищения. Если в сердце мюрида свили гнездо высокомерие, корыстолюбие, гордыня, пре-

небрежение к людям, — то этот мюрид лишается поддержки и помощи своего устаза. Истинный мюрид должен признавать превосходство не только старшего по возрасту, но и младшего, поскольку младший, быть может, имеет меньше грехов. Мюрид не должен делить людей на высших и низших, поскольку все они равны перед Создателем. Тяжким грехом Кунта-Хаджи считал избивать и подвергать ругани скотину, забредшую на чужой участок.

Кунта-Хаджи считал также, что углубленное знание исламской теологии не является обязательным условием для того, чтобы стать шейхом. При этом он ссылался на пример Пророка Мухаммеда, который не знал грамоты, но именно через него был ниспослан Коран. Он же установил шариат и определил тарикат. Пророк Мухаммед, согласно учению Кунта-Хаджи, может непосредственно передать святость и знание тариката избранному. Здесь у него имеется определенное расхождение с остальными суфийскими шейхами, считавшими, что знание тариката может передаваться лишь непосредственно от шейха к мюриду в процессе длительного обучения. "Знай, что сообщество с шейхами во всех высоких тарикатах есть самостоятельное средство для достижения до высшей степени. Потому, что достижение до созерцания Творца во всех путях зависит от сообщества с совершенными шейхами и от наставлений достигших до Бога учителей" *(Адабуль-Марзия (Правила достодолжных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 20)*. У Кунта-Хаджи, как известно, шейха-наставника не было.

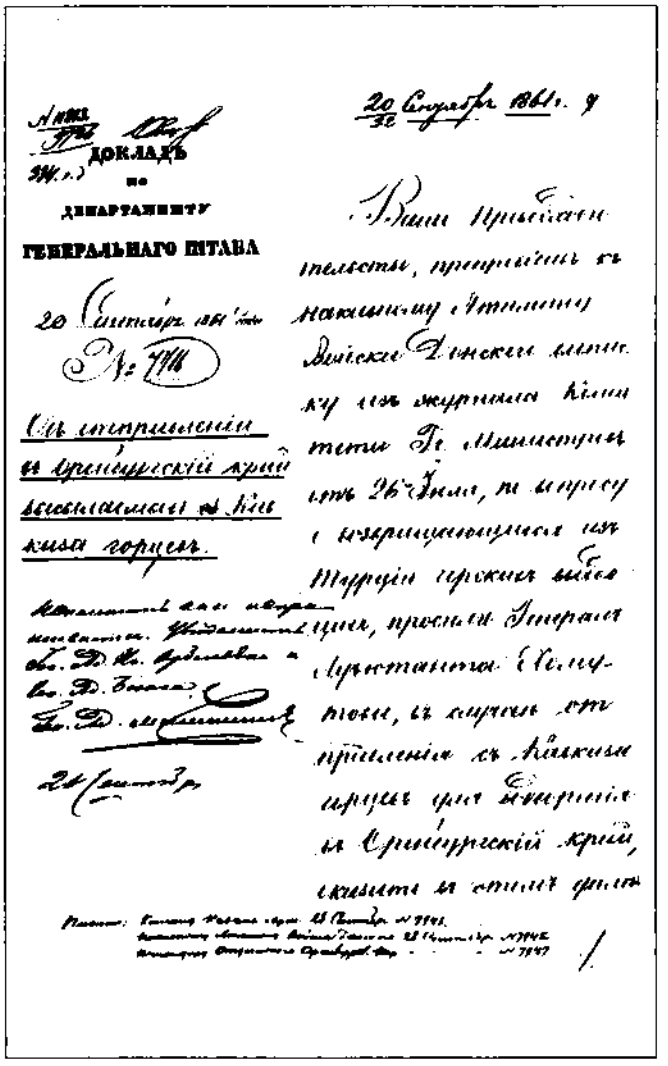
Кунта-Хаджи учил, что существует два пути познания Божественной Истины. Один из них — это изучение и осмысление Корана, Сунны, хадисов и другой религиозной литературы. Это путь рационального познания Бога. Но есть и другой путь — путь тариката, когда познание достигает через чувство. Это познание имеет тайный, мистический характер. Связующая нить между этими двумя способами познания Бога — вера. В этом плане характерно следующее высказывание Кунта-Хаджи: "Если кто-то заявляет, что он видит души тех, кто в аду, тот бесспорно невежда, но, если кто-то скажет, что скрытое познание возможно "глазами сердца", прошел семь ступеней испытания, имеет устаза, то он прав и настоящий мусульманин" *(цит. по: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 56)*.

Иллюстрацией к этой части учения Кунта-Хаджи может служить широко известное предание о случае, который произошел между устазом и муллой селения Автуры. Последний был известен как ученый богослов — алим. Услышав о появлении нового проповедника, мулла якобы в присутствии верующих поклялся, что, основываясь на знаниях, полученных из книг, он докажет, что Кунта-Хаджи на самом деле не является подлинным устазом. Слова автуринского муллы были переданы Кунта-Хаджи одним из его мюридов. Кунта-Хаджи успокоил взволнованных последователей, объявив, что посредством внушенного ему свыше тайного знания он заставит муллу признать свою неправоту и раскаяться. Совершив вечерний намаз, Кунта-Хаджи объявил во всеуслышание, что сегодня ночью автуринскому мулле приснятся странные сны, смысл которых он не сможет разгадать самостоятельно. Посреди ночи, совершив очередной намаз, Кунта-Хаджи отправился в Автуры к дому муллы, которого он застал за учеными книгами. Как и предсказывал Кунта-Хаджи, мулла был крайне встревожен сновидением, смысл которого он тщетно пытался разгадать при помощи разного рода религиозных текстов.

Кунта-Хаджи сам пересказал мулле его сон, а именно: мулле приснился гигантский столб белого сияния, поднявшийся от земли до неба. От столба во все стороны исходили лучи света, при которых была видна огромная чинара в Иласхан-Юрте, а в нижних ветвях дерева — мальчик, лицезревший мир. Пораженный тем, что Кунта-Хаджи знает его сон, автуринский мулла попросил растолковать ему смысл этого видения. Тогда Кунта-Хаджи пояснил, что сияющий столб света — это тарикат, спущенный с неба для спасения верующих; лучи света, исходящие во все стороны, символизируют распространение тариката по всей земле; огромная чинара в Иласхан-Юрте есть не что иное, как учение, ниспосланное Аллахом Кунта-Хаджи, а мальчик — это сам Кунта-Хаджи, распространяющий тарикат. Предание завершается тем, что автуринский мулла раскаялся в своих необдуманных словах и признал Кунта-Хаджи подлинным устазом.

Еще одно предание рассказывает о теологическом споре между Кунта-Хаджи и известным в Чечне алимом Гойсумом. Спор происходил на поле, и пока Гайсум излагал свои аргументы, основанные на книжном знании, Кунта-Хаджи наклонился к едва проросшему кукурузному стеблю и произнес молитву. На глазах у потрясенного Гайсума стебель увеличился и на нем появились два созревших початка. Сорвав эти початки, Кунта-Хаджи передал их Гайсуму, чтобы тот угостил ими своих детей.

Кунта-Хаджи часто повторял, что нельзя следовать заповедям Пророка Мухаммеда и искать земных благ одновременно. Поэтому тот, кто желает достичь

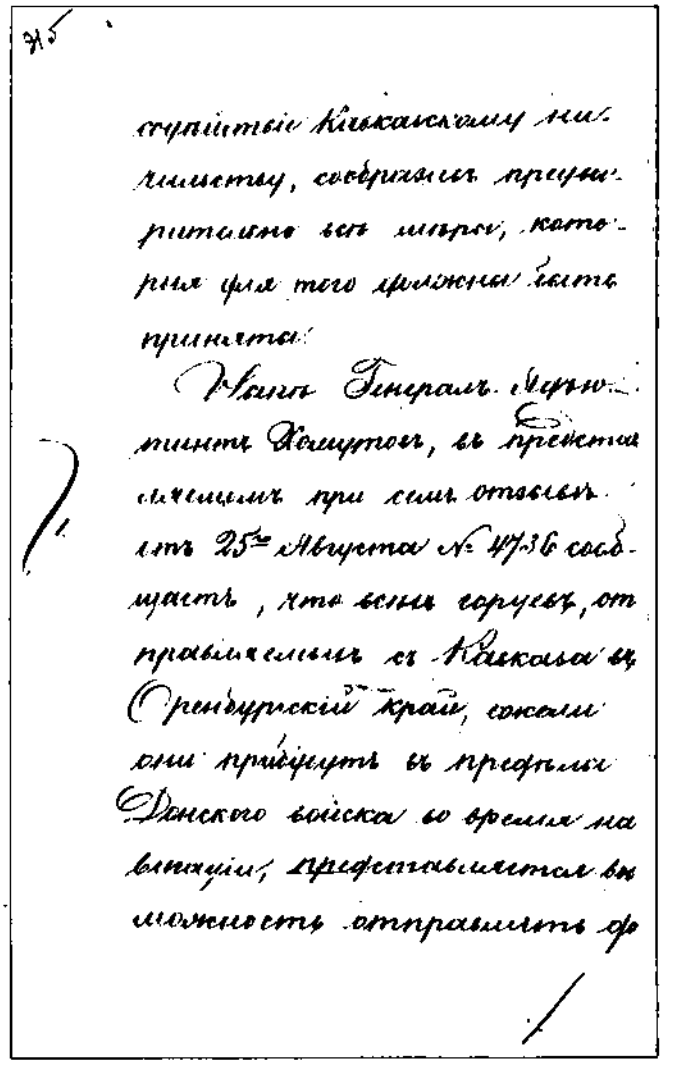
ДОКЛАДЪ
по
ДЕПАРТАМЕНТУ
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

20 Сентября 1861 г.
№ 7116

О направленіи въ Оренбургскій край выселяемыхъ изъ Кавказа горцевъ.

20/32 Сентября 1861 г.

Ваше Превосходительство, препровождая къ всеподданнѣйшему докладу Вашему Высокопревосходительству копію съ журнала Комитета Г. Министровъ отъ 26 Іюня, по вопросу о направленіи изъ Турціи горскихъ выходцевъ, просимъ Вашего Превосходительства сообщить, къ какому времени и какимъ путемъ предполагается доставить горцевъ для водворенія въ Оренбургскій край, сколько изъ этихъ

215

сношеніи Кавказскому Комитету, собравшись предписаніе всѣ мѣры, которыя для того должны быть приняты.

Ваше Генералъ-Адъютантъ Барятинскій Высокопревосходительство, въ предметахъ отношеніи отъ 25-го Августа № 4736 сообщаетъ, что всѣхъ горцевъ, отправляемыхъ изъ Кавказа въ Оренбургскій край, сколько ихъ прибудетъ въ предѣлы Донского войска во время ихъ слѣдованія, предоставляется въ возможности отправить ф

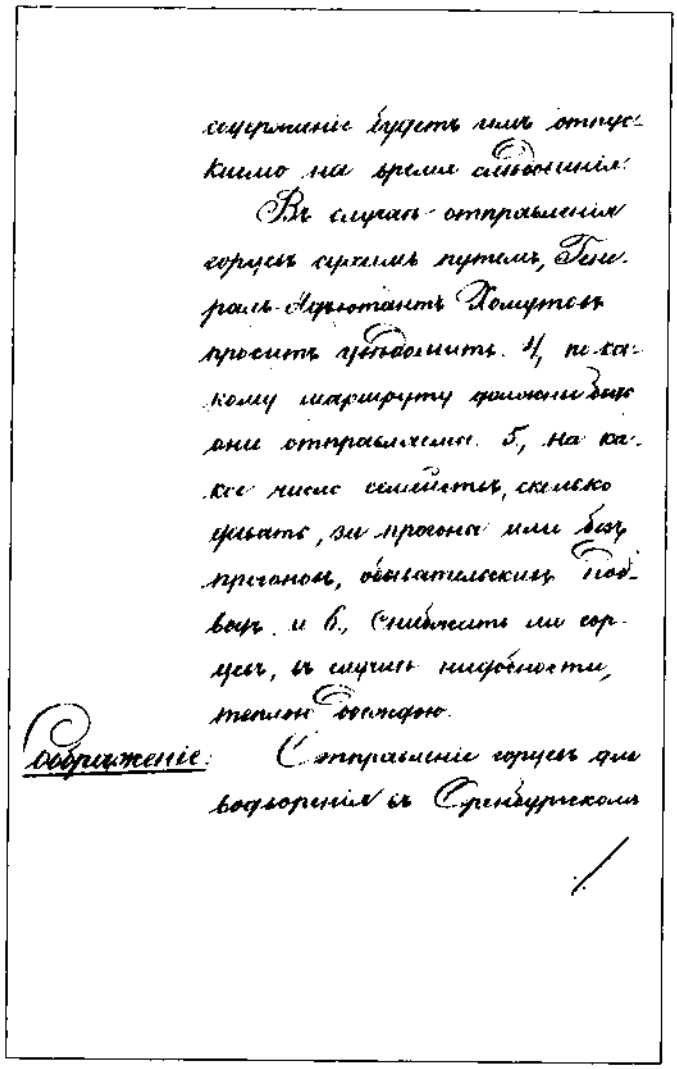
Доклад Департамента Генерального Штаба России о переселении кавказских мусульман в Турцию и депортации горцев в Оренбургский край (1861 г. Санкт-Петербург)

Самарой всякой, на пароходах
дымающих рейсы по Дону
отъ Ростова до Калачевской
пристани; за тѣмъ, по пе-
реходѣ отъ этого пункта
до Царицына сими пути,
снова водою по Камарѣ на
пароходахъ одной изъ Волж-
скихъ компаній. Но ежели
грузы будутъ присылаемы на
Донъ въ зимнее время, по
прекращеніи ранее навигаціи,
то Генералъ Мародеръ Ко-
мутъ полагаетъ необходи-
мымъ имѣть въ виду мар-
шруты для ихъ слѣдованія

1

и разрѣшеніе, какое содержа-
ніе должно быть отпускаемо
гребцамъ во время пути и ка-
кое число подводъ имъ назна-
чено.

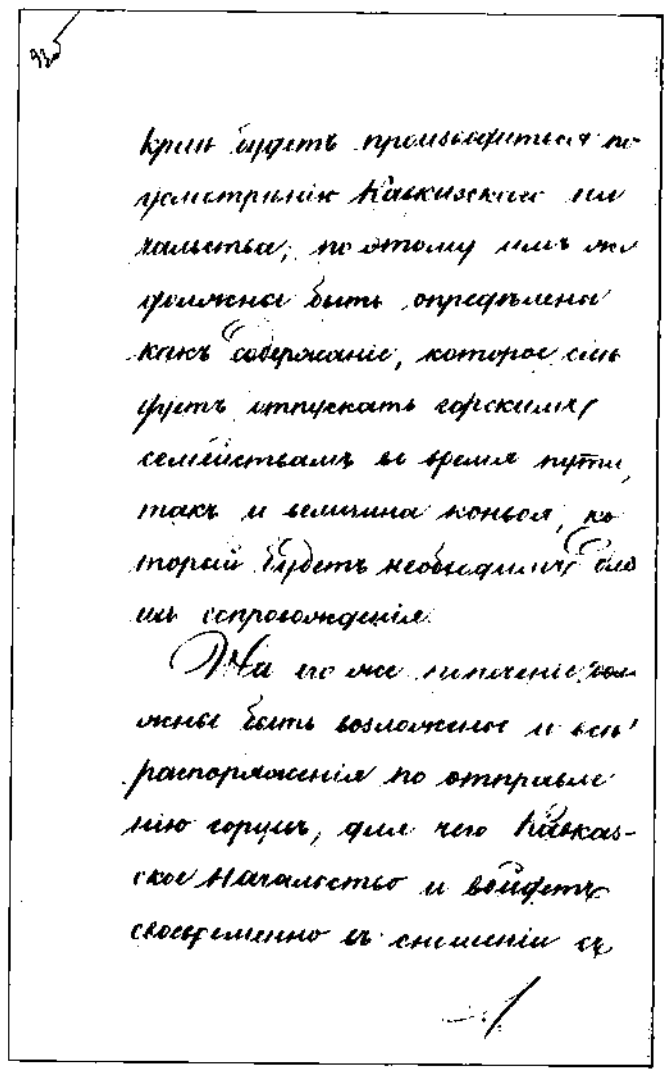
Вслѣдствіе сего, Нико-
лаевскій Атаманъ Войска Дон-
скаго проситъ Ваше Превосх-
дительство сообщить ему, по
чьимъ ли высылаемымъ въ Орен-
бургъ Нижнаго горнаго быть от-
правленнымъ до прекращенія на-
вигаціи на пароходахъ 2, Дол-
женъ ли быть нарядаемъ тѣ-
мъ же сопровожденія и до какого
пункта конной, и 3, Какое

сопряжение будет имѣть отпускное на время слѣдованія.

Въ случаѣ отправленія горцевъ сухимъ путемъ, Генералъ-Лейтенантъ Лонгуновъ проситъ уполномочить Ч, по какому маршруту должно быть отправлено. Б, на какое число семействъ, сколько ихъ, въ пропускѣ или безъ пропуска, обязательствѣ подвоза и в., считаетъ ли горцевъ, въ случаѣ надобности, теплою одеждою.

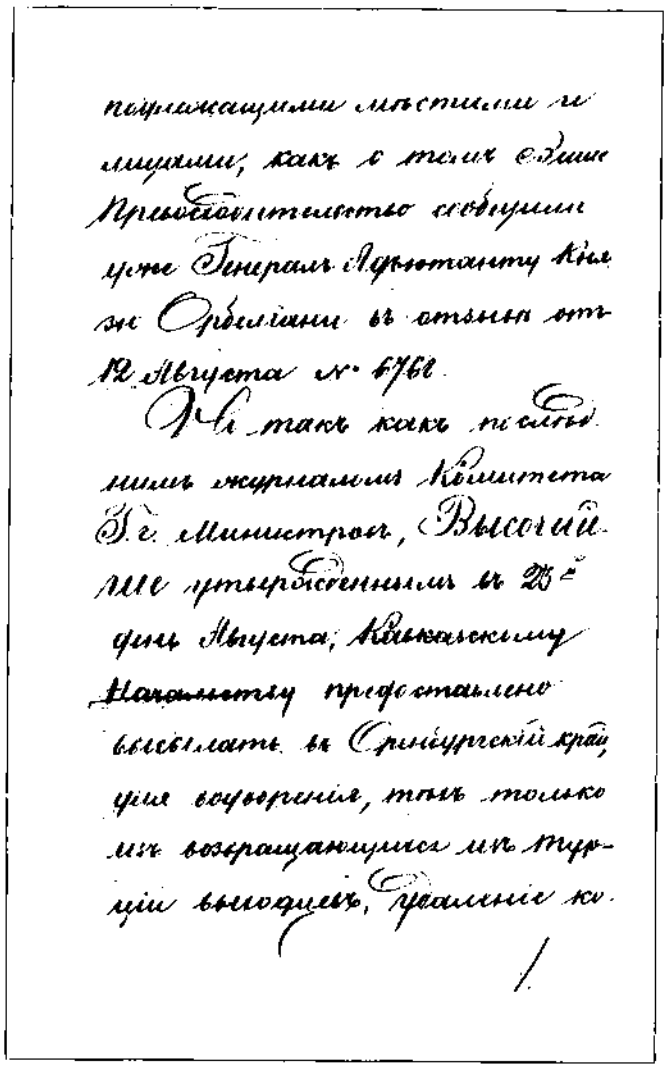
Содержаніе. Отправленіе горцевъ для водворенія въ Оренбургскомъ

935

Крыма будетъ производиться по пропорціи Кавказскихъ или Крымскихъ, по этому имѣетъ ли уполномочена быть опредѣлить какое содержаніе, которое слѣдуетъ отпускать горскимъ семействамъ во время пути, такъ и величина конвоя, который будетъ необходимъ для ихъ сопровожденія.

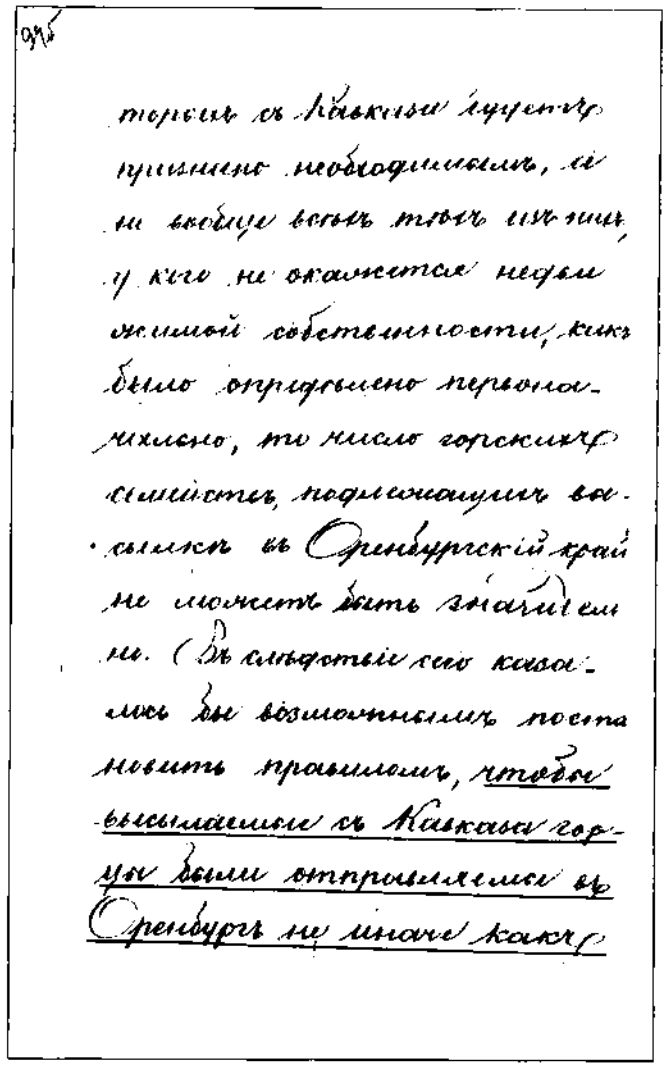
Для сего имѣетъ ли уполномочена быть возложеніе распоряженія по отправленію горцевъ, для чего Кавказское Начальство и войдетъ своевременно въ сношеніи съ

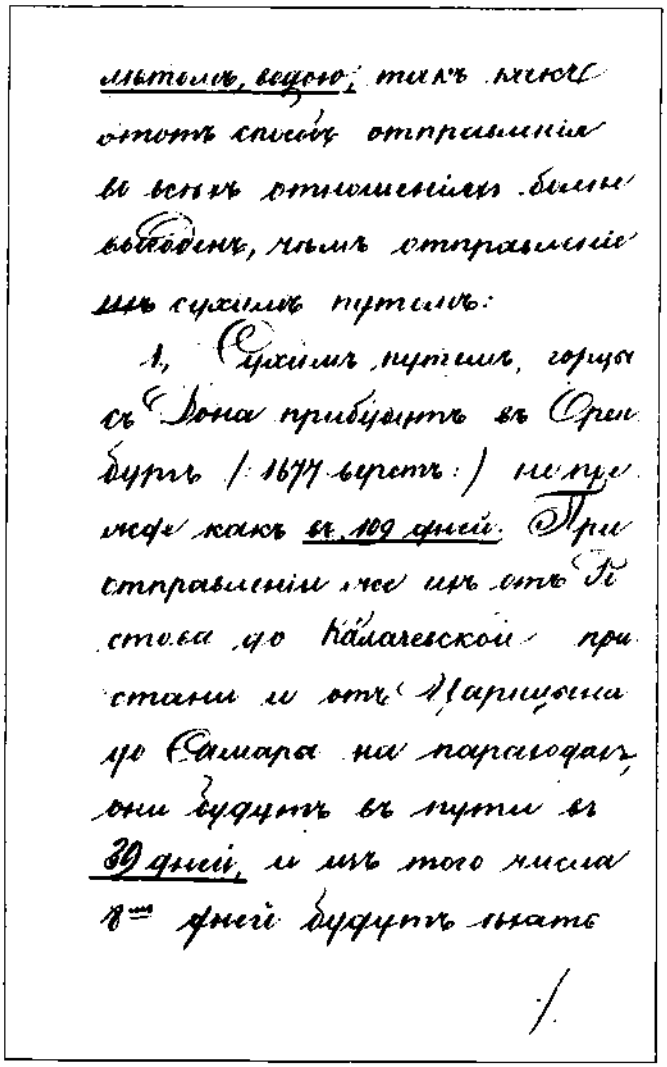
подлежащими мѣстными и
лицами, какъ о томъ Ваше
Превосходительство сообщили
уже Генералъ Адъютанту Кня
зю Орбеліани въ отзывѣ отъ
12 Августа № 6761.

А такъ какъ по Высо
лнмъ журналамъ Комитета
Г. г. Министровъ, Высочай
ше утвержденнымъ въ 25
день Августа, Кавказскому
Наместнику предоставлено
высылать въ Оренбургскій край,
для водворенія, тѣхъ только
изъ возвращающихся изъ Тур
ціи выходцевъ, уроженіе ко-

/

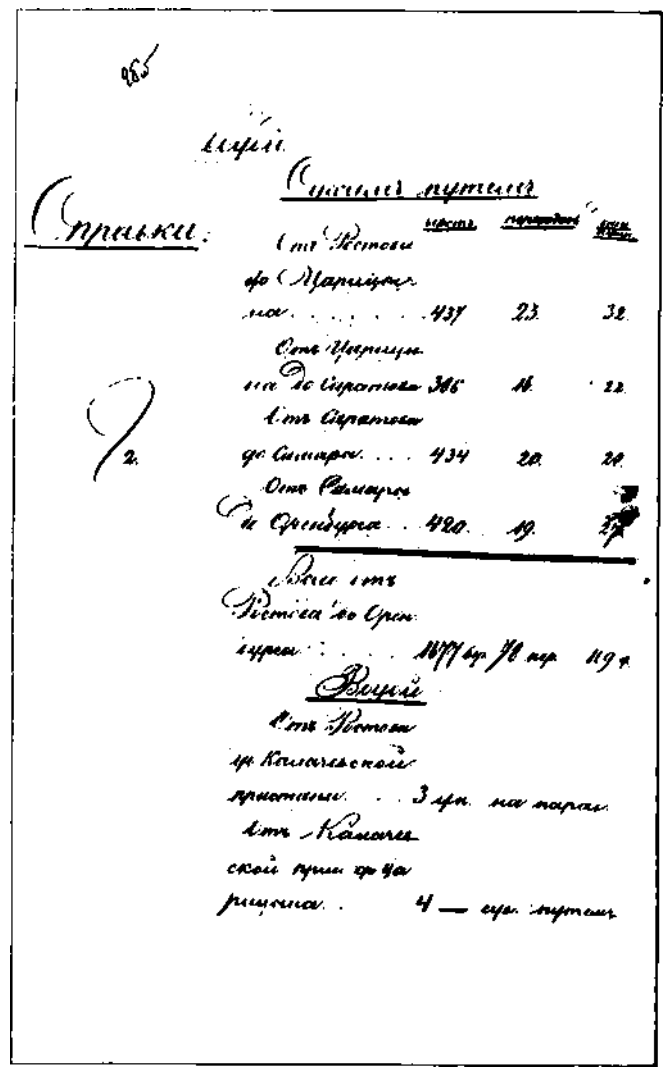

торыхъ въ Кавказскомъ Край
номъ необходимостью, не
имѣющихъ всѣхъ тѣхъ лицъ,
у кого не окажется недви
жимой собственности, какъ
было опредѣлено первона-
чально, то число горскихъ
семействъ, подлежащихъ вы-
сылкѣ въ Оренбургскій край
не можетъ быть значи-
тельно. (Въ слѣдствіе сего ка-
залось бы возможнымъ поста
новить правиломъ, чтобы
высылаемые въ Кавказскомъ гор-
номъ Краѣ отправлялись въ
Оренбургъ не иначе какъ

лыть, водою; тѣмъ имѣетъ
этотъ способъ отправленія
въ всѣхъ отношеніяхъ болѣе
выгоденъ, нежели отправленіе
имъ сухимъ путемъ.

1, Сухимъ путемъ, горою
отъ Дона прибудутъ въ Орен
бургъ (1677 верстъ) не ране
ѣе какъ въ 109 дней. При
отправленіи же ихъ отъ Ре
стова до Камаевской при
стани и отъ Царицына
до Самара на парахо[дах]ъ,
они будутъ въ пути въ
39 дней, и тѣмъ того числа
8-мь днейбудутъ имѣть

965

Іюлія

Сухимъ путемъ

Стрѣлки: | | числ. | перех. | дни

Отъ Ростова до Царицына	437	23	32
Отъ Царицына до Сарепты	386	16	22
Отъ Сарепты до Самары	434	20	29
Отъ Самары до Оренбурга	420	19	26
Всего отъ Ростова до Оренбурга	1677 в.	78 пер.	109 д.

Водой

Отъ Ростова до Камаевской пристани	3 дн. на парах.
Отъ Камаевской пристани до Царицына	4 — сух. путемъ

Отъ Царицына
до Самары . . . 5 дн. на парах.
Отъ Самары до
Оренбурга . . . 24 — лук. путемъ.

Всего . . 29 дней.

2, Отправленіе сухимъ путемъ изъ Царицына до Самары верстъ, особенно же въ холодное время года, будетъ крайне тяжело для семейства, жены и дѣтей, солдатъ.

3, Хотя отправленіе на лошадяхъ будетъ стоить примерно отъ 15 до 20 рублей на семейство, но за то придется способа примѣнимаго солдатамъ на ихъ путевое содержаніе

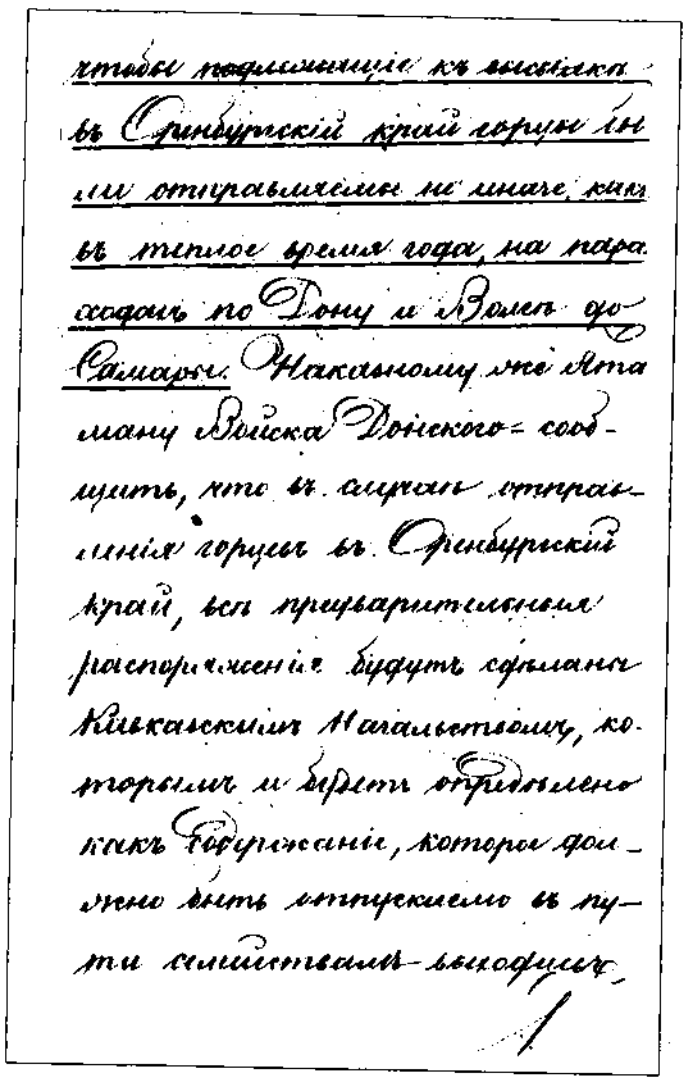
/.

725

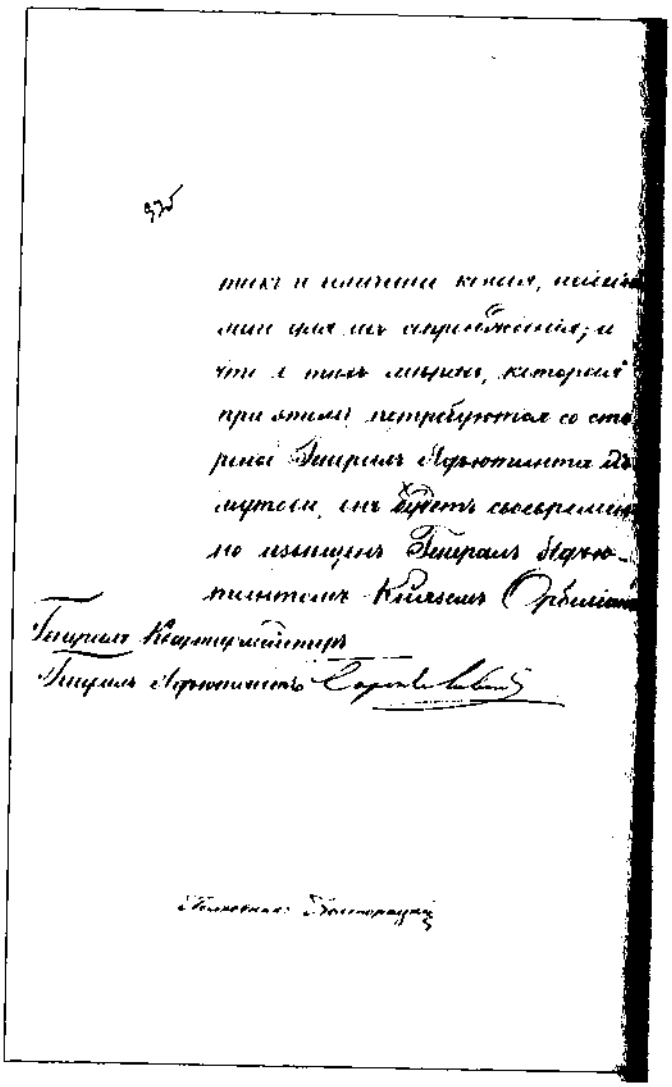
и устраненіе затрудненій по пиршеству конвоя, обязательныхъ подводъ и по расквартированію горцевъ во время следованія.

Непремѣнно. Докладывая о всемъ вышеизложенномъ, имѣю честь испрашивать Ваше Сіятельство, если Ваше Превосходительство изволите согласиться съ моими мнѣніями, не будетъ ли признано полезнымъ: обратить вниманіе Кавказскаго Начальства на заранѣе отправленіе людей, просить Генералъ Адъютанта Князя Орбеліани поставить непремѣннымъ правиломъ,

/.

чтобы подлежащіе къ высылкѣ въ Оренбургскій край горцы были отправляемы не иначе, какъ въ теплое время года, на пароходахъ по Дону и Волгѣ до Самары. Вмѣстѣ съ тѣмъ Наказному Атаману Войска Донского сообщить, что въ случаѣ отправленія горцевъ въ Оренбургскій край, безъ предварительнаго распоряженія будутъ сданы Кавказскимъ Начальствомъ, которымъ и будетъ отправлено какъ содержаніе, которое должно быть отпускаемо въ пути смотрителями-буфетчиками.

Генерал Квартирмейстер
Генерал Дежурный

блаженства в будущей жизни, должен отказаться от него в настоящей. Отсюда вытекает необходимость аскетизма и отказа от богатств. Кунта-Хаджи учил, что, имея кусок золота, не следует радоваться больше, чем имея такой же ком сухой земли. Потеряв же золото, не следует огорчаться больше, чем при потере аналогичного кома земли. В этом учение Кунта-Хаджи полностью согласуется с учением всех суфийских теоретиков. Абу Хамид ал-Газали, например, писал: "Каждый, кто любит Аллаха, занят им и никем другим. // Поэтому некто был спрошен, к чему привел его аскетизм, он ответил: "К привязанности к Аллаху". Привязанность к миру и привязанность к Аллаху несовместимы" *(Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере. М., 1980. С.201)*.

Сам Кунта-Хаджи строго следовал указанному правилу и всегда отказывался от приношений со стороны верующих. В тех же случаях, когда в силу разных обстоятельств он не мог отказаться от принятия подношения, он передавал его в пользу бедных и сирот. Также он не допускал, чтобы мюриды работали на него, подчеркивая, что мусульманин не имеет право присваивать себе результат чужого труда. Известен случай, когда мюриды решили помочь Кунта-Хаджи в прополке его участка. Опасаясь, что устаз не позволит им этого, мюриды незаметно приступили к работе за спиной Кунта-Хаджи. Последний, увидев, что значительная часть поля прополота не им, тут же отметил это, заявив, что весь урожай с этого участка он передаст нуждающимся.

Громкий зикр — джахрия, до Кунта-Хаджи совершенно не известный широким массам чеченцев, производил большое впечатление на горцев своей театрализованностью и страстностью. Впрочем, зикр действительно впечатляет. В этом плане представляет интерес описание, оставленное Н. С. Иваненковым, впервые увидевшим исполнение зикра глубокой ночью в чеченских горах: "В ночь на 10 июля я был разбужен каким-то шумом, криком и пением, происходившими на улице. От времени до времени слышны были и выстрелы из ружей. Наскоро одевшись, я спустился вниз на улицу и увидел 30 — 40 человек, стоящих плотным кругом. В средине круга один горец на распев высоким звонким голосом говорил что-то рифмованное. После каждого периода речи — распева толпа монотонно тянула напев в тоне "до". Этот монотонный припев ни на минуту не прерывавшийся, а только усиливавшийся или ослабевавший, составлял своеобразный звуковой фон для песни речитатива. В круге было 4 женщины. Человек 30 слушателей толпилось вокруг певцов; некоторые держали фонари и освещали их. Все видимо с интересом слушали пение.

Тихая звездная ночь; крутыя горы, упиравшиеся, казалось, в самый темно-синий купол небесного свода; громкий говор горной речки и эта толпа людей производили глубокое впечатление" *(Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. Владикавказ, 1910. С. 137)*.

Необходимо отметить, что чеченская устная традиция и имеющиеся письменные источники сходятся на том, что сам Кунта-Хаджи не считал себя имамом, а тем более святым. Так, у А. Ипполитова читаем: "Надо заметить, что даже пред самыми преданными себе людьми Кунта-Хаджи никогда не выдавал себя за имама; он утверждал, что он не более как только посланный имамом, который явится, когда настанет для этого время; но что сам он, по грехам своим, не достоин носить, даже и временно, великое имя устуса (устаза). Не смотря на эти уверения, последователи его тем не менее считали Кунту истинным имамом и одним из трехсот пятидесяти шести святых, постоянно существующих на земле, по общему мнению мусульман" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 4)*.

В определенной степени увеличению числа последователей Кунта-Хаджи способствовало и то обстоятельство, что вступивший в его братство мог в случае необходимости рассчитывать на помощь и поддержку со стороны других членов братства. Тем более что Кунта-Хаджи и его векилы постоянно внушали мюридам необходимость быть внимательными по отношению друг к другу, заботиться о своих духовных братьях, постоянно быть готовыми оказать им любую посильную помощь.

Очень упрощен был и обряд вступления в братство нового рядового члена. От него не требовалось какого-либо специального посвящения. Считалось достаточным свидетельства со стороны других мюридов, что претендент ведет достойный образ жизни и нет препятствий для его посвящения в мюриды. После этого шейх или векил брал его за руку и задавал вопрос: обязуется ли он, признавая в душе и оправдывая святость избранного устаза, во имя Бога и Пророка Мухаммеда, помимо пяти канонических намазов, ежедневно произносить стократно свидетельство веры "Ла-иллаха-ил-аллах" для увеличения благодати своего устаза и участвовать в групповом исполнении зикра? Принятие такого обязательства завершалось принятием "тоба" — смысл которого

сводится к признанию Аллаха единственным божеством, Пророка Мухаммеда — праведным пророком, а своего устаза — избранным. Затем вновь посвященный должен был сто раз произнести указанный символ веры, после чего обряд посвящения считался завершенным.

Таким образом, впервые проповедь нового учения — зикра была начата Кунта-Хаджи до паломничества (возможно, уже второго в его жизни) в 1859 г. Правда, остается без конкретного ответа вопрос о том, когда и как Кунта-Хаджи познакомился с кадырийским тарикатом. Ни имеющиеся письменные источники, ни устная народная традиция не знают проповедника громкого зикра в Чечне раньше Кунта-Хаджи. Правда, в рапорте Командующего Кавказской армией и наместника Кавказа Великого князя Михаила Романова от 25 января 1864 г. содержится намек на то, что зикризм попал в Чечню из Закавказья через Дагестан: "Вскоре после падения враждебного нашему правительству мюридизма, главою которого был Шамиль, в некоторых частях Закавказского края стало появляться новое учение под названием Зикр (Зекир). Учение это ... издавна существующее в мусульманских государствах в виде безвредной религиозной секты, приняло на Кавказе более политический характер; оно послужило в руках злонамеренных людей средством к возбуждению фанатизма и к соединению мусульманского населения в одно организованное целое, с целью ниспровержения русского владычества. Прежде всего секта эта появилась между жителями Кубинского уезда и в некоторых частях Южнаго Дагестана. Принятые в 1861 году энергичные меры и высылка из края главнейших распространителей этого учения остановили дальнейшее развитие его в Дагестане и совершенно потушили возбужденное им волнение. Но оно успело скрытно проникнуть в другие части края ..., а с 1862 года перешло и в Терскую область. Распространителем его в этой области был андийский выходец Кунта" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 53 — 53об)*.

К данному сообщению следует подходить с известной осторожностью по крайней мере по двум причинам. Во-первых, политический характер движение Кунта-Хаджи начало приобретать только с 1863 года. В том же рапорте Михаил Романов докладывал: "Проповеди Кунты по-видимому не заключали в себе ничего вредного; он убеждал народ в необходимости молитвы, труда, взаимной помощи и даже советовал перестать носить оружие. Это кажущееся благочестие проповедника и было причиною, по которой местное начальство Терской области сочло не справедливым и даже вредным предпринимать решительные меры против его деятельности..." *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 54)*. Нельзя также забывать, что указанный рапорт написан уже после кровавых событий под Шалями, когда нужно было обосновать предпринятые репрессии. Во многом этим объясняется попытка приписать деятельности Кунта-Хаджи политический характер. Во-вторых, не вызывает сомнения, что сам Михаил Романов не совсем ясно представлял себе предмет своего повествования, иначе не назвал бы чеченца Кунта-Хаджи "андийским выходцем". Но все же данное сообщение интересно тем, что подтверждает распространение кадырийского тариката на Кавказе в последние годы существования имамата Шамиля, Об этом же говорит и упоминавшийся конфликт Кунта-Хаджи с имамом Шамилем.

Познакомиться с этим учением Кунта-Хаджи мог во время первого хаджа (в 1848 — 1849 гг.). Впрочем, это был не единственный путь. Дело в том, что на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, в распоряжении мулл и ученых богословов имелась достаточно обширная теологическая литература. То, что здесь был широко распространен накшбандийский тарикат не означает, что не существовало литературы о всех других известных тарикатах. Поэтому первое представление о громком зикре Кунта-Хаджи мог получить из доступной ему литературы. Если учесть, что остается под большим сомнением совершение им хаджа в 1848 г., то это единственное логическое объяснение его проповеднической деятельности еще во времена существования имамата.

За три года, пока длилось его паломничество к святым местам (1859 — 1861 гг.), Кунта-Хаджи без сомнения гораздо полнее изучил избранный им тарикат. Именно об этом должны свидетельствовать его письма-обращения, которые задолго до своего возвращения он стал писать "...своим родственникам и последователям о необходимости молиться богу и делать зикр, т. к. по уверению его, час страшного суда близок" *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 196)*.

Относительно даты возвращения Кунта-Хаджи из ссылки имеются определенные разногласия в дореволюционных источниках. Впрочем, не только в дореволюционных. А. Ипполитов и Г. Вертепов считали, что Кунта-Хаджи вернулся в Чечню в 1861 г *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 3; Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С.78)*. Командующий Кавказской армией и на-

местник Кавказа Великий князь Михаил Романов в своем рапорте военному министру называл датой возвращения Кунта-Хаджи из паломничества осень 1862 г *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 53об)*. В. Х. Акаев в своей книге "Шейх Кунта-Хаджи" ошибочно указывает, что А. Ипполитов считал датой возвращения Кунта-Хаджи 1862 г., а князь Михаил Романов — 1861 г *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 33)*.

После своего возвращения Кунта-Хаджи приступает к активной проповеднической деятельности. По утверждению А. Ипполитова первое время проповеди Кунта-Хаджи не имели особого успеха: "...около него снова стали собираться иногда его последователи, но все учение его ограничивалось в то время изустным лишь чтением молитв, наставлениями не только безвредными, но и весьма нравственными, так что, в сущности, оно скорее могло принести пользу, нежели быть в каком-либо отношении опасным. Число последователей зикра было при этом так ничтожно, что большая часть даже и самих чеченцев или не знала об этом учении, или не обращала на него внимания" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 3)*. Перелом произошел зимой 1862 — 1863 г., когда число зикристов резко возросло и составило примерно 3 тысячи человек *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 54)*.

Неожиданный успех нового учения В. Х. Акаев объясняет следующим образом: "Дело в том, что придерживаясь принципов суфийской мистики, Кунта-Хаджи в своих проповедях стал придавать большое значение духовно-нравственному совершенствованию человека, осуждению зла, насилия, призывал к миролюбию. Его призывы о необходимости социальной справедливости, братского единения горцев, призывы к непротивлению злу находили отклик у уставших от войны и кровопролития чеченцев, отражали их настроения и известное желание приобрести покой и мир" *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 33)*. Такого же мнения придерживается и М. М. Мустафинов *(Мустафинов М., М., Современные суфийские ордена (тарикаты) в Чечено-Ингушетии // Опыт и проблемы национального и атеистического воспитания. М., 1976. С. 138 — 139)*.

Такое объяснение представляется верным, но не исчерпывающим. Ситуация в Чечне после завершения Кавказской войны была сложной и неоднозначной. Крах имамата Шамиля не означал, что прекратилось сопротивление колонизаторской политике, проводимой российскими властями. Так, уже в 1860 г. вспыхнуло восстание в Чечне, во главе которого встал Байсангур Беноевский, один из бывших наибов Шамиля. Восстание было подавлено, Байсангур повешен, а в Чечне усилен административный надзор за "беспокойными элементами". Тем не менее не приходится сомневаться, что в Чечне в условиях подполья действовала организация, во главе которой стояли известные в Чечне люди, например Атаби Атаев, бывший наиб Шамиля. Не исключено, что в движении зикристов подпольная организация могла увидеть, говоря современным языком, идеальную "крышу" для своей деятельности. Только этим можно объяснить, что увеличение числа последователей Кунта-Хаджи шло одновременно с созданием четко организованного братства, имевшего как бы двухъярусную организационную структуру. А. Ипполитов пишет об образовании внутри "секты" Кунта-Хаджи двух совершенно отдельных "начал" — духовного и светского: "Представителями власти духовной были имам, или устус, и двое шейхов. Представителями власти светской были наибы, векили и их мюриды. В Чечне было назначено восемь наибов и большое число старшин, так что организовалось особое тайное управление, помимо земского управления нашей администрации, и в большей части чеченских и назрановских аулов у зикристов были свои собственные старшины, с избранными мюридами; ... Все они подчинялись шейхам и наибам, в свою очередь подчинявшимся Кунта-Хаджи, как главе учения и имаму. В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкой сетью. Все, кому не нравился существовавший порядок вещей, все, которые жалели о старом, добром времени, о времени шариата, все это назвало себя учениками и последователями Кунта-Хаджи и поборниками мусульманской веры, не имея ни малейшего понятия не только об учении зикра, но часто и о самой вере. Они-то в особенности и придали мистическому учению Кунта-Хаджи тот материальный и вместе с тем воинственный характер, которого, в сущности, оно вовсе не имело" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 3 — 4)*.

Российские власти также зафиксировали изменение в организации и деятельности братства Кунта-Хаджи: "...сам Кунта начал вводить между ними правильную организацию. В каждом ауле был назначен особый векиль с обязанностию всеми средствами распространять новое учение и руководить действи-

ями последователей его; в наибствах, независимо от наибов установленных правительством, Кунта назначил своих наибов, которые наблюдали за действиями векилей. Полицейския меры принятые в начале с целью препятствовать открытым сходкам зикристов, а равно и усилия остановить распространение нового учения действуя на последователей его убеждениями мусульманского духовенства, оказались недействительными и партия зикра постепенно усиливаясь, начала уже становиться в отношения почти открыто враждебныя местным властям и законному порядку" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 54 — 54 об).*

К сожалению, и после официального расследования российских властей остается неясной роль самого Кунта-Хаджи в трансформации братства зикристов из чисто религиозного сообщества в организацию политического характера. Официальные документы не называют его в качестве главного организатора указанного поворота в деятельности зикристов, а из дореволюционных исследователей некоторые считали его полностью непричастным именно к политической деятельности. Например, Г. Вертепов писал: "Но так как Кунта-Хаджи лично не занимался проповедью, а сносился с народом через посредников, то последние легко искажали смысл учения своего главы и придали зикризму острый политический характер, вполне отвечавший настроению народа" *(Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 79).* Более осторожно высказывался А. Ипполитов: "...большая часть чеченцев, не бывших сторонниками зикра, были убеждены, что все эти фанатические наставления делались без ведома Кунта и что этот последний, кроме молитвы, милосердия к бедным, любви к ближнему и необходимости труда, — никогда ничего более своим последователям не внушал. Насколько тут было правды — сказать трудно; но если только правила газавата действительно распространялись в народе им самим, то надо сознаться, что Кунта вел это дело чрезвычайно искусно. Не подлежит сомнению однако-же то, что если Кунта-Хаджи подобных правил и не проповедовал сам, или не передавал чрез своих шейхов и векилей, то во всяком случае он способствовал развитию газавата одним уже тем, что не запретил такого рода проповедей, что весьма легко мог бы сделать, имея на своих учеников влияние почти безусловное" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 7).*

А. Д. Яндаров вообще скептически относился к заявлениям, что сторонники Кунта-Хаджи создали в Чечне слаженную и разветвленную организацию: "Зикристский орден не имел, по крайней мере при своем возникновении в Чечне, четкой организованности, какая была, например, у накшбендийской суфийской организации" *(Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 140).* Утверждение это далеко не бесспорно. До Кунта-Хаджи в Чечне действительно не известны организационно оформленные братства кадырийского тариката. Кунта-Хаджи первым начал создавать такое братство и, если верить итогам официального расследования российских властей (а не верить им в данном вопросе нет видимых причин), в короткий срок сумел создать большую и хорошо отлаженную организацию. Что касается накшбандийского тариката, то в Чечне организационно оформилось в то время только братство последователей Ташу-Хаджи. Другое дело, что официальное духовенство и при Шамиле, и после него, придерживалось накшбандийского тариката, но при этом оно выступало против организации отдельных братств, пытаясь охватить своим влиянием все население.

Вообще, источники дают несколько противоречивую оценку положения Кунта-Хаджи в созданном им братстве. С одной стороны, он признанный устаз, влияние которого на своих последователей "почти безусловное". С другой стороны, он сам непосредственно не проповедует перед народом, а передает свои наставления через приближенных ему людей, — во всяком случае, его приближенные действуют от его имени. Он лично отказывается даже временно признать себя имамом, но для своих сторонников он истинный имам и в качестве такового имеет право не только на духовную, но и на светскую власть. Если наибами и шейхами движения зикристов были люди "без всякой энергии и способностей, лишь бы только они знали коран, или были известны своею набожностью", а сам Кунта-Хаджи демонстративно отстранился от организационной и политической деятельности, — то кто же тогда создал мощную организацию, которая в короткий срок охватила своим влиянием не только чеченцев, но и преданных России ингушей?

Если зимой 1862 — 1863 г. власти Терской области насчитывали в Чечне до 3 тысяч сторонников Кунта-Хаджи, то к следующей зиме только в 20 чеченских аулах имелось, по данным властей, уже 5588 зикристов. Наибольшее влияние Кунта-Хаджи отмечается в следующих селениях: Шали, Гехи, Валерик, Шалажи, Новые Атаги, Автуры, Урус-Мартан, где

проживало соответственно 800, 790, 490, 440, 420, 400 и 375 его активных сторонников *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 40 — 41)*. А между тем, влияние Кунта-Хаджи не ограничивалось лишь этими селениями. В 1863 г. большое количество ингушей признает его своим устазом: "В 1863 г. большая часть ингушских аулов представляла интересное зрелище: жители всех возрастов толпами бродили по улицам из одного аула в другой или составляли отдельные кучи около порогов кунацких (сакли для гостей). Вместо обычной болтовни, раздавались громкие напевы: "ля-иляха-илялах", сопровождавшиеся различными кривляниями, давались взаимные обеты проводить время в мире и согласии, вообще жить по-братски, молиться и думать о дне страшного Божьего суда. Каждый ингуш имел в руках четки, которые перебирал с благочестивыми вздохами и набожными возгласами" *(Ахриев Ч. О характере ингушей // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1876. С. 279)*.

Местные власти предприняли меры по выявлению лиц, стоявших во главе движения Кунта-Хаджи. На основании поступавших непосредственно с мест донесений канцелярией начальника Терской области был составлен "Список главнейших и известнейших деятелей зикристской партии в Чечне". В отличие от более поздних публикаций, говорящих о восьми наибствах созданных кунта-хаджинцами в Чечне, в данном "Списке..." перечислены имена лишь пяти наибов. Ими были:

1. Мовсар — брат Кунта-Хаджи. Он возглавляет Автуринское наибство, расположенное между Мичиком и Хулхулау.

2. Хаматхан. Его наибство распространяется на Качкалыковскую деревню.

3. Абдул-Хамид из Шали. Наибство его от Шали и Герменчука до Урус-Мартана.

4. Мячик-мулла из аула Валерик. Наибство его между Урус-Мартаном и Ачхоевским Мартаном.

5. Манцу-мулла из Староюртовского аула. Наибство его в Надтеречной деревне.

Кроме того, приводятся имена 33 векилов, назначенных в различные селения Чечни. В числе активных сторонников Кунта-Хаджи фигурирует и Гушмазуко-хаджи, кадий селения Беной Надтеречного наибства. Указаны имена еще 11 "беспокойных людей" из числа приближенных к Кунта-Хаджи, в том числе Баматгирей и Чин-Мирза Таумурзаев *(В. Х. Акаев Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 39 — 40)*.

Создание кунта-хаджинцами в Чечне параллельных структур власти уже само по себе должно было вызвать серьезное беспокойство российских властей. Начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов был убежден, что "Учение зикр направлением своим, во многом подходящее к газавату, служит лучшим средством народного соединения, ожидающего только благоприятного времени для фанатического пробуждения отдохнувших сил" *(цит. по: Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 13)*. Тем более оно было обеспокоено ростом напряженности в Чечне, которое возрастало по мере увеличения влияния Кунта-Хаджи. "Начались открытые сборы народа в домах векилей и на улицах, сопровождавшиеся песнями, криком и изступленною пляскою, с обнаженным оружием в руках. Тайныя убийства наших солдат и казаков учащались с каждым днем более и более" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 4)*.

Таким образом, ситуация в Чечне все больше накалялась. Нет сомнения, что подавляющее большинство чеченских наибов и представителей духовенства, утвержденных официальными властями, были всерьез обеспокоены "конкуренцией" со стороны кунта-хаджинцев, перехватывавших реальную власть на местах. Не меньшее беспокойство испытывало начальство Терской области и кавказский наместник, перед которыми вставал грозный призрак газавата. Трудно поверить, что за всем этим стоял далекий от мирской суеты проповедник, учивший смирению и братской любви к ближнему. Он не мог не знать, что происходит вокруг, тем более что согласно чеченской традиции, Кунта-Хаджи предсказывал свой арест и ссылку. Очевидно, Кунта-Хаджи считал распространение среди горцев тариката кадырийа делом гораздо более важным, чем его собственная судьба, и поэтому предоставил событиям развиваться именно так. Предание гласит, что Кунта-Хаджи, предсказав свое будущее, добавил, что он не имеет права изменить что-либо в своей судьбе. И не предприняв никаких попыток избегнуть ареста, он тем самым отнимал у власти повод к продолжению репрессий. Созданное им братство активно пополнялось новыми членами, а когда власти предприняли меры по пресечению деятельности зикристов, Кунта-Хаджи позволил себя арестовать, тем самым выводя изпод удара своих последователей и давая им возможность сохранить организационные структуры. К сожалению, именно его арест был использован частью его последователей как предлог, чтобы бросить открытый вызов российской власти, а та, в свою

очередь, поспешила воспользоваться выступлением зикристов для разгрома всего движения.

Кстати, начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов планировал арест Кунта-Хаджи еще задолго до января 1864 г., хотя у него еще оставались сомнения в целесообразности данной меры: "Что же касается до арестования Кунты и его векилей, то я не могу ручаться, принесет ли мера эта пользу, и будет ли она сообразна с теми обстоятельствами, о которых я могу судить только на месте. Зикра есть факт уже совершившийся и невоинственный Кунта вреднее того, как был до сих пор, быть уже не может. Между тем удаление его, без сомнения, произведет возбуждение умов в народе, и для нас будет очень невыгодно, если взамен главы религиозной секты у чеченцев явится вождь восстания. Вообще выбор лиц, удаление которых было бы необходимо в области, может быть сделан мной не иначе, как по прибытии в Грозную и по обсуждении на месте всех обстоятельств..." *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 12)*.

Как видим, колебания российских властей были вызваны опасением усугубить ситуацию, если на смену Кунта-Хаджи придет не менее влиятельный и более воинственный и враждебный по отношению к России деятель. Однако к зиме 1863 — 1864 г. было принято окончательное решение об аресте Кунта-Хаджи и всех его наиболее опасных с точки зрения власти последователей. Причем решение было принято непосредственно наместником Кавказа Великим князем Михаилом Романовым: "Я нашелся вынужденным разрешить командующему войсками Терской области арестовать Кунту и его главнейших помощников и выслать их из края. Распоряжение выполнено. В начале нынешнего месяца Кунта, брат его Мавсур и пять главных векилей отправлены под караулом в Ставрополь для ссылки в Россию" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 54об. — 55)*.

Арест Кунта-Хаджи был произведен 3 января 1864 года. Чеченская традиция считает, что схвачен он был в селении Сержень-Юрт, где жил в доме одного из своих родственников. Одновременно было арестовано еще несколько человек, пребывание которых в Чечне считалось наиболее опасным. Доставленный первоначально в крепость Грозную, Кунта-Хаджи и его арестованные последователи срочно переправляются затем во Владикавказ. Торопясь вывезти Кунта-Хаджи и его ближайших сподвижников подальше от Чечни, власти направляют их через Ставрополь в Новочеркасск. Но еще до отправки по этому маршруту Кунта-Хаджи из тюрьмы пишет письмо своим последователям и всем другим влиятельным в Чечне лицам, с просьбой не вызывать беспокойства в народе по причине его ареста. В. Х. Акаев считает, что указанное письмо было написано Кунта-Хаджи "под диктовку", исключительно по принуждению властей, стремившихся таким образом свести к минимуму нежелательные последствия ареста. При этом: "Царские чиновники внушают ему, что срок пребывания и условия содержания его в ссылке будут целиком и полностью зависеть от последующего поведения чеченцев" *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 59)*. Представляется, однако, что у самого Кунта-Хаджи для написания такого письма были основания, вовсе не связанные со "сроком пребывания и условиями содержания" в ссылке. Человек, который дал себя арестовать, чтобы сохранить свое братство и уберечь своих последователей от возможных репрессий, должен был воспользоваться любой возможностью, чтобы удержать своих последователей от необдуманных действий, могущих привести к тяжелым последствиям. Если российским чиновникам было важно сохранить видимое благополучие в крае, то Кунта-Хаджи важно было уберечь своих последователей. И в этом случае действия Кунта-Хаджи не расходятся с его собственными словами, что он не может допустить, чтобы из-за него пострадал хотя бы один человек.

После ареста Кунта-Хаджи и его ближайших сподвижников во главе братства оказываются два его помощника — Салам и Мачик-мулла. Российские источники дают им разную оценку. А. Ипполитов считал их обоих людьми самыми заурядными: " ... оба — люди честные и набожные, но настолько безвредные, что, в самый разгар зикристского учения в Чечне, я не считал даже нужным употребить против них какия-либо сильныя меры, не желая этим придать им в глазах народа значение, которого они не имели и по качествам своим ни в каком случае не могли иметь" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 11)*. Другого мнения придерживается Г. Вертепов: "После Кунта-Хаджи во главе зикристов стали его шейхи Салам и Мачик; первый был почти идиот и не имел особого значения, но Мачик, человек выдающийся по уму и весьма начитанный, довел дело до открытого возстания" *(Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 79)*.

Среди остальной массы зикристов выделяется также знаменитый чеченский абрек Вара, долгое время являвшийся одним из людей, близких к шамилевскому наибу Атаби Атаеву. Он являлся активным

участником восстания в Аргунском ущелье в 1860 — 1861 гг. После подавления этого восстания Вара скрывался в различных селениях Чечни. Видимо, он доставлял много беспокойства властям, поскольку А. Ипполитов дает ему следующую характеристику: "Большая часть преступлений, совершавшихся в то время в крае, была делом или лично самого Вара, или же он всегда принимал в них деятельное участие" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 16)*. В бою под Шалями Вара действовал в качестве одного из векилов и выделялся свои черным значком.

Известие об аресте Кунта-Хаджи и ряда других руководителей братства послужило толчком к вооруженному выступлению. Трудно сказать, произошло ли это выступление стихийно или же оставшиеся в Чечне руководители тайной организации, готовившей восстание, решили, что представился удобный случай, чтобы поднять всю Чечню. Если верно второе, то следует признать, что они неправильно оценили ситуацию в Чечне, что подтверждается дальнейшим ходом событий. Из российских официальных источников следует, что сразу же за арестом Кунта-Хаджи руководители зикристов начали агитацию в чеченских селениях с целью "...поднять к возстанию все население Чечни". Одновременно группы последователей Кунта-Хаджи начали сосредотачиваться в селении Герменчук. Первыми сюда прибыли мюриды из Большой Чечни. Позже к ним начали присоединяться кунта-хаджинцы из Малой Чечни и Ичкерии.

Вскоре российские власти (надо думать, не без душевного облегчения) констатировали, что основная масса населения Чечни не желает участвовать в восстании: "Большинство жителей вело себя хотя и весьма не решительно, но открыто к ним, за исключением самого незначительного числа молодежи, не присоединился никто, а некоторые аулы даже просили присылки войск, чтобы недопустить к ним зикристов" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 55)*. Вместе с тем, напряжение в крае сохранялось из-за присутствия большого числа вооруженных мюридов возле Герменчука. К 14 января, по оценке российского командования, их число достигло трех тысяч и продолжало возрастать.

Герменчук был избран местом сбора зикристов, видимо, по одной только причине — близость к Шалинской крепости, где, как полагали чеченцы, находился Кунта-Хаджи. Не предпринимая никаких активных действий, собравшиеся кунта-хаджинцы настойчиво выдвигали только одно требование — немедленно освободить всех арестованных. Российское командование всерьез опасалось, что невыполнение этого требования может побудить последователей Кунта-Хаджи к активным наступательным действиям. В этом случае они, ввиду своей многочисленности, представляли серьезную угрозу для станиц Сунженской Линии и небольших укреплений. Исполняющий обязанности начальника Среднего военного отдела генерал-майор Туманов распорядился о переброске к крепости Грозной дополнительно шести батальонов (1, 2 и 3-го батальонов Навагинского пехотного полка, 2 и 3-го батальонов Куринского пехотного полка и 2-го батальона Кабардинского пехотного полка), двух сотен Моздокского и двух сотен Гребенского казачьих полков, двух конных и двух батарейных орудий. Командующий войсками Терской области М. Т. Лорис-Меликов лично направился к Грозной из Владикавказа во главе отряда из трех батальонов пехоты при двух орудиях, куда он прибыл 18 января *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 55об. — 56)*.

Не дожидаясь прибытия Лорис-Меликова, генерал-майор Туманов, получив сведения, что последователи Кунта-Хаджи не ограничиваются теперь простым требованием освободить арестованных ранее, но и готовятся воспрепятствовать намеченным новым арестам, предпринял демонстративное движение к Герменчуку, направив туда три батальона при двух орудиях. Приближение войск, однако, не заставило кунта-хаджинцев разойтись по домам и даже не приостановило притока к ним новых добровольцев, как на то рассчитывало командование. Единственным следствием этого маневра было то, что зикристы отошли от Герменчука к аулу Шали. Чтобы не допустить возможного движения сторонников Кунта-Хаджи к Сунженской Линии или какому-нибудь другому укреплению, 16 января князь Туманов во главе остававшихся еще в Грозной войск направился к месту их сбора. Соединившись возле Герменчука, оба российских отряда в тот же день стали укрепленным лагерем в полуверсте от Шали. Таким образом, возле Шали началось уже открытое вооруженное противостояние.

17 января в расположение российского отряда прибыл урус-мартановский наиб майор Сайдулла Османов в сопровождении группы известных в Чечне лиц. Попросив Туманова не предпринимать никаких действий против зикристов, Сайдулла Османов вместе с сопровождавшими его чеченскими старшинами направился к кунта-хаджинцам, собираясь уговорить их принять требования российской администрации "... прекратить зикр и выдать всех лиц, пред-

назначенных к ссылке". Первоначально переговоры дали обнадеживающий результат: "Через несколько часов они возвратились и объявили, что все может кончиться удовлетворительно, и что зикристы просят позволения отправить депутацию к ... начальству с просьбою о снисхождении и возвращении сосланных. Основываясь на этом князь Туманов предложил, впредь до возвращения этой депутации, передвинуть отряд к укр. Бердыкелю, куда удобнее было доставлять продовольствие войскам из Грозной" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 57)*.

Однако этой же ночью генерал Туманов получил донесение, что руководителями зикристов принято решение 18 января напасть на его отряд. Утром эти известия подтвердил и Сайдулла Османов, который ночью был задержан кунта-хаджинцами и отпущен только утром. Туманов собрал почетных старшин и в их присутствии возложил ответственность за все возможные последствия на противоположную сторону. Между прочим, он дал слово что, "даже и теперь не начнет сам дела, а выждет непременно первый выстрел со стороны мятежников". Не в этом ли кроется объяснение неожиданных действий мюридов, которые, отбросив ружья и пистолеты, двинулись на российский отряд с холодным оружием в руках? В. Х. Акаев приводит, в частности, версию о том, что кровавая развязка была спровоцирована Мачик-муллой и абреком Вара. Первый якобы убеждал зикристов в том, что оружие русских солдат не выстрелит, ибо устаз Кунта-Хаджи наполнит их водой *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 73.)*

Дальнейшие события подробно изложены в рапорте Великого князя Михаила Романова военному министру Д. А. Милютину: "Чтобы не подвергаться невыгодам боя при движении колонн, генерал-майор князь Туманов оставил войска на месте их бивачного расположения, в виде каре, перестроив батальоны только в ротные колонны. Едва он успел это сделать и объехать войска, как густая толпа зикристов выступила из Шали и направилась на передний и правый фасы отряда; отдельная партия пошла на левый фас, а кавалерия, выскочившая из аула одновременно с движением пехоты заскакала нам в тыл. Произошло дело, едва ли виданное в Чечне. Три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин) без выстрела, с кинжалами и шашками, шли, как изступленные, на отряд из шести батальонов, который ожидал их неподвижно, держа ружья на руку. Зикристы подошли к войскам на расстояние не более 30-ти сажень. Партия их, шедшая на наш левый фас, дала залп, и все они бросились в шашки. Тогда князь Туманов приказал стрелять: отряд открыл батальный огонь, и через несколько минут атакующие толпы бросились бежать в совершенном разстройстве во все стороны, спеша скрыться в ауле и ближайшем лесу; перед фронтом наших рядов и среди их осталось более 150-ти тел. Взвод казачьей артиллерии выскакав вперед провожал бегущих картечью. Общая потеря мятежников еще не приведена в известность. В числе заколотых штыками осталось 5 женских трупов. У нас убито восемь нижних чинов и ранено три обер-офицера и 30 рядовых, большею частию шашками и кинжалами" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 57 об. — 58об)*.

Чеченская традиция сообщает, что кунта-хаджинцы двинулись по направлению к российским войскам, совершая зикр и без огнестрельного оружия. Накануне среди них разнесся слух, что во время зикра им придет на помощь сам устаз и оружие не сможет стрелять. Только после того, как по ним был открыт огонь, прервав зикр, они пошли врукопашную. Именно поэтому этот бой вошел в чеченскую народную традицию под названием "кинжального боя".

Что касается количества убитых в "кинжальном бою", то оно так и осталось неустановленным. Минимальная цифра приводится у Г. Вертепова, который ограничился общим замечанием, что в бою погибли более ста человек *(Г. Вертепов. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 79)*. Максимальная цифра убитых в тот день — более 400 человек, приведена в работе Х. Ошаева "Мюридизм в Чечне" *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 73)*.

После шалинской трагедии шейх Салам был арестован, а Мачик-мулла и абрек Вара на какое-то время скрылись. Судьба их сложилась по-разному. Мачик-мулла был задержан, когда попытался через Грузию уйти в Турцию. Выдал его властям один из жителей Аргунского ущелья, получивший в награду 200 рублей серебром. Вара, которого власти считали самым деятельным и опасным из всех, кто подозревался в организации выступления зикристов, был избран кунта-хаджинцами своим наибом. Считая себя недостойным, Вара отклонил наибское звание, но тем не менее приложил отчаянные усилия к тому, чтобы не допустить распада братства и восстановить его влияние в Чечне. "При замечательной храбрости своей и энергии, Вара начинал становиться уже народным героем и начинал приобретать в Чечне то влияние, которое люди подобного рода, к несчастью, всегда приобретают между горцами" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргун-*

ском округе // // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 16).

Вара был убит через несколько месяцев, после "кинжального боя" в селении Новые Атаги. В Новые Атаги его заманили по тайному распоряжению чеберлоевского наиба Гуданата, кровника Вары. Убедившись, что Вара действительно прибыл в это селение, Гуданат вызвал взвод драгун, который окружил дом, где скрывался абрек. "... после отчаянной, трехчасовой защиты, во время которой он не переставал петь молитвы зикристов, абрек этот, будучи уже ранен пулею Гуданата, с шашкою в руках и с громким пением своей предсмертной молитвы (ясына, отходной молитвы), бросился в середину наших солдат и был убит.

В память его сложена была в Чечне песня, а в память измены, или, лучше сказать, малого сочувствия Гуданата к народному делу, были воздвигнуты в Чечне, по дорогам, кучи камней, к которым каждый проходящий обязан был присоединить и от себя камень, произнося вместе с тем проклятие убийце Вара. Эта безсильная месть народа ясно указывает однакоже на то значение, которое абрек этот имел в Чечне" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 17*).

Властями были приняты меры также по розыску и задержанию других активных участников братства Кунта-Хаджи. В тех случаях, когда не удавалось захватить намеченных к аресту лиц, власти, требуя явки с повинной, подвергали аресту их ближайших родственников. К концу января было арестовано 14 наиболее активных векилей Кунта-Хаджи, еще трое разыскивались. Чтобы вынудить последних сдаться властям, были задержаны в качестве заложников 15 человек из числа их близких родственников *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 75, 76*). Всего "по делу Кунта-Хаджи" было сослано 18 человек *(Ахмадов Я. З. Сын Киши // Республика. 1991. 11 июля*).

Особо были отмечены заслуги генерал-майора Туманова, главной из которых считалось то, что ему удалось своими действиями изолировать зикристов от широких народных масс и тем самым удержать чеченцев от всеобщего восстания: "Для нас было чрезвычайно важно, чтобы дело это неприняло более широких размеров. Поэтому-то князь Туманов употребил все старания, чтобы разделить партию зикристов от народа и вел свое дело так, чтобы большинство населения само убедилось в необходимости энергичных мер против них и не выказало к ним особенного сочувствия, даже и после их поражения. Если бы дело подавления этой партии не было связано с вопросом о целом населении Чечни, и мы были бы вполне убеждены, что чеченцы совершенно равнодушно будут смотреть на участь последователей Кунты, то конечно, нападение последних на отряд могло бы сопровождаться более блестящими результатами, особенно если бы аул Шали был взят штурмом. Но большая часть жителей этого огромного аула не принадлежала к зикристам, и войска, увлеченные боем, едва ли пощадили бы кого-нибудь. Следовательно такая победа соединила бы партию зикра с народом заодно и была бы прямо противна нашей цели" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 58об. — 59об*).

26 января в Грозной были собраны все чеченские наибы и представители мусульманского духовенства, от которых М. Т. Лорис-Меликов потребовал содействия в восстановлении порядка в Чечне, а также помощи в задержании лиц, подлежащих ссылке. По всей Чечне вводился запрет на проведение зикристских ритуалов, за соблюдением которого должны были следить старшины и представители духовенства. Кроме того, во всех сельских мечетях должны были быть прочитаны для верующих отдельные проповеди "об истинных обрядах исламизма". Требования властей должны были быть приняты в срок до 1 февраля, в случае же их невыполнения начальник Терской области пригрозил двинуть в Чечню войска и взять в заложники семьи всех известных в Чечне людей. Впрочем, наученные горьким опытом, многие чеченские селения, не дожидаясь грозных распоряжений властей, приняли меры к тому, чтобы обезопасить себя от обвинений в сочувствии к последователям Кунта-Хаджи. На сельских сходах принимаются решения о запрещении совершения зикра под угрозой выдачи виновных и их семей властям. "Во всех аулах Большой и Малой Чечни жители связываются взаимною порукою, и списки старшин в фамилиях и ответчиков перед правительством, в случае нарушения кем-либо спокойствия, или возобновления зикра, должны были быть представлены..." *(цит. по: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 77*).

Впрочем, власти Терской области, а также наместник Кавказа были в целом удовлетворены ситуацией в Чечне и вокруг нее: "При первом известии о движении зикристов, жители Нагорного округа тотчас послали своих наибов и старшин к подполковнику Муравьеву и по распоряжению последнего устроили караулы из пеших и конных, чтобы не допустить мятежников на свои земли.

Собственно на приверженцев Кунты дело под Шалями произвело очень сильное впечатление. Они

разошлись мелкими партиями в Ичкерию и по аулам Автуринского и Аргунского наибств и не надеясь более на собственные силы, считают себя, без поддержки населения, погибшими, а потому употребляют все усилия, чтобы возбудить к себе сочувствие народа. Замечательно, что все сообщения наши, во время этих безпорядков, охранялись туземною милициею чрезвычайно бдительно, происшествий пока нет. Ни один всадник не оставил своего поста и кардонная служба отправлялась исправно" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 59об. — 60)*.

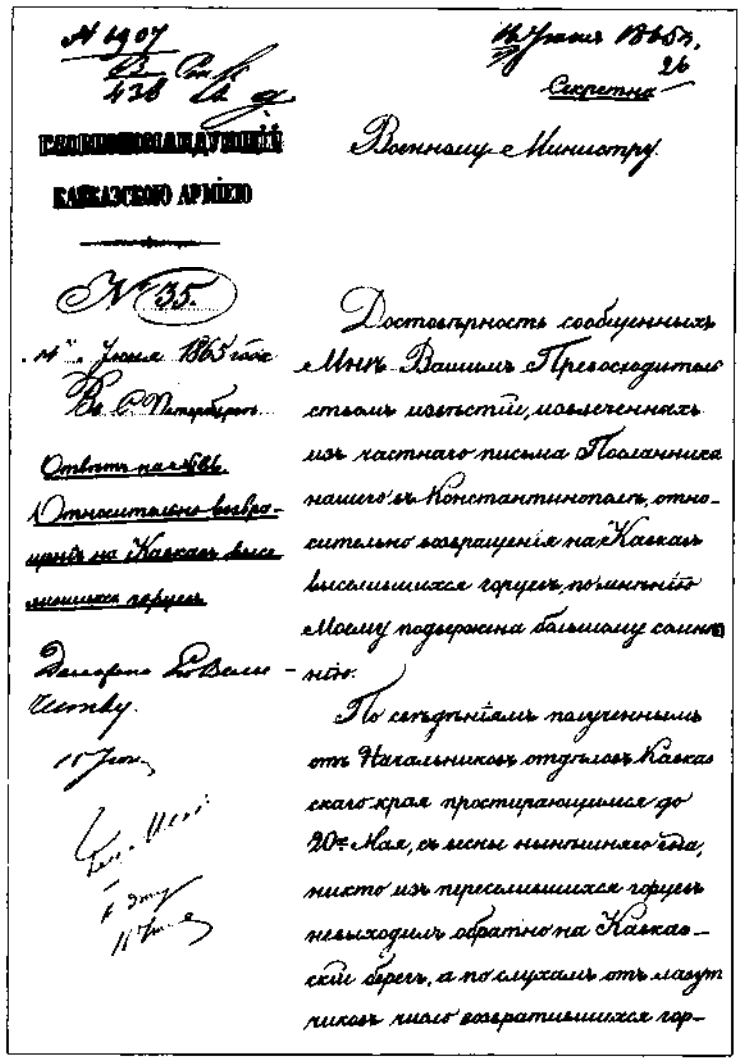
Сохранялось спокойствие и в районах, непосредственно прилегающих к Чечне: "Весть о волнениях в Чечне, по случаю арестования Кунты, быстро распространилась в остальных частях области. Кабардинцы первые поспешили заявить, что они все готовы явиться на службу, чтобы идти в Чечню. Неизменная преданность, которою отличаются осетины, незамедлила обнаружиться во всей силе и при этом случае. В Ингушевском округе, назрановцы и карабулаки, хотя между ними и есть последователи зикра, остаются спокойными. Назрановцы изъявили готовность, по первому требованию, выставить конную милицию с своим продовольствием на 10 дней" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 59об)*.

Не осталась незамеченной и активность чеченских наибов, старшин и представителей духовенства при разгроме братства Кунта-Хаджи. Особое удовлетворение властей вызвала активность чеченского официального духовенства. Г. Вертепов отмечал, что против учения Кунта-Хаджи открыто выступило мусульманское духовенство, среди которого он выделяет известного среди чеченцев своими знаниями и набожностью муллу Абдул-Кадыра *(Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 80)*. А. Ипполитов считал: "Одной из наиболее действительных мер, употребленных для уничтожения фанатического элемента учения зикра, грозившего, при дальнейшем своем развитии, зажечь весь восточный Кавказ, а также для успокоения умов, сильно возбужденных этим учением, были, безспорно, проповеди народу таких мулл, которые остались нам верными...". Отмечая высокий авторитет и большое влияние, которым традиционно пользуется духовенство среди чеченцев, он указывал, что "... в глазах чеченца мулла постоянно оставался представителем того теократического начала, которое недавно еще давало грозныя силы народу, под влиянием которого жили и умерли его отцы и деды и которое, следовательно, для него стало легендарно-священным: поэтому, легко себе представить впечатление, произведенное на настроение народа протестом людей, всегда считавшихся умнейшими и почетнейшими. Первый и самый пламенный протест против догматов новой секты заявил мулла Абдул-Кадыр, человек весьма ученый и начитанный, и которого прямой и суровый характер исключал в глазах чеченцев всякую мысль о возможности влияния на него нашей административной власти. Понятно, что с той минуты, как вопрос этот из религиозно-политического начал становиться лишь чисто-религиозным и с скользкой почвы политики перешел на почву схоластики и теологических прений, — он стал утрачивать уже всю свою важность" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 12 — 14)*. Известно, что после разгрома братства кунта-хаджинцев властями были особо отмечены заслуги нескольких чеченских мулл, в том числе Абдул-Кадыра Хордаева, Идика Исламова, Мустафина Абдуллаева и Махмуда Борщикова.

Орденами, медалями, денежными вознаграждениями и повышениями по службе были отмечены заслуги и целого ряда чеченских наибов и старшин. Среди особо награжденных были капитан полиции Довлет-Мирза Мустафин, полковник Арцу Чермоев (впоследствии стал генерал-майором), полковник Вагап Аду и полковник Касим Курумов. Последнему ставилось в заслугу то, что именно ему удалось выявить главных деятелей братства зикристов. Кстати, уже упоминавшийся Сайдулла Османов еще раз отличится в глазах у начальства, оказав большую помощь в организации массового переселения чеченцев в Турцию.

Главной причиной быстрого разгрома движения Кунта-Хаджи (и об этом прямо говорили сами российские власти) было то, что они не сумели заручиться поддержкой большинства чеченских селений. "Отрезвивши Чечню, дело под Шалями в тоже время доказало и тайным и открытым сторонникам зикра, что для начала новой борьбы с нами недостаточно одних лишь молитв имама и его шейхов, но нужна и сила физическая, а ея сектаторы вовсе не имели, так как лучшие люди Чечни, Назрана и обществ нагорных были теперь на нашей стороне" *(Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 15)*.

Сам Кунта-Хаджи вместе с арестованными одновременно с ним сподвижниками примерно полгода провел в заключении в Новочеркасске, ожидая окончательного приговора. С ним находились его брат Мовсар, а также векилы Абдусалам, Карнай (Кав-

№ 407
428

Секретно

Главнокомандующий Кавказскою армиею

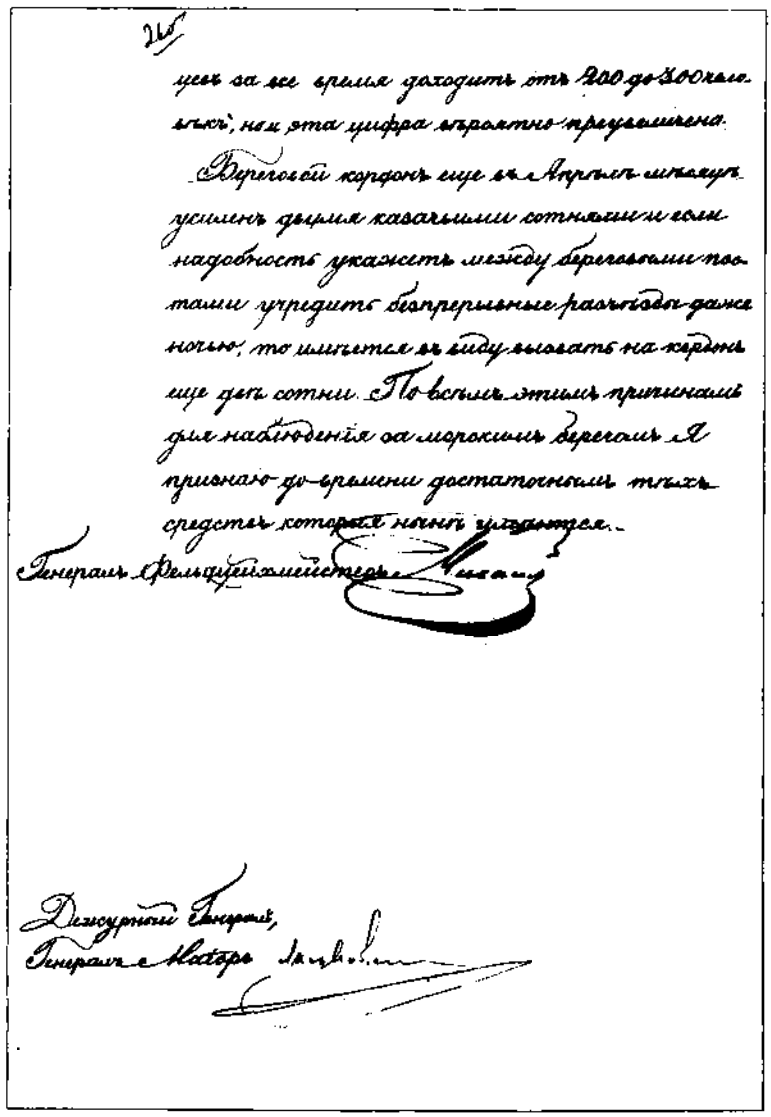
Военному Министру

№ 35.

Достоверность сообщенных Мною Вашим Превосходительством известий, заимствованных из частного письма Посланника нашего в Константинополе, относительно возвращения на Кавказ высылавшихся горцев, побудила Меня подвергнуть большому сомнению.

По сведениям полученным от Начальников отделов Кавказского края простирающимся до 20-го Мая, из числа возвратившихся горцев невыходил обратно на Кавказский берег, а по слухам от жителей много возвратившихся гор-

Секретное письмо Главнокомандующему Кавказской армией Военному Министру России о возвращении на Кавказ выселенных горцев (1865 г. Санкт-Петербург)

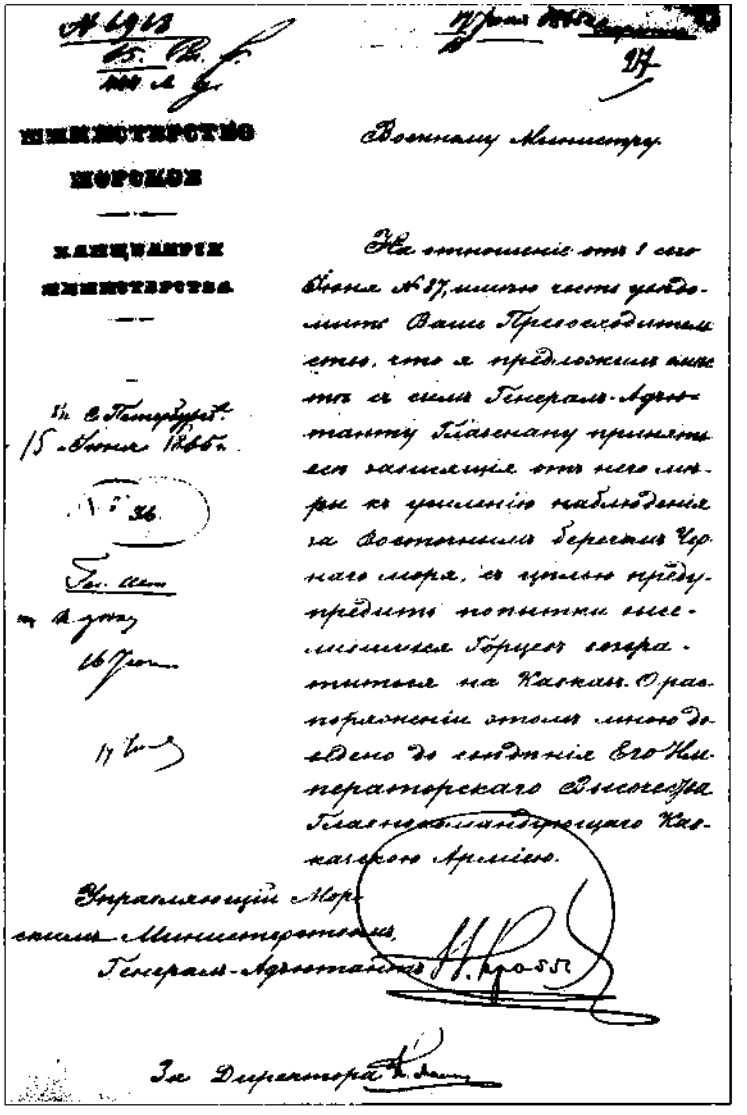
26

день за все время доходить отъ 200 до 300 человѣкъ, но и эта цифра вѣроятно преувеличена.

Береговой кордонъ еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ усиленъ двумя казачьими сотнями и если надобность укажетъ между береговыми постами учредить безпрерывные разъѣзды даже ночью, то имѣется въ виду имѣть на кордонѣ еще двѣ сотни. По всѣмъ этимъ причинамъ для наблюденія за морскими берегами я признаю до времени достаточными тѣхъ средствъ которыя нынѣ употребляются.

Генералъ Фельдцейхмейстеръ

Дежурный Генералъ,
Генералъ Квартирмейстеръ

№ 4913
15. Окт.
1866 г.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

КАНЦЕЛЯРИЯ МИНИСТЕРСТВА

Въ С.Петербургѣ
15 Октября 1866 г.

№ 36.

Его Сіятельству
Военному Министру.

На отношеніе отъ 1 сего Октября № 87, имѣю честь уведомить Ваше Превосходительство, что я предложилъ нынѣ отъ сего Генералъ-Адъютанту Князю Барятинскому принять къ свѣдѣнію сообщенное отъ него мнѣніе по вопросу о наблюденіи за Восточными берегами Чернаго моря, съ цѣлью предупредить попытки непріятельскихъ Горцевъ сообщаться на Кавказѣ. О распоряженіи этомъ имѣю честь довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою Арміею.

Управляющій Морскимъ Министерствомъ,
Генералъ-Адъютантъ

И. дело 55

Зав. Департаментомъ

нарк) и Талиб. 20-м марта 1864 г. датируется распоряжение Министерства внутренних дел о ссылке Кунта-Хаджи в Новгородскую губернию "без срока", т. е. пожизненно. Другие руководители братства были навечно сосланы в разные губернии: Абдусалам, Карнай и Талиб — в Смоленскую губернию; Мовсар, Гушмазуко-хаджи и Тарко-хаджи приговорены к ссылке в Выборгские арестантские роты сроком на пять лет с последующим бессрочным выселением в Сибирь.

По дороге в Выборг Мовсар сумел бежать и добрался до Турции. Вскоре к нему прибывает его семья, а также жена Кунта-Хаджи с детьми и семьи их ближайших родственников. Прожив некоторое время в Турции, Мовсар вскоре перебрался в Сирию, где и умер.

В ссылку в город Устюжно Кунта-Хаджи направлялся через Тамбов, где провел два месяца. Здесь он был разлучен со своими товарищами, отправленными в другие места. Известно, что на питание ему выделялось три копейки в день, что отразилось на его здоровье. По пути следования в ссылку, а также из города Устюжно Кунта-Хаджи пишет несколько писем князю Туманову, князю Турлову, наибам, кадиям Чечни и своим родным. В письмах, ссылаясь на незнание русского языка, цен на продукты, отсутствие элементарных вещей, необходимых для жизни, болезнь глаз и всего тела, он просит оставить с ним хотя бы одного из близких ему людей, сосланных в другие места. В одном из писем он прямо пишет, что ему решительно нечего есть.

Сильно беспокоит его положение семьи и родственников, оставшихся на родине. В частности, он часто спрашивает о сыне Мовле, опасаясь, что его постигнет участь отца. Также он просит уведомить его о состоянии братства, оставленного им. В работе В. Х. Акаева приводится текст одного из его писем жене: "Милая жена моя Седа. Будь столь добра, пришли мне десять рублей серебром, то мне жить нечем, получаю кормовых денег всего 6 копеек в сутки, а хлеб очень дорог и прочие продукты. Я, слава богу, остаюсь жив и здоров, чего и тебе душевно желаю. Адрес, где я живу, Новгородской губернии, уездный город Устюжно. Находящемуся под надзором полиции ших Кунты" *(цит. по: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 64)*. Интересно, что Кунта-Хаджи сообщал в своих письмах, что срок ссылки ему определили в два года. На чем основывалась его уверенность, неизвестно. Вряд ли полицейское начальство вводило его в заблуждение, скрывая настоящий приговор — пожизненная ссылка.

Неизвестно, доходили ли письма Кунта-Хаджи до его родственников. Скорее всего нет, потому что в мае 1865 г. его семья и другие близкие родственники переселились в Турцию. Известно, что генерал-майор Туманов, которому писал Кунта-Хаджи о своем бедственном положении в ссылке, обращался к командующему Кавказской армией Великому князю Михаилу Романову с просьбой улучшить положение Кунта-Хаджи: "Что касается до ших Кунты, по бедности своей не могущего содержать себя в ссылке на свой счет, я вхожу с представлением о разрешении вследствии особых обстоятельств производить ему довольствие на равных с лицами привилегированных сословий". Впрочем, князь Туманов не стал также и настаивать на своем представлении, когда потребовалось его повторить *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 63)*.

Сведения о том, как проходил ссылку Кунта-Хаджи, практически отсутствуют. В Устюжно с ним встречался российский историк И. Попов, на которого чеченский устаз произвел большое впечатление: "Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением держать беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства. Это был обаятельный человек и опасен в смысле политическом, к чему он стремился" *(цит. по: Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 66)*.

Ссылка Кунта-Хаджи длилась недолго. 19 мая 1867 г. он скончался. Причиной смерти, скорее всего, послужила болезнь, вызванная голодным истощением организма *(Ахмадов Я. З. Сын Кишш // Республика. 1991. 11 июля)*. Чеченская традиция отказывается признавать факт смерти Кунта-Хаджи. Его последователи уверены, что устаз скрылся из мира и со временем появится вновь. Таким образом, Кунта-Хаджи признается ими махди — мессией, который явится, чтобы возвестить приближающийся конец света. Тем более что он предсказал свое возвращение, и тогда в долине Бай-тугIи под Шалями произойдет решающее сражение между мусульманами и неверными (русскими), в котором последние потерпят окончательное поражение.

Хотя выступление кунта-хаджинцев было быстро подавлено, а большая часть населения Чечни не выступила в их поддержку, российское командование считало ситуацию по-прежнему потенциально взрывоопасной. Наместник Кавказа прямо: "Не смотря на столь благоприятный для нас исход первого столкновения с враждебной партией, я считаю задачу покорения ее еще далеко неоконченной, а потому предписал генерал-лейтенанту Лорис-Меликову

энергически продолжать начатое дело, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Войскам собранным в отряды я во внимание крайне сурового времени и морозов доходящих до 20 (градусов) разрешил добавочное довольствие по три винные порции в неделю и по одной четверти фунта сухарей, — и сделал распоряжение к тому, чтобы усилить Терскую область теперь войсками из Дагестана, а с наступлением весны полагаю перевести туда бригаду пехоты и драгунский полк из Кубанской области, где вероятно не будет уже необходимости в таких силах какие там теперь находятся.

В заключение считаю долгом выразить, что население Чечни, до тех пор пока оно остается на настоящем месте, будет долго, если не всегда, причиною волнений и препятствием к водворению гражданственности как в нем самом, так и в соседних племенах, которым оно служит постоянным соблазном.

Чтобы раз навсегда выйти из этого положения я считаю необходимым при первой возможности принять в отношении этого народа столь же действительныя меры, какия теперь применены для покорения племен Западного Кавказа, а до наступления благоприятного к этому времени усилить строгость надзора и взысканий за всякое нарушение порядка" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 429. Л. 60 — 61)*.

"Действенные меры", о которых пишет Великий князь Михаил Романов, — это массовое переселение горцев с Кавказа в глубь России или в Турцию. Вообще переселение горцев отдельными аулами практиковалось российскими властями уже давно. Но с завершением Кавказской войны речь шла уже о переселении больших масс горцев, причем мера эта предусматривалась не как временное наказание, а как мероприятие по окончательному закрытию "Кавказского вопроса". Вообще, о переселении горцев в Турцию после завершения Кавказской войны написано немало, и, пожалуй, нет необходимости подробно вдаваться в рассмотрение этого вопроса в данной работе. Много написано о целенаправленной политике российских властей по "выталкиванию" горского населения в Турцию, для того чтобы расселив на освободившихся землях казаков и переселенцев из центральных областей России, окончательно закрепить завоевание Кавказа. Достаточно подробно рассматривался в публикациях и механизм проведения в жизнь этой политики. Тем не менее есть несколько моментов, которые требуют специального рассмотрения.

Массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа началось, как известно, в 1864 г., хотя подготовка нему была начата еще до завершения военных действий на Северо-Восточном Кавказе в 1859 г. После разгрома имамата отмечены первые случаи массового выезда горцев в Турцию на постоянное жительство. По российским данным, с середины 50-х годов по 1861 г. в Турцию переселилось до тысячи человек *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 62)*. Россия поощряла переселенцев, беспрепятственно выдавая им заграничные паспорта, однако при этом возникали сложности с турецкими властями.

Вообще, принятие российского подданства турецкими подданными и, наоборот, турецкого подданства российскими традиционно было достаточно запутанной проблемой в российско-турецких отношениях. Для ее урегулирования в Адрианопольский мирный договор был включен специальный пункт, в соответствии с которым подданные обоих государств получали новое гражданство по истечении 18-месячного срока со дня свободного переселения из одной страны в другую. Однако, по признанию Русской константинопольской миссии, российские власти выдавали новые паспорта и тем турецким подданным, которые не имели право на российское гражданство. Так, многие турецкие христиане, прибывая по коммерческим и прочим делам в российские порты, приобретали российское подданство и возвращались на постоянное жительство в Турцию, где в качестве иностранных подданных получали целый ряд привилегий. Так, за два года после завершения Крымской войны число российских подданных только в Анатолии составило 15 тысяч человек *(ЦГВИА. Ф. 38.Оп.7.Д.382. Л.7.)* Делалось это в духе российской политики по оказанию покровительства православному населению Турции и создавало массу удобных поводов для вмешательства в действия турецких властей под предлогом защиты интересов новых российских подданных.

Протесты турецкой стороны мало волновали российские власти до тех пор, пока не возникла проблема обеспечить массовый исход кавказских горцев в Турцию. Турецкие власти потребовали приостановить начавшееся в 1859 г. переселение, намереваясь, по всей видимости, за свое согласие принять горцев получить уступки в вопросе о принятии российского гражданства турецкими христианами. Таким образом, судьба горцев оказалась разменной монетой между Россией и Турцией.

В ноте, переданной 1859 г. Российской миссии в Стамбуле, турецкое правительство запросило официальных разъяснений по позиции России в вопросе о переселении горцев и принятии ими турецкого подданства. В устной форме в дополнение к ноте турецкий кабинет министров требовал прекратить пересе-

ление и не возобновлять его без предварительного согласия турецкой стороны, а также в выдаваемых российскими властями заграничных паспортах указывать, "...навсегда ли предъявитель переселяется в Турцию, с согласия ли нашего правительства и теряет ли права Русского подданного" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 15об)*.

Видимо, российские власти ожидали подобных действий со стороны турецких властей, и поэтому заграничные паспорта горцам-переселенцам оформлялись якобы для паломничества к святыням ислама. При этом власти не смущал тот факт, что в паломничество горцы отправлялись целыми семьями, предварительно распродав все свое имущество. Тем не менее в Санкт-Петербурге не без основания выразили обеспокоенность данной нотой, полагая, что "...Порта хотела бы на основании нашего отзыва, противопоставить нашим предложениям существующий у нас порядок". От имени Государя Императора российскому представителю в Турции были переданы следующие инструкции: "...наш ответ должен заключаться в следующем:

1). Мы никогда не оспаривали и не оспариваем у других держав права принимать в их подданство наших выходцев без разрешения нашего правительства.

2). Наши мусульмане ходатайствуют о разрешении им выезда в Турцию, не для переселения, а для поклонения гробу Магомета. Мы не хотим и не можем противиться исполнению желания, внушенного религиозным убеждением.

3). Переселение в какое бы ни было государство не может совершаться без согласия правительства сего государства. Нет нужды пояснять в сем отношении международное право.

4). Разрешение переселения всегда удостоверяется не обыкновенным заграничным паспортом, но особым письменным документом.

Переселение всегда совершается на безсрочное время.

Кому дано разрешение, тот, как само собою разумеется, выходит из Русского подданства" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 15об. — 16об)*.

Таким образом, Россия первоначально официально не принимала на себя никаких обязательств по обеспечению условий и порядка переселения горцев, отказываясь даже признавать сам факт массового выселения горцев, прикрываясь предлогом о якобы паломничестве в Мекку. Верхом цинизма можно считать то обстоятельство, что в тех же инструкциях указывалось: "Государю Императору благоугодно к сим указаниям присовокупить еще одно:

Нам желательно, чтобы наши выходцы не были поселяемы близ нашей границы. Основываясь на дружественных наших отношениях к Порте, Вы постарайтесь отклонить подобную меру, если бы турецкое правительство решилось на оную, но нам не должно возбуждать вопроса о праве" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 17об)*.

Однако вскоре выяснилось, что большая часть выселившихся в Турцию горцев не смогли там прижиться и начала возвращаться обратно. Российские власти с сожалением констатировали, что не могут законным образом воспрепятствовать их возвращению именно в силу того, что заграничные паспорта были им оформлены на временный выезд. Однако возвращать горцев обратно на Кавказ российские власти не собирались. 6 июня 1861 г. Командующий Кавказской армией князь Орбелиани по этому поводу сообщал военному министру: "...водворять на Кавказе этих бездомных бродяг, лишившихся вследствие переезда в Турцию почти всего своего имущества, значит добровольно увеличивать разбои и грабежи в крае, умиротворение которого стоит столько усилий и пожертвований, а по сему ... полагал бы таковых людей отправлять на поселение во внутрь России, где бы они могли образовать особыя общины, совершенно безвредные для края посреди русского населения" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 22об. — 23)*. Поэтому наместник Кавказа предложил всех прибывающих через Черное море горцев, не допуская в кавказские порты, сразу же направлять на кораблях на Дон, для поселения на землях Войска Донского. Тех же, кто возвращался через сухопутную границу, направлять в Баку, а оттуда через Каспийское море перевозить в Астрахань. Дополнительно предлагалось широко оповестить еще остающихся в Турции горцев, что в случае возвращения в Россию они будут направлены для поселения не на Кавказ, а в Россию *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 23 — 24)*.

Военный министр поддержал предложение о недопущении возвращения горцев на Кавказ, однако не согласился с предложением расселять их на землях Донского и Астраханского казачьих войск, указывая, что там слишком мало свободных земель. В качестве места переселения горцев были предложены земли Уральского и Оренбургского казачьих войск *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 25 — 26)*.

Тем временем первые группы горцев уже начали прибывать в Россию. Те, кто выезжал из Турции морским путем, направлялись в Керчь, где выяснилось, что часть горцев имеет на руках паспорта, выписанные на другие лица. Было установлено, что

российское консульство в Стамбуле перепутало паспорта двух групп горцев, возвращавшихся разными путями: морским и сухопутным. Командующий Кавказской армией князь Орбелиани воспользовался указанным обстоятельством для задержания всех горцев в Керчи и вновь запросить военного министра: "...последовало ли Высочайшее Государя Императора разрешение на представление мое 6-го июня за № 1129, касательно отправления возвращающихся из Турции горцев внутрь России" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 53. — 54об)*.

В конце концов вопрос о том, что делать с возвращающимися горцами, был 26 июля 1861 г. вынесен на заседание российского правительства. Комитет Министров поддержал предложение наместника Кавказа о переселении возвращающихся из Турции горцев за пределами Кавказского края, однако отклонил область Войска Донского как предполагаемое место поселения "...потому, что водворение переселенцев в пределах земли Войска Донского считается местными жителями нарушением их прав" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 63об)*. Также было отклонено предложение поселить горцев в центральных губерниях России, поскольку это означало почти их верную гибель. Дело в том, что в 1859 г. 159 натухайцев уже были переселены в Новоузенский уезд Самарской губернии. Уже в следующем году власти оказались вынужденными вернуть их на Кавказ по причине большой смертности — за год в живых остался только 81 человек *(Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 213)*. Принятое решение выглядело следующим образом:

"1). Предписать нашим дипломатическим агентам и консулам в Турции: а) всем тем из кавказских выходцев, о коих будет известно, что они вступили уже в турецкое подданство, или которые просрочили свои паспорты, или наконец тем, которые не имеют отдельных паспортов на свое имя, или с ближайшими лишь членами семейства, а предъявят билеты, совокупно выданные на несколько семейств или лиц — таковым в выдаче разрешений на возвращение в Россию отказывать; б) от тех же, которые имеют непросроченные паспорты на отдельное лицо или с ближайшими лишь членами семейства и ничем не изобличаются во вступлении в турецкое подданство, — отбирать показание: имеют ли они на Кавказе какую либо оседлость или имущество и, в случае утвердительного ответа, выдавать разрешение на проезд в Россию, ...

2). ...возвратившихся уже на Кавказ и временно поселенных в Черномории выходцев, если у них нет нигде постоянной оседлости, выслать в Оренбургскую губернию, ...

3). Возвращающихся ... кавказцев, оставивших в своем отечестве какое-либо имущество, водворять на прежнем месте их жительства с тем, чтобы в случае оказания с их стороны непокорности или грабежа, с ними было поступлено по всей строгости действующих постановлений" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 64об. — 66 об)*.

Таким образом, в июле 1861 г. получили разрешение вернуться на прежние места жительства 30 семей кумыков (всего 375 человек), вернувшихся из Турции *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 72)*.

23 августа 1861 г. российское правительство вновь вернулось к рассмотрению вопроса о возвращающихся из Турции кавказских горцах. К этому времени уже разрабатывались маршруты переброски горцев до Самары речным путем, а далее сухопутными конвоями до места назначения. Всего намечалось к переселению на земли Оренбургского казачьего войска 1140 человек, а на земли Уральского казачьего войска — до 200 семейств (примерно тысяча человек) *(Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 220)*. Однако правительство посчитало, что расходы, сопряженные с отправкой переселенцев на новые места и их обустройством за счет казны, окажутся слишком велики, ввиду того, что ожидалось возвращение значительного числа горцев. Поэтому было принято новое решение: тем горцам, у которых сохранилось какое-либо имущество разрешить возвращаться на прежние места жительства, всех остальных расселять в Ставропольской губернии. При этом местным властям предоставлялось право в тех случаях, когда оно сочтет нужным, постепенно переселять горцев в Оренбургскую губернию *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 82 — 85об)*.

Вскоре, однако, выяснилось, что число горцев, желающих вернуться на родину, относительно невелико. Если в 1861 г. вернулось 471 семейство (4300 человек), то в следующем, 1862 г. — всего 41 семейство *(Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 221)*. Именно поэтому российские власти вновь сосредоточили усилия на том, чтобы "вытолкнуть" в Турцию как можно больше кавказских горцев. Тем более что по мере продвижения российских войск и захвата все новых земель у горцев последние часто сами высказывали желание переселиться в Турцию. Так, в июле 1861 г. было разрешено выселиться в Турцию горцам, жившим в верховьях рек Большого и Малого Зеленчука, Урупа, Лабы и Ходза. В сентябре того же года российские власти воспользовались просьбой еще 2500 семейств о переселении в Тур-

цию, чтобы оказать давление на турецкое правительство. Российский представитель в Стамбуле докладывал, что "... воспользовался вместе с тем этим случаем, дабы еще раз поставить Порте на вид необходимость принять деятельные меры для решения вопроса о переселении христианских выходцев Турции в наши пределы, и объявить что правительство наше имеет право рассчитывать на справедливую взаимность со стороны Порты..." *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 382. Л. 69, 107 — 109)*. Таким образом, российские и турецкие власти занимались обменом мусульманского населения России на христиан Турции. Причем оба государства, как правило, расселяли значительную часть своих новых граждан в наиболее беспокойных областях своих владений в качестве опоры против национально-освободительного движения местных народов. Именно поэтому большое количество чеченцев было расселено турецкими властями в арабских странах — Сирии, Иордании, Ираке; значительная часть черкесов направлена для поселения в беспокойную Болгарию, а также расселено недалеко от российской границы.

Что касается чеченцев, то уже в ходе Кавказской войны российские власти время от времени прибегали к переселению отдельных аулов. Чаще всего речь шла о выселении части населения с гор на равнины в селения, расположенные рядом с российскими укреплениями. В 40 — 50-х годах при создании Сунженской Линии было разрушено большое количество чеченских селений и согнано с насиженных земель немало чеченцев. Когда после завершения военных действий встал вопрос об устройстве оставшихся без земли и средств к существованию чеченцев, российские власти приняли решение переселить часть населения, сохранив при этом за Терским казачьим войском все земли, отнятые до этого у горцев. Воспользовавшись тем, что значительная часть жителей Малой Кабарды выселилась в Турцию, в 1860 г. генерал Евдокимов, командовавший войсками Среднего отдела Терской области (территория Чечни), предложил переселить на освободившиеся земли часть чеченцев. Попытка осуществить этот план вызвала восстание в Ичкерии и Аргунском округе, во главе которого стояли бывшие шамилевские наибы Ума Дуев и Атаби Атаев. Подавив выступление, Евдокимов все же переселил часть чеченцев с гор на равнину, а общество карабулаков — в Малую Кабарду.

После того как граф Евдокимов был переведен на Кубань, его преемник Святополк-Мирский не только прекратил переселение горцев, но и разрешил чеченским общинам западных аккинцев и карабулаков вернуться на прежние места обитания. Одновременно было приостановлено расселение казачьих станиц на чеченских землях. Эти меры на какое-то время успокоили чеченцев, однако сохранили обеспокоенность российского командования, которое по-прежнему считало Чечню самой потенциально опасной частью Северного Кавказа. Вооруженное выступление сторонников Кунта-Хаджи в январе 1864 г., хотя и было быстро подавлено, все же подтвердило худшие опасения кавказского начальства о том, что и в нынешнем положении чеченцы сохраняли возможность к активному сопротивлению.

В 1864 г. начальник штаба Кавказской армии генерал Карцев представил секретный меморандум, в котором обосновал необходимость переселения горцев, и прежде всего чеченцев, в Турцию. Анализируя обстановку в целом на Северном Кавказе, он признавал ее спокойной в северо-западной его части. С 1861 по 1863 г. здесь было основано дополнительно 113 станиц и расселено в них 13 850 семей. Военные действия на завершающем этапе Кавказской войны привели к изгнанию с насиженных земель большей части адыго-черкесских племен, которые почти поголовно готовились выселиться в Турцию. На равнинах российские власти оставили не больше 100 тысяч горцев в окружении 220 тысяч казачьего населения *(Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 214)*. Таким образом, по мнению генерала Карцева, по завершении выселения западно-кавказских горцев в Турцию покорение этой области может считаться свершившимся фактом.

Гораздо хуже, по его мнению, обстояло дело на Северо-Восточном Кавказе. Здесь не вызывало беспокойства только положение в Кабарде и Осетии, население которых признавалось вполне благонадежным. Некоторую тревогу внушал Дагестан, многочисленное население которого ненавидело российское управление, однако суровая природа этой области и недостаток удобных земель приводят к тому, что в массе своей дагестанские народы дорожат тем, что имеют и поэтому их нелегко поднять на открытое выступление. Кроме того, наличие здесь разноплеменного населения позволяло властям играть на внутридагестанских противоречиях. Поэтому, как указывал Карцев, рассчитывать на преданность дагестанцев не приходится, но вместе с тем и не следует опасаться, что они поднимут восстание.

Совсем иначе он оценивал ситуацию в Чечне, подчеркивая: "Тут все сложилось против нас: и характер народа, и общественный быт его, и местность!" Десятилетиями чеченцы находились между двух огней: с одной стороны, их селения систематически громились российской армией, а с другой, Ша-

миль, требуя продолжения войны, практиковал переселения селений с одного места на другое. Не имея сил отбивать российские войска и не имея возможности сбросить иго Шамиля, чеченцы в массе своей прикладывали все свои силы только к тому, чтобы "...увертываться от грозивших опасностей, употребляя и свое оружие и разные ухищрения то против одной, то против другой стороны и всегда друг против друга... То наши колонны истребляли их, то Шамиль переселял на другие места по мере наших продвижений; благодаря необычайному плодородию почвы народ не погибал от голода, но потерял всякое понятие об удобствах жизни, перестал дорожить своим домом и даже своим семейством" *(цит. по:. Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону. 1925. С. 42)*. Тот же Шамиль, по словам Карцева, никогда не считал свою власть над чеченцами прочной и поддерживал ее только постоянными и суровыми казнями.

Несмотря на то, что в Чечне воздвигнуто много укреплений и созданы казачьи станицы, большая часть чеченцев по-прежнему живет в труднодоступных местах, имеющих выход к Дагестану, благодаря чему они не утратили способности к сопротивлению. Действия генерала Евдокимова по переселению чеченцев подальше от родных мест Карцев считал правильными и оправданными, указывая одновременно, что Святополк-Мирский своим решением вернуть чеченцев на прежние места обитания только укрепил их в решимости защищаться. Этим он и объяснял новое восстание в Чечне. Учитывая стесненность чеченцев в горах, а также их национальный характер, Карцев не одобрял также предложенный местным начальством план переселения чеченцев на левый берег Сунжи и Терека в пределах самой Чечни, предсказывая, что помимо больших расходов из казны это приведет только к усилению чеченцев. Возможным он признавал только переселение до тысячи чеченских семейств на территорию надтеречных наибств, где, находясь на равнине между Терской и Сунженской Линиями, они не будут представлять большой опасности.

Главное, что, по мнению Карцева окончательно лишит чеченцев возможности оказывать сопротивление политике российских властей — это переселение их частью в Турцию, частью в Малую Кабарду. Для расселения чеченцев в Малой Кабарде предполагалось изъять 140 тысяч десятин из земель князей Бековичей-Черкасских. Переселенцев в Малую Кабарду считалось необходимым сразу же обложить государственными податями. Указанные мероприятия в отношении чеченцев предполагалось осуществить в течение 5 — 6 лет, обеспечив их выполнение путем сосредоточения в Чечне достаточного количества войск для немедленного подавления любой попытки к восстанию.

Вопрос о судьбе чеченцев обсуждался на самом высоком уровне. Военный министр Милютин извещал командующего Кавказской армией, что император Александр II в целом одобрительно отнесся к предложениям генерала Карцева, указав, однако, "...что насильственное переселение чеченцев произведет неблагоприятное впечатление на все горское население Кавказа и потребует значительных расходов, высочайше соизволил выразить желание, чтобы вопрос успокоения Чечни разрешился по возможности мирным путем добровольного переселения чеченцев" *(цит. по: Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 216)*.

После этого указания кавказское начальство приступило к организации "добровольного переселения" чеченцев, вместе с другими горцами, в Турцию. Для этого было, в частности, использовано и неудачное выступление кунта-хаджинцев. Поскольку кунта-хаджинцы считались самыми активными противниками российской власти, именно среди них начали распространяться слухи о том, что Кунта-Хаджи будет в ближайшее время из ссылки направлен в Турцию, где уже находится его брат Мовсар. Поверив этим слухам, многие зикристы высказали желание переселиться. Способствовали переселению и преследования властей. Особо важное значение придавалось тому, чтобы убедить переселиться оставшихся в Чечне ближайших родственников Кунта-Хаджи. Генерал Муса Кундухов, который непосредственно осуществлял операцию по массовому переселению чеченцев, писал: "В Большой же Чечне, по-моему, необходимо двинуть брата Конты: с ними пойдут все зикристы, и это было бы очень хорошо во всех отношениях. Я послал к нему, чтобы он поскорее выступил со всеми своими родственниками" *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 106)*.

В 1864 г. в Чечне усиливаются слухи о грядущем ужесточении политики властей в отношении горцев: якобы вскоре их будут насильно обращать в христианство, брать на военную службу, отбирать оружие, вводить новые налоги и т. д. Одновременно стали появляться прокламации, подписанные турецкими эмиссарами, а также горцами, ранее выселившимися в Турцию. Их распространением занималась российская администрация. Вот что писал начальник Терской области М. Т. Лорис-Меликов: "Граф Евдокимов передал мне перевод прокламации турецкого

эмиссара, приглашающего горцев в Турцию. Содержанием своим прокламация эта подходит близко к экземпляру, доставленному мной Вашему Превосходительству... Хотя и трудно ожидать, чтобы можно было возбудить охоту к переселению в добрых наших чеченцах собственно одной этой прокламацией, но все-таки не мешало бы прислать мне несколько экземпляров для распространения в населении" *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону. 1925. С. 19)*. Указанные прокламации убеждали чеченцев переселяться в Турцию, где султан якобы отведет им для поселения удобные земли и выделит средства для обустройства на новом месте.

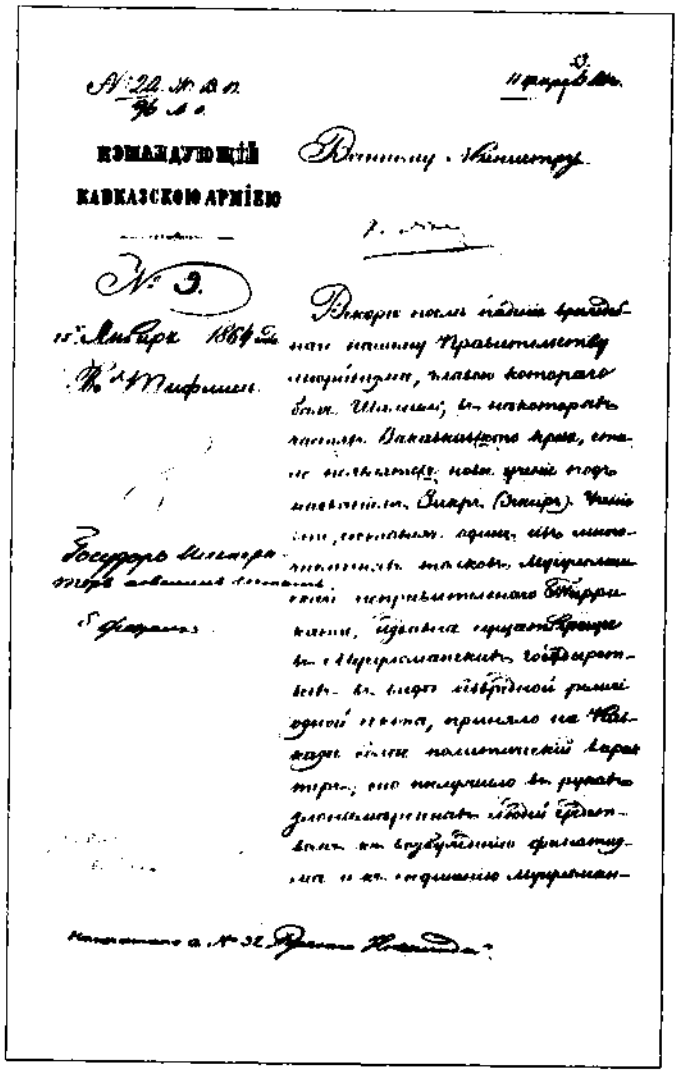
Агитация, организованная российскими властями, имела значительный успех среди чеченцев. Власти Терской области докладывали даже о готовности чеченцев переселяться целыми селениями, например, сообщалось, что такое желание высказали жители Шали и Иласхан-Юрта. Тот же Муса Кундухов удовлетворенно докладывал: "В Чечне везде спокойно, думают только о переселении, сердятся и бранят Тазу (речь идет о Тазу Экмирзаеве, организовавшем выступление кунта-хаджинцев в Харачое в мае 1865 г.), на которого вместе с тем смеются, называя его, кто как хочет" *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 106)*.

Впрочем, как показали последующие события, власти сильно переоценили результаты своей агитации, и подавляющее большинство чеченцев предпочло остаться на родине. О том, что среди чеченцев сильны настроения не допустить массового исхода в Турцию, предупреждали местные власти. Так, полковник Беллик 25 марта 1865 г. доносил Начальнику Терской области: "... Другой чеченец, после многих стаканов портера, был более откровенен, ... он прямо сказал: не пойдем мы в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда; в Турции ждет нас смерть, ждет она и здесь нас, но здесь она приятней, потому что здесь наша родина и здесь лежат отцы наши, побитые русскими" *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 60)*.

В апреле 1865 г. российские власти обратились к турецким властям с просьбой оказать содействие в переселении 5 тысяч чеченских семей в Малую Азию через сухопутную границу. Маршрут переселенцев пролегал через Военно-Грузинскую дорогу на Тифлис и далее к Карсу. При этом российские власти потребовали (и получили) гарантии от турецких властей, что чеченцы будут расселены во внутренних районах Анатолии, подальше от российской границы *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 499. Л.14)*.

В мае 1865 г. в Турцию сухопутным путем через Закавказье было отправлено 5002 семей чеченцев — всего 22 491 человек. Переселенцы угнали с собой 16 тысяч голов скота. Переселение чеченцев обошлось российской казне в 118 тысяч рублей. По-другому сложилась ситуация на Северо-Западном Кавказе, где только в 1864 г. и только морским путем было отправлено в Турцию 354 537 человек. Общее количество северо-западных горцев, переселившихся в Турцию, составило приблизительно 500 тысяч человек *(Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 218)*. Впрочем, массовый исход черкесов меньше всего был связан с российской агитацией. Главной причиной переселения послужило массированное наступление российских войск на последнем этапе войны, в результате которого огромное число горцев оказалось согнанным на Черноморское побережье. Командовавший наступающими войсками генерал Евдокимов докладывал: "Горцы, согнанные нами на узкую полоску вдоль моря, при дальнейшем наступлении наших войск окажутся в безвыходном положении. ... Поэтому наше человеколюбие и желание облегчить задачу нашей армии заставляют нас открыть им другой путь: переселение в Турцию" *(цит. по: Айдамиров А. Долгие ночи. М., 1996. С. 24)*. Изгнание горцев считалось непременным условием окончания войны: "Но как непременным условием окончания этой войны должно быть совершенное очищение восточного Черноморского прибрежья и переселение горцев в Турцию, то вопрос о времени окончания войны, при настоящих обстоятельствах приводит к тому — во сколько времени успеем мы отправить в Турцию враждебное нам население" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 448. Л. 9)*.

Известно, что переселение черкесов сопровождалось гибелью большого количества переселенцев, которые, согнанные в несколько сборных пунктов на побережье, стали жертвами эпидемии тифа и оспы. Российские власти отмечали даже случаи гибели экипажей судов, перевозивших горцев. Так, погибла от тифа команда французского парохода, нанятого для перевозки горцев в Турцию *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 448. Л. 26)*. Только после того, как "... в Кубанской области осталось их (горцев) от 80 до 100 тысяч обоего пола", российские власти приняли решение прекратить дальнейшее переселение. При принятии этого решения главную роль сыграло то, что "...при настоящем положении своем, закубанские горцы не только совершенно для нас безвредны, но и приносят некоторую пользу в малолюдном Закубанском крае, ..." *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 448. Л. 64 — 67)*.

№ 22. № 8 п.
№ 1 с.

Командующій
Кавказскою арміею

№ 3.

15 Января 1864 г.

Г. Тифлисъ.

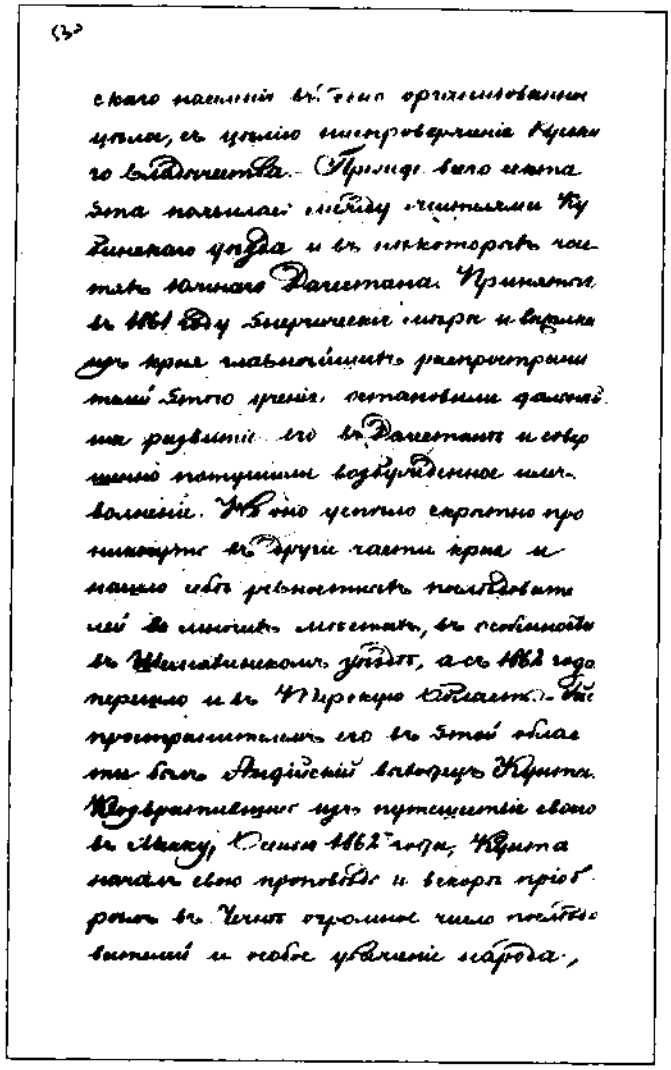
Государю Императору
соблаговолить

Г. Фадеевъ

Военному Министру.

Января после нашей удачной
нами нашему Правительству
ущербъ, главою которого
быль Шамиль; и некоторая
часть Дагестанскаго края, стоя
не подчиненія, подъ управ
ленія Имама (Имаря). Чтобы
сего, главнымъ образомъ, ис
полнить такой мерзкій
ненавистнаго Шамиля, удалена
и Черноморскаго Войска
въ Черноморскомъ Войскѣ
въ числѣ Кавказской гвар
ды, прислало на Кав
каз. съ полномочіемъ Карав
тора, что получило въ управ
дополнительно къ своей бригад
въ возбужденіи фанатиз
ма и въ подчиненіи мурманъ

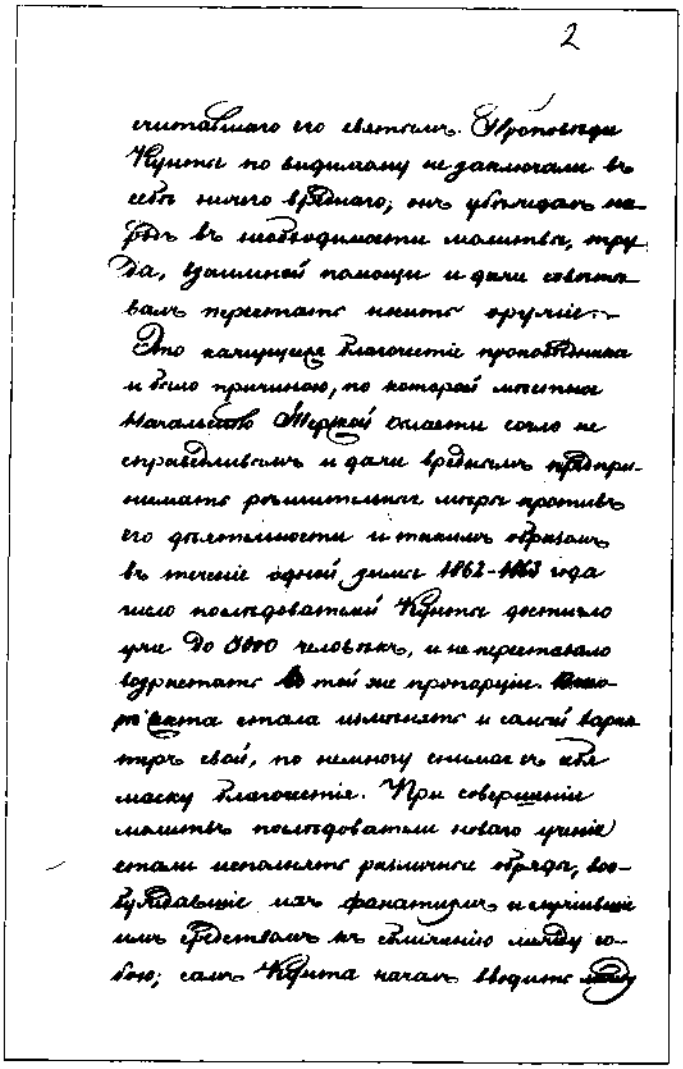
Начальникъ Штаба № 32

(3)

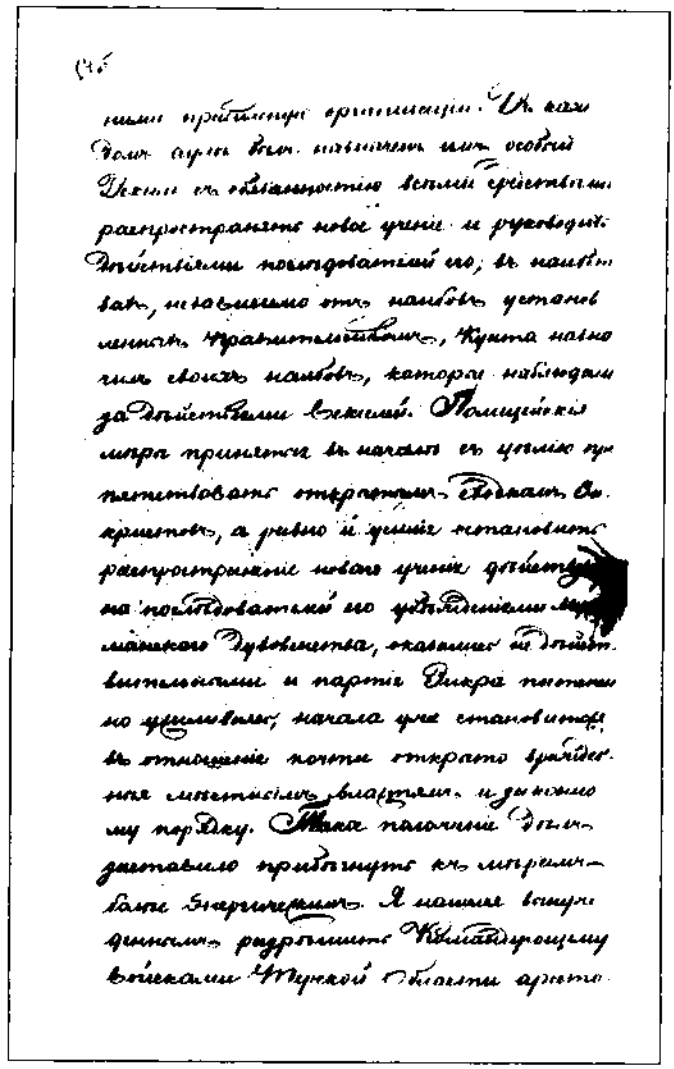
своего наименія въ Чечню организованныхъ
цѣлью, въ цѣлію распространенія Русскаго
го владычества. Примѣръ было самаго
зора послѣдній между чеченцами Ку
Кумыкскаго округа и въ нѣкоторой часть
ности Южнаго Дагестана. Принятое
въ 1861 году Кавказскимъ Корпусомъ и вполнѣ
щее время главнѣйшимъ распространи
тель этого зрѣнія, остановившимъ фанатиз
ма развитіе его въ Дагестанѣ и совер
шенно нарушившимъ возбужденное имя
волненіе. Въ это успѣшно стремятся про
никнуть въ другія части края и
нашею себѣ увеличить послѣдовате
лей въ числѣ мюридовъ, въ особенности
въ Шамхальскомъ округѣ, а въ 1862 году
перешло и въ Аварскую область. Бы
распространительнѣе его въ этой области
былъ Андійскій Кадій Кунта.
Возвратившись изъ путешествія своего
въ Мекку, Осенью 1862 года, Кунта
началъ свою проповѣдь и вскорѣ пріоб
рѣлъ въ Чечнѣ огромное число послѣдо
вателей и особое уваженіе народа,

Доклад Командующего Кавказской армией Военному Министру России о событиях на Кавказе, связанных с движением Кунта-Хаджи (1864 г. Санкт-Петербург)

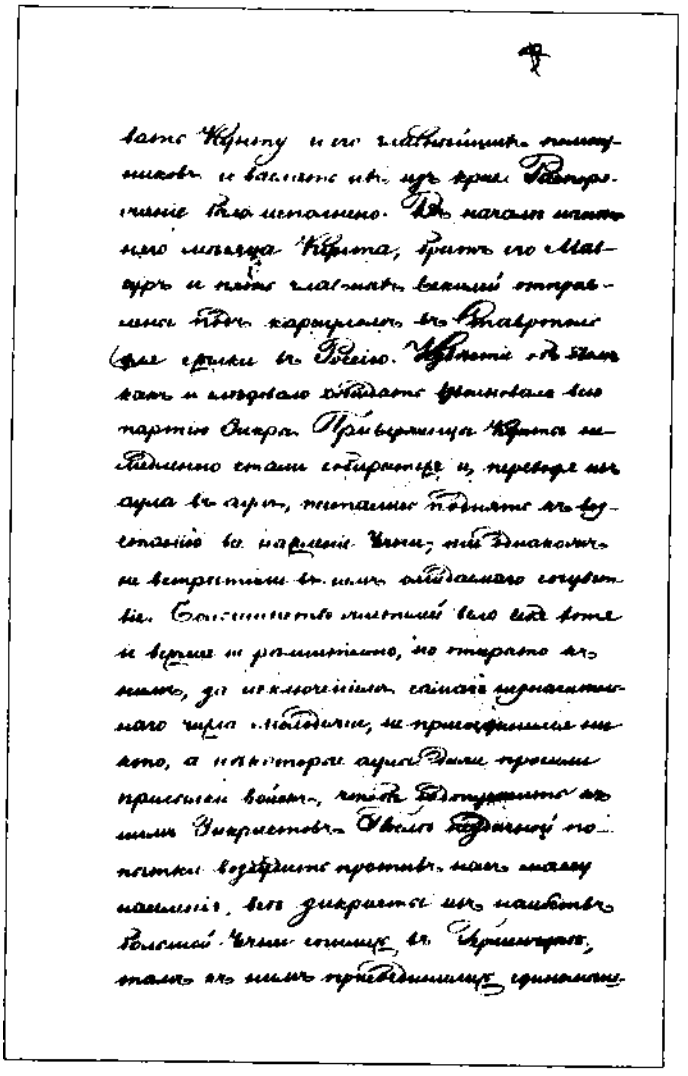
2

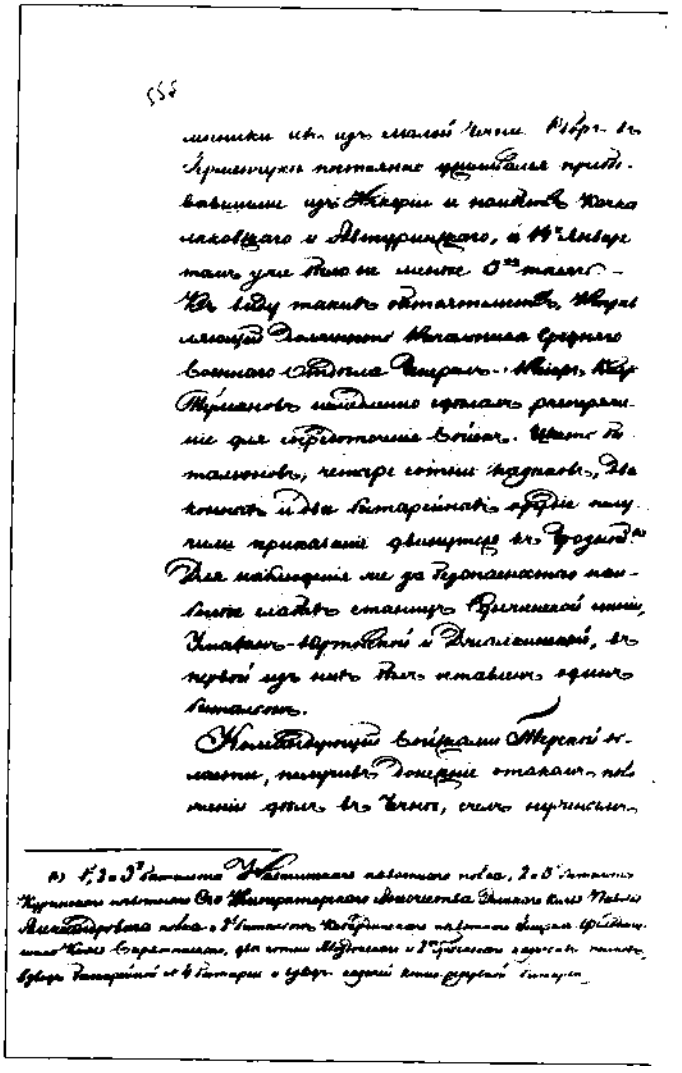
считавшаго его святым. Проповѣдь Кунта по видимому не давала ему въ себѣ ничего вреднаго; онъ убѣждалъ народъ въ необходимости молитвы, труда, взаимной помощи и далъ святымъ право перестать платить оброкъ. Это льстящее благочестію проповѣдника и всѣмъ причинное, по которой мюридъ Магомета Мухой оказался столь не справедливымъ и далъ вредный примѣръ принимать рѣшительныя мѣры противъ его долголѣтности и такимъ образомъ въ теченіе одной зимы 1862-1863 года число послѣдователей Кунта достигло уже до 6000 человѣкъ, и не переставало возрастать въ той же пропорціи. Вскорѣ вся сила стала имѣть и самъ Кунта характеръ свой, по немногу снимая съ себя маску благочестія. При совершеніи молитвъ послѣдователи новаго ученія стали исполнять различныя обряда, возбуждавшіе въ фанатикахъ и слушавшихъ ихъ средствахъ къ сильнѣйшему энтузіазму; самъ Кунта началъ вводить

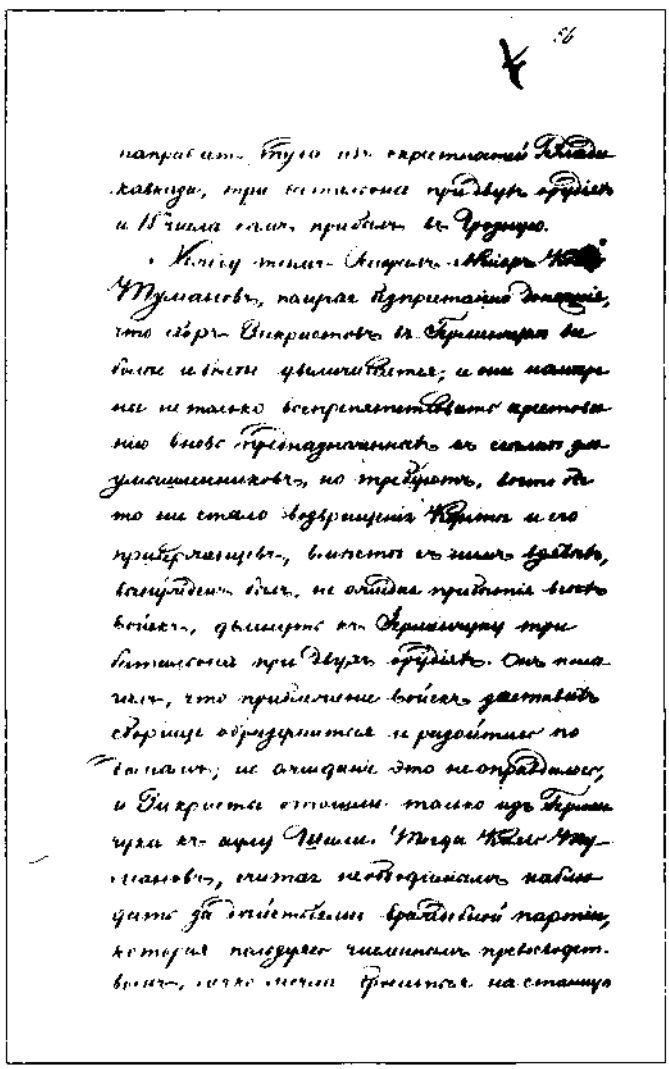

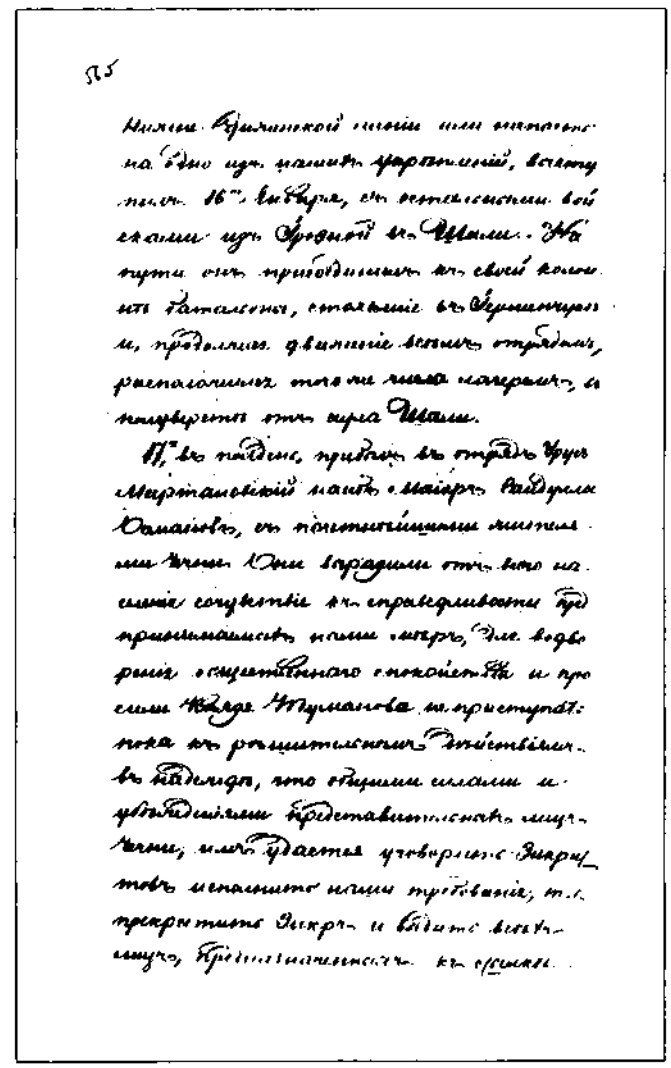
(36

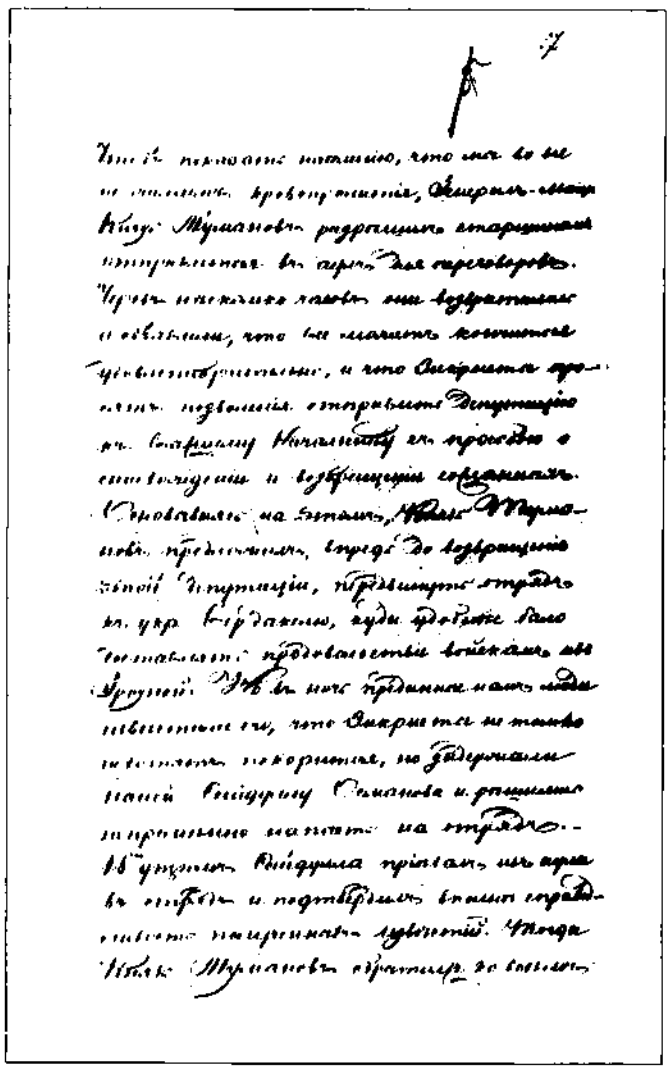
ними приближенными. Онъ какъ было сдѣлано всѣми имѣющими или особой Указомъ съ обязанностію всѣми средствами распространять новое ученіе и руководить дѣятельныхъ послѣдователей его, въ наивозможно, нельзя отъ наивозможно установленныхъ Правительствомъ, Кунта наложилъ своихъ наивозможно, которыя наблюдали за дѣятельными членами. Полицейскія мѣры принялся въ начале съ успѣхомъ пресѣкать открытыя сходки Кунтистовъ, а равно и ученіе остановить распространеніе новаго ученія дѣятельныхъ послѣдователей его удаленіемъ [redacted] мѣстнаго духовенства, оказавшихъ не дѣятельныхъ и партіи Кунта постепенно уничтожилъ; начала уже становиться въ отношеніи почти открыто враждебныя мюридизмъ увлеченія и должно ему порядку. Такія полезныя дѣятельности прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе энергическимъ. Я нашелъ возможнымъ разрѣшить Кавказскому военному Мухой области арсто

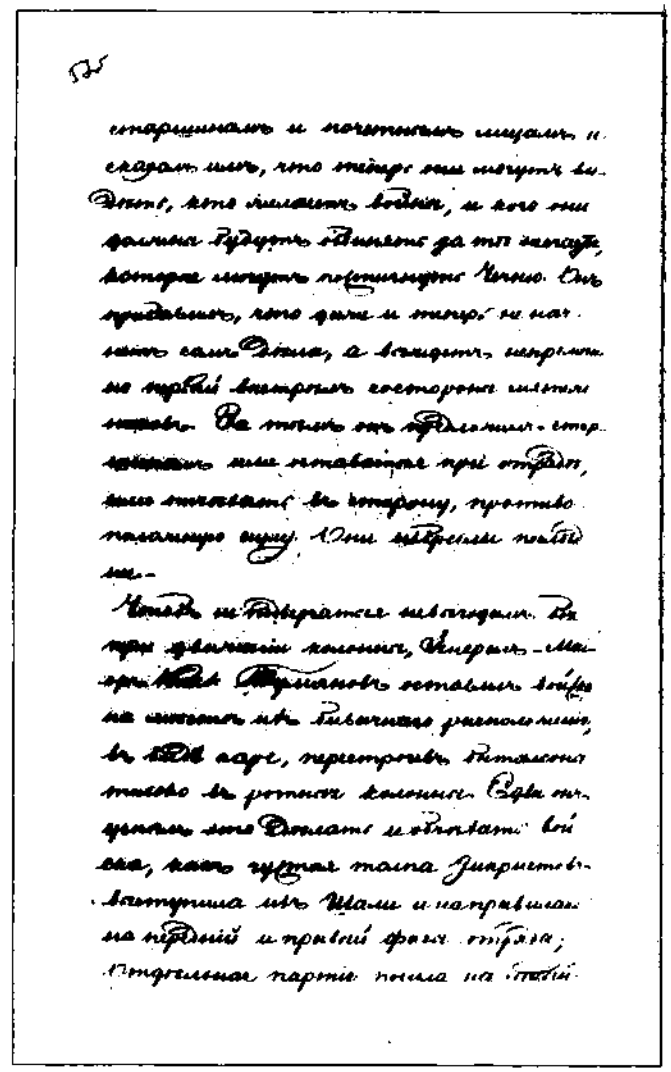

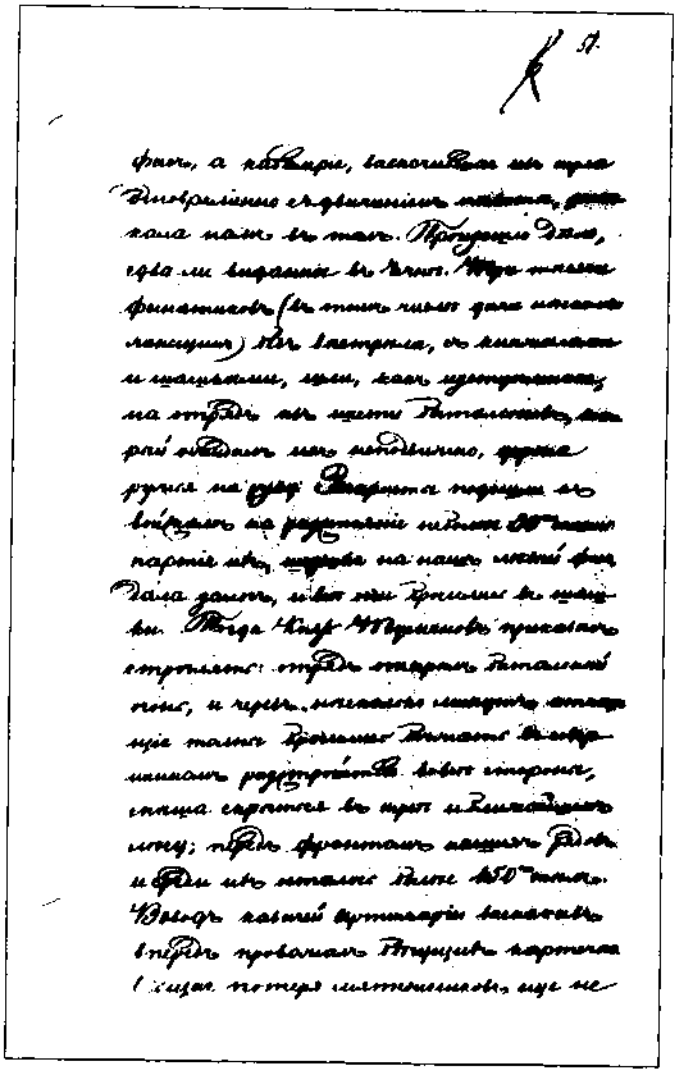

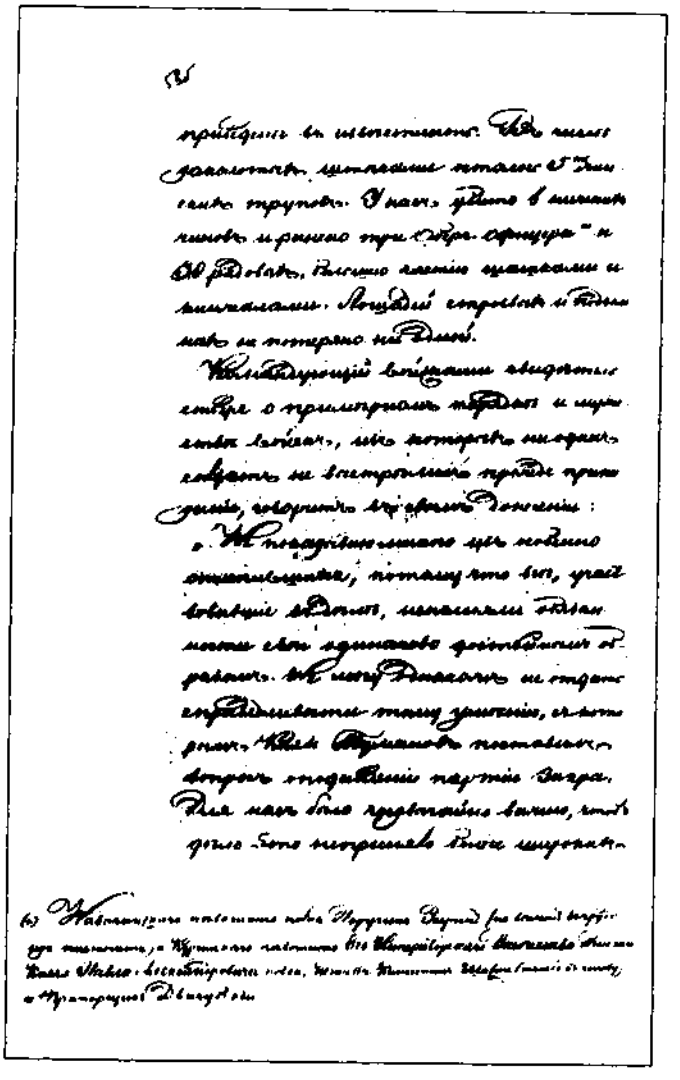
Чтобъ прекратить споръ, кто изъ насъ
не отличенъ храбростью, Офицеръ-Мастеръ
Князь Трубецкой предложилъ отправиться
въ паркъ для переговоровъ.
Чрезъ нѣсколько часовъ они возвратились
и объявили, что Ихъ Высочество
Цесаревичъ, и что Августѣйшій Родитель
подъ видомъ отправленія Депутаціи
къ Генералу Кульневу съ просьбою о
сопротивленіи и возвращеніи сокровищъ
Отправился на Битву Князь Трубецкой предложилъ, чтобъ до возвращенія
этой Депутаціи, продолжить отдыхъ
и укрѣпиться, гдѣ кто былъ
расположенъ; продолжать войскамъ ихъ
другой день. Но мы предложили имъ
увѣдомить ихъ, что Августѣйшій не можетъ
нарушить покоренія, но дождемся
нашей Депутаціи Князя и рѣшимся
на предложенное имъ отъ насъ.
Черезъ Часъ Депутаціи пріѣхали въ паркъ
и подтвердили намъ предложеніе
нашихъ Князей Трубецкой. Тогда
Князь Трубецкой отправился до конца

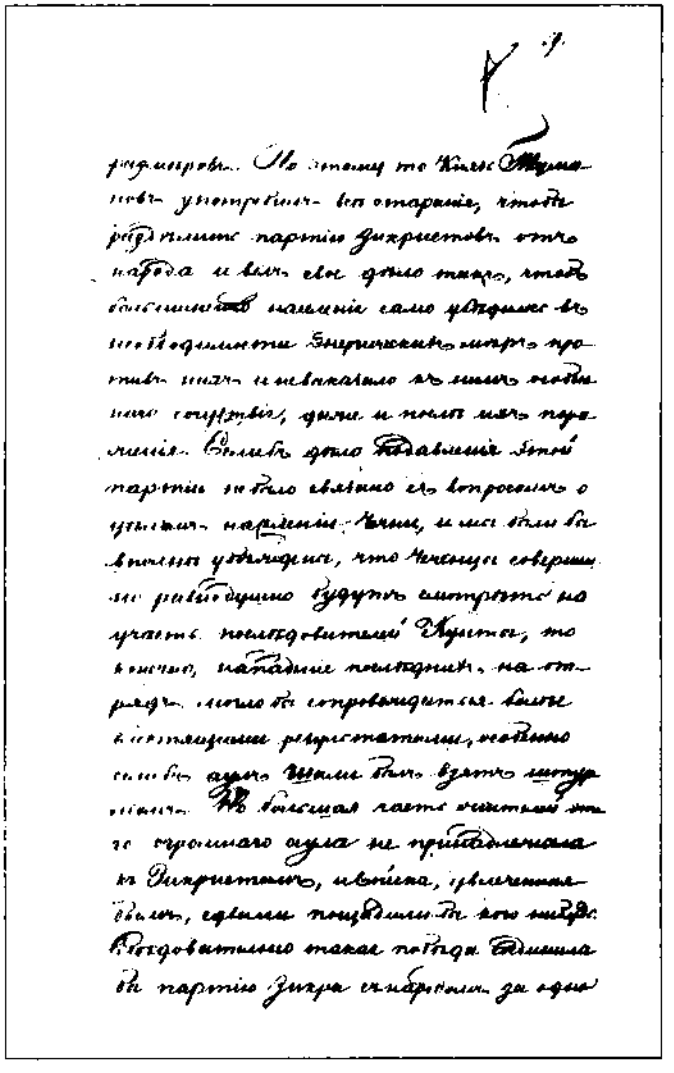

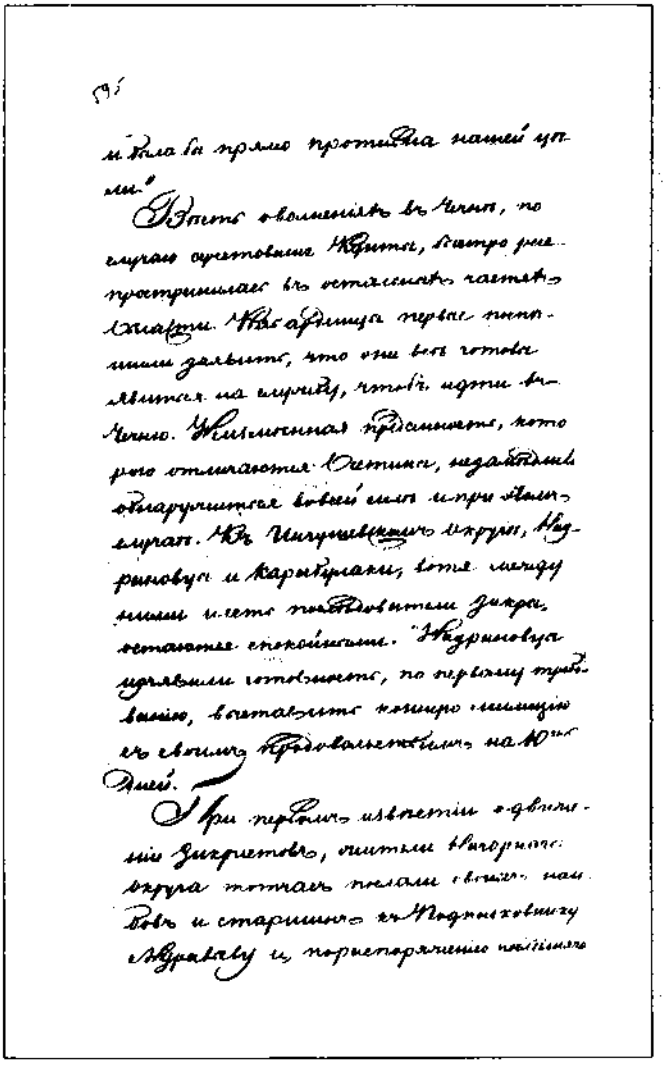
сопротивленіе и почтетъ нашихъ и
сказали имъ, что теперь они могутъ ѣхать
Князь, кто имѣетъ войско, и кого они
должны будутъ сопровождать до тѣхъ заставъ,
которые могутъ потребовать Ихъ
Высочества, что дѣло и теперь не кончено
съ Князь Одинъ, а возвратится непремѣнно
на первой выстрѣлъ со стороны нашей
стороны. Но только онъ предложилъ отправиться
нами назначенное при отдыхѣ,
они отказались въ которому, простоя
назначенную ему 1 Часъ выстрѣлы начались.

Князь не дождался выслѣдить до
трехъ часовъ ночи, Офицеръ-Мастеръ Князь Трубецкой остался здѣсь
на ночлегъ въ бывшемъ ранѣе помѣщеніи,
въ Кадетскомъ, перетворивъ батальонъ
часовъ въ ротные колонны. Здѣсь мы
ночевали, хотя Князь и объявилъ бой
съ, какъ чутая тайна Дикрета
вступила въ Шалы и направилась
на первой и правой фланъ отряда;
Отрѣшенная партія пошла на Столбой

60

...ператорским кирасирам идти впереди и помогать, чтобы [illegible] ...

...Известие об приближении Шамиля ...

...ей, а потому предписал Генерал-Лейтенанту Ларион-Мысловскому немедленно выступить в Дагестан, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Выехали собранными в отряд 4 ... в виду крайне-суровых времени и морозов ... до 20° разрешили ... довольствие по три винных порции в сутки и по 1 фунту сухарей, и сделали распоряжение в тыл, чтобы ... Терскую область теперь войска ... Дагестана, а с наступлением ... послать перевести туда 1 бригаду ... и Драгунский полк из Кубанской области, где впрочем не будет ... в таких силах как теперь находятся.

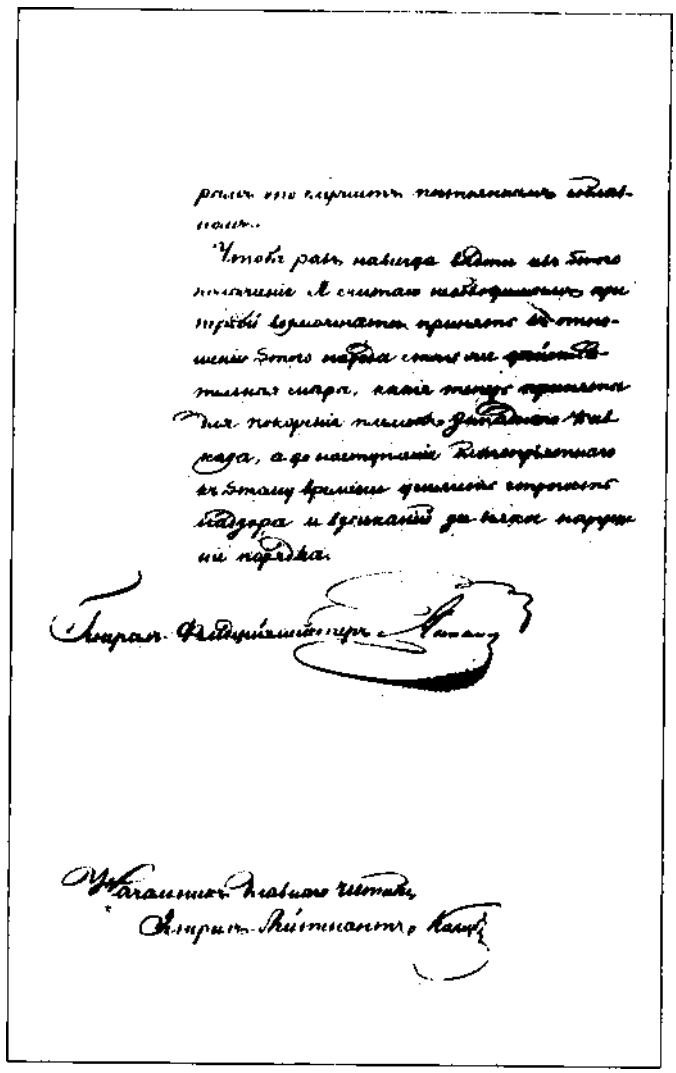
В заключение считаю долгом доложить что пока ... до тех пор, пока они остаются на настоящем ... будет дело, сами [illegible] причиною волнений и препятствием к водворению ... как в них самой так и в сопредельных ...

60

ной, а потому предписал Генерал-Лейтенанту Ларион-Мысловскому немедленно выступить в Дагестан, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

Выехали собранными в отряд 4 ... в виду крайне-суровых времени и морозов ... до 20° разрешили ... довольствие по три винных порции в сутки и по 1 фунту сухарей, и сделали распоряжение в тыл, чтобы ... Терскую область теперь войска ... Дагестана, а с наступлением ... послать перевести туда 1 бригаду ... и Драгунский полк из Кубанской области, где впрочем не будет ... в таких силах как теперь находятся.

В заключение считаю долгом доложить что пока ... до тех пор, пока они остаются на настоящем ... будет дело, сами [illegible] причиною волнений и препятствием к водворению ... как в них самой так и в сопредельных ...

Горцы, переселившиеся в Турцию, не встретили там того приема, на который они рассчитывали. Известно, что переселившиеся в 1865 г. чеченцы были недовольны тем, что турецкие власти расселяли их на неудобных и бесплодных землях. Недовольство чеченцев вылилось в открытое выступление против турецких властей, о чем стало известно и российскому командованию. Поэтому приостановка переселения в ноябре 1865 г. в связи с наступлением холодов вызвала облегчение турецких властей: "...турецкое правительство, в виду безпорядков, произведенных выселившимися в настоящем году в пределы Турции чеченцами, весьма довольно распоряжением Кавказского начальства, отклонившего, по его мнению, переселение 2500 семейств шапсугов и абадзехов" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 448. Л. 61)*.

Определенное волнение власти Кавказа начали испытывать еще с весны 1865 г., когда из Турции стали поступать сведения о том, что переселившиеся горцы высказывают желание вернуться обратно. В начале лета 1865 г. генерал-адъютант Игнатьев в частном письме директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел с тревогой сообщал, что несмотря на жесткие меры, принимаемые турецкими властями в отношении горцев, пытающихся вернуться обратно в Россию, последние тысячами бегут из турецких владений. "От турок и нельзя требовать, чтобы они бдительнее смотрели за беглецами нежели оттоманская натура дозволяет. Им не справиться с горцами, которых они стали очень побаиваться, говоря, что кровь этих необразованных людей ни куда не годится. Спрашивается к чему повело нас пресловутое переселение, если самые оборванные, голодные, нищие, хищные из них возвратятся, скроются в горах, составят шайки и снова возобновят набеги и может быть горную войну" *(ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 499. Л. 22 — 23об)*.

Чтобы не допустить возвращения горцев из Турции, российское командование усилило наблюдение за морским побережьем Кавказа, одновременно была усилена охрана сухопутной границы. На всякий случай усиливались войска, тем более что Александр II, к которому горцы собирались направить из Турции делегацию с просьбой разрешить им вернуться, на соответствующей депеше российского посла в Стамбуле генерала Игнатьева поставил резолюцию: "Об обратном переселении горцев и речи быть не может" *(Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 221)*. Начальник Терской области 18 августа 1865 г. предписал властям Чечни: "... чтобы горцы, переселившиеся в Турцию, в случае их возвращения на родину без билета Канцелярии моей, были немедленно препровождаемы за караулом во Владикавказ даже и в том случае, если бы лица эти имели при себе визированные паспорта наших консулов" *(Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону, 1925. С. 179)*. Тем не менее какой-то части горцев все же удалось вернуться обратно, Так, в течение 1866 — 1868 гг. в Чечню вернулось примерно 2100 переселенцев *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 90)*.

Разгром под Шалями и арест виднейших представителей братства Кунта-Хаджи, а также переселение значительного числа членов братства в Турцию все же не привели к его гибели. Несмотря на то, что властями был наложен строжайший запрет на деятельность зикристов и исполнение обрядов, братство кадырийского тариката продолжало существовать и активно действовать. Уже в мае 1865 г. произошли волнения в селении Харачой, которые возглавил сельский пастух Тазу Экмирзаев. И сам Тазу и его последователи были членами братства зикристов. Несмотря на то, что беспорядки были быстро подавлены, это выступление показало, что братство Кунта-Хаджи продолжает существовать и с его влиянием на чеченцев нельзя не считаться.

О том, что число последователей Кунта-Хаджи увеличивалось, говорит и то, что в начале 80-х годов из братства Кунта-Хаджи выделяются новые братства во главе которых стояли Баматгири-Хаджи (Іовда) Митаев, Чим-Мирза Таумирзаев и Батал-Хаджи Белхороев. Все они были близкими сподвижниками Кунта-Хаджи и считались его векилами. От кунтахаджинцев указанные братства отличаются только некоторыми особенностями совершения ритуала зикра. Активизация последователей кадырийского тариката, возникновение новых братств, рост авторитета таких проповедников, шейхов, как Баматгири (Іовда) Митаев, вызывало беспокойство местного начальства: "...в Чечне снова сеялись смуты, а в самое последнее время возрождение религиозно-политического учения зикристов опять едва не наделало нам хлопот" *(Максимов Е. Историко-географический и статико-экономический очерк // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 30)*. Отмечая возрождение зикризма в Чечне в 90-х годах XIX в. Г. Вертепов подчеркивает, что "...современные зикристы проповедывают религиозную общину, в которой частная собственность признается только для движимого имущества, а земля и в некоторых случаях даже рабочий скот считается достоянием общины; труд также должен быть общим, при условии права всех общинников на равную долю продуктов труда" *(Вертепов Г. Сектанство в Чечне // Записки Терского*

общества любителей казачьей старины. № 2. Владикавказ, 1914. С. 80). Увеличение числа зикристов и, в частности, кунта-хаджинцев, зафиксировал и этнограф К. Борусевич *(Борусевич К. Сектантство среди ингушей // Этнографическое обозрение. № 3. Кн. XVIII. М., 1893. С. 141*).

Усиление влияния среди чеченцев и ингушей религиозных деятелей, не отличающихся лояльностью к российским властям, серьезно тревожило местное начальство. Тем более что стали известными связи многих духовных лиц с абреческим движением, имевшим место в Чечне. Так, Баматгири-Хаджи Митаев оказывал покровительство знаменитому абреку Зелемхану. Во многом благодаря помощи религиозных братств последнему долгое время удавалось оставаться недосягаемым для полиции. В 1911 г. власти отправили в ссылку в Калугу сразу более 30 наиболее влиятельных представителей духовенства Чечни и Ингушетии, в числе которых были Баматгири-Хаджи Митаев, Сугаип-мулла Шалинский, Абдул-Азиз Шаптукаев (Докку-шейх), Батал-Хаджи Белхороев, Кана-Хаджи, Чим-Мирза Таумирзаев *(Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 104*). Лишившийся в результате этой меры поддержки братств, в 1913 г. погиб и абрек Зелемхан. Вообще, усиление репрессий в эти годы привело к тому, что в Турцию переселилось еще около тысячи чеченских семейств *(Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1991. С. 97*).

Помимо братств кадырийского тариката в Чечне и Ингушетии образовываются религиозные братства накшбандийского тариката. Самым известным шейхом накшбандийского тариката был Дени Арсанов, которого признавали своим устазом большое количество чеченцев и ингушей. Интересно, что репрессии 1911 г. не затронули лидеров накшбандийских братств. Можно предположить, что таким способом власти хотели избежать всеобщего возмущения чеченцев и ингушей, а заодно и противопоставить друг другу последователей двух тарикатов. В общем, политика "разделяй и властвуй" получала в Чечне конкретное воплощение. Несмотря на то, что тогда российским властям не удалось противопоставить друг другу чеченцев, являвшихся последователями двух разных тарикатов, но все же определенное напряжение эта политика создавала. Кстати, эта политика будет полностью продолжена и при советской власти, когда основной упор в репрессиях делался именно против кадырийских братств при одновременном относительно либеральном отношении к братствам накшбандийским. Можно предположить, что либерализм властей в отношении накшбандийских братств определялся главным образом тем, что в численном отношении они далеко уступали братствам кадырийского тариката.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1859 г., после завершения Кавказской войны, Чечня перестала быть самостоятельным субъектом мировой политики. Это не означает, конечно, что с этого момента чеченцы "выпали" из истории. Народ продолжал жить и продолжалась его история, но условия жизни были уже совершенно другие. На протяжении тысячелетий своей длительной истории чеченцы знали взлеты и падения, осваивали новые территории и, оставляя насиженные места, переселялись на новые территории, не один раз оказывались они в зависимости от более многочисленных и сильных народов. В 1859 г. для чеченцев начинался новый, и далеко не самый лучший, период их истории. Но надо признать, что этот период не был и самым худшим.

Как известно, в последние годы существования имамата Шамиля чеченцы уже не оказывали ему единодушной и всеобщей поддержки. Вместе с тем, мирные настроения среди них усиливались и теми обещаниями, которые давались командованием Кавказской армии. Вот что говорилось в официально распространяемой среди чеченцев в 1859 г. прокламации: "Прокламация чеченскому народу: объявляю вам от имени Государя Императора — 1) что правительство Русское предоставляет вам совершенно свободно исполнять навсегда веру ваших отцов; 2) что вас никогда не будут требовать в солдаты и не обратят вас в казаков; 3) даруется вам льгота на три года со дня утверждения сего акта, по истечении сего срока вы должны будете для содержания ваших народных управлений вносить по три рубля с дома. Предоставляется, однако, аульным обществам самим производить раскладку этого сбора; 4) что поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправы будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, вами самими избранными и утвержденными начальством; 5) что права каждого из вас на принадлежащее вам имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше ... Подлинную подписал главнокомандующий Кавказской армией и наместник Кавказа генерал-фельдмаршал князь Барятинский" *(цит. по: Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 12 — 13).*

В последующие годы стало ясно, что обещания, данные тогда, во многом остались невыполненными. Прежде всего речь идет о возвращении земель, отобранных для размещения казачьих станиц и военных укреплений. Без этого чеченцы как народ оказывались лишенными всяких перспектив развития, поскольку земля являлась единственным средством к существованию для подавляющего большинства их. Здесь следует искать корни тех систематических "волнений", которые постоянно происходили в Чечне.

Любому человеку трудно в одночасье переменить образ жизни и быстро и безболезненно приспособиться к новым условиям жизни. Тем более это трудно сделать целому народу. После включения в состав России чеченцам пришлось учиться жить по другим, совершенно чуждым им законам. Это тяжело само по себе, а учитывая то, в каких условиях очутились чеченцы, адаптироваться к российской действительности было тяжелее во сто крат.

Безземелье и тяжелые условия жизни были главной причиной неоднократных вооружённых выступлений чеченцев против Российской империи. Самым крупным из них, после окончания Кавказской войны, было восстание 1877 — 1878 гг. под предводительством Алибека-Хаджи Зандакского. Для подавления этого выступления, охватившего на какое-то время практически всю горную Чечню и часть равнинных селений, российскому командованию пришлось направить значительные воинские контингенты. По приговору военно-полевого суда 28 схваченных руководителей восстания были повешены. Тела их не были выданы родственникам для погребения, а были тайно захоронены.

В конце XIX и начале XX в. абреческое движение стало главной формой выражения недовольства широких слоев населения Чечни, наиболее ярким представителем которого был Зелемхан. Именно

массовая поддержка населения позволяла абрекам годами уходить от преследования властей. Известно, что для поимки Зелемхана и его "сообщников" власти предпринимали карательные экспедиции в "лучших" традициях Кавказской войны — с сожженными селениями и выселенными жителями.

Вместе с тем было бы упрощением сводить российско-чеченские отношения после завоевания Чечни к одному только противостоянию. В Чечне было немало людей, вполне приспособившихся к новым условиям и не видевших смысла в попытках изменить их. Наглядный тому пример: пока в 1877 — 1878 гг. одна часть чеченцев с оружием в руках сражалась с российскими войсками в горах Чечни, несколько тысяч таких же чеченцев отличились в боях русско-турецкой войны в составе российской армии. В Чечне появляется довольно многочисленная прослойка торговой и промышленной буржуазии (чего стоит имя только одного Тапы Чермоева, владевшего значительной частью Грозненских нефтяных промыслов). Немало чеченцев сделали государственную и военную карьеру. Чеченцев освободили от призыва в армию, но тем не менее многие из них избрали военную карьеру, например генеральские чины имели Орца Чермоев, Ирисхан Алиев. В войнах, которые вела Российская Империя, теперь постоянно участвуют добровольческие воинские формирования, укомплектованные из горцев, в том числе и чеченцев. Не имея других средств к существованию, чеченцы часто шли на войну, чтобы прокормить свои семьи или сделать военную карьеру. Чеченские кавалерийские полки отличились не только в русско-турецкой войне 1878 г., но и в русско-японской войне 1904 — 1905 гг. Чеченский полк в составе "Дикой дивизии" прошел всю Первую мировую войну, отличился во многих боях, например, участвовал в разгроме немецкой "Железной дивизии". Также формируется национальная интеллигенция, получившая европейское образование.

Но при всем при этом крайне тяжелым остается положение подавляющего большинства народа, попрежнему лишенного главного для чеченцев средства к существованию — земли. Депутат Государственной думы от Терской области А. П. Маслов в своей речи в прениях по аграрному вопросу 5 июля 1905 года отметил: "Она (Терская область) заселена казаками, туземцами и пришлыми русскими, так называемым народом иногородним. Земли все разделили между этими народностями... Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит у нас там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, например, чеченцев, — одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины. Если вы спросите у чеченца, сколько у него земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под буркой. Земля стоит дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют" *(цит. по: Г. К. Мартиросян Терская область в революции 1905 года. Владикавказ, 1929. С. 103).*

Российские власти не решали, да и не могли решить в пользу чеченцев вопрос о земле, и именно поэтому подавляющее большинство чеченцев (включая национальную интеллигенцию и буржуазию) с началом Февральской революции в России взяли курс на фактическое отделение от России. Заметим, что такого же курса придерживались и другие кавказские народы. В мае 1917 г. на I Северо-Кавказском конгрессе образован Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Центральный Комитет Союза горцев, куда вошли видные представители кавказских народов некоммунистической ориентации, взял на себя правительственные функции, создав т. н. Горское правительство. В сентябре того же года на II конгрессе Союза была принята временная Конституция нового государственного образования. Президентом первой Горской республики был чеченский миллионер, нефтепромышленник Тапа Чермоев, председателем парламента — адвокат, ингуш по национальности, Виссан-Гирей Джабагиев. Членами кабинета министров были Гайдар Баммат, Пшемахо Конев, Абдул-Рашид Катханов, Ахмет Цаликов, Алихан Кантемир, Айтек Намитов и другие. Вообще, в правительстве были представлены практически все северокавказские народы.

Несмотря на то, что на обладание властью на Северном Кавказе претендовали сразу несколько политических группировок, в том числе коммунистическая, монархическая, великодержавно-консервативные, — Горское правительство сумело первоначально утвердить себя в качестве наиболее влиятельной политической силы среди горцев. Политика Горского правительства, направленная на отделение от России и создание самостоятельного государства, шла вразрез с устремлениями практически всех действовавших на Северном Кавказе политических сил. Только если, например, белогвардейские лидеры открыто выступали против национальной независимости горцев, то коммунисты, пытавшиеся опереться на горцев в борьбе с контрреволюционными движениями, на словах ратовали за предоставление им суверенных прав вплоть до отделения от России.

Немаловажное значение имело также отношение воюющих великих держав к вопросу о создании независимого государства народов Северного Кавказа. Страны Антанты, сделавшие ставку на белогвардейское движение, сдержанно относились к этой идее, считая ее во всяком случае несвоевременной.

До самой Октябрьской революции они хотели сохранить Россию в качестве сражающегося союзника. Желание сохранить Россию в качестве противовеса еще не сломленной Германии заставляло их осторожно относиться ко всему, что происходило внутри России. Все вопросы политического и государственного устройства России они соглашались обсуждать только после окончания Первой мировой войны.

Другую позицию занимал блок государств, противостоящих Антанте, куда входила и Турция. Всеми доступными способами Германия и ее союзники стремились дестабилизировать Россию, чтобы, выведя ее из войны, получить возможность, опираясь на ресурсы захваченных на Востоке территорий, добиться перелома в войне на Западе. О связях германской разведки с большевиками уже написано немало, но ставка делалась не только на партию Ленина. Не меньшее значение придавалось национальным движениям в России, что могло привести к полному распаду государства и образованию нескольких стран, которые, как на это рассчитывали в Берлине, неизбежно оказались бы под германским протекторатом. Поэтому Германия охотно пошла на политическое признание гетмана Скоропадского на Украине, а Турция поддержала Горское правительство в его стремлении выйти из состава России. 11 мая Горское правительство объявило о полной независимости Горской республики, а 8 июня Турция заключила с новой республикой союзный договор. О признании Горской республики объявили и другие государства центрального блока *(Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 16).* Конечно, сегодня, когда известно, кто одержал победу в Первой мировой войне, можно сказать, что политическая ориентация на Турцию и Германию было ошибкой Горского правительства, которая сразу же противопоставила его странам-победительницам. Но в тех условиях другой внешнеполитической альтернативы у Горского правительства попросту не было. Союз с Турцией имел своим следствием то, что от Горского правительства поспешили дистанцироваться все другие политические движения Северного Кавказа — от белогвардейцев до коммунистов. Проходивший в Грозном с 23 по 29 мая III съезд народов Терека, где были представители всех действовавших в крае политических движений, большинством голосов осудил союз Горского правительства с Турцией *(Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Грозный, 1972. С. 34).*

Возможно, внешнеполитическая ориентация на Германию и Турцию не имела бы для первой Горской республики таких катастрофических последствий, если бы ситуация на Северном Кавказе не изменилась в пользу белогвардейского движения. Разгром противостоящих им большевиков лишил Горское правительство возможности маневрировать между этими непримиримыми противниками, а для генерала Деникина, стоявшего во главе Белого движения на Юге России, политический диалог с "горскими сепаратистами" был неприемлем. Бичераховский мятеж, вспыхнувший летом 1918 г. и сопровождавшийся ожесточенными боями между пробольшевистскими и белогвардейскими отрядами, втянул в противостояние и значительную часть горцев, которая поддержала в основном большевиков. Тем самым, часть горцев стала выходить из-под политического влияния Горского правительства. Среди прочих причин, ослабивших влияние Горского правительства на чеченцев, была и гибель в Грозном шейха Дени Арсанова. В сопровождении примерно двадцати мюридов без огнестрельного оружия он прибыл в Грозный для переговоров о прекращении огня между Грозненской станицей и чеченским селением Алды. Казачий штаб располагался в здании недалеко от Беликовского моста. Здесь и были убиты Дени Арсанов и все сопровождавшие его мюриды.

Гибель шейха радикализовала настроения среди чеченцев и во многом способствовала успеху прокоммунистической группы Асланбека Шерипова. Что касается самого А. Шерипова, который традиционно считается первым коммунистом Чечни, вряд ли он являлся таковым на самом деле. Знакомство с его статьями и текстами политических выступлений приводит к мысли, что он был скорее националистом либерального толка, поверившим, что большевики действительно готовы признать национальные права чеченцев. К тому же молодое честолюбие А. Шерипова никак не вписывалось в Горское правительство, члены которого не торопились признавать нового чеченского лидера.

Для генерала А. Деникина, чьи войска зимой 1919 г. подошли к территории Чечни, было совершенно очевидно, что чеченцы, которые собственными силами пытались захватить казачьи станицы, расположенные на отнятых у них землях, и среди которых сильно было влияние Горского правительства и "большевика Шерипова", являются одним из его основных противников на Северном Кавказе. В не меньшей степени это относилось и к ингушам, которые активно поддержали терских большевиков. В первой половине февраля 1919 г. деникинские войска заняли главные населенные пункты Терской области — Владикавказ, Грозный, казачьи станицы. После боев были захвачены и сожжены ингушские селения Долаково, Кантышево, Базоркино.

Основная часть чеченцев после вступления деникинцев была настроена одинаково враждебно и к белым войскам, и к отрядам терских большевиков. Об этом говорит тот факт, что жители Ачхой-Мартана

отказались пропустить через свои земли отступавших из Владикавказа красноармейцев, а когда те после боя под станицей Ассиновской отступили к Ачхой-Мартану, чеченцы разоружили их.

Наступление армии Деникина привело к эмиграции деятелей Горского правительства, что, однако, не означало еще безраздельного влияния сторонников союза с большевиками. Горная часть Чечни фактически находится под властью отрядов Узун-Хаджи, провозгласившего создание Северо-Кавказского эмирата. Укрывшиеся в чеченских селениях большевистские лидеры и остатки красноармейских отрядов ищут союза с ним. Такой союз действительно состоялся, и образованию его помог генерал Деникин, который предпринял широкое наступление на Чечню с целью подавить всякое брожение на Северном Кавказе, являвшемся стратегическим тылом его армии, нацеленной на Москву. В течение нескольких месяцев в Чечне происходили ожесточенные бои. Деникинцы захватили и сожгли дотла десятки чеченских селений — Алхан-Юрт, Чечен-Аул, Устар-Гардой, Гудермес, Герзель-аул, Бердыкель, Сержень-Юрт, Цацан-Юрт и другие. Не раз деникинцы терпели в Чечне поражения, например, в бою под селением Гойты 7 марта 1919 г.

В советской историографии эмират Узун-Хаджи рассматривался как реакционное, даже не как государственное, а скорее как религиозно-политическое, образование, существование в котором правительства, министерств и других органов власти носило чисто формальный характер. Однако если бы эмират Узун-Хаджи не представлял собою серьезной силы в горах Чечни, большевики не пошли на союз с ним, даже временный. Известно, что Северо-Кавказский эмират печатал собственные деньги и чеканил монеты, а главное (что было особенно важно для большевиков, отрезанных в горах Чечни и не имевших никаких собственных каналов снабжения), узун-хаджинцы получали оружие и боеприпасы из Грузинской республики, которая, усиливая их, стремилась тем самым остановить дальнейшее продвижение белогвардейцев вглубь Кавказа. Именно поэтому терские большевики не просто заключили союз с Узун-Хаджи, но и послали своих представителей (Х. Ж. Бесланеева, Н. Гикало, М. Ханиева и других) в состав правительства эмирата *(Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Грозный, 1972. С. 63).* Оправдывая союз с "идейным противником", лидер коммунистов Терской области Н. Гикало писал: "Национально-религиозное влияние Узун-Хаджи, зовущего горцев на священную войну против деникинцев, помогает преодолевать влияние чуликовых, чермоевых, алиевых и им подобных" *(цит. по: Попов А. Н. Революционная Чечня в огне сражений. Грозный. 1973. С. 66 — 67).*

Надо сказать, что, втянув свою армию в военные действия против северо-кавказских горцев, Деникин тем самым создал у себя в тылу второй фронт, который отвлекал значительные воинские контингенты от наступления на Москву. В свою очередь, контрнаступление Красной Армии еще больше активизировало горцев. Из Чечни, например, деникинцы были выбиты еще до подхода Красной Армии.

После победы коммунистов Терская область в январе 1921 г. была преобразована в Горскую советскую республику, в которую вошли современные Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия и Чечня. Горская советская республика просуществовала недолго. Практически через год после ее образования началось выделение из ее состава отдельных национальных областей: Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Чечни. В 1924 г. Горская республика ликвидируется.

Представители народов Северного Кавказа при образовании Горской советской республики заявили о признании советской власти при условии выполнения двух главных требований: во-первых, кавказские народы получат полную внутреннюю автономию, а в основу действующего среди них законодательства будут положены нормы шариата и адата; во-вторых, им будут возвращены земли, захваченные при царизме и переданные под казачьи станицы. Оба условия были приняты И. Сталиным от имени правительства Российской Федерации. Население ряда станиц было действительно выселено, а их земли переданы горцам. Вообще, большевики, которые смотрели на казачество как на враждебное их власти сословие, в течение 20-х годов включили все станицы, расположенные внутри территории расселения горцев, в состав их автономных образований. Так, в 1927 г. было принято решение о включении в состав Чеченской автономной области Сунженского округа (станицы Карабулакская, Троицкая, Нестеровская, Слепцовская, Ассиновская и принадлежавшие им земли). Вскоре последовало решение о включении в состав Чечни и города Грозного с близлежащими станицами.

Одновременно принимались меры по установлению полного политического и государственного контроля над горскими автономиями. Первый удар коммунистов в Чечне пришелся по вчерашним союзникам — представителям духовенства и руководителям религиозных братств. В 1924 г. был арестован ряд религиозных деятелей Чечни, в том числе сын шейха Баматгири-Хаджи — Али Митаев. Али Митаев, кстати, активно помогавший коммунистам в борьбе против деникинцев и оказавший большую помощь в прекращении нападений чеченцев на железнодорожную линию, проходившую через Чечню, был обвинен в создании контрреволюционного заговора и в 1925 г. расстрелян *(Умаров С. Ц. и Шамилева М. Ш.*

Мюридизм перед судом истории. Грозный, 1984. С. 15). Тогда же начались операции войск по разоружению чеченских селений.

Борьба с мусульманским духовенством на целые десятилетия стала одной из основных задач органов ГПУ в Чечне. Все чеченские селения были разбиты на "десятидворки", находившиеся под наблюдением секретных агентов. Таким образом составлялись пофамильные списки всех представителей духовенства, а также людей, выделявшихся религиозными убеждениями, или даже просто владевших арабским языком. На протяжении 20 — 30-х годов органы госбезопасности систематически подвергали арестам выявленных религиозных деятелей, значительная часть которых была расстреляна.

Репрессиям подверглись и многие из числа первых советских функционеров Чечни, в том числе и первый председатель чеченского ЦИКа — Т. Эльдарханов.

Пик репрессий в Чечне пришелся на период коллективизации и 1937 год. Точное количество жертв этого периода установить, скорее всего, никогда не удастся, но нет сомнения, что речь идет о десятках тысячах арестованных и тысячах погибших. Большое количество жертв было при ликвидации так называемого "кулачества" и подавления протестов крестьян-чеченцев против насильственной коллективизации. Наиболее массовым было выступление 1929 г., центрами которого были селения Гойты, Шали, Беной. По некоторым данным, для подавления этого выступления чеченцев были брошены силы пяти дивизий, сводные отряды Владикавказского пехотного и Краснодарского кавалерийских училищ, три артиллерийских дивизиона, два полка горных стрелков, снятых с охраны иранской и турецкой границ. Дополнительно к операции были привлечены три эскадрона войск ГПУ. Всего в Чечне в конце 20-х и начале 30-х годов было арестовано не менее 35 тысяч человек *(Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 24, 26).*

Репрессии 1937 г. охватили уже все слои населения. Так, за одну только ночь с 31 июля на 1 августа по спискам НКВД были одновременно арестовано до 14 тысяч человек, т. е. около 3 процентов общего населения Чечено-Ингушской АССР. В числе других были арестованы и расстреляны около трехсот видных религиозных деятелей Чечни. Осенью того же года были арестованы практически все чеченцы и ингуши, занимавшие посты от председателя сельсовета и выше *(Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 47, 49; Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный, 1994. С. 104).*

Подобная практика органов госбезопасности, естественно, порождала сопротивление. В Чечне оно выражалось в форме так называемого "политического бандитизма" — в труднодоступных районах действовали небольшие вооруженные группы, которые нападали на местных активистов и представителей власти. Руководители некоторых из этих групп пользовались большой известностью, например Саадулла Магомаев, который действовал на протяжении 14 лет. Интересно, что во главе этих групп были люди, не имевшие специального религиозного образования и не претендовавшие на духовную власть. Некоторые из них в свое время поддержали коммунистов в борьбе против белогвардейцев, а незадолго до Великой Отечественной войны в числе тех, кто участвовал в вооруженной борьбе, оказалось немало бывших советских функционеров, например Хасан Исраилов и Майрбек Шерипов (брат Асланбека Шерипова).

Опять-таки было бы ошибкой считать, что буквально все чеченцы боролись против советского строя. Известно немало имен чеченцев, сознательно служивших коммунистической идее, в том числе и в органах госбезопасности. Достаточно назвать Мазлака Ушаева, который отличался такой беспощадностью, что власти даже сочли необходимым на время убрать его из Чечни, — он был послан в Среднюю Азию на борьбу с басмачами. Есть, конечно, множество и не столь одиозных примеров.

Особая тема — Великая Отечественная война и последовавшая депортация чеченцев и ингушей по обвинению в массовом дезертирстве из рядов Красной Армии и сотрудничестве с немецко-фашистским командованием. Грозненский советский исследователь В. И. Филькин подсчитал, что во время войны в действующую армию было направлено не менее 18 500 чеченцев и ингушей *(Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. С. 43).* А к моменту начала войны в армии уже находилось до 9 тысяч вайнахов. Таким образом, в составе Красной Армии насчитывалось не менее 27 500 чеченцев и ингушей, или 6 процентов от всего населения. Много чеченцев и ингушей служило в гарнизоне Брестской крепости. Как установил Х. Ошаев, из двух тысяч советских солдат и офицеров, погибших при обороне цитадели и трех примыкающих к ней фортов (Кобринского, Тереспольского и Холмского), — свыше двухсот были вайнахами *(Ошаев Х. Брест — орешек огненный. Грозный, 1990. С. 9 — 11).*

С началом войны в Чечено-Ингушетии из числа добровольцев были укомплектованы и направлены в действующую армию национальные части. Х. Ошаев пишет о добровольческой кавалерийской дивизии, которая так и не попала на фронт, потому что была расформирована по требованию шефа госбезопасности

Л. Берии. Однако до конца 1942 г. в боях участвовал 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк. После больших потерь, понесенных в боях на южных подступах к Сталинграду, остатки полка были влиты в другие воинские части. Кроме 255-го полка в составе Красной Армии действовал отдельный кавалерийский эскадрон, также укомплектованный добровольцами из числа чеченцев и ингушей. Правда, А. Авторханов пишет, что отдельная кавалерийская дивизия, сформированная из чеченских и ингушских добровольцев, была брошена в бой, еще не успев даже получить полный комплект вооружения. Эта дивизия была разгромлена немцами 4 августа 1942 г. в бою под Котельниковом *(Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 56).* Тем не менее Советское правительство не рассчитывало на полную преданность чеченцев, и поэтому уже в марте 1942 г. была прекращена мобилизация чеченцев и ингушей в Красную Армию.

Что касается тех вооруженных группировок, которые действовали в чеченских горах еще до начала войны с Германией, то естественно, что с началом Великой Отечественной войны они пытались воспользоваться ситуацией с пользой для себя. Имели место и контакты отдельных групп, например того же Х. Исраилова, с немецким командованием, переброска в Чечню оружия и некоторого числа немецких диверсантов (Отто Ланге и др.). Впрочем, сброшенного оружия и прибывших диверсантов было недостаточно, чтобы сколько-нибудь серьезно поколебать советскую власть в Чечне, тем более что почти все диверсанты были быстро обезврежены органами НКВД. Лишь единицы из них сумели уйти из Чечни и, перейдя линию фронта, добраться до своих. За всю войну не было ни одной крупной диверсии на грозненских заводах или транспортных коммуникациях. Единственное, что имело место, — это стычки с отрядами госбезопасности и войск, направляемых в горные районы для поиска и уничтожения действовавших там групп "политических бандитов".

Тем не менее 23 февраля 1944 г., когда линия фронта отодвинулась уже на тысячи километров от Чечни, была проведена операция по полному выселению чеченцев и ингушей в Среднюю Азию. Всего в этой операции было задействовано более 100 тысяч солдат и офицеров внутренних войск. До выселения, а также во время его, имело место использование боевой авиации для бомбардировок горных районов. Если на равнинах выселение произошло в кратчайшие сроки (в целом за сутки) и без серьезного сопротивления и жертв, то в горных районах, где снегопады не позволяли отправить на равнину согнанных в сборные пункты людей, имели место случаи массовых убийств. Например, несколько сот человек было сожжено в горном селении Хайбаха. Есть также сведения о массовых убийствах в районе селения Макажой и озера Галанчож. Были убиты также нетранспортабельные больные чеченцы из районной больницы Урус-Мартана.

Переброска людей в Среднюю Азию железнодорожными составами сопровождалась массовой гибелью переселенцев. Не меньше было жертв и в Средней Азии, где людей часто выгружали прямо в степи. Точное количество жертв выселения неизвестно. Еще до открытия архивов госбезопасности предполагалось, что из чуть более 400 тысяч чеченцев погибло не менее 131 тысячи человек *(Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 115 — 116).* Реальные потери были выше и переселение стоило чеченцам и ингушам более 200 тысяч жизней.

До прибытия новых переселенцев в опустевшие чеченские селения были направлены студенты и не работающие на государственных предприятиях жители Грозного. Один из них позднее вспоминал: "Задача студентов заключалась в том, чтобы до прибытия переселенцев из Курской и Орловской областей держать хозяйство в порядке. Мы должны были собирать скот, кормить его, принять зерно, инвентарь и т. д. В горных аулах эту акцию провели иначе. Отсюда был эвакуирован весь скот и тогда сожгли аулы, чтобы лишить "бандитов" базы для существования. Днями можно было наблюдать в горах горящие аулы. Одновременно была объявлена амнистия для ушедших в горы, если они явятся добровольно. Фактически некоторые из них и явились, но были также выселены..." *(Цит. по Авторханов А. Убийство Чечено-Ингушского народа. (Народоубийство в СССР). М., 1991. С. 62 — 63).* В горах сумела скрыться и избежать депортации значительная часть населения. Амнистия, которая была объявлена им, означала только то, что они не будут немедленно уничтожены органами НКВД, а будут отправлены на место ссылки. Однако, как свидетельствуют документы, расквартированные в горной зоне воинские части занимались истреблением оставшегося населения. Так, представитель госбезопасности доносил из Чечни заместителю Берии Кобулову: "После выселения чеченцев и ингушей в Галанчожский район прибыли части учебного стрелкового полка майора Сайгатова для помощи государственной комиссии по сбору скота и имущества. Дислоцируясь на хуторах Галанчожского района, подразделения допустили ряд безобразных фактов нарушения революционной законности, самочинных расстрелов над оставшимися после переселения чеченками-старухами, больными, калеками, которые не могли следовать.

22 марта на хуторе Геличи Галанчожского района некоторыми курсантами этого полка были расстреляны больной Гайсултанов Изнаур, Джабалка, Демильхан, калека Гайсултанов Умар, восьмилетний мальчик. 19 апреля 1944 года этой же группой в районе хутора Геличи были расстреляны еще два неизвестных чеченца. По неуточненным данным курсанты этого же подразделения в Нашхоевском сельсовете Галанчожского района произвели самочинный расстрел больных и калек до 60 человек.

Подобные самочинные расстрелы дали возможность кадровым бандитам Анзорову Висаиту и другим проводить контрреволюционную работу среди уклонившихся от выселения и вербовок в свои ряды кадры" *(Вай арадахарх лаьцна дуьйцу архивийн документаша // Даймохк. 1992. 22 февр.).*

Ближе к осени 1944 г. из Средней Азии в Чечню были возвращены на короткое время несколько наиболее уважаемых в народе представителей духовенства, например Абдул-Хамид Яндаров, сыновья шейха Дени Арсанова и ряд других. Им удалось уговорить спуститься с гор большое число остававшихся там людей и тем самым спасти их от почти верной гибели. Эти люди также были отправлены в Среднюю Азию.

Вместе с тем, если главная задача выселения заключалась в том, чтобы лишить базы действовавшие в горах Чечни вооруженные группы противников советской власти, — то она так и осталась невыполненной. И в конце пятидесятых годов, уже к моменту возвращения из ссылки чеченцев и ингушей, в горах продолжали существовать малочисленные группы абреков. Самым известным из них был Хасуха Магомадов, которого смогли выследить и убить только в 1976 г. Впрочем, и те, кто оказался в ссылке, по свидетельству А. Солженицына, резко выделялись на фоне остальных спецпереселенцев: "Но была одна нация, которая совсем не поддалась психологии покорности — не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это — чечены... После того как их один раз предательски сдернули с места, они уже больше ни во что не верили. Они построили себе сакли — низкие, темные, жалкие, такие, что хоть пинком ноги их, кажется, разваливай. И такое же было все их ссыльное хозяйство — на один этот день, этот месяц, этот год, безо всякого скопа, запаса, дальнего умысла. Они ели, пили, молодые еще и одевались. Проходили годы — и так же ничего у них не было, как и вначале. Никакие чечены нигде не пытались угодить или понравиться начальству — но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны... Больше всего они старались устраиваться шоферами: ухаживать за мотором — не унизительно... Они могли угнать скот, обворовать дом, а иногда и просто отнять силой. Местных жителей и тех ссыльных, что так легко подчинились начальству, они расценивали почти как ту же породу. Они уважали только бунтарей.

И вот диво — все их боялись. Никто не мог помешать им так жить. И власть, уже тридцать лет владевшая этой страной, не могла их заставить уважать свои законы" *(цит. по: Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. М., 1991. С. 68).*

Чечено-Ингушская АССР была восстановлена 9 января 1957 г. и, несмотря на усилия властей, которые стремились растянуть возвращение чеченцев и ингушей по крайней мере на четыре года, в том же году вернулось 48 тысяч семей. Возвращавшиеся большими массами чеченцы оказались в трудных условиях, поскольку на родине у них не было ни жилья, ни имущества, ни работы. Компенсация за утраченное во время переселения имущество не предусматривалась; то, что было накоплено за годы ссылки, приходилось задешево распродавать перед отъездом на родину. Массовое возвращение чеченцев привело к росту напряженности в Чечне, а прибывшие сюда после 1944 г. переселенцы начинают выезжать за пределы республики. Накаленная обстановка взорвалась 24 августа 1958 г. после инцидента на бытовой почве — убийства во время драки на танцплощадке. Похороны вылились в массовые беспорядки, продолжавшиеся в Грозном в течение четырех дней. Главным лозунгом протестующего русского населения было новое выселение чеченцев и ингушей.

Несмотря на это, возвращение чеченцев и ингушей продолжилось. Духовный потенциал чеченцев, накапливаемый из поколения в поколение, был настолько велик, что даже гибель половины из них не могла подорвать жизнеспособности народа. Однако межнациональные противоречия в республике сохранялись, хотя и были основательно приглушены. Так, осталась нерешенной проблема Пригородного района, оставленного в составе Северной Осетии. В январе 1973 г. это послужило причиной многодневного митинга ингушей в центре Грозного. Но главная причина существования межнациональных трений заключалась в русификаторской политике, проводившейся весь период после восстановления республики буквально до последних лет существования СССР. Так была заложена мина замедленного действия, которая взорвалась в 1991 г., но это уже не является предметом нашего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература по истории древнейших цивилизаций

Аветисян Г. М. Государство Митанни. (Военно-политическая история в XVII — XIII вв. до н. э.). Ереван. 1984. — 130 с.

Аветисян Г. М. Государство Митанни и Армянское нагорье.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Ереван. 1978. — 19 с.

Аветисян Г. М. Хурриты на рубеже Малой Азии до установления могущества Митанни // Древний Восток. Вып. 3. Ереван. 1978. С. 5 — 24.

Антонова Е. В. К реконструкции идеологии населения древнейших городов // Город как социокультурное явление исторического процесса. М. 1995. С. 286 — 290.

Арутюнян Н. В. Биайнили. Ереван. 1970. — 474 с.

Арутюнян Н. В. Новые урартские надписи Кармир-блура. Ереван. 1966. — 104 с.

Астахишвили Э. К. Самооборона в системе управления хурритского государства Аррапхи.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Тбилиси. 1988. — 27 с.

Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду: Эпические образы в искусстве. М. 1979. — 19 с.

Афанасьева В. К. и *Дьяконов И. М.* Об основных этапах развития изобразительного искусства древнего Шумера // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 5. Л. 1961. С. 5 — 23.

Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н. Искусство древнего Востока. М. 1976. — 375 с.

Бациева С. М. Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию // Вестник древней истории. Вып. 2. М. 1953. С. 17 — 36.

Белицкий М. Забытый мир шумеров. М. 1980. — 397 с.

Библия. Современный перевод библейских текстов. М. 1997. — 1150 с.

Блэк В. Б. К интерпретации сюжетов цилиндрических печатей Передней Азии второй и первой половины I тыс. до н. э. // Проблемы развития зарубежного и русского искусства. СПб. 1995. С. 9 — 12.

Боброва Л. В. Шумерские тексты на языке эмесаль. (Историческое бытование женского языка в Шумере). : Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. СПб. 1991. — 14. с.

Вайман А. О связи протоэламской письменности с протошумерской // Вестник древней истории. Вып. 3. М. 1972. С. 124 — 132.).

Вайман А. Расшифровка двух идеограмм протошуреской письменности периода IV слоя Урука // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. 34. Л. 1972. С. 5 — 8.

Вильхельм Т. Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры. М. 1992. — 159 с.

Гиоргадзе Г. Г. Борьба хеттов за Северную Сирию в период древнего царства // Вестник древней истории. Вып. 1. М. 1964. С. 3 — 22.

Гиоргадзе Г. Г. Хетты и хурриты по древнехеттским текстам // Вестник древней истории. Вып. 1. М. 1969. С. 71 — 85.

Гордезиани Р. В. Кавказ и проблемы древнейших средиземноморских языковых и культурных взаимоотношений. Тбилиси. 1975. — 24 с.

Дарбанова Е. М. Тексты предсказаний по снам как источники для реконструкции древнемесопотамских культур.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М. 1991. — 18 с.

Демская А. А. Карасные кладовые Эребуни // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Вып. 4. М. 1968. С. 176 — 182.

Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный. 1963. — 555 с.

Джаукян Г. Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван. 1967. — 217 с.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М. 1982. — 455 с.

Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // Вестник древней истории. Вып 4. М. 1970. С. 39 — 63.

Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. Вып. 2. М. 1951. С. 255 — 356.

Дьяконов И. М. Возникновение деспотического государства в Древнем Двуречье.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени док. ист. наук. Л. 1957. — 45 с.

Дьяконов И. М. Заметки по урартской эпиграфике // Эпиграфика Востока. Вып. 4.М.1952.С.106 — 112.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М. — Л. 1956. — 485 с.

Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // Вестник древней истории. Вып. 1. М. 1952. С. 90 — 100.

Дьяконов И. М. Люди города Ура. М, 1990. — 427 с.

Дьяконов И. М. Народы Древней Передней Азии // Переднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. М. 1958. С. 5 — 71.

Дьяконов И.М. Новые данные о шумерской культуре // Вестник древней истории. Вып. 2. М. 1947. С. 104 — 113.

Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. М. 1959. 300 с.

Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории. Вып. 2. М. 1951. С. 29 — 39.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван. 1968. — 264 с.

Дьяконов И. М Урартские письма и документы. М. — Л. 1963. — 144 с.

Дьяконов И. М. Урарту и Закавказье // Всемирная история. Т. 1. М. 1955. — 748 с.

Дьяконов И. М. и Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древние Восточные этнокультурные связи. М. 1988. С. 164 — 207.

Дьяконов М. М. Языки Древней Передней Азии. М. 1967. — 492 с.

Емельянов В. В. Мифология потопа и шумерская историография // Петербургское востоковедение. Вып. 6. СПб. 1994. С. 232 — 289.

Емельянов В. В. Три этюда о Гильгамеше // Петербургское востоковедение. Вып 7. СПб. 1995. С. 113 — 146.

Иберийско-кавказские языки // Языки Древней Передней Азии. Вып. 3. М. 1979. С. 89 — 219.

Иванов В. Луна, упавшая с неба. (Древняя литература Малой Азии). М. 1977. — 317 с.

Кафадарян К. К. Новые данные по архитектуре Урарту // Советская археология. № 4. 1967. С. 237 — 247.

Клима И. Общество и культура древнего Двуречья. Прага. 1967. — 274 с.

Крамер С. Две шумерские элегии. М. 1960. — 75 с.

Крамер С. История начинается в Шумере. М. 1991. — 233 с.

Кьера Э. Они писали на глине.: Пер. с англ. М. 1984. — 135 с.

Ллойд С. Археология Месопотамии. (От древнекаменного века до персидского завоевания). М. 1984. — 280 с.

Ллойд С. Реки-близнецы.: Пер. с англ. М. 1972. — 239 с.

Лосева И. М. Искусство древней Месопотамии. М. 1946. — 95 с.

Маккуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии.: Пер. с англ. М. 1983. — 183 с.

Массон В. Первые цивилизации. Л. 1989. — 275 с.

Матвеев К. и *Сазонов А.* Земля Древнего Двуречья. (Мифы, легенды, находки и открытия). М. 1986. — 158 с.

Меликишвили Г. А. Мусасир и вопрос о древнейшем очаге Урартских племен // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л. 1948. С. 37 — 48.

Меликишвили Г. А. Наири-Урарту // Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Ч. 1. Тбилиси. 1954. — 447 с.

Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // Вестник древней истории. Вып. 4. М. 1951. С. 22 — 40.

Меликишвили Г. А. Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана // Вестник древней истории. Вып. 3. М. 1960. С. 3 — 11.

Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М. 1960. — 504 с.

Меликишвили Г. А. Урартский язык. М. 1964. — 73 с.

Мещанинов И. И. Грамматический строй урартского языка. Ч. 1. М. — Л. 1958. — 150 с.; Ч. 2. М. — Л. 1962. — 86 с.

Мещанинов И. И. Доисторический Азербайджан и урартская культура // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку. 1926. С. 5 — 15.

Мещанинов И. И. Изучение языка клинописных памятников Урарту-Биайни // Известия АН СССР. Т. XII. Вып. 3. М. 1953. С. 211 — 226.

Мифология древнего мира. М. 1977. — 455 с.

Никольский М. В. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. М. 1893. 2, 42, 37 с.

Оганесян К. Л. Архитектура Урарту. Л. 1966. — 39 с.

Оганесян К. Л. Архитектура Эребуни. Ереван. 1961. — 115 с.

Оганесян К. Л. Крепость Эребуни. (782 г. до н. э.). Ереван. 1980. — 143 с.

Оппенхейм А. Л. Древняя Месопотамия. М. 1980. — 407 с.

Перлов Б. И. Шумеро-вавилонские школы III — II тыс. до н. э.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М. 1995. — 21 с.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М. 1959. — 284 с.

Пиотровский Б. Б. Искусство Урарту. VIII — VI вв. до н. э. Л. 1962. — 125 с.

Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван. 1944. — 364 с.

Пиотровский Б. Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л. 1939. — 58 с.

Редер Д. Г. Военная демократия в странах Древнего Востока // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 14. Вып. 1. М. 1950. С. 117 — 127.

Редер Д. Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. М. 1965. — 120 с.

Рифтин А. П. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М. — Л. 1937. — 175 с.

Рубинштейн Р. И. У стен Тейшебаини. М. 1975. — 130 с.

Сальвини М. Распространение влияния государства Урарту на востоке.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Ереван. 1978. — 13 с.

Саркисян Д. М. Страна Шубриа. Ереван. 1989. — 112 с.

Софроненко К. С. Общественно-политический строй Урарту. М. 1961. — 47 с.

Струве В. В. История Древнего Востока. М. 1941. — 484 с.

Струве В. В. Очерки социально-экономической истории Древнего Востока. М. — Л. 1934. — 75 с.

Струве В. В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия государственной академии истории материальной культуры. Вып. 77. М. — Л. 1934. С. 32 — 111.

Сукиасян А. Г. Очерк истории государства и права Биайнили-Урарту. (880 — 590 гг. до н. э.). Ереван. 1975. — 70 с.

Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М. 1976. — 591 с.

Трухтанова Н. С., Ходжаш С. И., Оганесян К. Л. Росписи Эребуни // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им А. С. Пушкина. Вып. 4. М. 1968. С. 164 — 175.

Туманов К. М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис. 1913. — 117 с.

Тураев Б. А. История древнего Востока. Л. 1935. Т. 1. — 337 с.; Т. 2. Л. 1935. — 342 с.

Тураева Б. А. История Древнего Востока. Ч. 2. СПб. 1914. — 286 с.

Тюменев А. И. Государственное хозяйство Шумера. М. — Л. 1959. — 519 с.

Флитнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л. — М. 1958. — 298 с.

Флитнер Н. Д. На берегах Тигра и Евфрата. М. 1938. — 164 с.

Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М. 1961. — 207 с.

Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ереван. 1985. — 195 с.

Ходжаш С. Эребуни. Памятники урартского зодчества. М. 1979. — 167 с.

Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок.: Пер с англ. М. 1956. — 383 с.

Чивобава А. С. Введение в языкознание. Т. 1. М. 1952. — 244 с.; Т. 2. М. 1953. — 179 с.

Шарашенидзе Д. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера II пол. III тыс. до н. э. Тбилиси. 1986. — 170 с.

Шилейко В. К. Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг. 1915. — 24 с.

Шишова И. А. Религиозные культы в Месопотамии // Древний мир. М. 1962. С. 358 — 366.

Эпос о Гильгамеше. М. — Л. 1961. — 214 с.

Юсуфов Ю. Б. О некоторых этнонимах клинообразных подписей древней Месопотамии // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала. 1991. С. 47 — 54.

Якобсен В. А. Куда Гильгамеш ходил за кедрами? // Кавказско-Ближневосточный сборник. Вып. 8. Тбилиси. 1988. С. 128 — 132.

Якобсен В. А. Цари и города древней Месопотамии // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М. 1989. С. 17 — 37.

Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии.: Пер. с англ. М. 1995. — 211 с.

Янковская Н. Б. Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии (по клинописным текстам Каниша и Аррапхи). Проблемы специализации общин.: Автореф. дисс. на соиск. учен. степени док. ист. наук. Л. 1982. — 35 с.

Янковская Н. Б. Хурриты в Канише (Малая Азия XIX в. до н. э.) // Кавказско-Ближневосточный сборник. Вып 8. Тбилиси. 1988. С. 133 — 139.

Christian V. Die Herkunft der Sumeren. Wien. 1961. — 55 s.

Falkenstein A. Das Sumerische. Leiden. 1959. — 62 s.

Falkenstein A. Sumerische Gotterlider. I Teil. Heidelberg. — 149 s.

Литература по истории с рубежа нашей эры

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. — Л. 1949. — 603 с.

Абрамян А. Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван. 1964. — 95 с.

Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. М. 1991. — 80 с.

Адабуль-Марзия. (Правила достодолжных приличий). Соч. шейха Джемалэддина Казикумухского // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис. 1869. С. 2 — 48.

Адилсултанов А. Аккинцы (ауховцы) // Чеченцы: история и современность. М. 1996. С. 191 — 208.

Айдамиров А. Долгие ночи. М. 1996. — 590 с.

Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный. 1991. — 109 с.

Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи. Грозный. 1994. — 127 с.

Акопян А. А. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван. 1987. — 302 с.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1 — 12. Тифлис. 1904.

Алкадари Г. Э. Асари Дагестан. Махачкала. 1929. — 184 с.

Алиев Б. г. и *Шихсаидов Р. С.* О маршруте похода Тимура в 1395 — 1396 гг. через Дагестан // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Т. 20. Махачкала. 1970. С. 221 — 235.

Алиев И. Г. Очерк истории Антропатены. Баку. 1989. — 159 с.

Алиев К. Кавказская Албания. Баку. 1974. — 363 с.

Артамонов М. И. История хазар. Л. 1962. — 523 с.

Ахвердиев А. Ш. История хозяйства Кавказской Албании. (IV в. до н. э. — VII в. н. э.).: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Баку. 1979. — 24 с.

Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный. 1991. — 288 с.

Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. 11. Грозный. 1975. С. 57 — 66.

Ахмадов Я. З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV — XVI вв. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный. 1980. С. 165 — 168.

Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный. 1988. — 176 с.

Ахмадов Я. З. Сын Киши // Республика. 1991. 11 июля.

Ахриев Ч. О характере ингушей // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ. 1878. С. 276 — 279.

Багаев М. Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII — XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный. 1966. С. 55 — 71.

Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926. — 196 с.

Баладзори. Книга завоевания стран // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 3. Баку. 1927. С. 3 — 38.

Бартольд В. В. Дагестан // Сочинения. Т. 3. М. 1965. — 711 с.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М. 1888. — 584 с.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный. 1991. — 112 с.

Борусевич К. Сектанство среди ингушей // Этнографическое обозрение. № 3. Кн. 18. М. 1893. С. 139 — 144.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М. 1823. — 468 с.

Бузанд Фавстос. История Армении. СПб. 1883. — 97 с.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Т. 3. Ч. 1. СПб. 1869. — 548 с.

Бушуев С. К. О кавказском мюридизме // Вопросы истории. № 12. 1956. С. 72 — 79.

Быков А. А. Из истории денежного обращения в Хазарии в VII — IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. № 3. М. 1974. С. 26 — 71.

Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный. 1990. — 125 с.

Вагапов Я. С. Проблемы происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала. 1996. С. 157 — 184.

"Великий шелковый путь" и Северный Кавказ. Л. 1972. — 14 с.

Вертепов В. А. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Вып. 2. Владикавказ. 1914. С. 75 — 80.

Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный. 1980. — 168 с.

Виноградов В. Б. И слава пережила его. (Биография научного поиска) // Грозный рабочий. 1966. 19 ноября.

Виноградов В. Б. Открыт ли Семендер? // История СССР. № 4. М. 1968. С. 232 — 233.

Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М. 1966. — 168 с.

Виноградов В. Б. Через хребты веков. Грозный. 1970. — 166 с.

Виноградов В. Б. и Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещениях нахских племен // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 7. Вып. 1. Грозный. 1966. С. 42 — 88.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М. 1973. — 208 с.

Воспоминания гр. К. К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. СПб. 1911. — 123 с.

Вроцкий Н. А. Чечня как хлебный оазис // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ. 1878. С. 270 — 273.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л. 1979. — 215 с.

ал-Газали, Абу Хамид. Воскрешение наук о вере. М. 1980. — 376 с.

Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис. 1873. С. 1 — 76.

Гаджиев В. Г. и *Пикман А. М.* Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала. 1972. — 76 с.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965. — 391 с.

Гамрекели В. Н. Двалы и Двалети в I — XV вв. н. э. Тбилиси. 1961. — 153 с.

Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис. 1909. С. 1 — 164 с.

Гужуев В. Вовшашка хьовса // Даймохк. 1991. 17 июля.

Гумелев Л. Н. Хазария и Терек // Вестник Ленинградского университета. № 24. Л. 1964. С. 78 — 88.

Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ. 1893. С. 41 — 132.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50 гг. XIX в. Махачкала. 1959. — 785 с.

Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный. 1963. — 555 с.

Джахиев Г. А. Движение горцев Северного Кавказа под руководством Мансура в освещении турецкой историографии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1980. С. 52 — 60.

Дзагуров Г. А. Переселение горцев в Турцию. Ростов на-Дону. 1925. — 202 с.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб. 1871. — 454 с.; Т. 2. СПб. 1886. — 318 с.

Дубровин Н. Ф. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 4. Кн. 2. СПб. 1896. — 144 с.

Егише В. О Вардане и войне армянской. Ереван. 1971. — 192 с.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII — XIV вв. М. 1986. — 47 с.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853 — 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т 2. Ч. 1. СПб. 1908. — 642 с.

Записки путешествий академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией Наук. Т. 6. СПб. 1824. С. 1 — 546.

Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб.1879. — 424 с.; Ч. 2. — 443 с.

Зиссерман А. История Кабардинского пехотного полка. Т. 1. СПб. 1881. — 632 с.; Т. 2. — 470 с.

Ибрагимбейли Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853 — 1856 гг. и международные отношения. М. 1971. — 404 с.

Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. Владикавказ. 1910. — 223 с.

Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. 2. Вып. 3. СПб. 1914. С. 281 — 300.

Ипполитов А. Учение "зикр" и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис. 1869. С. 1 — 17.

Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный. 1974. С. 19 — 57.

Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 3. Вып. 1. Грозный. 1963. С. 128 — 152.

ал-Истахри. Книга путей царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис. 1901. С. 1 — 73.

*Каганкатваци Мойсей.*История агван" СПб. 1861. — 371 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М. 1988. — 543 с.

История народов Северного Кавказа. Конец XVIII — 1917 г. Т. 2. М. 1988. — 659 с.

История Азербайджана. Т. 1. Баку. 1958. — 423 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960. — 436 с.

Кабардино-русские отношения в XVI — XVIII вв. Т. 1. М. 1957. — 478 с.

Кавказская война // Энциклопедический словарь "Брокгауз и Ефрон". Т. 26. С. 854 — 862.

Кавказская война // Энциклопедический словарь "Гранат и К". Т. 23. С. 220 — 241.

Кавказский сборник. Т. 6. Тифлис. 1882. — 727 с.; Т. 10. Тифлис. 1886. — 607 с.

ал-Кадырийа // Ислам. Энциклопедический словарь. М. 1991. С. 126 — 127.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 8. М. 1830. — 399 с.

Каргалов В. В. На степной границе. М. 1974. — 183 с.

Карпини, Плано. История монголов. М. 1957. — 270 с.

Клавдиан, Клавдий. На Эвтропия. Книга 1 // Вестник древней истории. Вып 4. М. 1949. С. 29 — 43.

Климов Г. А. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности // Вопросы языкознания. Вып. 3. М. 1967. С. 68 — 80.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1932. — 134 с.

Колосов Л. Н. Славный Бейбулат. Грозный. 1991. — 176 с.

Комаров В. В. Персидская война. М. 1867. — 68 с.

Корольков М. Я. Шейх-Мансур Анапский. (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа) // Русская старина. № 5. СПб. 1914. С. 410 — 417.

Крикунова Е. О. и Павлова И. М. К истории взаимоотношений между Кабардою и другими народами в XVII в. // Ученые записки Кабардино-Балкарского гос. пед. института. Вып 13. Нальчик. 1957. С. 77 — 112.

Криштопа А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 1. Махачкала. 1970. С. 110 — 123.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М. 1960. — 520 с.

Крупнов Е. И. Еще раз о местонахождении города Дедякова // Славяне и Русь. М. 1968. С. 291 — 297.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М. 1962. — 137 с.

Кузнецов В. А. Алания в X — XIII вв. Орджоникидзе. 1971. — 247 с.

Кучкин В. А. Где искать ясский город Тютяков? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. 25. Орджоникидзе. 1966. С. 169 — 183.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М. 1963. — 370 с.

Лавров Л. И. Тарки до XVIII в. // Ученые записки Дагестанского института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы). Т. 4. Махачкала. 1958. С. 12 — 25.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис. 1872. С. 1 — 62.

Лысцов В. П. Персидский поход Петра I 1722 — 1723 гг. М. 1951. — 246 с.

Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала. 1994. — 165 с.

Магомедханов М. Истинные и ложные последователи тариката // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис. 1870. С. 1 — 28.

Максимов Е. Историко-географический и статико-экономический очерк // Терский сборник. Вып.3. Кн. 2. Владикавказ. 1893. С. 3 — 100.

Мамедова Ф. К вопросу об албанском (кавказском) этносе // История Азербайджана по документам и публикациям. Баку. 1990. С. 42 — 55.

Маммаев М. М. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане // Ученые записки Дагестанского института языка, истории и литературы. Т. 20. Махачкала. 1970. С. 333 — 350.

Маммаев М. М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Т. 5. Махачкала. 1974. С. 169 — 180.

Манандян Я. А. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван. 1939. — 28 с.

Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М. 1882. — 288 с.

Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякенто-хорочоевская культура. М. 1969. — 114 с.

Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. 1978. С. 120 — 129.

Мартиросян Г. К. Терская область в революции 1905 года. Владикавказ. 1929. — 10 с.

Марцеллин, Аммиан. История // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб. 1906. — 284 с.

Марченко В. Т. Хазары, монголы и Русь. М. 1993. — 33 с.

Материалы для истории русского флота. Ч. 4. СПб. 1867. — 741 с.

Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Махачкала. 1940. — 472 с.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси. 1959. — 507 с.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. — Л. 1936. — 288 с.

Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по истории Ставропольского края. Вып. 2. Ставрополь. 1964. С. 167 — 196.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X — XI веков. М. 1963. — 265 с.

Муравьев Н. Война на Кавказе в 1855 г. Т. 1. СПб. 1877. — 325 с.; Т. 2. — 401 с.

Мустафинов М. М. Зикризм и его социальная сущность. Грозный. 1975. — 46 с.

Мустафинов М. М. Современные суфийские ордена (тарикаты) в Чечено-Ингушетии // Опыт и проблемы национального и атеистического воспитания. М. 1976. С. 131 — 150.

Нахшунов И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала. 1956. — 157 с.

Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978. — 170 с.

Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис. 1870. С. 3 — 16.

Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М. 1870. — 1174 с.

Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала. 1957. — 392 с.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный. 1967. — 315 с.: Т. 2. Грозный. 1972. — 360 с.

Ошаев Х. Брест — орешек огненный. Грозный. 1990. — 139 с.

Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымом, ногаями и Турцией. 1508 — 1521 гг. // Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 11. СПб. 1884. С. 1 — 107.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л. 1941. — 172 с.

Пикман А. М. К вопросу об идейно-политической борьбе царизма с движением горцев Чечни и Дагестана (30 — 50-е годы XIX в.). М. 1969. — 17 с.

Плиний Секунд. Естественная история // Вестник древней истории. Вып 4. М. 1947. С. 142 — 152.

Плоен Ф. Исторический обзор дипломатических сношений между российскими государями и грузинскими царями и владетелями. СПб. 1861. — XCI с.

Покровский Н. И. Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. М. 1936. С. 5 — 21.

Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб. 1913. — 651 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 29. М. 1965. — 390 с.

Попов А. Н. Революционная Чечня в огне сражений. Грозный. 1973. — 152 с.

Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов. 1976. — 96 с.

Потто В. А. Два века Терского казачества. Т. 1. Владикавказ. 1912. — 117 с.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 5. Вып. 1. Тифлис. 1889. — 158 с.

Походный журнал 1722 г. СПб. 1913. — 194 с.

Птолемей Клавдий. Географическое руководство // Вестник древней истории. Вып. 2. М. 1948. С. 231 — 258.

Путешествие господина Шардена в Персию и другие восточные страны // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв. Нальчик. 1974. — 635 с.

Пчелина Е. Г. О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе // Материалы и исследования по археологии СССР. № 114. С. 152 — 161.

Рашид ад-Дин. Джамаат ат-Таварих. Т. 3. Баку. 1957. — 361 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. М. — Л. 1952. — 316 с.; Т. 2. М. — Л. 1960. — 248 с.

Римская история *Никифора Григоры*, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами // Византийские историки. Т. 6. СПб. 1962. — 564 с.

Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси. 1968. С.29 — 35.

Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана: История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. М. 1958. — 367 с.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг. 1918. — 190 с.

Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный. 1976. С. 103 — 128.

Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны. М. 1957. С. 87 — 194.

Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала. 1958. — 336 с.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М. 1979. — 247 с.

Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. № 22. М. 1947. — 132 — 166 с.

Сборник исператорского Русского исторического общества. Т. 47, 95, 137. СПб. 1867 — 1879.

Семенов Л. П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925 — 1932 годах. Грозный. 1963. — 160 с.

Серов Ф. Наездник Бейбулат Таймиев // О тех, кого называли абреками. Грозный. 1927. 37 — 51.

Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Т. 9. Орджоникидзе. 1932. С. 97 — 126.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб. 1887. — 772 с.

Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 1. М. 1950. С. 11 — 63.

Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI — XVIII в. Нальчик. 1948. — 120 с.

Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М. 1963. — 243 с.

Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Ч. 3. СПб. 1789. — 665 с.

Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря. СПб. 1763. — 380 с.

Страбон. География // Вестник древней истории. Вып. 2. М. — Л. 1949. С. 162 — 184.

ат-Табари. История пророков и царей. Ташкент. 1987. — 209 с.

ат-Тасаввуф // Ислам. Энциклопедический словарь. М. 1991. С. 225 — 231.

Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. № 15. СПб. 1856.

Тивадзе Т. Г. Иранский вопрос во внешней политике Московского государства в конце XVI и начале XVII вв.: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Тбилиси. 1966. -15 с.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М. — Л. 1941. — 564 с.

Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 9. Владикавказ. 1914. С. 65 — 81.

Трипингэм Дж. Суфийские ордены в исламе. М. 1989. — 326 с.

Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М. 1995. — 800 с.

Турчанинов Г. Ф. Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // Эпиграфика Востока. Т. 12. М. — Л. 1958. С. 48 — 51.

Умаров С. Ц. О некоторых особенностях классообразования и антифеодальной борьбы в средневековой Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии. (XVI — нач. XX в.). Грозный. 1980. С. 7 — 26.

Умаров С. Ц. и Шамилова М. Ш. Мюридизм перед судом истории. Грозный. 1984. — 48 с.

Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов // Совесткая этнография. № 6. 1978. С. 99 — 110.

Утверждение русского владычества на Кавказе / Под ред. В. Потто. Т. 3. Ч. 1. Тифлис. 1904. — 564 с.

Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960. — 398 с.

ал-Факих. Из книги о странах // Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. Тифлис. 1902. С. 4 — 57 с.

Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный. 1960. — 146 с.

Флавий Иосиф. Иудейские древности // Вестник древней истории. Вып. 4. М. 1947. С. 67 — 143.

Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М. 1961. — 262 с.

Хизриев Х. А. К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный. 1974. С. 3 — 18.

Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Известия Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный. 1974. С. 125 — 141.

ибн-Хордадби. Книга путей и царств // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис. 1903. С. I — III, 1 — 21.

Хоренский Моисей. Армянская география VII в. по Р. Х.: Пер. К. П. Патканова. СПб. 1877.

Хроника *Мухаммеда Тахира ал-Карахи* о дагестанских войнах в период Шамиля. М. — Л. 1941. — 336 с.

Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. Л. 1930. — 109 с.

Челеби Эвлия. Книга путешествий. Вып. 2. М. 1979. — 287 с.

Чеченцы: история и современность. М. 1996. — 352 с.

Чеченцы // Народы Кавказа. Т. 1. М. 1960. С. 345 — 390.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. 14. М. 1949. — 897 с.

Чокаев К. З. История раскрывает свои страницы // Ленинан некъ. 1963. 30 июля.

Шавхелашвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный. 1963. — 128 с.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. (VII — XV вв.). Махачкала. 1969. — 51 с.

Штелин Я. О черкасской и Кабардинской земле // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб. 1871. — 69 с.

Юдин П. Лжепророк Ушурма — Ших-Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. Кн. 3. Вып. 10. М. 1914. С. 215 — 219.

Юдин П. Первые казаки на Кавказском рубеже // Терские ведомости. № 4. Владикавказ. 1913.

Юдин П. Первые русские города на Тереке // Терские ведомости. № 221. Владикавказ. 1912.

Якуби. История // Материалы по истории Азербайджана. Вып. 4. Баку. 1927. С. 3 — 21.

Якут. История // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис. 1901. С. 3 — 29.

Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата. 1975. — 176 с.

Bennigsen Al. Un movement Populaire au Caucase XVIII siecie, Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 2, Volume V, April — juin, Paris. 1964. Pp. 159 — 205.

Архивные материалы

Центральный государственный военно-исторический архив:

Ф. 38 — Архив Командующего Кавказской армией.

Ф. 52 — Архив князя Г. А. Потемкина-Таврического.

Ф. 465 — Военно-учетный архив.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение . . . 3
Глава I. Тайна Древнего Шумера . . . 13
Происхождение и расселение . . . 13
Политическая история . . . 18
Структура шумерского общества . . . 31
Хозяйственная жизнь . . . 33
Духовная культура . . . 36
Глава II. Хурритские государства . . . 51
Происхождение и расселение . . . 51
Хуррито-урартские языки . . . 53
Политическая история . . . 61
Социальная структура общества, экономика . . . 74
Духовная культура, религия . . . 78
Глава III. Урарту . . . 88
Происхождение, расселение . . . 88
Политическая история . . . 90
Социальная структура урартского общества, экономика . . . 114
Материальная и духовная культура, религия . . . 128
Глава IV. В сумерках времени . . . 145
Глава V. Северо-Восточный Кавказ в период от появления ислама до монгольского завоевания . . . 189
Глава VI. В конце средневековья . . . 205
Глава VII. Чечня и Россия: период противостояния . . . 229
Глава VIII. Имамат нового учения . . . 303
Заключение . . . 349
Список использованной литературы . . . 356

О событиях в Чечне и на Кавказе в целом в период 1991-1997 годов автор расскажет в своей новой книге, которая планируется к выпуску в свет в 1998-1999 гг.

Сигаури Илесс Мутусович
“Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен”

Техническое редактирование А. Константинов
Компьютерная верстка и ретушь М. Курбатов

ЗАО ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ “РУССКАЯ ЖИЗНЬ”
135685, Москва, ул. Новолесная,д. 18, корп. 1. Тел. 176-03-95, Тел./Факс 963-49-70

Заказ № 254. Тираж 10 000

АО „Астра семь”
121019, Москва, Филипповский пер., 13.